This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 605.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.
1881.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ. Біографія. Гл. I.—**П. А. Висковатова**	1
II. ИСТОРІЯ ОДНОГО РАЗВОДА. Романъ. Часть вторая, гл. II и III.—**Н. Северина**	20
III. КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ ВЪ СИБИРИ И ЗНАЧЕНІЕ ИХЪ.—**Н. Ядринцева**	46
IV. ПОСЛѢДНЯЯ ИЗЪ КАСТЕЛЬМЕНОВЪ. Новелла **Уйда**. Перев. съ англійскаго	73
V. НОВАЯ ИРЛАНДІЯ.—**А. М. Сулливана**.—Часть первая, гл. XV и XVI. Перев. съ англійскаго	90
VI. АЛЧУЩІЕ И ЖАЖДУЩІЕ ПРАВДЫ. Очерки современнаго сектантства. Гл. I—III.—**А. С. Пругавина**	119
VII. БОЯРСКАЯ ДУМА ДРЕВНЕЙ РУСИ. Гл. XVI—XVIII.—**В. О. Ключевскаго**	148
VIII. КЕСАРЬ. Историческій романъ **Георга Эберса**.—Часть вторая, гл. III—VIII. Перев. съ нѣмецкаго	193
IX. РЖАВЧИНА.—Повѣсть.—**Т. З.**	246
X. ПОДРАЖАНІЕ СКАНДИНАВСКОМУ ПОЭТУ. Стих.—**А. Ч.**	330
XI. НАСТАСЬИНА МОГИЛА. Стих.—**Д. Н. Садовникова**	331
XII. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ВЗРОСЛЫХЪ ГРАМОТНЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ.—**Бар. Н. А. Корфа**	1
XIII. ПОЛЬСКІЯ ПИСЬМА. Письмо пятое.—**В. Р. К.**	34
XIV. ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ВЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ.—**W. F.**	42
XV. ИЗЪ БЕРЛИНА. Корреспонденція *Русской Мысли*.—**В. G.**	108
XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ:	
I. Общественное самосознаніе и народное образованіе.— Недостатокъ въ учебныхъ заведеніяхъ.— Комиссія о призрѣніи нищихъ. — Нѣсколько словъ газетѣ *Русь*.—Измѣнила ли *Русская Мысль* своему первоначальному направленію?— *Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія*. — Необходимость поддержанія основныхъ началъ великихъ преобразованій прошлаго царствованія.—**В. Г.**	121
II. По поводу закона 14 августа.—**С. Пр.**	136

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО,

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ, КНИГАМИ ОТЪ 25 ДО 35 ЛИСТОВЪ.

Открыта подписка на 1882 годъ (третій годъ изданія).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	6 мѣсяцевъ.	3 мѣсяца.	1 книга.
Безъ доставки	15 р.	8 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 »	8 » 50 »	4 » 50 »	2 » 50 »
Съ пересылк. въ другія города .	17 »	9 » — »	5 » — »	
За границу	19 »	10 » — »	7 » — »	3 » — »

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, домъ Дреземейера, въ отдѣленіи конторы—на Петровкѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, квар. № 61, и во всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ.

ЗА ПОДПИСКУ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ РЕДАКЦІЯ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 10 ч. утра до 5 ч. дня.

Подписка на 1881 годъ продолжается.

Оставшіеся экземпляры изданія прошлаго 1880 года продаются по 8 рублей, а съ пересылкой по 10 рублей за годъ.

Редакторъ **С. А. Юрьевъ.**
Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

Подписка на памятникъ Гоголю.

На памятникъ Н. В. Гоголю поступило: отъ преподавателей астраханской гимназіи 24 руб., отъ гг. Сусловыхъ 3 р., отъ г. Демидова князя Санъ-Донато 5.000 руб. Всего съ прежде поступившими 5.487 рублей. Пожертвованія высылаются на имя казначея Общества любителей россійской словесности, Виктора Александровича Гольцева (Москва, малая Бронная, домъ церкви Воскресенія). Пожертвованія принимаются также и въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

„ЗЕМСТВО“.

„**Земство**“ выходитъ по средамъ, въ объемѣ 2½—3 лист. (20—24 стр.).

Программа ЗЕМСТВА расширена отдѣломъ **судебной хроники**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ перес. и дост.	Съ перес. и дост.
На годъ	7 руб. — коп.	8 руб. — коп.
» 6 мѣсяцевъ	4 „ — „	4 „ 50 „
» 3 мѣсяца	2 „ 25 „	2 „ 50 „
» 1 мѣсяцъ	— „ 75 „	1 „ — „

Желающіе получить вышедшіе въ декабрѣ 1880 года пять выпусковъ. газеты благоволятъ выслать 60 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи—въ Москвѣ, близъ Никитскихъ воротъ, въ Скатертномъ переулкѣ, домъ Муромцевой.

Контора открыта ежедневно отъ 11 час. утра до 4 час. дня.

Редакторъ-издатель **В. Ю. Скалонъ.**

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

девятое ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ изданіе

„НАШЕГО ДРУГА“

Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ **Баронъ Н. А. Корфъ.** Учебникъ этотъ, разошедшійся въ 190 тысячахъ экземпл., былъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр., Духовно-Учебнымъ Комитетомъ, Главнымъ Комитетомъ по образованію войскъ и Военно-Ученымъ Комитетомъ. Съ нынѣшняго учебнаго года „Нашъ Другъ“ появляется въ переработанномъ и вполнѣ преобразованномъ видѣ. Онъ распадается на двѣ книги—ученическую и учительскую: **«Нашъ Другъ»** и **Руководство къ «Нашему Другу»**. Первая изъ нихъ, стоющая **65 к.**, состоитъ исключительно изъ прежнихъ пересмотрѣнныхъ и исправленныхъ 120 статей для чтенія и хрестоматіи, дополненной образцами нашихъ лучшихъ прозаиковъ. Эта книга снабжена **110 художественно исполненными рисунками** въ текстѣ не только изъ области реальныхъ знаній, но и эстетическаго характера, а также портретами многихъ достопамятныхъ людей (Петра I, Екатерины II, Александра II, Пушкина, Гоголя, Крылова, Уатта, Фультона, Дженера и др.). Что касается **Руководства къ «Нашему Другу»** (книга для учителей), то оно составляетъ томъ въ 190 страницъ самой убористой печати, къ которой отнесены всѣ бесѣды и диктовки, задачи и прочія упражненія, прежде помѣщавшіяся въ книгѣ для чтенія, а теперь выдѣленныя изъ нея и значительно дополненныя въ новой переработкѣ. Въ этомъ «Руководствѣ» помѣщены также дополненія по географіи, исторіи и статистикѣ къ статьямъ «Нашего Друга» съ историко-географическимъ описаніемъ 10 городовъ Россіи, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ историческомъ порядкѣ отъ Новгорода до Тифлиса. На каждыя 100 экземпляровъ «Нашего Друга» прилагается **безплатно** по 4 экз. «Руководства». Въ отдѣльной же продажѣ его цѣна—50 коп. Главный складъ «Нашего Друга» и «Руководства къ нему въ книжномъ магазинѣ В. А. Цвылева, (Спб., Малая Садовая, д. № 2), гдѣ находятся на коммиссіи всѣ изданія Ф. Павленкова.

Симоновичъ—Основы гигіены. Съ 2 таблиц. рисунковъ. **Цѣна 1 руб. 50 коп.**

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

„МОСКОВСКАЯ НЕДѢЛЯ“.

Издается въ Москвѣ съ 20 сентября 1881 года въ обыкновенномъ форматѣ нашихъ еженедѣльныхъ газетъ. До 1 января 1882 года выйдетъ 15 №№ газеты.

Подписка принимается только до 1 января 1882 года, т. е. на три мѣсяца.

Цѣна по 1 января 1882 г. съ доставкою въ Москвѣ или пересылкою во внутренніе города—3 рубля.

Сверхъ того редакція предполагаетъ выпускать, въ видѣ приложеній, отдѣльными выпусками: 1) романы какъ оригинальные, такъ и переводные, повѣсти и разсказы, не вошедшіе за недостаткомъ мѣста въ текстъ газеты; 2) портреты русскихъ или иностранныхъ выдающихся писателей, государственныхъ людей и дѣятелей по разнымъ отраслямъ научной или общественной жизни.

До 1 января 1882 г. редакція предполагаетъ выпустить по крайней мѣрѣ одно такое приложеніе и одинъ портретъ. Подписчикамъ эти приложенія будутъ разсылаться безъ увеличенія подписной платы. Въ розничной же продажѣ №№ съ приложеніемъ будутъ продаваться по увеличенной цѣнѣ, или же отдѣльно отъ приложеній.

Въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» находится складъ слѣдующихъ **НОВЫХЪ** изданій **КОММИССІИ ПЕЧАТАНІЯ ГРАМОТЪ и ДОГОВОРОВЪ, СОСТОЯЩЕЙ ПРИ МОСКОВСКОМЪ ГЛАВНОМЪ АРХИВѢ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.**

1. Очеркъ дѣятельности Комиссіи. Москва 1877 г. Ц. 1 р.
2. Библіотеки Моск. Г. Архива М. И. Д. реэстръ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и проч. С.-Петербургъ 1877 г. Ц. 40 к.
3. Подлинные акты, относящіеся къ Иверской Иконѣ Божіей Матери, принесенной въ Россію въ 1648 году, съ хромолитографированнымъ изображеніемъ Иконы. Москва 1879 г. Ц. 50 к.
4. Законы Іоанна III и Судебникъ Іоанна IV, съ предисловіемъ Калайдовича и Строева. Москва 1878 г. Ц. 1 руб.
5. Древнія россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, съ нотами. Изд. 3-е. Москва 1878 г. Ц. 2 р.
6. Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Московскому Гл. Архиву Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Сост. М. Пуцилло. Москва 1879 г. Ц. 75 к.
7. Обозрѣніе библіотеки того же Архива. Сост. И. Ѳ. Токмаковымъ. Ц. 30 к. Его же **Каталоги** слѣдующихъ ея отдѣловъ:
8. Славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1517 г. Ц. 75 к.
9. Рукописей, относящихся до Москвы, Московской губерніи, ихъ церквей и монастырей. Ц. 40 к.
10. Книгъ того же содержанія. Ц. 40 к.
11. Рукописей по юриспруденціи съ XIII вѣка. Ц. 30 к.
12. Книгъ того же отдѣла съ 1500 г. Ц. 75 к.
13. Дѣлъ бывшаго Аптекарскаго приказа и рукописей по медицинѣ съ XV в. Ц. 40 к.
14. Книгъ по медицинѣ. Ц. 40 к.
15. Рукописей, относящихся до Церковной Исторіи. Ц. 40 к.
16. Указатель матеріаловъ для изученія исторіи, археологіи, этнографіи и статистики Москвы. Составл. И. Ѳ. Токмаковымъ. 1880 г. Вып. I, IV—VIII. Ц. по 60 к. Вып. II и III—по 75 к.
17. Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи. Составл. В. Д. Левинскимъ и И. Ѳ. Токмаковымъ. 1881 г. Ц. 75 к.

Въ конторѣ журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Ѳедотова:

Ф. Д. Нефедова—«Очерки и разсказы». Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сыромомли) — «Избранныя стихотворенія». Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Кромѣ того: «Мессалина». Драма Пьетро Косса. Пер. въ стихахъ Ал. Аксакова. М. 1880 г. Цѣна 1 р.

Новыя стихотворенія Л. И. Пальмина. М. 1881 г. Цѣна 50 к.

Л. И. Пальмина — «Сны на яву». Собраніе стихотвореній. Изд. 2. Москва. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Подписчики *Русской Мысли* пользуются при покупкѣ этихъ изданій уступкой 20%.

КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ

Н. ПЕЧКОВСКОЙ,

ВЪ МОСКВѢ.

Пріемъ подписки и объявленій во всѣ газеты и журналы въ Россіи и за границей по цѣнамъ редакцій. Контрагентъ объявленій на уличные столбы. Спеціальная агентура и прямыя сношенія съ важнѣйшими органами русской печати. Отдѣленіе конторы журнала «Русская Мысль». На большіе заказы по объявленіямъ соотвѣтственная уступка. Единственный агентъ русскихъ и полицейскихъ вѣдомостей для заграничныхъ объявленій. Адресъ Н. Печковской: въ Москвѣ, домъ Петровскихъ торговыхъ линій, кварт. № 61.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ

LIBRARY 1905 NEW YORK

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИГА X.

МОСКВА.

1881.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дреземейеръ.
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи, кварт. № 61.

Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.

XVII. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:

Результаты выборовъ.—Вопросъ о составѣ министерства.—Настроеніе деревни.—Положеніе г. Гамбетты.—Открытіе въ Нейбургѣ памятника Дюпонъ-де-Лёръ. — Развитіе выборнаго начала. — Проектъ учрежденія земледѣльческихъ комитетовъ.—Вопросъ о несмѣняемости судей.—Тунисскія дѣла.— Конференція г. Поля Веръ.—Книга г. Догерти: «Природа и человѣкъ».—Журналы: Revue des deux Mondes, Nouvelle Revue и Revue Britannique.— W*** 164

ОПЕЧАТКИ

Сентябрьской книги:

Стран.	*Стр.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
109	3 сверху	«поддавай»	«наддавай»
145	16 снизу	шутливо	слезливо
154	14 сверху	тоже состраданія	тоже-съ страданія
173	5 снизу	рыдавшимъ	рыдающимъ
—	2 »	еще шагъ и...	еще шагъ...

Октябрьской книги:

4	19 снизу	на 8 лѣтъ старше	на 8 лѣтъ моложе
11	4 »	башней,	богиней,

ГЛАВА I.

Бабушка поэта.—Отецъ и мать.—Рожденіе Михаила Юрьевича Лермонтова.—Семейная жизнь родителей.—Смерть матери и разлука съ отцомъ.—Воспитательница Христина Осиповна Ремеръ и дѣтскія забавы.—Дѣтскія мечтанія.—Воспитаніе въ кругу товарищей и родственниковъ.—Первая поѣздка на Кавказъ.—Первая любовь.

Горячо любила Михаила Юрьевича Лермонтова воспитавшая его бабушка, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, и память о ней связана съ именемъ поэта. Не многіе изъ современниковъ любили Михаила Юрьевича какъ человѣка, даже какъ поэта,—его ставили ниже заслуженнаго имъ положенія,—а потому для насъ, по-

томковъ, безпристрастнѣе оцѣнивающихъ и душу и талантъ, дорого имя Елизаветы Алексѣевны, безъ памяти любившей славнаго своего внука.

Елизавета Алексѣевна, урожденная Столыпина, была дочь пензенскаго помѣщика Алексѣя Емельяновича Столыпина, человѣка для своего времени весьма образованнаго и развитаго, давшаго многочисленному своему семейству отличное воспитаніе. Многіе изъ членовъ этой семьи представляютъ собою людей съ недюжинными характерами, самостоятельныхъ и даровитыхъ. Сперанскій былъ съ ними въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и они поддерживали дружбу съ нимъ даже и во время его опалы, когда многіе боялись имѣть къ нему какое-либо отношеніе *).

Елизавета Алексѣевна была замужемъ за гвардіи поручикомъ Михаиломъ Васильевичемъ Арсеньевымъ, за котораго вышла уже не молодою, будучи старше мужа лѣтъ на восемь. Арсеньевъ былъ членомъ большой семьи, владѣвшей селомъ Васильевскимъ въ Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда. Женившись, Михаилъ Васильевичъ переѣхалъ съ женой въ имѣніе Тарханы, Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда. Въ Васильевскомъ оставались жить родныя сестры его, дѣвицы Варвара и Марья Васильевны, вдовая Дарья Васильевна, да четыре его брата. Бывая въ Москвѣ

---

*) Это видно изъ переписки Сперанскаго съ дочерью (см. *Р. Арх.* 1868 г.). См. книгу барона Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго", Спб. 1861 г., стр. 54, 55, 127, 131, 167, 273 и 368. Съ сыномъ Алексѣя Емельяновича, съ Аркадіемъ Алексѣевичемъ Столыпинымъ (1777—1825), бывшимъ оберъ-прокуроромъ сената, Сперанскій оставался въ дѣятельной перепискѣ (см. *Р. Арх.* 1869 года, стр. 1682 — 1708 и 1966 и дал.). Кромѣ этого Аркадія Алексѣевича (по счету втораго брата), женатаго на дочери знаменитаго графа Ник. Сем. Мордвинова, у Арсеньевой были братья: 1) старшій Александръ Алексѣевичъ—адъютантъ Суворова; 3) Дмитрій Алексѣев.—генералъ-лейтенантъ; 4) Аѳанасій Алексѣев. (род. 1788 г., ум. 1866 г.), служившій съ отличіемъ храбраго офицера въ артиллеріи; былъ саратовскимъ предводителемъ дворянства, женатъ на Устиновой, памятенъ въ Москвѣ своимъ хлѣбосольствомъ и, по увѣренію Лонгинова, былъ особенно любимъ и почитаемъ Лермонтовымъ (*Р. Стар.* 1873 г., т. VII, стр. 381); 5) Николай Алексѣев., извѣстный своею храбростью, командиръ Ямбургскаго полка („Истор. Ямб. полка", стр. 679 — 696); онъ былъ въ Севастополѣ губернаторомъ и погибъ въ 1830 году во время чумнаго возстанія, такъ-наз. „бабьяго бунта" (*Русь* 1880 г., № 3, тоже *Р. Арх.* 1868 г., стр. 1108, и *Р. Стар.* 1873 г., т. VII, стр. 566). Сестеръ у Арсеньевой было три: старшая была за Евреиновымъ, Екатерина—за Хостатовымъ и Наталья—за Григоріемъ Даниловичемъ Столыпинымъ (однофамильцемъ). Лонгиновъ ошибается, говоря (*Р. Стар.*, стр. 381 и 566), что одна изъ сестеръ была за Шанъ-Гиреемъ,—за нимъ замужемъ была племянница Арсеньевой, дочь Хостатовой — Марья Акимовна.

и перекочевывая изъ нея въ Пензенскую губернію, Арсеньевы подолгу гостили у нихъ въ Васильевскомъ.

Отъ брака этого была всего одна дочь, Марья Михайловна. Отецъ ея, по разсказамъ, умеръ неожиданно и при необыкновенныхъ обстоятельствахъ. Въ имѣніи, въ коемъ проживалъ онъ съ женой, съѣхавшіеся сосѣди затѣяли на святкахъ рядиться. Ряженые собрались въ залѣ, но вдругъ, среди общаго веселья, замѣтили, что одного изъ кавалеровъ недостаетъ. Пошли отыскивать его въ мужскую уборную и наткнулись на Михаила Васильевича, лежавшаго мертвымъ на полу, въ костюмѣ и маскѣ. Говорили, что онъ умеръ отъ удара *).

Схоронивъ мужа, съ которымъ Елизавета Алексѣевна, кажется, жила счастливо **), она всю любовь свою перенесла на дочь. По разсказамъ знавшихъ ее старушкой, Елизавета Алексѣевна была высока, стройна, со строгими, рѣшительными, но весьма симпатичными чертами лица. Важная осанка, спокойная, умная, неторопливая рѣчь подчиняли ей общество и лицъ, которымъ приходилось съ нею сталкиваться. Она держалась прямо и ходила слегка опираясь на трость, всѣмъ говорила «ты» и никогда никому не стѣснялась высказать, что считала справедливымъ. Прямой, рѣшительный характеръ ея въ болѣе молодые годы носилъ на себѣ печать повелительности и можетъ-быть отчасти деспотизма, что видно изъ отношеній ея къ мужу ея дочери, къ отцу нашего поэта. Съ годами, подъ бременемъ утратъ и испытаній, эти черты сгладились,—мягкость и теплота чувствъ осилили ихъ,—хотя строгій и повелительный видъ бабушки молодаго Михаила Юрьевича доставилъ ей имя Марѳы Посадницы среди молодежи, товарищей его по юнкерской школѣ. Въ обширномъ кругѣ ея родства и свойства именовали ее просто «бабушка» **).

*) Этотъ разсказъ слышалъ я отъ лицъ болѣе или менѣе близкихъ къ Арсеньевой. Мужъ ея похороненъ въ фамильной часовнѣ въ Тарханахъ. Надъ нимъ поставленъ памятникъ изъ мрамора, съ надписью на передней сторонѣ: „скончался 1810 года, 2 го января“; на правой: „Михаилъ Васильевичъ Арсеньевъ“; на лѣвой: „родился 1768 года, 8-го ноября“.

**) Разсказы о бабушкѣ я записалъ со словъ г-жи Гельмерсенъ, урожд. баронессы Россильонъ, мужъ которой, Александръ Петровичъ Гельмерсенъ, командовалъ пѣхотнымъ строемъ юнкеровъ школы. Онъ, за болѣзнью или за отсутствіемъ Шлиппенбаха (командиръ коннаго строя), завѣдывалъ по временамъ всею школой. Лермонтовъ, какъ ефрейторъ, по службѣ приходилъ къ нему съ рапортомъ, да и вообще былъ вхожъ въ семью, какъ многіе изъ его товарищей. Черезъ него познакомились Гельмерсены и съ Арсеньевой, часто навѣщавшей

Когда Елизавета Алексѣевна овдовѣла, дочери ея было 15 лѣтъ. И мать по-прежнему проживала съ нею то въ Москвѣ, то въ пензенскомъ имѣніи. Возвращаясь однажды изъ Москвы, мать съ дочерью заѣхали въ Васильевское къ Арсеньевымъ, да и загостились у нихъ. Съ Арсеньевыми находилась въ большой дружбѣ семья Лермонтовыхъ, жившая по сосѣдству въ имѣніи своемъ Кропотовкѣ. Она состояла изъ пяти сестеръ *) и брата Юрія Петровича, который былъ воспитанъ въ I-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Петербургѣ, а потомъ служилъ въ немъ и вышелъ въ отставку по болѣзни, въ 1811 году, съ чиномъ капитана **). Такимъ образомъ была прервана довольно успѣшная карьера 24-лѣтняго офицера. Объясняется отставка, кажется, необходимостью пріѣхать въ имѣніе и заняться хозяйствомъ, съ которымъ сестры не могли справиться.

Красивый молодой человѣкъ съ блестящими столичными пріемами произвелъ на Марью Михайловну сильное впечатлѣніе. Женское населеніе Кропотовки и Васильевскаго жарко принялось за дѣло и, къ радости, или къ неудовольстію Елизаветы Алексѣевны,

---

внука. Однажды въ обществѣ, въ квартирѣ Гельмерсена, заговорили о рѣдкихъ случаяхъ счастливаго супружества. „Я могу говорить о счастьѣ, — замѣтила бабушка Лермонтова. — Я была немолода, некрасива, когда вышла замужъ, а мужъ меня баловалъ... Я до конца была счастлива“. Одна изъ присутствовавшихъ, молодая женщина, тоже стала увѣрять, что и она весьма счастлива. —„Ты богата, молода и хороша,—ввернула бабушка, всѣмъ говорившая *ты*,— вышла замужъ за старика,—какъ же ему тебя не баловать?“ Сопоставляя числа (см. прим. 2-е), выходитъ, что Арсеньевъ, родившійся въ 1768 году, дѣйствительно былъ на 8 лѣтъ старше жены, умершей въ 1845 году, 85 лѣтъ (слѣд. род. въ 1760 году. См. то же, что разсказ. о бабушкѣ Лонгиновъ въ *Современ.* 1856 г., № 6, стр. 162).

*) Наталья, Александра, Авдотья, замужемъ за Пожогинымъ, Екатерина (потомъ вышедшая за Свиньина) и Елена, вышедшая за Петра Вас. Віолева. Г. Никольскій, въ статьѣ: „Предки М. Ю. Лермонтова“, *Р. Стар.* 1873 г., т. VII, на стр. 553, ошибочно называетъ лишь двухъ сестеръ Юрія Петровича: Екатерину и Елену, основываясь частью на показаніяхъ М. Н. Лонгинова.

**) Свѣдѣній объ Юріи Петровичѣ очень немного. Родился онъ въ 1787 г. и воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда, въ 1804 году октября 29-го, 17-ти лѣтъ отъ роду, былъ выпущенъ въ Кексгольмскій пѣхотный полкъ прапорщикомъ. Однако менѣе чѣмъ черезъ 11 мѣсяцевъ его переводятъ на службу въ только-что покинутый имъ кадетскій корпусъ, что, конечно, можетъ указывать на то, что молодой человѣкъ былъ у своего начальства на особенно хорошемъ счету. Въ 1810 году получаетъ онъ чинъ поручика, а 7-го ноября 1811 года увольняется въ отставку, по болѣзни, съ чиномъ капитана и съ мундиромъ. Во весь срокъ семилѣтней службы Лермонтовъ пользовался вниманіемъ начальства. Три раза было ему объявлено „Высочайшее удовольствіе и благодарность“ (указъ объ отставкѣ см. въ *Р. Стар.* 1873 г., т. VII, стр. 563).

молодые люди были помолвлены и Марья Михайловна пріѣхала съ матерью въ Тарханы объявленною невѣстой.

Родня Арсеньевой, кажется, не очень сочувственно отнеслась къ проектированному браку и недоброжелательно глядѣла на бѣднаго капитана, принадлежавшаго не къ родовитому ихъ кругу.

Хотя Юрій Петровичъ, какъ увидимъ ниже, и происходилъ отъ древней шотландской фамиліи, рано переселившейся въ Россію, и предки его занимали видныя должности при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, но родъ ихъ обѣднѣлъ, средства оскудѣли и самъ Юрій Петровичъ, какъ и другіе, врядъ ли зналъ хорошо свою родословную. Это можно видѣть изъ того, что сынъ его еще въ 1834 году не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о родѣ своемъ и обращался къ родственнику своему за гербовою печатью, чтобы вырѣзать ее для себя *).

Выйдя замужъ, Марья Михайловна не получила въ приданое недвижимаго и за ней считалось всего лишь 17 душъ безъ земли, вывезенныхъ покойнымъ отцомъ изъ тульской его деревни. За то мужу ея, Юрію Петровичу, предоставлено было управлять имѣніями матери, селомъ Тарханы и деревнею Михайловской. Онъ и распоряжался этими имѣніями до самой смерти жены полнымъ хозяиномъ,—«вошелъ въ домъ», по выраженію старожиловъ. Молодые выѣхали изъ Тарханъ въ Москву, когда состояніе здоровья Марьи Михайловны этого потребовало. За ними послѣдовала и Елизавета Алексѣевна.

Если отъ вокзала Николаевской желѣзной дороги въ Москвѣ ѣхать къ Краснымъ воротамъ, то на правой рукѣ, на площади, къ сторонѣ той части Садовой улицы, которая идетъ къ Сухаревой башнѣ, противъ самыхъ Красныхъ воротъ, стоитъ огромный каменный трехъэтажный домъ, съ балкономъ на углу. Въ 1814 году на этомъ мѣстѣ стоялъ домъ меньшихъ размѣровъ, который впослѣдствіи былъ расширенъ и надстроенъ. Онъ принадлежалъ тогда генералъ-майору и кавалеру Ѳедору Николаевичу Толю **). Въ этомъ-то домѣ и поселились Лермонтовы. Здѣсь у нихъ со 2-го на 3-е октября родился сынъ.

---

*) Разсказъ Ивана Николаевича Лермонтова въ *Р. Стар.* 1873 г., т. VII, стр. 393.

**) Статья Розанова—*Р. Стар.* 1873 г., т. VIII, стр. 113, и зам. Лонгинова—*Р. Стар.* т. VII, стр. 380. Домъ Толя, — говоритъ Розановъ, — перешелъ, вѣроятно, къ Бурову, потомъ къ иностранцу Пенандъ, а черезъ 6 лѣтъ къ Голикову, который и до сихъ поръ владѣетъ имъ.

Октября 11-го дня изъ бывшей патріаршей церкви «Трехъ Святителей» были приглашены для совершенія обряда крещенія протоіерей Николай Петровичъ Друговъ, дьяконъ Петръ Ѳедоровичъ, дьячокъ Яковъ Ѳедоровичъ и пономарь Алексѣй Никифоровичъ. Младенецъ нареченъ былъ Михаиломъ, въ честь дѣда съ материнской стороны. Воспріемникомъ былъ коллежскій асессоръ Ѳома Васильевичъ Хотяинцевъ, а воспріемницею бабка новорожденнаго, Елизавета Алексѣевна Арсеньева *).

Малютка и мать его были окружены всевозможными заботами. Изъ Тарханъ, уже впередъ до срока, прислали двухъ крестьянокъ съ грудными младенцами. Врачи выбрали изъ нихъ Лукерью Алексѣевну въ кормилицы къ новорожденному. Она долго потомъ жила на хлѣбахъ въ Тарханахъ и Михаилъ Юрьевичъ уже взрослымъ не разъ навѣщалъ ее тамъ, справлялся о житьѣ-бытьѣ и привозилъ подарки. Изъ Москвы Лермонтовы съ бабушкою и груд-

*) По указаніямъ Хвостовой (записки Е. А. Хвост., стр. 186), Лермонтовъ родился въ 1815 году. Это утверждаетъ и Лонгиновъ, весьма, впрочемъ, ненадежный въ своихъ показаніяхъ, что̀ не разъ будемъ имѣть случай доказать (*Р. Вѣстн.* 1860 г., № 8, стр. 383, и *Р. Стар.* 1873 г., т. VII, стр. 380). Въ *Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1867 года, № 50, помѣщена статья Прозина: „Выдержки изъ моего дорожнаго журнала". Въ статьѣ этой описывается село Тарханы и могила Лермонтова, на которой г. Прозинъ прочелъ: „Лермонтовъ родился 30 октября 1814 г." (статья эта переп. только въ выдержкахъ во многихъ изданіяхъ: *С.-Петерб. Вѣд.* 1868 г., № 19, *Одес. Вѣстн.* 1868 г., № 25, *Русск. Инвалидъ* 1868 г., № 19, какъ показываетъ г. Ефремовъ, „Соч. Лермонтова" 1873 г., т. I, стр. 390; (но я въ этомъ нумерѣ ничего не нашелъ), *Астрах. Справ. Лист.* 1868 г., № 28, *Голосъ* 1868 г., № 20, перепечаталъ статью изъ *Москвича*. Въ „Запискахъ Хвостовой", 2-е изд., 1870 г., стр. 255. Дудышкинъ (матер. къ „Соч. Лермонт." 1863 г., т. II, стр. III) и за нимъ г. Пыпинъ (изд. 1873 г., стр. XVI) замѣчаютъ, что Лермонтовъ родился 3 октября 1814 года. Описанія памятника чрезвычайно различны. Такъ, въ *Ил. Газетѣ* (1867 г., № 12) говорилось, что на памятникѣ кромѣ надписи „М. Ю. Лермонтовъ" больше ничего нѣтъ (переп. съ „Зап. Хвостов.", стр. 254). Въ *Рус. Художеств. Листкѣ* (1 марта 1862 г., № 7) помѣчено, что Лермонтовъ родился 3 октября 1814 г. По точнымъ описаніямъ г. Журавлева, памятникъ имѣетъ слѣдующую надпись. На передней сторонѣ: „Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ", на правой: „скончался 1841 г. 15 іюля", на лѣвой: „родился въ 1814 г. 3 октября". Г. Розановъ помѣстилъ въ *Р. Стар.* 1873 г., стр. 113, точную справку изъ архива московской консисторіи, въ коей говорится, что Лермонтовъ родился 2-го октября (см. метрическую выписку въ приб. I). Бабушка праздновала день рожденія Лермонтова 3-го октября, она же и поставила ему памятникъ и, конечно, не ошиблась бы. Примиряя оба свѣдѣнія, я полагаю, что Лермонтовъ родился со 2-го на 3-е октября. Крестившій Лермонтова, Н. П. Друговъ, въ свое время пользовался извѣстностью въ духовномъ мірѣ (подробная біографія въ *Душеполезномъ Чтеніи* 1866 года, кн. VI). И нынѣ священническое мѣсто при церкви Трехъ Святителей находится въ родѣ Другова.

нымъ ребенкомъ своимъ вернулись въ Тарханы и Юрій Петровичъ выѣзжалъ изъ нихъ лишь иногда, по хозяйственнымъ дѣламъ, то въ Москву, то въ тульское имѣніе *).

Супружеская жизнь Лермонтовыхъ не была особенно счастливою; скоро даже, кажется, произошелъ разрывъ или по крайней мѣрѣ сильныя недоразумѣнія между супругами. Что было причиною ихъ, при существующихъ данныхъ опредѣлить невозможно. Юрій Петровичъ охладѣлъ къ женѣ. Можетъ-быть, какъ это случается, ревнивая любовь матери къ дочкѣ, при недоброжелательствѣ къ мужу ея, усугубили недоразумѣнія между ними. Можетъ-быть распущенность помѣщичьихъ нравовъ того времени сдѣлала свое, но только въ домѣ Юрія Петровича очутилась особа, занявшая мѣсто, на которое имѣла право только жена. Если сопоставить немного сложныя извѣстія о Юріи Петровичѣ, то это былъ человѣкъ добрый, мягкій, но вспыльчивый, самодуръ, и эта вспыльчивость, при легко воспламенявшейся натурѣ, могла доводить его до суровости и подавала поводъ къ весьма грубымъ и дикимъ проявленіямъ, несовмѣстнымъ даже съ условіями порядочности **). Слѣдовавшія затѣмъ раскаяніе и сожалѣніе о случившемся не всегда были въ состояніи выкупать совершившагося, но конечно могли возбуждать глубокое сожалѣніе къ Юрію Петровичу, а такое сожалѣніе всегда близко къ симпатіи.

Немногіе помнящіе Юрія Петровича называютъ его красавцемъ, блондиномъ, сильно нравившимся женщинамъ, привлекательнымъ въ обществѣ, веселымъ собесѣдникомъ, «bon vivant», какъ называетъ его воспитатель Лермонтова, г. Зиновьевъ. Крѣпостной людъ называлъ его «добрымъ, даже очень добрымъ бариномъ». Всѣ эти качества должны были быть весьма не понутру Арсеньевой. Родъ Столыпиныхъ отличался строгимъ вы-

*) Обыкновенное предположеніе біографовъ (Дудышкинъ и за нимъ другіе), будто мать Лермонтова увезла его въ Тарханы, а отецъ оставался жить въ тульскомъ своемъ имѣніи, опровергается свѣдѣніями, собранными въ Тарханахъ. Свѣдѣніями этими я обязанъ Петру Николаевичу Журавлеву, которому приношу мою искреннюю благодарность. Ему я обязанъ данными о бабушкѣ, отцѣ и матери поэта и юности его. Разсказы старожиловъ, выписки изъ метрикъ, надписи могильныхъ памятниковъ и разныя указанія были имъ доставлены мнѣ съ готовностью и точностью, много облегчившими мои поиски.

**) Сообщенія г. Журавлева.—О Юріи Петровичѣ разсказывалъ мнѣ тоже и г. Зиновьевъ, бывшій учитель М. Ю. Лермонтова, видавшій не разъ отца поэта въ Москвѣ въ 1828, 29 и 30 годахъ.

полненіемъ принятыхъ на себя обязанностей, рыцарскимъ чувствомъ и чрезвычайною выдержкою,—черты, отличавшія потомъ друга и товарища Михаила Юрьевича, Алексѣя Аркадьевича Столыпина, извѣстнаго подъ именемъ «Монго», который въ обществѣ и среди товарищей почитался образцомъ благородства и рыцарства. Въ Юріи Петровичѣ выдержки-то именно и не было. Старожилы разсказываютъ, что между супругами Лермонтовыми вышли недобрыя столкновенія изъ-за проживавшей у Юрія Петровича особы, и что разгнѣванный Юрій Петровичъ весьма грубо обошелся съ женою. Фактъ этого грубаго обращенія былъ послѣднею каплей полыни въ супружеской жизни Лермонтовыхъ. Она разстроилась, хотя супруги, избѣгая открытой распри, по-прежнему оставались жить съ бабушкою въ Тарханахъ.

Марья Михайловна, родившаяся ребенкомъ слабымъ и болѣзненнымъ, и взрослою все еще глядѣла хрупкимъ, нервнымъ созданіемъ. Передряги съ мужемъ, конечно, не были такого свойства, чтобы благотворно подѣйствовать на организмъ Марьи Михайловны. Она стала хворать. Въ Тарханахъ долго помнили, какъ тихая, блѣдная барыня, сопровождаемая мальчикомъ-слугою, носившимъ за нею лѣкарственныя снадобья, переходила отъ одного крестьянскаго двора къ другому съ утѣшеніемъ и помощью,—помнили, какъ возилась она и съ болѣзненнымъ сыномъ. И любовь и горе выплакала она надъ его головой. Марья Михайловна была одарена душою музыкальною. Посадивъ ребенка своего себѣ на колѣни, она заигрывалась на фортепіано, а онъ, прильнувъ къ ней головкой, сидѣлъ неподвижно, звуки какъ бы потрясали его младенческую душу и слезы катились по его личику. Мать передала ему необычайную нервность свою.

Наконецъ злая чахотка, давно стоявшая на-сторожѣ, охватила слабую грудь молодой женщины. Пока она еще держалась на ногахъ, люди видѣли ее бродящею по комнатамъ господскаго дома, съ заложенными назадъ руками. Трудно бывало ей напѣвать обычную пѣсню надъ колыбелью Миши. Постучалась весна въ дверь природы, а смерть—къ Марьѣ Михайловнѣ, и она слегла. Мужъ въ это время былъ въ Москвѣ. Ему дали знать и онъ прибылъ съ докторомъ наканунѣ роковаго дня. Спасти больную нельзя было. Она скончалась на другой день по пріѣздѣ мужа. Ее схоронили возлѣ отца и на поставленномъ матерью мраморномъ памятникѣ еще и теперь читается надпись:

Подъ камнемъ симъ лежитъ тѣло
Марьи Михайловны
Лермонтовой,
урожденной Арсеньевой,
скончавшейся 1817 года, февраля 24 дня, въ субботу.
Житіе ей было 21 годъ, 11 мѣсяцевъ и 7 дней.

Что произошло между мужемъ и матерью покойной, не извѣстно, но только Юрій Петровичъ по смерти жены оставался въ Тарханахъ всего 9 дней и затѣмъ уѣхалъ къ себѣ въ Кропотовку.

Чрезъ нѣсколько времени онъ потребовалъ къ себѣ сына. Іюня 5-го Сперанскій пишетъ брату Арсеньевой, Аркадію Алексѣевичу Столыпину: «Елизавету Алексѣевну ожидаетъ крестъ новаго рода: Лермонтовъ требуетъ къ себѣ сына и едва согласился оставить еще на два года. Странный и, *говорятъ*, худой человѣкъ, таковъ по крайней мѣрѣ долженъ быть всякъ, кто Елизаветѣ Алексѣевнѣ, воплощенной кротости и терпѣнію, рѣшится дѣлать оскорбленіе» *). Разсужденіе, впрочемъ, немного странное называть желаніе отца имѣть при себѣ сына «оскорбленіемъ бабушки». Вообще отзывъ Сперанскаго, очевидно, не знавшаго лично Юрія Петровича, надо принимать осторожно. Фактъ, что Юрій Петровичъ, несмотря на свое раздраженіе противъ жены и тещи, оставляетъ сына у бабушки, скорѣе доказываетъ его мягкость. Предположить, что онъ не любилъ сына, или оставлялъ его у другихъ по равнодушію къ нему, трудно. Зачѣмъ ему въ такомъ случаѣ было требовать сына къ себѣ? Зачѣмъ сдаваться на просьбы и представленія бабушки, рѣшаясь наконецъ быть въ разлукѣ съ сыномъ еще только два года? Миша былъ тогда всего трехъ лѣтъ. Отецъ разсудилъ, что уходъ за нимъ подъ наблюденіемъ любящей его богатой бабушки будетъ лучше, нежели у него, вдовца, съ весьма ограниченными средствами. Дальше мы увидимъ, что взаимныя отношенія отца и сына были задушевныя и любящія. Со стороны чувства къ своему ребенку упрекать Юрія Петровича, кажется, нельзя.

Глубоко подавленная смертью дочери, Елизавета Алексѣевна перенесла на внука всю свою любовь и пріязнь. Она видѣла въ немъ средоточіе всего, что было отнято судьбой въ лицѣ ея мужа и потомъ дочери. Этотъ внукъ носилъ имя своего дѣда; умира-

*) *Русск. Архивъ* 1870 г., т. VIII, стр. 1136.

ющая дочь поручила ей беречь его дѣтство. Кромѣ Миши у ней никого не оставалось на свѣтѣ. Она съ нимъ старалась не разставаться. Онъ спалъ въ ея комнатѣ, она наблюдала за каждымъ его шагомъ, страшилась малѣйшаго нездоровья. Рожденный отъ слабой матери, ребенокъ былъ не изъ крѣпкихъ. Если случалось ему занемогать, то въ «дѣловой» дворовыя дѣвушки освобождались отъ работъ, и имъ наказывали молиться Богу объ исцѣленіи молодаго барина.

Приставленная со дня рожденія къ Мишѣ бонна нѣмка, Христина Осиповна Ремеръ, и теперь оставалась при немъ неотлучно. Это была женщина строгихъ правилъ, религіозная. Она внушала своему питомцу чувство любви къ ближнимъ, даже и къ тѣмъ, которые по положенію находились отъ него въ крѣпостной зависимости. Избави Богъ, если кого-либо изъ дворовыхъ онъ обзоветъ грубымъ словомъ, или оскорбитъ. Не любила этого Христина Осиповна, стыдила ребенка и заставляла его просить прощенія у обиженнаго. Вся дворня высоко чтила эту женщину, для мальчика же ея вліяніе было благодѣтельно. Всеобщее баловство и любовь дѣлали изъ него баловня, въ которомъ, несмотря на прирожденную доброту, развивался духъ своеволія и упрямства, легко, при недосмотрѣ, переходящій въ дѣтяхъ въ жестокость.

Елизавета Алексѣевна такъ любила своего внука, что для него не жалѣла ничего, ни въ чемъ ему не отказывала. Все ходило кругомъ да около Миши. Всѣ должны были угождать ему, забавлять его. Зимою устроивалась гора, на ней катали Михаила Юрьевича и вся дворня собравшись потѣшала его. Святками каждый вечеръ приходили въ барскіе покои ряженые изъ дворовыхъ, плясали, пѣли, играли, кто во что горазд. При каждомъ появленіи новаго лица Михаилъ Юрьевичъ бѣжалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ въ смежную комнату и говорилъ: «Бабушка, вотъ еще одинъ такой пришелъ!»—и ребенокъ дѣлалъ ему посильное описаніе. Всѣ, которые рядились и потѣшали Михаила Юрьевича, на время святокъ освобождались отъ урочной работы. Праздники встрѣчались съ большими приготовленіями, по старинному обычаю. Къ Пасхѣ заготовлялись крашеныя яйца въ громадномъ количествѣ. Начиная съ Свѣтлаго Воскресенья, залъ наполнялся дѣвушками, приходившими катать яйца. Михаилъ Юрьевичъ все проигрывалъ, но лишь только удавалось выиграть яйцо, то съ большою радостью бѣжалъ къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и кричалъ:

— Бабушка, я выигралъ!

— Ну, слава Богу,—отвѣчала Елизавета Алексѣевна.—Бери корзинку яицъ и играй еще.

«Ужь такъ веселились,—разсказываютъ тархановскія старушки,—такъ играли, что и передать нельзя. Какъ только она, царство ей небесное, Елизавета Алексѣевна-то, шумъ такой выносила!

«А лѣтомъ опять свои удовольствія. На Троицу и Семикъ ходили въ лѣсъ со всею дворней и Михаилъ Юрьевичъ впереди всѣхъ. Поварамъ работы было страсть,—на всѣхъ закуску готовили, всѣмъ угощеніе было».

Память о матери глубоко запала въ чуткую душу мальчика: какъ сквозь сонъ грезилась она ему; слышался милый ея голосъ. Потерявъ мать на третьемъ году, онъ хотя смутно, но все-таки помнилъ ее. Замѣчено, что такія воспоминанія могутъ западать въ душу даже съ двухлѣтняго возраста, выступая всю жизнь свѣтлыми точками изъ-за причудливаго мрака смутныхъ дѣтскихъ воспоминаній. Въ дѣтствѣ звуки пѣсни, пѣтой ему матерью, всегда доводили Лермонтова до слезъ. Позднѣе онъ никакъ не могъ вспомнить словъ ея, но утверждалъ, что еслибъ услыхалъ эту пѣснь, она произвела бы на него прежнее дѣйствіе *). Окруженный заботами и ласками, мальчикъ росъ баловнемъ среди женскаго элемента, кажется, исключительно его окружавшаго; то были тетушки и кузины—родня бабушки.

Фантазія его рано была пробуждена. Если ему и не пришлось слышать русскихъ народныхъ сказокъ, о чемъ онъ такъ сожалѣлъ позднѣе **), то все же голова ребенка полна была образовъ изъ рыцарскаго и фантастическаго міра.

Тогдашнее романтическое направленіе нѣмецкой литературы уже давало себя знать, и не мудрено, что его «мамушка», какъ онъ называлъ свою бонну-нѣмку, не мало передала ему разсказовъ, которые наполнили собою юную головку.

Рано уже полюбилъ мальчикъ часами глядѣть на луну, слѣдить за разновидными облаками, воображать въ нихъ рыцарей въ шлемахъ, окружающихъ чудесное свѣтило. Представлялось оно ему башней, плавно идущей въ свой волшебный замокъ, сопровождаемый дружиной вѣрныхъ защитниковъ отъ опасныхъ

*) „Соч. Лермонтова“, т. II, стр. 613.

**) Тамъ же, стр. 498.

враговъ—великановъ, карловъ и безобразныхъ драконовъ и чудовищъ *).

Во «второмъ отрывкѣ изъ неоконченной повѣсти»**), имѣющей, какъ и все почти писанное Лермонтовымъ, автобіографическое значеніе, изображается развитіе характера мальчика—Саши Арбенина. Уже самое имя Арбенина, столь часто встрѣчающееся въ разнородныхъ сочиненіяхъ Лермонтова и всегда являющееся какъ бы прототипомъ свойствъ самого автора, даетъ намъ право видѣть въ главныхъ чертахъ Саши разсказъ взятый изъ исторіи дѣтскаго развитія самого Михаила Юрьевича. Саша Арбенинъ живетъ въ деревнѣ, окруженный женскимъ элементомъ, подъ руководствомъ няни. Няня эта завѣдуетъ хозяйствомъ и съ нею странствуетъ Саша по дѣвичьимъ, или же дѣвушки приходятъ въ дѣтскую. «Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали на-перерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами храбрости и картинами мрачными и понятіями противуобщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство ужь волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣніемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ какое направленіе принялъ бы его характеръ, еслибы не пришла на помощъ корь—болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи; онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ножки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и еслибъ онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно отправился бы на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла важныя

*) «Соч. Лерм.», т. II, стр. 613.
**) Тамъ же, т. I, стр. 435.

слѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но, увы, никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватывалъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грёзами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури».

Для рано образовавшагося внутренняго, душевнаго міра поэта мальчикъ не находилъ выраженія и, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сила фантазіи и общенія мысли устремилась на явленія природы. Дѣтская душа, какъ душа младенчествующихъ народовъ, тѣсно примыкаетъ къ природѣ и, сама уходя въ нее, въ то же время привлекаетъ ее къ себѣ, олицетворяетъ, индивидуализируетъ. Поэтому-то въ памяти особенно даровитыхъ людей на всю жизнь сохраняются поразившія ихъ фантазію картины природы. Только позднѣе умъ начинаетъ интересоваться человѣкомъ, и мы увидимъ, какъ Лермонтовъ, даже и въ поэзіи своей, долго сохраняетъ интересъ къ звѣздамъ, тучамъ, въ особенности ко всѣмъ величественнымъ, мрачнымъ или привѣтнымъ, явленіямъ природы и черезъ нихъ знакомитъ насъ съ состояніемъ души своей.

Воображеніе мальчика Лермонтова рано наполняли видѣнія во снѣ и на яву. Еще въ 1830 году вспоминаетъ онъ сонъ, который видѣлъ восьми лѣтъ и который сильно подѣйствовалъ на его душу *). Вспоминаетъ онъ, какъ въ тѣ же годы случилось ему однажды ѣхать куда-то въ грозу и какъ передъ нимъ быстро неслось по небу небольшое облако, «какъ бы оторванный клочокъ чернаго плаща», и долго въ памяти поэта живетъ то грозное небо съ клочкомъ мрачной, словно бѣдою чреватой, тучи.

Какъ Саша Арбенинъ, Лермонтовъ въ дѣтствѣ перенесъ трудную и продолжительную болѣзнь. Онъ вообще былъ весьма золо-

*) Тамъ же, т. II, стр. 613.

тушнымъ ребенкомъ, страдалъ худосочіемъ [1]), и этому-то, между прочимъ, приписывала бабушка оставшуюся на всю жизнь кривизну ногъ своего внука. Желаніе искоренить слѣды этой болѣзни и вообще поправить слабый организмъ Мишеля, какъ бабушка называла Лермонтова, побудило ее взять его на десятомъ году на кавказскія воды.

Хотя Арсеньева и не ладила съ своимъ зятемъ, но она не совершенно прекратила отношенія съ нимъ и семьей его. Въ 1825 году, когда бабушка повезла внука на кавказскія воды, ее сопровождалъ г. Пожогинъ, женатый на родной теткѣ Михаила Юрьевича, на Авдотьѣ Петровнѣ Лермонтовой [2]). Что Лермонтовъ ребенкомъ бывалъ въ имѣніи отца, видно изъ приписки къ стихотворенію его «Геній» [3]), гдѣ онъ упоминаетъ, что въ 1827 году пребывалъ въ ефремовской деревнѣ.

Когда Михаилъ Юрьевичъ подросъ и вступилъ въ отроческій возрастъ,—разсказываютъ старожилы села Тархановъ,—были ему набраны однолѣтки изъ дворовыхъ мальчиковъ, обмундированы въ военное платье, и дѣлалъ имъ Михаилъ Юрьевичъ ученіе, игралъ въ воинскія игры, въ войну и разбойниковъ. Товарищами были ему также родственники, жившіе по сосѣдству съ Тарханами, въ имѣніи Апалихѣ [4]), принадлежавшемъ племянницѣ Арсеньевой, Маріѣ Акимовнѣ Шанъ-Гирей. У нея были дѣти: дочь Екатерина и три сына, старшій изъ коихъ, Акимъ Павловичъ, воспитывался съ Мишей и всю жизнь оставался съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Близость мѣста жительства ежедневно

---

[1]) Въ дѣтствѣ на немъ постоянно показывалась сыпь, мокрыя струпья, такъ что сорочка прилипала къ тѣлу и мальчика много кормили сѣрнымъ цвѣтомъ,—такъ разсказываютъ въ Тарханахъ. Е. А. Арсеньева въ разговорахъ съ г-жею Гельмерсенъ тоже говорила о болѣзненности Лермонтова въ дѣтствѣ и указывала на нѣкоторую кривизну ногъ, какъ на слѣдствіе ея. Эта болѣзненность побудила бабушку везти внука на сѣрныя кавказскія воды.

[2]) См. прим. 1-е на стран. 4 и 6.

[3]) «Соч. Лермонт.», т. II, стр. 609.

[4]) Въ «Сочинен. Лермонтова», въ письмѣ его къ теткѣ (т. I, стр. 507), невѣрно напечатано *Анамиха*. Должно быть въ рукописи *п* принято за *н*. Апалиха принадлежала прежде Савеловымъ, отъ нихъ было куплено Екатериною Алексѣевной Хостатовой, урожд. Столыпиной (сестрою Арсеньевой), и затѣмъ отдано было въ приданое дочери ея, Маріѣ Акимовнѣ, при выдачѣ ея замужъ за Шанъ-Гирея. Дѣти Шанъ-Гирея, воспитывавшіяся съ Михаиломъ Юрьевичемъ, продали это имѣніе и теперь оно принадлежитъ гг. Щетинину и Орлову. Есть еще имѣніе «Абалиха» Саратовской губерніи, Петровскаго уѣзда, принадлежавшее Натальѣ Алексѣевнѣ Столыпиной, или вѣрнѣе мужу ея, Григорію Даниловичу Столыпину (см. пр. на 2 стран.).

сводила дѣтей, учившихся у однихъ и тѣхъ же наставниковъ. Поступивъ въ университетскій пансіонъ, Лермонтовъ еще долго остается въ перепискѣ съ родною семьей и, говоря о занятіяхъ своихъ въ Москвѣ, даетъ совѣты относительно занятій прежняго своего товарища и троюроднаго брата... «Заставьте пожалуйста Акима рисовать контуры,—пишетъ онъ.—Мой учитель говоритъ, что я еще буду ихъ рисовать съ полгода» *).

Въ Тарханахъ и Апалихѣ Миша дѣлилъ съ своими родственниками-сверстниками какъ часы занятій, такъ и досуга. Кромѣ Шанъ-Гирей, въ Тарханахъ года два воспитывались двоюродные братья со стороны отца, Николай и Михаилъ (?) Антоновичи Пожогины. Елизавета Алексѣевна не щадила ничего для своего внука; она создала ему цѣлую обстановку, и какъ только убѣдилась, что для успѣшнаго воспитанія необходимы товарищи, окружила ими Мишеля. На воспитаніе внука она тратила до пяти тысячъ рублей и указывала отцу на эту сумму, тратить которую на воспитаніе сына онъ не былъ бы въ состояніи. Вниманіе воспитателей было обращено тоже и на развитіе эстетическаго вкуса въ питомцѣ. Кажется, одною изъ любимыхъ забавъ мальчика было занятіе театромъ маріонетокъ, въ то время весьма распространеннымъ. Еще изъ Москвы Лермонтовъ проситъ тетку выслать ему «воску», потому что и въ Москвѣ онъ «дѣлаетъ театръ, который довольно хорошо выходитъ и гдѣ будутъ играть восковыя фигуры».

Желая поправить здоровье внука, бабушка рѣшилась свезти его на кавказскія воды. Это было въ 1825 году, когда Мишѣ пошелъ одиннадцатый годъ. Поѣхали многочисленнымъ обществомъ. Бабушка, кузины Столыпины, Пожогинъ, докторъ Анзельмъ Левисъ, учитель Иванъ Капъ и гувернантка Христина Ремеръ **)— все это сопровождало Мишу.

*) Письмо къ теткѣ (т. I, стр. 505), очевидно писано къ матери Акима и Катюши, къ Марьѣ Акимовнѣ Шанъ-Гирей, или же къ бабушкѣ ихъ, къ Хостатовой, въ Анапу. Что Лермонтовъ Марью Акимовну могъ назвать тетушкой, при разницѣ лѣтъ не удивительно, тѣмъ болѣе, что ея дѣтей онъ называлъ двоюродными братьями и сестрами. Писано оно въ 1828 г. или въ 27, а ужь никакъ не въ 26 г., какъ предполагаетъ издатель. Изъ письма видно, что Лермонтовъ учился въ Москвѣ, вѣроятно готовясь поступить въ университетскій пансіонъ. Онъ говоритъ объ оперѣ «Невидимкѣ», видѣнной имъ въ Москвѣ еще 8 лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ если письмо писано въ 1826 г., то Лермонтовъ ее видѣлъ 4-хъ лѣтнимъ мальчикомъ. Сомнительно, чтобы мальчика, которому едва минуло 4 года, вывозили въ оперу.

**) Лонгиновъ, *Р. Стар.* 1873 г., т. VII, стр. 381, и *Современ.* 1856 г., стр.

Пріѣхали въ началѣ лѣта въ Пятигорскъ, гдѣ съѣхались съ сестрою Арсеньевой, Екатериной Алексѣевной Хостатовой, имѣвшей неподалеку прекрасное имѣніе.

Въ головкѣ мальчика тогда бродило уже многое. Чуткій ко всѣмъ явленіямъ природы, почерпая изъ нихъ нескончаемый матеріалъ для жизни фантазіи, Лермонтовъ не могъ не поддаться обаянію величественнаго Кавказа. Впечатлѣнія эти коснулись отзывчивой души мальчика и вызвали новый міръ жизни и любви. Вотъ тутъ-то встрѣтился онъ съ образомъ ребенка-дѣвушки, вызвавшей первую весеннюю грозу души и глубоко и надолго запавшей въ память мальчика. Она была немногимъ моложе Лермонтова, лѣтъ девяти. Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрыя, непринужденныя движенія *), а надъ нею синее южное небо, упирающееся въ сѣдыя вершины кавказскихъ ледниковъ, ниже хребты горъ, одѣтые причудливыми облаками, а вблизи шумъ воды, бѣгущей межъ скалъ по каменьямъ; вокругъ пышная зелень въ блескѣ теплыхъ лучей иль облитая румянымъ закатомъ. Долго потомъ вспоминалъ мальчикъ-поэтъ этотъ Кавказъ и время первой съ нимъ встрѣчи, время перваго пробужденія души, и шестнадцатилѣтнимъ юношей въ тетрадяхъ своихъ, въ которыхъ онъ изливалъ всѣ чувства свои въ стихотворной формѣ, онъ, вспоминая и славя Кавказъ, какъ будто не въ силахъ найти подходящую риѳму и ладъ, пишетъ ему диѳирамбъ стихотворною прозой.

«Синія горы Кавказа, привѣтствую васъ! Вы взлелѣяли дѣтство мое, вы носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ; облаками меня одѣвали; вы къ небу меня пріучили, и я съ той поры все мечтаю о васъ да о небѣ. Престолы природы, съ которыхъ какъ дымъ улетаютъ громовыя тучи! Кто разъ лишь на вашихъ вершинахъ Творцу помолился, тотъ жизнь презираетъ, хотя-бъ въ то мгновенье гордился онъ ею.

162, „Сочин. Лермонтова“ т. II, стр. 612. Въ *Отеч. Запискахъ* Свиньина (августъ 1825 г., № 64) помѣщенъ списокъ посѣтителей кавказскихъ минеральныхъ водъ по іюль. Тамъ на стр. 260, подъ №№ 56—62, показано: „Столыпины: Марья, Агаѳья и Варвара Александровны, коллежскаго асессора Столыпина дочери, изъ Пензы.—Арсеньева Е. А., вдова поручика, изъ Пензы; при ней внукъ ея Михайло Лермонтовъ, родственникъ ея Михайло Пожогинъ, докторъ Ансельмъ Левизъ, учитель Иванъ Капъ, гувернантка Христина Ремеръ“. Упомянутыя Столыпины были дочерьми старшаго брата Арсеньевой, жившаго большею частью въ Симбирскѣ.

*) «Соч. Лерм.», т. II, стр. 612.

«Часто во время зари я глядѣлъ на снѣга и далекія льдины утесовъ: они такъ сіяли въ лучахъ восходящаго солнца, въ розовый блескъ одѣваясь...

«Воздухъ же чистъ, какъ молитва ребенка...» *).

Едва ли къ чему-либо или къ кому-либо такъ пристрастилось сердце Лермонтова, какъ къ Кавказу. На него онъ излилъ всю свою любовь, имъ онъ жилъ и дышалъ. Кавказъ открылъ ему свои объятья, величественныя какъ душа поэта, и объятья эти замѣнили ему ласки рано умершей матери, отражали «пару божественныхъ» для него глазъ женщины, которую онъ полюбилъ позднѣе, и эта женщина была ребенокъ, съ которымъ онъ столкнулся на Кавказѣ случайно и послѣ всю жизнь уже не встрѣчалъ.

Въ тѣхъ же черновыхъ тетрадяхъ, черезъ нѣсколько страницъ послѣ выписаннаго стихотворно-прозаическаго воззванія къ Кавказу, находится и другое стихотвореніе, посвященное ему же:

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ!
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.
Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.
Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ—
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ.

И опять черезъ нѣсколько страницъ въ тѣхъ же тетрадяхъ, ночью 8-го іюля 1830 года, Лермонтовъ вспоминаетъ о первомъ своемъ пребываніи на Кавказѣ и о первомъ пробужденіи души своей:

«Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?... Мы были большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушка, кузины. Къ моимъ кузинамъ прихо-

*) „Соч. Лерм.“, т. II, стр. 610.

дила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти; я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она, или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая, это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ. И такъ рано!... Надо мною смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины, желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату, не хотѣлъ говорить о ней и убѣгалъ, слыша ея названіе (теперь я забылъ его), какъ бы страшась, чтобы біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда... И понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ: можетъ-быть спросятъ и меня, какъ я помню, когда они забыли; или тогда эти люди, внимая мой разсказъ, подумаютъ, что я брежу, не повѣрятъ ея существованію, а это было бы мнѣ больно... Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность... Нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда не любилъ, какъ въ тотъ разъ.—Горы кавказскія для меня священны... И такъ рано, въ 10 лѣтъ!... Эта загадка, этотъ потерянный рай—до могилы будетъ терзать мой умъ. Иногда мнѣ странно—и я готовъ смѣяться надъ этою страстію, но чаще плакать.—Говорятъ (Байронъ), что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить священныя искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки» *).

По возвращеніи съ Кавказа бабушка со внукомъ вновь поселились въ Тарханахъ. Это село въ разстояніи 120 верстъ отъ Пензы, верстахъ въ 12-ти отъ Чембаръ, уѣзднаго городка въ 3.000 жителей, въ близкомъ разстояніи отъ большаго села Крюковки. Едва выѣдешь изъ села этого, какъ въ сторонѣ покажется нѣсколько избъ среди густой зелени окружающихъ деревьевъ. Надъ ними высится скромный шпицъ сельской колокольни. Это—Тарханы. Барскій домъ, одноэтажный съ мезониномъ, окруженъ былъ службами и строеніями. По другую сторону господскаго

*) Тамъ же, т. II, стр. 612.

дома раскинулся роскошный садъ, расположенный на полу-горѣ. Кусты сирени, жасмина и розановъ клумбами окаймляли цвѣтникъ, отъ котораго въ глубь сада шли тѣнистыя аллеи. Одна изъ нихъ, обсаженная акаціями, сросшимися наверху настоящимъ сводомъ, вела подъ гору къ пруду. Съ полугорья открывался видъ въ село съ церковью, а дальше тянулись поля, уходя въ синюю глубь тумана. Здѣсь мечталъ своею дѣтскою душой пробужденный мальчикъ. Здѣсь переживалъ онъ вынесенныя впечатлѣнія и лелѣялъ мечты о дѣвочкѣ-ребенкѣ, изъ которой слагался образъ чудеснаго созданія, молодой идеалъ юношеской фантазіи.

Образъ дѣвушки этой уже не оставлялъ поэта. Онъ возникалъ передъ нимъ въ дѣтскихъ мечтахъ, въ уединеніи деревенскаго барскаго сада, надъ прудомъ и полями роднаго села, въ блескѣ лучей заходящаго солнца, среди трепетно падающихъ листьевъ ко сну отходящаго осенняго лѣса. Такъ слитъ образъ этой дѣвушки съ воспоминаніями дѣтства, что еще за полтора года до смерти прибѣгаетъ онъ къ нему, уходя душой изъ пестрой толпы шумно окружавшаго его столичнаго общества:

И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться,—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей.
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.
И странная тоска тѣснитъ ужь грудь мою:
Я думаю о ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полнаго лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье *).

Пав. Висковатый.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

*) Тамъ же, т. I, стр. 181.

Исторія одного развода.

Романъ.

Часть II.

(*Продолженіе* *).

— Григорьевъ, скажите мнѣ вотъ что,—начала Аня,—пересаживаясь на диванъ къ своему пріятелю и пытливо заглядывая ему въ глаза.—Бросьте газету,—это очень важно, что я васъ хочу спросить... Вы вѣрите въ образа?

— Въ какіе образа?

— Да вотъ въ тѣ, что чудотворными называются, отъ нихъ исцѣленія бываютъ и стóитъ только помолиться имъ усердно, непремѣнно сдѣлается то, чего хочешь... Вотъ я вамъ скажу, есть такой образъ въ нашей церкви, Спаситель... Глаза у него точно живые, опъ смотритъ ими такъ, какъ я смотрю, какъ вы, какъ всѣ живые люди... И не всегда, а только тогда, когда человѣкъ самъ того захочетъ... Понимаете?... Я не знаю, какъ вамъ объяснить...

— Гдѣ же вы видѣли такіе образа, Аня?—разсѣянно спросилъ Григорьевъ.

— Господи, да я же вамъ говорю, въ нашей церкви есть такой Спаситель... Онъ мнѣ явился въ тотъ день, помните, когда принесли письмо отъ мамы и папа такъ кричалъ съ маленькимъ господиномъ, а потомъ, когда онъ ушелъ, папа позвалъ меня, началъ цѣловать и сказалъ, что ни за что, ни за что меня не отдастъ,—помните?... Вы тогда пришли и заперлись съ папой, а я ушла внизъ къ Аленѣ Петровнѣ и она мнѣ сказала: «пойдемъ помолиться въ церковь, Аня». Мы пошли... Мнѣ ужасно хотѣлось плакать, но я удерживалась; потомъ Алена Пет-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

ровна поставила меня передъ образомъ и стала молиться... Я все смотрѣла на Спасителя, все смотрѣла и думала о папѣ, о мамѣ, какъ они мучаются и какъ имъ обоимъ больно... Вѣдь вы знаете, Паша приходила два раза и много мнѣ про маму разсказывала... Она говоритъ, что мама очень меня любитъ и плачетъ обо мнѣ... Я очень люблю папу, вы знаете, но мнѣ также и маму жалко бываетъ, въ особенности, когда я вспомню, какъ я ее огорчала... Ну, вотъ, я именно объ этомъ и думала тогда, и вдругъ глаза Спасителя начали оживляться, оживляться... Мнѣ даже страшно сдѣлалось въ первую минуту, но потомъ я вспомнила разсказы Алены Петровны про образа, какія отъ нихъ чудеса бываютъ, и мнѣ сдѣлалось чудо какъ хорошо на душѣ! Я долго молилась и плакала... Алена Петровна потомъ сказывала, что цѣлый часъ... И съ тѣхъ поръ я всегда вижу глаза моего Спасителя такими, они всегда смотрятъ на меня и говорятъ со мной... Не смѣйтесь, не смѣйтесь, Григорьевъ!—вскричала она запальчиво.—Я не хочу, я не позволю вамъ смѣяться, ни за что не позволю!...

— Успокойтесь, Аня, я и не думаю смѣяться.

Она недовѣрчиво посмотрѣла на него, но лицо его было такое задумчивое, что раздраженіе ея тотчасъ же стихло.

— Голубчикъ, мнѣ показалось... Простите меня!—проговорила Аня, ласкаясь къ нему.—Сдѣлайте, пожалуйста, то, что я васъ попрошу,—пожалуйста!...

— Что такое?... Вы знаете, я всегда радъ вамъ доставить удовольствіе,—отвѣчалъ онъ, невольно прислушиваясь къ тому, что происходило въ сосѣдней комнатѣ.

Тамъ было совсѣмъ тихо. Молчаніе нарушалось только изрѣдка откашливаніемъ о. Александра, да легкимъ шуршаніемъ его рясы. Николай Ивановичъ все читалъ прошеніе своей жены: «доказательства уличающія его въ явномъ прелюбодѣяніи, которыя я обязуюсь представить духовному суду по требованію его въ свое время. Посему, не желая оставаться долѣе въ супружескомъ союзѣ съ упомянутымъ мужемъ моимъ и предъявляя настоящій бракоразводный на него искъ, покорнѣйше прошу духовную консисторію дать мнѣ съ нимъ судъ по формѣ и, по изслѣдованіи виновности мужа моего, бракъ нашъ установленнымъ порядкомъ расторгнуть».

Дальше рѣчь шла о какихъ-то рубляхъ и копѣйкахъ, внесенныхъ за исковыя пошлины, и подпись знакомой руки. Когда Ни-

колай Ивановичъ дошелъ до этой подписи, у него на мгновеніе помутилось въ глазахъ,—такъ сильно прихлынула кровь въ голову. Очнувшись, онъ началъ снова перечитывать бумагу съ начала.

А дочь его между тѣмъ продолжала умолять Григорьева, чтобъ онъ пошелъ съ нею въ церковь. Ей ужасно хотѣлось, чтобъ онъ увидѣлъ ея Спасителя и повѣрилъ въ него.

— Онъ и вамъ явится, ужь я знаю,— повторяла она съ убѣжденіемъ.—А потомъ мы папу поведемъ... Вы увидите, какое счастье на него смотрѣть!

— Хорошо, хорошо, Аничка. Только врядъ ли мы съ папой что-нибудь увидимъ...

— О, вы увидите! Ужь я знаю, что вы увидите!... Я такъ молилась сегодня... Вы непремѣнно, непремѣнно увидите! Стоитъ только захотѣть, всегда будешь видѣть...

— Въ томъ-то и дѣло, что не всегда, — усмѣхнулся Григорьевъ.—У меня тоже были видѣнія, когда я былъ маленькій, мнѣ тоже являлись...

— Гдѣ, въ церкви, или на кладбищѣ можетъ-быть? Мертвецы?—закидала его дѣвочка вопросами, впиваясь въ его лицо любопытными глазами.—Или можетъ-быть тоже образа, какъ мнѣ?

— Нѣтъ, Аня, у меня были видѣнія другаго рода. Вотъ я вамъ разскажу... Когда я былъ маленькій, мое любимое наслажденіе было смотрѣть на облака... Занимались вы этимъ когда-нибудь?—Да пѣтъ, вамъ негдѣ было видѣть облаковъ,—изъ той квартиры на Гороховой, въ которой вы выросли, небо видно только кусочками между трубами и крышами. Это не то, что въ моемъ родномъ городишкѣ: тамъ—ширь, есть куда разойтись взгляду. Домики все маленькіе, да низенькіе, а кругомъ ихъ большіе сады и огороды. За нашимъ домомъ тоже былъ огородъ. Зайдешь бывало туда, ляжешь на спину въ густую траву и начнешь смотрѣть на небо. И чего-чего только не представляется въ облакахъ! Битвы, процессіи, поѣзда... Цѣлыя сцены изъ средневѣковой жизни, изъ волшебныхъ сказокъ разыгрываются передъ глазами. И вотъ точно такъ же, какъ вашъ Спаситель, Аничка, чѣмъ дольше смотришь, тѣмъ все живѣе и живѣе становится... Иллюзія до того доходила, что фигуры начинали мало-по-малу окрашиваться всевозможными цвѣтами, засверкаютъ пурпуромъ, золотомъ, драгоцѣнными каменьями... Иногда до того засмотришься, что въ ушахъ начнутъ раздаваться звуки... Сначала далеко, а тамъ все ближе и ближе, звонъ оружія, возгласы,

музыка... И какая музыка, Аня! Такой музыки ни въ оперѣ, ни въ концертѣ не услышишь... Точно все небо поетъ...

— Ну, и что-жь потомъ, что-жь потомъ?... Да говорите же, что-жь потомъ? — повторяла Аня прерывающимся отъ волненія голосомъ.

— Да ничего. Хватится мать или отецъ, что мальчишка безъ дѣла на травѣ валяется, и сейчасъ: «Петя, ты бы лучше уроки къ завтраму готовилъ!»—Вскочишь какъ встрепанный и все исчезнетъ.

— А я думала...

Аня не договорила. Голосъ Николая Ивановича за стѣной раздался такъ рѣзко и громко, что оба они съ Григорьевымъ невольно обернулись въ ту сторону и стали прислушиваться.

— Я удивляюсь, батюшка, какъ вы осмѣлились явиться ко мнѣ съ такою... мерзостью!—говорилъ Астафьевъ, рѣзко отчеканивая каждое слово, что было у него признакомъ сильнаго гнѣва.—Покорнѣйше прошу васъ оставить меня въ покоѣ...

А на какое-то возраженіе священника, произнесенное очень тихо и сдержанно, онъ продолжалъ все болѣе и болѣе раздражаясь:

— Еще разъ повторяю, оставьте меня... Я за себя не ручаюсь, батюшка, оставьте меня!...

Онъ задыхался отъ волненія. Григорьевъ взглянулъ на Аню: вся блѣдная, съ широко раскрытыми глазами, она сжимала себѣ судорожно руки, безсвязно повторяя отрывистымъ шепотомъ:

— Я такъ и знала, они говорятъ про маму... Съ нимъ опять сдѣлается припадокъ, какъ тогда... Господи, Господи!... Голубчикъ, подите туда, ради Бога!... Я боюсь...

Одну минуту и самъ Григорьевъ подумалъ, что не мѣшаетъ прервать разговоръ Николая Ивановича со священникомъ,—такой острый оборотъ начинала принимать ихъ бесѣда,—но мало-по-малу гнѣвъ Астафьева началъ стихать. Все длиннѣе и длиннѣе дѣлались промежутки между его запальчивыми, рѣзкими возгласами и кроткими, сдержанными возраженіями священника. По послѣднимъ замѣчаніямъ Николая Ивановича можно было заключить, что онъ начинаетъ вслушиваться въ слова отца Александра и даже отчасти проникаться справедливостью ихъ.

Успокоивалась и Аня, по мѣрѣ того, какъ голосъ отца ея звучалъ ровнѣе и спокойнѣе. Григорьевъ уговорилъ ее лечь спать и, передавъ ее съ рукъ на руки Маринѣ, сѣлъ на прежнее мѣсто у притворенной двери и снова взялся за газету.

По временамъ отрывки изъ разговора, происходившаго въ сосѣдней комнатѣ, достигали до его слуха и онъ, не стѣсняясь, прислушивался къ нему. Онъ зналъ, что у Николая Ивановича нѣтъ отъ него тайнъ.

— Вотъ вы разгнѣвались на меня, сударь мой, — говорилъ о. Александръ уже громче прежняго и съ извѣстной авторитетностью въ голосѣ,—а чѣмъ я виноватъ, подумайте только? Развѣ только тѣмъ, что творю волю пославшаго меня?... Ваши отношенія къ супругѣ мнѣ неизвѣстны, и я не могу судить ни васъ, ни ее... Но вы такъ изумились, получивъ эту бумагу... Неужели вамъ ничего не было извѣстно о намѣреніяхъ вашей супруги? Неужели она васъ не предупреждала, что желаетъ получить разводъ?

Вопросъ этотъ былъ предложенъ съ такимъ чистосердечнымъ любопытствомъ, почтенный старикъ смотрѣлъ на него такимъ добрымъ, полнымъ состраданія и участія взглядомъ, что невольное чувство довѣрія къ нему начало западать въ душу Николая Ивановича. Однако, онъ еще боялся предаваться этому чувству.

— И неужели въ жалобахъ вашей супруги нѣтъ ни слова истины?—продолжалъ священникъ, не смущаясь угрюмымъ молчаніемъ своего собесѣдника.—Но въ такомъ случаѣ просто непонятно, что за цѣль была у г-жи Астафьевой пускать въ ходъ такую низкую клевету. Вѣдь она свои наговоры на васъ никоимъ образомъ доказать не можетъ?

— Конечно, не можетъ,—подтвердилъ Астафьевъ.

— Скажите пожалуйста, какая это, однакожь, наглость съ ея стороны!—покачивалъ съ негодованіемъ головой о. Александръ.—Надо имѣть большую смѣлость... У вашей супруги, вѣроятно, большія связи, сильныя протекціи?

— А чортъ ее знаетъ! — проворчалъ сквозь зубы Николай Ивановичъ.

— Потому что въ противномъ случаѣ... Вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ диффамація, уголовное преступленіе,—продолжалъ священникъ, не обращая вниманія на восклицаніе, вырвавшееся у его слушателя.—Вы, сударь мой, имѣете, какъ мнѣ кажется, полнѣйшее право привлечь ее къ отвѣтственности передъ судомъ за подобное оскорбленіе вашей чести... Ее, а также ея совѣтчиковъ... Безъ совѣтчиковъ тутъ не обошлось, — это по всему видно!... Даже чтобъ написать такое прошеніе.

Онъ указалъ на бумагу, которую Николай Ивановичъ, въ минуту гнѣва, бросилъ на столъ передъ нимъ.

— Чтобъ написать подобное прошеніе, нужна большая дерзость, конечно, но также и умѣнье.

— О, у нея есть адвокатъ!—сказалъ Николай Ивановичъ.

— Какой такой, не изволите знать? Изъ важныхъ, или такъ себѣ, изъ пробивающихся?... Многое множество ихъ теперь развелось, этихъ радѣтелей,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Анафема какая-то беззубая, по имени Степановскій. А ужь важный ли онъ или нѣтъ, этого я не знаю,—отвѣчалъ Астафьевъ.—Да, впрочемъ, меня это вовсе и не интересуетъ. Въ первый разъ я принялъ этого господина довольно учтиво,—ну, а когда онъ пожаловалъ второй разъ, что было съ мѣсяцъ тому назадъ, онъ чуть было не слетѣлъ у меня кубаремъ съ лѣстницы... Не думаю, чтобы въ третій разъ сунулся,—произнесъ съ усмѣшкой Николай Ивановичъ.

Наступило молчаніе. Священникъ о чемъ-то глубоко задумался. Астафьевъ тоже пытался привести въ порядокъ свои мысли и чувства. Но это плохо удавалось,—въ умѣ стоялъ хаосъ невообразимый. Вспышка гнѣва за низкую клевету, которую Марья Алексѣевна такъ безсовѣстно на него взводила, стихла и къ чувству негодованія, овладѣвшаго всѣмъ его существомъ, начала примѣшиваться надежда, увѣренность—отомстить, въ свою очередь заставить страдать и ее, и Таманскаго, и этого Степановскаго,—всѣхъ, кто его мучитъ... И въ этой надеждѣ было столько отраднаго, что еслибъ у него въ эту минуту спросили: радуется ли онъ, или огорчается тѣмъ, что жена сдѣлала ему новую гадость, Николай Ивановичъ положительно не зналъ бы, что отвѣчать.

— Сударь вы мой,— началъ наконецъ священникъ, слегка дотрогиваясь до его руки и заглядывая ему въ глаза добрымъ, ласковымъ взглядомъ,— не примите, пожалуйста, моего вопроса за праздное любопытство, но я для вашей же пользы желалъ бы знать, съ какими предложеніями являлся къ вамъ этотъ самый адвокатъ вашей супруги?... Можетъ-быть вы найдете мой вопросъ нескромнымъ, въ такомъ случаѣ....

— О, я вовсе не намѣренъ этого скрывать! Г. Степановскій приходилъ подкупать меня... не деньгами, конечно. Маня... Марья Алексѣевна,—поспѣшилъ онъ оговориться,—отлично знаетъ, чѣмъ меня можно подкупить,—не даромъ же мы прожили вмѣстѣ восемь лѣтъ... Г. Степановскій подъѣхалъ ко мнѣ въ минорномъ тонѣ, закидалъ жалкими словами и такъ краснорѣчиво расписывалъ

нестерпимое положеніе своей кліентки въ томъ обществѣ, къ которому принадлежитъ ея возлюбленный, что въ первую минуту я и самъ началъ было думать, что буду скотъ безчувственный и низкій эгоистъ, если не соглашусь на разводъ.

— Извините, пожалуйста, если я васъ перебью,—замѣтилъ о. Александръ,—но выраженіе это «согласиться на разводъ» для меня не совсѣмъ ясно. Сколько мнѣ извѣстно, разводъ дается у насъ только въ такихъ случаяхъ, какъ лишеніе правъ и состоянія, безвѣстное отсутствіе одной изъ сторонъ въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, или неспособность къ брачной жизни и, наконецъ, если будетъ доказано то, на что ссылается ваша супруга въ своемъ прошеніи.

— Ну, они ухитрились придумать еще способъ, который назвали *полюбовнымъ соглашеніемъ*... Этотъ мазурикъ Степановскій объяснялъ мнѣ, въ чемъ дѣло, но я, признаться сказать, былъ такъ взволнованъ, что не могъ хорошенько вслушаться, а помню только, что надо взять вину на себя, разыграть какую-то гнусную комедію, чортъ ихъ тамъ знаетъ! Мерзость, однимъ словомъ, какая-то!...

При воспоминаніи объ этой мерзости Николай Ивановичъ снова началъ раздражаться, однако онъ замѣтилъ наивное недоумѣніе, выражавшееся въ глазахъ священника, и оно удивило его.

— Да неужели же вы не слыхивали объ этихъ сдѣлкахъ, батюшка? Говорятъ, почти всѣ разводы дѣлаются такимъ способомъ.

— Люди, позволяющіе себѣ прибѣгать къ такимъ способамъ, играютъ въ опасную игру, — строгимъ тономъ произнесъ священникъ.

— Ужь я тамъ не знаю, опасная или нѣтъ игра, въ которую они меня хотѣли втянуть, но только я долженъ вамъ сказать, что до того они меня домучили: она—своими письмами, а адвокатъ ея—своими кляузными доводами, что я чуть не уступилъ... Но тутъ вышло одно обстоятельство: я узналъ совершенно случайно, что, принимая вину на себя, я лишаюсь моихъ правъ на дочь и что они могутъ отнять ее у меня, когда только имъ вздумается.

— Это вамъ правду сказали,—объявилъ священникъ.—Сторона признанная виновной лишается всякихъ правъ на дѣтей. Но, кромѣ того, она подвергается церковному покаянію и многимъ другимъ непріятностямъ...

— Вотъ видите! Стало-быть вамъ понятно теперь, почему я отказался на-отрѣзъ отъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ г. Сте-

пановскимъ и объявилъ, что вытолкаю въ шею всякаго, кто мнѣ заикнется о разводѣ... Разстаться съ Аней!... Да я даже и представить себѣ этого не могу. Мнѣ кажется, что я и дня не могъ бы прожить безъ нея, а не то чтобъ...

— Но можетъ-быть ваша супруга оставила бы у васъ дочь,— замѣтилъ священникъ.

— Ну, вотъ, вы точно г. Степановскій!—раздражительно перебилъ его Астафьевъ. — Онъ тоже старался увѣрить меня, что Марья Алексѣевна добивается развода только для того, чтобы выйти замужъ. и что ей не до дочери... Но кто же мнѣ поручится, что это всегда будетъ такъ?—Рѣшительно никто. Сегодня она не хочетъ брать Аню, а завтра захочетъ и тогда... Ну, что тогда, подумайте сами?... Отъ одной этой мысли можно съ ума сойти! Жить съ убѣжденіемъ, что каждый часъ, каждую минуту могутъ придти и увезти отъ меня мою дѣвочку... Развѣ это возможно? Лучше умереть, тысячу разъ лучше. Ужь я это хорошо обдумалъ, повѣрьте.

— Прискорбно, что и говорить!—сочувственно вздохнулъ о. Александръ.

И помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Вы изволили сейчасъ сказать, что супруга ваша писала вамъ письма по поводу этого... *полюбовнаго развода?*... Шутники, право, вѣдь придумаютъ!... Письма эти у васъ цѣлы, конечно?

— Я ихъ возвратилъ г-ну Степановскому при нашемъ послѣднемъ свиданіи. Онъ выразилъ какія-то подлыя опасенія насчетъ этихъ писемъ, я вспылилъ и вышвырнулъ ихъ ему всѣ до единаго... всю пачку! Очень мнѣ нужно хранить ея письма! Перечитывать, что ли, я ихъ буду?

— Такъ-съ.

И отецъ Александръ снова погрузился въ раздумье.

— Вотъ я теперь, сударь мой, коротко ознакомился съ вашими домашними обстоятельствами и скажу вамъ, что положительно не понимаю, что за цѣль у вашей супруги и чего собственно ей желательно добиться этимъ прошеніемъ.

Онъ взялъ со стола бумагу, развернулъ ее и пробѣжалъ глазами съ начала до конца.

— Она проситъ духовную консисторію дать вамъ судъ по формѣ, но мнѣ кажется...

— Что это значитъ *судъ по формѣ*?—перебилъ его Николай Ивановичъ.—Меня, признаться сказать, ваши консисторскіе порядки и законы никогда особенно не интересовали. Все это намъ, свѣтскимъ людямъ, такимъ мертвымъ хламомъ кажется, преданіемъ какимъ-то... Не вѣрится, чтобы такими отжившими законами можно было бы судить живыхъ людей, которые, вотъ какъ и я грѣшный, ни въ Бога, ни въ чорта не вѣрятъ,—продолжалъ онъ съ тою рѣзкою откровенностью, которая была отличительною чертой его характера. — Извините меня, батюшка, но вѣдь вы сами должны знать, что это такъ?...

Отецъ Александръ улыбнулся.

— Нѣтъ, сударь мой, я не могу съ вами въ этомъ согласиться. Вѣрующихъ людей на Руси очень много. Не мало также и отступниковъ возвращается въ лоно православной церкви... Вотъ поживете подольше на свѣтѣ, сами увидите... Вамъ желательно знать, что значитъ судъ по формѣ? Это, сударь мой, словесное состязаніе между сторонами въ присутствіи членовъ консисторіи. На этотъ судъ ваша супруга, по всей вѣроятности, сама не явится,—за нее будетъ говорить ея повѣренный. Вы тоже имѣете право поручить вашу защиту адвокату.

— Ну, нѣтъ, слуга покорный! Платить деньги за такую гнусность, съ адвокатами возиться, впускать чужихъ людей въ душу и позволять имъ тамъ по-своему распоряжаться?... Ни за что! Повторяю вамъ, батюшка, что все, что тутъ написано, ложь, ложь съ начала и до конца. Интересно посмотрѣть, какими способами они будутъ доказывать то, чего никогда не было!... Я непремѣнно самъ явлюсь на этотъ судъ... Изъ одного курьеза стоитъ пойти, право!

Отецъ Александръ началъ приподниматься съ мѣста.

— Очень радъ, сударь мой, очень радъ! Да подкрѣпитъ васъ Господь Богъ на такой подвигъ! Тяжелый крестъ послалъ вамъ Господь, но надо и то помнить, что милосердію Его нѣсть предѣловъ и судьбы Его неисповѣдимы... Простите великодушно за безпокойство, но вѣдь вы сами человѣкъ подначальный и должны понимать... Да хранитъ васъ Господь, — повторилъ онъ, дружески протягивая руку, которую Николай Ивановичъ не безъ удовольствія пожалъ.

Этотъ попъ положительно начиналъ ему нравиться. «Умная бестія должно-быть, и хитрая, какъ и всѣ ему подобные столичные пастыри, но съ большимъ тактомъ и честный человѣкъ, кажется».

Астафьевъ вспомнилъ, какъ онъ вспылилъ въ началѣ разговора, и ему стало совѣстно.

— Это я долженъ просить у васъ извиненія, батюшка,— проговорилъ онъ смущеннымъ голосомъ,—но въ первую минуту, вы понимаете, я просто не помнилъ себя...

— Вполнѣ понимаю и сочувствую вамъ, сударь мой.

И вдругъ, спохватившись, онъ слегка ударилъ себя по лбу и повернулся къ столу, на которомъ лежали письменныя принадлежности хозяина.

— Старъ становлюсь, сударь мой, память измѣняетъ... Совсѣмъ было забылъ взять съ васъ росписочку...

— Въ чемъ это?

— Да въ томъ, что вы изволили меня принять и выслушать. Пустая формальность, а что прикажете дѣлать, нельзя безъ того! Обязанъ эту самую росписку представить моему начальству въ удостовѣреніе того, что возложенное на меня порученіе исполнилъ въ точности, а иначе въ отвѣтѣ буду. Если позволите, я вамъ продиктую,—намъ эти формы извѣстны въ точности.

Николай Ивановичъ сѣлъ къ столу и приготовился писать.

«Въ С.-Петербургскую духовную консисторію,

«надворнаго совѣтника Н. И. Астафьева *отзывъ*.

«Выслушавъ увѣщаніе протоіерея приходской церви».

— То, для чего я къ вамъ сегодня явился, на нашемъ консисторскомъ языкѣ называется *увѣщаніемъ*,—прервалъ свою диктовку отецъ Александръ.—Вы понимаете, я долженъ былъ увѣщевать васъ примириться съ вашей супругой.

— Что за чушь! Она сама ушла отъ меня, сама начинаетъ противъ меня грязный, скандальный процессъ,—какое же тутъ можетъ быть примиреніе?

— Повторяю вамъ, что это одна только формальность, сударь вы мой, всѣмъ это извѣстно—и намъ, и нашему начальству, но что прикажете дѣлать? Законы древніе, какъ вы и сами изволили выразиться, и нуждаются въ измѣненіи,—никто противъ этого и спорить не станетъ,—но пока они еще въ силѣ, нельзя имъ не повиноваться, такъ-тось.

Астафьевъ написалъ все, что требовалъ отецъ Александръ. Когда онъ проводилъ его и затворилъ за нимъ дверь, изъ сосѣдней комнаты вышелъ Григорьевъ.

— Слышалъ?—спросилъ у него Николай Ивановичъ.

Онъ былъ очень взволнованъ. Давно ужь никто не видѣлъ у него такого оживленія въ лицѣ: глаза блестѣли, по губамъ скользила усмѣшка.

— Отрывками,— отвѣчалъ Григорьевъ.—Марья Алексѣевна начинаетъ противъ тебя бракоразводное дѣло?

— Да. И представь себѣ, на какомъ основаніи?—Будто я ей измѣнилъ!... Вотъ ужь, что называется, съ больной головы на здоровую... Всего курьезнѣе то, что она берется доказать свою клевету... Интересно знать, какъ они за это примутся...

И помолчавъ немного, онъ продолжалъ, не переставая усмѣхаться:

— Да я съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ нею, ни одной женщины не видѣлъ,—съ кѣмъ же могъ я нарушить супружескую вѣрность, какъ выражается Марья Алексѣевна въ своемъ прошеніи, съ майоршей Побѣдашъ, что ли?

Онъ громко расхохотался.

Но вдругъ Николай Ивановичъ вспомнилъ про Настю и пересталъ смѣяться. Послѣднее время племянница купца Олухова стала забѣгать къ нимъ черезчуръ часто. Она милая и смѣшная дѣвочка, съ нею весело иногда поболтать и пошутить, но съ нѣкоторыхъ поръ она смотритъ на отца своей маленькой пріятельницы слишкомъ нѣжно. До этой минуты Николай Ивановичъ не придавалъ значенія ни этимъ взглядамъ, ни тому обстоятельству, что она краснѣетъ и смущается при его появленіи, но теперь ему припомнились всѣ эти мелочи. Неужели глупая дѣвочка вздумала влюбиться въ него? Этого бы еще недоставало! Однако, всему этому надо положить конецъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а то еще Аня, пожалуй, замѣтитъ... Забавнаго тутъ ничего нѣтъ.

Онъ нѣсколько разъ повторилъ мысленно эту послѣднюю фразу, а между тѣмъ ему было и досадно, и смѣшно въ одно и то же время; хотѣлось и ножурить хорошенькую Настю за то, что она относится къ нему не такъ, какъ слѣдуетъ, и жаль было ее огорчать и конфузить. А конфузъ будетъ превеликій,— она такая гордая дѣвчонка. Можно себѣ представить, какъ она оскорбится при первомъ его намекѣ... А потомъ она начнетъ всѣми силами воздерживаться, обдумывать каждое свое слово, болтая съ нимъ, приходить къ нимъ рѣже. Очень можетъ быть, что она и совсѣмъ перестанетъ къ нимъ ходить,—оно даже и лучше было бы.

Дойдя мысленно до этого предположенія, Николай Ивановичъ подумалъ, что его дочери будетъ очень скучно безъ Насти и что такую веселую и добрую подругу ей не скоро найдешь.

III.

Наступалъ декабрь. День былъ будничный, но въ домѣ Егора Александровича Ласточкина всѣ наряжались и суетились по-праздничному. Старшей дочери г-на Ласточкина, Таничкѣ, минуло сегодня восемнадцать лѣтъ. Ожидали много гостей съ поздравленіями.

Благодаря неустаннымъ выѣздамъ по клубамъ, театрамъ и концертамъ, да лѣтнему пребыванію на дачѣ въ окрестностяхъ Петербурга, всегда въ новомъ и непремѣнно модномъ мѣстѣ, у дѣвицъ Ласточкиныхъ завелось обширное и весьма разнообразное знакомство. О дняхъ именинъ и рожденія членовъ семьи Егора Александровича всѣ ихъ друзья и пріятели оповѣщались заранѣе и въ такіе дни въ ихъ домѣ была съ утра до вечера нетолчоная труба всякаго народа.

Маменька съ дочерьми обожали эти дни,—такъ обожали, что даже трудно было бы себѣ представить, чѣмъ бы онѣ жили, еслибъ у нихъ отняли наслажденіе праздновать ихъ. Къ этимъ днямъ готовились за двѣ, за три недѣли впередъ, да толковали о нихъ столько же времени послѣ. А тамъ, глядишь, и опять надо думать о томъ, въ какомъ платьѣ ѣхать въ церковь, что надѣть къ обѣду, въ чемъ танцевать вечеромъ. Пріѣдетъ ли тотъ? Что скажетъ этотъ? Изъ какого клуба пригласить повара и офиціантовъ? Въ какой кондитерской заказать конфекты и мороженое? А визиты съ приглашеніями?...

Всѣ были заняты этими приготовленіями въ домѣ Ласточкина, такъ заняты, что ни на что другое не хватало времени. Съ ранняго утра и до поздней ночи между матерью и дочерьми происходили такого рода разговоры:

— Я, маменька, должна въ гостиный дворъ ѣхать, — говорила Таничка,—а оттуда къ модисткѣ съ Любовью Андреевной; она хотѣла посмотрѣть, какъ у меня тюникъ подобранъ, такъ ли, какъ у нея. Мы толковали, толковали этой глупой мадамъ Шарлотъ, но только врядъ ли она поняла, и непремѣнно гадость какую-нибудь сдѣлаетъ, если не посмотримъ впередъ.

— Да какже, Таничка, вѣдь и мнѣ карета нужна? Надо ѣхать съ визитомъ къ Леопардовымъ.

— Ужь я тамъ не знаю, куда вамъ надо ѣхать, маменька, но только предупреждаю васъ, что я ужь приказала закладывать и поѣду, какъ только будетъ готова.

— А я-то какъ же?—вмѣшалась въ разговоръ Сашенька.— Вѣдь и мнѣ тоже нужно ѣхать,—мнѣ Любовь Андревна обѣщала цвѣты выбрать.

— Поѣзжай со мной—вотъ и все. Мы всѣ три усядемся,— карета полуторная.

— Не могу я сейчасъ ѣхать,—мсье Дуркинъ хотѣлъ быть во второмъ часу.

— Важность какая!... Сидѣть дома изъ за мсье Дуркина— очень нужно!

— Да вѣдь онъ хотѣлъ привезти билетъ на Патти... Чего добраго, не захочетъ оставить, если никого изъ насъ не застанетъ дома... Помнишь, онъ говорилъ, что графиня Бубенская тоже просила его достать ей ложу?

— Въ такомъ случаѣ вотъ что мы сдѣлаемъ: ты теперь оставайся, а когда я вернусь, поѣзжай...

— А какъ же я-то? Когда же я поѣду съ визитами, если Сашенька возьметъ карету послѣ тебя?

— Ахъ, маменька, какая вы тошная, право! Ну, завтра поѣдете, если сегодня нельзя... Развѣ не все равно? Вѣдь васъ никто не ждетъ.

— Завтра концертъ Рубинштейна,—напомнила Сашенька.— Любовь Андреевна сказала, что вся царская фамилія будетъ...

— Ну, послѣ завтра...

Но Дарья Никитишна разсердилась, наконецъ. «Дочери третируютъ ее точно приживалку какую-то; онѣ постоянно забываютъ, что она имъ мать и хозяйка въ домѣ. Это просто ни на что не похоже!... И развѣ она для своего удовольствія хочетъ ѣхать?... Совсѣмъ зазнались дѣвчонки!»

— Мнѣ кажется, что папенька при васъ просилъ меня съѣздить къ Леопардовымъ и пригласить ихъ на нашъ вечеръ?—проговорила она строго, возвышая голосъ.—Вы можетъ-быть воображаете, что я не съумѣю ему разсказать, какъ вы тутъ безъ него распоряжаетесь?

— Ахъ, ты Господи! Какъ вы надоѣдаете, маменька! И охота, право, изъ всякихъ пустяковъ исторіи сочинять...

— Это вовсе не пустяки,—Леопардовъ начальникъ вашего отца и если семейству его не оказать уваженія...

— Знаемъ, знаемъ, чего тутъ размазывать! Всѣмъ окажемъ уваженіе, не безпокойтесь, и этой криворожей Леопардовой, и ея щепкѣ Лизанькѣ... А вѣдь ты замѣтила, Саша, она еще похудѣла съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались? И опять вся въ зеленомъ! Любовь Андреевна говоритъ, что ей кто-нибудь на зло совѣтуетъ такъ глупо одѣваться, чтобъ она казалась еще безобразнѣе.—И снова обращаясь къ матери:—Если вамъ ужь такъ необходимо сегодня къ нимъ ѣхать, можно послать за каретой на биржу...

Г-жа Ласточкина не дала ей договорить.

— Въ наемной каретѣ? Къ Леопардовымъ? Перекрестись, матушка! Да ты, кажется, отъ великаго ума совсѣмъ рехнулась!

Сашенька тоже замѣтила, что это было бы не совсѣмъ ловко. Сейчасъ по всѣмъ ихъ знакомымъ разнесется, что онѣ на извощикахъ ѣздятъ.

— Ну, хорошо, хорошо, успокойтесь только, пожалуйста, не нойте!... Все устроится. А главное, папенькѣ ничего не говорите. Ужь когда я вамъ говорю, что устроится, значитъ устроится,—повторяла авторитетно Таничка.

И дѣйствительно, все устраивалось ко всеобщему спокойствію и удовольствію.

Въ эту зиму у всѣхъ членовъ семьи г-на Ласточкина было слишкомъ много хлопотъ и развлеченій, чтобы терять время на препирательства и ссоры. Да и гости къ тому же съ утра до вечера, а иногда и съ вечера до утра. Съ гостями надо быть веселыми, любезными, а то и ѣздить не станутъ. Очень пріятно видѣть кислыя рожи, да слышать сердитыя слова! Особенно мужчины... они любятъ дѣвицъ веселыхъ, чтобы живость и остроуміе были въ разговорѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Таничка съ Сашенькой сдѣлались невѣстами, онѣ старались постоянно шутить и смѣяться.

Домъ ихъ славился гостепріимствомъ и радушіемъ. Хозяйка выкупала свою томность и болѣзненность большою привѣтливостью, у барышень рѣзкость въ тонѣ и манерахъ сглаживалась игривостью и наивничаньемъ. Даже и мальчики дѣлались годъ отъ году сноснѣе. Ихъ можно было видѣть дома только за обѣдомъ, а гдѣ пропадали они остальное время дня—никому въ домѣ не было извѣстно. Да и кому было дѣло до нихъ? Никто не жаловался на нихъ родителямъ, изъ класса въ классъ они переходили довольно исправно,—чего же больше?

У хозяина дома были тоже свои дѣла и удовольствія. Онъ рѣдкій день даже и обѣдалъ въ семьѣ, пріѣзжалъ только ночевать, да и то не всегда.

— А замѣтили вы, маменька, съ какихъ поръ у насъ въ домѣ гораздо лучше стало?—спрашивала недавно Таничка.

Она была одарена отъ природы извѣстной долей любознательности и любила допытываться до первоначальныхъ причинъ во всемъ.

— А я вотъ вамъ скажу,—продолжала она, не дожидаясь отвѣта матери,—съ тѣхъ поръ, какъ папенька пересталъ въ наши дѣла свой носъ совать. Теперь и онъ намъ не мѣшаетъ, и мы его оставляемъ въ покоѣ. Каждый дѣлаетъ по-своему и выходитъ отлично. Правду говоритъ Любовь Андреевна, что у каждаго человѣка свой характеръ, свои вкусы и мысли,—продолжала разсуждать Таничка,—и что если всѣхъ подъ одну мѣрку подводить, непремѣнно выйдутъ непріятности. Да, вотъ, возьмите хоть у насъ: вѣдь, кажется, мы родныя сестры—Саша, Лида и я, а какая между нами разница—страсть! Что я понимаю, того Сашенькѣ ни за что не вдолбишь, а къ тому, что она любитъ—я остаюсь совершенно равнодушна. Про Лиду и говорить нечего,—она ужь и вовсе точно изъ другаго гнѣзда къ намъ попала. Это я и папенькѣ сказала въ прошломъ году, когда онъ сокрушался, что Лида хочетъ непремѣнно въ гимназію поступить. Ну, и пусть, говорю, зачѣмъ ей мѣшать? Вамъ же лучше,—въ гимназію меньше придется платить, чѣмъ учителямъ. И неужто же вы надѣетесь заставить ее думать по-вашему? Какъ вы жестоко ошибаетесь, папенька! Это все равно, какъ еслибъ вы захотѣли меня съ Сашенькой переспорить, когда мы разъ забрали себѣ что-нибудь въ голову... Ну, развѣ это возможно? Точно также и Лида; вѣдь она не маленькая,—ей скоро тринадцать лѣтъ минетъ. И наконецъ, говорю, въ гимназіи тоже люди учатся. Ужь вы лучше уступите, папенька.

Таничкины доводы подѣйствовали на отца; онъ махнулъ рукой и проговорилъ: «Ну васъ совсѣмъ! Такихъ сорокъ не переспоришь!»

Вотъ какой сдѣлался уступчивый Егоръ Александровичъ, не то что прежде!

— Совсѣмъ равнодушный къ семьѣ, — жаловалась своимъ приближеннымъ, разнымъ салопницамъ, Дарья Никитишна.

По мнѣнію же дочерей, огорчаться этимъ равнодушіемъ было даже глупо.

— Вамъ вѣчно надо чѣмъ-нибудь печалиться, маменька,— говорила Таничка.—Папенька намъ ни въ чемъ не отказываетъ, чего же вамъ еще?

Вотъ и въ день ея рожденія онъ разрѣшилъ дать танцевальный вечеръ, кромѣ обычнаго пирога утромъ... Какъ было не цѣнить такого отца?

Зимній сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ и дѣвицы Ласточкины успѣли пріобрѣсти столько новыхъ знакомствъ, что по качеству и количеству дамъ и кавалеровъ, названныхъ на ихъ вечеръ, этотъ вечеръ могъ бы назваться баломъ. Правда, что когда Таничка съ Сашенькой заикнулись объ оркестрѣ, папенька объявилъ, что будетъ съ нихъ и тапёра, но вѣдь и подъ фортепіано можно досыта натанцеваться. Любовь Андреевна увѣряетъ, что это даже гораздо комильфотнѣе, c'est plus chic.

Вернувшись домой отъ обѣдни, хозяйки застали въ заднихъ комнатахъ множество поздравителей и поздравительницъ, явившихся съ чернаго крыльца за обычными, по такимъ днямъ, подачками. Настоящіе же гости начали пріѣзжать во второмъ часу. Каждаго изъ нихъ, разряженная въ шелкъ и бархатъ, хозяйка встрѣчала въ залѣ и проводила прямо въ столовую, къ длинному столу, уставленному винами и закусками. Когда гость выпивалъ рюмку водки и закусывалъ икрой или сыромъ, ему подавали огромный кусокъ горячей кулебяки, потомъ заставляли выпить вина, предлагали кофе или чаю, а затѣмъ отпускали съ миромъ и со словами:

— Вечеркомъ пожалуйте, потанцевать подъ фортепіано, запросто.

А если гость былъ не изъ танцующихъ, его старались соблазлить картами.

Въ гостиной же барышни, тоже разряженныя и причесанныя куафёромъ, любезничали съ тѣми посѣтителями, которыхъ нельзя было заставлять пить и ѣсть, не угостивши предварительно пріятными разговорами.

Къ пяти часамъ всѣ, кого ждали, перебывали и офиціанты, подъ предводительствомъ лакея Ласточкиныхъ Якова, начали готовить столъ къ обѣду.

Яковъ, благообразный мужчина среднихъ лѣтъ, съ густыми и прекрасно расчесанными бакенбардами (онъ самъ сознавался,

что за это природное украшеніе ему платятъ рублей пять дороже въ мѣсяцъ), во фракѣ и бѣлыхъ нерчаткахъ, всегда спокойный и невозмутимый, былъ сегодня взволнованъ немножко. «Этотъ мазурикъ, новый хозяинъ сосѣдней гостиницы, подсунулъ ему такихъ болвановъ въ офиціанты—страмъ да и только. Тарелки не умѣютъ подать какъ слѣдуетъ,—того и гляди все переколотятъ». Это—во-первыхъ; а во-вторыхъ, Яковъ не зналъ, на сколько персонъ накрывать столъ. Баринъ долго ему приказывалъ, «чтобы все было хорошо, чтобъ и серебро было новое, и вазы съ фруктами, и про вина, чтобы красное не забылъ подогрѣть, бѣлое охладить, а шампанское заморозить»,—все это ему сказалъ баринъ,—а сколько гостей будутъ кушать, этого Яковъ забылъ у него спросить. Барышни тоже не знаютъ, «а ужь отъ такой кувалды, какъ барыня, и подавно ничего не добьешься! Вотъ развѣ у маленькой барышни спросить?

А она, какъ нарочно, въ эту самую минуту появилась въ дверяхъ столовой.

— Барышня, Лидія Егоровна? — фамильярно окрикнулъ ее Яковъ.

Онъ былъ выдрессированный лакей и жилъ въ хорошихъ домахъ; служилъ онъ также и у такихъ господъ, которые существовали въ обрѣзъ и не кидали на вѣтеръ двадцатой доли тѣхъ денегъ, что тратили Ласточкины; но, не взирая на внѣшній блескъ этихъ послѣднихъ, Яковъ съ перваго же дня своего поступленія къ нимъ рѣшилъ, что это не *настоящіе* господа, и ко всѣмъ ихъ *манерамъ* относился немножко свысока и довольно критически.

Лида подошла къ столу, передъ которымъ онъ стоялъ, раздумывая, на сколько досокъ раздвигать его, на одну или на двѣ, и спросила, что ему нужно.

— Не знаете ли вы, милая барышня, сколько гостей будетъ кушать?

— Да никакихъ особенныхъ гостей не будетъ, свои только... Папаша при мнѣ говорилъ г-ну Степановскому, чтобъ онъ пріѣзжалъ пораньше, что кромѣ Леопардова да Мальвинскаго никого не будетъ.

Эти два имени многое объяснили Якову. Теперь понятно, почему баринъ повторялъ такъ настойчиво, чтобы вина были поданы какъ слѣдуетъ.

— Потомъ онъ говорилъ мамашѣ, чтобъ она задержала Любовь Андреевну къ обѣду,—продолжала распространяться очень охотно Лида.—А больше никого, кажется, не будетъ.

Но Якову ничего больше и не нужно было знать. Теперь и остальное, т. е. заботы Егора Александровича о фруктахъ и конфектахъ, объяснялось само собой. Любовь Андреевна была такая сластёна! Сколько ящиковъ съ конфектами и сколько корзинъ съ фруктами перетаскалъ ей Яковъ за послѣдніе два мѣсяца, отъ имени барина, и не пересчитать! И все самое лучшее,—плохаго она ничего не изволила кушать.

— Лида, Лида! Гдѣ ты?—раздался изъ залы голосъ Танички,—Любовь Андреевна хочетъ тебя видѣть.

Но Лида не трогалась съ мѣста. Ее, кажется, очень занимало смотрѣть, какъ Яковъ связываетъ концы скатерти вокругъ ножекъ стола.

— Васъ зовутъ, барышня,—замѣтилъ онъ.

— Слышу. Ужь онѣ давно меня зовутъ,—отвѣчала она равнодушно.—Вонъ опять!—прибавила она съ усмѣшкой.

— Лида! mais c'est ridicule, иди же, когда тебя зовутъ!—нетерпѣливо возвышая голосъ, повторила Таничка.

Дѣвочка съ досадой передернула плечами и отправилась черезъ длинную столовую въ залу. Походка у нея была вялая и неграціозная: когда она стояла или ходила, сутуловатость ея была еще замѣтнѣе, а также несоразмѣрная длина рукъ и то, что у нея одно плечо было выше другаго; но головка на этомъ безобразномъ туловищѣ была премиловидная, съ глубокими голубыми глазами, которые при вечернемъ освѣщеніи казались совсѣмъ черными и блестѣли не меньше черныхъ. Она смотрѣла ими изъ подлобья, какъ маленькая застѣнчивая дѣвочка, и съ какой-то странною пристальностью, отъ которой многимъ дѣлалось неловко. Остальныя черты ея лица были неправильны: подбородокъ слишкомъ крупный, носъ коротокъ, и еслибы не глаза, да не волосы, густые и съ прелестнымъ золотистымъ оттѣнкомъ, ее можно было бы назвать дурнушкой. Блѣдная къ тому же, тою изсѣра-желтоватою блѣдностью, которая такъ часто встрѣчается въ Петербургѣ.

— Давно ли вы дѣдушку видѣли, Лида? — спросила у нея Любовь Андреевна послѣ первыхъ привѣтствій.

Она всегда спрашивала у Лиды про дѣдушку, точно также какъ не забывала освѣдомляться у Дарьи Никитишны про ея

мигрень, а у Танички съ Сашенькой именно про тѣхъ кавалеровъ, которыми онѣ въ данную минуту интересовались.

— Представьте себѣ, Любовь Андреевна, она хочетъ совсѣмъ переѣхать жить къ дѣдушкѣ, — объявила со смѣхомъ Таничка.

Глаза посѣтительницы, замѣчательно красивые и слегка подкрашенные, широко раскрылись отъ изумленія.

— Лида, что за фантазія?—протянула она своимъ звучнымъ, пѣвучимъ голосомъ. — А папаша, а сестры? Вамъ не жаль съ ними разстаться?

Дѣвочка покраснѣла и съ укоризной взглянула на сестру.

— Да, да... Нечего мнѣ знаки глазами дѣлать, я все скажу Любови Андреевнѣ, она должна знать... Ей, видите, здѣсь мѣшаютъ учиться, мы слишкомъ много шумимъ и смѣемся,—продолжала иронизировать Таничка.—Она увѣряетъ, что въ нашемъ домѣ нельзя серьезно заниматься...

— Но зачѣмъ же вамъ ужъ такъ серьезно заниматься, мой ангелъ? Это и нездорово, да и вполнѣ безполезно,—вѣдь вы не въ учительницы готовитесь!...

Разговоръ этотъ происходилъ въ длинной залѣ, по которой Любовь Андреевна прохаживалась подъ руку съ Таничкой. Другою рукой она обняла за талію Лиду и, обращаясь къ ней, нѣжно заглядывала ей въ глаза. Всѣ движенія ея были необыкновенно мягки и граціозны; длинный шелковый трэнъ, отдѣланный множествомъ бантовъ и волановъ, придавалъ что-то величественное ея стройному, гибкому стану. Все въ ней было изящно и пріятно, начиная отъ улыбки и звука голоса и кончая тонкимъ ароматомъ какихъ-то необыкновенныхъ духовъ, которыми была пропитана каждая, принадлежавшая ей, вещь, платокъ, перчатки... Запахъ этотъ подолгу оставался въ комнатѣ, гдѣ она сидѣла, и выдавалъ ее всюду.

Таничка съ Сашенькой по всему городу рыскали, чтобы найти такихъ духовъ, и все напрасно. Когда Любовь Андреевна узнала объ этомъ, она засмѣялась и объявила, что эти духи ей высылаетъ одна изъ ея пріятельницъ изъ Парижа. «Но дѣло еще не въ томъ, чтобы достать такіе духи,—надо умѣть ихъ употреблять»,—прибавила она съ усмѣшкой. И по этой усмѣшкѣ барышни Ласточкины поняли, что какъ ни дружна съ ними ихъ новая пріятельница, однако она ихъ этому не научитъ.

— И наконецъ, какое же у васъ тамъ будетъ общество?— спросила Любовь Андреевна у Лиды.—Вашъ дѣдушка такъ старъ,

что гостей принимать не можетъ... Вы мнѣ говорили, mesdames, что онъ даже и въ экипажѣ никуда не выѣзжаетъ?—обратилась она къ старшимъ барышнямъ Ласточкинымъ.

— Она тамъ будетъ со своей возлюбленной Настей,—иронически усмѣхнулась Таня.

Любовь Андреевна прищурилась.

— Что это за Настя?

— Лавочница,—поспѣшила заявить Сашенька.

На лицѣ нарядной дамы выразилось недоумѣніе.

— Лавочница?—повторила она.—Pardon, ma chère, я не понимаю.

— Цѣлый день фунтики завертываетъ, да гроши считаетъ...

— Да, да, настоящая лавочница!...

И обѣ сестры начали на-перерывъ описывать домашнюю обстановку дѣдушки въ той трущобѣ, изъ которой онъ почти никогда не вылѣзаетъ.

— Къ нему ходятъ въ гости дьяконъ, писаря какіе-то, околодочный, наконецъ, дядя этой Настеньки, простой мужикъ...

— Съ бородой, какъ у мужика, панталоны въ сапогахъ и рубашка посверхъ выпущена...

— Fi l'horreur!—мило ужасалась Любовь Андреевна.

— И всегда пестрая, ситцевая...

— Mesdames, pas possible!... Ваши сестры клевещутъ на васъ, мой ангелъ?

Но ангела уже не было въ комнатѣ. Лида воспользовалась появленіемъ Сашеньки, чтобы высвободить свою руку изъ руки гостьи, и куда-то скрылась. Ея мѣсто заняла вторая барышня Ласточкина и обѣ сестры снова принялись трещать на-перерывъ.

— А про майоршу ты забыла, Таня? Вотъ еслибъ вы видѣли, Любовь Андреевна!...

— Ее зовутъ Алена Петровна Побѣдашъ... Такого чудища вамъ еще никогда не приходилось встрѣчать! Она по двадцати лѣтъ носитъ одну и ту же шляпку...

— Волосы зачесываетъ какими-то крендельками...

— И все присѣдаетъ, все присѣдаетъ, вотъ такъ!

— Mesdames, mesdames, какія вы насмѣшницы!—смѣялась Любовь Андреевна, безпрестанно оборачиваясь къ двери въ прихожую.

— Она носитъ платья съ длинными мысами, сзади на крючкахъ и кругомъ все сборки. Эти платья были сдѣланы двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда она выходила замужъ, и ей даже

въ голову не приходитъ ихъ передѣлать по-модному. Въ оперѣ она никогда не была и говоритъ, что даже представить себѣ не можетъ, что это такое; но въ театръ мужъ возилъ ее одинъ разъ, и еслибы вы только слышали, какъ она разсказываетъ про Каратыгина, можно умереть со смѣха!...

— А я знаю, почему нашей Лидѣ такъ хочется жить у дѣдушки,—замѣтила Сашенька, прерывая разсказъ сестры на полусловѣ.—Она воображаетъ, что тамъ нашего отца не знаютъ... Да, да,—продолжала она, отвѣчая на удивленный взглядъ, который вскинула на нее Любовь Андреевна.—Лида ужасно горда и обидчива; она перессорилась со всѣми дѣвочками въ здѣшней гимназіи...

— Но изъ чего же, помилуйте?—не переставала удивляться Любовь Андреевна.

— Ахъ, Боже мой! Чистый вздоръ, на который, по-моему, и вниманія не стоитъ обращать,—неохотно замѣтила Таничка.—Мало ли что дѣвчонки болтаютъ между собой.

— Конечно, это вздоръ,—поспѣшила заявить Сашенька, догадываясь по взгляду сестры, что она сдѣлала глупость, коснувшись этого предмета.—Я тогда же сказала Лидѣ, что на такія слова только плевать слѣдуетъ, что это отъ зависти говорятъ, вотъ и все. Всѣ эти дѣвчонки, которыя ходятъ въ гимназію, вѣдь это по большей части голь перекатная, вотъ имъ и досадно, что у насъ все есть—и хорошія платья, и экипажи, и шикарная квартира... Наконецъ, что имъ за дѣло до нашего отца? Взятками или другимъ чѣмъ онъ достаетъ деньги, не все ли имъ равно?..

На этотъ разъ сама Любовь Андреевна прервала разболтавшуюся дѣвушку.

— Какіе, однакожь, безпорядки въ этой гимназіи!—замѣтила она, съ серьёзною миной покачивая головой.—И за что только классныя дамы жалованье получаютъ, удивительно! Допускать подобные разговоры между дѣтьми—на что это похоже? Правду сказалъ графъ, что наши учебныя заведенія нуждаются въ преобразованіяхъ... Онъ у меня былъ на дняхъ и обѣщалъ скоро онять заѣхать. Я непремѣнно попрошу его обратить вниманіе на эту гимназію. Такія вещи нельзя допускать,—это ужь слишкомъ безнравственно! Позволять дѣтямъ попрекать другъ друга родителями... quelle indélicatesse!

— А въ мужскихъ-то гимназіяхъ что дѣлается!—вскричала Сашенька.—Знаете ли вы, сколько наши мальчики тратятъ карманныхъ денегъ въ мѣсяцъ?—И, не дожидаясь отвѣта, она продолжала съ большимъ оживленіемъ:—По сту рублей каждый! И все потому, что товарищи просвѣтили ихъ на счетъ папашиныхъ доходовъ... Ну, подумайте только, на что мальчишкамъ столько денегъ,—они даже и кутить-то, какъ слѣдуетъ, не умѣютъ! Миша всякой дряни накупаетъ въ гостиномъ дворѣ, да на Толкучкѣ, а потомъ перепродаетъ все это товарищамъ и увѣряетъ, будто у него барыши отъ этого бываютъ...

— Драки да ссоры и ничего больше,—замѣтила Таничка.—Даже мерзко смотрѣть, какой онъ алчный становится,—изъ рубля готовъ какую угодно потасовку вытерпѣть.

— А Володя... этотъ еще хуже,—подхватила опять Сашенька.—Въ какихъ онъ мѣстахъ таскается и съ кѣмъ, одному Богу извѣстно! Третьяго дня его привезли домой совсѣмъ пьянаго. Яковъ говоритъ, что насилу втащили со швейцаромъ по лѣстницѣ. Весь перепачканъ мѣломъ,—на билліардѣ вѣрно игралъ... Ему и ста рублей въ мѣсяцъ мало. Онъ вѣчно занимаетъ деньги у Якова...

Въ эту минуту входная дверь съ шумомъ растворилась и въ прихожую вошло нѣсколько человѣкъ въ шубахъ и калошахъ.

— Это вѣрно папаша,—сказала Любовь Андреевна.—Пойдемте въ гостиную, mesdames! Ces messieurs вѣрно захотятъ пройти въ кабинетъ... Et la petite?—продолжала она, усаживаясь на низкую отоманку и озираясь по сторонамъ.—Разсердилась вѣрно? Зачѣмъ вы съ нею такъ, mesdames? Это нехорошо! Да и вообще... зачѣмъ надо всѣми смѣяться? Эти люди, которыхъ она встрѣчаетъ у дѣдушки, они, можетъ-быть, очень добрые и честные... Nous avons tous nos ridicules,—прибавила она со вздохомъ, опуская глаза на бѣлую атласистую грудь, блестѣвшую между пожелтѣвшими кружевами, которыми былъ отдѣланъ квадратный вырѣзъ ея лифа.

А затѣмъ она снова заговорила про Лиду, про ея странный, несообщительный характеръ и про ея страсть дружиться съ людьми бѣдными и низкаго происхожденія.

— Но все это пройдетъ со временемъ, elle deviendra comme les autres, и раздражать ее не слѣдуетъ... Къ тому же папаша ее такъ любитъ... Вы представить себѣ не можете, mesdames, какъ ему непріятно видѣть ваши постоянныя нападки на нее! Пожалѣйте его,—у него столько заботъ, онъ такъ много работаетъ.

Вы должны такъ сдѣлать, чтобъ онъ находилъ миръ и отдохновеніе въ семьѣ... C'est une chose si sainte la famille!

Любовь Андреевна говорила такимъ проникнутымъ голосомъ, что обѣ барышни расчувствовались и въ одинъ голосъ обѣщали ей не дразнить больше Лиду и не издѣваться надъ ея друзьями.

Таничка съ Сашенькой такъ и липли къ своей новой пріятельницѣ. Имъ, кажется, никогда не надоѣло бы любоваться ея дорогими и изящными нарядами, томнымъ закатываніемъ глазъ къ потолку, лебединымъ движеніемъ, которымъ она повертывала свою граціозную длинную шею, наклоняя голову на бокъ. Этотъ поворотъ шеи ихъ просто съ ума сводилъ; онѣ полжизни отдали бы, чтобъ умѣть подражать ему, но это имъ никакъ не удавалось, какъ онѣ ни старались. Походка Любови Андреевны была тоже неподражаема.

Познакомились дѣвицы Ласточкины съ этой очаровательной особой недавно, и событіе это, какъ и всѣ важныя событія въ ихъ жизни, свершилось въ клубѣ.

Ужь во время представленія Таничка съ Сашенькой замѣтили даму въ оригинальномъ платьѣ изъ темнаго бархата, отдѣланнаго свѣтлымъ атласомъ, на которую вся зала засматривалась во время антрактовъ. По окончаніи представленія, дама эта подошла къ сестрамъ Ласточкинымъ, которыя въ ожиданіи танцевъ прохаживались въ одной изъ гостиныхъ, и очень просто и мило объявила, что она такая-то и давно желаетъ съ ними познакомиться.

— Мнѣ много о васъ говорили, mesdames. Вашъ папаша у меня часто бываетъ,—мы съ нимъ большіе пріятели.

Съ очаровательною фамильярностью взяла она Таничку подъ одну руку, а Сашеньку подъ другую и начала ходить съ ними взадъ и впередъ по длинной, полуосвѣщенной комнатѣ, болтая о всякой всячинѣ, закидывая ихъ вопросами объ ихъ жизни, занятіяхъ и удовольствіяхъ, намекая на то, что онѣ вскружили голову такому-то, ранили въ сердце такого-то...

Оказалось, что почти со всѣми кавалерами дѣвицъ Ласточкиныхъ Любовь Андреевна была такъ же хорошо знакома, какъ и съ Егоромъ Александровичемъ. Всѣ эти господа бывали у нея. Но ее посѣщали также и дамы съ дѣвицами. Она назвала нѣсколько извѣстныхъ фамилій.

— Ко мнѣ съѣзжаются поболтать у камелька, поиграть въ petits jeux. Иногда танцуютъ подъ фортепіано.

Любовь Андреевна обожала молодежь и хвасталась тѣмъ, что и ее также молодыя дѣвушки и юноши очень любятъ и откровеннѣе съ нею, чѣмъ съ родителями.

О тѣхъ ея вечерахъ, на которыхъ проигрывались десятки тысячъ за зеленымъ столомъ, дѣвицамъ Ласточкинымъ тоже было извѣстно,—вѣдь слухомъ земля полнится... Но какое имъ было дѣло до этого?

Если строго разбирать степень нравственности людей, у которыхъ веселишься, да какимъ именно способомъ пріобрѣтаются ими тѣ деньги, на которыя даются балы, вечера и обѣды, тогда ужь лучше помирать со скуки дома и ни съ кѣмъ не знаться.

Нѣсколько дней спустя послѣ знакомства въ клубѣ Любовь Андреевна явилась съ визитомъ къ Ласточкинымъ. Визитъ этотъ ей поспѣшили отдать Таничка съ Сашенькой, однѣ, безъ матери,—Любовь Андреевна такъ убѣдительно просила почтеннѣйшую Дарью Никитишну не безпокоиться.

— Да вамъ тамъ и дѣлать нечего, маменька,—объявила Таничка.—У нея одна только молодежь бываетъ,—вы ее стѣсните, если поѣдете къ ней.

Съ тѣхъ поръ прошло съ мѣсяцъ времени. Дружба между семействомъ Ласточкиныхъ и Любовью Андреевной росла не по днямъ, а по часамъ. Барышни были съ нею неразлучны,—то она у нихъ, то онѣ у нея,—а Дарья Никитишна освоилась со своей новой знакомой на столько, что не стѣсняясь ныла при ней и жаловалась на мужа.

Про Егора Александровича и говорить нечего,—Любовь Андреевна всегда знала лучше и раньше всѣхъ его домашнихъ про его дѣла, желанія и намѣренія.

Просто дивиться надо было, до какой степени этотъ скрытный и молчаливый человѣкъ былъ съ нею разговорчивъ и откровененъ!

Вотъ и сегодня она все о немъ знала: гдѣ онъ былъ, кого видѣлъ, о чемъ говорилъ и съ кѣмъ.

— Вашъ папаша пріѣхалъ прямо изъ засѣданія,—говорила она, посматривая черезъ растворенную дверь въ залу, по которой раздавались шаги гостей Егора Александровича и громкіе голоса.—Онъ хотѣлъ привезти съ собой Степановскаго и Мальвинскаго. Леопардовъ тоже хотѣлъ быть, а также этотъ нѣмецъ, котораго вы у меня видѣли, помните? У нихъ сегодня разбиралось преинтересное дѣло, мадамъ Астафьевой, слышали?

— Это та Астафьева, на которой Таманскій хочетъ жениться? Мы знаемъ. Она, говорятъ, красавица,—сказала Таничка.

— Да, она очень хороша собой и отлично воспитана, очень хорошей фамиліи,—продолжала просвѣщать своихъ юныхъ подругъ Любовь Андреевна.

— А у Таманскаго сто тысячъ годоваго дохода своихъ, кромѣ жалованья,—вскричала Сашенька.

— Тридцать!—авторитетно поправила ее Любовь Андреевна.— Такихъ людей, у которыхъ сто тысячъ годоваго дохода, въ Петербургѣ очень мало и всѣ они на-перечетъ. Вотъ я вамъ скажу...

Она назвала нѣсколько фамилій, а затѣмъ прибавила очень серьезнымъ и наставительнымъ тономъ:

— Нельзя говорить такъ опрометчиво, милая Сашенька,—надъ вами смѣяться будутъ. Въ нынѣшнее время и тридцать тысячъ дохода въ годъ очень даже хорошо.

Таничка удивлялась, почему г-жа Астафьева поручила свое дѣло Степановскому,—вѣдь ужь Мальвинскій извѣстенъ какъ самый лучшій адвокатъ по бракоразводнымъ дѣламъ.

— Они просили Мальвинскаго, но онъ отказался и самъ указалъ имъ на Степановскаго. Недавно еще Таманскій былъ у него, мнѣ самъ Ѳедоръ Николаевичъ разсказывалъ. «Я имъ, говоритъ, совѣтовалъ придерживаться Степановскаго». О, Мальвинскій очень протежируетъ этого молодаго человѣка! Онъ говоритъ, что ни за что не позволитъ себѣ отбивать у него дѣла. «Я скорѣе готовъ ему свои уступить, говоритъ, а не то чтобъ...» Степановскій тоже его очень уважаетъ и ничего безъ его совѣта не дѣлаетъ.

— И знаете почему все это?—Потому, что Степановскій ухаживаетъ за дочерью Леопардова,—замѣтила Таничка.—Онъ на прошлой недѣлѣ у Мамаевыхъ двѣ кадрили сряду протанцевалъ съ нею. Но только все это напрасно,—Лизанька давно влюблена въ какого-то гусара, съ которымъ она познакомилась, когда они жили на дачѣ близъ Краснаго Села. Она ни за кого другаго не выйдетъ замужъ, это вѣрно. Бабикова Соничка разсказывала намъ, что они ужь цѣловались... Помнишь, Сашенька? Да и во всякомъ случаѣ... какая же охота выходить за такого плюгаваго, какъ этотъ Степановскій... Я бы, кажется, ни за какіе милліоны...

— Беззубый, плѣшивый, глаза точно булавки, такъ и колятся, когда на нихъ смотришь,—замѣтила въ свою очередь Сашенька.

— Mesdames, mesdames! развѣ можно придавать такое значеніе внѣшности человѣка? Какой недостатокъ развитія! Мсье

Степановскій уменъ, отлично обставленъ... Процессомъ Астафьевой онъ пріобрѣтетъ себѣ большую извѣстность...

— А знаете, мужъ этой Астафьевой,—перебила ее Таничка,—живетъ со своей дочкой въ домѣ той самой майорши Побѣдашъ, про которую мы вамъ сейчасъ разсказывали? Въ двухъ шагахъ отъ дѣдушки. Они совсѣмъ бѣдные. Говорятъ, дѣвочка въ заплатанныхъ платьицахъ бѣгаетъ, а самъ онъ каждый день на конкѣ въ департаментъ ѣздитъ. Намъ все это намеднись дѣдушкина кухарка разсказывала. Дѣдушка ее съ письмомъ присылалъ къ папашѣ.

— Неужели?—изумлялась Любовь Андреевна, широко раскрывая свои прелестные глаза.—Что вы говорите! Вотъ странное стеченіе обстоятельствъ...

Н. Северинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Кустарные промыслы въ Сибири и значеніе ихъ.

Въ сибирскихъ губерніяхъ, подобно россійскимъ, съиздавна существуетъ кустарная промышленность, обнимая обработку многихъ мѣстныхъ продуктовъ растительнаго и животнаго царства и снабжая своими произведеніями сельское и городское населеніе. Многіе изъ этихъ промысловъ получили начало при самомъ заселеніи Сибири, съ основаніемъ селъ и городовъ, другіе развились впослѣдствіи, заносимые ремесленниками и заводскими рабочими изъ-за Урала. Промыслы эти до послѣдняго времени занимаютъ не мало рукъ, служа важнымъ подспорьемъ крестьянскому хозяйству и удовлетворяя экономическимъ потребностямъ края. Значеніе ихъ далеко еще не выяснено, какъ и роль въ народномъ хозяйствѣ. Сосредоточивъ всѣ свѣдѣнія, какія только мы могли найти о кустарныхъ промыслахъ въ Западной Сибири, мы попытаемся составить очеркъ этой промышленности, съ указаніемъ тѣхъ путей, которыми она можетъ получить дальнѣйшее развитіе.

Изъ собранныхъ нами свѣдѣній о кустарной промышленности видно, что существующіе въ Западной Сибири кустарные промыслы особенно развиты въ Тобольской губерніи, въ округахъ Тобольскомъ, Тюменскомъ, Туранскомъ, Ялуторовскомъ, Курганскомъ, Ишимскомъ и Тарскомъ, и въ Томской губерніи, въ округахъ Томскомъ, Кузнецкомъ и отчасти Бійскомъ и Барнаульскомъ. Кустарныя производства существуютъ по преимуществу въ сѣверныхъ округахъ Тобольской губерніи, гдѣ населеніе не имѣетъ возможности получить достаточно средствъ отъ земледѣлія, но находится въ сосѣдствѣ округовъ плодородныхъ, изобильныхъ животными, растительными и хлѣбными продуктами. Въ лѣсныхъ округахъ Сибири явилась возможность развиться про-

изводству деревянныхъ издѣлій; мѣстности, гдѣ существуетъ обиліе звѣря и пушнины, вызвали выдѣлку шкуръ; близость ископаемыхъ продуктовъ, какъ, напримѣръ, желѣза, въ Тобольской губерніи, получаемаго съ Урала, а въ Томской губерніи—съ Алтая, содѣйствовала развитію кузнечнаго и слесарнаго дѣла. Развитіе всѣхъ этихъ промысловъ обусловливалось, такимъ образомъ, самымъ географическимъ положеніемъ и природою края. Но кромѣ того они вызывались и другими потребностями мѣстной жизни. Отдаленность и отчужденность Сибири побуждала жителей удовлетворять необходимыя и насущныя ихъ потребности обработкой своихъ произведеній на мѣстѣ, поэтому многіе промыслы получили начало чрезвычайно рано въ Сибири и въ первое время вполнѣ замѣняли заводскую промышленность. Далѣе, многіе промыслы возникли подъ вліяніемъ торговли и запросовъ рынка на различные мѣстные продукты, которые были въ изобиліи и могли не только удовлетворять внутреннія потребности, но и представлять выгодный промыселъ для сбыта. Такимъ образомъ кустарный промыселъ получилъ два назначенія: 1) для удовлетворенія мѣстныхъ внутреннихъ нуждъ населенія и 2) для цѣлей торговой промышленности. Сообразно этому назначенію должны дѣлиться и разсматриваться существующіе кустарные промыслы. Къ первому отдѣлу въ этомъ случаѣ должны быть отнесены занятія крестьянъ выдѣлкой самыхъ простыхъ предметовъ, необходимыхъ для домашняго обихода въ сельскомъ быту. Сюда относится производство посуды для своего обихода, тканье холста, выдѣлка сукна и сермяги, приготовленіе посуды, орудій хозяйства, ободьевъ, полозьевъ, оглобель, колесъ, телѣгъ, осей, витье веревокъ изъ мочала и пеньки, плетеніе неводовъ и т. д. Занятія эти распространены во всемъ сельскомъ населеніи и составляютъ принадлежность большинства хозяйствъ. Они исходятъ отъ привычки и наклонности крестьянина обходиться собственными средствами, не прибѣгая къ помощи рынка и къ фабричнымъ продуктамъ, слишкомъ дорогимъ для него. Но различіе мѣстностей, недостатокъ матеріала въ одномъ мѣстѣ и изобиліе въ другомъ, дешевизна и навыкъ производить—породили обмѣнъ и этихъ простыхъ произведеній.

Такимъ образомъ получаютъ распространеніе холсты, сукна, посуда, деревянныя подѣлки, крестьянскія орудія, оси, ободья, телѣги и т. д. Въ нѣкоторыхъ округахъ постепенно выдѣлились изъ этого цѣлые промыслы, но они существуютъ не столько для

торговыхъ промышленныхъ цѣлей, сколько продукты ихъ расходятся въ средѣ сосѣдняго крестьянства. Занятія эти занимаютъ видную часть народнаго хозяйства, имѣя въ виду удовлетвореніе ближайшихъ нуждъ населенія. Они имѣютъ громадное распространеніе и обороты ихъ въ общей суммѣ превосходятъ всѣ другія производства. Такіе промыслы существуютъ вездѣ во всей мѣстности безъ различія. Несмотря на ихъ важное значеніе, они мало замѣчаются изслѣдователями и кустарное производство заслуживаетъ вниманія только тогда, когда оно получаетъ промышленное значеніе, переходя съ крестьянскаго на торговый *купеческій рынокъ*. Нельзя сказать, чтобы промыслы эти, несмотря на ихъ простоту, не подлежали бы извѣстному совершенствованію. Напротивъ, выдѣлка холстовъ, крестьянскихъ суконъ, посуды, орудій хозяйства составляетъ особую заботу хозяевъ, и если они не совершенствуются до высшихъ техническихъ производствъ, то это означаетъ, что крестьянство не обладаетъ къ этому рѣшительно средствами и знаніями. Обработка произведеній, идущихъ на собственное крестьянское потребленіе, а не на рынокъ, должна бы между тѣмъ возбудить особое вниманіе. Это, такъ сказать, *огромная мужичья фабрика,* существующая съиздавна и сама себя поддерживающая. Производства крестьянской дерюги, лаптя, бродня или сапога, въ кустарномъ значеніи для народной жизни, имѣютъ свою исторію несравненно болѣе важную, чѣмъ исторія иныхъ мануфактуръ. Они обращаютъ тѣмъ бо́льшее вниманіе въ Сибири, что крестьянство долгое время здѣсь удовлетворяло домашними продуктами всѣмъ своимъ потребностямъ, подобно Робинзону.

Можно сказать, что народъ, вѣроятно, долго еще, благодаря возможности дешево удовлетворять свои нужды собственными произведеніями, вмѣсто дорогихъ и иногда непрочныхъ привозныхъ произведеній, останется вѣренъ *своей фабрикѣ* въ видѣ кустарей. Другой видъ кустарной промышленности образуютъ производства, получившія высшее развитіе, организующіяся въ цѣлыя промышленныя предпріятія, которыми спеціально заняты цѣлыя семьи, деревни и волости; подобныя производства отличаются отъ другихъ проявленіемъ въ нихъ бо́льшаго навыка, знанія и извѣстной техники. Они служатъ не для одного внутренняго, но и внѣшняго потребленія и подлежатъ запросу болѣе отдаленныхъ рынковъ. Промыслы эти признаются въ такомъ смыслѣ кустарными и приближаются къ заводской промышленно-

сти, составляя ремесленность и заводское дѣло, начатое иниціативой крестьянства. Обращаясь въ частности къ промысламъ Западной Сибири, видно, что изъ спеціальныхъ промысловъ, выдѣлившихся въ Западной Сибири въ прочную кустарную промышленность, дающую значительный заработокъ мѣстному населенію, на первомъ планѣ стоитъ *кожевенное производство* и связанное съ нимъ шитье обуви, приготовленіе рукавицъ, сбруи и проч., существующее въ округахъ Тюменскомъ, Ялуторовскомъ, Ишимскомъ, Тарскомъ, Курганскомъ, Туринскомъ и Томскомъ. Промыселъ этотъ получилъ основаніе очень давно, перенятъ, какъ говорятъ, отъ бухарцевъ, жившихъ въ Тюмени, и впослѣдствіи благопріятствовалъ возникновенію заводской промышленности, которая въ Тобольской губерніи обработываетъ нынѣ кожъ на 2.500.000 руб. Рядомъ съ этимъ существуетъ и кустарное производство кожъ по деревнямъ—въ видѣ мелкихъ заводовъ и ремесленниковъ. Такимъ образомъ кожевенныхъ заводовъ въ Тобольской губерніи весьма много и не всѣ даже усчитаны; нѣкоторые считаютъ ихъ въ Тобольской губерніи до 219 и обработывающихся кожъ въ нихъ на сумму 202.996 рублей. Но кромѣ этого обработываются и частнымъ образомъ кожи по деревнямъ. Такъ, напримѣръ, деревня Рѣшетникова, около Тюмени, выдѣлываетъ ежегодно до 1.000 кожъ яловыхъ и 10.000 конинныхъ. Въ Ялуторовскомъ округѣ существуетъ до 30 мелкихъ заведеній. Выдѣлка кожъ хотя и выдѣлила видную заводскую промышленность и даетъ нѣкоторый заработокъ кустарямъ, но развитіе этого промысла все еще ничтожно, сравнительно съ продуктами, производимыми краемъ. Вывозимыя кожи изъ Сибири питаютъ заводскую промышленность Вятской, Пермской и Казанской губерній; она же поддерживаетъ и кустарный промыселъ этихъ губерній. Въ Вятской губерніи—въ уѣздахъ Вятскомъ, Елабужскомъ, Слободскомъ и Сарапульскомъ—выдѣлываются кожи, привозимыя черезъ Пермскую губерніи изъ Сибири и Киргизской степи, на милліонъ рублей. Выдѣланныя кожи изъ Тобольской губерніи и преимущественно Тюменскаго округа идутъ въ Восточную Сибирь, Киргизскую степь и въ Китай. Поэтому для развитія этого промысла, въ видѣ кустарнаго и заводскаго, представляется крайне широкое поприще въ будущемъ *).

*) О кожевенной промышленности въ Тюмени указываютъ: «Сводъ матеріаловъ о кустарной промышленности въ Россіи» князя Мещерскаго, *Тобольскія*

Рядомъ съ кожевеннымъ промысломъ заслуживаетъ вниманія шорный и чеботарный промыселъ въ формѣ кустарной. Онъ вызвалъ потребность кожаной обуви для сибирскихъ крестьянъ, такъ какъ здѣсь не могутъ носить лаптей, но распространена особая обувь — бродни и чирки. Броднемъ называется чрезвычайно неуклюжій на видъ сапогъ, у котораго голенище изъ простой нечерненой (некрашеной) кожи, а головки черныя. Изобиліе матеріаловъ, потребныхъ на эти издѣлія, дешевизна ихъ работы, доступность цѣнъ для потребителей—обезпечиваютъ успѣхъ сбыта. Обувь эта расходится въ огромномъ количествѣ изъ Западной Сибири въ Восточную на пріиски, какъ и на заводы Пермской губерніи. Центръ этого производства—Тюмень и Тюменскій округъ, гдѣ множество ремесленниковъ берутъ кожи и на-дому шьютъ эту обувь для заводчиковъ и гуртовыхъ торговцевъ. Есть деревни, какъ Рѣшетникова, изготовляющія 35.000 паръ рукавицъ и 60.000 паръ голенищъ; здѣсь же приготовляется до 18.000 хомутовъ. Въ Томской губерніи и собственно въ Томскѣ производится значительное количество сыромятной кожи, изъ которой дѣлается сбруя. Въ Томскѣ до 30 лавокъ шорнаго товара мѣстнаго производства, съ оборотомъ на 100.000 рублей. Точно такъ же развита выдѣлка чирковъ и бродней. Для одного заводчика ихъ поставляется 100.000 паръ. Въ Тобольскѣ и Туринскѣ существуетъ кромѣ того выдѣлка замши изъ козлиныхъ, лосиныхъ и оленьихъ шкуръ, а также приготовленіе изъ нихъ перчатокъ. Въ Алтайскомъ горномъ округѣ, въ Алтайской волости, Бійскаго округа, Томской губерніи, также производится выдѣлка замши изъ буна, марала и козла и шитье изъ нихъ шароваръ, рукавицъ и перчатокъ. Рядомъ съ выдѣлкой замши, кожъ, приготовленіе изъ нихъ шорныхъ матеріаловъ и обуви могло бы составить видную отрасль производства. Собственно сибирскіе чеботари производятъ только самую грубую мѣстную обувь, но они могли бы производить также башмаки и сапоги, такъ какъ это составляетъ въ значительной части привозный товаръ. Кустари Владимірской губерніи, Шуйскаго уѣзда, шьютъ въ большомъ количествѣ обувь, сбывая ее въ Сибирь. Потребность эта легко могла бы удовлетвориться на мѣстѣ. Поэтому шорному и сапожному дѣлу въ Сибири представляется много шансовъ для развитія въ будущемъ.

Губернскія Вѣдомости—«Описаніе Тюменской выставки 1871 года» и «3.000 верстъ по рѣкамъ Западной Сибири», очерки и замѣтки А. Павлова. Тюмень. 1878 года.

Скорняжный промыселъ созданъ въ Сибири давно, благодаря изобилію мѣховъ и запросу на нихъ. Онъ состоитъ изъ выдѣлки овчинъ на тулупы для крестьянскаго населенія и въ выдѣлкѣ болѣе цѣнныхъ мѣховъ на рынки Европейской Россіи. Выдѣлка овчинъ производится въ Тюменскомъ, Туринскомъ и Ялуторовскомъ округахъ. Деревня Шатровская, Ялуторовскаго округа, извѣстна выдѣлкой овчинъ и шитьемъ тулуповъ. Шитье тулуповъ производится изъ киргизскихъ и русскихъ барановъ. Кромѣ того выдѣлываются въ разныхъ мѣстахъ Сибири шубы изъ дикихъ козъ (дохи), барановъ, сибирскіе ергаки, а значительную извѣстность и цѣнность получили сибирскія «дохи» изъ молодыхъ оленей. Выдѣлка овчинъ и тулуповъ однако въ Сибири далеко не получила такого развитія, какъ въ Казанской, Вятской и Владимірской губерніяхъ. Здѣсь эта промышленность даетъ пищу обширному кустарному промыслу, хотя матеріалъ для нея получается изъ той же Сибири. Шемарданъ, Казанской губерніи, выдѣлываетъ болѣе 100.000 мерлушекъ, которыя закупаются въ Петропавловскѣ, Ирбитѣ, Троицкѣ и Оренбургѣ. Въ Шуйскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, гдѣ овчинъ и издѣлій изъ нихъ приготовляется на милліонъ слишкомъ рублей въ годъ, сырье для него идетъ изъ Сибири. Нѣтъ основаній отрицать, что промыселъ этотъ могъ, благодаря овцеводству и изобилію овчинъ, развиться гораздо шире и сравняться съ тѣми же промыслами въ Казанской и Вятской губерніяхъ. Въ послѣднее время получила особенную извѣстность выдѣлка овчинъ и шитье замѣчательно щеголеватыхъ полушубковъ въ гор. Барнаулѣ и Томскѣ. Полушубки окрашиваются съ помощью отвара сандальнаго дерева и реагента хромъ-пика; послѣдній замѣняетъ дубленіе. Составъ этотъ изобрѣтенъ извѣстнымъ ревнителемъ и поощрителемъ мѣстныхъ производствъ, С. И. Гуляевымъ, и вошелъ въ употребленіе въ этихъ шубныхъ заведеніяхъ.

Выдѣлка пушнины и мѣховъ въ тѣсномъ смыслѣ существуетъ въ Тобольскѣ и Томскѣ. Промыселъ этотъ утвердился здѣсь давно, но не совершенствуется и не распространяется. Выдѣлываютъ бѣлокъ, зайцевъ и песцовъ, красятъ ихъ, шьютъ мѣха и сбываютъ на ярмарки.

Прим. Овчинное и шубное производство начало развиваться въ Барнаулѣ съ 1862 года и сдѣлало значительные успѣхи. Въ 1879 году было въ Барнаулѣ 9 шубныхъ заведеній, нѣкоторые имѣли отъ 10—25 рабочихъ. Плата мастерамъ была 150—260 руб., рабочимъ 50—90 руб. Полушубки вывозились въ Восточную Сибирь. Одинъ хозяинъ, Ланинъ, отправилъ ихъ въ 1877 году до 1.000 штукъ.

а всего выдѣлывается до 5.000, приблизительно на 80.000 рублей (собранныя нами свѣдѣнія о кустарныхъ промыслахъ Алтайскаго округа).

Въ Тобольскѣ скорнячествомъ занимаются, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, до 40 женщинъ, выдѣлывая отъ 25 до 40.000 мѣховъ къ Ирбитской и Крестовской ярмаркамъ. Выдѣлывается бѣлокъ отъ 500.000 до 1.000.000, песцовыхъ шкуръ до 5.000, заячьихъ шкуръ до 10.000. На выдѣлку мѣховъ получаются заказы изъ Москвы. Въ Томскѣ существуетъ до 10 женщинъ, занимающихся скорнячествомъ, и выдѣлываютъ до 30.000 шкуръ*). Въ деревняхъ и волостяхъ Западной Сибири, за небольшими исключеніями, скорнячество совсѣмъ не развито. Хотя въ Сибири представляются всѣ условія для развитія этого промысла при существованіи значительнаго звѣроловства и добываніи мѣховъ, но существующее проявленіе его только въ двухъ городахъ показываетъ всю незначительность его, особенно если принять во вниманіе, что большинство мѣховъ вывозится изъ Сибири и обработывается въ другихъ городахъ. По Вятской губерніи выдѣлываются шкуры сибирскихъ бѣлокъ, лисицъ, куницъ, горностаевъ и медвѣдей. Здѣсь занято ими до 1.597 скорняковъ и заработокъ ихъ доходитъ до 747.670 рублей. Въ Шуйскомъ уѣздѣ выдѣлывается до 2.000.000 заячьихъ шкуръ и получается заработка до 200.000 рублей; сибирскій заяцъ здѣсь предпочитается прочимъ. Такимъ образомъ если сибирскіе мѣха даютъ питаніе кустарной промышленности другихъ губерній, то скорнячество тѣмъ болѣе могло сдѣлаться господствующимъ промысломъ въ Сибири и дать значительный заработокъ населенію. Изъ продуктовъ скотоводства возникли въ Сибири, въ видѣ кустарнаго промысла, выдѣлка шерсти, производство крестьянскаго сукна, вязанье изъ шерсти шарфовъ и поясовъ, а также выдѣлка ковровъ, пимокатство и шляпное производство для мѣстнаго потребленія. Крестьянское сукно выдѣлывается въ большомъ количествѣ во всѣхъ округахъ Тобольской губерніи изъ шерсти русскихъ овецъ; по качеству это сукно крайне грубо и извѣстно подъ именемъ *сермяги*. Потребленіе его однако огромно,—каждое почти крестьянское хозяйство производитъ его для собственной надобности. Сюда же относится тканье крестьянскихъ поясовъ, шарфовъ, варежекъ, рукавицъ и чулокъ. Производствомъ этимъ занимаются нѣкоторыя деревни Ялуторовскаго округа, какъ Исетская, Мостовая и Заводо-

*) Близъ Томска въ деревнѣ Аникиной занимаются крестьянки выдѣлкой заячьихъ шкуръ и продаютъ скупщикамъ по весьма низкой цѣнѣ.

уковская. Пояса ткутся на льняной основѣ; выдѣлка ихъ достигла уже извѣстнаго совершенства и они доходятъ стоимостью до 4 рублей за сотню. Кромѣ того Тюменскій округъ и особенно волость Каменская извѣстны выдѣлкой ковровъ, имѣющихъ извѣстный сбытъ; деревни около Тюмени производятъ ежегодно до 20.000 ковровъ. Ковры эти расходятся по всей Западной Сибири и требуются въ Петербургъ, Москву и Варшаву. По разному достоинству своему они употребляются и для шорнаго дѣла, на попоны и подстилку саней. При всемъ искусствѣ рукодѣлья, производству этому не достаетъ техническаго значенія и умѣнья составлять рисунки и подбирать краски. Нѣкоторые изъ самоучекъ, однако, достигали извѣстнаго совершенства, а на Ирбитской ярмаркѣ появлялись ковры съ сносно сдѣланными рисунками. Производство это ждетъ своего развитія и толчка, имѣя готовую почву для развитія. Развитіе и обученіе ткацкому дѣлу въ Сибири поэтому имѣетъ громадное значеніе какъ по отношенію лучшаго удовлетворенія потребностей крестьянства въ выдѣлкѣ суконъ, холстовъ, такъ и въ смыслѣ развитія отдѣльныхъ промышленныхъ производствъ, уже существующихъ въ краѣ. Къ этому же отдѣлу промысловъ относится въ Сибири выдѣлка войлоковъ, кошемъ и пимокатство. Выдѣлка лучшихъ кошемъ принадлежитъ киргизамъ, но она могла бы получить большее развитіе въ виду потребности и пользы этого продукта. Кромѣ того въ различныхъ мѣстностяхъ появляется пимокатный промыселъ. Въ Курганскомъ округѣ, въ волостяхъ Смоленской, Подеринской и Введенской, существуютъ деревни, гдѣ почти все населеніе занимается этимъ ремесломъ. Для выдѣлки сапогъ нѣкоторые держатъ рабочихъ. Въ деревнѣ Ряповой одинъ мастеръ съ рабочими выдѣлываетъ до 5.000 паръ пимовъ и за чистоту выдѣлки имѣетъ похвальный листъ съ Тюменской выставки мѣстныхъ произведеній. Пимокатство существуетъ въ Успенскомъ заводѣ, Тюменскаго округа, гдѣ занимаются имъ до 200 человѣкъ и изготовляютъ до 10.000 паръ. Нынѣ этотъ промыселъ развивается въ Барнаулѣ и округѣ его, занесенный переселенцами. Въ 1866 году положилъ начало ему переселенецъ, зырянинъ Вятской губерніи, и работать началъ одинъ, а въ 1878 году занято было этимъ ремесломъ до 100 человѣкъ переселенцевъ изъ Россіи. Теперь существуетъ уже 15 заведеній, а пимы вывозятся въ Восточную Сибирь, куда ихъ отправляется до 3.000 паръ. Пимокатство и выдѣлка славятся въ Нижегородской губерніи, въ Семеновскомъ

уѣздѣ. Здѣсь дѣлались пимы и шляпы, расходившіяся по всей Россіи. Переселившіеся кустари отсюда водворяютъ этотъ промыселъ и въ Сибири; они положили начало этому производству въ Екатеринбургѣ, Томскѣ, Семипалатинскѣ и Барнаулѣ. Дополненіемъ валяльнаго промысла должна быть выдѣлка шляпъ; къ сожалѣнію, это дѣло остается не развитымъ въ Сибири, но не подлежитъ сомнѣнію, что и оно можетъ существовать здѣсь, удовлетворяя нуждамъ мѣстнаго населенія.

Далѣе обращаетъ на себя вниманіе выдѣлка ситъ, существующая въ Тюменскомъ округѣ, въ деревняхъ Червичевой и Зырянской. Этимъ промысломъ занято до 400 человѣкъ; преимущественно имъ занимаются дѣти и женщины. Въ волости изготовляется до 100.000 ситъ. Нѣкоторые ситники получили дипломы на тюменской выставкѣ. Ситы дѣлались изъ волоса, но нынѣ также приготовляются и изъ проволоки. Промыселъ этотъ могъ бы водвориться и въ другихъ мѣстахъ.

По выдѣлкѣ растительныхъ продуктовъ въ Западной Сибири существуетъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, тканье холстовъ, имѣющее примѣненіе во всѣхъ крестьянскихъ хозяйствахъ. Ялуторовскій округъ выдѣлываетъ простаго холста до милліона аршинъ, на 70.000 рублей (на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе) и бронаго до 10.000 аршинъ, на 1.300 руб. *).

Лучшею выдѣлкой холстовъ извѣстны Тюменскій, Ялуторовскій и Курганскій округи, гдѣ встрѣчаются холсты до 25 коп. аршинъ, т. е. полотна. Холсты изъ этихъ округовъ имѣютъ очень большой районъ распространенія,—они сбываются въ Восточную Сибирь и въ послѣднее время въ Туркестанъ. Несмотря на нѣкоторыя достоинства, нельзя сказать, чтобъ они достигли совершенства и широкаго распространенія. Они не могутъ сравняться съ производствомъ холстовъ во Владимірской губерніи, гдѣ холстъ производится для вывоза въ Москву, Петербургъ, Малороссію, и съ производствомъ Вятской губерніи; та и другая губерніи своими холстами, между прочимъ, снабжаютъ и Сибирь.

Такимъ образомъ и въ этомъ производствѣ Сибирь, отчасти, пользуется кустарными промыслами Европейской Россіи. Въ деревняхъ Тобольской губерніи, Барнаульскомъ и Кузнецкомъ округахъ Томской губерніи, ткутъ скатерти и грубые холсты. Въ

*) «Сводъ матеріаловъ о кустарной промышленности въ Россіи», составл., по порученію отдѣленія статистики Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, княземъ А. А. Мещерскимъ и Н. Н. Модзолевскимъ.

улучшенномъ льноводствѣ и выдѣлкѣ холстовъ на станахъ пролагаютъ дорогу въ Сибирь тѣ же переселенцы. Около Тюмени и въ Курганѣ производится мѣшочный холстъ для торговцевъ, какъ и въ Барнаульскомъ округѣ. Только улучшенія въ ткацкомъ дѣлѣ могли бы поднять эту промышленность въ Сибири. Рядомъ съ этимъ идетъ и окраска выдѣлываемыхъ тканей, существующая въ тѣхъ же волостяхъ, гдѣ выдѣлываются холсты. Окраска эта едва удовлетворяетъ мѣстнымъ вкусамъ и потребностямъ.

Къ пеньковымъ издѣліямъ относится витье веревокъ, выдѣлка мережъ, сѣтей и неводовъ. Этимъ пріобрѣли извѣстность Тобольскій, Тарскій и Кузнецкій округи *). При обширномъ рыболовствѣ въ Сибири явился запросъ на сѣти и невода. Сначала эта потребность удовлетворялась привозными сѣтями, покупавшимися на Ирбитской ярмаркѣ, но лѣтъ 20 назадъ появилось мѣстное производство. Изъ Тобольска расходится нынѣ болѣе 1.500.000 саж. неводовъ. Тѣмъ же отличается и Кузнецкій округъ, Томской губерніи, гдѣ производятъ сѣти инородцы и продаютъ ихъ русскимъ. Замѣчательно, что инородцы производятъ сѣти изъ крапивы.

По выдѣлкѣ хлѣбныхъ растеній замѣтно выдѣлилось въ Западной Сибири приготовленіе пряниковъ, обусловленное мѣстнымъ паточнымъ производствомъ, которое доходитъ до 200.000 пудовъ на заводахъ Курганскаго округа. Оно распространено въ Курганскомъ и Ялуторовскомъ округахъ. Въ Курганѣ существуетъ болѣе 30 пряничниковъ, пекущихъ отъ 500 до 2.000 пудовъ пряниковъ. Полагаютъ, что производство пряниковъ въ этихъ округахъ доходитъ до 200.000 пудовъ, считая по 2 руб. пудъ, цѣнностью на 400.000 рублей. Кромѣ того въ Западной Сибири существуетъ, въ Бійскомъ округѣ и Томскѣ, производство коноплянаго масла, затѣмъ добыча масла изъ кедровыхъ орѣховъ (производство принадлежащее исключительно Сибири) и добываніе подсолнечнаго масла, разведенное переселенцами изъ Россіи. Огромныя поля подсолнечниковъ находятся въ волостяхъ Бійскаго округа и около Усть-Каменногорска.

Затѣмъ среди кустарныхъ промысловъ видную роль играетъ лѣсная промышленность и деревянныя издѣлія, начиная съ выдѣлки посуды, кадокъ, туясовъ, лопатъ, прялокъ, бердъ, корытъ, бочекъ и кончая рамами, сундуками, мебелью, наконецъ телѣгами,

*) Канатное производство получаетъ особое развитіе въ Тюмени и Томскѣ.

колесами, дугами, ободьями и экипажами. Лѣсная производительность Сибири вполнѣ благопріятствуетъ этому промыслу, хотя онъ имѣетъ въ большинствѣ только внутреннее значеніе и едва обезпечиваетъ мѣстныя потребности. Только изъ Тюменскаго округа деревянныя издѣлія идутъ на Ирбитскую ярмарку и въ Томскую губернію. По искусству и дешевизнѣ они однако далеко не могутъ сравняться съ деревянными издѣліями сосѣднихъ губерній — Вятской, Пермской и особенно Нижегородской, Семеновскаго уѣзда, произведенія которыхъ господствуютъ на сибирскихъ рынкахъ. Нѣкоторые шаги въ этомъ отношеніи дѣлаетъ только точеніе посуды въ Курганскомъ округѣ, гдѣ существуютъ токари и красильщики-мастера изъ Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи. Посуда сбывается киргизамъ и въ Монголію. Обученіе токарному дѣлу въ Сибири при азіятскихъ рынкахъ могло бы принести громадную пользу. Другимъ, болѣе высшимъ, производствомъ является работа сундуковъ въ Курганскомъ округѣ, требующая раздѣленія занятій и нѣкотораго искусства. Всѣ желѣзные матеріалы получаются съ Уральскихъ заводовъ и вымѣниваются на хлѣбъ. Въ этомъ явленіи обнаруживается весьма оригинальный фактъ въ исторіи народной промышленности,—потребители и производители иногда обмѣниваются безъ посредниковъ. Сибирскій земледѣлецъ-кустарь везетъ свой хлѣбъ и взамѣнъ беретъ желѣзныя подѣлки у другихъ кустарей, причемъ товаръ ему обходится весьма дешево, чѣмъ въ свою очередь обусловливается дешевизна и окончательнаго продукта. Въ деревнѣ Талой жители преимущественно занимаются этимъ промысломъ, но производство не широко,—выдѣлывается до 500 сундуковъ. Мебель дѣлается въ Тюменскомъ, Тарскомъ, Тобольскомъ и Кузнецкомъ округахъ, преимущественно близъ городовъ. Лучшую мебель производятъ ремесленники-поселенцы и переселенцы изъ Россіи. Экипажи дѣлаются въ Тобольскѣ и Тюмени. Въ Тобольскѣ существуютъ цѣлыя экипажныя мастерскія. Деревянныя издѣлія въ Сибири однако далеко не высокаго достоинства, хотя нѣкоторыя подѣлки и сбываются на Ирбитскую ярмарку. Это зависитъ отъ того, что столярное и токарное мастерство черезчуръ слабо развиты и нѣтъ искусныхъ мастеровъ. Между тѣмъ деревянныя издѣлія въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Сибири могли бы составлять видную часть промышленности и прокормить множество ремесленниковъ. Въ Вятской и Пермской губерніяхъ промыселъ этотъ получилъ громадное значеніе. Изъ Вятской губерніи отправляется

на Ирбитскую, Нижегородскую и Мензелинскую ярмарки на 15—18.000 рублей мебели. Оклеенная мебель развозится въ низовыя губерніи, Сибирь и на Нижегородскую ярмарку. Сундуки изъ Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губерніи, расходятся по сосѣднимъ губерніямъ въ Сибири, Туркестанѣ и Китаѣ. Изъ Симбирской губерніи оконныя рамы идутъ на Кавказъ, Донъ, въ Оренбургъ и Сибирь. Деревянныя издѣлія такимъ же образомъ могли бы распространяться и изъ Сибири. Нельзя не упомянуть также объ одномъ видномъ и чрезвычайно распространенномъ нынѣ промыслѣ, хотя и крайне простомъ: это—выдѣлка лузьевъ, лыкъ, рогожъ и циновокъ. Благодаря сибирской торговлѣ, запросъ на нихъ является громадный. На Ирбитскую ярмарку отвозится однѣхъ рогожъ на 200.000 рублей, коробьевъ до 50.000 и цѣлые обозы веревокъ всевозможной длины. Для упаковки привозимыхъ товаровъ употребляется рогожа и веревка и 350.000 жителей округовъ Тарскаго, Тюменскаго и Тобольскаго получаютъ отъ своихъ лычныхъ издѣлій ежегодно дохода до 1.000.000 рублей. Примѣръ этотъ можетъ служить доказательствомъ, какой въ общемъ цѣнности можетъ достигать весьма простой продуктъ.

Къ лѣснымъ промысламъ можетъ быть отнесена сидка дегтя, существующая въ различныхъ округахъ, особенно по Тавдѣ и Иртышу. Промыселъ этотъ могъ бы быть развитъ и дать значительную поддержку жителямъ, но, къ сожалѣнію, способы добыванія смолы первобытны (въ ямахъ) и при этомъ не добывается ни скипидару, ни тернентину.

Изъ ископаемыхъ предметовъ слѣдуетъ обратить вниманіе на выдѣлку желѣза и на слесарное производство въ Сибири. Собственно обыкновенныя кузницы разсѣяны во всѣхъ волостяхъ и селеніяхъ Западной Сибири, но желѣзное производство, какъ спеціально-ремесленный промыселъ, выдается въ нѣсколькихъ округахъ. Оно проявляется въ издѣліяхъ для удовлетворенія ближайшихъ потребностей сельскаго населенія, въ оковкѣ телѣгъ, въ производствѣ топоровъ, косъ, сошниковъ, серповъ, ножей и экипажныхъ принадлежностей. Наконецъ, существуютъ въ тѣсномъ смыслѣ слесари. Кузнечный промыселъ этого рода находится въ округѣ Тюменскомъ, гдѣ по числу рукъ занятыхъ имъ и деревень, гдѣ производится, онъ можетъ почесться наиболѣе распространеннымъ. Оковка телѣгъ занимаетъ также весьма много рукъ. Лучшія телѣжки и сани продаются здѣсь за десять-пятнадцать рублей. Около Тюмени приготовляется также до 5.000 телѣгъ въ

годъ для обозовъ въ Сибирь и изъ Сибири. Въ Туранскѣ до 30 кузницъ, гдѣ выдѣлываются сошники, ножи, косы, идущія въ Восточную Сибирь и въ Ирбитъ. Кузницы перерабатываютъ болѣе 2.000 пудовъ желѣза. Въ Тарѣ до 15 кузницъ, гдѣ выдѣлываются сошники, топоры, ножи, оковываются экипажи и перерабатывается до 3.000 пудовъ желѣза. Въ Курганскомъ округѣ, въ двухъ селахъ Тебеньковской волости, занимаются исключительно кузнечнымъ промысломъ. Здѣсь выковываются топоры, долота, сошники, гвозди, бороны и нѣкоторыя кузницы дѣлаютъ деревенскіе ножи. Произведенія эти развозятся по ярмаркамъ и идутъ въ Восточную Сибирь. Здѣсь выдѣлывается желѣза не менѣе 10.000 пудовъ. Наконецъ въ Тобольскѣ существуютъ ружейныя мастерскія, особенно въ Сузгунѣ, но онѣ замѣчательны скорѣе по древности возникновенія,—существуютъ съ XVIII столѣтія. Въ кузницахъ этихъ выковываются изъ полосоваго екатеринбургскаго желѣза нарѣзныя винтовки для инородцевъ, которыя идутъ въ Восточную Сибирь и на Амуръ. Несмотря на то, что ихъ выдѣлывается всего до 600 штукъ, винтовки эти весьма дешевыя, до трехъ рублей, но цѣнятся потребителями за ихъ добросовѣстную отдѣлку. Привозныя произведенія этого рода въ Сибири весьма плохаго качества. Въ Томской губерніи существуетъ желѣзный промыселъ въ Томскомъ округѣ и Кузнецкомъ. Особенно заслуживаютъ вниманія кузницы въ Гурьевскомъ и Томскомъ заводахъ. Производство это развилось при желѣзныхъ заводахъ горнаго округа. Въ Гурьевскомъ заводѣ мастеровые забираютъ до 1.200 пудовъ желѣза и выдѣлываютъ для крестьянъ разныя подѣлки. Въ Томскомъ упраздненномъ заводѣ находится до 500 человѣкъ мастеровыхъ, которые, имѣя значительный навыкъ и знаніе въ кузнечномъ и слесарномъ дѣлѣ, оставшись безъ казенныхъ работъ, превратились въ кустарей и занимаются выдѣлкой сошниковъ, топоровъ, сковородъ, котелковъ, оковкою телѣгъ, литьемъ чугунной посуды и удовлетворяютъ мѣстнымъ крестьянскимъ потребностямъ. Несмотря на пріобрѣтенныя знанія желѣзнаго дѣла и умѣнье этихъ мастеровъ, заработки ихъ и сбытъ крайне ничтожны,—по крайней мѣрѣ съ этой стороны слышатся ихъ жалобы. Очень можетъ быть, что, за недостаткомъ поддержки, они перейдутъ къ другимъ промысламъ и тогда цѣлое поколѣніе кузнецовъ уничтожится. Явленіе желѣзнаго кустарнаго производства въ Западной Сибири, какъ мы видимъ, возникло благодаря сосѣдству уральскихъ и пермскихъ заводовъ.

Развитіе его однако ничтожно, если мы сравнимъ желѣзные кустарные промыслы Нижегородской губерніи, гдѣ выдѣлываются гвозди, замки и проч., сбываемые въ различныя мѣста Россіи, въ Сибирь, Туркестанъ и Китай. Одинъ Горбатовскій уѣздъ вырабатываетъ стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій, при помощи кустарей, на 2.500.000 рублей.

Для развитія желѣзнаго промысла въ Сибири есть благопріятствующія условія,—богатыя руды Алтайскаго округа, лѣса, каменный уголь и огромная потребность въ желѣзныхъ издѣліяхъ какъ для мѣстнаго населенія, которое до сихъ поръ обходилось безъ желѣза, имѣя некованныя телѣги, деревянные замки и т. п., такъ и для золотыхъ пріисковъ. Желѣзныя произведенія могли бы имѣть огромный сбытъ къ сибирскимъ инородцамъ, наконецъ въ Туркестанъ, Китай и особенно въ степи и Монголію *). Такимъ образомъ мѣстному желѣзному промыслу, какъ и заводской промышленности, въ Сибири готовится блестящее будуще. Уже Миллеръ въ прошломъ столѣтіи предсказывалъ всѣ выгоды для Сибири этого производства; къ сожалѣнію, оно развивалось до сихъ поръ весьма туго и далеко не стоитъ на той высотѣ и въ томъ положеніи, какое бы ему слѣдовало занять въ промышленности Имперіи.

Остается упомянуть о существовавшемъ давно кустарномъ промыслѣ иконописанія и малярномъ дѣлѣ, когда-то зарождавшемся въ Туринскѣ, но нынѣ павшемъ, такъ какъ тамъ осталось всего два живописца съ небольшими мастерскими. Когда-то туринскіе ремесленники производили для крестьянъ раскрашиваніе подносовъ, посудъ и даже лубочныхъ картинъ и такимъ путемъ удовлетворяли мѣстнымъ крестьянскимъ эстетическимъ потребностямъ. На малярное дѣло существуетъ также запросъ въ Сибири: раскрашиваніе крестьянскихъ домовъ, дверей, ставень, оконъ и крестьянской мебели, — въ большомъ обыкновеніи; занимаются этимъ большею частью странствующіе маляры и поселенцы.

Обозрѣвая кустарную промышленность въ Сибири и ея исторію, мы находимъ, что начала ея положены во многихъ мѣстахъ очень давно, но она далеко не получила еще широкаго развитія и находится на низшей степени. Поэтому малѣйшая конкуррен-

*) Въ настоящее время, какъ сообщаетъ извѣстный путешественникъ г. Пѣвцовъ, въ западной Монголіи выгоднѣе прочихъ товаровъ сбывается разныхъ видовъ желѣзо, особенно листовое, жесть, листовая мѣдь, котелки, желѣзныя ведра, ковши, мѣдные чайники, капканы и ловушки для звѣрей.

ція и подвозъ произведеній лучшей техники убиваетъ эти производства. Нѣкоторые промыслы вмѣсто развитія обнаруживаютъ застой и даже паденіе; иныхъ кустарныхъ промысловъ совсѣмъ еще не возникало въ Сибири, хотя для возникновенія ихъ существуетъ много благопріятствующихъ условій. Разсматривая причины паденія и исчезновенія нѣкоторыхъ кустарныхъ промысловъ, мы замѣчаемъ, что оно совершается: 1) подъ вліяніемъ замѣны ихъ крупною заводскою промышленностью; 2) подъ вліяніемъ конкурренціи болѣе дешевыхъ и удобныхъ для потребленія произведеній, привозимыхъ изъ-за Урала, создаваемыхъ утвердившимися уже кустарными промыслами въ губерніяхъ Европейской Россіи; 3) подъ вліяніемъ заводскаго привознаго продукта, обладающаго дешевизною; 4) наконецъ, и самое главное, они находятся въ застоѣ за отсутствіемъ достаточнаго техническаго знанія, могущаго развить и поддержать рождающіеся кустарные промыслы и за недостаткомъ матеріальныхъ средствъ у кустарей развить и установить эти промыслы въ цѣлыя предпріятія. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ заводской промышленности, бывшій кустарный кожевенный промыселъ, по выдѣлкѣ кожъ, замѣнился нынѣ заводскимъ, что можно видѣть въ Тюменскомъ округѣ; за то развилось шитье кожъ и издѣлій, оставшееся достояніемъ кустарей, находящихся однако подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ заводчика, въ положеніи хотя и «вольнаго», но зависимаго работника.

Многія деревянныя и желѣзныя издѣлія замѣняются привозными, такъ какъ по дешевизнѣ и лучшей выдѣлкѣ превосходятъ сибирскую кустарную промышленность. Такъ конкуррируютъ ложки, сундуки и друг. Недостаткомъ техническаго знанія объясняется и состояніе весьма низкое въ Сибири такихъ промысловъ, какъ ковровое, ткацкое, токарное. Наконецъ очень легко предвидѣть, что безъ совершенствованія падетъ и желѣзное производство.

Не мудрено замѣтить, что кустарный промыселъ въ Сибири распространенъ и поддерживается только въ низшихъ и самыхъ простыхъ произведеніяхъ, удовлетворяющихъ вкусу и потребностямъ крестьянства, но не проявляется въ высшихъ производствахъ, требующихъ болѣе искусства. Зажиточное мѣстное населеніе, съ развитіемъ потребности, привыкаетъ довольствоваться не столько мѣстными произведеніями кустарной промышленности при низкомъ и плохомъ ихъ достоинствѣ, сколько привозными,

развивающими его вкусы и лучше его удовлетворяющими. Очень легко можетъ быть, что при этихъ условіяхъ мѣстному кустарному промыслу, находящемуся въ застоѣ, предвидится только паденіе. Нельзя при этомъ не замѣтить, что опаснымъ конкуррентомъ сибирскаго кустарнаго промысла является не заводъ, но наплывъ кустарныхъ произведеній изъ Россіи. Между тѣмъ при другихъ условіяхъ кустарный промыселъ Сибири въ разныхъ отрасляхъ промышленности могъ бы совершенно удовлетворять потребности населенія на мѣстѣ и возвыситься, благодаря изобилію и дешевизнѣ животныхъ, растительныхъ и ископаемыхъ сибирскихъ продуктовъ, до вывоза въ другія области. Въ этомъ случаѣ по благопріятствующимъ условіямъ въ краѣ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе промыслы: *кожевенный*, проложившій давно себѣ дорогу и получающій сбытъ. Кожевенная производительность Тюменскаго округа достигаетъ по послѣднимъ отчетамъ до 2.702.909 рублей. Въ частности въ этой отрасли обращаетъ вниманіе *замшевое производство* на сѣверѣ Тобольской губерніи и на югѣ въ Алтайскомъ горномъ округѣ. Благодаря оленеводству, промыселъ этотъ могъ бы дать значительное обезпеченіе сѣвернымъ жителямъ *). Поэтому о развитіи его на сѣверѣ Сибири, какъ и о существующемъ сбытѣ оленьихъ кожъ, мы считали бы весьма полезнымъ собрать подробныя свѣдѣнія. Затѣмъ заслуживаетъ вниманія *ковровый промыселъ* въ Тюменскомъ округѣ, въ послѣднія десять лѣтъ получившій особое распространеніе и сбытъ на Нижегородской ярмаркѣ.

При всемъ стараніи, мастерамъ не достаетъ техническаго умѣнья въ рисованіи и знаній въ окрашиваніи шерсти, но все это можетъ быть достигнуто или выпискою мастеровъ, или созданіемъ ремесленныхъ заведеній для обученія. Вязанье шарфовъ, опоясокъ и окраска тканей также нуждаются въ совершенствованіи и обученіи, какъ и ткацкій промыселъ. Выдѣлка изъ овечьей шерсти, пока производящаяся въ пимокатствѣ, могла бы подняться до выдѣлки шляпъ для мѣстнаго потребленія, которая уже начинается въ Тюменскомъ округѣ. Изъ производства растительныхъ и хлѣбныхъ произведеній заявило себя только производство пряниковъ въ Курганскомъ округѣ. Но, принимая во вниманіе изобиліе хлѣб-

*) Замшевое производство въ Архангельской губерніи и Печорскомъ краѣ имѣетъ значительное развитіе. На выдѣлку замши здѣсь идетъ 60.000 шкуръ, на сумму 60.000 рублей. Въ Мезенскомъ округѣ было въ 1864 году 55 замшевыхъ заведеній.

ныхъ произведеній и запросъ на нѣкоторые продукты, къ нему могло бы присоединиться вообще производство хлѣбныхъ консервовъ, коврижекъ, сухарей, вермишели и галетовъ, довольно распространенныхъ въ Сибири и расходящихся даже въ степяхъ у инородцевъ. Точно также желательно распространеніе и совершенствованіе скорняжнаго дѣла, благодаря существованію въ обширныхъ размѣрахъ звѣриныхъ промысловъ въ Сибири. Столько же необходимо обученіе мѣстныхъ жителей приготовлять въ солку рыбу и икру, могущее имѣть особое значеніе при богатствѣ породъ рыбы близъ устьевъ Оби въ Березовѣ и Обдорскѣ, гдѣ попытка этого уже дѣлалась *). Сюда же можетъ быть отнесено копченіе оленьихъ языковъ. Многіе драгоцѣнные сорта рыбы, какъ указали послѣднія изслѣдованія г. Полякова, могли бы приготовляться и, за полнѣйшимъ удовлетвореніемъ мѣстной потребности, вывозиться изъ Сибири съ большою выгодой даже въ Европу. Для этого обская рыбопромышленность должна перейти изъ своей хищнической фазы въ обработывающую. «Рѣка Обь,—говоритъ г. Поляковъ,—представляетъ для этого такой богатый матеріалъ, какой едва ли возможно найти въ какой-либо другой рѣкѣ земнаго шара». Изъ преобладающихъ рыбъ въ уловѣ рѣки Оби являются представители двухъ семействъ по научной зоологической классификаціи: лососевыя и осетровыя. *Семейство лососевыхъ* (Salmonoidei); изъ него господствуютъ въ р. Оби представители рода сиговъ (Coregonus): это—муксунъ, сырокъ, пыжьянъ, щокуръ, нельма и небольшіе сижки, неправильно называемые на Сосвѣ и въ низовьяхъ Оби селедками; они весьма близки по формѣ къ европейскому сигу-ряпушкѣ. Ближайшіе родственники этимъ обскимъ рыбамъ распространены въ холодной и въ холодно-умѣренной полосѣ сѣвернаго полушарія. Они славятся въ Америкѣ по своему нѣжному и вкусному мясу, въ особенности изъ озера Верхняго бѣлый сигъ, мясо котораго считается лакомствомъ. Въ западной Европѣ сиги распространены въ Альпійскихъ озерахъ Швейцаріи, особенно въ Баденскомъ и Невшательскомъ, и въ сѣверной Германіи, гдѣ пища изъ нихъ считается за лучшее блюдо, хотя здѣсь они не достигаютъ значительнаго роста и не отъѣдаются такъ, какъ можно встрѣтить ихъ въ рѣкахъ и озерахъ сѣверной

*) Во время изслѣдованія сѣвернаго пути изъ Европы, въ 1876 и 1877 гг., дѣлались опыты нѣкоторыми моряками приготовленія изъ обской рыбы сардинокъ, не уступавшихъ по качеству европейскимъ, а также приготовлялась и паюсная икра.

Россіи. Но нигдѣ представители рода сиговъ не являются въ такихъ рѣзкихъ и самостоятельныхъ формахъ, какъ въ р. Оби и, быть-можетъ, въ другихъ сѣверныхъ рѣкахъ Сибири. Нѣтъ ни одной формы или, сказать проще, породы сига въ свѣтѣ, которая бы могла уподобиться по величинѣ и нѣжности мяса муксуну или щокуру, кромѣ одного, въ высшей степени рѣдкаго вида, водящагося на недосягаемыхъ рыбаку глубинахъ Онежскаго озера; нельма имѣетъ у себя соперницу только въ р. Волгѣ—бѣлорыбицу, превосходящую величиной ее и совершенно себѣ подобную представительницу въ одной изъ рѣкъ западной Америки. Хорошо, что суровый зимній климатъ благопріятствуетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, доставкѣ этихъ рыбъ въ Россію мерзлыми; но что же до сихъ поръ обскіе рыбопромышленники сдѣлали самостоятельнаго для сколько-нибудь сноснаго приготовленія въ прокъ этой рыбы, лучшей на землѣ?—Они ограничиваются только тѣмъ, что нанимаютъ, смотря по предполагаемому улову, одного-двухъ засольщиковъ-крестьянъ, съ платою каждому по 25—35 руб. въ лѣто, производящихъ грязно и неряшливо засолъ по пріемамъ дѣдовъ и прадѣдовъ. А развѣ западно-европеецъ, еслибы когда-нибудь открылся предполагаемый путь отъ устьевъ Оби моремъ на Архангельскъ и далѣе, отказался бы промѣнять свою плѣнную селедку на хорошо приготовленнаго мѣрнаго муксуна, что бы это ему ни стоило? Тогда тѣ муксуны, которыхъ теперь портятъ засоломъ и которые все-таки доставляютъ вѣрный двойной барышъ, приносили бы тройную выгоду, и, отдѣляя отъ нея *должное* на остяковъ и рабочихъ, рыбопромышленникъ получилъ бы барышъ большій, чѣмъ онъ теперь получаетъ, а все за то, что ловитъ лучшую рыбу въ наиболѣе изобильномъ ею пунктѣ земнаго шара. А поучился ли кто-нибудь этому искусству солить или готовить рыбу, сдѣлалъ рядъ усидчивыхъ опытовъ, проѣхалъ настойчиво съ цѣлью пріобрѣсти знаніе Европу?—Нѣтъ, рыбопромышленники еще смолоду держатъ своихъ сыновей на пескахъ, пріучаютъ ихъ ѣсть просто свѣжую рыбу, только-что вынутую изъ воды, по остяцкому обычаю.—*Семейство осетровыхъ* (Chondrostei). Главнѣйшіе представители этого рязряда на большей части земной поверхности, гдѣ они прежде господствовали,—вымерли. Нынѣ они остались только въ небольшомъ количествѣ видовъ въ нѣкоторыхъ рѣкахъ Сѣверной Америки; но главнымъ центромъ ихъ распространенія на материкѣ Стараго Свѣта служитъ Арало-Каспійскій бассейнъ и бассейнъ Ледовитаго моря въ Сибири, со

всѣми главными, впадающими въ него, рѣками, изъ которыхъ Обь должна занять, конечно, по ихъ изобилію самое видное мѣсто. Едва ли кто можетъ спорить о той громадной цѣнности, которой заслуживаютъ осетровыя рыбы. Изъ нихъ въ Оби господствуютъ осетръ и стерлядь. Но въ той же степени, въ какой они здѣсь изобильны—осетръ больше на сѣверѣ, стерлядь—на югѣ, въ Иртышѣ распространено и незнаніе способовъ, по которымъ было бы возможно извлекать изъ нихъ надлежащую выгоду. Въ Тобольскѣ, напримѣръ, весной я видѣлъ на рынкѣ лодки стерлядокъ по 5 коп. десятокъ мелкихъ, покрупнѣе—по 10 коп. и наиболѣе крупныя по 15 коп. за десятокъ. Въ это время крестьяне продаютъ 1 пудъ икряныхъ стерлядей по 4 рубля. Покупая этотъ пудъ по такой цѣнѣ, можно изъ пуда икряныхъ стерлядей получить 10 фунтовъ икры и продать ее въ свѣжемъ видѣ тутъ же на рынкѣ по 1 руб. за фунтъ; здѣсь вся обработка стерляди будетъ состоять только въ томъ, чтобы распороть ей брюхо, достать оттуда икру, очистить ее кое-какъ и продавать; изъ самыхъ стерлядей остается сдѣлать сколько угодно пироговъ и варить уху, а продажа 10 фунт. икры доставитъ еще 6 руб. барыша; такъ здѣсь и привыкли поступать промышленники. Точно также нынче зимой пріѣхали въ Самарово самоѣды, привезли осетровъ, въ каждомъ пудовъ до 5—6 вѣсомъ, но при сдѣлавшейся на время оттепели должны были ихъ отдать, и то умоляя покупщика, по 2 рубля за каждаго; притомъ изъ нихъ было вынуто громадное количество икры. А все оттого, что рѣшительно нѣтъ никакого умѣнья приготовить осетровыхъ рыбъ и ихъ продукты въ прокъ. Тутъ же, въ Самаровѣ, была попытка дѣлать балыки. Былъ для этого призванъ изъ Тобольска ссыльный уральскій казакъ. Изъ 12-ти данныхъ ему осетровъ онъ дѣйствительно получилъ балыки превосходные; но, по его мнѣнію, ихъ еще нужно было «довести», сдѣлать лучшими, для чего было нужно съѣздить еще въ Тюмень; довѣрчивый хозяинъ, конечно, согласился, казакъ уѣхалъ съ балыками въ Тюмень, тамъ на имя бывшаго своего довѣрителя по приготовленію балыковъ взялъ у кого-то денегъ и исчезъ вмѣстѣ съ балыками, такъ что теперь за нимъ и слѣдъ простылъ.

О той бурдѣ, которую теперь дѣлаютъ изъ осетровой икры, я сказать что-либо не рѣшаюсь. Все говоритъ за то, что рыбопромышленнику необходимо пріобрѣтать прежде всего знанія, не только практическія, техническія, но и теоретическія. Если при

твёрдо усвоенныхъ знаніяхъ, при рядѣ опытовъ (нужно по крайней мѣрѣ знать во многихъ случаяхъ, что такое герметически закупоренная банка) и ихъ примѣненіи къ практикѣ выгода будетъ недостаточна, то нужно искать ее на всемъ обширномъ протяженіи Обской губы, а за тѣмъ далѣе за ея предѣлами, морскими промыслами въ океанѣ. Нужно доказать остяку, что тамъ скрывается не путь къ его вѣчному мученію въ «темномъ царствѣ», а источникъ для счастья и развитія человѣка. Г. Поляковъ приводитъ въ заключеніе отзывъ членовъ бременской экспедиціи о нашемъ рыболовствѣ и о способахъ заготовленія рыбы въ прокъ. Онъ сообщилъ имъ нѣкоторыя мысли, уже высказанныя въ отчетѣ, и члены экспедиціи признали ихъ вполнѣ справедливыми, согласившись, что нѣтъ хуже метода на землѣ, по которому бы приготовлялась такая лучшая въ свѣтѣ рыба. Нынѣшній методъ приготовленія—порча рыбы, тогда какъ при лучшихъ методахъ, которые видѣли члены экспедиціи въ разныхъ концахъ земли, она могла бы легко конкуррировать съ рыбами Норвегіи, Голландіи, Америки, Сардиніи и т. д.

Но не одни предметы рыболовства могли бы дать источникъ дохода въ Сибири. Въ мѣстахъ, изобилующихъ рогатымъ скотомъ, можно ожидать *сыроваренія*. Въ мѣстахъ, гдѣ множество дичи, могло бы существовать заведеніе для приготовленія мяснаго бульона изъ дичи, подобно основанному въ Архангельской губерніи заводу Клячковскаго. Мясной бульонъ этотъ получилъ особое распространеніе. *Лѣсопромышленность* и *деревянныя издѣлія* нуждаются въ распространеніи столярнаго, токарнаго, мебельнаго и экипажнаго дѣла. Наконецъ, та же лѣсопромышленность въ развитіи смолокуреннаго производства, которое составляетъ значительный промыселъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, могла бы дать успѣшный сбытъ смолы изъ Сибири за границу, при открытіи сѣверныхъ путей чрезъ устья сибирскихъ рѣкъ, подобно тому, какъ смола сбывается изъ Архангельской губерніи. Выдѣлка смолы и скипидару кустарнымъ промысломъ, кромѣ того, можетъ имѣть и внутреннее значеніе. Скипидаръ замѣняетъ свѣтильный матеріалъ въ сельскомъ быту и можетъ снабжать города для уличнаго освѣщенія. Въ Норвегіи очищенный скипидаръ замѣняетъ керасинъ и горитъ въ лампахъ. Небольшія скипидарныя заведенія начали появляться въ Барнаульскомъ округѣ.

Далѣе, особеннаго поощренія заслуживаетъ желѣзное производство въ Сибири, какъ имѣющее огромное значеніе въ сель-

ско-хозяйственномъ и промышленномъ быту населенія, способствующее и помогающее всѣмъ отраслямъ промышленности. Необходимо имѣть въ виду, что доставка желѣза обходится слишкомъ дорого населенію и потому крестьяне имъ мало пользуются. Между тѣмъ существованіе этого промысла указано въ Сибири самою природой при изобиліи превосходныхъ желѣзныхъ рудъ. Производство это съиздавна начало утверждаться въ Сибири, хотя, къ сожалѣнію, не получило должнаго развитія за недостаткомъ мастеровъ, умѣнья и предпріимчивости. Все это указываетъ на многіе промыслы, которые могли бы имѣть въ будущемъ очень широкое примѣненіе въ Западной Сибири.

Общее обѣдненіе и паденіе мѣстныхъ промысловъ, за отсутствіемъ техническаго знанія, однако отчасти искупается новою обновляющею струею ремесленниковъ и кустарей, идущихъ въ Сибирь въ лицѣ переселенцевъ-новоселовъ. На это приходится обратить особенное вниманіе.

При изслѣдованіяхъ въ Западной Сибири и особенно наблюденіяхъ, производимыхъ въ деревняхъ, гдѣ начали прививаться ремесла, нельзя не обратить вниманія, какую важную роль играютъ новоселы-переселенцы изъ Европейской Россіи въ насажденіи кустарной промышленности въ Сибири.

Кромѣ улучшенія сельскаго хозяйства, они слывутъ лучшими кожевниками, столярами, кузнецами, пимокатами и т. д. Въ Алтайскомъ селеніи, Бійскаго округа, они привили выдѣлку кожъ. Въ Барнаулѣ, за послѣднія 10 лѣтъ, переселенцы положили начало, какъ мы указали, пимокатству и шубному производству; кромѣ того, изъ нихъ явились экипажники, токари, выдѣлывающіе посуду и чашки, мебельщики, мастера колокольцевъ, а въ одной деревнѣ, около Барнаула, переселенецъ выдѣлываетъ скипидаръ. Тѣ же крестьяне, вблизи Барнаула, сѣютъ горчицу и дѣлаютъ горчичное масло. Малороссы, около Усть-Каменногорска, завели бакшаны и сѣютъ превосходные арбузы, какъ сѣютъ подсолнечники для выдѣлки масла, и т. д. Въ новосельскихъ деревняхъ заведены маслобойни, новаго устройства мельницы и т. п. Каждый новосельскій домъ отличается присутствіемъ ткацкаго станка. На такое важное кустарное и промышленное значеніе переселенцевъ-кустарей въ Сибири нельзя не обратить вниманія, какъ на важный факторъ народно-экономическаго развитія. Кустарный промыселъ, какъ колонизація вообще, самъ прокладываетъ себѣ въ Сибирь дорогу и нужно только этимъ воспользоваться.

До сихъ поръ попытокъ покровительствовать мѣстному промыслу и особенно стремленій къ развитію ремесленнаго образованія дѣлалось въ Сибири весьма мало. Ремесленное училище существуетъ во всей Западной Сибири только одно, въ Тобольскѣ, съ 20-ю учащимися, гдѣ преподаютъ ремесла и, между прочимъ, экипажное мастерство. Затѣмъ опытъ ремесленнаго образованія положенъ въ пріютѣ, основанномъ въ Тарѣ на средства купца Нѣмчинова, гдѣ обучаютъ дѣтей шитью сапоговъ и тканью ковровъ.

Въ деревняхъ ремесленное образованіе нигдѣ не предпринималось. Единственный, обращающій на себя вниманіе, былъ опытъ земледѣльческой и ремесленной школы въ Кузнецкомъ округѣ, въ с. Сосновскомъ, основанной И. Ѳ. Каменскимъ и снабженной богатыми средствами. Ферма эта именно имѣла въ виду развитіе кустарныхъ промысловъ среди крестьянства. Исторія этой школы могла быть примѣромъ частной иниціативы, еслибы не печальный конецъ ея и не препятствія въ мѣстной бюрократической средѣ. Школа эта имѣла обширную программу сельскохозяйственнаго и ремесленнаго обученія. Здѣсь были выписаны земледѣльческія машины и орудія, построены кожевенный, свѣчной и мыловаренный заводы, заведены усовершенствованные ульи для пчеловодства. Училище было выстроено на 60 учениковъ, съ мастерскими, больницей и другими сооруженіями. Первоначальная затрата жертвователя была въ 11.000 руб., а всѣ расходы доходили до 40.000 руб. Кабинетъ Его Величества пожертвовалъ въ пользованіе фермы 400 десят. земли. Она была основана въ память посѣщенія Великаго Князя Владиміра. Къ содѣйствію развитія школы были привлечены три волости Кузнецкаго округа, обязавшагося взносомъ на поддержаніе ея 90 коп. сбора съ души. Эту школу два года поддерживалъ учредитель и попечитель Каменскій. Кромѣ того, наблюдалъ за дѣйствіями ея мировой посредникъ Третьяковъ, умершій въ 1870 году. Въ 1871 году, по происками одного кулака, по представленію бывшаго мироваго посредника V участка, Хаова, не выказавшаго сочувствія и содѣйствія ей, школа эта была закрыта, а имущество ея распродано за безцѣнокъ или расхищено. Примѣръ основанія нѣкоторыхъ ремесленныхъ училищъ и Усть-Сосновской школы, Кузнецкаго округа, показываетъ, что потребность ремесленнаго образованія давно чувствуется въ краѣ и оно могло бы развиться при надлежащемъ сочувствіи, покровительствѣ ему и раціональной постановкѣ дѣла.

Развитіе кустарныхъ промысловъ въ Сибири, въ связи вообще съ развитіемъ мѣстнаго производства, должно получить особое значеніе вслѣдствіе мѣстныхъ географическихъ условій и составить впослѣдствіи одну изъ видныхъ задачъ экономической жизни края.

Мѣстныя особенности этого края состоятъ въ отдаленности его отъ европейскихъ и россійскихъ мануфактурныхъ рынковъ, что вызываетъ высокій провозный тарифъ (отъ Петербурга до Иркутска, напримѣръ, 5 рублей съ пуда). Тарифъ этотъ не можетъ не ложиться тяжестью на мѣстное населеніе и затрудняетъ пріобрѣтеніе многихъ произведеній первой потребности. Если города, а съ ними и высшій и средній классы Сибири въ состояніи еще, хотя и по дорогой цѣнѣ, пріобрѣтать привозные продукты, то большинство сельскаго населенія, вслѣдствіе возвышенныхъ цѣнъ за провозъ, лишены этой возможности. Поэтому въ Сибири крестьянское населеніе обходится безъ многаго того, что доступно домоводству и сельскому хозяйству въ Европейской Россіи. Этотъ высокій провозный тарифъ и разстоянія, отдаляющія Сибирь, должны естественно побудить обратить вниманіе на развитіе мѣстныхъ производствъ для обезпеченія ея населенія.

Могутъ сказать, что 1) желѣзныя дороги, проведенныя въ Сибирь, значительно удешевятъ провозъ произведеній и съ этимъ устранится потребность создавать въ Сибири мѣстное заводское и ремесленное дѣло. Мы имѣемъ основаніе думать, что желѣзныя дороги не въ состояніи будутъ удовлетворить всѣмъ экономическимъ потребностямъ и замѣнить здоровую, производительную трудовую силу мѣстной народной промышленности. 2) Желѣзныя дороги еще не скоро соединятъ отдаленнѣйшія мѣста Сибири; онѣ должны соединить сначала мѣста ближайшія, наименѣе страдающія отъ провознаго тарифа. Наконецъ, 3) провозная плата все-таки будетъ существовать и при желѣзныхъ путяхъ, и чѣмъ далѣе къ окраинамъ, тѣмъ будетъ выше. Самое значеніе для мѣстной производительности этихъ дорогъ въ послѣднее время въ Сибири возбуждаетъ опасенія, не лишенныя основанія, а именно: предполагаютъ, что дѣятельность этихъ желѣзныхъ дорогъ будетъ направлена прежде всего къ вывозу сибирскихъ произведеній въ сыромъ видѣ. Между тѣмъ вопросъ о вывозѣ сырья по самой низкой цѣнѣ, такъ сказать спекуляція на него, не можетъ разсматриваться въ смыслѣ выгоды для народной экономіи.

Съ точки зрѣнія этой экономіи всегда будетъ имѣть болѣе значеніе обработка собственныхъ произведеній на мѣстѣ, давая трудъ населенію, повышая его рабочую плату и путемъ обработки возвышая цѣну мѣстныхъ произведеній природы.

Вторая географическая особенность Сибири, побуждающая къ насажденію и развитію производительныхъ силъ, это—сосѣдство съ азіятскими странами и значительное число инородцевъ, какъ входящихъ въ составъ сибирскаго населенія, такъ и прилегающихъ къ границамъ. Сибирь, по отношенію къ сосѣднимъ дикарямъ и рынкамъ Азіи, должна когда-нибудь играть роль мануфактурнаго рынка. Если дороги заводскія и мануфактурныя произведенія для Сибири, то можно себѣ представить, какъ должна повышаться цѣна ихъ на средне-азіятскихъ, туркестанскихъ и монгольскихъ рынкахъ. Для того, чтобы снабжать эти рынки нашими произведеніями и сколько-нибудь конкуррировать съ произведеніями иностранными и проникающими въ Азію, а также сдѣлать эти произведенія для азіятцевъ доступными по цѣнѣ и склонить ихъ къ пріобрѣтенію предметовъ нашего производства, мы должны подвинуть самое производство какъ можно ближе къ ихъ границамъ и въ этомъ случаѣ Сибирь должна представить наиболѣе соотвѣтствующій этимъ цѣлямъ районъ. Если различныя подѣлки и произведенія, въ томъ числѣ и предметы кустарной промышленности, проникаютъ изъ Россіи въ Монголію, Китай и Туркестанъ, то можно себѣ представить, насколько усилится сбытъ ихъ при развитіи сибирской промышленности.

Вотъ тѣ основанія, которыя, по нашему мнѣнію, обѣщаютъ этой промышленности несомнѣнное развитіе въ будущемъ. Но если желать какой-либо формы ея, то, несомнѣнно, такой, которая наиболѣе обезпечитъ мѣстное населеніе и останется въ рукахъ народа-производителя, а такою формой и является кустарная промышленность. Находясь нынѣ въ первобытной и самой простой формѣ, она, питаемая знаніемъ, несомнѣнно когда-нибудь получитъ высшее и болѣе прочное развитіе, не измѣняя ни своего внутренняго содержанія, ни организаціи.

Въ видахъ изученія народнаго хозяйства и оцѣнки роли кустарной промышленности на нашихъ окраинахъ, весьма желательно было бы собраніе наиболѣе подробныхъ свѣдѣній. Мысль объ этомъ среди мѣстной администраціи являлась во время управленія Западною Сибирью генералъ-губернатора Казнакова, но дѣло это не получило развитія, направясь обыкновеннымъ бюрократи-

ческимъ путемъ, а данныя, собранныя чиновникомъ, присланнымъ съ этою цѣлью министерствомъ финансовъ, до сихъ поръ не опубликованы.

Въ числѣ мѣръ, рекомендуемыхъ нынѣ для развитія кустарнаго промысла въ Сибири, находятся слѣдующія:

1) Образованіе ремесленнаго обученія при сельскихъ школахъ.

2) Образованіе стипендій и обученіе кустарнымъ промысламъ лицъ сельскаго сословія.

3) Снабженіе кредитомъ артелей кустарныхъ промышленниковъ, такъ какъ артельное производство представляетъ болѣе залоговъ и обезпеченія развитію промысла.

4) Привлеченіе въ различные округи Сибири такихъ ремесленниковъ, кои могли бы оказать услугу существующимъ промысламъ и положить начало новымъ промысламъ, возможнымъ по мѣстнымъ условіямъ.

Для поощренія ремесленнаго обученія и промысловъ при сельскихъ школахъ было бы полезно конечно вызвать иниціативу самихъ сельскихъ обществъ. Къ сожалѣнію, наши сельскія общества являются для подобнаго дѣла слишкомъ неподготовленными и мало развитыми. Мѣстная администрація, состоящая изъ земской полиціи, въ этомъ случаѣ можетъ быть весьма мало пригодна; земскихъ же органовъ, могущихъ осуществить прочно это дѣло, къ сожалѣнію, въ Сибири еще не существуетъ.

Однимъ изъ первыхъ практическихъ вопросовъ, которымъ долженъ обусловиться успѣхъ дѣла при учрежденіи ремесленнаго обученія въ селеніяхъ, будетъ пріисканіе способныхъ и хорошихъ учителей-мастеровъ, которые бы не только могли возвысить въ техническомъ отношеніи существующіе въ этой мѣстности промыслы, но и ввести другіе, новые. Выборъ такихъ лицъ, конечно, будетъ весьма затруднителенъ въ первое время, при низкомъ уровнѣ знаній мѣстныхъ кустарей. Но вопросъ этотъ, намъ кажется, будетъ легко разрѣшимъ, если рядомъ будетъ обращено вниманіе на привлеченіе, на извѣстныхъ условіяхъ, опытныхъ кустарей по различнымъ отраслямъ производства изъ Европейской Россіи. Мѣра эта можетъ имѣть очень важное значеніе въ распространеніи и насажденіи въ Сибири кустарнаго промысла. Въ различныхъ губерніяхъ Россіи, какъ доказываетъ исторія кустарнаго дѣла, многія производства возникли благодаря передвиженію кустарей и мастеровъ. Въ этомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія образованіе мебельнаго производства въ Вятской губерніи,

гдѣ одинъ помѣщикъ выписалъ изъ Казани мебельнаго мастера нѣмца, у котораго выучились въ мастерской мебельному дѣлу крестьяне, а затѣмъ разнесли и распространили это ремесло по деревнямъ. Нѣкоторые зашедшіе случайно въ деревни Казанской губерніи кожевники научили выдѣлывать кожи тоторъ и создали цѣлый промыселъ. Въ Симбирскую губернію выдѣлку кожи занесли переселенные сюда крестьяне. Въ этомъ случаѣ вызовъ и переселеніе кустарей изъ губерній россійскихъ въ Западную Сибирь можетъ дать богатые плоды. Вызовъ этотъ можетъ быть сдѣланъ по сношенію съ земствами изъ такихъ губерній и округовъ, гдѣ уже имѣетъ извѣстность какой-нибудь промыселъ и гдѣ малоземелье и ничтожная плата за трудъ побуждаетъ ремесленниковъ къ переселенію. Кустари должны быть привлекаемы въ тѣ округи, гдѣ ремесло и знаніе ихъ принесутъ наиболѣе пользы. Въ видахъ привлеченія ихъ, слѣдуетъ дать переселяющимся льготы, установленныя для переселенцевъ, по вызову правительства (въ VII томѣ Св. Закон. уставъ о благоустр. въ казен. селеніяхъ). Кромѣ того, переселяющимся кустарямъ, не оставившимъ еще земледѣлія, будетъ не безъизвѣстно, что для государственныхъ крестьянъ въ Сибири дается надѣлъ въ 18 десятинъ. Все это можетъ привлечь подобныя полезныя силы и составить истинную пользу для края. Что касается мѣры размѣщенія по округамъ знающихъ ремесло поселенцевъ и сосланныхъ за преступленія, то, не отрицая, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ исправиться и оказать нѣкоторую пользу въ настоящемъ дѣлѣ, позволительно сомнѣваться вообще въ способности подобныхъ лицъ къ труду, при нравственной испорченности ихъ, и тѣмъ менѣе можно ожидать, чтобъ они могли усвоить благія воспитательныя цѣли, какъ и быть выбраны въ руководители и учителя мѣстнаго крестьянскаго населенія.

Другою мѣрой созданія кустарей и ремесленниковъ для поднятія мѣстныхъ производствъ можетъ служить посылка на счетъ сельскихъ обществъ лицъ для обученія въ тѣ мѣста, гдѣ нѣкоторые кустарные промыслы и производства получили извѣстность. Мѣра эта можетъ быть осуществлена, конечно, тогда, если полезность ея войдетъ въ сознаніе крестьянскаго общества.

Наконецъ, какъ мѣра, необходимая для развитія и укрѣпленія кустарнаго промысла, должно быть доставленіе кредита кустарямъ, что можетъ быть достигнуто организаціей ссудныхъ товариществъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ промыслы эти получаютъ

развитіе. Въ различныхъ мѣстахъ Западной Сибири основываются уже ссудныя товарищества; желательно было бы, чтобы ссуды ихъ приспособлялись къ развитію подобныхъ производительныхъ промысловъ. Для образованія и развитія кустарныхъ промысловъ всегда предпочитается ссуда не въ одиночку, но артелямъ, въ видахъ какъ поощренія промысла, такъ и взаимнаго обученія. На такихъ началахъ кустарнымъ артелямъ открывало кредитъ въ Европейской Россіи земство. Нечего говорить, что фундаментальная поддержка и развитіе этихъ промысловъ, въ интересахъ народнаго хозяйства, должна будетъ составить видную задачу будущаго сибирскаго земства, котораго давно ждетъ Сибирь и которое должно будетъ дать толчокъ экономическому развитію внутреннихъ силъ этой отдаленной, но богатой задатками жизни страны.

Н. Ядринцевъ.

Послѣдняя изъ Кастельменовъ.

(НОВЕЛЛА УЙДА.)

Цецилія Кастельменъ была краса своей семьи и въ то же время самая красивая изъ всѣхъ женщинъ въ родѣ Кастельменовъ, когда бывало проходила по громаднымъ заламъ замка Лилліесфордъ. То было давно, полтора столѣтія тому назадъ. Весь городъ сходилъ по ней съ ума. Ея красота—болѣе могущественная сила, чѣмъ сама ненависть партій—одинаково признавалась какъ вигами Сенъ-Джемса, такъ и тори Кокао, какъ красавцами Гаррауай, такъ и мелкими владѣльцами Озинды.

Вездѣ — на Сѣнной площади, равно и въ оперѣ или на королевскомъ балу—ее окружали самые высокопоставленные, самые выдающіеся люди изъ ея современниковъ; прекрасный же полъ партіи виговъ отъ души ненавидѣлъ ее, такъ какъ она до мозга костей принадлежала партіи тори и въ душѣ была сторонницей короля Якова III: она покланялась Болингброку, ненавидѣла Мальброу и принца Евгенія; сильно вѣрила во всѣ ужасы той программы, которую, какъ говорили, приготовили виги для годоваго праздника на 1711 годъ, и ею же, какъ подозрѣвали, была внушена знаменитая сатира на прекрасныхъ дамъ, занимающихся политикой, которыя были выведены въ № 81 *Зрителя*, подъ именемъ Розалинды и Нигранилль.

Цецилія Кастельменъ—еще красивѣе въ двадцать четыре года, чѣмъ въ семнадцать—была еще не замужемъ, несмотря на то, что самые знаменитые люди въ государствѣ готовы были предложить ей свою руку. Стоя выше кокетства своихъ подругъ, презирая игру вѣеромъ и свѣтское жеманство, блестящая, гордая, не имѣющая себѣ равныхъ, она всецѣло принадлежала самой себѣ; ни одинъ изъ самыхъ блестящихъ джентльменовъ въ

городѣ не могъ похвалиться въ обществѣ своихъ товарищей, не прибѣгая для этого къ болѣе нахальной лжи, чѣмъ самъ Томъ Уартонъ, что осчастливленъ хоть единымъ ободряющимъ взглядомъ дочери графа Кастельмена. Напрасно совѣтовалъ ей отецъ не пренебрегать партіями, которымъ завидывали всѣ придворныя дамы; и когда ея прелестныя подруги, истыя кокетки, смѣялись надъ ея холодностью, сильно завидуя ея побѣдамъ, она только слегка улыбалась и качала головой. Но она, можетъ-быть, просто безсердечный человѣкъ? Цецилія не оспаривала такого взгляда.

— Ну, развѣ не милы эти люди?

— Пожалуй, милы.

— Напримѣръ, его свѣтлость Бельамуръ?

— Человѣкъ умный, нѣтъ сомнѣнія.

— А лордъ Мильамонзъ?

— Забавникъ, но хвастунъ; у него красивыя руки. Жаль только, что онъ постоянно объ этомъ думаетъ.

— А сэръ Гай-Риверсъ?

— Такой же внимательный влюбленный человѣкъ, какъ выведенный въ комедіи «Свѣтская дорога». Но она слышала, что онъ смѣялся надъ женщинами, когда пилъ шоколатъ въ Озинда.

— А графъ Даржанъ?

— Храбрый воинъ; но какая возлюбленная въ состояніи будетъ соперничать въ его сердцѣ съ игральными костями Грумъ-Портера?

— А лордъ Филиппъ Бельяръ?

— Настоящій джентльменъ, образецъ придворныхъ, изящный, безупречный молодой человѣкъ; нравится всѣмъ, но не нравится ей.

Очень можетъ быть, что она была слишкомъ разборчива, слишкомъ спѣсива, какъ про нее говорили; но что же дѣлать, если она была такая? Да и къ чему желать ей пересоздаваться, когда она и такъ была счастлива?... Что касается до нея, то она въ свою очередь не могла понять, какъ можно такъ затрачиваться на игру вѣеромъ, на выборъ и подборъ лентъ, на упражненія передъ зеркаломъ въ выдѣлываніи поклоновъ—и все только для того, чтобы добиться взгляда, улыбки людей, которымъ онѣ сами не придавали никакаго значенія. Красивая и гордая женщина должна была стоять выше этихъ притворствъ и мелкихъ побѣдъ.

Такъ думала Цецилія Кастельменъ и гордо шла своею дорогою, оставаясь всегда побѣдительницей и никогда побѣжденной.

Ричардъ Стиль, навѣрно, думалъ о ней, когда подъ именемъ «Набожной кокетки» писалъ въ своемъ дневникѣ: «Я уважаю тѣхъ, которыя могли бы быть кокетками, но не хотятъ, и отъ души презираю тѣхъ, которыя хотѣли бы быть, но, отчаявшись въ возможности, не находятъ словъ, чтобы достаточно очернить своихъ соперницъ, болѣе счастливыхъ, чѣмъ онѣ сами».

Итакъ, Цецилія Кастельменъ была въ то время царицей. Когда бывало она сидѣла въ театрѣ, въ своей ложѣ, на той сторонѣ, которую занимали виги, то самые горячіе поклонники мистрисъ Олдфильдъ и мистрисъ Портеръ едва ли слышали тогда хоть одно слово изъ «Дѣвы-героини» или изъ «Влюбленной вдовы», и изящный молодой человѣкъ, всего болѣе напыщенный своимъ собственнымъ превосходнымъ костюмомъ, смотря на нее, когда она сидѣла съ видомъ царицы и когда на ея челѣ блестѣли брилліанты Кастельменовъ, забывалъ о своихъ перчаткахъ съ серебряною бахромой, о табакеркѣ съ рисунками, о чудной трости и о храбрыхъ подвигахъ, о которыхъ онъ мечталъ.

Какова должна была быть радость ея подругъ, когда 22 іюня большая семейная карета съ тремя раскрашенными цаплями на дверцахъ, изображающихъ гербъ, съ шитыми ливреями, съ позолоченною сбруей, тяжело колыхаясь, катила изъ Лондона по отвратительнымъ проселочнымъ дорогамъ, а крестьяне, выходя изъ своихъ хижинъ, изумленно смотрѣли на княжескую пышность дорожной повозки милорда.

Въ городѣ ходили слухи, что извѣстная духовная особа, священникъ графа Кастельмена, слишкомъ нескромно болталъ въ Кафе Чайльдъ о политикѣ своего патрона, что будто послѣ Утрехтскаго міра, когда снова можно было привозить французскіе товары, черезъ Ламаншъ провозили шифрованныя письма въ палочкахъ шоколата; что нѣкоторыя высокопоставленныя особы были сильно заподозрѣны въ замыслахъ, враждебныхъ спокойствію государства; что графъ отъ одного изъ своихъ высокопоставленныхъ родственниковъ, между прочимъ, получилъ совѣтъ—оставить на нѣкоторое время дворъ, гдѣ на него дурно смотрѣли, и тотъ городъ, гдѣ за самое ничтожное, неблагоразумное слово его могли препроводить въ казематъ,—и ѣхать въ свое имѣніе Лилліесфордъ, гдѣ олени не берутъ на себя роли шпіоновъ и гдѣ буковые лѣса хранятъ тайны.

Прекрасныя дамы, зная, что на весь сезонъ у нихъ будетъ свободное поле, радовались при мысли, что Цецилія закупорена

въ своемъ замкѣ, и отъ всего сердца наслаждались исторіей шифрованнаго письма, злыми рѣчами въ кафе виговъ, дурною славой, которую оставилъ въ Сентъ-Джемсѣ графъ, и въ особенности—что, впрочемъ, входитъ въ правило человѣческой природы вообще, будетъ ли та женская или мужская—несчастіемъ своихъ друзей.

То было въ іюнѣ 1715 года. Тори глухо волновались. Арестъ Ормонда и Болингброка ускорилъ удаленіе новоприбывшихъ изъ Ганновера. Джентльмены побитой партіи начали нетерпѣливо относиться къ вторженію нѣмцевъ и съ сожалѣніемъ думать о законной династіи; они также начали понимать усиливающееся раздраженіе своихъ соотечественниковъ на сѣверѣ, которые давно бились, какъ стая благородныхъ гончихъ, которыхъ держатъ на привязи. Эмиссары то и дѣло разъѣзжали то въ Сенъ-Жерменъ, то къ благороднымъ якобитамъ. Католическіе священники принимали участіе въ этихъ интригахъ. Доставлялись письма въ ничѣмъ неповинныхъ пучкахъ кружевъ и планы войны, завернутые въ конфекты. То было страшное время, переполненное заговорами и противозаговорами, опасностями и кознями,—одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда люди, живя постоянно надъ миной, привыкаютъ любить неизвѣстность и уже находятъ жизнь безъинтересной, если не предвидится съ минуты на минуту возможности разстаться съ ней.

Графъ Кастельменъ счелъ за лучшее послѣдовать данному совѣту—оставить Лондонъ, отчасти для своей личной безопасности, отчасти для того, чтобы подвинуть свое дѣло, такъ какъ и тому и другому было бы лучше отъ его пребыванія въ графствѣ, нежели отъ сосѣдства виговъ въ столицѣ.

Замокъ Лилліесфордъ — громадная постройка временъ норманновъ—скрывался на западѣ въ густыхъ лѣсахъ. Когда пріѣхала туда Цецилія, чтобы раздѣлить уединеніе своего отца, стада оленей паслись подъ буковыми деревьями и лебеди смотрѣлись въ зеркальную рѣчку такъ же, какъ пасутся и смотрятся и въ настоящее время, когда ея имя и ея титулы красуются уже на гробницѣ, гдѣ она покоится въ мавзолеѣ по ту сторону парка. Вся деревня нарядилась въ свою зеленую ливрею Иванова дня, и розаны засыпали своими душистыми лепестками бархатный газонъ, по которому ступала прекрасная изгнанница.

Было безоблачное утро, когда она спускалась по большой лѣстницѣ, гдѣ дамы и кавалеры — ея предки, рисованные Лели и Джемсономъ, казалось, слѣдили за ней изъ глубины своихъ

полированныхъ рамъ; она прошла по площадкѣ своей гордой и легкою поступью и поднялась на террасу, возвышавшуюся надъ паркомъ. Самъ Ванъ-Дикъ съ удовольствіемъ бы сталъ рисовать портретъ этой молодой дѣвушки, которая стояла теперь на балконѣ вся окруженная цвѣтами и облитая свѣтомъ. Съ любовью бы перенесъ онъ на полотно ея руку, граціозно покоившуюся на головѣ борзой собаки, ея прелестную и величественную осанку, ея глубокіе голубые глаза, ясный лобъ и игру свѣта въ складкахъ ея шелковаго со шлейфомъ платья. Но ея портретъ, рисованный самимъ Ванъ-Дикомъ, этимъ истиннымъ учителемъ изящнаго, не былъ бы такъ вѣренъ, какъ тотъ набросокъ, который былъ сдѣланъ нѣсколько позднѣе любящимъ ее человѣкомъ. Этотъ набросокъ и теперь еще можно видѣть въ большой галлереѣ Лилліесфорда, освѣщенной падающими изъ западныхъ оконъ лучами солнца.

Цецилія долго стояла на террасѣ, смотрѣла на лѣсъ, на холмы, по-прежнему положивъ руку на голову борзой собаки. Она не замѣчала пейзажа, который разстилался вокругъ нея: ея мысли были далеко; онѣ были заняты разборомъ шансовъ за и противъ того дѣла, которое она такъ близко принимала къ сердцу,—опасностями, которымъ подвергался отецъ, и тѣми далекими перспективами, которыя сулили ей возвратъ счастья для дома Стюартовъ, единственнаго, который Кастельмены когда-либо признавали за домъ своихъ королей. Она съ сожалѣніемъ покинула городъ; но то, о чемъ жалѣла она, былъ не Бельамуръ, не сэръ Гай-Риверсъ; она сожалѣла о жизни, объ умѣ, о прелестяхъ свѣта, гдѣ она—царица дня—привыкла царить. Но воспоминанію прошлаго она отдала всего нѣсколько минутъ. Когда, въ первое утро своего изгнанія, она стояла на террасѣ, ея мысли постоянно уносились къ честнымъ джентльменамъ сѣвера или ко двору Сенъ-Жермена. Казалось, она улыбалась какому-то видѣнію побѣды, вызванному самолюбіемъ и фантазіей. Когда раздался топотъ лошадиныхъ копытъ, она быстро подняла глаза и увидала всадника. Онъ скакалъ по аллеѣ къ главному подъѣзду дворца. Лошадь подъ нимъ была покрыта пѣной и, казалось, сильно заморилась отъ долгой ѣзды; самъ онъ казался не менѣе утомленнымъ, но тѣмъ не менѣе, проѣзжая у подножія террасы, онъ снялъ шляпу и низко поклонился.

«Ужь не посланный ли это, котораго ждутъ изъ Сенъ-Жермена?»—спрашивала себя лэди Цецилія въ то время, какъ ея собака злобно заливалась на проѣзжаго.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, она разсѣянно принялась вышивать свой носовой платокъ. Въ это время ей пришли сказать, что «его милость» просятъ ее пожаловать въ осьмиугольную комнату. Тамъ она встрѣтила пріѣзжаго, котораго отецъ представилъ ей какъ одного изъ самыхъ вѣрныхъ своихъ друзей, сэра Фулке Равенсуорса, того самаго, котораго они ждали. Цецилія поклонилась съ тѣмъ видомъ увѣреннаго въ себя достоинства, которое нельзя назвать снисходительностью, но которое, казалось, навсегда исключало всякую фамильярность и какъ бы воздвигало вокругъ нея непроходимую преграду.

Сэръ Фулке Равенсуорсъ былъ высокій, красивый мужчина съ благородною наружностью; его лицо, загорѣлое отъ лучей чужаго солнца, теперь поблѣднѣло отъ усталости съ дороги; его платье, шитое золотомъ, еще было покрыто пылью. Но тѣмъ не менѣе, когда онъ поклонился, Цецилія Кастельменъ тотчасъ замѣтила, что ни лордъ Бельамуръ не могъ имѣть лучшей граціи, ни лордъ Мильамонтъ—такого величественнаго придворнаго вида. Однако она скоро стала внимательно слушать разсказъ отца относительно новостей, привезенныхъ сэромъ Фулке изъ Сенъ-Жермена,—привезенныхъ съ лихорадочною торопливостью среди тысячи опасностей и многихъ переодѣваній. То было шифрованное письмо отъ Якова Стюарта къ своему вѣрному и многолюбимому подданному Георгу Герберту графу Кастельмену, письмо необычайной важности, которое въ тѣ опасные дни, когда фигуры на обояхъ, казалось, подслушивали за вами, а собака, которая спала около васъ, казалось, готова была прочесть и выдать вашу мысль,—надо было читать при закрытыхъ дверяхъ.

Тотчасъ уѣхать изъ Лилліесфорда было бы одинаково опасно какъ для посланнаго, такъ и для графа: оставить его у себя—былъ единственный исходъ. Тотъ, кто не за деньги исполнилъ такое порученіе, не могъ такъ скоро удалиться и снова подвергнуть себя всѣмъ опасностямъ, стараясь достигнуть береговъ Франціи. Графъ далъ понять это посланному. Тотъ благодарилъ, соглашаясь на его предложеніе.

Можетъ-быть красавица, у которой, онъ видѣлъ, блестѣли глаза отъ радости и гордости, когда она читала царское привѣтствіе,—можетъ-быть именно она заставила его съ удовольствіемъ согласиться продолжить здѣсь свое пребываніе, а можетъ-быть его вообще мало интересовало, гдѣ онъ проведетъ время въ ожиданіи опредѣленной минуты двинуться въ походъ на жизнь и

смерть за «Бѣлую Розу и длинные волосы». Онъ былъ не больше какъ простой солдатъ «счастья», бѣдный джентльменъ, безъ всякаго состоянія, кромѣ своего имени, безъ всякихъ знаковъ отличія, кромѣ своей шпаги, и преданный такому дѣлу, котораго звѣзда съ давнихъ поръ потускнѣла. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ его жизнь представляла рядъ опасностей и приключеній—то на войнѣ подъ Бервикомъ въ Альманцѣ, то рискуя жизнью при исполненіи опасныхъ порученій, которыя Яковъ Стюартъ не могъ довѣрить никому другому. Храбрый до безразсудства, онъ тѣмъ не менѣе обладалъ тонкостью дипломата, и изгнанный дворъ такимъ образомъ имѣлъ въ немъ самаго дорогаго слугу: совершенно по-княжески, а также и совершенно по-человѣчески, Стюарты старались воспользоваться его услугами, но всегда забывали вознаграждать его за его подвиги.

Лэди Цецилія нѣсколько скучала. Выслушивать по воскресеньямъ замѣчанія насчетъ безконечныхъ проповѣдей капеллана, играть въ крамбо *), принимать или самой навѣщать живущихъ въ деревнѣ женъ пэровъ, которыя не бывали въ Лондонѣ со времени коронаціи королевы Анны, принимать кавалеровъ или охотниковъ за лисицами, которые не знаютъ другой музыки, кромѣ лая своихъ гончихъ—все это для нея было плохимъ утѣшеніемъ. Даже присутствіе посланнаго отъ Стюартовъ теперь не было для нея безразлично.

Въ началѣ она мало его видала; она говорила съ нимъ только за столомъ, съ тѣмъ вѣжливымъ достоинствомъ, которое такъ не похоже на легкія манеры высокихъ современныхъ ей дамъ, съ тѣмъ спокойнымъ и холоднымъ видомъ, который на половину леденилъ самыя сладкія рѣчи на устахъ Бельамура и превращалъ въ нерѣшительныя самыя смѣлыя дѣла.

Мало-по-малу она увидала, что сэръ Фульке былъ знакомъ со многими странами, что онъ зналъ языкъ и литературу Франціи, Италіи и Испаніи, наконецъ, что онъ прошелъ науку свѣтскаго человѣка въ салонахъ Версаля при пріемѣ герцогини Мэнъ и при дворѣ Сенъ-Жермена. Онъ говорилъ съ увлеченіемъ, но серьезно и рѣшительно, о необходимомъ кризисѣ, который приближался, и его разговоры больше нравились Цециліи, чѣмъ тотъ вздоръ и пустяки съ претензіей на что-то, къ которымъ ее пріучили въ Лондонѣ. Тамъ, среди обожателей, которые оспаривали другъ у друга ея вѣеръ, она, безъ сомнѣнія, едва ли бы замѣ-

*) Пріискиваніе риѳмъ къ слову.

тила бѣднаго офицера. Здѣсь же она снисходила и слушала повѣреннаго короля, снисходила до улыбки, и какой улыбки?—такой рѣдкой и такой прекрасной на ея гордыхъ устахъ... Когда онъ разсказывалъ ей о придворныхъ дамахъ другихъ странъ, а иногда—онъ это дѣлалъ неохотно—и о своей жизни, полной случайностей и опасностей, она интересовалась. Она любила затягивать съ нимъ бесѣду, когда они вмѣстѣ возвращались верхомъ по буковымъ аллеямъ или когда, стоя на террасѣ замка, они оба любовались закатомъ солнца. Джентльменты и дамы Сентъ-Джемса съ своими французскими романами, съ своими цитатами изъ *Aurungzebe* совсѣмъ не пріучили ея къ подобнымъ разговорамъ.

Фульке Равенсуорсъ никогда не льстилъ ей, и лесть всегда была противна вкусамъ Цециліи. Онъ спокойно при ней осмѣливался хвалить красоту другихъ женщинъ; онъ даже имѣлъ смѣлость не всегда соглашаться съ ея мнѣніемъ. Хотя онъ былъ солдатъ, но онъ умѣлъ владѣть карандашомъ и кистью; онъ читалъ ей вслухъ поэму Тасса или комедіи Лопе-де-Вега. И этотъ бѣдный дворянинъ, безъ будущаго, говорилъ о жизни и своихъ надеждахъ,—говорилъ съ такой смѣлою рѣшительностью, какой она до настоящаго времени еще ни у кого другаго не встрѣчала. Однимъ словомъ, во время этихъ длинныхъ лѣтнихъ дней лэди Цецилія нашла въ посланномъ изъ Сенъ-Жермена собесѣдника по своему вкусу. Она уже меньше искала уединенія въ своей комнатѣ и охотно слушала его по вечерамъ, когда роса переполняла лепестки розъ и звѣзды смотрѣлись въ водѣ промежду кувшинокъ. Какое-то сладкое чувство овладѣвало ею тогда,—ею, которая хвалилась тѣмъ холоднымъ равнодушіемъ, на которое такъ часто жаловались ея обожатели; это сладкое чувство и придавало ея красотѣ ту тайную прелесть, которой до этихъ поръ не доставало прелестной Кастельменъ. Когда она грустно проводила рукой по перьямъ своего сокола, когда она слушала стихи, гдѣ Петрарка и Конгрева говорятъ о любви, можно было видѣть, какъ время отъ времени ея щечки и лобъ покрывались легкою краской, такъ быстро исчезавшей, какъ отраженіе вечернихъ облаковъ на бѣлой мраморной статуѣ. Затѣмъ она овладѣвала собой, отгоняла свои мечты и по-прежнему становилась горда, холодна, какъ бриллианты Кастельменовъ, которые она носила въ волосахъ.

Такъ проходило лѣто. Желтѣла нива, листья буковыхъ деревьевъ принимали осеннія краски. Какъ рожь спѣетъ только

ради превращенія и листья на деревьяхъ золотятся для того только, чтобъ умереть, точно также и сильнѣйшее людское честолюбіе и самыя сладкія надежды растутъ собственно для того, чтобы погибнуть въ разочарованіи.

Четыре мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ посланный отъ Стюартовъ пріѣхалъ въ Лилліесфордъ,—четыре мѣсяца, которые для него прошли какъ сонъ; настала минута, когда онъ долженъ былъ исполнить полученный приказъ—скорѣе ѣхать въ Шотландію и отвезти инструкціи и депеши къ графу Мэру: претендентъ на престолъ готовъ былъ соединиться съ вѣрными шотландцами. Если судить по отвагѣ Фулькe Равенсуорса, то побѣда казалась вѣрной; пораженіе вслѣдствіе внутреннихъ усобицъ или измѣны было невозможно. Можетъ-быть успѣхъ дастъ ему право,—ему, который, кромѣ чести и шпаги, ничего не имѣетъ,—дастъ ему право добиться....

Цецилія Кастельменъ стояла въ амбразурѣ своего окна; лучи октябрскаго солнца играли въ опалахъ ея корсажа; она держала руку у сердца, какъ будто тамъ ей было что-то больно. Для нея было совсѣмъ ново это безпокойство, эта усталость, эта тяжесть, которыя она чувствовала и которыя ее не покидали. Не опасеніе ли это, — говорила она себѣ,—за общее дѣло, не отъ опасностей ли, которымъ подвергается ея отецъ? Но какъ это было слабо, по-дѣтски, недостойно женщины изъ рода Кастельменовъ!... А между тѣмъ тоска не покидала ее.

Собака,—она спала возлѣ нея,—съ глухимъ ворчаніемъ подняла голову, когда послышались мужскіе шаги въ святилищѣ ея госпожи; затѣмъ, узнавши друга, она снова улеглась спать. Цецилія медленно подняла голову; она знала, что лошади уже ждутъ; она думала избѣжать церемоніи прощанья и никакъ не предполагала, чтобы кто-нибудь былъ настолько дерзокъ и осмѣлился бы войти къ ней прощаться, не испросивъ предварительно на то позволенія.

— Лэди Цецилія, я не могъ уѣхать, не услыхавъ отъ васъ ни одного слова. Простите, что я осмѣлился придти за нимъ сюда!

Какимъ образомъ случалось, что прямыя и краткія слова Равенсуорса нравились ей всегда больше, чѣмъ позолоченныя и вкрадчивыя рѣчи всѣхъ другихъ, ему самому трудно бы было это объяснить, если только это происходило не отъ того, что въ тонѣ его голоса было нѣчто честное, серьёзное, совсѣмъ новое какъ для ея слуха, такъ и для сердца.

Она сильнѣй сдавила въ рукѣ опалы — признакъ тоски — и улыбнулась:

— Пусть Богъ не оставитъ васъ, сэръ Фульке, и пусть хранитъ васъ отъ всякаго несчастія.

Онъ тихо поклонился, затѣмъ, выпрямившись и смотря на переливы свѣта въ ея опалахъ, произнесъ:

— И это все, чѣмъ вы наградите меня?

— *Все*?... А вы хотѣли бы большаго, сэръ Фульке? И это уже много,—я не сказала бы такъ другимъ.

— Простите! Дѣйствительно это много, и я не сталъ бы просить васъ о большемъ, еслибы дѣйствовалъ благоразумно и согласно съ разсудкомъ. Я не имѣлъ никакого права требовать большаго; подобныя просьбы дозволительны только любимцамъ счастія, у бѣдняка же не должно быть ни чувства, которое можетъ его заставить страдать, ни гордости, которую могутъ оскорбить,—это все достояніе счастливыхъ.

Губы Цециліи поблѣднѣли, но она съ гордостью отвѣтила:

— Ваша рѣчь странна, сэръ Фульке, я не понимаю ея.

— Значитъ, вамъ ни разу не приходила мысль, что здѣсь, подлѣ васъ, я подвергаюсь болѣе смертельной опасности, чѣмъ на полѣ сраженія? Вы не догадались, что я имѣлъ безуміе, имѣлъ гордость любить васъ?...

Она покраснѣла до ушей, а потомъ сильно поблѣднѣла. Первымъ ея движеніемъ было чувство оскорбленной гордости. Бѣдный дворянинъ говорилъ ей о любви,—слово, которое самые смѣлые люди едва осмѣливались произносить возлѣ нея шепотомъ. И онъ смѣлъ чувствовать къ ней любовь и даже отважился сказать это!...

Равенсуорсъ замѣтилъ чувство досады и гордости, которыя выражались въ каждой чертѣ ея прелестнаго лица, и, когда она захотѣла было говорить, онъ остановилъ ее:

— Погодите! Я знаю, что вы хотите сказать. Вы находите, что съ моей стороны это—дерзость, для которой нѣтъ имени, что это безразсудство...

— Такъ какъ вы хорошо угадываете мои мысли, то не лучше было бы избавить меня и себя отъ этого безполезнаго и неожиданнаго свиданія. Зачѣмъ?

— *Зачѣмъ?*—Затѣмъ, что можетъ-быть вы никогда не встрѣтитесь со мной въ этой жизни и можетъ-быть вспомните съ теплотой и прощеніемъ о томъ оскорбленіи, которое я вамъ нанесъ

(если только можно оскорбить васъ тѣмъ, что полюбить васъ больше жизни и меньше только самой чести), когда узнаете, что я погибъ за общее дѣло, нося въ сердцѣ ваше имя, дорого хранимое: оно никогда не слетитъ съ моихъ устъ. Искренняя любовь не можетъ быть ни для кого оскорбленіемъ. Елизавета Стюартъ нисколько не считала себя униженной отъ преданности Вильяма Кравена.

Цицилія не отвѣчала; она гордо держала голову, которую обливали лучи осенняго солнца. Ея гордость не умалялась, но сердце ея билось непривычно. Она глубоко страдала при мысли, что какой-то бѣдный бѣглецъ осмѣлился говорить ей о любви. Что же такое сдѣлала она, что сказала она, чтобъ онъ могъ позволить себѣ такую свободу? А между тѣмъ она чувствовала, что сердце ея бьется отъ безпредѣльнаго чувства удовольствія, котораго она еще никогда не испытывала. Но она тотчасъ подавила это чувство, какъ признакъ слабости и безразсудства, недостойныхъ послѣдней изъ Кастельменовъ.

Онъ хорошо видѣлъ, что происходило въ ней, что туманило ея взоръ, обычно спокойный, и заставляло дрожать ея гордыя губы; онъ нагнулся къ ней и голосомъ дрожащимъ отъ сильнаго чувства сказалъ:

— Лэди Цецилія, выслушайте меня! Если въ войнѣ, которая предстоитъ, я пріобрѣту славу и отличіе, если побѣда будетъ на нашей сторонѣ и если король вспомнитъ обо мнѣ въ дни своего счастія, если впослѣдствіи я явлюсь передъ вами съ извѣстіемъ о побѣдѣ, съ именемъ, которое Англія научится знать,— тогда... тогда позволите мнѣ сказать вамъ то, что не желаете выслушивать теперь, и позволите надѣяться получить отъ васъ болѣе благосклонный отвѣтъ?

Она посмотрѣла ему прямо въ лицо и увидала въ его глазахъ безпредѣльную надежду, а на челѣ—великую отвагу смѣлой души; она слышала при окружающей тишинѣ біеніе его сердца; ея глаза сдѣлались мягче, добрѣе и, оборачиваясь къ нему съ своимъ царственнымъ видомъ, она произнесла въ полголоса: «да».

Это слово, которое едва можно было разслышать, было произнесено спокойно и съ достоинствомъ. Краска, разлившаяся по ея щекамъ, придавала ей еще больше красоты вслѣдствіе гордости, которая мѣшала появиться слезамъ и не позволяла произнести болѣе нѣжнаго слова.

Но это «да», произнесенное Цециліей Кастельменъ, считалось за слишкомъ многое.

Носовой платокъ, прекрасно вышитый ея собственными руками, съ ея гербомъ и вензелемъ, упалъ къ ея ногамъ. Онъ поднялъ его и, пряча у сердца, сказалъ:

— Если меня постигнетъ неудача, я возвращу вамъ его, какъ знакъ, что я отказываюсь отъ всякой надежды; если же я вернусь съ честью и славой, то этотъ платокъ будетъ мнѣ залогомъ, что я имѣю право говорить и вы выслушаете меня, — не правда ли?

Вмѣсто отвѣта она наклонила свою благородную голову. Горячія уста молодаго человѣка прильнули на минуту къ ея рукѣ. Затѣмъ она осталась одна у окна, чувствуя, какъ болѣзненно билось ея сердце. Ея глаза блуждали по окрестности, гдѣ листья одинъ за другимъ падали съ деревьевъ, гдѣ рѣка, протекавшая по парку, казалось, шептала горькія сожалѣнія о хорошихъ дняхъ прошлаго.

Черезъ два мѣсяца голыя вѣтви буковыхъ деревьевъ колыхались отъ холоднаго декабрскаго вѣтра и снѣгъ покрывалъ террасу замка, гдѣ повислыя льдинки замѣняли теперь цвѣты розановъ. По всей странѣ ходили зловѣщіе слухи, которые несли съ собой уныніе и страхъ въ сердца людей вѣрныхъ Бѣлой Розѣ. Гонцы, скачущіе въ галопъ и останавливающіеся на минуту у дверей трактировъ, крестьяне, ведущіе бесѣду вокругъ разведеннаго огня кузницы, духовенство виговъ, прославляющее бога войны за его видимую благодать—всѣ разсказывали одну и ту же исторію, исторію сраженія при Шерифъ-Мюирѣ и про бѣгство претендента престола.

Дурныя извѣстія достигли до Лилліесфорда, гдѣ графъ приготовлялся развернуть на западѣ царское знамя, вышитое руками его дочери, и объявить Якова III властелиномъ и королемъ Великобританіи и Ирландіи. Дурныя вѣсти продолжали прибывать, и Цецилія Кастельменъ въ отчаяніи проливала горькія слезы при мысли, что одинъ изъ Стюартовъ могъ пуститься въ бѣгство при видѣ измѣнника Аргилла, и что тамъ были люди, которые предпочли жизнь геройской смерти. О, зачѣмъ она—женщина, зачѣмъ она сама не была въ Престонѣ, чтобы пристыдить ихъ за ихъ слабость и показать имъ, какъ нужно умирать вмѣстѣ съ осужденнымъ на смерть городомъ, а не отдаваться въ плѣнъ!...

Быть-можетъ къ ея горю о королѣ присоединялось еще нѣчто болѣе мучительное, болѣе жгучее—воспоминаніе о честномъ и отважномъ лицѣ, такъ недавно обращенномъ къ ней съ выраженіемъ надежды и безграничной любви; а теперь это лицо, быть-можетъ блѣдное, холодное, смотритъ въ лагерѣ Шерифъ-Мюира на зимнія звѣзды.

Двѣнадцать мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ золотая карета Кастельменовъ съ своей княжескою свитой пріѣхала на западъ въ графство. Скелеты бѣлѣли въ гробахъ лондонской тюрьмы, прибитые черепа въ храмѣ Бэръ чувствовали зимній снѣгъ и весеннее солнце; Кенмюиръ погрузился въ глубокій сонъ и Дервентуатеръ потерялъ свою молодую и красивую голову за нестоющее дѣло; вересъ цвѣлъ тамъ, гдѣ пали мертвые при Шерифъ-Мюирѣ.

Еще новое лѣто наступало въ Англіи. Розы наклоняли свои нѣжныя головки на террасу Лилліесфорда, цапли на берегу рѣки расправляли свои серебристыя крылья, ласточки быстро описывали свои круги около высокой башни и голуби ворковали въ зелени; но графиня Кастельменъ, ставшая единственной представительницей своего рода и единственною владѣтельницей громадныхъ имѣній, которыя разстилались передъ ней, не находила ни радости въ блескѣ солнца, ни прелести въ пѣніи птицъ.

Она была послѣдняя изъ Кастельменовъ. Ея отецъ, разбитый несчастіями, разразившимися при Шерифъ-Мюирѣ и Престонѣ, умеръ въ тотъ самый день, когда его заключили въ лондонскую тюрьму. Наслѣдниковъ мужскаго пола послѣ него не оказалось, и потому его титулъ перешелъ къ дочери. Распространился слухъ о конфискаціи имуществъ графа Кастельмена и объ опасности, угрожавшей самой Цециліи. Были люди, которые въ тайнѣ отъ нея заботились о ней и хлопотали о томъ, о чемъ бы она сама просить не стала, такъ какъ была слишкомъ горда. Жадность «гановерской клики» пощадила земли и лѣса Лилліесфорда. Цецилія облеклась въ трауръ и удалилась отъ людей; она такъ замкнулась въ своемъ уединеніи, что никто не осмѣливался къ ней заглянуть. Еще болѣе холодная, еще болѣе гордая, чѣмъ когда-либо, она плакала о погибшемъ дѣлѣ своего изгнаннаго короля; она не хотѣла ничего знать о тѣхъ, кто участвовалъ въ этихъ несчастіяхъ, и только одна ея собака могла подмѣтить на ея лицѣ какое-то томленіе, когда она, наклоняясь, ласкала ее.

Она стояла у своего окна, какъ бывало прежде. Ея взоръ блуждалъ по пустому парку; губы были блѣдны, какъ водяныя лиліи. Можетъ-быть она сожалѣла о сказанныхъ ею словахъ тому, кого она больше никогда не увидитъ; можетъ-быть она думала о вышитомъ своими руками платкѣ — залогѣ любви, который должны были принести ей въ день побѣды и который теперь, обагренный кровью, безъ сомнѣнія, лежалъ на сердцѣ, переставшемъ уже биться: во весь этотъ длинный годъ до нея не долетѣло ни одного слова о Фулькѣ Равенсуорсѣ.

Ея гордость была ей дорога, дороже всего на свѣтѣ. Она имѣла право сказать такъ, какъ сказала и какъ вполнѣ приличествуетъ одной изъ Кастельменовъ. Еслибъ она поступила иначе, то это была бы слабость... Кто онъ такой?—бѣдный солдатъ, осмѣлившійся поднять на нее глаза. Но трауръ, который носила она, былъ трауромъ не по одномъ только отцѣ; не изъ-за изгнанныхъ Стюартовъ только потускнѣли отъ слезъ ея очи, и не потому Цецилія Кастельменъ—красота, одинаково восхваляемая какъ по всему городу, такъ и при дворѣ — съ мѣсяца на мѣсяцъ оттягивала свое пребываніе въ Лилліесфордѣ.

На башнѣ замка пробило 12 часовъ и блестящее утреннее солнце, казалось, сильнѣе давило ей сердце; ничто не могло развлечь ея: ни жужжаніе насѣкомыхъ, ни звонъ серебрянаго колокольчика у ея любимаго оленя. Сидя неподвижно и разсѣянно смотря на голубую даль, она не слыхала шаговъ по травѣ и не замѣтила, какъ олени испуганно пустились бѣжать и какъ вдругъ передъ ней изъ кустовъ папоротника предсталъ молоденькій мальчикъ, подошелъ къ террасѣ и почти дѣтскимъ, но въ то же время рѣшительнымъ голосомъ заговорилъ къ ней о прощеніи. Она обернулась. Ребенокъ, одѣтый въ лохмотья, осмѣлился предстать передъ ней, графиней Кастельменъ!... Но въ манерѣ, съ которой онъ поклонился, замѣтна была развязность пажа.

— Простите, миледи! Мой господинъ приказалъ мнѣ видѣть васъ, еслибы мнѣ пришлось ждать даже до полночи.

— Твой господинъ?...

Розовая краска на минуту покрыла ея лицо, но тотчасъ же оно покрылась сильною блѣдностью.

Мальчикъ не обратилъ вниманія на ея слова и продолжалъ громкимъ, взволнованнымъ голосомъ, боязливо оглядываясь кругомъ, какъ заяцъ, который боится охотниковъ:

— Онъ приказалъ мнѣ, когда увижу васъ, не говорить его имени, а только передать вамъ этотъ залогъ, чтобы вы видѣли, что хотя и все погибло, но онъ не забылъ ни своей чести, ни вашей воли.

Цецилія не отвѣчала. Она протянула руку: то былъ ея вышитый платокъ съ ея графской короной и съ ея именемъ.

— Такъ твой господинъ живъ?

— Онъ мнѣ приказалъ ничего больше не говорить; вы получили его посылку—и это все.

Она положила свою бѣлую, нѣжную руку на плечо мальчика; но эта рука показалась ему желѣзными тисками.

— Отвѣчай мнѣ, дитя, или берегись!.. Говори мнѣ о томъ, кого ты называешь своимъ господиномъ,—говори все, скорѣй, скорѣй!

— А вы принадлежите къ его друзьямъ?

— Царь Небесный... да говори же!

— Онъ подъ страхомъ своего гнѣва приказывалъ не говорить вамъ ничего больше. Но если вы его любите, то я увѣренъ, что мнѣ позволено будетъ сказать то, что вамъ уже должно быть извѣстно. Развѣ тотъ любитъ дѣйствительно, кому приходится спрашивать—умеръ или живъ его другъ?

Блѣдное лицо графини покрылось краской. Царственнымъ жестомъ она отдала мальчику приказъ говорить,—она не привыкла къ неповиновенію, а то, что онъ сказалъ, разрывало ея сердце на части.

— Сэръ Фулькe завтра уѣзжаетъ къ берегамъ Франціи,—сказалъ онъ съ безпокойной поспѣшностью.—Когда съ одной стороны бѣжали наши, а съ другой—приверженцы Аргилла его приняли за мертваго и оставили на полѣ битвы, то, еслибъ онъ не былъ такого крѣпкаго сложенія, онъ, конечно, умеръ бы тогда же, въ ту ужасную ночь: раненый, безъ всякой помощи, онъ лежалъ на холодномъ вѣтру. Онъ не былъ изъ числа тѣхъ, которые бѣжали,—это вы, конечно, сами знаете, если знаете его. Передъ разсвѣтомъ намъ удалось его унести; я и Дональдо—мы спрятали его въ шатеръ. Съ нимъ сдѣлалась горячка и онъ не сознавалъ, что мы съ нимъ дѣлали; но этотъ клочокъ кружевъ онъ не выпускалъ и держалъ въ рукахъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Какая волшебная сила скрывалась тамъ?... А можетъ-быть тамъ была именно та волшебная сила, которая наконецъ спасла его: вѣдь, очень странно, что онъ выздоровѣлъ. Мы дѣ-

лали все, что могли; охотно отдали бы за него всю жизнь. Весь годъ мы провели въ горахъ Шотландіи, скрываясь и стоя настороже. Жизнь не манила сэра Фульке и, я думаю, онъ не особенно благодаритъ насъ за свое спасеніе. Но какъ бы сильно ему пришлось страдать, когда бы эти безчеловѣчные виги связали ему назадъ руки и повѣсили его, какъ мясники вѣшаютъ барановъ? Но теперь самая большая опасность миновала и завтра мы переправимся черезъ Ламаншъ. Англія—больше не мѣсто для моего господина.

Рука Цециліи Кастельменъ конвульсивно сжимала носовой платокъ—залогъ, такъ честно возвращенный назадъ. Юноша пристально посмотрѣлъ на нее. Весьма возможно, что изъ горячечнаго бреда своего господина онъ узналъ кое-что изъ исторіи этого вышитаго лоскутка.

— Если вы его другъ, миледи, то можетъ-быть у васъ найдется ему слово на прощаніе?

Цецилія Кастельменъ, которую ничто никогда не смущало, при этомъ пустомъ вопросѣ опустила голову. Любовь боролась въ ней съ гордостью; ея глаза затуманились; она прижала къ своей груди вышитый на платкѣ гербъ, гербъ великаго рода, который ни передъ чѣмъ никогда не сгибался.

— Такъ вы ничего не велите ему сказать, миледи?

Ея губы полураскрылись; она сдѣлала знакъ, чтобъ онъ удалился,—ребенокъ не долженъ былъ видѣть ея слабости. Развѣ графиня Кастельменъ не сильнѣе этого?

Юноша не двигался и не спускалъ съ нея глазъ.

— Такъ я скажу сэру Фульке, что у несчастныхъ нѣтъ друзей!

Она подняла голову съ тою величественною граціей, которая не покидала ея въ дни торжествъ среди блестящаго двора, и, снова вручая залогъ юношѣ, сказала:

— Ступай, отдай это твоему господину и скажи ему, что несчастіе дѣлаетъ намъ друзей дороже, чѣмъ успѣхъ. Онъ пойметъ!

Вечерній звонъ раздавался вдали. Папоротники колыхались подъ вечернею росой. Звѣзды сверкали на дрожащихъ листьяхъ. Тишина царила надъ лѣсомъ.

Цецилія опять была на террасѣ, уставленной розанами, подъ тѣнью буковыхъ деревьевъ. Она ждала, она сторожила, она прислушивалась ко всякому шелесту листьевъ, но ничего не слыхала, кромѣ страстнаго біенія своего сердца. Она забыла свою гордость,—ей осталось только одно безпокойство любви.

Среди пустынной тишины она узнала знакомые шаги, почувствовала близость... Она закрыла лицо руками. Для нея были новы эта слабость, этотъ ужасъ, эта мука любви. Она хотѣла овладѣть собою, призывала свою силу, презирала себя... жалѣла... И вдругъ чья-то рука схватила ея руку и послышался страстный голосъ: «Цецилія, Цецилія! правда ли это? Неужели въ своемъ несчастіи я болѣе счастливъ, чѣмъ когда-либо? Или я мѣшаюсь, или то видѣніе рая?...»

Она смотрѣла на него тѣмъ величественнымъ взглядомъ, который ему былъ такъ хорошо знакомъ; но ея губы дрожали и она не находила словъ. Затѣмъ ея прекрасные глаза наполнились слезами, взоръ сталъ ласковѣе и выражалъ какую-то особую прелесть. Ея голосъ, слабый какъ дуновеніе вѣтерка среди цвѣтовъ, прошепталъ на ухо Фулькe Равенсуорсу въ то время, какъ обожаемая головка склонилась къ нему на грудь:

— Останьтесь, останьтесь!... Или же, если вы должны уѣхать, ваше изгнаніе будетъ моимъ и ваши опасности—моими.

Вышитый платокъ хранится, какъ святыня, въ семействѣ Цецилiи Кастельменъ и напоминаетъ еще и теперь объ ея тайномъ бракѣ въ капеллѣ замка, объ ея изгнаніи съ мужемъ по ея собственному выбору и объ ихъ возвращеніи въ Лилліесфордъ. Этотъ платокъ переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе къ прекраснымъ молодымъ дамамъ, которыя унаслѣдовали отъ своей прабабки голубые глаза и царственную осанку... Вотъ онъ передо мной съ своимъ разноцвѣтнымъ вензелемъ, такой же, какимъ покоился въ былые дни на сердцѣ бѣднаго солдата Стюартовъ. И такъ долго живетъ то, что не обладаетъ ни страстью, ни жизнью, между тѣмъ какъ жизнь человѣческая проходитъ, словно пѣсня, которая замираетъ въ воздухѣ, и забывается такъ же скоро, какъ пропѣтая пѣсня. Стихи Ронсара: «Идетъ время, бѣжитъ оно, но не исчезаетъ, какъ мы»—составляютъ прекрасный припѣвъ къ нашему собственному, быстро исчезающему, существованію.

— ———

НОВАЯ ИРЛАНДІЯ.

А. М. Сулливана.

(Переводъ съ англійскаго.)

XV *).

Самоубійца банкиръ.

Рядомъ съ политическими движеніями и событіями, приведшими м-ра Садлейра къ власти, умъ этого крайне честолюбиваго человѣка былъ занятъ финансовыми планами. Онъ давно сообразилъ, какъ можно составить богатство изъ раззоренія ирландскихъ землевладѣльцевъ. Онъ основалъ «поземельную компанію» для покупки имѣній, продававшихся тогда, имѣя въ виду потомъ перепродавать ихъ, какъ онъ былъ увѣренъ, съ большимъ барышомъ. Связь его съ Типперарскимъ банкомъ привела его въ сношенія съ магнатами Ломбардъ-Стритъ и вскорѣ онъ сдѣлался предсѣдателемъ Лондонскаго и Провинціальнаго акціонернаго банка. Его цѣли росли все выше и выше, его планы и спекуляціи были все смѣлѣе и шире. Онъ участвовалъ въ итальянскихъ, американскихъ и испанскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Онъ велъ дѣло съ желѣзомъ, и одно время про него говорили, что ему принадлежали всѣ грузы сахара между Англіей и Индіей.

Среди громкихъ обвиненій, которыми встрѣтили бѣгство бригады въ лагерь лорда Абердина, явилось смѣлое увѣреніе *Weekly Telegraph*'а, что все идетъ какъ слѣдуетъ. Мало того, высказывалось благородное негодованіе на несправедливость осужденія этихъ господъ, не выслушавши ихъ объясненій. Они не торопились давать ихъ; про существо же дѣла говорили такъ: «Лордъ Абер-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

динъ еще не отмѣнилъ акта о титулахъ и не собирается дѣлать этого; но онъ другъ католиковъ. Онъ боролся противъ законодательнаго кодекса, но былъ въ почтительныхъ и внимательныхъ отношеніяхъ съ нашими епископами. Онъ не провелъ билля объ арендномъ правѣ и не собирается проводить его; но онъ благопріятно расположенъ къ дѣлу и, вѣроятно, будетъ работать надъ вопросомъ. Стать въ оппозицію такому человѣку мы принуждены рука объ руку съ нашими смертельными врагами тори. Его вступленіе во власть составляетъ истинное пораженіе лорда Джона Росселя, проведшаго законъ о титулахъ, и лорда Дерби, помогавшаго этому».

Арендная лига была разорвана на-двое измѣной Садлейра. И не только лига, вся страна вообще была расколота на рѣзко враждебныя партіи: одну—желавшую заставить само небо отражать проклятія на клятвопреступниковъ, другую—столь же бурно защищавшую ихъ.

Въ этотъ моментъ ирландской политической исторіи политическое вліяніе и авторитетъ католическихъ епископовъ получили ударъ, который оказываетъ вліяніе на ирландскія дѣла до самаго теперешняго времени.

М-ръ Садлейръ и м-ръ Кёфъ должны были, конечно, предложить себя въ Карлоу и Атлонѣ на слѣдующіе выборы. Лигеры бросились энергично работать, чтобы побить ихъ. Въ обоихъ мѣстахъ оказалось, что католическіе прелаты и духовенство поддерживали вождей бригады. Эта новость породила изумленіе. Депутація, состоявшая изъ Фридриха Люкаса, члена парламента, Дж. Г. Мура, чл. пар., препод. Т. О'Ши и препод. д-ра Кирней со стороны арендной лиги, отправилась въ Карлоу противодѣйствовать м-ру Садлейру. Мѣстное духовенство объявило ихъ самозванцами, и они должны были оставить городъ. Еще хуже было дѣло въ Атлонѣ, гдѣ всякій радовался счастью м-ра Кёфа. Пораженные и встревоженные вѣроятными послѣдствіями такого оправданія нарушителей данныхъ обязательствъ, вожди лиги обратились къ католическимъ епископамъ и духовенству Ирландіи съ приглашеніемъ тотчасъ же высказаться, согласно ли, по ихъ мнѣнію, съ общественною нравственностью, чтобъ обязательства, такъ торжественно и открыто данныя народу, нарушались при первомъ удобномъ случаѣ съ одобренія католическаго духовенства. Отъ высокопреп. д-ра Мак-Гале, архіепископа тюамскаго, тотчасъ же появился горячій отвѣтъ. Естественно было ожидать, что

его заявленіе, какъ человѣка стоящаго во главѣ ирландскихъ епископовъ по ихъ политическому вѣсу и вліянію, какъ «льва паствы іудейской», по выраженію О'Коннеля, будетъ принято за рѣшающее. Не было другаго католическаго прелата въ Ирландіи, который занималъ бы такое крупное мѣсто въ ирландскихъ дѣлахъ за послѣднюю четверть столѣтія, какъ онъ; не было никого равнаго ему по популярности. Милліоны католиковъ Ирландіи смотрѣли на О'Коннеля какъ на духовнаго своего вождя, который «никогда не ошибается», и борца за нихъ, который ничего не испугается. Онъ адресовалъ публичное письмо къ м-ру Дж. Г. Муру, члену парламента, въ которомъ онъ говорилъ такъ:

О строгой религіозной вѣрности обязательству такимъ договорамъ не можетъ быть двухъ мнѣній,—обязательству самому священному и ненарушимому по самому числу участвовавшихъ въ немъ и по важности и святости затронутыхъ имъ интересовъ. Разрѣшите обязательную силу такихъ договоровъ, и вы ослабите самыя крѣпкія связи, соединяющія общество въ одно цѣлое.

Епископы Мита и Киллала высказались въ такомъ же смыслѣ. Но въ пунктахъ особенной важности, какъ города, гдѣ пораженіе вождей бригады могло бы произвести рѣзкій эффектъ, къ счастью для нихъ, мѣстные епископы приняли другое рѣшеніе. Это столкновеніе между духовными авторитетами по поводу важнаго вопроса нравственности въ высшей степени скандализировало народъ. Всѣ ждали заявленія отъ новаго архіепископа дублинскаго, папскаго легата, но его не появлялось. Скоро его молчанію начали давать темное объясненіе. Его дядя, препод. Джемсъ Мегеръ, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ м-ра Садлейра въ Карлоу, и скоро начали выдавать за извѣстное, что вліяніе д-ра Куллена въ Ирландіи и Римѣ, въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, будетъ непремѣнно на сторонѣ лорда Абердина. Таково было отчасти его собственное мнѣніе о положеніи вещей. Но кромѣ того въ это время ходилъ слухъ о курьезныхъ частныхъ переговорахъ между Лондономъ, Вѣной и Римомъ относительно правъ новаго премьера на «католическій голосъ» въ палатѣ общинъ; вѣрно или нѣтъ, эти исторіи связывались съ положеніемъ, которое занималъ д-ръ Куллень въ послѣдующихъ событіяхъ. Одно время казалось даже, что въ результатѣ всего этого въ ирландской католической церкви явится расколъ. Между духовенствомъ и народомъ, размѣстившимися подъ знаменами д-ра Мак-Гале и д-ра Куллена, загорѣлась открытая война. Послѣдній хранилъ глубокое молчаніе, хотя онъ вполнѣ могъ открыто защищать дѣло Садлейра и Кёфа, потому что *Ма-*

tion и *Tablet* выставляли его какъ настоящаго и опаснаго покровителя этихъ господъ. Въ теченіе всего этого столѣтія не было болѣе ожесточенной, болѣе прискорбной междоусобной борьбы въ ирландской политикѣ, чѣмъ эта, возникшая изъ такого клерикальнаго и епископскаго осужденія и оправданія отступничества Кёфа-Садлейра отъ арендной лиги.

Противникомъ м-ра Садлейра въ Карлоу выступилъ тори м-ръ Александеръ. *Freeman*, *Nation* и *Tablet* убѣждали народъ вотировать за Александера, какой бы онъ тори ни былъ, лишь бы не за новаго лорда казначейства. *Weekly Telegraph* и *Evening Post* въ ужасѣ кричали противъ этого отвратительнаго союза тори-оранжистовъ съ католиками-ренегатами для оппозиціи *protégé* епископа, любимца священниковъ, борца за папу и лучшаго друга лорда Абердина. Послѣ ожесточеннаго боя Садлейръ былъ побитъ враждебнымъ большинствомъ шести голосовъ. Однакоже въ Атлонѣ м-ръ Кёфъ не только одержалъ побѣду, но католическій епископъ д-ръ Браунъ тщеславно отожествилъ себя съ достойнымъ похвалы возвышеніемъ такого добраго сына церкви. Для лорда казначейства скоро была найдена ваканція въ Слиго, гдѣ онъ и одержалъ побѣду благодаря безстыдному подкупу и терроризму. Такъ выражался парламенскій комитетъ, производившій по этому дѣлу слѣдствіе; но такъ какъ оказалось, что самъ м-ръ Садлейръ лично ничего не зналъ объ этихъ преступленіяхъ, то мѣсто осталось за нимъ.

Столѣтія жестокаго карательнаго кодекса въ Ирландіи держали католиковъ въ сторонѣ отъ какого бы то ни было участія въ общественной администраціи. Актъ объ эмансипаціи объявилъ ихъ свободными отъ запрещенія закона поступать на службу, благодаря только ихъ религіи; но объявить человѣка имѣющимъ право на мѣсто—одно дѣло, а дѣйствительно назначить его—другое. Отъ 1829 до 1849 года актъ объ эмансипаціи былъ немногимъ больше абстрактнаго провозглашенія, ибо не произвелъ никакой существенной и осязательной для народа перемѣны въ старомъ порядкѣ. На «католическія назначенія» смотрѣли какъ на лучшую пробу либеральности правительства. На занятіе католиками важныхъ общественныхъ должностей, особенно же членовъ суда, смотрѣли какъ на практическое приложеніе акта объ эмансипаціи; и министръ, который взялся бы приводить его въ исполненіе, былъ бы поставленъ почти такъ же высоко, какъ то министерство, которое провело его въ теоріи. Въ Дублинѣ, Вѣнѣ и

скимъ престоломъ. Онъ поѣхалъ на удачу. Его приняли благосклонно. Тяжелое обвиненіе, привезенное имъ, велѣно было подвергнуть внимательному обсужденію. Но все дѣло было печальною ошибкой. Прошли мѣсяцы. Во время этихъ утомительныхъ ожиданій въ Римѣ, отчаянныя новости изъ Ирландіи тяжело отразились на настроеніи и здоровьѣ прямодушнаго Люкаса. Онъ долженъ былъ возвратиться въ Англію. Когда мы услышали, что онъ лежитъ больной въ Стейнѣ, тѣ, кто зналъ его близко и видѣлъ, съ какой энергіей онъ боролся во время этихъ раздоровъ, почувствовали, что сильное и благородное сердце надломилось въ непосильной борьбѣ. Извѣстія изъ Ирландіи были такія, что ирландская парламентская партія была разрушена, что лига смертельно поражена, а страна доведена до крайняго разочарованія и отчаянія. Великое движеніе, вокругъ котораго были сосредоточены надежды націи, невозвратно погублено. Организація лиги, не желая сдаться, правда, дѣлала отчаянныя усилія въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ, и небольшая группа ирландскихъ членовъ—«вѣрующая оказалась среди невѣрующихъ»—Гаванъ Дуффи, Дж. Г. Муръ, П. Мак-Магонъ, Дж. А. Блэкъ, Дж. Ф. Мегайръ, Тристамъ Кеннеди, Джонъ Бранди и другіе—храбро сражалась. Но все это больше ради поддержанія чести, чѣмъ изъ-за вѣры въ побѣду. М-ръ Садлейръ былъ героемъ дня.

Какъ только Гаванъ Дуффи убѣдился, что меморіалъ въ Римѣ ни къ чему не привелъ, онъ рѣшился проститься съ Ирландіей. Никто не возлагалъ такъ много надеждъ на успѣхъ этого движенія; никто не пострадалъ такъ отъ пораженія. Во всякомъ случаѣ онъ свою совѣсть очистилъ,—онъ сдѣлалъ свое дѣло. Онъ отдалъ служенію Ирландіи лучшіе годы своей жизни. Теперь ему оставалось призвать болѣе молодыхъ людей, которые могли занять его мѣсто. Для себя же онъ нашелъ новый домъ и началъ жизнь сызнова въ тридцать пять лѣтъ въ далекомъ углу Австраліи.

Въ 1854 году въ парламентѣ прошелъ актъ, которымъ австралійскія колоніи надѣлялись самоуправленіемъ. М-ръ Дуффи принималъ горячее и дѣятельное участіе во всѣхъ дебатахъ по поводу этой мѣры. Онъ прибавилъ къ нему нѣкоторыя изъ его самыхъ разумныхъ условій и предохранилъ отъ ошибокъ, которыя могли повредить его успѣху. Не многіе повѣрили бы тогда, что вскорѣ ему суждено было взять на себя проведеніе этого плана на практикѣ, въ качествѣ перваго министра короны въ свободной и самоуправляющейся Викторіи.

На минуту могло бы показаться, что онъ слишкомъ поторопился своимъ добровольнымъ изгнаніемъ изъ родины. Въ концѣ 1853 г. появилось зловѣщее предзнаменованіе, появился первый признакъ трещины въ зданіи Садлейровскаго политическаго и финансоваго благополучія.

При своей неудачной попыткѣ быть снова выбраннымъ въ городѣ Карлоу, онъ беззастѣнчиво и незаконно пользовался средствами банка и механизмомъ чековъ, акцій, долговъ, взысканій и конфискацій, чтобы повліять на результатъ выборовъ. Онъ всегда заботился о томъ, чтобъ имѣть въ своемъ распоряженіи при помощи такихъ средствъ достаточное число избирателей. Утромъ, въ день выборовъ, одинъ несчастный человѣкъ по имени Доулингъ, заподозрѣнный въ намѣреніи вотировать за м-ра Александера, былъ противозаконно арестованъ по какому-то приговору, предъявленному Садлейромъ противъ него. Доулингъ началъ въ ноябрѣ 1853 года процессъ за незаконное заключеніе его въ тюрьму въ Дублинѣ, въ судѣ казначейства. Въ дѣлѣ заключались разоблаченія противъ лорда казначейства (министра финансовъ). Онъ пришелъ въ свидѣтельскую камеру и, какъ говорилось, «отрицалъ все и обезоружилъ всѣхъ». Его показаніе было такъ смѣло и нагло, что присяжнымъ не оставалось выбора: или обвинить Доулинга, или объявить м-ра Садлейра клятвопреступникомъ. Они не повѣрили Садлейру и вынесли вердиктъ въ пользу Доулинга. Сенсація была произведена этимъ фактомъ въ Дублинѣ сильная, и едва ли меньшее возбужденіе вызвалъ онъ въ нѣкоторыхъ политическихъ и финансовыхъ сферахъ Лондона. Черезъ нѣсколько недѣль сдѣлалось извѣстнымъ, что послѣ такого вердикта министерскій портфель не можетъ оставаться за Садлейромъ. Въ январѣ 1854 г. онъ вышелъ въ отставку.

Въ мартѣ распространился зловѣщій слухъ, что м-ръ Садлейръ не только далекъ отъ милліонерства, но близокъ къ финансовому кризису. Однако-жъ надъ этимъ смѣялись и повидимому опровергали новыми доказательствами его огромнаго богатства. Въ іюнѣ народъ началъ насмѣшливо спрашивать, куда дѣвался м-ръ Эдмондъ О'Флагерти? О'Флагерти былъ членомъ бригады, былъ коммиссіонеромъ подоходнаго налога, особенно интимный другъ, повѣренный и политическій агентъ господъ Садлейра и Кёфа, одинъ изъ тѣхъ «хорошихъ католиковъ», которымъ дали высокія мѣста ради благодѣянія Ирландіи. Гдѣ-жъ онъ былъ

въ самомъ дѣлѣ? Власти въ Скотлеиъ-Ярдѣ *) начали тоже безпокоиться объ этомъ, когда однажды утромъ сдѣлалось извѣстнымъ, что коммиссіонеръ подоходнаго налога исчезъ неизвѣстно въ какія страны, оставивши въ обращеніи векселя,—нѣкоторые изъ нихъ съ фальшивыми подписями,—на сумму около 15.000 фунтовъ.

Онъ былъ спеціальнымъ *protégé* герцога Ньюкастельскаго, съ которымъ былъ знакомъ домами. Но никто не сомнѣвался, что онъ-то и былъ настоящимъ посредникомъ между его пріятелями и правительствомъ Абердина. И теперь онъ бѣжалъ отъ правосудія!

Парламентъ открылся 23 января 1855 года. М-ръ Ребюкъ тотчасъ же заявилъ, что онъ предложитъ назначить комитетъ для изслѣдованія положенія арміи передъ Севастополемъ и дѣйствій соотвѣтствующихъ правительственныхъ учрежденій. Услышавъ это заявленіе, лордъ Джонъ Россель вышелъ изъ министерства. Спустя шесть дней, 29 января, смѣшанное министерство потерпѣло пораженіе на предложеніи Ребюка, за которое оказалось огромное большинство—157 голосовъ. 1-го февраля лордъ Абердинъ вышелъ въ отставку. Между 2-мъ и 5-мъ лордъ Джонъ Россель и лордъ Дерби поочередно пытались составить кабинетъ, но безуспѣшно. 6-го лордъ Пальмерстонъ сдѣлался премьеромъ. М-ръ Кёфъ былъ генер.-прокуроромъ Ирландіи, а м-ръ Брюстеръ—генералъ-адвокатомъ. Конечно, предполагалось, что они выйдутъ въ отставку вслѣдъ за министерствомъ. М-ръ Брюстеръ такъ и поступилъ, ожидая, что его товарищъ сдѣлаетъ то же; но онъ скоро увидалъ, что его выходъ лишь открылъ ваканцію для м-ра Кёфа, который молча занялъ его мѣсто. Въ то время разсказывали, что Кёфъ просто «продалъ» м-ра Брюстера въ этомъ дѣлѣ, умышленно ввелъ его въ заблужденіе и одурачилъ; но я никогда не вѣрилъ этому, потому что послѣдній джентльменъ во всякомъ случаѣ строго держался обычая и вышелъ въ отставку за своимъ вождемъ.

Въ августѣ 1855 г. Гаванъ Дуффи объявилъ прощальнымъ адресомъ въ *Nation*, что онъ готовъ оставить свое мѣсто въ парламентѣ и навсегда покинуть Ирландію. Новость потрясла страну, какъ сигналъ отчаянія. Сначала, сколько я знаю, идея Дуффи состояла въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправилась

*) Центральное отдѣленіе сыскной полиціи въ Лондонѣ.

вся редакція *Nation* съ тѣмъ, чтобы возобновить этотъ журналъ при болѣе счастливыхъ условіяхъ въ южномъ полушаріи. Но этотъ проектъ былъ отвергнутъ. Онъ встрѣтилъ нѣсколько сердецъ, которыя готовы были надѣяться и бороться дома, какъ ни было мрачно тогдашнее положеніе дѣлъ, вѣруя, что рано или поздно Ирландія воскреснетъ для жизни и поднимется еще разъ. М-ръ Кашель Гой, давнишній товарищъ и другъ Дуффи, вѣрно служившій ему и обладавшій блестящими дарованіями и неустрашимымъ мужествомъ, которыя не разъ испытывались въ годы трудностей и борьбы,—заступилъ его мѣсто главнаго редактора и взялъ на себя обязанности втораго редактора, а м-ръ М. Клери, честный и прямодушный молодой ирландецъ, взялъ на себя веденіе коммерческой стороны дѣла *). Въ прощальномъ адресѣ Дуффи съ чувствомъ описывалъ событія послѣднихъ шести лѣтъ и настоящія обстоятельства Ирландіи. Перемѣна можетъ совершиться,—говорилъ онъ,—и дай Богъ, чтобъ это случилось; но до тѣхъ поръ, пока существующія условія измѣнятся, «Ирландію ожидаетъ участь трупа на диссекціонномъ столѣ». Мрачныя новости приходили одна за другой: 22 октября умеръ Фридрихъ Люкасъ въ Стейнѣ, а 6-го ноября Гаванъ Дуффи отплылъ въ Австралію. Казалось, это было потуханіемъ національной политики въ Ирландіи.

Въ теченіе всего 1854 года и всѣхъ томительныхъ дней 1855 года, Садлейръ страдалъ невыразимыми муками, невидимо для его самыхъ близкихъ и дорогихъ друзей. Нѣкоторыя изъ его колоссальныхъ спекуляцій приняли неудачный оборотъ и онъ потерялъ въ Типперарскомъ банкѣ весь свой капиталъ до послѣдняго шиллинга. Другая удача,—думалъ онъ,—выкупитъ все, на дѣлѣ же получилось еще болѣе полное раззореніе. Онъ долженъ идти дальше,—ему нѣтъ возврата назадъ. Но гдѣ же добыть денегъ для дальнѣйшихъ попытокъ? Холодный, какъ всегда, онъ бродилъ по фойе палаты общинъ. Политическіе товарищи острили вмѣстѣ съ нимъ надъ «политическими похоронами» Гавана Дуффи. Они отъ души поздравляли его съ окончательнымъ пораженіемъ и разсѣяніемъ противниковъ. «Ирландія теперь вполнѣ ваша, Джонъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ.—Вы побѣдили по всей линіи. Вы должны теперь быть счастливы, какъ

*) М-ръ Гой и м-ръ Клери вышли въ 1857 г. и дальше, вплоть до 1876 г., я оставался единственнымъ собственникомъ и отвѣтственнымъ редакторомъ газеты. *Прим. авт.*

король». Онъ улыбался своей холодно-грустной улыбкой и отвѣчалъ: «О, да, будьте увѣрены въ этомъ». Дома, въ Ирландіи, его собственный журналъ и всѣ либерально-правительственные органы никогда не уставали расточать ему похвалы и провозглашать его тріумфъ надъ мертвымъ Люкасомъ и изгнаннымъ Дуффи. Поздно ночью, возвратившись изъ палаты общинъ, Джонъ Садлейръ сидѣлъ въ кабинетѣ своего городскаго дома (11, Glo' ster Terrace, Hyde Park). Утренній разсвѣтъ часто заставалъ его еще за уединенной работой. Что-жь это была за работа?

Въ тишинѣ и тайнѣ этихъ ночныхъ часовъ Джонъ Садлейръ, человѣкъ успѣха, милліонеръ, бывшій лордъ казначейства и будущій перъ королевства, занимался поддѣлкой документовъ, переводовъ, на сотни тысячъ фунтовъ.

Однако стекшіяся несчастія истощили даже и такіе источники обмана. На второй недѣлѣ февраля 1856 года одинъ изъ его многочисленныхъ финансовыхъ отчаянныхъ изворотовъ лопнулъ и векселя Типперарскаго банка были обезчещены у Глина. Извѣстіе это на большинство людей подѣйствовало какъ оглушительный ударъ; на другой же день появилось заявленіе, что все это не больше какъ ошибка, векселя были снова представлены и тотчасъ же приняты, и непріятность больше не повторится. Однакожь тревога дошла до Ирландіи и въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ случилось нѣчто похожее на панику. Еслибы только можно было отвратить панику и добыть двадцать или тридцать тысячъ, все могло бы быть спасено. По крайней мѣрѣ, такъ писалъ Джемсъ Садлейръ, членъ парламента, завѣдывавшій дѣлами въ Ирландіи, телеграфируя Джону утромъ въ субботу 16 февраля *). Двадцать или тридцать тысячъ... когда-то это была бездѣлица въ его глазахъ; а теперь?... Онъ не ложился въ постель въ предыдущую ночь. Эта телеграмма застала его совсѣмъ усталаго и возбужденнаго. Джемсъ плохо зналъ положеніе, относясь такъ легко къ двадцати или тридцати тысячамъ ради успокоенія своего несчастнаго брата. Раззоренный человѣкъ, онъ напрасно старался придумать какой-нибудь еще неисчерпанный источникъ, гдѣ бы можно было достать денегъ. Онъ зашелъ такъ далеко, такъ ги-

*) 16 февраля 1856 года. Телеграмма отъ Джемса Садлейра, 30 Merrion Square South, Dublin, къ Джону Садлейру, члену парламента. Клубъ реформы. Все въ порядкѣ во всѣхъ отдѣленіяхъ; не уплачено только нѣсколько мелочей. Если къ утру понедѣльника здѣсь отъ 20.000 до 30.000, все благополучно.
Прим. авт.

бельно далеко, что не было мѣста, гдѣ бы откровенное обращеніе не возбудило подозрѣнія, которое неизбѣжно должно было повести къ разоблаченію. Онъ поѣхалъ въ Сити. М-ръ Вилькинсонъ изъ Nicholas Lane, разсказывая позднѣе эту печальную исторію, сказалъ: «Онъ пришелъ ко мнѣ въ субботу утромъ и спросилъ, не могу ли я дать ему нѣкоторую сумму денегъ, чтобы помочь Типперарскому банку. Онъ показывалъ мнѣ нѣсколько телеграммъ, которыя получилъ изъ Ирландіи по поводу ихъ нужды въ деньгахъ. Онъ предлагалъ нѣсколько плановъ, какимъ бы образомъ я могъ помочь ему добыть денегъ; но, вникнувши въ нихъ, я сказалъ ему, что не могу помочь,—планы были таковы, что я не могъ посовѣтовать принять ихъ. Тогда онъ пришелъ въ сильновозбужденное состояніе, положивъ руку на голову, и сказалъ: «Боже мой! Если Типперарскій банкъ лопнетъ, вина падетъ на меня одного, и я буду причиной раззоренія сотенъ и тысячъ!» Онъ ходилъ по конторѣ очень возбужденный и побуждалъ меня попытаться помочь ему, потому что, сказалъ онъ, я не могу жить и видѣть горе и раззореніе, навлеченныя на другихъ разрушеніемъ банка. Свиданіе кончилось тѣмъ, что я не могъ помочь ему въ его планахъ достать денегъ».

Въ этомъ случаѣ вышло именно то, чего онъ боялся давно. М-ръ Вилькинсонъ прежде давалъ ему большія суммы, на которыя, для вѣрности, м-ръ Садлейръ, по требованію, выдалъ обезпеченіе—одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ документовъ, какіе онъ фабриковалъ въ теченіе прошлаго года. М-ръ Вилькинсонъ въ ту же ночь, въ субботу, отправилъ въ Дублинъ своего компаньона, м-ра Стивенса, разузнать, въ чемъ дѣло. Въ понедѣльникъ этотъ господинъ пашелъ, что все дѣло было — поддѣлка. Но въ это время всему свѣту сдѣлалась извѣстной гораздо болѣе ужасная исторія.

Есть основаніе думать, что Джонъ Садлейръ зналъ объ отъѣздѣ м-ра Стивенса въ Дублинъ. Его интимный другъ, м-ръ Норрисъ, адвокатъ изъ Бедфордъ-Роу, былъ у него въ половинѣ одиннадцатаго и остался съ полчаса. Между ними обсуждался фактъ, что Типперарскій банкъ въ понедѣльникъ долженъ прекратить платежи.

Джонъ Садлейръ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, и только очень затвердѣлое сердце могло бы смотрѣть на него въ эти часы агоніи безъ состраданія. Все было кончено; онъ долженъ умереть. Онъ былъ еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и мужествен-

ной силы. «Значительно выше средняго роста,—говоритъ одинъ изъ его знакомыхъ, — его фигура была моложава и лицо дѣйствительно замѣчательное. Дѣловые планы, гордое честолюбіе, смѣлыя спекуляціи — все теперь кончено. Самый бѣдный типперарскій коттьеръ, живущій на какомъ-нибудь бугрѣ, можетъ прямо смотрѣть въ лицо завтра и тяготѣть къ жизни; а для него, человѣка, которому завидовали тысячи, утреннее солнце напрасно будетъ свѣтить. Онъ схватилъ перо и посвятилъ полчаса на писаніе писемъ. О, это ужасное писаніе отчаявающейся души тѣмъ, которыхъ она любитъ и должна потерять навсегда! Потомъ онъ взялъ съ полки маленькій серебряный флаконъ и положилъ его въ боковой карманъ, а также и небольшой пузырекъ, купленный имъ утромъ этого дня. Проходя черезъ переднюю и беря свою шляпу съ вѣшалки, онъ сказалъ швейцару, чтобъ его не ждали. Онъ вышелъ и твердою рукой заперъ за собой дверь. Часы пробили двѣнадцать; это было утро воскресенья. Наставалъ Божій день. А тамъ, далеко, на берегу Шюра, еще живутъ старый отецъ и мать, съ которыми онъ, будучи ребенкомъ, часто ходилъ къ утренней службѣ, между тѣмъ какъ до его ушей доносилась музыка воскресныхъ колоколовъ. А теперь?... О, фатальная сила богатства! О, проклятое, насмѣшливое исчадіе ада! Вотъ до чего оно, наконецъ, довело его... Онъ не смѣлъ думать ни о Богѣ, ни о друзьяхъ, ни о домѣ.

На слѣдующее утро, на небольшой насыпи высотъ Гемстеда, прохожіе замѣтили лежащаго и какъ бы спящаго джентльмена. Серебряный флаконъ выпалъ изъ его рукъ и лежалъ подлѣ него, на землѣ. Отъ него сильно пахло синильною кислотой. Скоро собралась толпа и пришла полиція; они подняли уже совершенно холодное и окоченѣлое тѣло. Это былъ трупъ банкира Джона Садлейра.

Въ понедѣльникъ новость разнеслась по королевству. Въ Лондонѣ поднялась тревога; въ Ирландіи разразилась паника. Типперарскій банкъ заперъ свои двери. Сельскій народъ стекался въ города. Онъ окружалъ и осаждалъ отдѣленія банка; бѣдныя жертвы воображали, что ихъ деньги должны быть внутри, и приносили ломы, кирки и заступы ломать стѣны и «выкапывать ихъ». Сцены дикаго отчаянія, какихъ свидѣтелями были улицы Тёрлса и Типперари въ этотъ день, расплавили бы алмазное сердце. Старики бродили какъ сумасшедшіе, растерянные, истеричные; вдовы становились на колѣни среди улицы и громко

спрашивали Бога, неужели это вѣрно, что они сдѣланы нищими навсегда. Даже попечительства о бѣдныхъ, державшія свои деньги въ банкѣ, потеряли все и не имѣли ни шиллинга, чтобы купить нищимъ обѣдъ на тотъ день, когда двери банка были заперты.

Письма, которыя несчастный самоубійца написалъ въ ту субботу, ночью выяснили многое изъ той ужасной исторіи, которая такъ долго скрывалась отъ міра. Одно изъ нихъ, адресованное къ его кузену Роберту Китингу, гласило слѣдующее:

11, Глостеръ Террасъ, 16 февраля 1856 г.

Дорогой Робертъ, до какого позора дошелъ я шагъ за шагомъ, громоздя преступленіе на преступленіе! И теперь я—авторъ безчисленнаго множества дьявольскихъ дѣлъ и причина раззоренія, нищеты и позора тысячъ, даже десятковъ тысячъ. О, какъ я страдаю за тѣхъ, на кого должны упасть всѣ эти развалины! Я могъ бы вынести всѣ наказанія, но я никогда не былъ бы въ состояніи быть свидѣтелемъ страданій тѣхъ, на кого я навлекъ столько несчастій. Должно-быть будетъ лучше, если я не буду жить. Никто не былъ соучастникомъ въ моихъ преступленіяхъ,—они возникли изъ одного моего собственнаго мозга. Ни Стивенсъ, ни Норрисъ не виноваты и не знали о моихъ поддѣлкахъ и фабрикаціи документовъ, которыя я началъ, надѣясь поправить дѣло. Никто не зналъ, что я надувалъ и обманывалъ. Несчастенъ былъ для всѣхъ тотъ день, когда я пріѣхалъ въ Лондонъ. Я не могу много помочь въ распутаньи счетовъ и дѣлъ. Серьезные вопросы составляютъ мои доли въ „Большомъ Соединеніи“ и другихъ предпріятіяхъ. Кредиторы потеряютъ очень много, если эти дѣла не будутъ рѣшены настоящимъ образомъ. Большое Соединеніе, Восточная Кентская и Швейцарская желѣзныя дороги, Римская линія, угольная компанія могутъ быть совершенно потеряны—относительно моихъ интересовъ въ нихъ. Я уполномочиваю васъ взять всѣ мои письма, бумаги и собственность и т. д. въ этомъ домѣ и у Вилькинсона, и въ 18, Кеннонъ-Стритъ. Возвратите моему брату его письма ко мнѣ и всѣ другія бумаги. Еслибы мольбы такого человѣка, какъ я, могли принести пользу, я просилъ бы за тѣхъ, кого я оставляю позади себя, кто будетъ выносить такую агонію, благодаря моимъ преступнымъ дѣламъ. О, еслибъ я никогда не покидалъ Ирландіи! О, еслибъ я отказался отъ первой попытки втянуть меня въ спекуляцію! Еслибъ я имѣлъ менѣе ничего не стоющихъ талантовъ и больше твердости, я могъ бы остаться такимъ же честнымъ и правдивымъ, какимъ когда-то былъ,—я остался бы жить для того, чтобы видѣть въ старости моего отца и мать. Я плачу, и плачу теперь, но что пользы отъ того?

Дж. Садлейръ.

Банки, желѣзныя дороги, страховыя компаніи, земельныя компаніи—всѣ предпріятія, съ которыми онъ былъ въ какихъ-нибудь отношеніяхъ, были приведены въ трепетъ, и въ теченіе мѣсяца новыя и новыя разоблаченія обмана, поддѣлки и кражи каждый день и часъ выплывали наружу. За одинъ апрѣль мѣсяцъ сумма такихъ открытій доросла до 1.250.000 фунтовъ.

Въ то время, какъ эта ужасная исторія разносилась по тремъ королевствамъ и похожденія Садлейровской партіи припоминались

и разсказывались какъ какая-нибудь исторія о тайнѣ средневѣковыхъ бандитовъ, насъ какъ громомъ поразила еще одна новость. М-ръ Кёфъ былъ возвышенъ до судейской скамьи и одѣтъ въ горностаевую мантію въ качествѣ младшаго судьи королевскаго суда! Прошло больше двадцати лѣтъ, и тѣ же чувства волновали ирландскую грудь: ирландцы скорѣй могли бы простить пораженіе въ открытомъ полѣ, скорѣй забыли бы раны карательнаго кодекса. Въ тѣ дни, которые теперь наступали, адепты революціонной конспираціи не могли найти болѣе неотразимаго аргумента въ своей пропагандѣ среди народа, чѣмъ указанія на эти событія и исторію «Садлейровской бригады».

ГЛАВА XVI.

Увозъ миссъ Арбутнотъ.

Въ воскресенье 2 іюля 1854 года я стоялъ вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями около заросшихъ плющомъ воротъ аббатства Святаго Креста въ графствѣ Типперари. Мы разсматривали странно изваянный камень XVI столѣтія въ стѣнѣ около сѣвернаго конца моста, перекинутаго здѣсь черезъ Шюръ, когда наше вниманіе было привлечено крикомъ или возгласомъ на другой сторонѣ рѣки и топотомъ лошадинаго галопа. Осмотрѣвшись вокругъ себя, мы едва успѣли сойти съ дороги въ сторону, какъ мимо насъ промчался полицейскій на взмыленной лошади и забрызганный грязью до верхушки своей каски. Что это такое? Конечно, ужь не «возстаніе»?

— Навѣрно убили гдѣ-нибудь ландлорда!—воскликнулъ одинъ изъ компаніи.

И дѣйствительно въ Типперари, среди самаго буйнаго округа, гдѣ мы находились, не было ничего естественнѣй, какъ такое предположеніе. Немного погодя, мы возвратились въ аббатство и, проведя съ часъ времени среди развалинъ церкви короля Дональда и разрушенныхъ гробницъ князей и лордовъ, совсѣмъ забыли о всадникѣ и вышли вонъ. Только возвратясь въ Тёрлсъ, послѣ трехъ миль бодрой ходьбы, мы услышали разъясненіе того, что случилось на мосту.

— Слышали вы новость, сэръ, слышали вы новость? Карденъ изъ Барнена... Всѣ на ногахъ и преслѣдуютъ его. Вся полиція разъѣхалась, верховые бьютъ тревогу, и...

— Да что-жь онъ сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ, сэръ?... Развѣ вы не слыхали? Миссъ Арбутнотъ— молодая англійская лэди, сестра мистрисъ Гоуфъ. Онъ сходилъ съ ума отъ любви къ ней и, говорятъ, навѣрно пробовалъ увезти ее. Между его вооруженными людьми и защищавшимъ ее народомъ произошла кровавая драка, онъ былъ побитъ и ординарецъ принесъ нашему субъинспектору извѣстіе, что, говорятъ, съ часъ тому назадъ онъ взятъ на дорогѣ подъ Фарней.

Вѣрить ли намъ было своимъ ушамъ? Кража невѣсты!... Ужь не воротились ли къ намъ худшіе дни среднихъ вѣковъ? Кража невѣсты, и кѣмъ?—мистеромъ Карденомъ изъ Барнена, однимъ изъ вельможъ страны, крупнымъ ландлордомъ, верховнымъ судьей, магистратомъ и помощникомъ вице-короля!....До наступленія ночи весь городъ былъ взволнованъ исторіей, пересказываемой на сотни ладовъ. Вѣрно было только то, что въ нѣсколькихъ миляхъ отъ того мѣста, гдѣ мы стояли, случилось происшествіе, которому суждено было потрясти королевство изъ конца въ конецъ. «За послѣдніе годы,—говорилъ *Times* спустя два дня,—ни одно событіе политической жизни не вызывало большаго возбужденія, чѣмъ отважная попытка лорда Барнена овладѣть незаконнымъ путемъ своею невѣстой, обладающей всѣмъ необходимымъ въ личномъ и денежномъ отношеніи для того, чтобы, какъ это бываетъ часто, имѣть неотразимое вліяніе на философію кельтскаго темперамента».

Въ разстояніи около трехъ миль отъ Клонмеля, великолѣпно расположенной столицы южнаго Типперари, стоитъ Ратронанъ-гаузъ. Дорога въ Кэшель ведетъ прямо на сѣверъ, но у Ратронанъ-гауза круто поворачиваетъ налѣво и на западъ. Здѣсь она около мили идетъ по южной границѣ владѣній Ратронана, а затѣмъ опять поворачиваетъ на сѣверо-западъ. На эту-то дорогу и выходитъ въѣздная аллея, ведущая къ Ратронанъ-гаузу, котораго ворота находятся въ разстояніи полумили отъ упомянутой уже небольшой церкви. Въ 1854 г. Ратронанъ былъ резиденціей капитана Джона Гоуфа, старшаго сына фельдмаршала лорда Гоуфа, собраонскаго героя. Капитанъ Гоуфъ былъ женатъ на одной англичанкѣ, дочери м-ра Джоржа Арбутнота изъ Эльдерслея въ Сурреѣ, которой двѣ сестры, старшая Лара и младшая Элеонора, жили вмѣстѣ съ нею. Слава объ этихъ чистокровныхъ саксонкахъ наполняла собою страну. Онѣ были молоды, красивы и образованы. Если къ этому еще прибавить, что онѣ наслѣдовали значительное богатство, то сдѣлается понятной ихъ обворожитель-

ность, привлекательность. Такъ по крайней мѣрѣ думали всѣ молодые кавалеры «высшаго десятка» въ Типперари. Элеонора дѣйствительно вскружила головы многимъ изъ нихъ, хотя ея собственное сердце было неуязвимо; она была одинаково вѣжлива и холодна со всѣми. Между этими ухаживателями былъ «лордъ Барненъ», мистеръ Джонъ Карденъ *). Онъ встрѣтился съ ней въ Мерльфильдѣ, прекрасной резиденціи м-ра Бегвелла, бывшаго долгое время членомъ парламента отъ Клонмела, и скоро сквайръ изъ сѣвернаго Ридинга влюбился безнадежнѣе всѣхъ остальныхъ. Онъ преслѣдовалъ ее повсюду. Гдѣ бы она ни появлялась—на стрѣльбѣ ли, на цвѣточной ли выставкѣ, въ концертѣ, на вечерѣ или провинціальномъ балѣ, тамъ же былъ и онъ, какъ околдованный; не обращая вниманія ни на что кромѣ нея. Между нимъ и капитаномъ Гоуфомъ существовали дружескія отношенія двухъ провинціальныхъ дворянъ, встрѣчавшихся постоянно на охотѣ и въ залѣ грандъ-жюри; но семейства не принимали участія въ этомъ знакомствѣ. Наконецъ м-ръ Карденъ формально просилъ руки англійской лэди. Ему отказали, и отказали при такихъ обстоятельствахъ, которыя не только уязвили его, но и заставили вѣрить, что виною отказа были не чувства самой молодой лэди, а противодѣйствіе ея семейства. Разъ имъ овладѣла эта мысль, ничто не могло разубѣдить его. Самые ничтожные пустяки казались ему подтвержденіями; ея воображаемый взглядъ на него на улицѣ, ударъ бичомъ во время ѣзды на пони въ фаэтонѣ—все это казалось ему знаками того, что она любитъ его, но находится подъ постороннимъ давленіемъ. Въ дѣйствительности же она не обращала на лорда Барнена никакого вниманія. Очень можетъ быть, что на нѣкоторое время ей нравилось его вниманіе; но во всякомъ случаѣ она сдѣлала все, что можетъ сдѣлать молодая дѣвушка, не будучи грубо рѣзкой, для того чтобъ остановить всякія попытки къ дальнѣйшему сближенію, какъ только дѣло начало принимать серьезный оборотъ.

Дамы Ратронанъ-гауза имѣли обыкновеніе ѣздить по средамъ въ церковь въ Фетардѣ, городѣ, отстоящемъ отъ нихъ на 6 или 7 миль къ сѣверу. Въ одну изъ средъ, 28 іюня 1854 года, по той или другой причинѣ, миссъ Элеонора и мистрисъ Гоуфъ оста-

*) Онъ былъ двоюроднымъ братомъ сэра Джона Кардена изъ Пріори въ Темплеморѣ и носилъ прозвище „Кулика Кардена“,—такъ часто въ него стрѣляли за многочисленныя изгнанія, которыя онъ практиковалъ одно время.
Прим. автора.

лись дома, а старшая миссъ Арбутнотъ, Лора, и молодая подруга ихъ, миссъ Линденъ, отправились въ церковь съ слугою по имени Гоаръ. Когда послѣдній ставилъ свою лошадь въ конюшню во время службы, нѣкій Рейнсберри, довѣренный человѣкъ м-ра Джона Кардена, весьма таинственно распрашивалъ его о молодыхъ дамахъ. Онъ во всякомъ случаѣ узналъ отъ Гоара фактъ, что миссъ Элеоноры въ числѣ ихъ не было. Возвращаясь домой, дамы встрѣтили на дорогѣ, около мѣста, называемаго Маркетъ-гиллъ, м-ра Кардена верхомъ на лошади, а тотчасъ за нимъ слѣдовала карета. Кромѣ того, Гоаръ видѣлъ, что какъ только ратронанскій фаэтонъ миновалъ карету, къ ней подъѣхала телѣга съ Рейнсберри и четырьмя другими людьми, которые и присоединились къ сидѣвшимъ въ каретѣ. Однако въ то время это обстоятельство не вызвало никакихъ подозрѣній.

На слѣдующій день въ Клонмелѣ была лѣтняя выставка цвѣтовъ, любимое мѣсто свиданій провинціальнаго дворянства или скорѣе провинціальныхъ дамъ. М-ръ Карденъ съ утра былъ тамъ. Онъ бродилъ вдоль столовъ; но цвѣтъ іюньскихъ розъ не прельщалъ его. Его глаза искали лишь цвѣтка Ратронана. Послѣ обѣда она появилась. Онъ подошелъ къ ней и спросилъ, какъ здоровье ея сестры. Она поклонилась, отвѣтила, что ея сестра здорова, и прошла дальше. Всѣ усилія вовлечь ее въ разговоръ ни къ чему не повели.

Въ слѣдующее воскресенье, 2-го іюля 1854 года, мистрисъ Гоуфъ, миссъ Лора Арбутнотъ, миссъ Элеонора Арбутнотъ и миссъ Линденъ были въ церкви. Капитанъ Гоуфъ все это время былъ въ Дублинѣ. Компанія отправилась въ церковь Ратронана въ ирландскомъ открытомъ экипажѣ. Когда дамы вошли въ церковный дворъ, они увидѣли м-ра Кардена Барнена стоявшимъ, какъ бы въ ожиданіи службы, за памятникомъ. Принимая во вниманіе встрѣчу въ среду, потомъ встрѣчу на цвѣточной выставкѣ и въ особенности тотъ фактъ, что Ратронанская церковь вовсе не была обыкновеннымъ мѣстомъ посѣщенія для него, они должны были чувствовать, что его присутствіе есть лишь новая демонстрація того самаго «преслѣдованія», которое въ это время, къ ихъ неудовольствію, сдѣлалось для нихъ уже замѣтнымъ. Въ дѣйствительности онъ обратилъ на себя вниманіе почти всѣхъ присутствовавшихъ; почти всякій понималъ, что онъ пришелъ сюда «посмотрѣть на миссъ Элеонору». Во время службы онъ не выразилъ ни слѣда нервности, возбужденія или безпокойства. Онъ

вышелъ около конца регулярной службы; но такъ какъ это былъ день причастія, то ратронанскія лэди оставались въ церкви нѣсколько дольше.

Утро было такое прекрасное, что, какъ я сказалъ, дамы выѣхали изъ дому въ открытомъ экипажѣ; но едва онѣ успѣли войти въ церковь, какъ надвинулись густыя тучи. Кучеръ, Джемсъ Двайеръ, быстрый па соображеніе, поворотилъ назадъ въ Ратронанъ (разстояніе около $^3/_4$ мили) и перемѣнилъ открытый шарабанъ на «крытый экипажъ». Такъ называется экипажъ со входомъ сзади; пассажиры сидятъ внутри другъ противъ друга по обѣимъ сторонамъ. Двайеръ и не подозрѣвалъ, какъ много поможетъ эта перемѣна избѣжать западни.

Между тѣмъ у внѣшнихъ воротъ Ратронана стояла карета, запряженная роскошною парой чистокровныхъ лошадей. Шесть праздныхъ незнакомцевъ бродили вокругъ; а на дорогѣ подлѣ входа въ церковный дворъ грумъ держалъ двухъ верховыхъ лошадей. Когда м-ръ Карденъ вышелъ изъ церкви, онъ сѣлъ на одну изъ нихъ и поѣхалъ въ томъ направленіи, гдѣ стояла карета. Онъ торопливо сказалъ нѣсколько словъ, послѣ чего кучеръ натянулъ возжи, а 6 человѣкъ тотчасъ же сѣли въ карету. М-ръ Карденъ сошелъ со своей лошади и внимательно осмотрѣлъ упряжь на обоихъ величественныхъ животныхъ, запряженныхъ въ карету. Каждый ремень и пряжка, каждая пѣтля и постромка были быстро и внимательно осмотрѣны и испробованы. Изслѣдованіе кончилось и онъ опять сѣлъ на лошадь и поѣхалъ назадъ къ церкви. Онъ встрѣтилъ крытый экипажъ капитана Гоуфа, возвращавшійся съ дамами. Онъ тотчасъ же круто повернулъ лошадь и поѣхалъ слѣдомъ за нимъ, такъ что голова лошади была всего на разстояніи нѣсколькихъ футовъ отъ экипажа. Двайеръ, кучеръ, подъѣзжая къ воротамъ, видѣлъ странную карету и сидѣвшихъ въ ней людей, и зналъ, что сзади ѣхалъ м-ръ Джонъ Карденъ изъ Барнена, неотступный преслѣдователь «молодой мистриссъ». Мысль, что что-то неладно, быстро промелькнула въ его головѣ. Онъ не имѣлъ времени рѣшить этотъ вопросъ и придти къ ясному выводу; но, подъѣхавши къ воротамъ, онъ инстинктивно тряхнувъ возжами, крикнулъ на свою лошадь. Прежде, чѣмъ бичъ успѣлъ коснуться до нея, шесть человѣкъ бросились впередъ, схватили ее подъ узцы и остановили экипажъ. Затѣмъ онъ узналъ въ ихъ вожакѣ Рейнсберри и догадался, въ чемъ дѣло. Онъ соскочилъ съ козелъ, воскликнувши: «Рейнсберри, ты подлецъ,

оставь мою лошадь; ты дорого заплатишь за это!» Ударъ кистенемъ по головѣ положилъ Двайера на землю. Рейнсберри вскричалъ: «Рѣжь, рѣжь! Ножи, ножи!» Одинъ изъ банды вынулъ изъ-подъ своего кафтана большой свѣже наточенный садовый ножъ и однимъ ударомъ пересѣкъ возжи ратронанской лошади, еще и еще—и постромки повисли. Это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ, но годами ужаса казались онѣ кричавшимъ жертвамъ въ экипажѣ. Какъ только послѣдній былъ остановленъ, Карденъ соскочилъ съ лошади, подбѣжалъ къ экипажу и бросился къ Элеонорѣ Арбутнотъ. Но все благопріятствовало ей въ этотъ день. Она сидѣла самою дальнею отъ входа и онъ могъ добраться до нея только черезъ миссъ Линденъ, сидѣвшую на той же скамьѣ, первою отъ дверцы. Будь онѣ теперь въ томъ открытомъ шарабанѣ, на которомъ утромъ пріѣхали въ церковь, нападающему достаточно было бы дернуть любую изъ нихъ, чтобъ она была у его ногъ. Но размѣщенныя такъ, какъ теперь, онѣ были сильно защищены отъ нападенія, и прежде, чѣмъ достичь Элеоноры, нужно было вытащить и устранить трехъ остальныхъ. Всѣ четверо сопротивлялись самымъ рѣшительнымъ образомъ, вполнѣ сознавая, въ чемъ дѣло. Кардену на минуту удалось схватить Элеонору. Съ отчаянной энергіей онъ пытался вытащить и вырвать ее изъ экипажа. Лора держала ее сзади, а миссъ Линденъ, собравши всѣ свои силы, размахнулась и дала хорошую оплеуху по открытому лицу помощника вице-короля. Кровь хлынула изъ его носа и потекла по лицу, рубашкѣ и платью. Онъ выпустилъ Элеонору и кинулся на свою оскорбительницу. Напрасно она кричала и боролась,—онъ свирѣпо стащилъ ее съ мѣста и бросилъ на край дороги. Мистрисъ Гоуфъ, которой здоровье въ это время было въ такомъ состояніи, что подобная сцена могла окончиться почти вѣрною смертью, сдѣлала лучшее, что она могла—выскочила изъ экипажа и бросилась по алеѣ къ дому, взывая о помощи. Молодой крестьянинъ, по имени Мак-Гартъ, первый прибѣжалъ на мѣсто происшествія. Онъ увидѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи пастуха Гоуфа и закричалъ ему, чтобы тотъ шелъ скорѣй на помощь, такъ какъ тутъ готовится убійство. Затѣмъ съ истинно-типперарскимъ жаромъ бросился въ битву. Еслибъ это была борьба между мущинами, Мак-Гартъ, конечно, поколебался бы, на чью сторону стать ему, особенно же еслибы могло оказаться, что онъ за «законъ и порядокъ» — полицію, мировыхъ судей, ландлордовъ или сплетеніе всѣхъ ихъ вмѣстѣ—«прави-

писная книжка и женская кружевная вуаль. У арестованныхъ были найдены запачканный кровью большой ножъ и сумка съ револьверными принадлежностями. Въ каретѣ были—свертокъ веревки, кафтаны, ковры, шали, цѣлый складъ платья и мѣшокъ черной кожи. При открытіи въ послѣднемъ оказались—двѣ бутылки хлороформа, одна бутылка микстуры, губка, бутылка пахучихъ солей, бутылка валерьяновой тинктуры, маленькій стаканчикъ, нѣсколько дамскихъ перчатокъ, пара женскихъ туфель, вязанная куртка, парикъ, нѣсколько бандажей и корпія, кромѣ разныхъ мелкихъ вещей. На одной бутылкѣ съ хлороформомъ была подпись: «полную чайную ложку на чашку воды». Изъ слѣдующей записи, найденной въ памятной книжкѣ, кажется, что м-ръ Карденъ хотѣлъ проѣхать мимо своихъ владѣній, не останавливаясь, и отправилъ это письменное извѣстіе туда къ какому-то довѣренному агенту: «Заприте главные ворота; отбивайте и гоните всѣхъ преслѣдователей, но не подвергайте опасности человѣческую жизнь. Старайтесь заставить преслѣдователей подозрѣвать, что я заперся въ башнѣ. Загребите граблями щебень на дорогѣ, чтобы скрыть слѣды. Дайте намекъ Джонсону, чтобъ онъ былъ другомъ и обманулъ преслѣдователей. Не посылайте моихъ писемъ, а пишите сами въ Ст. Джемсъ и защитите людей, бывшихъ со мной».

Однакожь теперь все было кончено. Его отчаянная игра была сыграна и потеряна. Его увезли арестантомъ въ кэшельскую тюрьму *).

Происшествіе это казалось до того невѣроятнымъ въ нашей странѣ, въ срединѣ девятнадцатаго столѣтія, что когда въ дублинскихъ газетахъ появилось о немъ извѣстіе, многіе читатели сочли весь разсказъ за сенсаціонную утку. И только когда потомъ каждый день и часъ начали приходить подтвержденія, они приняли удивительный разсказъ за фактъ **). Появившіяся потомъ частности усилили возбужденіе. Оказалось, что всѣ мѣры, кото-

---

*) Одна изъ каретныхъ лошадей, стоившая 150 гиней, пала, едва они успѣли проѣхать милю по направленію къ городу. *Прим. авт.*

**) Странное вліяніе примѣра въ преступленіяхъ такого спеціальнаго характера скоро обнаружилось и въ этомъ случаѣ. Въ теченіе недѣли или двухъ, случаи увоза повторялись по всей странѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ ратронанскаго покушенія одинъ типперарскій полицейскій увезъ отъ друзей одну почтенную дѣвушку, а въ Коркѣ Джонъ Вельшъ, типографщикъ, былъ отданъ подъ судъ за увозъ Мэри Спиллейнъ, дѣвушки моложе 18 лѣтъ, которая, достигши совершеннолѣтія, должна была наслѣдовать хорошее состояніе. *Прим. авт.*

рыя м-ръ Карденъ принялъ для увоза Элеоноры Арбутнотъ, занимали его вниманіе въ теченіе долгаго времени и стоили значительныхъ издержекъ. Какъ утверждали, онъ рѣшилъ привезти ее на берегъ Галуэйскаго залива (разстояніе около 50 миль), гдѣ былъ приготовленъ пароходъ, готовый взять ее и увезти въ море; на всемъ пути отъ Темпльморе до Галуэй были заготовлены смѣны лошадей. Пароходъ съ разведенными парами стоялъ у берега; говорили, что онъ собирается отплыть прямо въ Лондонъ. Эти приготовленія стоили ему около 7.000 фунт. ст.

Въ четвергъ, 27 іюля 1854 года, въ Клонмелѣ были открыты достопочтеннымъ судьей Болломъ ассизы южнаго Ридинга въ Типперари. Старожилы не помнили такого наплыва провинціальныхъ семействъ, какой былъ въ этотъ день въ городѣ. Старшій шерифъ, Джорджъ О'Каллаганъ, уже въ теченіе нѣсколькихъ дней былъ въ состояніи, граничащемъ съ сумасшествіемъ. Лэди—молодыя, старыя и среднія — немилосердно охотились за нимъ повсюду, неотступно требуя билетовъ на входъ. Онъ жалобно объяснялъ, что расширить зданіе суда для этого случая было бы непрактично, а перенести засѣданіе на зеленый лугъ или на гипподромъ судья едва ли согласится. Все напрасно. Всякая просительница увѣряла, что *она* займетъ совсѣмъ немного мѣста, «почти что никакого», и «еслибъ онъ захотѣлъ», то навѣрно могъ бы дать ей уголокъ, чтобы взглянуть на бѣднаго м-ра Кардена, сердце котораго «любило хотя и не разумно, но сильно», и т. д.; и съ его стороны, какъ старшаго шефира, или Сэма Гоинга, его подчиненнаго, говорить, что всѣ мѣста розданы—было дѣломъ явной злобы и мести человѣку въ день его смерти. Онъ убѣгалъ въ городъ и «не былъ дома для посѣтителей»; но, несмотря на это, они врывались и въ его кабинетъ. Тогда онъ слегъ въ постель и сказался больнымъ—соединеніемъ кори съ коклюшемъ и признаками скарлатины, какъ говорила газета *Chronicle*; но прелестныя существа проникали даже къ его постели, и пока онъ хрипѣлъ изъ-подъ своего ватнаго одѣяла, что кромѣ скамьи подсудимыхъ не осталось незанятымъ ни одного дюйма мѣста, они сообщали ему въ отвѣтъ свои соображенія, которыя, какъ они увѣряли, ему никогда не слѣдовало бы забывать.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и мужской полъ былъ не менѣе настойчивъ въ своихъ преслѣдованіяхъ. Только *они* хотѣли видѣть уже не м-ра Кардена. «Лишь одного взгляда на эту прелестную героиню дѣвушку»,—просили и добивались они

наперерывъ съ дикимъ энтузіазмомъ. «Но вы можете видѣть ее въ другое время»,—убѣждалъ бѣдный Гоингъ. За такое восклицаніе онъ поплатился исключеніемъ изъ «общества» въ Южномъ Ридингѣ на нѣсколько сезоновъ.

Jamque dies infanda aderat. Старый судья Боллъ прибылъ въ судъ, величественно окруженный алебардами, пиками и трубачами и сопровождаемый по-истинѣ несчастнымъ шерифомъ въ полной формѣ. Достопочтенный Корнуэльсъ Моудъ, старшина присяжныхъ, выслушалъ вступительную рѣчь его лордства и удалился съ своими товарищами на нѣсколько минутъ. Затѣмъ они возвратились въ судъ съ приговоромъ противъ ихъ собственнаго пріятеля и товарища магистрата, Джона Кардена, за насильственный увозъ миссъ Элеоноры Арбутнотъ изъ Ротронана. Было извѣстно, что еслибы м-ра Кардена стали обвинять въ «увозѣ», то возникло бы очень значительное юридическое разногласіе, такъ какъ онъ не успѣлъ вытащить молодую лэди изъ экипажа и увезти. Чтобъ избѣжать этого неудобства, корона выставила меньшее обвиненіе—въ покушеніи увезти, осложненное оскорбленіемъ. Присяжнымъ былъ поставленъ вопросъ о *покушеніи* увезти, и подсудимый признанъ виновнымъ. Въ слѣдующій понедѣльникъ онъ судился въ третій разъ за нанесеніе умышленной обиды Смитвику, ротронанскому пастуху. Всѣ считали это излишествомъ со стороны обвиненія, и симпатія къ обвиняемому открыто высказывалась со всѣхъ сторонъ. Когда на этотъ разу жюри вынесло вердиктъ «не виновенъ», въ судѣ раздались громкіе аплодисменты; «дамы махали платками». Еще болѣе достойно удивленія, что толпа, собравшаяся подлѣ зданія суда, состоявшая изъ того класса людей, съ которыми м-ръ Карденъ, какъ ландлордъ, былъ не въ особенно дружелюбныхъ отношеніяхъ, выразила по поводу оправдательнаго вердикта точно такія же чувства. Прежде чѣмъ приговоръ былъ произнесенъ, онъ получилъ отъ судьи позволеніе сдѣлать нѣсколько замѣчаній, и обратился къ суду съ очень талантливою рѣчью, обнаружившею въ немъ большой тактъ, чуткость и пониманіе во всемъ, что онъ говорилъ. Онъ искренно опровергалъ,—и я вполнѣ увѣренъ, что онъ былъ правъ,—недостойные мотивы его поступка, которые ему приписывали, какъ личную вражду, злобу или обогащеніе. Онъ торжественно объявилъ, что совершенно не зналъ о критическомъ состояніи здоровья миссъ Гоуфъ. «Еслибъ я зналъ это,—прибавилъ онъ,—я, конечно, не позволилъ бы себѣ столь преступной попытки». Нако-

нецъ, онъ съ негодованіемъ отрицалъ предположеніе, будто бы вещества, найденныя въ его каретѣ, были предназначены для приведенія кого-нибудь въ безчувственное состояніе.

Эту рѣчь слушали со сдержаннымъ дыханіемъ,—безъ всякаго сомнѣнія, на его сторонѣ было много сочувствія, несмотря на то, что недѣлю тому назадъ противъ него были всѣ. Однако-жь судья справедливо держался твердаго взгляда на факты и приговорилъ м-ра Кардена къ двумъ годамъ заключенія, съ каторжною работой въ мѣстной тюрьмѣ. На слѣдующій день *Tipperary Free Press* объявила, что несчастный «лордъ Барненъ», одѣтый въ арестантское платье, уже началъ отбывать ужасное наказаніе, навлеченное на него страстью, которую не въ силахъ погасить даже эта пытка.

Прошли три года. Всѣ, повидимому, забыли ротронанскій эпизодъ, какъ вдругъ въ газетахъ появился тревожный заголовокъ: «Опять м-ръ Карденъ! Дальнѣйшія покушенія на миссъ Арбутнотъ».

Въ этихъ сенсаціонныхъ объявленіяхъ онъ былъ въ нѣкоторой степени оклеветанъ; тѣмъ не менѣе исторія была довольно странна сама по себѣ. Тюремное заключеніе, униженіе, физическое и нравственное страданіе, общественное презрѣніе, неумолимая вражда друзей — все это оказалось неспособнымъ ослабить его очарованіе миссъ Арбутнотъ. Онъ невидимо слѣдовалъ за нею. Онъ разузнавалъ обо всѣхъ ея движеніяхъ и казался счастливымъ, когда, несмотря на всѣ трудности, могъ быть на томъ мѣстѣ, которое она собой озаряла. Съ другой стороны, молодая лэди страдала отъ повсюду преслѣдовавшаго ее страха. Она знала, что ея мучитель былъ близко. Онъ старался попасть ей на глаза, и однажды, вскорѣ послѣ своего освобожденія, даже говорилъ съ ней, пріѣхавши слѣдомъ за ней въ Эльдерслей въ Сурреѣ. Его возбужденныя манеры на этотъ разъ испугали ее. Въ октябрѣ 1858 года она жила съ своею сестрой, теперь лэди Гоуфъ, въ Ст. Эленѣ, около Блакрока, въ Дублинскомъ графствѣ, какъ вдругъ женщина, жившая въ сторожкѣ у наружныхъ воротъ, однажды утромъ разсказала тревожную исторію. Въ теченіе уже двухъ или трехъ дней, хорошо одѣтая дама справлялась у нея о миссъ Элеонорѣ, въ какое время она выходитъ гулять и гуляетъ ли она одна по имѣнію. Наконецъ,—такъ утверждала привратница,—таинственная незнакомка открыла, что она приходила отъ м-ра Кардена и что ей будетъ дана большая сумма денегъ,

если она поможетъ ему видѣться съ молодой леди въ домѣ или внѣ его. И это еще не все, дошедшее до миссъ Арбутнотъ. Ей разсказывали, что ея мучитель объявилъ о своемъ намѣреніи увезти ее изъ замка Лафкутеръ (недавно купленнаго имъ), когда семейство Гоуфа туда переѣдетъ, такъ какъ тамъ это очень легко было сдѣлать. Повидимому, дѣло принимало серьезный оборотъ, такъ что во время слѣдующаго визита посланной м-ра Кардена къ воротамъ имѣнія она была схвачена и передана въ руки полиціи. Противъ м-ра Кардена были сдѣланы показанія подъ присягой, онъ былъ тотчасъ же арестованъ и обязанъ дать существенное ручательство, что онъ не будетъ безпокоить или досаждать миссъ Элеонорѣ Арбутнотъ. Еще разъ мы испытали старое возбужденіе. Полицейскій судъ въ Кингстоунѣ былъ на этотъ разъ мѣстомъ продолжительнаго процесса. Скоро выяснилось, что со стороны привратницы много было преувеличено изъ страха. Относительно же приходившей женщины оказалось, что она искусно вела двойную игру. Прежде она была наемною служанкой въ семействѣ Арбутнотъ и теперь поняла всю выгоду сдѣлаться экономкой у м-ра Кардена. Она знала его слабость и льстила ей. Она разсказывала, что имѣетъ свиданія съ миссъ Арбутнотъ, и приносила ему лестныя вѣсти. Словомъ, судья видѣлъ, что на этотъ разъ м-ръ Карденъ не былъ виноватъ. Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ болѣе благоразумнымъ обязать подсудимаго подъ страхомъ большаго штрафа быть спокойнымъ въ теченіе года—требованіе, которое онъ покорно выполнилъ. Прошелъ этотъ годъ и многіе другіе, а онъ все-таки продолжалъ оставаться на своемъ одинокомъ жизненномъ пути при томъ убѣжденіи, что Элеонора Арбутнотъ любила человѣка, котораго публично оттолкнула отъ себя. Можетъ-быть фактъ, что она не выходила замужъ за другаго, утверждалъ его въ этихъ галлюцинаціяхъ. Говорятъ, онъ не одинъ разъ тайно ѣздилъ въ Лофкутеръ, чтобы незамѣтно уловить ея взглядъ на дорогѣ или въ паркѣ, и затѣмъ точно такъ же возвращался домой.

Типперари, и въ особенности сѣверный Ридингъ полны самыхъ удивительныхъ разсказовъ объ этой личности. Во время увоза ему было около пятидесяти четырехъ лѣтъ. Это былъ плотно сложенный, мускулистый человѣкъ, около пяти съ половиной футовъ ростомъ, заносчивый и даже, можно сказать, высокомѣрный съ чужими, и неподатливый на дружбу. Тѣмъ не менѣе подчиненные относились къ нему очень тепло и, несмотря

на его упрямую настойчивость въ отношеніяхъ къ своимъ фермерамъ, многіе изъ нихъ—тѣ, кто имѣли случай сталкиваться съ его лучшими качествами—отзывались и отзываются о немъ съ высокою похвалой. Онъ воспитывался въ Англіи и, по достиженіи совершеннолѣтія, нашелъ, что его собственность была «подъ судомъ», какъ говоритъ народъ, т.-е. подъ запрещеніемъ совѣстнаго суда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вслѣдствіе тяжбы. Фермеры, подъ предлогомъ такого положенія дѣлъ, думали было не платить ему ренты. Онъ пріѣхалъ въ Барненъ, созвалъ ихъ всѣхъ въ опредѣленный день для переговоровъ и объявилъ свой ультиматумъ—ренту или землю, плати или уходи. Они пользовались репутаціей отчаяннаго народа и, очевидно, думали опереться на нее, желая его испугать. Ренты они платить не будутъ, но землю держать будутъ; мы имѣемъ причины,—говорили они,—оправдывать такое рѣшеніе и настаивать на поддержаніи послѣдняго. Но они не знали этого человѣка. Тогда онъ ничего больше не сказалъ, но тотчасъ же распорядился привести замокъ Барненъ на военное положеніе крѣпости. Кузнецы и плотники были поставлены дѣлать двери и ставни непроницаемыя для пуль; и когда это было сдѣлано, въ немъ заготовили большое количество провизіи. Мѣстный разсказъ гласитъ, что онъ убралъ внутреннія лѣстницы и устроилъ замокъ такимъ образомъ, что если-бы первый этажъ былъ взятъ, то онъ могъ бы отступить во второй и, убравши лѣстницу, отрѣзать всякое сообщеніе. А теперь онъ началъ дѣло въ судебныхъ инстанціяхъ. Противъ фермеровъ были получены исполнительные листы и начаты изгнанія. Между нимъ и ими завязалась открытая война. Мнѣ разсказывали, что всякому сдавшемуся «врагу» онъ не только возвращалъ землю, но облегчалъ условія аренды. Тѣ же, кто отказывался подчиниться, безжалостно изгонялись. Конечно, въ него снова и снова стрѣляли; но, по чудесному счастью, онъ всегда спасался. Его мужество и смѣлость вызывали удивленіе какъ друзей, такъ и враговъ. Однажды, когда онъ ѣхалъ одинъ по дорогѣ въ Нинагъ, изъ-за живой изгороди прилегающаго поля по немъ раздались два выстрѣла. Онъ поворотилъ свою лошадь и, хотя это былъ отчаянный прыжокъ, сразу расчистилъ изгородь, поскакалъ за своими врагами, одного положилъ на мѣстѣ безъ чувствъ ударомъ по головѣ рукояткой бича, а другаго догналъ и, соскочивши съ лошади, послѣ отчаянной борьбы, взялъ въ плѣнъ. Затѣмъ онъ снялъ стремянные ремни, связалъ ими своихъ арестантовъ и

привезъ ихъ въ Нинагскую тюрьму. Ихъ судили за преступленіе и приговорили, на основаніи его показаній, къ повѣшенію. Кажется, во время этой же «войны», толпа возставшихъ арендаторовъ пошла на замокъ, но нашла его такъ хорошо забаррикадированнымъ, что не могла взять. Однако-жь фермеры приготовились отмстить ему другимъ способомъ. Они привели съ собой нѣсколько лошадей и плуговъ и начали пахать прекрасную лужайку передъ главною входной дверью. Карденъ имѣлъ на верхушкѣ замка подвижную пушку; онъ зарядилъ ее картечью въ виду всѣхъ пахарей и объявилъ имъ, что они имѣютъ 10 минутъ времени для того, чтобъ уйти. Они отпрягли лошадей въ пять минутъ и ускакали прочь.

Въ послѣдніе годы жизни его эксцентричность приняла странный оборотъ. Онъ обратилъ свой замокъ въ огромный отель и выстроилъ громадныя и дорого стоившія турецкія бани. Я не увѣренъ, что онъ когда-нибудь открывалъ свое учрежденіе для публики обыкновеннымъ способомъ, но мнѣ разсказывали, что посѣтители и путешественники, проѣзжавшіе мимо, принимались здѣсь очень гостепріимно. Около шести лѣтъ тому назадъ съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ и съ тѣхъ поръ онъ уже не поправлялся. Смерть еще разъ обратила на него общественное вниманіе. При всѣхъ его неудачахъ общество отнеслось къ нему съ сочувствіемъ и сожалѣніемъ, какъ о человѣкѣ, странно соединявшемъ въ себѣ достоинства и недостатки. Я не знаю, кто наслѣдовалъ ему по имѣнію и посѣщается ли замокъ и его прекрасныя земли и теперь, какъ прежде; но разсказъ объ его жизни и приключеніяхъ, а особенно ротронанскій увозъ — въ теченіе многихъ поколѣній будетъ собирать группы слушателей у очаговъ Типперари.

Алчущіе и жаждущіе правды.

Очерки современнаго сектантства.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ.)

I.

Газетныя извѣстія.

Въ прошломъ 1880 году газетами, со словъ *Тверскаго Вѣстника*, было передано извѣстіе о появленіи въ Новоторжскомъ уѣздѣ новой религіозной секты, названной «сютаевскою» по имени основателя ея, крестьянина деревни Шевелина, Василья Кириллова Сютаева.

Извѣстіе это сразу обратило на себя вниманіе всѣхъ интересующихся движеніями народной мысли, такъ какъ новая секта, судя по сообщенію мѣстной газеты, захватывала не одну только религіозную сторону, но въ то же время представляла весьма значительный интересъ и въ чисто-бытовомъ, соціальномъ отношеніи.

Въ области религіи новые сектанты, по сообщенію *Тверскаго Вѣстника*, являются раціоналистами: они отрицаютъ церкви, иконы, таинства, не признаютъ православныхъ обрядовъ, священниковъ и т. д. Въ бытовомъ же отношеніи наиболѣе характерными чертами ученія сютаевцевъ представляются ихъ взгляды на собственность, на войны, а также ихъ отношеніе къ другимъ народностямъ и вѣроисповѣданіямъ.

Усвоивъ себѣ евангельскую точку зрѣнія на собственность, сютаевцы говорятъ: «у человѣка нѣтъ ничего своего, а все Божіе, все создано Богомъ для всѣхъ зообще». Руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, они не запираютъ даже своего имущества и всякій имѣетъ право взять, что пожелаетъ, не спрашивая позволенія у

того, кому это принадлежитъ; они не отказываютъ ближнему въ помощи, требуя только того же по отношенію и къ себѣ.

Всѣхъ людей сютаевцы признаютъ братьями: турокъ, язычникъ—для нихъ также братъ. Война, по ихъ мнѣнію, величайшая несправедливость, грѣхъ противъ заповѣди «не убей».

На ряду съ этими, хотя и краткими, но все-таки вполнѣ правдоподобными, свѣдѣніями въ статьѣ мѣстной газеты приводились относительно новой секты такія данныя, которыя невольно заставляли усомниться въ справедливости сообщаемыхъ ею фактовъ. Такъ, между прочимъ, сообщалось, что послѣдователи новой секты отрицаютъ будто бы Евангеліе и что единственныя книги, которыя они читаютъ и которымъ они вѣрятъ, это—книги Тихона Задонскаго и Катехизисъ митрополита Филарета. Между тѣмъ въ той же самой статьѣ говорится, что «сютаевцы стараются уложить свою жизнь въ нравственныя рамки Св. Евангелія» и что они почти наизусть знаютъ переведенное на русскій языкъ Евангеліе, постоянно цитируютъ его и толкуютъ. Такое рѣзкое, грубое противорѣчіе не могло не поражать читателя и невольно заставляло каждаго съ недовѣріемъ отнестись и къ остальнымъ частямъ сообщенія *).

Спустя два-три мѣсяца послѣ появленія въ печати статьи *Тверскаго Вѣстника*, въ одной изъ петербургскихъ газетъ (*Молва*, № 245) была помѣщена корреспонденція изъ Торжка, въ которой сообщено было нѣсколько новыхъ фактовъ о жизни и ученіи сютаевцевъ. Именно сообщалось тамъ, что въ 1876 году, по доносу мѣстнаго священника, возникло дѣло по обвиненію сектанта крестьянина Василья Сютаева въ томъ, что онъ отказывается крестить своего внука. На допросѣ Сютаевъ показалъ, что не креститъ внука потому, что въ Писаніи сказано: «Покайтесь и пусть крестится каждый изъ васъ», а ребенокъ каяться еще не можетъ.

Окружный судъ, въ который поступило дѣло, нашелъ, что Сютаевъ не подлежитъ уголовной отвѣтственности (по 1.004 ст. Уст. угол. суд.), а только назиданію и увѣщанію со стороны духовнаго начальства. Но въ 1877 году тотъ же мѣстный священникъ дѣлаетъ новый доносъ полиціи, въ которомъ пишетъ,

---

*) Въ заключеніи статьи говорится, что „новая секта имѣетъ много общихъ сторонъ съ штундизмомъ и ученіемъ пашковцевъ", какъ будто между этими двумя ученіями существуетъ особенно близкое сходство.

что Сютаевъ распространяетъ свою ересь, и что секта эта—«не евангелисты, а соціалисты», которые не признаютъ властей.

Началось новое слѣдствіе, при чемъ оказалось, что семья Сютаева прежде была дурнаго поведенія и пьянствовала, а теперь направилась къ добру, что въ домѣ у него и другихъ службахъ нѣтъ никакихъ запоровъ, а имущество остается въ сохранности и сосѣди уважаютъ его за то, что онъ старается помочь каждому бѣдному. Одинъ изъ послѣдователей Сютаева, отставной солдатъ К.*), разсказывалъ о себѣ, что прежде былъ онъ торговцемъ-кулакомъ, при чемъ не считалъ грѣхомъ обвѣсить и обмануть покупателей; но какъ только изъ чтенія Евангелія позналъ Бога и истину, бросилъ торговлю и занялся хлѣбопашествомъ, въ которомъ нѣтъ грѣха. «Въ расколъ его никто не совращалъ, но по случаю отказа священника крестить младенца самъ крестилъ его, а послѣ такого же отказа въ похоронахъ самъ похоронилъ свое дитя. Отъ церкви отсталъ потому, что тамъ—стяжаніе, а не любовь».

Вотъ и все, что появилось до сихъ поръ въ печати относительно новой секты. Но какъ ни отрывочны эти свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе они вполнѣ достаточны для того, чтобы заинтересовать новою сектой каждаго, кого только занимаютъ вопросы о томъ, что всего болѣе волнуетъ и мучитъ современную намъ народную мысль, о чемъ страдаетъ, о чемъ болѣетъ народное чувство въ переживаемую нами тяжелую, трудную пору....

II.

На пути къ сектантамъ.

16-го мая я пріѣхалъ въ Тверь. Здѣсь первый визитъ—къ извѣстному знатоку мѣстныхъ условій края, В. И. Покровскому. Съ самою любезною готовностью сообщилъ онъ мнѣ всѣ, имѣвшіяся въ его распоряженіи, свѣдѣнія и данныя о мѣстности, гдѣ возникла новая секта, и о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ живетъ тамошнее населеніе **).

---

*) Здѣсь, очевидно, ошибка: солдата, о которомъ идетъ рѣчь въ корреспонденціи, зовутъ Сергѣемъ Матвѣевымъ Луневымъ.

**) Считаю при этомъ своимъ нравственнымъ долгомъ гласно выразить признательность за оказанное мнѣ содѣйствіе въ моихъ изслѣдованіяхъ г. губернатору Аѳан. Ник. Сомову, В. И. Покровскому, В. Н. Линде и барону фонъ-Мирбахъ.

По отношенію къ сютаевцамъ меня прежде всего интересовалъ вопросъ о томъ, насколько было самостоятельно возникновеніе новой секты и не имѣли ли при этомъ мѣсто какія-нибудь постороннія, случайныя вліянія, а также не играли ли при этомъ какой-нибудь роли существующіе въ краѣ разные раскольничьи ученія и толки. О послѣднихъ я думалъ найти хотя какія-нибудь свѣдѣнія и указанія въ «Трудахъ» мѣстнаго статистическаго комитета, но, къ сожалѣнію, совершенно ошибся въ своихъ разсчетахъ, такъ какъ въ изданіяхъ комитета не нашлось рѣшительно никакихъ данныхъ по этому вопросу, за исключеніемъ обычныхъ вѣдомостей о числѣ раскольниковъ. Тверской статистическій комитетъ, руководимый г. Покровскимъ, сдѣлалъ весьма много для серьезной разработки вопросовъ, относящихся до экономическаго положенія края и отчасти его исторіи, но до сихъ поръ оставлялъ въ сторонѣ изслѣдованіе мѣстнаго раскола.

Производившій слѣдствіе о сютаевской сектѣ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, г. Губченко, въ разговорѣ съ нами, высказалъ предположеніе о возможности вліянія штундистовъ и пашковцевъ на возникновеніе новой секты.

«Жители деревни Шевелина, — говорилъ г. Губченко,—по ремеслу каменьщики; ежегодно они уходятъ на заработки въ разные концы Россіи, между прочимъ бываютъ и въ Кіевѣ, а бывая здѣсь, они легко могли встрѣтиться со штундистами и заимствовать отъ нихъ главныя основанія ихъ ученія... Затѣмъ они бываютъ въ Петербургѣ, знаютъ о Пашковѣ... Пашковцы не разъ присылали въ Тверь разныя книжки для передачи сютаевцамъ».

Изъ всего, что говорилъ мнѣ г. Губченко о новыхъ сектантахъ, было ясно, что у него сохранилось доброе, хорошее воспоминаніе о Сютаевѣ и его ближайшихъ послѣдователяхъ. Все, что онъ разсказывалъ мнѣ о жизни этихъ людей,—все это рисовало ихъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Мнѣ казалось даже, что онъ черезчуръ увлекался и замѣтно идеализировалъ сютаевцевъ. Передаю кое-что изъ его разсказовъ.

— Во время своихъ пріѣздовъ въ Торжокъ, я обыкновенно останавливался у одной мѣщанки, шапошницы (бѣдная, пожилая баба, которая живетъ шитьемъ шапокъ). Какъ-то разъ она, въ присутствіи Сютаева, пожаловалась на свое одиночество, на бѣдность, на то, что у ней нѣтъ никого, кто бы помогъ ей... «Вотъ теперь крыша течетъ, поправить надо, а тёсу нѣтъ и

купить не на что». Въ первый же базарный день послѣ этого разговора у ея воротъ останавливается возъ съ тёсомъ: это Сютаевъ привезъ, сложилъ доски во дворѣ и, не говоря ни слова, уѣхалъ домой. Хозяйка въ недоумѣніи... Встрѣчаетъ она какъ-то Сютаева и говоритъ ему: «Чего это ты тёсъ-то привезъ? Нешто я тебя просила? У меня денегъ нѣтъ тебѣ платить».—«А зачѣмъ мнѣ деньги?—говоритъ тотъ.—Мнѣ денегъ не нужно, для меня ихъ хоть во вѣкъ не будь».—«Да какъ же безъ денегъ-то? Чѣмъ я заплачу тебѣ? Вѣдь не даромъ же ты привезъ мнѣ свой лѣсъ».—«Зачѣмъ даромъ... Когда мнѣ шапка понадобится, ты мнѣ шапку сдѣлаешь, вѣдь ты—мастерица на это...Вотъ тебѣ и плата!»

Сютаевъ не запираетъ своихъ амбаровъ: и днемъ, и ночью у него все открыто. Этимъ воспользовались сосѣдніе мужики, пріѣхали тихонько на нѣсколькихъ подводахъ, вошли въ амбаръ и давай нагружать телѣги мѣшками съ хлѣбомъ. Живо весь амбаръ очистили, и хотѣли уже ѣхать, но вдругъ откуда ни возьмись Сютаевъ.

— Что-жь онъ?

— Онъ входитъ въ амбаръ, а тамъ всего-на-все одинъ мѣшокъ лежитъ, беретъ этотъ мѣшокъ на спину, выноситъ изъ амбара и кладетъ на телѣгу.—«Коли вамъ нужда, берите, Богъ съ вами!» — Мужики взяли, уѣхали, а на другой день снова пріѣхали, привезли хлѣбъ обратно, говорятъ: «мы раздумали», и Христомъ-Богомъ просили Сютаева принять отъ нихъ назадъ его хлѣбъ.

— А какихъ лѣтъ Сютаевъ?

— Вѣроятно, около 55 лѣтъ, но онъ хорошо сохранился и выглядитъ моложе.

— Большая семья у него?

— Да, у него нѣсколько сыновей и дочь, красавица въ полномъ смыслѣ этого слова. Сыновья женаты, имѣютъ дѣтей. Одинъ изъ нихъ, Дмитрій, самый упорный изъ всѣхъ; это, можно сказать, фанатикъ до мозга костей.

— Есть ли послѣдователи у Сютаева?

— О, конечно, и число ихъ постоянно растетъ. Я не могу опредѣлить вполнѣ точной цифры его послѣдователей, но думаю, что теперь ихъ не менѣе тысячи человѣкъ.

Въ числѣ свѣдѣній, полученныхъ мною въ Твери, были между прочимъ и оффиціальныя данныя о числѣ сектантовъ Тверской губерніи. По этимъ свѣдѣніямъ «раскольники разныхъ сектъ»

слѣдующимъ образомъ распредѣляются по городамъ и уѣздамъ Тверской губерніи:

Въ городѣ Корчевѣ—2 чел. (1 муж. и 1 жен.), заштатномъ г. Красномъ-Холмѣ—32 чел. (7 муж. и 25 жен.), Твери—44 чел. (21 муж. и 23 жен.), Весьегонскѣ—44 чел. (13 муж. и 31 жен.), Вышнемъ-Волочкѣ — 56 чел. (26 муж. и 30 жен.), Кашинѣ—56 чел. (7 муж. и 49 жен.), посадѣ Погорѣлое-Городище—81 чел. (30 муж. и 51 жен.), Торжкѣ—737 чел. (310 муж. и 427 жен.), Ржевѣ—13.159 чел. (6.259 муж. и 6.900 женщ.).

Въ остальныхъ городахъ нѣтъ ни одного «раскольника»,—такъ по крайней мѣрѣ стараются увѣрить насъ оффиціальныя данныя... А вотъ распредѣленіе сектантовъ по уѣздамъ:

Въ Осташковскомъ уѣздѣ—1 чел. (какая, подумаешь, точность!), Старицкомъ—59 чел. (30 муж. и 29 жен.), Тверскомъ—68 чел. (32 муж. и 36 жен.), Кашинскомъ—128 чел. (30 муж. и 98 жен.), Зубцовскомъ—161 чел. (63 муж. и 98 жен.), Бѣжецкомъ—190 чел. (42 муж. и 148 жен.), Корчевскомъ—234 чел. (74 муж. и 160 жен.), Ржевскомъ—342 чел. (158 муж. и 184 жен.), Вышневолоцкомъ—583 чел. (245 муж. и 338 жен.), Калязинскомъ—677 чел. (235 муж. и 442 жен.), Новоторжскомъ — 775 чел. (330 муж. и 445 жен.), Весьегонскомъ — 1.234 чел. (277 муж. и 957 женщ.).

Кромѣ раскольниковъ въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ значатся еще единовѣрцы: въ Твери—277 челов., въ Ржевѣ—905 чел. и въ Торжкѣ—2.194 человѣка. Въ уѣздахъ единовѣрцевъ нѣтъ. Свѣдѣнія эти заимствованы мною изъ данныхъ тверскаго губернскаго статистическаго комитета; но самъ комитетъ не производитъ счисленій раскольниковъ,—онъ получаетъ эти свѣдѣнія готовыми отъ мѣстной духовной консисторіи, которая, въ свою очередь, основывается на донесеніяхъ благочинныхъ, а эти послѣдніе на донесеніяхъ приходскихъ священниковъ. Добытыя такимъ путемъ свѣдѣнія входятъ и во всеподданнѣйшіе отчеты губернаторовъ и доставляются въ синодъ и во всѣ высшія правительственныя инстанціи.

Когда я потомъ въ уѣздахъ показывалъ эти свѣдѣнія исправникамъ, становымъ, земцамъ и другимъ обывателямъ,—всѣ они въ одинъ голосъ смѣялись надъ этою статистикой.

— Семьсотъ семьдесятъ пять человѣкъ раскольниковъ во всемъ уѣздѣ,—говорили они.—Помилуйте! Да у насъ въ одномъ еслѣ Б. вдвое больше раскольниковъ.

Получивши необходимыя предварительныя свѣдѣнія и сдѣлавши нѣкоторые оффиціальные визиты, я выѣхалъ въ Торжокъ.

Моими сосѣдями по вагону оказались какіе-то—не то мелкіе провинціальные купцы, не то богатые торгующіе крестьяне. Они, очевидно, продолжали прерванный разговоръ.

— Недавно здѣсь по близости,—разсказывалъ одинъ изъ нихъ,—въ селѣ Ильинскомъ, какой случай былъ. Приходитъ мужикъ къ священнику и проситъ повѣнчать.

«Десять рублей!»—Начинаютъ торговаться.—«Ну, такъ и быть, говоритъ, возьму пять, а меньше—ни копѣйки». Мужикъ даетъ три,—бѣдный мужичёнко, бобыль,—но попъ не соглашается. Долго онъ водилъ мужика; тотъ не сдается, не прибавляетъ,—извѣстно, не изъ чего прибавить-то: самъ голъ какъ соколъ. Ну, хорошо, проходитъ этакъ съ недѣлю времени. Видитъ попъ, что мужикъ не въ силахъ дать больше трёшницы, соглашается вѣнчать. Ладно, хорошо; начинаетъ вѣнчать. Обвелъ разъ вокругъ налоя и довольно. Женихъ и говоритъ: «Батюшка, кажись, вѣдь три раза кругомъ-то обводятъ, а не одинъ».—«Это за три-то рубля, говоритъ, три раза?... Нѣтъ, братъ, шалишь, довольно съ тебя и одного». Видитъ опять женихъ, что попъ вѣнцовъ не возлагаетъ, и говоритъ: «Батюшка, какъ же это вы безъ вѣнцовъ-то насъ вѣнчаете?»—«Это за три-то рубля, говоритъ, съ вѣнцами? Шалишь, братъ,—хорошо и такъ». Такъ и повѣнчалъ и вина испить не далъ. Тотъ было сунулся: «Батюшка, позвольте винца-то?» А тотъ на него: «это за три-то рубля винца? Ишь ты ловокъ! Нѣтъ, братъ, шалишь». Такъ и не далъ ничего.

Слушатели неодобрительно качали головами, приговаривая: «Ая-я-я-я! Вотъ такъ батюшка»!...

— Тѣмъ дѣло и кончилось?

— Тѣмъ было и кончилось, да барыня про это узнала,—помѣщица Сверчкова здѣсь живетъ,—донесла по начальству. Теперь слѣдствіе идетъ, судебнымъ порядкомъ.

— Нѣтъ, у насъ въ Никольскомъ попъ—ничего,—заговорилъ другой спутникъ, напоминавшій по типу московскаго мясника,—не больно жметъ... Самолюбіемъ этимъ почитай-что не занимается, только...

— А что?

— Разскащикъ зажмурилъ глаза и отчаянно закрутилъ головой.

— Зашибаетъ, стало-быть?

— То-есть въ лучшемъ видѣ!... И ужь запой у него! Этакого злющаго запоя я отродясь не видывалъ. И во хмѣлю—страсть! Чуть напьется, сичасъ въ драку лѣзетъ, а не то штуку какую ни-на-есть произведетъ... Намеднясь ночью только легли спать, вдругъ тревога: на колокольнѣ набатъ ударили. Все село высыпало отъ мала до велика,—думали пожаръ. Глядимъ—ни дыму, ни огня нигдѣ не видать... Что за притча такая?... А колоколъ гудитъ... Побѣжали на колокольню; смотримъ, а тамъ батюшка, въ одной рубахѣ да подштаникахъ, дуетъ что есть мочи.—«Батюшка, говоримъ, что случилось»?—«Я, говоритъ, съ женой подрался».

Въ вагонѣ смѣялись.

— Дивлюсь я,—въ раздумьи говорилъ одинъ изъ спутниковъ,—куда это наука-то дѣвается? Вѣдь, кажись, учатъ ихъ, учатъ, а они—во!...

Отъ священниковъ разговоръ перешелъ на расколъ. Я спросилъ о сютаевцахъ, не слыхали ли молъ.

— Какже, было слышно... Сказывали люди, что на Повѣди новая вѣра явилась...

Но никто изъ моихъ спутниковъ не зналъ даже приблизительно, въ чемъ собственно состояло ученье новой секты. Одинъ говорилъ, что новые сектанты не имѣютъ браковъ, не вѣнчаютъ, «живутъ сплошь», не разбирая, жена ли, сноха ли, невѣстка ли,—для нихъ, молъ, все единственно. Другой увѣрялъ, что Сютаевъ избралъ себѣ двѣнадцать апостоловъ, которые всюду сопровождаютъ его и съ которыми онъ никогда не разстается.

Къ вечеру мы пріѣхали въ Торжокъ. Разспрашивая здѣсь о новой сектѣ, я узналъ, что въ мѣстномъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ производится какое-то дѣло, имѣющее связь съ появленіемъ новой секты. По справкамъ, наведеннымъ мною, оказалось слѣдующее.

Старшина Повѣдской (бывшей Шевковской) волости, Павелъ Елисеевъ, вошелъ въ уѣздное присутствіе 29 апрѣля 1881 года съ рапортомъ за № 664 такого содержанія:

«Сельскимъ обществомъ крестьянъ деревни Удальцова (передаю съ буквальною точностію) избранъ въ должность сельскаго старосты крестьянинъ Илья Ивановъ, не признающій христіанской вѣры, а придерживается подъ названіемъ какой-то сютаевской. Жена Иванова, Авдотья Андреева, заявила, что мужъ ея обращается съ нею жестоко, а равно и съ дочерью, изъ-за того

именно, что онѣ не вѣруютъ по его обряду. Ивановъ перекололъ всѣ находящіяся въ его домѣ иконы, о чемъ мною и сообщено полиціи. Въ виду неблагонадежности со стороны избраннаго сельскаго старосты, Ильи Иванова, къ исправленію имъ служебныхъ обязанностей, имѣю честь покорнѣйше просить уѣздное присутствіе о разрѣшеніи уволить его отъ должности».

Уѣздное присутствіе поручило исправнику провѣрить донесеніе волостнаго старшины. Вслѣдствіе этого исправникъ, отношеніемъ отъ 17 мая за № 1223, увѣдомилъ присутствіе, что,—какъ оказалось по дознанію,—въ домѣ удальцовскаго сельскаго старосты Ильи Иванова дѣйствительно переколоты образа, а потому, находя его «неблагонадежнымъ», исправникъ просилъ присутствіе—сельскаго старосту Иванова немедленно уволить отъ должности. Присутствіе, какъ я слышалъ, сдѣлало уже распоряженіе въ этомъ смыслѣ.

Далѣе я узналъ въ Торжкѣ, что здѣсь въ прошломъ году родной сынъ Сютаева, Иванъ, призывался къ отбытію воинской повинности и что при этомъ произошелъ какой-то скандалъ. Мѣстный воинскій начальникъ до сихъ поръ отлично помнитъ Ивана Сютаева.

— Надѣлалъ мнѣ хлопотъ этотъ Сютаевъ!—говорилъ намъ воинскій начальникъ. — По вынутому имъ нумеру жеребья онъ подлежалъ поступленію на дѣйствительную службу. Осмотрѣли его въ присутствіи и признали годнымъ. Повели къ присягѣ, но онъ вдругъ упёрся: «Не хочу, говоритъ, присягать,—Евангеліе, дескать, запрещаетъ клясться...» Откуда это онъ взялъ, чортъ его знаетъ! Ужь какъ я его ни уговаривалъ, какъ ни убѣждалъ,—нѣтъ, ничего не слушаетъ... Хорошо, думаю, я тебя, голубчикъ, и безъ присяги заставлю служить.—Дать ему ружье!—говорю... Что-жь бы вы думали? Не хочетъ ружья въ руки брать, наотрѣзъ отказался. «Оно, говоритъ, въ крови, кровью пахнетъ». Слышите?... «Нужно, говоритъ, вооружиться мечомъ духовнымъ». Какъ это вамъ нравится: духовнымъ мечомъ?!... Представьте себѣ роту солдатъ съ духовными мечами!...

И разскащикъ весело расхохотался.

— Что же Сютаевъ?

— Что Сютаевъ! Онъ все свое: «не хочу, говоритъ, на войну!... Сказано: «не убей»... Это, говоритъ, грѣхъ смертный... Не хочу людей убивать».—Я ему говорю: дуракъ ты, вѣдь теперь и войны-то никакой нѣтъ, всю службу въ казармѣ просидишь,

вѣкъ пороху не понюхаешь, войны-то и въ глаза не увидишь,—изъ-за чего же ты артачишься?... Нѣтъ, какъ къ стѣнѣ горохъ! Стоитъ на своемъ и дѣло съ концомъ... Что тутъ прикажете дѣлать?... Засадилъ его въ карцеръ на хлѣбъ на воду. Проходитъ день. Фельдфебель докладываетъ, что Сютаевъ ничего не ѣстъ: ни хлѣба, ни воды,—словомъ, ничего въ ротъ не беретъ. «Ладно, думаю, посидишь, такъ эта дурь-то съ тебя сойдетъ». Другой день проходитъ—не ѣстъ, третій день—то же самое... Отощалъ до того, понимаете, что едва на ногахъ стоитъ, съ трудомъ поднимается съ лавки, а все на своемъ стоитъ... Призвалъ я священника и говорю ему: «Батюшка, вы знаете Священное Писаніе, поговорите съ Сютаевымъ, убѣдите его, внушите ему, что вѣдь такъ нельзя же наконецъ, что вѣдь это... это чортъ знаетъ что такое!... Вѣдь невозможно же въ самомъ дѣлѣ, чтобы безъ войска, безъ солдатъ, безъ... Ну, гдѣ это видано?»—Священникъ въ полномъ облаченіи, съ Евангеліемъ въ рукахъ, отправился его усовѣщевать.

— Ну, и что же?

— Ахъ, лучше не говорите! Священникъ одно слово скажетъ, а Сютаевъ десять... Въ концѣ концовъ онъ просто разсвирѣпѣлъ и началъ ужасно дерзко и грубо поносить священниковъ и духовенство... Я сталъ не радъ, что затѣялъ эту исторію, и говорю: «Батюшка, уходите, ради Бога, поскорѣе!»

— Что же сталось съ Сютаевымъ?

Собесѣдникъ мой пожалъ плечами.

— Приказалъ выпустить его изъ карцера, принужденъ былъ это сдѣлать, иначе онъ непремѣнно уморилъ бы себя голодомъ... Непремѣнно уморилъ бы... Фанатикъ!

Въ Торжкѣ я узналъ между прочимъ, что послѣдователи новой секты недавно устроили было въ Шевелинѣ общину, но что община эта вскорѣ распалась: участники ея перессорились между собой и все дѣло кончилось двумя исками, предъявленными мѣстному мировому судьѣ, А. А. Бакунину.

Мнѣ хотѣлось поточнѣе узнать объ этомъ дѣлѣ и потому я, прежде чѣмъ ѣхать въ Шевелино, рѣшилъ сдѣлать крюкъ и отправиться сначала къ г. Бакунину, который живетъ въ имѣньи своемъ, въ селѣ Прямухинѣ, чтобъ отъ него получить интересовавшія меня свѣдѣнія.

Щегольская тройка крѣпкихъ «вольныхъ» ямщицкихъ лошадей въ маленькомъ, красивомъ тарантасѣ, съ бубенчиками и ко-

локольчиками, бойко понесла меня по проселочной, пустынной и скучной дорогѣ. Погода стояла сырая и холодная; хмурое, пасмурное небо ежеминутно угрожало дождемъ. Яркая зелень озимыхъ полосъ рѣзко выдѣлялась на сѣромъ неприглядномъ фонѣ тощихъ яровыхъ полей, широко разстилавшихся по обѣ стороны дороги. Изможденныя, жалкія лошаденки крестьянскія надрывались, таская сохи и взрыхляя крѣпкій, жесткій суглинокъ. За сохами двигались какія-то странныя, согбенныя фигуры: это—бабы, дѣвки-подростки, старухи.

Дѣло въ томъ, что съ ранней весны и до глубокой осени почти все мужское населеніе уходитъ отсюда на заработки въ Питеръ и другія мѣста. Въ селахъ и деревняхъ остается одно «женское сословіе», малые ребята, да старики. Такимъ образомъ вся тяжесть крестьянской страды ложится здѣсь почти исключительно на однѣхъ женщинъ,—онѣ однѣ выносятъ ее на своихъ плечахъ. Онѣ пашутъ поля, боронятъ, сѣютъ, косятъ, поднимаютъ новь, рубятъ лѣсъ,—словомъ, нѣтъ такой тяжелой мужицкой работы, которую не исполняли бы здѣсь бабы.

— Въ нашемъ мѣстѣ бабамъ жисть чижолая—страсть...,— говорила мнѣ одна старуха, вволю поработавшая на своемъ вѣку.— Не приведи Господи! Бывало по полю-то ходишь, ходишь за сохой—измаешься... Лошадь опристанетъ, и понукаешь ее, и стегаешь—ничего нейметъ... Изъ силъ выбьешься... Земля-то твердая—глина да каменьё. А особливо ежели соха неловка, худо налажена, въ землю идетъ-задираетъ,—тутъ ужь совсѣмъ бѣда. На одномъ мѣстѣ часъ пробьешься... До того руки-то надергаешь, что домой придешь, за столъ сядешь—не можешь ложкой-то въ ротъ угодить,—такъ руки и дрожатъ, такъ и трясутся, словно онѣ у тебя чужія, не слушаютъ... Спина ноетъ, на ногахъ жилы опухнутъ.

Вотъ она «все выносящаго русскаго племени многострадальная мать!»

„Доля ты, русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать!...“

Родъ Бакунинихъ считается однимъ изъ самыхъ древнихъ, именитыхъ родовъ тверскаго дворянства. Въ настоящее время братья Бакунины, особенно П. А. и А. А., являются видными дѣятелями тверскаго земства, извѣстнаго своимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ нуждамъ народа. Старшій братъ ихъ, Михаилъ Александровичъ Бакунинъ, былъ нѣкогда однимъ изъ самыхъ вы-

дающихся и вліятельныхъ членовъ знаменитаго кружка, группировавшагося около В. Г. Бѣлинскаго. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Михаилъ Александровичъ, живя въ качествѣ эмигранта за границей, всецѣло отдался революціонной дѣятельности и вполнѣ заслуженно пользовался репутаціей «апостола анархіи». Недавно онъ умеръ въ глубокой старости, причемъ до самой смерти оставался вѣренъ своимъ идеямъ.

Усадьба Бакунинныхъ сразу переноситъ васъ на полстолѣтія назадъ. Неуклюжія, но очень прочныя каменныя зданія, всевозможныя пристройки и надстройки, людскія, длинные, широкіе коридоры, обширныя залы, тяжелая, массивная мебель, огромныя старомодныя зеркала—все это говоритъ о томъ времени, когда здѣсь жизнь текла бойко, на широкую ногу, когда здѣсь было и шумно, и весело, и оживленно. Не то теперь. Несмотря на радушіе, любезность и гостепріимство хозяевъ, какой-то таинственный духъ запустѣнія незримо носится въ воздухѣ этихъ обширныхъ залъ и корридоровъ, а старые фамильные портреты съ тихою грустью смотрятъ со своихъ стѣнъ на то, какъ новые запросы и волны жизни уходятъ съ каждымъ днемъ все дальше и дальше изъ этихъ усадьбъ...

Въ дѣлахъ мироваго судьи А. А. Бакунина дѣйствительно оказались два дѣла, имѣвшія тѣсную связь съ появленіемъ новой секты. Оба дѣла состоятъ изъ исковъ, предъявленныхъ къ отставному солдату Сергѣю Луневу. Крестьянка Василиса Петрова взыскиваетъ съ Лунева 150 руб. 50 коп., а крестьянинъ Евстратъ Семеновъ Королевъ обвинялъ Лунева въ томъ, что тотъ «подъ видомъ религіознаго ученія выманилъ у него всякаго имущества», и ищетъ возврата денегъ по стоимости выманеннаго у него имущества. Въ первомъ дѣлѣ интересно показаніе самого Василья Кириллова Сютаева, присутствовавшаго при разборѣ дѣла въ качествѣ свидѣтеля. Показаніе это разъясняетъ причину возникновенія исковъ.

«Луневъ, Петрова и ея родители,—показывалъ Сютаевъ *),—по ученію Св. Писанія, согласились, чтобы была у нихъ одна душа и одно сердце, и все свое имущество сложили сообща, чтобы не было между ними никакого ни спора, ни дѣлежа, безо всякихъ договоровъ и безо всякихъ условій. Такъ у нихъ и было, но Луневъ вдругъ сталъ отсыпать отъ хлѣба головню, то-есть луч-

*) Показаніе его привожу дословно, безъ измѣненій.

шее зерно, подъ предлогомъ будто бы на сѣмена. Я ему сказалъ, что такъ дѣлать не слѣдуетъ, потому что нечего дѣлить слабыхъ и сильныхъ, дурныхъ и хорошихъ, а надо смѣшать, и чтобы всякій бралъ сколько кому надо. Луневъ мнѣ сказалъ, что у него на это сердце не лежитъ.—А коли не лежитъ,—тогда я ему сказалъ,—чтобъ онъ шелъ изъ овина, и выгналъ его изъ овина вонъ. Это увидѣли другіе и стали требовать, чтобы Лунева отдѣлить и чтобъ онъ раздѣлился съ нами».

Помимо этого показанія ничего характернаго въ дѣлахъ не оказалось. Прошенія написаны страшно безграмотно, а показанія на судѣ черезчуръ кратки и сухи. Между истцами и отвѣтчикомъ Луневымъ состоялась на судѣ сдѣлка, соглашеніе.

По совѣту Бакунинныхъ, которые, въ качествѣ постоянныхъ обывателей уѣзда, хорошо знакомы съ мѣстными условіями, я рѣшилъ поселиться сначала въ селѣ Повѣди, такъ какъ село это является центральнымъ пунктомъ того района, въ которомъ такъ или иначе проявилось ученіе новой секты. Ѣхать же прямо въ Шевелино, гдѣ первоначально возникла секта и гдѣ живетъ самъ Сютаевъ, я не рѣшился, боясь на первыхъ же порахъ возбудить подозрѣніе и недовѣрчивость сектантовъ. Село Повѣдь отстоитъ отъ Прямухина на разстояніи 35 верстъ и такое же точно разстояніе считается отъ него и до Торжка.

Глубокою ночью мы пріѣхали въ Повѣдь. Все спало. Подъѣзжаемъ къ первой попавшейся избѣ и начинаемъ стучать. Въ окнѣ появляется косматая, всклокоченная голова.

— Гдѣ здѣсь можно переночевать?

— Ступайте къ Ивану Зиновеичу,—онъ принимаетъ...

Разыскали Ивана Зиновеича, достучались. Послѣ обычныхъ опросовъ: «Что вы за люди будете, откуда Богъ несетъ?» и т. д. насъ пригласили войти. Ощупью вошли мы въ темную избу. Огромная семья съ дѣтьми, стариками, снохами, невѣстками помѣщалась въ одной избѣ. На полу лежатъ дѣти и взрослые, одни укутаны полушубками, другіе просто въ одномъ бѣльѣ; съ печи слышится чей-то тяжелый храпъ. Спертый, тяжелый, удушливый воздухъ «шибанулъ» въ носъ, ударилъ въ голову. Я невольно остановился. Хозяинъ вздулъ огонь.

— Что, тяжко?—спросилъ онъ, замѣтивъ мое движеніе.—А мы окно откутаемъ, воздухъ-то полегче будетъ... Вотъ вамъ кроватка. Али на печку полѣзете?

На кроваткѣ, скрытой за старымъ ситцевымъ пологомъ, плакалъ ребенокъ, а женскій голосъ уговаривалъ и убаюкивалъ его. Зная по горькому опыту прелести этихъ кроватокъ, я на-отрѣзъ отказался отъ предложенія и выразилъ непремѣнное желаніе лечь на полъ. Мой ямщикъ избралъ печь.

— На полъ! Ну, такъ ложись сюда... вотъ сюда, на тулупъ... Баушка, а-баушка!—говорилъ Иванъ Зиновеичъ, потрогивая спящее на полу тѣло, укрытое цѣлою грудой грязныхъ лохмотьевъ, — подвинься маненечко, пусти барина. Она у насъ древняя, за сто лѣтъ... Вѣрно слово: сто второй годъ изжила... Далъ Богъ вѣку!... Не дослышитъ малость... Ну, ложись рядомъ со старухой... Хе-хе-хе... Ничаво, она подвинется, ложись!...

III.

О чемъ говорятъ въ деревнѣ.

Я поселился въ Повѣди у одного изъ родственниковъ Ивана Зиновеича, бѣднаго мужика, изба котораго приходилась какъ разъ съ краю села, надъ самыми полями. Мое появленіе въ селѣ не могло, разумѣется, не вызвать среди крестьянъ множества всевозможныхъ толковъ, предположеній и пересудовъ.

Очевидно, всѣ были убѣждены, что въ моемъ лицѣ они дождались новаго начальства,—въ этомъ, повидимому, никто изъ нихъ не сомнѣвался. Вопросъ состоялъ лишь въ томъ, какое именно начальство, «по какой части». Они видѣли, что это—не мировой, не урядникъ, не становой, не слѣдователь, не исправникъ, не «членъ» (земства), не докторъ,— кто-жь это такой, наконецъ? Мужики недоумѣвали, ломали головы и создавали самыя невозможныя предположенія относительно цѣли моего проживанія въ Повѣди.

— И все-то онъ, братецъ ты мой, испытываетъ, все разспрашиваетъ, во все вникаетъ: какъ, что?... Дивное дѣло!

— Стало-быть ужь отъ начальства предоставлено, препоручено.

— Сказываютъ—изъ Питера!

— Левизоръ, должно-полагать.

— Въ Шевелинѣ, баютъ, скотъ переписалъ: у кого сколько коровъ, лошадей, овецъ,—все, какъ есть до-чиста, переписалъ... Что есть свиней—и тѣхъ!...

— Энто ужь, видимое дѣло, для облога... На подать прибавка будетъ.

— Сказываютъ, со всего плата положится: съ лошади плата, съ жеребца, примѣрно, одна, съ кобылы — другая; съ коровы—плата, съ овцы—плата... То-есть со всего, со всего!

— Говорятъ, все чего-то пишетъ, все пишетъ, все пишетъ.

— Старшина сказывалъ, насчетъ будты вѣры пріѣхалъ.

— А ты слушай больше старшину-то. Онъ тебѣ наскажетъ.

— Онъ, може, и самъ-то не знаетъ.

— А ты какъ думалъ? Такъ сейчасъ ему и доложатъ?... Какже, жди, держи карманъ-то шире... Нѣтъ, братъ, такіе люди есть, особенные, тайно ѣздіютъ, испытываютъ... Объ нихъ никто можетъ и не знаетъ.

— А они порядки смотрятъ: гдѣ и какъ, — до всего касаются...

— Въ родѣ какъ тайна полиція, къ примѣру... Чуть что—сичасъ и готово!

— Н-да, очень даже просто... Возьмутъ подъ секретъ и—шабашъ.

— А не то въ темну карету, да на казенны харчи...

— Да это за што же, примѣрно?

— А за то, чтобы говорилъ, да не договаривалъ... Больше бы зналъ-помалкивалъ... И слышишь, да не слыхалъ,—и видишь, да не видалъ...

— Гм... Можетъ и *онъ* по этой части?

— Хто-жь его знаетъ!?...

— А може онъ прямо отъ царя посланъ развѣдать доподлинно, какъ то-есть мужички, примѣрно, чего имъ требуется, какъ достатокъ, нѣтъ ли обиды какой, али чего прочаго...

Это послѣднее предположеніе, казалось, многимъ пришлось по душѣ. Чуть ли не большинство согласилось, сошлось на мысли, что пріѣхавшій къ нимъ неизвѣстный, загадочный для нихъ человѣкъ—не кто другой какъ царскій посланникъ. Возникновеніе такихъ странныхъ предположеній объясняется тѣми смутными ожиданіями и надеждами, которыя живутъ и бродятъ въ нашемъ народѣ. Во многихъ мѣстахъ народъ ждетъ, что царь пошлетъ—и притомъ *непремѣнно тайно*—особыхъ довѣренныхъ отъ себя людей для того, чтобъ узнать на мѣстахъ, какъ живутъ крестьяне, не терпятъ ли они обидъ, утѣсненій, нуждъ и т. п.,—словомъ, узнать «всю правду». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подобныя ожиданія высказываются крестьянами вполнѣ опредѣленно. Ны-

нѣшнимъ лѣтомъ, напримѣръ, мнѣ пришлооь быть, между прочимъ, въ одномъ изъ глухихъ угловъ Бузулукскаго уѣзда, Самарской губерніи. Здѣсь (въ селѣ Петровкѣ, напримѣръ) крестьяне прямо спрашивали меня: «Не слыхать ли чего насчетъ кесаревыхъ посланниковъ?... Не ходятъ ли, молъ, они въ народѣ?»

Какъ-то разъ, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Повѣдь, я шелъ домой изъ деревни Удальцова, отстоящей версты на три отъ Повѣди. Вижу, какой-то старикъ, копавшійся на сосѣднемъ полѣ, оставляетъ работу и идетъ ко мнѣ на встрѣчу. Поздоровались.

— Мнѣ бы охота тебѣ два словечка сказать,—говоритъ мужикъ, останавливаясь.

— Что такое?

— Да насчетъ, значитъ, энтихъ самыхъ дѣловъ-то...

— Какихъ дѣловъ?

Мужикъ переминается.

— Да ты говори толкомъ, въ чемъ дѣло!

Мужикъ вдругъ принимаетъ самый таинственный видъ и, понижая голосъ, чуть не шепотомъ многозначительно спрашиваетъ меня:

— Ты какъ? Отъ новаго царя посланъ, али ишшо отъ стараго?

Представьте мое изумленіе!... И вотъ я вынужденъ увѣрять этого чудака, что я никѣмъ не посланъ, что я совсѣмъ частный человѣкъ, писатель, нигдѣ не служу, пріѣхалъ къ нимъ для того только, чтобъ узнать о новой вѣрѣ, появившейся въ ихъ волости.

Мужикъ внимательно, почти напряженно слушаетъ все, что я говорю, слушаетъ и поддакиваетъ.

— Такъ... такъ... такъ-съ... А ты самъ отколь — изъ Питенбурха?

— Нѣтъ, я изъ Москвы.

— Изъ Москвы... Такъ, такъ... А царь таперь гдѣ?

— Въ Гатчинѣ.

— Гдѣ-ѣ?

— Въ Гатчинѣ. Это городъ такой есть подъ Петербургомъ.

— Зачѣмъ же это онъ туды, батюшка? На жительство, али такъ, на прохладу?

— На лѣто, на дачѣ!...

— Гмм... Такъ, такъ, на легкой воздухъ!... Понимаемъ... А ты вотъ что скажи намъ,—круто повернулъ старикъ,—чаво ты

пишешь-то? Будетъ ли намъ льгота-то отъ тебя, али не будетъ?... Чаво намъ ждать-то велишь?

Черезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось снова встрѣтиться съ этимъ мужичкомъ. Поздоровавшись, онъ опять остановился и, глядя мнѣ прямо въ лицо, въ упоръ, съ разстановкой произнесъ:

— Ты что тамъ ни говори, только ты меня не обманешь.

— Да развѣ я тебя когда-нибудь обманывалъ?

— Не обманешь!... Я вижу, вижу, братъ, насквозь вижу...

— Да что ты видишь-то?

— Вижу, другъ... Вижу, что ты отъ высо-о-каго лика посланъ, отъ высокаго!... Вижу.

Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ я продолжалъ жить въ селѣ Повѣди, толки о «царскомъ посланникѣ», о «высокомъ ликѣ» и т. п. мало-по-малу стихали и, наконецъ, совсѣмъ прекратились. Крестьяне видимо разочаровались и успокоились. Этому главнымъ образомъ способствовало то обстоятельство, что я почти все свое время началъ проводить въ обществѣ Сютаева и его послѣдователей. До крестьянъ доходили слухи, что я обыкновенно записываю все то, что говоритъ Сютаевъ, и вотъ новое рѣшеніе созрѣло въ ихъ головѣ.

— За Сютаевымъ пріѣхалъ!—порѣшили они.—Сютаева возьмутъ, Сютаева угонятъ,—заговорили мужики.

— Прощай Сютаевъ!—говорили бабы.—Бѣдный ты, бѣдный Сютай!... И снова всплыли сначала неясные, туманные намеки и толки о «темной каретѣ», а затѣмъ уже болѣе опредѣленные—о «казенныхъ харчахъ».

Интересно было бы прослѣдить, откуда и когда зародилось въ народѣ представленіе о «темной каретѣ». Что это представленіе существуетъ въ народной массѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ первый разъ мнѣ пришлось слышать отъ крестьянъ о «темной каретѣ» въ одной изъ подмосковныхъ деревень. «Пріѣдетъ, молъ, темная карета, посадятъ и—былъ таковъ!... Столько, молъ, тебя, голубчика и видали». Затѣмъ почти тѣ же самые толки я слышалъ въ Кемскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, и, наконецъ, вотъ теперь въ третій разъ здѣсь, въ Тверской губерніи.

Вообще едва ли когда-нибудь ходило въ народѣ столько всевозможныхъ слуховъ и толковъ, какъ нынѣ. Богъ вѣсть, откуда нахлынули они; Богъ вѣсть, какими путями проникаютъ они въ деревню... Къ сожалѣнію, по многимъ причинамъ мы не имѣ-

емъ возможности повѣдать на этотъ разъ о многихъ весьма интересныхъ народныхъ толкахъ и чаяніяхъ. Но мы приведемъ хотя кое-что изъ того, что намъ удалось слышать во время пребыванія въ Повѣдской волости.

— Люди сказываютъ, подушнаго не будетъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ, не будетъ, да и все тутъ... Нешто душу-то можно облагать?—Она, чай, Божья!

— Экъ сказалъ!... Мало ли што Божья!... Все Божье, одначе оброкъ идетъ.

— А таперь отмѣнятъ.

— Хто отмѣнитъ-то?

— Хто!... Извѣстно хто—начальство!

— Ладно. Ври больше.

— Право слово говорятъ!... Чудакъ, не вѣритъ!...

— Ты бы сказалъ: царь отмѣнитъ, — дѣло-то было бы въ строку,—а то начальство!... Ишь...

— Мало ли чаво зря болтаютъ.

— Не зря, а до самаго дѣла. Хорошіе люди сказывали... Не будетъ, баютъ, подушнаго, не будутъ больше съ души брать....

— Съ души не будутъ, а съ чего же будутъ?

— Съ капиталовъ.

— Съ капиталовъ?!

— Да, съ капиталовъ... Чего ты дивишься-то?

— Гм... Хорошо у кого капиталы-то есть, а у кого ихъ нѣтъ, съ того какъ?

— У кого капиталовъ нѣтъ, съ того ничего и не во́зьмутъ.

— Вотъ такъ!... Ловко разсудилъ!

— Ужь куда бы лутче!...

. . . . . .

— Говорятъ, новый царь сталовѣровъ похвалилъ.

— За што такъ?

— За то, будты лутче за царя Богу молились.

— Пустое!...

— А може и правда!?...

— Нѣтъ, вы послухайте, говорятъ, за пачпорты-то будутъ по двадцати рублевъ брать.

— Съ человѣка?

— Извѣстно съ человѣка. А ты думалъ съ барана, што ли?

— Полно зубы скалить, говори дѣло-то!... Что такъ больно много—двадцать рублевъ?!

— Затѣмъ, чтобы хрестьяне больше дома сидѣли, землей занимались, на сторону бы не ходили... Царь замѣтилъ, что народъ землю началъ покидать, весь въ Питеръ вдарился... Ему это не полюбилось...

— Другой и радъ бы землей-то заняться, да не у чего...

— То-то и бѣда-то наша.

И разговоръ незамѣтно перешелъ на больное мѣсто деревни—на аграрный, земельный вопросъ. За время моего пребыванія въ Повѣдской волости (я прожилъ въ ней двѣ недѣли) мнѣ пришлось два раза вести бесѣды на эту щекотливую тему.

Однажды я ѣхалъ въ Шевелино съ однимъ знакомымъ старикомъ изъ Повѣди. Толковали о томъ, о семъ. Мало-по-малу разговоръ принялъ «душевный», интимный характеръ.

— А что, спрошу я васъ, А. С.,—началъ старикъ и голосъ его какъ-то вдругъ измѣнился: какая-то новая нота—не то нерѣшительности, не то таинственности послышалась въ немъ,—спрошу я васъ: какъ то-есть насчетъ земли?

— Какой земли, Иванъ Михайлычъ?

— Примѣрно, есть слушокъ... Извѣстно, люди болтаютъ... Должно зря, али до самаго дѣла?

И онъ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо.

Я догадывался, въ чемъ дѣло; но, желая, чтобы собесѣдникъ мой опредѣленнѣе высказался въ этомъ случаѣ, я дѣлалъ видъ, что не понимаю, о чемъ идетъ рѣчь.

Иванъ Михайловичъ снова началъ длинную дипломатическую канитель, которую окончилъ такъ:

— Люди баютъ, будто, значитъ, нарѣзки будутъ хрестьянамъ,—значитъ, прибавка землицы выйдетъ... Правда, али нѣтъ?

— Гдѣ же земли-то возьмутъ для новыхъ нарѣзовъ?

— Это точно, гдѣ-жь ее возьмешь!... Извѣстно, съ глупости болтаютъ... Н-ну, ты, одеръ!—и Иванъ Михайловичъ безъ всякой видимой нужды вытянулъ кнутомъ буланую кобылу, бойко втаскивавшую на горку нашу телѣгу.

Помолчали. Но минуту спустя Иванъ Михайловичъ, перегнувшись черезъ телѣгу и наклоняясь къ моему лицу, произноситъ:

— Будто, значитъ, отъ богатыхъ... Маненичко этакъ... То-есть чтобы всѣмъ значитъ хрестьянамъ...

— Какъ же это такъ: отъ однихъ отобрать, а другимъ дать? Да развѣ это справедливо?

— Гдѣ-жь тутъ справедливо!... Что говорить! — немедленно соглашается Иванъ Михайловичъ, а кобыла получаетъ новый ударъ возжей. Но, помолчавъ немного, онъ уже снова поясняетъ мнѣ:—Говорятъ, что господамъ али купцамъ, значитъ, деньги за это самое выдадутся, что стоитъ, примѣрно, по оцѣнкѣ...

Я долго доказывалъ всю несообразность и нелѣпость этихъ слуховъ, ссылался на извѣстный циркуляръ бывшаго министра Макова. Чѣмъ больше я говорилъ, тѣмъ все чаще и чаще поддакивалъ мнѣ Иванъ Михайловичъ; но когда я кончилъ и заглянулъ въ лицо своего собесѣдника я понялъ, что рѣчь моя пропала даромъ. Иванъ Михайловичъ, помолчавъ немного,—очевидно, изъ приличія,—круто перевелъ рѣчь на «корма» и заговорилъ о сѣнѣ, соломѣ, овсѣ.

Другой разъ такой случай былъ. Мужикъ, который говорилъ мнѣ о «высокомъ лицѣ» (безъ сомнѣнія, простоватый, наивный мужикъ), какъ-то въ разговорѣ со мною спрашиваетъ меня:

— А что насчетъ пустошей... какъ это дѣло будетъ?... Идетъ слушокъ, али нѣтъ?

— Какихъ пустошей?

— Извѣстно, какія пустоша бываютъ...—И мужикъ подмигиваетъ мнѣ съ добродушно-хитрою усмѣшкой.

— Я не понимаю, о какихъ ты пустошахъ говоришь.

— А о тѣхъ, что богаты мужики завладали... объ энтихъ самыхъ...

— Что же о нихъ слышать-то?

— Отойдутъ они къ намъ, али нѣтъ?

— Съ чего это ты взялъ, что они отойдутъ къ вамъ?— рѣзко спрашиваю я.

Мужикъ, видимо, озадаченъ,—онъ недовѣрчиво смотритъ на меня.

— Нешто нарѣзокъ-то не будетъ? — удивленно спрашиваетъ онъ.

— Да откуда ты взялъ, что онѣ будутъ-то?

— А то какъ же?...—И старикъ растерянно и вопросительно смотритъ на меня...—А вѣдь мы... того... въ ожиданіи...

Много вопросовъ назрѣло, и копошится, и роится въ мужицкихъ головахъ; цѣлая куча различнаго рода недоумѣній мучитъ мужицкую душу. Едва ли когда-нибудь жизнь среди народа могла представлять такой огромный, захватывающій интересъ, какъ именно въ настоящее время. Каждый, кому только удавалось за послѣднее время близко становиться къ деревенской средѣ, вѣроятно, согласится съ нами, что теперь, на нашихъ глазахъ, въ массѣ народа происходитъ какое-то смутное, глухое, сдержанное броженіе. Несомнѣнно, что мысль народа сильно возбуждена; этому способствовали весьма многія условія, многія событія послѣдняго времени. Въ воздухѣ деревни носится что-то новое, мало знакомое, что-то напряженное, недоумѣвающее и вмѣстѣ тревожное... Деревня чего-то ждетъ... Но это не то пассивное, вялое, инертное ожиданье, которое съ удобствомъ можетъ тянуться долгіе годы, цѣлые вѣка, нѣтъ, въ теперешнемъ ожиданіи деревни бьетъ напряженное, страстное чувство; въ немъ кроется давно затаенная активная сила. Старые устои жизни шатаются, а новыхъ нѣтъ: жизнь должна ихъ создать и выработать...

Мы не знаемъ, разумѣется, и не можемъ указать даже приблизительно, чѣмъ разрѣшится это броженіе, въ какую форму отольется оно... Знаемъ только, что теперь подобнаго рода броженіе весьма часто отливается въ форму особаго рода ученій, въ основу которыхъ обыкновенно принимается тотъ или другой тезисъ Св. Писанія, говорящій о правдѣ, любви и добрѣ, и который обыкновенно служитъ для народа исходнымъ пунктомъ для критики современныхъ порядковъ, современнаго строя жизни...

Одно изъ такихъ ученій и разсмотримъ мы въ этомъ очеркѣ.

А. Пругавинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Боярская дума древней Руси.

Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества.

ГЛАВА XVI *).

Само боярство не проводило въ XVI в. никакого плана государственнаго устройства, достаточно обезпеченнаго, въ смыслѣ своихъ притязаній.

Боярскія поколѣнія, современныя Ивану III и его двумъ ближайшимъ преемникамъ, не прошли молча мимо явленій, которыя ихъ такъ сильно волновали. Напротивъ, остались слѣды того, какъ они много и горячо о нихъ толковали, и кое-что изъ этихъ толковъ сохранилось въ памятникахъ письменности того времени даже не безъ участія боярскаго пера. Русская литература въ числѣ своихъ видныхъ представителей XVI в. считаетъ двухъ очень родословныхъ писателей, князей Василія Косаго Патрикѣева, въ иночествѣ Вассіана, и Андрея Курбскаго. Оба были въ совѣтѣ московскаго государя боярами и не разъ водили съ успѣхомъ его полки въ походы и оба въ своихъ твореніяхъ очень настойчиво проводили задушевныя думы московскаго боярства своего времени.

Какъ и слѣдовало ожидать, новое боярство не было расположено представлять въ свѣтлыхъ чертахъ московское прошедшее: не его предки дѣлали это прошедшее, «мужествовали на многія страны» съ внукомъ и правнукомъ Калиты, и если гдѣ эти предки являлись въ московской исторіи, то обыкновенно ея жертвами, а не героями. Въ преданіяхъ московскаго княжескаго дома оно не находило ничего славнаго и высокаго и въ его вѣ-

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

ковомъ историческомъ дѣлѣ, объединеніи Руси, видѣло только рядъ насилій «издавна кровопійственнаго рода», дѣйствіе его хищническихъ инстинктовъ, фамильной привычки «желать крови своихъ братій и губить ихъ ради ихъ убогихъ вотчинъ». При всей своей лояльности даже тѣ изъ титулованныхъ бояръ XVI в., предки которыхъ по доброй волѣ пришли служить въ Москву, могли смотрѣть на своихъ государей, какъ смотрятъ разорившіеся капиталисты на сыновей счастливаго богача, къ которому перешли ихъ отцовскіе капиталы и къ которымъ сами они должны были пойти въ прикащики.

И въ настоящемъ московскомъ порядкѣ вещей многое не нравилось боярамъ. Прежде всего не нравились всѣ эти новыя церемоніи и титулы, о которыхъ такъ хлопотали при московскомъ дворѣ со времени Ивана III. Курбскій въ исторіи Ивана Грознаго неохотно даетъ ему званіе, которое усвоялъ себѣ въ торжественныхъ случаяхъ уже дѣдъ этого великаго князя, неохотно зоветъ его царемъ и въ перепискѣ съ нимъ не можетъ удержаться, чтобы не кольнуть ему глазъ его прегордымъ царскимъ величествомъ. Негодованіе переносилось и на тѣ стороннія вліянія, которыя иногда преувеличенно винили въ этихъ церемоніальныхъ нововведеніяхъ, особенно на великихъ княгинь иноземокъ. Софья греческая и Елена литовская, бабушка и мать Грознаго, одна «чародѣйка», другая «жена законопреступная», стали въ боярскихъ преданіяхъ олицетвореніемъ всего дурнаго, и неистощима была боярская фантазія въ изобрѣтеніи самыхъ невѣроятныхъ слуховъ и сплетенъ, которыя ходили про этихъ княгинь въ Москвѣ чуть не до конца XVI вѣка. Ихъ считали главнымъ орудіемъ, которымъ діаволъ испортилъ «предобрый россійскихъ князей родъ», поселилъ въ нихъ злые нравы. Софья цареградская и отравила своего пасынка Ивана, и удавила его сына, «боговѣнчаннаго царя» Димитрія, отставнаго преемника Ивана III, и испортила политическій образъ мыслей своего мужа коварными византійскими внушеніями и съ привезенными ею греками замутила Русскую землю, жившую дотолѣ въ тишинѣ и покоѣ. Но наиболѣе полной, искренней и постоянною ненавистью ненавидѣли бояре-писатели современное иночествующее духовенство, собственно то огромное большинство его, которое дѣйствовало въ духѣ преп. Іосифа Санина и его учениковъ. Это духовенство было въ глазахъ бояръ чернымъ пятномъ на русской жизни. Благодаря усердію пера бояръ и писателей одинаковаго съ ними образа мыс-

лей, монахъ вышелъ самымъ яркимъ типомъ, съ наибольшею тщательностью обработаннымъ въ нашей литературѣ XVI вѣка: это—раболѣпный ласкатель и потаковникъ властей, исполненный презорства и гордыни съ низшими, расхититель и наставникъ расхитителей, тунеядецъ, питающійся мірскими крестьянскими слезами, шатающійся по городамъ, чтобы безстыдно выманивать у вельможъ село или деревнишку, жестокосердый притѣснитель своей братіи крестьянъ, бросающійся на нихъ дикимъ звѣремъ, сребролюбецъ ненасытный, жидовинъ-ростовщикъ, лихоимецъ и прасолъ, пьяница и чревоугодникъ, помышляющій только о пирахъ и селахъ съ крестьянами, возлюбившій «вся неподобная міра сего», не свѣтъ, не десятый чинъ ангельскій, а «соблазнъ и смѣхъ всему міру». «И въ царяхъ рѣдко встрѣтишь такую свирѣпость, какая бываетъ въ инокахъ,—замѣчаетъ авторъ бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ:—мнятъ себя разумнѣе всѣхъ людей въ мірѣ, ничего не знаютъ лучше своего разума и не допускаютъ, чтобы у бѣльцовъ былъ такой умъ, какъ у нихъ, а того не разсудятъ, что врагъ въ нихъ дѣйствуетъ и весь ихъ разумъ хуже несмысленныхъ и плохихъ умовъ». Не одно негодованіе на комфортный аскетизмъ, которымъ окружали себя старцы богатыхъ обителей, не одна скорбь о легкихъ монастырскихъ нравахъ, воспитанныхъ спокойнымъ и привольнымъ житіемъ, поднимали столько боярской желчи. Отшельники выступили соперниками боярства на поприщѣ, гдѣ оно надѣялось властвовать безраздѣльно, въ привилегированномъ землевладѣніи, и успѣшно оспаривали у него самый насущный его интересъ—землю съ крестьянскими рабочими руками. Поземельные акты большихъ монастырей XVI в. открываютъ намъ, какія широкія землевладѣльческія операціи совершали иноки посредствомъ вкладовъ, закладовъ, покупокъ, льготъ, своза крестьянъ у другихъ землевладѣльцевъ и т. п. Они завели или дѣятельно поддерживали на тогдашнемъ земельномъ рынкѣ настоящую игру въ крестьянъ и въ землю, благодаря которой населенныя имѣнія переходили изъ рукъ въ руки чуть не съ быстротой цѣнныхъ бумахъ на нынѣшней биржѣ. Способные наблюдать и размышлять изъ бояръ съ прискорбіемъ видѣли, какъ въ этой игрѣ одна за другой сокрушались боярскія и княженецкія вотчины, уцѣлѣвшія отъ московскаго погрома или выслуженныя на московской службѣ, какъ крестьяне, посаженные на боярскую землю и обстроенные на боярское серебро, перебѣгали на болѣе льготную землю богатаго монастыря. Къ тому же землевладѣльческія хлопоты создавали

тѣсную политическую связь между иночествомъ и главою государства, заставляли первое постоянно обращаться къ послѣднему съ просьбами и за милости поддерживать его всѣмъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Потому же оппозиціонное боярство было и горячимъ противникомъ автокефальности Русской церкви, что ея независимость отъ цареградскаго патріарха открывала путь къ вмѣшательству туземной свѣтской власти въ церковныя дѣла. Оно было противъ подчиненія церкви государству, т. е. государю, продолжало и въ XVI в. считать русскаго митрополита канонически подсуднымъ только цареградскому патріарху и готово было предпочитать положеніе Греческой церкви при басурманскихъ царяхъ положенію Русской подъ покровомъ православныхъ государей, находя, что въ первой еще есть Богъ, если тамъ и злочестивая власть не вмѣшивается въ святительскія дѣла, намекая, что во второй уже нѣтъ Бога. Въ этомъ порабощеніи церкви оно видѣло мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, разрушеніе священныхъ законовъ, поруганіе уставовъ апостольскихъ, и винило въ томъ преимущественно современное духовенство. За то и доставалось отъ титулованныхъ ревнителей этимъ «скверномъ соборищамъ іереевъ Вельзевулиныхъ» и этимъ «вселукавымъ мнихамъ, глаголемымъ осифлянскимъ», которые «простерты лежатъ», обнявшись съ своимъ богатствомъ, и потворствуютъ властямъ, чтобы сохранить и пріумножить его. Въ ихъ глазахъ заботливо высматривали каждую спицу, для чего впрочемъ и не нужно было особенно остраго зрѣнія при тогдашнемъ нравственномъ состояніи духовенства: они и ереси вызвали своимъ поведеніемъ, и опустошили благодатныя сокровища церкви своимъ любостяжаніемъ: когда монахи,—съ грустью замѣчаетъ кн. Курбскій,—стали любить стяжанія, особенно села съ деревнями, «тогда угасоша божественныя чудеса». Обличители не любили и новыхъ чудотворцевъ, прославленныхъ Русскою церковью, именно за то, что они были «мужики сельскіе» и основали монастыри, быстро богатѣвшіе вотчинами.

Весь этотъ энтузіазмъ ожесточенія и брани любопытенъ только потому, что характеризуетъ политическое настроеніе боярства: онъ показываетъ, что классъ этотъ въ XVI вѣкѣ не оставался равнодушнымъ зрителемъ того, что происходило вокругъ него и въ немъ самомъ. Напротивъ, онъ слѣдилъ за явленіями общественной жизни, повидимому, съ самымъ возбужденнымъ вниманіемъ и воспринималъ впечатлѣнія съ первною раздражительностію.

Государственный порядокъ касался его ближе и больнѣе, чѣмъ церковный; да и самый церковный порядокъ волновалъ его преимущественно по своей связи съ государственнымъ. Литературные органы боярства недовольны ходомъ дѣлъ и въ государствѣ, какъ въ церкви; только ихъ сужденія объ этомъ выражались съ большею сдержанностью языка. Любопытна въ этомъ отношеніи нѣкоторая разница между Вассіаномъ и княземъ Курбскимъ. Они были представителями одного слоя, но разныхъ поколѣній боярства. Первый выросъ и началъ дѣйствовать еще при Иванѣ III, а къ этому Ивану оппозиціонное боярство и послѣ относилось мягче, чѣмъ къ его преемникамъ, считало его добрымъ и до людей ласковымъ, любившимъ выслушивать возраженія и жаловавшимъ тѣхъ, кто противъ него говаривалъ. Правда, князь Василій, въ иночествѣ Вассіанъ, и люди его духа «высокоумничали» уже при Иванѣ, на что жаловался послѣдній, «износили ему многія поносныя и укоризненныя словеса», что припоминалъ послѣ его внукъ; но можно замѣтить, что политическій вопросъ еще не былъ возбужденъ тогда во всей своей силѣ, взаимное недовольство обѣихъ сторонъ не пропиталось еще всею горечью послѣдующаго времени. Вассіанъ неохотно и осторожно касается политическихъ явленій и все свое жесткое краснорѣчіе обращаетъ на свою братію по иночеству, на «мужиковъ сельскихъ, утучнявшихъ себя христіанскими кровьми», вселукавыхъ мниховъ осифлянскихъ съ самимъ ихъ духовнымъ родоначальникомъ. Курбскій принадлежалъ къ поколѣнію, которое выросло вмѣстѣ съ Грознымъ и начало дѣйствовать около половины XVI вѣка. Его вниманіе поглощено политическими явленіями и лишь мимоходомъ, кстати, задѣваетъ порой священническій чинъ, прежде всего, разумѣется, тѣхъ же «мниховъ многостяжательныхъ». При неодинаковости настроенія не слѣдуетъ забывать и разницу положенія, въ какомъ находились оба писателя. Курбскій и публицисты его времени и лагеря прежде всего были недовольны ходомъ управленія, отсутствіемъ правды въ судахъ, жестокостью правителей, ихъ пренебреженіемъ къ управляемымъ и къ общему благу, виня въ томъ болѣе всего самихъ «державныхъ», которые «грѣхъ ради нашихъ вмѣсто кротости свирѣпѣе звѣрей кровоядцевъ обрѣтаются»; никакими риторскими языками не надѣялись они изобразить всю настоящую бѣду отъ «нерадѣнія державы» и другихъ пороковъ правительства. Въ яркихъ чертахъ изображали они бѣдственное состояніе всѣхъ классовъ общества кромѣ духовенства: воинскій чинъ, дворянство,

хуже нищихъ, лишенъ не только ратныхъ коней и надлежащаго вооруженія, но и дневной пищи, убожество его превосходитъ всякое описаніе; купцы и крестьяне... кто не видитъ, какъ они страдаютъ отъ безмѣрныхъ налоговъ и немилостивыхъ приставовъ: вотъ одну дань съ нихъ уже взяли, другую берутъ, за третьей посылаютъ, о четвертой уже подумываютъ. Люди отъ всѣхъ этихъ мукъ бѣгутъ изъ отечества и пропадаютъ безъ вѣсти, собственныхъ дѣтей отдаютъ въ вѣчное холопство, сами на себя накладываютъ руки, давятся, топятся,—горе заглушаетъ въ нихъ лучшіе инстинкты человѣческой природы, «естественное ихъ бытство». Недовольные наблюдатели указываютъ на зло еще болѣе глубокое, происходящее отъ того же государственнаго нестроенія, на соціальную рознь, взаимную вражду общественныхъ классовъ: древній лукавый змій, строя козни нашей землѣ, высшихъ поставилъ внизу, «чины чиномъ обидники сотвори», заставилъ единовѣрныхъ братій съѣдать одинъ другаго вмѣсто хлѣба. Они чувствовали, что все это не кончится добромъ, и съ сомнѣніемъ взирали на будущее своего отечества. Ни съ кѣмъ у насъ мира нѣтъ,—съ грустью говорилъ въ 1524 году опальный Берсень, высказывая въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ свои опасенія за прочность, за долгое стояніе родной земли,—всѣ намъ недруги, отвсюду брани, а все за наше нестроеніе. На Бога только и осталась надежда, заключалъ онъ, не чая никакого добра отъ правительства. Курбскому вся Русская земля кажется объятой словно страшнымъ пожаромъ и онъ грозитъ властямъ близкою катастрофой: «горе грабящимъ и кровь проливающимъ и милости и суда не имущимъ во властехъ своихъ, занеже день отмщенія близъ есть!» Апокрифическая бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ вмѣстѣ съ появившимся до нея такимъ же апокрифическимъ пророчествомъ Исаіи предвидитъ даже междоусобную брань и великія смятенія въ царствѣ, запустѣніе селъ и городовъ, безлюдіе земли, быструю смѣну царей «за ихъ царскую простоту, иноческіе грѣхи и мірское невоздержаніе», за «небреженіе и неразсуженіе царей и великихъ князей»: тогда праздники превратятся въ плачъ и игрища въ слезное рыданіе; тогда запустѣютъ церкви и при дверяхъ ихъ не сядетъ убогій, потому что не будетъ молящихся; тогда заплачетъ земля о людской погибели, точно дѣвица красная, и на ея плачъ отзовутся слезами и море и рѣки и бездна преисподняя и сами ангелы. Трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ говорило здѣсь разгоряченное тревогами времени воображеніе писателей и въ ка-

кой предчувствовали они дѣйствительно скоро наступившія бѣдствія, очень похожія на тѣ, какія рисовались въ ихъ живомъ воображеніи, гибель династіи, частую смѣну новыхъ царей, возстаніе одного класса общества на другой, разруху государства. Во всякомъ случаѣ у этихъ публицистовъ много земской скорби, патріотическаго сокрушенія о бѣдствіяхъ родной земли, которую они, повидимому, такъ горячо любили. Но изъ-подъ этой скорби иногда какъ будто невзначай прорвется фраза горькой досады на эту землю, которая давала такъ мало мѣста ихъ завѣтнымъ идеаламъ. Подобно позднѣйшимъ старообрядцамъ они иногда готовы были умиляться,—какъ это дѣлаетъ князь Курбскій въ одномъ изъ своихъ посланій, превосходно написанномъ,—картиной благочестія, цвѣтущаго во «всей землѣ нашей Русской отъ края и до края», обиліемъ и благолѣпіемъ Божіихъ храмовъ и монастырей, возможностью читать на родномъ языкѣ слово Божіе ветхое и новое. Но они тотчасъ же старались оттѣнить эту картину изображеніемъ того, какъ неблагодарные современники, и правители и управляемые, искажали это благочестіе, не забывая къ этому прибавить, что такое обиліе благодатныхъ даровъ ниспослано странѣ совершенно незаслуженно, что «мы убогіе, мало извѣстные древнимъ народамъ, заброшенные въ уголъ вселенной, благодатію Христовою не отъ дѣлъ призваны, не отъ добродѣтелей познаны», а такъ, даромъ, ни за что попали въ царство благодати. Можетъ-быть они и любили ее, эту землю убогихъ людей, но только развѣ какъ географическое понятіе и много-много въ ея историческомъ прошломъ: современная дѣйствительность только огорчала ихъ, а эти убогіе заброшенные люди возбуждали въ нихъ плохо скрываемое пренебреженіе. Курбскій называетъ свое, покинутое имъ, отечество «Святорусской землей», говоря о царѣ, ея губителѣ; но когда пришлось ему разсказывать о своей братіи, о молодыхъ Лыковыхъ, которые попали въ плѣнъ къ польскому королю, по его повелѣнію, «яко сущаго святаго христіанскаго», обучены были шляхетскимъ наукамъ и языку римскому и потомъ по просьбѣ московскихъ пословъ возвращены были въ отечество, то эта Святорусская земля тотчасъ превратилась у него въ отечество «воистину неблагодарное и недостойное ученыхъ мужей, въ землю лютыхъ варваровъ». По его же разсказу, и цесарскій посолъ Герберштейнъ, пріѣзжавшій въ Москву для заключенія союза противъ поганыхъ турокъ, не успѣлъ въ своемъ дѣлѣ «въ варварскихъ языцѣхъ, глубокихъ ради ихъ и жестокихъ обычаевъ».

Но если эти даровитые и много думавшіе люди были плохіе патріоты, то положеніе и обстоятельства заставляли ихъ быть заботливыми и предусмотрительными политиками. Въ объединенной московской Руси устанавливались и государственный порядокъ и общественныя отношенія. Боярство должно было подумать о надежномъ обезпеченіи своего положенія и своихъ интересовъ; оно могло ихъ обезпечить теперь или никогда. Въ его литературныхъ представителяхъ, такъ внимательно слѣдившихъ за явленіями времени, накопилось такое количество пессимизма, они такъ много отрицали въ существовавшемъ порядкѣ и съ такою силой, что у нихъ можно предполагать ясный, продуманный политическій идеалъ, который они желали бы поставить на мѣсто огорчавшей ихъ дѣйствительности. По ихъ литературнымъ трудамъ видно, что они много думали и говорили о томъ, какъ «государю устроити землю свою». Они дѣйствительно высказывали свой планъ земскаго устройства, своего рода политическую программу. Правда, это все лишь общія мысли, главныя основанія, что объясняется свойствомъ памятниковъ, въ которыхъ встрѣчаемъ разсѣянныя черты этого плана. Прежде всего они—большіе консерваторы, неохотники до нововведеній, особенно такихъ, въ которыхъ винили великихъ княгинь иноземокъ: «лучше старыхъ обычаевъ держаться,—говорилъ Берсень Максиму Греку,—людей жаловать и старыхъ почитать». Они потому и сомнѣвались, долго ли простоитъ Русская замля, что видѣли въ ея государяхъ наклонность «перемѣнять старые обычаи». Потомъ само собою предполагалось, что государи должны править землей, «всякія дѣла милосердно дѣлати со своими пріятели, князи и боляры и съ прочими великородными и праведными людьми мірскими». Это до такой степени предполагалось само собою, что публицисты не считали нужнымъ доказывать это, какъ порядокъ естественный и неизбѣжный. Точно также предполагалось, что во главѣ такого управленія, какъ руководители его великородныхъ и праведныхъ орудій, долженъ стоять царь съ своимъ совѣтомъ: «царю,—замѣчаетъ Валаамская бесѣда,—достоитъ не простовати, со совѣтники совѣтъ совѣщавати о всякомъ дѣлѣ, съ бояры о всемъ совѣтовати, крѣпко-накрѣпко думати». Одинъ авторитетъ выше думы государевыхъ совѣтниковъ — слово Божіе; «а святымъ божественнымъ книгамъ,—продолжаетъ бесѣда,—достоитъ царю всѣхъ свыше совѣтовъ внимати и почасту ихъ прочитати». Но политическій порядокъ, согласный съ словомъ Божіимъ, у Курб-

ского таковъ: «самому царю достоитъ быти яко главѣ и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ яко свои уды». Люди антимонашескаго, вассіановскаго направленія были противниками воинственнаго задора во внѣшней политикѣ, какъ Берсень скорбѣлъ о томъ, что ни съ кѣмъ у насъ мира нѣтъ, ни съ Литвой, ни съ Крымомъ, ни съ Казанью. Пусть укрѣпляются города избранными воеводами и могучими воинами, пусть царство соединяется «во благоденство» и распространяется отъ Москвы «сѣмо и овамо, всюду и всюду»; но цари должны держать всю свою область «не своею царскою храбростью, а царскою премудрою мудростью», не думая пріобрѣсти суетную славу «бранью и мужествомъ храбрости своея»: только невѣрные «тщатся на ратехъ на убійство и на всякую злобу своими храбростьми и тѣмъ хвалятся». Можетъ-быть даже мысль о земскихъ, тяглыхъ людяхъ, такъ страдавшихъ отъ войнъ, была не безъ участія въ этихъ мирныхъ наклонностяхъ. Публицисты въ своихъ планахъ земскаго строенія не забывали положенія этихъ людей; они возставали противъ жестокости правительства съ управляемыми и его равнодушія къ ихъ благосостоянію: «а царемъ и княземъ,—поучаетъ Валаамская бесѣда,—достоитъ изъ міру всякіе доходы съ пощадою сбирати и всякія дѣла милосердно дѣлати». Въ ихъ политическихъ воззрѣніяхъ не замѣтно узкаго сословнаго эгоизма. Совсѣмъ напротивъ: они не только задумывались надъ положеніемъ и нуждами простаго земскаго люда, но готовы были дѣлиться съ нимъ даже правительственною властью. Доказывая Священнымъ Писаніемъ, какими бѣдствіями караетъ Богъ царей за «непослушаніе сиглитскаго совѣта», Курбскій вслѣдъ за тѣмъ выражаетъ такое возвышенное политическое положеніе: «Царь, аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у *всенародныхъ человѣкъ*; понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной». Итакъ, надменный родословный бояринъ призналъ и одобрилъ политическое явленіе XVI вѣка, которое, казалось, своимъ демократизмомъ должно было претить боярству,—земскій совѣтъ или соборъ «всѣхъ чиновъ государства». Еслибы доказано было, что публицистъ боярскаго направленія, съ такимъ одушевленіемъ и талантомъ составившій Валаамскую бесѣду, писалъ до 1550 года, когда созванъ былъ первый такой соборъ, высокій историческій интересъ получили бы его слова о земскомъ совѣтѣ и можно

было бы думать, что самая мысль объ этомъ учрежденіи вышла изъ круга людей, къ которому по своимъ взглядамъ принадлежали князь Вас. Патрикѣевъ, въ иночествѣ Вассіанъ, и потомъ князь А. Курбскій. Во всякомъ случаѣ эти люди не желали, чтобы монополія власти принадлежала боярству, и ихъ планъ земскаго совѣта шелъ даже дальше дѣйствительности: они хотѣли, чтобъ этотъ совѣтъ былъ постояннымъ собраніемъ, ежегодно обновлявшимся новыми выборами, а не созывался только въ особыхъ экстренныхъ случаяхъ. Публицистъ совѣтуетъ духовнымъ властямъ благословить царей и великихъ князей «на таковое дѣло благое—на единомысленный вселенскій совѣтъ, и съ радостію царю воздвигнути и отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ безъ величества и безъ высокоумныя гордости, съ христоподобною смиренною мудростію, безпрестанно всегда держати погодно при себѣ ото всякихъ мѣръ (чиновъ) всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ и добрѣ распросити царю самому про всякое дѣло міра». Пользуясь указаніями этихъ совѣтныхъ людей и постоянно имѣя при себѣ «разумныхъ мужей и добрыхъ, надежныхъ приближенныхъ воеводъ (думу)», царь самъ узнаетъ все, касающееся правленія, и будетъ въ состояніи удержать подчиненныя власти, воеводъ и приказныхъ людей, отъ взятокъ и всякой неправды, «и объявлено будетъ тѣми людьми всякое дѣло предъ царемъ, да правдою тою держится во благоденствѣ царство его» *).

Можно признать возвышенными всѣ эти политическія воззрѣнія; но въ нихъ одно неожиданно. Бояре, «эти разумные мужи и добрые, надежные воеводы», постоянно находились при царѣ и правили вмѣстѣ съ нимъ. Своимъ участіемъ въ управленіи они готовы были дѣлиться съ другими классами общества. Для ихъ литературныхъ представителей правительственное значеніе боярства было не столько политическою мечтой, сколько естественнымъ историческимъ фактомъ; но они не могли не знать, что это фактъ не безспорный и далеко не обезпеченный достаточно. Они ненавидѣли «русскихъ писарей», дьяковъ, людей изъ поповичей или простаго всенародства, по выраженію Курбскаго, за то, что они не безъ успѣха оспаривали у боярства его правительственное влія-

*) Приводимъ выдержки изъ бесѣды по списку въ рукоп. Солов. библіот. № 609. Мѣсто о земскомъ соборѣ приведено по другому списку той же библіот., въ прекрасной статьѣ *А. С. Павлова* «Земск. направл. русск. дух. письм. XVI в.» въ Прав. Собесѣдн. 1863 г., I, 304.

ніе. Они жестоко нападали на осифлянское монашество, которое еще успѣшнѣе оспаривало у нихъ монополію крупнаго привилегированнаго землевладѣнія и которому они приписывали всякія абсолютистскія «шептанія» царямъ, совѣты править не такъ, какъ они правили доселѣ. Между боярами ходилъ разсказъ о совѣтѣ, какой далъ царю въ 1553 году бывшій епископъ Вассіанъ въ отвѣтъ на его вопросъ, какъ ему царствовать: «если хочешь быть самодержцемъ, не держи совѣтниковъ умнѣе себя, потому что ты всѣхъ лучше, и тогда будешь твердъ на царствѣ». Пусть это была политическая легенда и пусть Курбскій называлъ совѣтъ Вассіана силлогизмомъ сатанинскимъ: однако, значитъ, уже существовала мысль о возможности обойтись безъ бояръ въ управленіи; по крайней мѣрѣ сами бояре такъ толковали это сказаніе. Но въ изложенныхъ взглядахъ писателей боярскаго направленія заключалась повидимому вся политическая программа боярства. Она шла немного дальше дѣйствительности, немного новаго прибавляла къ тому, чѣмъ уже владѣло боярство, и не предлагала никакихъ средствъ обезпеченія того, чѣмъ оно обладало, отъ произвола сверху или притязаній снизу. Помысла объ этомъ незамѣтно у публицистовъ XVI вѣка. Ихъ мысль не попадала даже въ кругъ тѣхъ политическихъ отношеній, которыя такъ просто и ясно понимали псковичи, сказавъ московскому послу въ 1510 году на вѣчѣ: «у насъ съ великими князьями крестное цѣлованіе положено: намъ ни отойти отъ своего государя ни въ Литву, ни къ Нѣмцамъ, а ему насъ держать по старинѣ въ добровольи; нарушимъ мы крестное цѣлованье—на насъ гнѣвъ Божій, гладъ, и огнь, и потопъ и нашествіе поганыхъ, а нарушитъ его государь нашъ — на него тотъ же обѣтъ, что и на насъ». Московскіе публицисты ограничивались простымъ указаніемъ нормальнаго порядка политическихъ отношеній, какъ будто этотъ ихъ порядокъ ни съ какой стороны не подвергался спору, какъ будто никому не приходили въ голову ни сатанинскіе силлогизмы, ни помыслы о томъ, нельзя ли изъ камней создать чадъ Аврааму.

То же самое встрѣчаемъ, переходя отъ политическихъ идей боярства къ его политической практикѣ въ XVI вѣкѣ. Дума, гдѣ сидѣли вожди его, давала разрѣшеніе на текущіе вопросы законодательства. Наблюдатель, знакомый съ тактикой господствующихъ классовъ въ другихъ странахъ и въ другія времена, поразится надостаткомъ политической предусмотрительности или излишкомъ политической безпечности въ московскомъ боярствѣ XVI

вѣка. Въ продолженіе большей части этого вѣка оно занимало выгодное положеніе въ государствѣ; но не видно, чтобъ оно чувствовало потребность оградить выгоды этого положенія рядомъ законовъ и учрежденій отъ случайностей, которыя предвидѣли его же литературные представители. Оно не пытается сдѣлать это даже тамъ, гдѣ повидимому стоило ступить лишь одинъ шагъ дальше, чтобы закрѣпить выгодные факты обычными предосторожностями права. Въ этомъ отношеніи, разсматривая дѣятельность боярства издали, гдѣ становятся неуловимы мелкія условія, ежедневно на нее вліявшія, наблюдатель найдетъ въ ней много важныхъ недосмотровъ, которые покажутся ему устранимыми. Съ особенною любовію боярство разработывало свое мѣстничество. Это понятно: оно имѣло для боярства большую политическую цѣну, какъ средство охраны его служебныхъ и правительственныхъ преимуществъ, и можно сказать, что во весь XVI вѣкъ это было единственное надежное и признанное средство. Но казалось бы, что оно сохраняло свою цѣну для бояръ, лишь насколько ограждало выгоды ихъ положенія, и что они будутъ развивать тѣ именно подробности его, которыя дѣлали его такимъ охранительнымъ средствомъ. Напротивъ, съ этой именно стороны въ немъ оставались существенные пробѣлы, хотя въ XVI вѣкѣ оно успѣло сложиться въ стройную, законченную систему отношеній служилыхъ лицъ и фамилій. Сословное оборонительное значеніе этой системы держалось на ея связи съ управленіемъ, гдѣ лица согласно съ ней размѣщались по должностямъ. Въ XVI вѣкѣ еще очень много значилъ въ управленіи чинъ: отъ него зависѣли прежде всего должность, занимаемая лицомъ, потомъ размѣръ помѣстнаго и денежнаго оклада жалованья. Мѣстничество не установило постояннаго и точнаго отношенія породы къ службѣ, іерархіи родословной къ іерархіи чина и должности. Чинъ не вводился, какъ необходимый коэффиціентъ, въ систему мѣстническихъ счетовъ. Вторымъ воеводой полка не назначали боярина, когда первымъ былъ окольничій, хотя бы послѣдній былъ родовитѣе перваго; но и болѣе родовитый окольничій, даже кравчій, не согласился бы стать ниже менѣе родовитаго боярина только потому, что онъ выше чиномъ: чинъ для родовитаго человѣка былъ вопросомъ времени, а не генеалогическаго старшинства. Іерархія чиновъ въ значительной степени зависѣла отъ іерархіи породы; но послѣдняя очень мало зависѣла отъ первой. Родовитому человѣку, достигшему приличныхъ лѣтъ, обыкновенно сказывали высокій чинъ; но высокій чинъ,

сказанный неродовитому человѣку, не дѣлалъ его родовитымъ, потому что отечество есть наслѣдіе отцовъ, а отцы не дѣлались выше отъ чиновнаго возвышенія потомка. Вотъ почему родные неродовитой царицы, пожалованные въ бояре, не ходили въ думу, по свидѣтельству Котошихина,—имъ негдѣ было сѣсть тамъ: ниже другихъ бояръ «сидѣть стыдно, а выше не умѣть, потому что породою не высоки». Родословная знать не раздвигалась, когда къ ней приходили новые люди; съ ними поступали такъ же, какъ поступаютъ въ плотно застроенной деревнѣ съ новымъ поселенцемъ: строй избу на концѣ порядка, а въ срединѣ негдѣ. Но въ мѣстническихъ дѣлахъ XVII вѣка выражалось смутное, нерѣшительное понятіе о томъ, что у каждой фамиліи долженъ быть свой наслѣдственный рядъ чиновъ, выслуженный предками, «своя степень», опредѣляющая размѣръ доступной ея членамъ служебной чести. Легко видѣть, что было бы, еслибы въ XVII вѣкѣ установлена была строго связь чина съ знатностью. Боярскій классъ сталъ разбиваться; царь жаловалъ въ высшіе чины неродовитыхъ людей: іерархія породы подверглась бы тогда всѣмъ случайностямъ удачи, личнаго служебнаго успѣха. Напротивъ, въ XVI вѣкѣ, когда порода и служба еще не разошлись далеко и боярство представляло сплоченный классъ, эта связь оставила бы въ самой іерархіи чиновъ такъ же мало мѣста личной удачѣ, какъ его мало было въ іерархіи породы. То, что при царѣ Алексѣѣ посредствомъ высокихъ чиновъ надѣлало бы множество новой родословной знати изъ худыхъ людей, при царѣ Иванѣ не допустило бы худороднаго до высокихъ чиновъ, которые стали бы достояніемъ одной старой родословной знати. Точно также не существовало точнаго и постояннаго отношенія породы къ правительственной должности. Должность сама по себѣ ничего не значила въ мѣстническомъ счетѣ и родословный человѣкъ былъ къ ней равнодушенъ; онъ ревниво смотрѣлъ только на свои отношенія къ другимъ по должности. И. В. Годуновъ, троюродный братъ знаменитаго Бориса, не согласился бы пойти въ походъ вторымъ воеводой большаго полка, когда первымъ въ лѣвой рукѣ назначили бы П. Я. Салтыкова, потому что послѣдній постъ однимъ мѣстомъ выше втораго воеводы большаго полка, а Годуновъ самъ былъ выше Панкратья однимъ мѣстомъ. Но Годуновъ ничего не имѣлъ бы противъ своего низведенія на нѣсколько ступеней полковой іерархіи, согласился бы стать и третьимъ воеводой большаго полка, лишь бы Панкратій стоялъ ступенью ниже его да остальные воеводы

были подходящіе по своему отечеству. Боярство какъ будто не чувствовало опасности, какою грозилъ ему этотъ недостатокъ связи мѣстническаго порядка съ тогдашнею табелью должностей и ранговъ. Пока хранились еще свѣжія преданія удѣльной старины, а кругъ неродовитыхъ дѣльцовъ не успѣлъ сложиться, высшіе чины и должности принадлежали родословной знати. Но когда эти преданія стали выдыхаться, а этотъ кругъ «въ службу поспѣлъ», очистилась дорога и къ чиновному возвышенію неродовитаго новика: царь, жалуя его въ окольничіе и даже въ бояре, не оскорблялъ генеалогической гордости знати, не спутывалъ ея затверженныхъ мѣстническихъ вычисленій, потому что чинъ не вводилъ пожалованнаго въ родословную знать. Между тѣмъ по чину новикъ получалъ, никого не задѣвая, и высокій помѣстный и денежный окладъ, и высокую должность, лишь бы на ней онъ не столкнулся съ родословнымъ человѣкомъ. Для этого старались увеличивать количество такихъ должностей, которымъ другъ до друга «дѣла не было» или которымъ приказывали «быть безъ мѣстъ», не считаться старшинствомъ. Царь прикажетъ и приказъ проведетъ черезъ думу, чтобы воеводы сторожеваго и лѣваго полка были всегда безъ мѣстъ, и согласно съ тѣмъ въ сторожевой полкъ вторымъ назначать дѣльца Д. Ѳ. Карпова, а въ низшій лѣвый вторымъ же болѣе родовитаго князя А. П. Охлябинина. Послѣдній по старой привычкѣ забьетъ челомъ объ отечествѣ, что «ему въ лѣвой рукѣ въ другихъ для Карпова быти не мочно». На это изъ Москвы ему шлютъ выговоръ отъ царя: «не дуруй! вѣдаемъ мы своихъ холопей, на свою службу посылаемъ, гдѣ кому пригоже быти; а тѣ полки давно приговорены посылати безъ мѣстъ». Благодаря этому, пока родовитые бояре усчитывали другъ друга предками, занимались своей ариѳметикой прошедшаго, изъ ихъ рукъ незамѣтно стала ускользать власть надъ настоящимъ. Въ XVII вѣкѣ іерархія породы расходится все дальше съ іерархіей чиновъ; послѣдняя становится все болѣе дѣйствительной административною силой, а первая, какъ миѳологическій символъ, потерявшій житейское значеніе, превращается въ парадъ, въ археологическое обремененіе придворнаго церемоніала. Въ 1579 году бояре и воеводы московской арміи, перессорившись изъ-за мѣстъ, замялись и не пошли на непріятельскій городъ по наказу. Царь, «кручинясь», прислалъ дьяка и дворянина, приказавъ имъ промышлять своимъ дѣломъ мимо воеводъ, а воеводамъ быть съ ними. Этотъ случай—наглядное изображеніе послѣдующей судьбы

боярства: пока *бояре*, не дѣлая дѣла, спорили о мѣстахъ, царь присылалъ дьяка да простаго *дворянина* съ приказомъ дѣлать дѣло мимо ихъ, хотя и при нихъ, и за то, что предки неумѣстно отстаивали свои родословныя мѣста, потомки остались безъ дѣйствительныхъ мѣстъ—игра словъ, созданная самою исторіей класса.

Ту же безпечность или непредусмотрительность можно замѣтить и въ дѣятельности или, точнѣе, въ порядкѣ дѣлопроизводства самой думы. Отъ удѣльнаго времени дума наслѣдовала порядокъ законодательства по *докладу снизу*. Тогда управитель отдѣльнаго вѣдомства докладывалъ князю дѣло, котораго самому почему-либо «вершить было не мочно», и тотъ рѣшалъ его съ боярами. Такимъ путемъ, разрѣшеніемъ частныхъ случаевъ, административныхъ затрудненій, перенесенныхъ къ князю снизу, преимущественно и создавался правительственный и общественный порядокъ въ княжествѣ удѣльнаго времени. Тотъ же путь оставался обычнымъ и теперь и былъ даже утвержденъ судебникомъ 1550 года, по которому новые вопросы, не предусмотрѣнные закономъ, разрѣшаются «съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору», то-есть возбуждаются докладомъ на государево имя изъ того или другаго вѣдомства. Иногда въ особо важныхъ дѣлахъ починъ идетъ сверху, отъ самого царя. Такъ въ 1553 году, уѣзжая изъ Москвы, царь велѣлъ боярамъ въ свое отсутствіе «сидѣть о кормленіяхъ»; этотъ вопросъ разрѣшился введеніемъ извѣстныхъ земскихъ учрежденій XVI вѣка. Любопытное положеніе создавалось для думнаго боярства такимъ порядкомъ законодательства. Въ продолженіе XVI вѣка дума стоитъ среди потока дѣлъ самаго важнаго, учредительнаго свойства: кладутся или закрѣпляются основы государственнаго порядка, возникаютъ или устрояются раньше возникшія учрежденія, которыя становятся самыми дѣятельными колесами правительственной машины, на цѣлые вѣка опредѣляются положеніе и взаимныя отношенія классовъ общества. Всѣ эти важныя дѣла проходятъ черезъ думу, ею разсматриваются и разрѣшаются; но не она возбуждаетъ вопросы о нихъ, боярскаго почина во всемъ этомъ незамѣтно. Все это идетъ откуда-то сверху или снизу; бояре только слушаютъ да приговариваютъ, и приговариваютъ большею частію обдуманно, въ интересѣ земскаго блага, какъ его тогда понимали. Привычки или желанія самимъ возбуждать законодательные вопросы, не дожидаясь, пока ихъ доложитъ дьякъ Помѣстнаго или начальникъ другаго приказа или наконецъ самъ царь прикажетъ

сидѣть о нихъ,—этого не обнаруживаетъ дума. Между тѣмъ у боярства, въ ней сидѣвшаго, было много интересовъ, не обезпеченныхъ закономъ, много вопросовъ не разрѣшенныхъ, до которыхъ было мало дѣла отдѣльнымъ приказнымъ докладчикамъ.

Наконецъ можно отмѣтить въ старинной московской администраціи одну мелкую черту, которая обнаруживаетъ въ высшемъ служиломъ классѣ изысканную брезгливость политическаго вкуса. Въ московскомъ областномъ управленіи не было другой должности, которая имѣла бы такой земскій авторитетъ и такое широкое вліяніе на общество, какъ должность губнаго старосты. Она одна замѣщалась всесословными выборами, одна соединяла всѣ классы мѣстнаго общества, разобщенные пренебреженіемъ высшихъ къ низшимъ и сословнымъ раздѣленіемъ государственныхъ повинностей; поддерживаемый довѣріемъ и порукой всего мѣстнаго общества, вооруженный орудіями пытки, губной староста имѣлъ властный цензорскій надзоръ надъ жизнію обывателей уѣзда; посредствомъ предварительнаго обыска или опроса о лихихъ людяхъ, для котораго онъ созывалъ къ себѣ представителей уѣздныхъ общественныхъ міровъ, послѣдніе становились отвѣтственными передъ нимъ за полицейскій порядокъ и безопасность въ своихъ предѣлахъ. Высшее боярство могло брезговать уголовно-полицейскою неопрятностью этой должности и скучать ея безпокойною хлопотливостью; но низшему боярскому слою, терпѣвшему постоянныя «потерьки» въ столичномъ служебномъ мірѣ и все болѣе погружавшемуся въ провинціальное дворянство, эта должность открывала удобный путь къ пріобрѣтенію вліянія на провинціальное общество, не только дворянское, но и тяглое. Однако не видно, чтобы люди этого класса, дававшіе взятки дьякамъ Разряднаго приказа, чтобъ ихъ пустили въ уѣздъ на воеводство покормиться, особенно добивались должности губнаго старосты, и не слышно жалобъ на происки кандидатовъ, искавшихъ этой должности на выборахъ. Напротивъ, въ XVII вѣкѣ люди съ очень скромною родословной обнаруживаютъ большое пренебреженіе къ этой должности. Въ 1634 и 1635 годахъ шла мѣстническая тяжба князя В. Вяземскаго съ Мирономъ Вельяминовымъ изъ рода Зерновыхъ, далеко не цвѣтущей вѣтви одного корня съ Сабуровыми и Годуновыми. Оба соперника принадлежали къ тому слою служилаго класса, который вершиной своей соприкасался съ настоящимъ боярствомъ, а низомъ уходилъ въ провинціальное, городовое дворянство; въ боярской книгѣ 1627 года обоихъ находимъ

въ чинѣ такъ-называвшихся «дворянъ московскихъ». Князь Вяземскій упрекалъ Вельяминова, что его роду многіе бывали въ губныхъ старостахъ и на другихъ подобныхъ должностяхъ, а въ губныхъ старостахъ «всегда бываютъ изъ обышныхъ молодыхъ людей», неродословныхъ. Вельяминовъ, соглашаясь, что родословному человѣку быть губнымъ старостой безчестье, возражалъ, что у него въ роду никто въ такомъ безчестьи не бывалъ *).

Итакъ, напряженіе политической мысли, замѣтное въ боярской средѣ по ея литературнымъ представителямъ, не привело въ XVI вѣкѣ къ разработанному въ подробностяхъ плану государственнаго устройства, въ которомъ были бы полно и послѣдовательно выражены и надежно обезпечены притязанія класса. Боярство какъ будто не понимало возможности или надобности этого. Оно пользовалось властью, но и въ его правительственной практикѣ незамѣтно сословнаго направленія, стремленія законодательнымъ путемъ провести и упрочить свои политическія права. Московскій государственный порядокъ, казалось, строился боярскими руками, но не во имя боярскихъ интересовъ. Боярство XVI вѣка является какой-то аристократіей безъ вкуса къ власти, безъ умѣнья или охоты вліять на общество, которую больше занимали взаимные счеты и ссоры ея членовъ, чѣмъ отношенія къ государю и народу, какъ ея литературнымъ представителямъ лучше удавались политическія пророчества, чѣмъ политическіе планы.

ГЛАВА XVII.

Состояніе народнаго хозяйства было главною причиной равнодушія боярства XVI в. къ расширенію и обезпеченію своихъ политическихъ правъ.

Это равнодушіе тѣсно связано съ общимъ вопросомъ о политической судьбѣ московской боярской аристократіи. Имѣя въ виду формы, въ какія облекались отношенія подданныхъ къ московскому государю, и припоминая, какъ смотрѣла масса народа на государя и боярство уже въ XVI в., особенно со времени боярскаго правленія въ малолѣтство Грознаго, наблюдатель готовъ сказать, что бояре того времени глубоко заблуждались, если думали такъ, какъ писали объ ихъ государственномъ значеніи ихъ

*) Царств. кн., стр. 337. Русск. Ист. Сборн. Общ. Ист. и Др. Росс., V, 37: издатель по недосмотру отнесъ дѣло къ 1631 году.

литературные представители, если воображали себя «великими и сильными во Израили», видѣли въ себѣ настоящую политическую аристократію. Исторія поддерживаетъ это впечатлѣніе, сокрушивъ безъ особеннаго труда аристократическія притязанія боярства и разбивъ его родословный и брезгливый къ худороднымъ кругъ по разнымъ слоямъ простаго дворянства.

Почему въ самомъ дѣлѣ политическое значеніе этого боярства было такъ скоротечно и отчего Московское государство не вышло аристократическимъ? Казалось бы, весь аппаратъ аристократическаго порядка былъ уже готовъ, когда это государство устроялось: родовитыхъ фамилій съ титуломъ и безъ титула накопилось въ Москвѣ даже больше, чѣмъ сколько было нужно; между ними уже установился извѣстный іерархическій распорядокъ, признанный самимъ государемъ; въ средѣ ихъ не было недостатка ни въ правительственныхъ преданіяхъ, ни въ привычкѣ къ власти; наконецъ, имъ была открыта обширная практика власти, потому что московскій государь преимущественно изъ нихъ набиралъ личный составъ высшаго управленія, военнаго и гражданскаго.

Когда задаемъ себѣ этотъ вопросъ, то прежде всего приходятъ на мысль соображенія, которыя не даютъ на него прямаго отвѣта, хотя, какъ говорится, и освѣщаютъ предметъ съ той или другой стороны. Легко, во-первыхъ, замѣтить, что многочисленное и блестящее боярство Москвы явилось довольно случайно, составилось довольно искусственно и частію даже насильственно: вѣдь Москва не имѣла бы такого боярства, еслибъ ею не было совершено такого успѣшнаго и повальнаго упраздненія самостоятельныхъ мѣстныхъ правительствъ, существовавшихъ на Руси. Такимъ образомъ политическая сила, ограничивавшая власть московскаго государя, создана была успѣхами этой же самой власти. Но башмачникъ изъ Пуату, попавшій въ армію Вильгельма Завоевателя и уцѣлѣвшій при Гастингсѣ, еще случайнѣе водворился въ Англіи; это однако не помѣшало его потомку съ большою настойчивостью пользоваться политическими правами англійскаго джентльмена. Почему Рюриковичъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ принцъ крови, изъ великаго или удѣльнаго князя превратившись въ московскаго боярина, не имѣлъ политической судьбы англійскаго барона? Развивая ту же самую мысль, можно отмѣтить и другую особенность московскаго боярства. Въ западной Европѣ аристократіи обыкновенно создавались изъ верхняго слоя общества завоевателей, а въ Московскомъ государствѣ цвѣтъ боярства

составился изъ людей, которые или предки которыхъ подверглись завоеванію вооруженному или дипломатическому, изъ князей, сведенныхъ съ своихъ престоловъ или поспѣшившихъ сойти съ нихъ, не дожидаясь, пока ихъ сведутъ. Въ Москвѣ именно оттого и явилось слишкомъ много знатныхъ, что тамъ собралось черезчуръ много павшихъ и побѣжденныхъ. Но эта черта можетъ дать больше матеріала для назидательныхъ размышленій объ ироніи исторіи, чѣмъ для научнаго объясненія историческаго факта. Не больше даетъ въ этомъ отношеніи и то обстоятельство, что боярская знать не жила по своимъ вотчиннымъ усадьбамъ, какъ бароны жили по своимъ замкамъ, а тѣснилась въ столицѣ, подъ рукой у государя, которому такъ легко было достать кого ему нужно было для расправы. Иностранцы, наблюдавшіе политическую жизнь Москвы XVI и XVII в., высказывали мысль, едва ли внушенную имъ туземными политиками, бывшую скорѣе плодомъ ихъ собственныхъ соображеній, будто московскіе государи заставляли своихъ бояръ жить въ Москвѣ съ цѣлью лишить ихъ возможности составлять политическіе заговоры, которые они будто бы легко могли устроять въ своихъ деревняхъ, имѣя подъ рукой подвластныхъ и преданныхъ имъ людей. Извѣстно, что было много другихъ менѣе макіавелевскихъ причинъ этого землевладѣльческаго абсентеизма московскихъ бояръ. Но отъ чего бы онъ ни происходилъ, указывая на него, не слѣдуетъ забывать, что прежняя изолированная жизнь князей по удѣламъ не спасла же ихъ отъ руки московскаго государя, несмотря на ихъ удѣльные полки. Гораздо важнѣе то, что московскому боярству, несмотря на его скученность въ Москвѣ, на жизнь вмѣстѣ, какъ-то не удавалось сомкнуться въ плотную и единодушную корпорацію, проникнуться сознаніемъ сословныхъ интересовъ и пріобрѣсти привычку дѣйствовать дружно во имя этихъ интересовъ: бояре гораздо больше, кажется, думали о своихъ личныхъ и фамильныхъ счетахъ, чѣмъ о средствахъ упрочить свое политическое положеніе. Но этимъ соображеніемъ только развивается вопросъ, а не разрѣшается: когда спрашиваютъ, почему политическое положеніе боярства было такъ непрочно, почему этому классу не удалось расширить и обезпечить свое значеніе въ государствѣ, то прежде всего и желаютъ знать, почему онъ не успѣлъ сомкнуться въ такую корпорацію, проникнуться такимъ сознаніемъ и т. д.

Вопросъ этотъ слишкомъ сложенъ, чтобы на него можно было дать полный отвѣтъ, коснувшись его мимоходомъ, по связи его

съ судьбою изучаемаго правительственнаго учрежденія. Мы хотимъ только напомнить рядъ явленій, къ которымъ, по нашему мнѣнію, прежде всего слѣдуетъ обратиться, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ. Явленія, о которыхъ рѣчь, очень далеки отъ сферы, гдѣ дѣйствовала боярская дума; но они оказали могущественное вліяніе на судьбу класса, представители котораго сидѣли въ этомъ учрежденіи, а чрезъ него и на самое учрежденіе. Въ состояніи народнаго хозяйства прежде всего надобно искать объясненія равнодушія боярства къ мысли объ упроченіи своего положенія, о расширеніи и обезпеченіи своихъ политическихъ правъ. Политическое право общественнаго класса само по себѣ—конституціонная метафизика, доступная лишь досужему размышленію; житейская практика понимаетъ и цѣнитъ его соразмѣрно съ житейскими выгодами, имъ обезпечиваемыми; съ этой стороны оно чаще всего является не болѣе какъ оборонительнымъ оружіемъ, которое берутъ взамѣнъ наступательной силы, чтобъ упрочить ея завоеванія. До послѣднихъ лѣтъ XVI в. московское боярство не думаетъ объ этой метафизикѣ и плохо ее понимаетъ, потому что ему еще нечего было ограждать, оно еще не завоевало того, что стоило-бъ обезпечивать обычными политическими средствами.

Въ старой кіевской Руси аристократическій складъ общества выразился между прочимъ въ безправномъ, близкомъ къ рабству положеніи крестьянина, взявшаго ссуду у землевладѣльца при поселеніи на его землѣ, и особенно въ суровомъ постановленіи, по которому такой должникъ, въ случаѣ бѣгства отъ хозяина безъ расплаты, превращался въ полнаго его холопа. Въ подобномъ, близкомъ къ холопству, положеніи является крестьянинъ на землѣ частнаго владѣльца и въ аристократическомъ Новгородѣ Великомъ по актамъ удѣльнаго времени. Но въ удѣльной суздальской Руси движеніе колонизаціи повидимому вывело крестьянина изъ такого кабальнаго состоянія. По актамъ XV вѣка видно, что здѣсь крестьянинъ-должникъ не только не превращался въ холопа за уходъ съ земли частнаго владѣльца безъ расплаты, но и могъ послѣ ухода уплачивать свой долгъ съ разсрочкой и безъ процентовъ. Нужда въ рабочихъ рукахъ вмѣстѣ съ невозможностью удержать ихъ насильственными средствами при общемъ броженіи, несомнѣнно, всего болѣе содѣйствовала такой льготной перемѣнѣ въ юридическомъ положеніи крестьянъ. На этой зыбкой почвѣ вольнаго и подвижнаго крестьянскаго труда должно было созидаться частное землевладѣніе въ верхневолж-

ской удѣльной Руси. Соединенными усиліями множества князей-хозяевъ, дѣйствовавшихъ по своимъ удѣламъ въ одинаковомъ направленіи, хотя и безъ соглашенія, удалось установить по крайней мѣрѣ сносный порядокъ поземельныхъ отношеній, сдѣлавшій возможнымъ развитіе частнаго землевладѣнія: средствами гражданскаго права, ссудами, льготами, частными ограниченіями крестьянскихъ переходовъ успѣли къ концу XV вѣка нѣсколько усадить крестьянъ по мѣстамъ. Въ то же время судебныя и финансовыя, податныя привилегіи, какими жаловали князья землевладѣльцевъ въ удѣльное время и которыя, съ объединеніемъ Руси, обобщаясь, постепенно превращались въ сословныя вотчинныя права, давали вотчинникамъ въ руки важныя политическія средства для устройства своего землевладѣльческаго хозяйства. Этимъ успѣхамъ въ завоеваніи крестьянскаго труда много, если не болѣе всего, помогало то обстоятельство, что движеніе колонизаціи нѣкоторое время было сдержано въ тѣсномъ междурѣчьи Оки и верхней Волги: пока продолжалось насильственное скученіе населенія въ этомъ краѣ, тяглый людъ поневолѣ дѣлался болѣе усидчивымъ, облегчая устроительную работу мѣстныхъ правительствъ и землевладѣльцевъ. Сохранились и слѣды этихъ успѣховъ, конечно, довольно скудные. Въ памятникахъ XIV и XV в. можно замѣтить нѣкоторые признаки усиленной обработки земли въ центральныхъ областяхъ. Именно съ половины XV в. замѣчается усиленное стремленіе землевладѣльцевъ путемъ законодательства установить прочный порядокъ въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ, становятся слышны съ ихъ стороны жалобы на безпорядочный переходъ и перевозъ крестьянъ, высказывается желаніе съ надеждой на возможность его исполненія, чтобъ установлены были закономъ постоянные обязательные сроки для переходовъ и разсчетовъ крестьянъ съ землевладѣльцами. Отвѣчая на эти стремленія землевладѣльцевъ, отдѣльныя жалованныя грамоты князей и потомъ Судебникъ 1497 г. устанавливаютъ однообразный срокъ—Юрьевъ день осенній. Потребность въ такомъ узаконеніи вызывалась господствовавшей въ тогдашнемъ землевладѣльческомъ хозяйствѣ краткосрочной крестьянской арендой, обыкновенно годовой, установившейся въ эпоху усиленнаго крестьянскаго броженія. Но уже въ княженіе Ивана III можно замѣтить слѣды большей усидчивости сельскаго населенія: такъ встрѣчаемъ извѣстія о трехлѣтнихъ наймахъ земли крестьянами, притомъ возобновлявшихся много разъ къ ряду, о старожильцахъ,

десятки лѣтъ не покидавшихъ своихъ участковъ. Наконецъ, въ актахъ Иванова княженія встрѣчаемъ еще одинъ признакъ нѣкоторой устойчивости сельскаго быта этого времени: явственно обозначаются слѣды довольно развитаго общественнаго устройства волостныхъ крестьянскихъ міровъ съ выборнымъ управленіемъ, съ опредѣленнымъ вѣдомствомъ и круговой отвѣтственностью передъ правительствомъ, но и съ долей свободы въ веденіи своихъ хозяйственныхъ дѣлъ. Все это очень благопріятствовало успѣхамъ частнаго землевладѣнія. Извѣстіе Герберштейна о шестидневной крестьянской барщинѣ, какъ общемъ явленіи, и о жалкомъ положеніи крестьянъ не вполнѣ точно; но самымъ преувеличеніемъ тягости ихъ положенія оно свидѣтельствуетъ, какую самоувѣренность пріобрѣталъ сѣверный русскій землевладѣлецъ и до какихъ значительныхъ размѣровъ достигла къ началу XVI в. его вотчинная власть надъ крестьянами, благодаря привилегіямъ. Это подтверждается и русскими свидѣтельствами того же времени. Вассіанъ Косой въ своей полемикѣ противъ монастырскаго землевладѣнія горько жаловался на злоупотребленіе со стороны вотчинной монастырской администраціи правомъ или обычаемъ подвергать крестьянъ тѣлесному наказанію, преимущественно за недоимки. Противникъ его, преп. Іосифъ, по разсказу его жизнеописателя, также уговаривалъ землевладѣльцевъ, сосѣдей его обители, во имя ихъ собственныхъ интересовъ не обременять своихъ «тяжарей земодѣльниковъ» излишними работами и не разорять непосильными поборами.

Въ XVI вѣкѣ въ положеніи сельскаго населенія обнаружился издавна подготовлявшійся переломъ, который грозилъ разрушить всѣ эти выгоды вотчинниковъ. Казалось, готова была разорваться съ такими усиліями сотканная вокругъ крестьянина паутина, привязывавшая его къ землевладѣльцу юридическими и экономическими нитями. Съ конца XIV вѣка началась важная по своимъ послѣдствіямъ перемѣна въ размѣщеніи массы великорусскаго населенія. Насильственное сгущеніе его въ междурѣчьи Оки и верхней Волги стало прекращаться. Съ одной стороны открылись или облегчились для него пути на сѣверъ и сѣверовостокъ, благодаря ослабленію препятствій, которыя до тѣхъ поръ затрудняли его движеніе за Волгу. Съ другой стороны стало слабѣть дѣйствіе обстоятельствъ, которыя столь же насильственно сгоняли населеніе въ это междурѣчье. Въ XVI вѣкѣ не только прекращается шедшій сюда цѣлые вѣка приливъ населенія съ

юга и юго-запада, но и становится замѣтенъ отливъ частію въ обратномъ направленіи. Заокская степь, которую нѣкогда засорили потоки кочевниковъ, теперь стала прочищаться, старинныя русскія поселенія по восточнымъ окраинамъ древнихъ княжествъ Переяславскаго и Черниговскаго, смытыя нѣкогда этими потоками, возстановлялись; князь Курбскій, говоря въ своей исторіи царя Ивана о славныхъ годахъ его царствованія, слѣдовательно до опричнины, замѣчаетъ, что тогда предѣлы христіанскіе расширялись «и на дикихъ поляхъ древле плѣненные грады отъ Батыя безбожнаго паки воздвизахуся». Изъ центральнаго междурѣчья населеніе не только начало спускаться внизъ по Волгѣ къ юго-востоку, но и пошло прямо на югъ внизъ по Дону, также перебиралось съ верховьевъ Оки на верховья Семи, а отсюда на верховья Донца и Оскола. На появленіе русскаго земледѣльческаго населенія въ этихъ, много вѣковъ остававшихся заброшенными, краяхъ явственно указываютъ возникающіе для его защиты въ концѣ XVI вѣка укрѣпленные пункты, города, населяемые «ратными людьми, казаками и стрѣльцами и жилецкими людьми», Кромы, Ливны, Воронежъ, Курскъ, Осколъ, Бѣлгородъ, Валуйки. Въ древнемъ рукописномъ сказаніи о чудотворной Курской иконѣ есть нѣсколько любопытныхъ чертъ изъ исторіи возникновенія одного изъ этихъ городовъ: повѣсть разсказываетъ, какъ опустошенный татарами Курскъ поросъ травой и лѣсомъ, куда изъ ближнихъ городовъ приходили промышлять звѣремъ и медомъ, какъ степные варвары долго не давали завестись здѣсь поселенію и только въ XVI вѣкѣ правительство московское повелѣло запустѣлый городъ обновить и множествомъ людей населить, какъ городъ и уѣздъ начали заселяться и жители окрестныхъ городовъ, прослышавъ, что тамъ всего довольно, и хлѣба, и меда, и звѣря, «въ онь идяху и селеніе творяху». Во второй половинѣ XVII вѣка въ заокскихъ городахъ и селахъ, тѣхъ самыхъ, изъ которыхъ заселялся Курскъ съ уѣздомъ, московскіе сыщики еще находили много «сходцевъ» изъ центральныхъ уѣздовъ государства, даже изъ Костромскаго, ушедшихъ изъ своихъ домовъ лѣтъ за 30 и болѣе.

Этотъ разбродъ населенія подвергалъ тяжелому кризису частное землевладѣніе въ срединныхъ областяхъ, гдѣ оно преимущественно развивалось. Рабочее населеніе уплывало изъ этихъ областей на открывавшіяся для колонизаціи окраины государства, гдѣ боярское землевладѣніе еще не имѣло насиженныхъ мѣстъ.

Наблюдатель явленій XVI вѣка можетъ только пожаловаться на обиліе указаній, свидѣтельствующихъ объ этомъ фактѣ и его послѣдствіяхъ. Съ половины XVI вѣка вопросъ о бѣглыхъ становится больнымъ мѣстомъ русскаго землевладѣнія. Князь Курбскій въ одномъ изъ посланій, описывая положеніе тяглыхъ людей въ Московскомъ государствѣ, скорбитъ о томъ, что многіе изъ нихъ стали «безъ вѣсти бѣгунами изъ отечества», и царь Иванъ въ предложеніяхъ, которыя онъ готовилъ Стоглавому собору, писалъ о заставахъ крѣпкихъ по рубежамъ литовскимъ, нѣмецкимъ и татарскимъ, между прочимъ для наблюденія за бѣглыми людьми. Въ то же время замѣчается усиленная забота землевладѣльцевъ о томъ, какъ бы добыть пашенныхъ людей, сманить, свезти ихъ у сосѣдняго землевладѣльца или изъ общества государственныхъ крестьянъ; эту операцію особенно настойчиво и успѣшно вели богатые монастыри. Но любопытно, что Вассіанъ Косой, черпая свои обвиненія противъ землевладѣльческаго монашества изъ его вотчинной практики начала XVI вѣка, не упрекаетъ его въ этой операціи; а онъ навѣрное не пропустилъ бы случая кольнуть ею глаза ненавистной братіи, еслибы было за что. Напротивъ, онъ горько жалуется на монаховъ за то, что они, обобравъ неисправныхъ крестьянъ за недоимки, самихъ прогоняютъ далеко изъ своихъ селъ нагими съ женами и дѣтьми, провожая побоями. Въ XVI вѣкѣ край къ сѣверу отъ Москвы, особенно полоса по торговой дорогѣ отъ столицы до Вологды считались сравнительно густо заселенною мѣстностью, гдѣ встрѣчались многолюднѣйшія села. Но Флетчеръ, проѣзжая этой самою дорогой въ Москву изъ Холмогоръ въ концѣ XVI вѣка, видѣлъ уже только свѣжіе слѣды прежней населенности края: на пространствѣ почти 200 верстъ между Вологдой и Ярославлемъ онъ встрѣтилъ по крайней мѣрѣ до 50 деревень въ полмили, даже въ цѣлую милю длиной, совершенно брошенныхъ, такъ что въ нихъ не осталось ни одного жителя; люди, ѣздившіе по странѣ больше его, разсказывали ему, что видѣли то же самое во всѣхъ другихъ частяхъ государства; вездѣ народъ разбѣгался и пустѣли не только деревни, но и города. Еще раньше Флетчера на то же явленіе указывалъ Поссевинъ, говоря, что въ московскихъ владѣніяхъ иногда на пространствѣ 100 миль путешественникъ находитъ однѣ опустѣлыя деревни и ни одного обывателя. Этотъ отливъ населенія изъ центральныхъ областей, повидимому, сталъ замѣтенъ, если не начался, въ малолѣтство Грознаго, приблизительно съ 1540 годовъ, и усиливался

отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, татарскихъ опустошеній, многолѣтнихъ неурожаевъ въ 1550 годахъ, о которыхъ писалъ въ 1557 году митрополитъ Макарій, прибавляя, что люди изъ многихъ волостей и весей «разошлися по градомъ питатися». Князь Курбскій въ разсказѣ о малолѣтствѣ Ивана замѣчаетъ, что пустыня начиналась въ 18 миляхъ отъ столицы, благодаря татарскимъ вторженіямъ, что вся Рязанская земля была опустошена ими по самую Оку. Въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ иностранцевъ XVII вѣка о Московіи можно видѣть отдаленные слѣды этого переворота въ размѣщеніи сельскаго населенія. Переселенцы прежде всего кинулись на ближайшія и безопаснѣйшія изъ открывшихся имъ плодородныхъ мѣстъ и въ два-три поколѣнія успѣли истощить ихъ, какъ умѣлъ истощать почву только древнерусскій хлѣбопашецъ. Служившій придворнымъ врачомъ при царѣ Алексѣѣ англичанинъ Коллинсъ писалъ, что въ его время лучшія земли въ Россіи приносили весьма мало дохода, потому что имъ не давали отдыхать, а другія отъ недостатка въ рабочихъ рукахъ лежали необработанными. Съ другой стороны, чехъ Таннеръ, пріѣзжавшій въ Россію съ польскимъ посольствомъ въ 1678 году, видѣлъ въ подмосковныхъ мѣстностяхъ много барскихъ усадебъ и лѣса, но мало полей, объясняя это впрочемъ свойствомъ почвы *). Но уже во второй половинѣ XVI вѣка остатки поземельныхъ описей поражаютъ обиліемъ пашни переложной и лѣсомъ поросшей, количествомъ пустошей, «что были деревни», въ ближайшихъ къ столицѣ уѣздахъ. Почти въ каждомъ имѣніи, даже при каждомъ крестьянскомъ поселеніи, сверхъ трехъ полей «пашни паханой» существовалъ перелогъ обыкновенно гораздо болѣе обширный, часто втрое или вчетверо. Независимо отъ этого являлись большія сплошныя пространства «порожихъ земель», которыя отмѣчались въ писцовыхъ книгахъ словами: «лежать впустѣ и не владѣетъ ими никто»; лишь по мѣстамъ на этихъ брошенныхъ надолго залежахъ поддерживались отхожія пашни, вспаханныя «наѣздомъ». Наконецъ, теперь и существовавшія трехпольныя пашни стали покидать на неопредѣленное время, превращать въ безсрочный перелогъ, и самыя поселенія со всѣмъ ихъ хозяйствомъ переносились изъ старыхъ срединныхъ областей въ другія, иногда очень отдаленныя мѣста, на болѣе плодородныя

* *Legatio Polono-Lithuanica*, по изданію 1689 года, стр. 108: Conspiciebantur prope Moscuam villae atque arces ligneae paucis cum agris; plures terrae mollities non patitur, unde arbusta silvaeque maximae progenerantur.

нови. Такъ развитіе сельскаго хозяйства въ московской Руси XVI вѣка представляло, можно сказать, геометрическую прогрессію запустѣнія. Повторяя хозяйственную формацію своего мельчайшаго составнаго элемента, двороваго крестьянскаго участка, вся русская территорія на востокъ отъ древняго днѣпровскаго пути изъ Варягъ въ Греки стала явственно распадаться на три поля. На заволжскомъ сѣверѣ и сѣверовостокѣ поднимаемыя нови, благодаря искусственному и скоротечному плодородію, какое получали онѣ отъ выжженнаго на нихъ лѣса, способны были нѣкоторое время выдерживать тяжелые посѣвы: въ концѣ XVI вѣка еще сѣяли пшеницу въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ. Въ срединныхъ областяхъ почва, истощенная болѣе давней и усиленной эксплуатаціей, могла удовлетворять только легкимъ требованіямъ земледѣльца, обработывалась кое-какъ и начинавшіяся выселенія готовили ее къ скорому паровому или переложному отдыху. На заокскомъ югѣ обширныя пространства тогдашней степи, содержавшія въ себѣ плодороднѣйшія земли русской равнины, представляли многовѣковую вынужденную паренину, которую покинулъ плугъ не вслѣдствіе ея истощенія, а отъ наплыва кочевыхъ массъ, уничтожавшихъ работу плуга. Въ XVI вѣкѣ поселенцы, возвращаясь на покинутыя нѣкогда предками мѣста, начинали съ разныхъ окраинъ медленно и робко трогать это слишкомъ отдохнувшее поле и вводить его въ народно-хозяйственный оборотъ. Кажется, еще бы по одной сильной волнѣ колонизаціи изъ центра къ окраинамъ на югъ и на сѣверъ—и Москвѣ предстала бы опасность, уже испытанная ея предшественникомъ Кіевомъ, опасность превратиться въ столицу пустыни, окруженную, по техническому выраженію поземельныхъ вотчинныхъ книгъ XVII вѣка, «пометной (брошенной) землей тяглыхъ жеребьевъ впустѣ».

Такое тревожное для правительственнаго класса направленіе принималъ земледѣльческій трудъ. Въ то самое время, когда боярство складывалось въ правительственную аристократію, его вотчинное благосостояніе становилось вопросомъ. Только-что оно устроилось было по переѣздѣ въ Москву, спасши большую часть своихъ вотчинныхъ усадебъ въ исчезнувшихъ удѣлахъ, какъ стала грозить необходимость перенесенія самыхъ усадебъ въ другіе края. Всѣ добытыя землевладѣльческія привилегіи стали терять свою цѣну, потому что плохо обезпечивали привилегированному землевладѣльцу главную силу, на которой могло основаться надежное вотчинное хозяйство, надежныя рабочія руки.

барскимъ серебромъ, сталъ болѣе прежняго обычнымъ: гдѣ, напримѣръ, документы позволяютъ видѣть хозяйственное положеніе крестьянъ вотчинника, тамъ значительное большинство послѣднихъ засѣваетъ свои поля господскими сѣменами; состоятельный землевладѣлецъ, перечисляя статьи своего вотчиннаго хозяйства, рядомъ съ пашней барской и крестьянской, хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ, лугами и лѣсомъ, обозначалъ и свое серебро на крестьянахъ. Поэтому въ XVI вѣкѣ рядомъ съ оброкомъ замѣтно развивается барщина, такъ какъ проценты по ссудѣ обыкновенно уплачивались работой. Пока не чувствовался еще указанный выше кризисъ въ сельскомъ хозяйствѣ, крестьянскіе займы подъ работу или подъ высокій ростъ деньгами и хлѣбомъ повидимому были даже выгоднѣйшею сельско-хозяйственной операціей для землевладѣльцевъ съ капиталомъ. Вассіанъ Косой болѣе всего бичуетъ современные ему монастыри за то, что они, отдавая серебро взаймы своимъ крестьянамъ, «лихву на лихву налагаютъ» и этими «заимоданіями многолихвенными» въ конецъ ихъ раззоряютъ, безъ пощады взыскивая ростъ, отбирая имущество крестьянъ за долги, а самихъ прогоняя съ ихъ участковъ. Стоглавый соборъ запретилъ епископамъ и монастырямъ давать деньги и хлѣбъ своимъ крестьянамъ въ ростъ; но любопытно одно изъ побужденій, которыми онъ объяснилъ это постановленіе: «чтобы за ними христіане жили и села бы ихъ были не пусты» *). Это побужденіе руководило тогда всѣми землевладѣльцами. Забота о привлеченіи и удержаніи крестьянина на землѣ вызвала между ними конкурренцію, облегчившую условія крестьянскихъ поземельныхъ займовъ. Всѣмъ этимъ создавалось новое и любопытное положеніе крестьянъ на земляхъ богатыхъ землевладѣльцевъ. При помощи господскихъ ссудъ и льготъ они обзаводились и зажились подолгу на своихъ участкахъ; но этимъ самымъ закрѣплялась ихъ зависимость отъ господъ. Нѣкоторая зажиточность ослабляла охоту покидать обстроенный и насиженный участокъ, а продолжительное сидѣнье на немъ усложняло и затрудняло окончательный разсчетъ съ владѣльцемъ, наступавшій обыкновенно при уходѣ, и при содѣйствіи правительственнаго значенія хозяина дѣлало переходъ невозможнымъ. Тогда крестьянину оставался одинъ законный способъ воспользоваться своимъ старымъ пра-

*) Любопытныя царскія предложенія, не вошедшія въ Стоглавъ, напечатаны г. *Ждановымъ* въ Журн. мин. нар. пр. 1876 г. № 7, стр. 54—64. Акты З. Росс. I, № 60. Прав. Собесѣдн. 1863 г. III, 109, 110 и 187. Стоглавъ, гл. 76 и 98.

вомъ—найти новаго владѣльца, который помогъ бы ему разсчитаться съ прежнимъ, выкупилъ его и перевезъ къ себѣ, а переходъ безъ разсчета считался противозаконнымъ побѣгомъ. Дѣйствительно, послѣ Судебника 1550 года акты рѣдко говорятъ о крестьянскомъ переходѣ: онъ превращается съ одной стороны въ побѣгъ, съ другой—въ перевозъ, становясь уже не правомъ крестьянина, а или нарушеніемъ права хозяина, или предметомъ частной сдѣлки двухъ владѣльцевъ. Такъ по нѣкоторымъ признакамъ можно замѣтить, что у крупныхъ землевладѣльцевъ крестьяне становятся на дѣлѣ прикрѣпленными къ землѣ прежде, чѣмъ правительство подумало о прикрѣпленіи по закону, и самая мысль о послѣднемъ повидимому внушена была правительству этимъ фактическимъ хозяйственнымъ прикрѣпленіемъ. Оставался, правда, крестьянину еще одинъ законный выходъ изъ такого положенія, открытый ему недавно, по всей вѣроятности, самими крупными землевладѣльцами, которымъ однимъ онъ и обѣщалъ выгоды. Судебникъ 1497 года просто узаконяетъ одинъ срокъ для крестьянскаго перехода, не предусматривая исключеній. При изданіи Судебника 1550 года боярское правительство предусмотрѣло и допустило одно важное исключеніе: крестьянинъ, не стѣсняясь законнымъ срокомъ, во всякое время можетъ покинуть участокъ, продаваясь съ пашни «въ полную въ холопи».

Явленія, происходившія въ селѣ, обнаруживаютъ одну причину политическаго настроенія боярства XVI вѣка. Оно производитъ своимъ образомъ дѣйствій впечатлѣніе властвующей аристократіи безъ вкуса къ власти, потому что власть, какую оно имѣло, лишена была того, что только и могло сообщить ей привлекательный политическій вкусъ—обладанія народнымъ трудомъ. Потому интересъ экономическаго обезпеченія бралъ перевѣсъ надъ интересомъ политическихъ гарантій. Село XVI вѣка и надобно признать главною причиной того, что Московское государство не сдѣлалось по своему устройству аристократическимъ, потому что послѣ уже не повторялись такія благопріятныя для того условія, какія были въ XVI вѣкѣ, хотя и дѣлались попытки въ этомъ направленіи. Въ борьбѣ съ селомъ боярство достигло большихъ успѣховъ; но достигнутыми выгодами воспользовались и другіе помимо его и даже во вредъ ему.

ГЛАВА XVIII.

Ближняя или комнатная дума государя была косвеннымъ признаніемъ съ его стороны политическаго знанія боярской думы.

Другою причиной равнодушія боярства къ вопросу объ устройствѣ высшаго управленія въ духѣ его аристократическихъ притязаній было отношеніе самихъ московскихъ государей къ боярству, какъ къ правительственному классу.

Довольно трудно опредѣлить отношенія, дѣйствовавшія между людьми, которые сами никогда не выражали ихъ точно и даже повидимому не чувствовали надобности ихъ формулировать. Остается слѣдить за отдѣльными фактами, которыми эти отношенія обозначались или которые ихъ измѣнили.

Прежде всего тотъ самый государь, на суровость и самовластіе котораго такъ жаловалось боярство, признавалъ его классомъ, на которомъ преимущественно лежитъ дѣло земскаго строенія, которымъ держатся внѣшняя безопасность и внутренній порядокъ въ государствѣ. Взглянувъ на своихъ бояръ, умирающій великій князь, отецъ Грознаго, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, сказалъ имъ: «съ вами держалъ я Русскую землю, вы мнѣ клятву дали служить мнѣ и моимъ дѣтямъ; приказываю вамъ княгиню и дѣтей своихъ, послужите княгинѣ и сыну моему, поберегите подъ нимъ его государства, Русской земли и всего христіанства отъ всѣхъ его недруговъ, отъ бесерменства и отъ латынства и отъ своихъ сильныхъ людей, отъ обидъ и отъ продажъ, всѣ заединъ». Ту же мысль, только другими словами, выражаетъ боярамъ умирающій Василій и по разсказу современнаго повѣствователя о его смерти, очень близкаго къ двору, имѣвшаго возможность слышать или узнать подлинныя выраженія великаго князя. Такому политическому положенію класса соотвѣтствовали составъ и правительственное значеніе боярской думы. Званіе думнаго человѣка не было наслѣдственнымъ по закону: въ думные чины жаловали, «думу сказывали», по назначенію государя. Теперь это назначеніе стало само по себѣ необходимо при множествѣ боярскихъ фамилій, при обиліи наличныхъ служилыхъ лицъ въ отдѣльныхъ фамиліяхъ. Но по родословному составу думы XVI в. можно видѣть, въ какой степени государево назначеніе согласовалось съ аристократическимъ распорядкомъ лицъ и фамилій, установившимся въ боярской средѣ. Члены думы, особенно двухъ высшихъ чиновъ, обыкновенно выходили изъ из-

вѣстнаго родовитаго круга, который въ лицѣ своихъ очередныхъ представителей «думу вѣдалъ»; какъ полковыхъ воеводъ, такъ и совѣтниковъ своихъ государь «прибиралъ, разсуждая ихъ отечество, кто того дородился». И правительственное значеніе думы на дѣлѣ далеко не было пассивнымъ: она является болѣе чѣмъ совѣщательнымъ собраніемъ при своемъ государѣ, пользуется извѣстнымъ просторомъ въ своей дѣятельности. Въ 1510 году тотъ же суровый великій князь Василій, властію своею надъ подданными превосходившій всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ, рѣшая въ Новгородѣ политическую судьбу Пскова, «велѣлъ своимъ боярамъ по своей думѣ творити, какъ себѣ сдумали», и арестъ псковскихъ властей и гражданъ, пріѣхавшихъ тогда къ государю съ челобитьями, является дѣломъ московскихъ бояръ, слѣдствіемъ ихъ думнаго приговора. Во время переговоровъ съ литовскимъ посольствомъ въ 1537 году дѣло рѣшается постановленіемъ думы, состоявшимся въ отвѣтъ на вопросъ, который былъ ей предложенъ верховною властью на обсужденіе: великій князь, замѣчаетъ оффиціальная запись, разумѣя, конечно, великую княгиню-правительницу, державшую государство подъ малолѣтнимъ сыномъ, «говорилъ съ бояры, пригоже ли съ королемъ взяти перемирье на время, и приговорилъ, что съ королемъ перемирье пригоже взяти». Строгій языкъ оффиціальныхъ актовъ затѣнялъ значеніе бояръ передъ авторитетомъ царя. Но когда царь говорилъ простымъ неоффиціальнымъ языкомъ, обѣ стороны являются въ другомъ освѣщеніи. Въ рѣчи, заготовленной для произнесенія на соборѣ 1551 года, Иванъ, вспоминая свой приговоръ о мѣстничествѣ въ думѣ 1549 года, съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что «всѣмъ бояромъ тотъ былъ приговоръ любъ». Собору, на которомъ присутствовали вмѣстѣ съ духовенствомъ князья и бояре, Иванъ указываетъ задачу все устроить по св. правиламъ и праотеческимъ законамъ, «на чемъ мы, святители, царь и всѣ, приговоримъ и уложимъ». Дума сама располагала порядкомъ обсужденія вопросовъ, стоявшихъ на очереди. Въ 1553 году царь, уѣзжая изъ Москвы, велѣлъ боярамъ промыслить объ устройствѣ только-что завоеванной Казани и потомъ сидѣть о кормленіяхъ; но они пустили впередъ ближе касавшійся ихъ вопросъ о кормленіяхъ, а «казанское строеніе поотложили», за что на нихъ жалуется лѣтописецъ. Въ XVI в. было формально утверждено политическое значеніе думы: боярскій приговоръ былъ признанъ необходимымъ моментомъ законодательства, черезъ который долженъ былъ проходить

каждый новый законъ, прибавлявшійся къ Судебнику. Согласно съ этимъ въ приговорѣ царя и бояръ 1555 г. о вольныхъ слугахъ, служившихъ безъ крѣпостей, читаемъ, что «бояре велѣли сіе въ Судебникъ написати, велѣли о вольныхъ людяхъ судити по сему». Точно также извѣстные частные акты, напримѣръ—укрѣпленіе новоприобрѣтенной вотчины за монастыремъ, не могли состояться безъ государева доклада и боярскаго приговора.

Боярское сидѣнье о кормленіяхъ въ 1553 году представляетъ интересъ не съ формальной только стороны, указывая, какъ бояре вели правительственныя дѣла въ думѣ. Рѣшеніемъ этого вопроса обнаружилась связь, существовавшая между политическимъ значеніемъ боярства, какъ оно выражалось въ дѣятельности думы, и между правительственнымъ положеніемъ всего класса, вершиной котораго было боярство. Мы видѣли, какимъ своеобразнымъ характеромъ отличалась областная администрація удѣльнаго времени, столь мало подлежавшая контролю сверху и снизу, со стороны какъ правительственнаго центра, такъ и мѣстнаго общества. Съ теченіемъ времени тотъ и другой контроль усиливался посредствомъ развитія доклада и участія мѣстнаго общества въ правительственной дѣятельности намѣстниковъ и волостелей. Существеннымъ элементомъ административной власти послѣднихъ, важнѣйшей статьей кормленія былъ, какъ извѣстно, судъ съ его пошлинами, такъ что въ понятіе суда вошли всѣ административныя функціи, а не однѣ собственно судебныя: *судить* значило управлять вообще, и о городахъ, подвѣдомственныхъ тому или другому приказу, говорили, что они у тѣхъ приказовъ «въ судѣ». Сущность боярскаго сидѣнья 1553 года о кормленіяхъ и состояла въ передачѣ судебной власти намѣстниковъ и волостелей выборнымъ земскимъ старостамъ, вмѣстѣ съ чѣмъ упразднялись и самыя кормленія *). Реформа эта, приводившаяся въ исполненіе постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, преимущественно въ 1555 году, вызвана была двусторонними неудобствами администраціи кормленщиковъ. Эти управители были слу-

*) Извѣстный приговоръ о кормленіяхъ и о службѣ (*Татищева* „Судебникъ, стр. 131) помѣченъ 20 сент. 1555 года. Но это не подлинный указъ, а его изложеніе, какое находимъ въ лѣтописномъ Никоновскомъ сводѣ, ч. 7, стр. 258 и слѣд. Во многихъ мѣстахъ реформа введена была раньше 20 сентября. „Арх. ист.-юрид. свѣд." г. *Калачова*, кн. 3, отд. III—въ разныхъ мѣстахъ. Отдѣльные опыты реформы по просьбѣ самихъ обществъ предпринимались и до 1553 года, какъ видно изъ уставной Важской грамоты 1552 года.

жилые, военные люди, обязанные ходить въ походы съ своими вооруженными дворнями. Ратныя обязанности дѣлали ихъ неудовлетворительными администраторами, а административныя занятія ослабляли ихъ военнопоходную годность. По административнымъ понятіямъ нашего времени можно было бы представить дѣло въ такомъ видѣ: правительство, признавъ неудовлетворительными прежніе органы областнаго управленія, замѣнило ихъ другими, отъ которыхъ ожидало лучшаго веденія дѣла, отставило своихъ служилыхъ кормленщиковъ и предоставило земскимъ мірамъ самимъ управлять собою. Но въ половинѣ XVI в. вопросъ поставленъ былъ нѣсколько иначе. Кормленія были не просто отмѣнены, а были *выкуплены*: земскія общества, освобождавшіяся отъ кормленщиковъ, облагались въ замѣну ихъ кормовъ новымъ оброкомъ, который шелъ на денежное жалованье служилымъ людямъ, тогда же разверстанное пропорціонально ихъ помѣстнымъ окладамъ, какъ это видно изъ довольно значительнаго количества книгъ помѣстнаго и денежнаго верстанья, сохранившихся отъ второй половины XVI в. Поэтому эмансипація извѣстнаго общества отъ намѣстника или волостеля вмѣстѣ съ новымъ оброкомъ называлась «кормленымъ окупомъ или откупомъ». Значитъ, за тѣмъ классомъ, изъ котораго выходили кормленщики, было признано нѣкоторое *владѣльческое* право на кормленія, подобное тому, какое входило въ юридическій составъ помѣстнаго владѣнія. Въ исторіи кормленій и помѣстій можно найти не одну сходственную черту. Такъ въ XV и XVI в. повинности кормленія служили замѣной помѣстныхъ: извѣстныя села и деревни запрещено было отдавать помѣщикамъ, потому что съ нихъ спеціально шелъ кормъ извѣстному намѣстнику. Съ другой стороны, еще въ древней Руси возникла мысль о такомъ же точно выкупѣ помѣстій, какъ выкуплены были въ XVI в. кормленія. Она принадлежала извѣстному либералу и любимцу царевны Софьи кн. В. В. Голицыну. Иностранецъ Нёвилль, получившій свѣдѣнія объ этомъ проектѣ изъ вторыхъ рукъ, передаетъ его неполно и неясно, говоря, что кн. Голицынъ думалъ освободить крестьянъ, предоставивъ имъ земли, ими обработываемыя, за извѣстный оброкъ, который по разсчету князя увеличилъ бы доходъ казны болѣе чѣмъ на половину; въ другомъ мѣстѣ, говоря о жалованьи служилыхъ людей, которое выдавалось на половину мѣхами, Нёвилль прибавляетъ, что князь задумывалъ производить всѣ казенные платежи на деньги, что было бы выгодно и казнѣ, и слу-

жилымъ людямъ *). Этотъ планъ построенъ былъ на тогдашнемъ положеніи служилаго землевладѣнія вотчиннаго и помѣстнаго. То и другое одинаково подлежало ратной повинности, было владѣніемъ обязаннымъ, условнымъ, и различіе между тѣмъ и другимъ все болѣе сглаживалось. Издавна установилось въ помѣстьяхъ и вотчинахъ хозяйственное и частью податное раздѣленіе земли на барскую пашню и крестьянскіе участки. Поземельное прикрѣпленіе узаконило это раздѣленіе, запретивъ брать крестьянина съ участка, къ которому онъ приписанъ, и слѣдовательно брать изъ-подъ крестьянина участокъ, который за нимъ записанъ. Это упрощало операцію, впослѣдствіи чрезвычайно затруднившуюся вопросомъ о надѣлахъ, когда исчезло прежнее различіе между барской и крестьянской пашней. Какъ средство матеріальнаго обезпеченія служилаго класса, вотчинное и помѣстное землевладѣніе служило замѣной денежнаго жалованья. Опираясь на указанное раздѣленіе земель, планъ Голицына возстановлялъ это жалованье, точнѣе говоря—увеличивалъ существовавшіе уже оклады, черпая нужныя для того средства изъ казеннаго оброка, которымъ облагались владѣльческіе крестьяне за предоставленную имъ землю взамѣнъ платежей и повинностей въ пользу владѣльцевъ. Вотчинныя и помѣстныя земли предполагалось выкупить, какъ въ XVI в. выкуплены были кормленія, и слѣдовательно въ послѣднихъ признавалось такое же, какъ и въ первыхъ, сословное право служилыхъ людей, вытекавшее изъ ихъ сословной служебной повинности. Но таково же было и одно изъ основаній, на которомъ держалась правительственная дѣятельность боярства, бывшая высшимъ родомъ государственной службы сословія.

Если мы припомнимъ, что обширное дворцовое вѣдомство поставлено было какъ-то въ сторонѣ отъ центральной государственной администраціи при ея новомъ устройствѣ и сановники перваго были случайнымъ и малозамѣтнымъ элементомъ въ составѣ учрежденія, стоявшаго во главѣ послѣдней, то все управленіе представится намъ раздѣленнымъ на двѣ сферы, собственно государеву и государственную, изъ которыхъ одной государь руководилъ непосредственно, а другой черезъ посредство думы. Съ теченіемъ времени правительственная практика установила много переплетавшихся связей между той и другой; но и въ XVII в. можно еще замѣтить различіе между обѣими, слѣдя за тѣмъ, от-

*) Relation curieuse et nouvelle de Moscovie, 1698 года, стр. 215 и 219.

куда исходятъ распоряженія по дѣламъ «земскимъ» и собственно государевымъ, хотя тѣ и другія часто идутъ однимъ и тѣмъ же административнымъ путемъ, исполняются одними и тѣми же учрежденіями. Къ числу такихъ связей принадлежало учрежденіе, существованіе котораго едва замѣтно по правительственнымъ актамъ XVI и XVII в., но которое было довольно дѣятельною пружиной тогдашняго управленія. Это былъ особый совѣтъ, существовавшій при государѣ помимо боярской думы.

Первое дошедшее до насъ извѣстіе объ этомъ совѣтѣ пущено въ ходъ строптивымъ совѣтникомъ великаго князя Василія, И. Н. Берсенемъ-Беклемишевымъ, подвергшимся опалѣ за какое-то возраженіе государю въ думѣ. Терпя эту невзгоду, онъ въ потаенной бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ жаловался на то, что государь разрушаетъ политическую старину, вводитъ новые государственные порядки, стариковъ не почитаетъ. На возраженіе Максима, что политическіе обычаи мѣняются сообразно съ государственными интересами и удобствами, Иванъ Никитичъ замѣтилъ: «а все лучше старыхъ обычаевъ держаться, людей жаловать и стариковъ почитать; а нынѣшній государь, запершись самъ-третей у постели, всѣ дѣла дѣлаетъ». Было бы большой неосторожностью принять эти слова въ буквальномъ смыслѣ и подумать, что отецъ Грознаго лишилъ боярскую думу усвоеннаго ей давнимъ обычаемъ участія въ управленіи и рѣшалъ всѣ государственные вопросы помимо ея съ какими-то двумя-тремя приближенными, къ тому же дьяками. Читая бесѣды Берсеня съ Максимомъ, какъ онѣ воспроизведены въ слѣдственномъ дѣлѣ объ опальномъ совѣтникѣ, легко замѣтить, что послѣдній съ горя или досады изображалъ каррикатурно непріятныя ему лица и явленія того времени. Современникъ его митрополитъ Даніилъ былъ однимъ изъ самыхъ начитанныхъ и учительныхъ пастырей русской церкви, сколько можно судить о немъ по его твореніямъ. Но онъ былъ осифлянинъ, политическій сторонникъ великаго князя,— и опальный представитель боярской оппозиціи, съ большой ироніей отзываясь объ этомъ владыкѣ, въ той же бесѣдѣ съ Максимомъ между прочимъ сказалъ о немъ, что отъ него учительнаго слова не услышишь. Такую же каррикатуру можно подозрѣвать и въ Берсеневомъ извѣстіи о привычкѣ великаго князя Василія рѣшать всѣ государственныя дѣла втроемъ въ спальнѣ.

Изъ источника болѣе спокойнаго мы узнаемъ составъ и значеніе этой спальни или этого кабинета великаго князя. Какой-то

близкій ко двору современникъ очень живо и подробно описалъ послѣдніе дни жизни великаго князя Василія. Заболѣвъ тяжело въ одну изъ своихъ охотничьихъ поѣздокъ, великій князь спѣшитъ сдѣлать обычныя предсмертныя распоряженія, прежде всего составить духовную. Духовная для московскаго государя XVI вѣка была на половину государственнымъ и на половину домашнимъ, семейнымъ актомъ, во всякомъ случаѣ дѣломъ совсѣмъ не текущимъ. Изъ того, какъ это дѣло дѣлалось, именно не слѣдуетъ заключать, что такъ дѣлались всякія дѣла высшаго управленія. Слѣдя за порядкомъ веденія этого экстреннаго дѣла, прежде всего встрѣчаемъ интимный совѣтъ, ближнюю думу умирающаго государя, притомъ въ различныхъ видахъ, узнаемъ, какъ и изъ кого она составляется и даже частію какъ она относится къ большой государственной думѣ бояръ. Въ Волоколамскѣ больной Василій совѣтуется съ Шигоной и дьякомъ Путятинымъ о томъ, кого бы изъ сопровождавшихъ его бояръ пустить въ думу о духовной. Значитъ, великій князь обсуждаетъ дѣло самъ-третей въ своей спальнѣ. Но Шигона и Путятинъ были люди немалые въ управленіи и не потому только явились первыми совѣтниками у постели великаго князя, что были его любимцами. Путятинъ, кажется, занималъ должность дворцоваго дьяка, а И. Ю. Шигона Поджогинъ былъ бояринъ, членъ стариннаго и очень хорошаго боярскаго московскаго рода, другіе вѣтви котораго, Бѣлеутовы, Хабаровы-Симскіе и др., стояли далеко не въ послѣднихъ рядахъ московской знати; притомъ Шигона занималъ должность тверскаго и ростовскаго дворецкаго, а слѣдовательно оба они завѣдывали дѣлами дворцоваго хозяйства, которыхъ прежде всего касалась духовная. Потомъ на этомъ тайномъ совѣтѣ втроемъ только то и было рѣшено, что такого экстреннаго дѣла, какъ духовное завѣщаніе, нельзя сдѣлать безъ бояръ. Воротившись въ Москву, великій князь собираетъ чрезвычайное засѣданіе думы, на которомъ приказываетъ писать духовную и говоритъ боярамъ о малолѣтнемъ своемъ наслѣдникѣ и о томъ, какъ строиться царству послѣ него, великаго князя. Обсуждались, очевидно, дѣла великой важности для государя и государства; но въ этомъ обсужденіи изъ 20 бояръ слишкомъ, которые значатся по списку того года, сначала участвовали только пятеро; потомъ великій князь призвалъ, «прибавилъ къ себѣ въ думу къ духовной грамотѣ» еще троихъ. Бояре, очевидно, приглашались на засѣданіе не по степени ихъ знатности, а по степени ихъ близости къ

государю или надобности ихъ въ данномъ случаѣ: князь И. В. Шуйскій приглашенъ послѣ дворецкаго Шигоны и казначея Головина, которые стояли на много ступеней ниже его по разрядамъ, но по должностямъ своимъ были нужнѣе его при обсужденіи правительственныхъ и особенно хозяйственныхъ подробностей завѣщанія. Князь М. Л. Глинскій стоялъ по разрядамъ очень высоко, но былъ человѣкъ пріѣзжій, еще не освоившійся въ московской боярской средѣ; великій князь призвалъ его послѣ всѣхъ, напередъ поговоривъ объ этомъ съ другими боярами, и призвалъ только потому, что онъ былъ родня великой княгинѣ, человѣкъ близкій къ семейству, судьба котораго устроялась въ духовной. Но этимъ засѣданіемъ не все кончилось. Черезъ нѣсколько дней собрались къ больному *всѣ* бояре. Многіе изъ нихъ, кого не было въ Москвѣ, поспѣшили возвратиться, услыхавъ о болѣзни государя, и такимъ образомъ у постели умирающаго Василія составилось собраніе боярской думы, какого по полнотѣ вѣроятно не бывало прежде во все его княженіе. Здѣсь государь опять говорилъ о сынѣ-наслѣдникѣ, о земскомъ строеніи, т.-е. повторилъ передъ всѣми боярами сущность того, о чемъ шла рѣчь на тайномъ совѣщаніи, передалъ собственно политическую часть составленной на немъ духовной. Бесѣду свою онъ закончилъ признаніемъ, что видитъ въ боярахъ главныхъ дѣльцовъ земскаго дѣла, самую надежную опору государственнаго порядка и малолѣтняго сына. «Мы вамъ прирожденные государи,—говорилъ больной думнымъ людямъ, — а вы наши извѣчные бояре; такъ постойте, братья, крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на государствѣ государемъ и была бы въ землѣ правда; будьте всѣ сообща, дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте заодинъ». Такъ говорилъ передъ смертью московскій государь, о которомъ при его жизни и послѣ разсказывали, что онъ лишилъ бояръ голоса въ высшемъ государственномъ управленіи, всѣ дѣла рѣшалъ у себя въ спальнѣ съ двумя-тремя любимцами.

Такимъ является тѣсный кабинетъ при великомъ князѣ Василіи. Это не дума втроемъ: самъ-третей великій князь только обсуждаетъ выборъ бояръ для тайнаго совѣщанія. Подумать объ этомъ надобно было прежде всего: тогда этотъ кабинетъ едва ли имѣлъ опредѣленный постоянный составъ; члены его назначались особо для каждаго совѣщанія и должны были мѣняться по свойству подлежавшихъ обсужденію вопросовъ и по другимъ причинамъ. Еслибы были постоянные члены кабинета, больной Василій Ива-

новичъ не сталъ бы спрашивать у Шигоны и Путятина, кого изъ бояръ позвать на совѣщаніе о духовной. Порядокъ веденія дѣлъ въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ того времени достаточно объясняетъ побужденія, заставлявшія созывать особый тайный совѣтъ. Боярская дума слушала доклады по всѣмъ частямъ государственнаго управленія и давала на нихъ резолюціи, утверждавшіяся государемъ, если приговоръ состоялся безъ него. Предварительная разработка вопроса, подготовка основаній для резолюціи лежала на докладчикѣ или поручалась тому приказу, который могъ дать нужныя справки. Но возникали вопросы экстреннаго, такъ сказать, учредительнаго свойства, которые не устанавливались въ колею обычнаго дѣлопроизводства и доложить о которыхъ въ думѣ не пришлось бы никому изъ управляющихъ отдѣльными вѣдомствами. Иниціатива законодательной постановки такого вопроса, какъ бы онъ ни возбуждался, принадлежала верховному предсѣдателю думы, государю. Но самая важность или сложность такихъ вопросовъ дѣлала необходимымъ предварительное ихъ обсужденіе, чтобы, предлагая ихъ на разсмотрѣніе думѣ, можно было не только «мысль свою объявить», какъ выразился Котошихинъ, но и мотировать ее, какъ говорятъ въ наше время, дать дѣлу извѣстное направленіе. Съ другой стороны, появлялись важные вопросы, касавшіеся не общаго государственнаго управленія, а болѣе тѣсной придворной сферы; они обыкновенно не шли въ думу, а разрѣшались непосредственно самимъ государемъ. Не думѣ было обсуждать, какъ обрядить какое-нибудь необычное торжество при дворѣ или богомольную поѣздку государя, какъ на всякій случай устроить изъ дворцовыхъ доходовъ матеріальное положеніе княгини или засидѣвшейся великой княжны; но поговорить объ этомъ необходимо было съ тѣми или другими совѣтниками. Въ обоихъ случаяхъ государь обращался къ тѣмъ изъ нихъ, кто стоялъ къ нему ближе или лучше другихъ могъ «къ тому дѣлу дать способъ», т.-е. кто въ его глазахъ былъ къ тому способенъ. Обыкновенно это были тѣ же думные люди; но они становились въ такихъ случаяхъ тайными совѣтниками государя не въ силу своего оффиціальнаго званія думныхъ людей, государственныхъ совѣтниковъ, а по личному усмотрѣнію или довѣрію къ нимъ государя, и потому между ними могли появляться лица, не сидѣвшія въ боярской думѣ. Такимъ образомъ составъ этого совѣта вполнѣ зависѣлъ отъ воли государя, тогда какъ въ выборѣ членовъ думы онъ сообра-

жался съ боярскимъ отечествомъ, съ родословной очередью, жаловалъ многихъ въ бояре не по личной оцѣнкѣ, а по аристократическому старшинству,—«не по разуму ихъ, а по великой породѣ». Въ первоначальномъ видѣ такой совѣтъ нельзя даже назвать учрежденіемъ: это была частная предварительная справка государя о дѣлѣ у близкихъ или свѣдущихъ людей, имѣвшая больше нравственное, чѣмъ политическое значеніе, оставлявшая слѣдъ во взглядѣ, въ настроеніи государя, а не въ протоколѣ; вотъ почему въ правительственныхъ актахъ этотъ совѣтъ почти незамѣтенъ. Легко понять, что онъ не устранялъ обычной правительственной дѣятельности большой боярской думы, хотя долженъ былъ имѣть большое косвенное вліяніе на эту дѣятельность. Судя по изложенному выше разсказу, рѣшенія по дѣламъ обще-государственнаго характера, принятыя въ тайномъ совѣтѣ, сообщались боярской думѣ по крайней мѣрѣ къ свѣдѣнію, если не для вторичнаго обсужденія. Но это были рѣдкія, особо-важныя дѣла, выходившія изъ ряда текущихъ дѣлъ думы. Государь обсуждалъ ихъ съ тайными совѣтниками не для того, чтобъ обойтись безъ содѣйствія думы, а для того, чтобы возбудить въ думѣ вопросъ о нихъ, котораго помимо его никто не могъ здѣсь поднять. Проводя въ думѣ мнѣніе, внушенное тайнымъ совѣтомъ, государь, разумѣется, дѣйствовалъ на бояръ только своимъ личнымъ авторитетомъ, не имѣя никакой нужды подкрѣплять его указаніемъ на то, что такъ высказались его тайные совѣтники. Государю нужно было предварительное совѣщаніе съ послѣдними, чтобы подготовить свое собственное мнѣніе, съ которымъ онъ являлся въ думу, а не для того, чтобы подготовить приглашенныхъ на тайный совѣтъ членовъ этой думы къ своему предложенію.

При совершенно сходныхъ обстоятельствахъ и съ такимъ же значеніемъ является тѣсный совѣтъ въ царствованіе Грознаго. Въ 1553 г., опасно занемогши, царь поспѣшилъ составить духовную и привести бояръ къ присягѣ на имя малолѣтняго царевича Димитрія. Для этого сначала призваны были въ думу нѣкоторые бояре. Послѣ засѣданія, полнаго шумныхъ пререканій, большинство приглашенныхъ присягнуло. Эту думу лѣтописецъ ясно отличаетъ отъ думы всѣхъ бояръ, разсказывая, что на другой день послѣ того, какъ царь привелъ къ присягѣ *ближнихъ* бояръ, онъ призвалъ *всѣхъ* своихъ бояръ и пригласилъ ихъ къ присягѣ. Къ началу тогдашняго 1553 года по списку значилось

47 бояръ и окольничихъ, не считая думныхъ дворянъ и другихъ членовъ думы, а на совѣтъ ближнихъ людей, сколько можно судить о томъ по неясному разсказу лѣтописи, приглашены были 9—12 бояръ, 1 окольничій, 1 думный дьякъ и 2 думныхъ дворянина изъ бывшихъ спальниковъ, которые явились къ присягѣ уже послѣ засѣданія предварительной думы. Этотъ совѣтъ въ дипломатическихъ актахъ времени Грознаго и называется *ближнею думой*. Такъ въ грамотѣ цесаревымъ посламъ 1575 г. царь пишетъ о Н. Р. Юрьевѣ, кн. В. А. Сицкомъ и дьякѣ ближнемъ А. Щелкаловѣ, что посылалъ къ нимъ, посламъ, для переговоровъ «бояръ, ближнюю свою думу»; думные дворяне Зюзинъ и Черемисиновъ, бывшіе въ числѣ уполномоченныхъ при заключеніи перемирія съ Баторіемъ въ 1579 г., названы «ближніе думы дворянами». Котошихинъ объясняетъ значеніе этихъ терминовъ и частію составъ самого учрежденія. По его словамъ, «ближній» бояринъ или окольничій—только дипломатическое названіе бояръ и окольничихъ, которые состояли прежде спальниками при царѣ, жили въ его комнатѣ; ихъ потому и звали при дворѣ «комнатными» боярами и окольничими. Они носили званіе ближнихъ, «потому что отъ близости пожалованы». *Комната* была честью, отличіемъ, возвышавшимъ извѣстный служебный чинъ, и въ родословныхъ росписяхъ фамилій среднихъ статей тщательно отмѣчалось, кто былъ пожалованъ «въ комнату». Комнатные стольники были выше простыхъ, потому что изъ простыхъ иногда жаловали въ комнатные. Ближняя дума не состояла исключительно изъ людей думныхъ чиновъ, по крайней мѣрѣ при Грозномъ. Ни въ XVI, ни въ XVII в. по документамъ не видимъ духовныхъ лицъ въ числѣ постоянныхъ членовъ большой думы; но есть нѣкоторое основаніе предполагать, что знаменитый священникъ Сильвестръ имѣлъ мѣсто на засѣданіяхъ ближняго государева совѣта. Изображая огромное вліяніе, какимъ онъ пользовался при дворѣ и въ управленіи, лѣтописецъ замѣчаетъ, что Сильвестръ былъ у государя «въ великомъ жалованьи и совѣтѣ духовномъ и въ *думномъ*» *).

*) Акт. А. Эксп. т. I, стр. 142. П. С. Р. Лѣт. VI, стр. 268 и сл. Царств. кн., стр. 339—343. Пам. дипл. снош. т. I, стр. 501. *Котош.* 20. Трудно разобрать, что разумѣлъ кн. Курбскій подъ „избранной радой“, какъ называются у него совѣтники, подобранные царю Ивану Сильвестромъ и Адашевымъ послѣ московскаго пожара 1547 г. Названіе напоминаетъ ближнюю думу; но приписываемый радѣ кругъ правительственныхъ дѣлъ собственно не принадлежалъ ближ-

Съ царствованія Грознаго ближняя дума не разъ мелькаетъ въ своихъ и иностранныхъ извѣстіяхъ о высшемъ московскомъ управленіи. Она повидимому носила еще названіе *тайной думы:* въ московскомъ переводѣ письма эрцгерцога австрійскаго Максиміліана къ Б. Ѳ. Годунову 1587 г. этотъ ближній бояринъ названъ «начальнымъ тайные думы думцемъ». Флетчеръ, разсказывая о боярской думѣ царя Ѳедора Ивановича, говоритъ очень неясно и сбивчиво; но самая эта сбивчивость не лишена нѣкотораго интереса. Онъ различаетъ бояръ думныхъ и простыхъ недумныхъ; послѣднимъ титулъ бояръ дается больше для почета, потому что на *общій* совѣтъ ихъ приглашаютъ рѣдко или никогда не приглашаютъ. Думные бояре—это тѣ, которые на самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ *особому* тайному совѣту царя, собирающемуся ежедневно для обсужденія государственныхъ дѣлъ *). Перечисливъ поименно думныхъ людей, которыхъ было 31, Флетчеръ прибавляетъ, что всѣ они принадлежатъ къ особому совѣту царя, хотя немногіе изъ нихъ приглашаются на совѣщанія, потому что всѣ дѣла обсуждаются и рѣшаются Б. Ѳ. Годуновымъ, братомъ царицы, съ 5 или 6 другими лицами, которыхъ онъ заблагоразсудитъ призвать. Выходитъ, что кромѣ общаго былъ еще особый частный совѣтъ у государя, что члены только этого особаго совѣта, собиравшагося правильно каждый день, носили званіе думныхъ бояръ и однако большинство ихъ, какъ и бояръ недумныхъ, не приглашали на засѣданія, что, наконецъ, собирался еще совѣтъ, состоявшій изъ Годунова съ нѣсколькими по его усмотрѣнію назначаемыми лицами, который собственно и рѣ-

---

ней думѣ: Курбскій разумѣлъ, очевидно, то „земское строеніе и ратныя дѣла", что вѣдалъ государь съ совѣтомъ „всѣхъ бояръ". Вѣроятнѣе, что Курбскій имѣлъ въ виду большую думу: огромное большинство бояръ и окольничихъ, съ которыми царь дѣйствовалъ въ началѣ 1550-хъ годовъ, назначено было въ думу уже послѣ пожара, когда Сильвестръ получилъ значеніе при дворѣ. Самъ Курбскій въ перечнѣ жертвъ Ивановой жестокости одного М. Я. Морозова называетъ членомъ избранной рады: это одинъ изъ ближнихъ бояръ 1553 г. Сказ. кн. *Курбскаго*, 11 и 115.

*) Of the Russe Common Wealth, chapt. 11: They which are of his speciall and privie counsell indeed (whom hee useth daily and ordinarly for all publique matters perteining to the state), have the addition of *dumnoy* and are named *dumnoy boiaren* or lords of the counsell. Учрежденіе или засѣданіе этихъ лордовъ совѣта (their office or sitting) Флетчеръ называетъ *boarstva dumna*. Если подъ этими звуками скрывается *боярская дума,* то, значитъ, этотъ терминъ, не встрѣчающійся въ нашихъ памятникахъ, употреблялся на языкѣ московскаго общества XVI в.

шалъ всѣ дѣла. Флетчеръ, очевидно, перепуталъ сдѣланныя ему сообщенія. Иностранцы въ своихъ запискахъ о Московіи обыкновенно называютъ боярами и тѣхъ недумныхъ придворныхъ сановниковъ, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, которыхъ они встрѣчали въ нарядномъ платьѣ, идя представляться государю; такъ, можетъ-быть, они и величались въ просторѣчіи, на неоффиціальномъ языкѣ. Флетчеру говорили въ Москвѣ, что эти сановники—не думные люди, хотя и зовутся боярами, что настоящіе бояре тѣ, которые каждый день съѣзжаются въ боярскую думу, что есть еще ближняя дума, созываемая по временамъ изъ немногихъ лицъ, которыя принадлежатъ къ числу тѣхъ же думныхъ людей, и этою думой заправляетъ теперь Годуновъ, первый у государя человѣкъ, который у него всякія дѣла дѣлаетъ. Не разобравъ всѣхъ этихъ тонкостей, Флетчеръ не могъ хорошенько отличить общаго боярскаго совѣта отъ частной ближней думы; несмотря на то, его разсказъ, изображая Годунова дѣйствительнымъ предсѣдателемъ и руководителемъ особаго тѣснаго совѣта, лучше всего объясняетъ выраженіе Максимиліанова письма, въ которомъ Борисъ названъ начальнымъ думцемъ тайной думы. О ближней думѣ Бориса, когда онъ былъ уже царемъ, Маржеретъ говоритъ, что въ случаѣ дѣлъ важныхъ собирался тайный совѣтъ, состоявшій обыкновенно изъ близкихъ царскихъ родственниковъ. Присутствіе царской или царицыной родни—особенность ближней думы, объясняющаяся самымъ характеромъ этого полугосударственнаго и полудомашняго совѣта царя, а въ началѣ царствованія Бориса встрѣчаемъ 8 членовъ его фамиліи въ званіи бояръ и окольничихъ. Описаніе ближней думы царя Алексѣя у Котошихина совершенно согласно съ извѣстіями иностранцевъ о тайномъ совѣтѣ прежнихъ царей: эта дума созывалась, когда царю нужно было о чемъ-нибудь «мыслить тайно»; она состояла изъ однихъ ближнихъ бояръ и окольничихъ; изъ прочихъ думныхъ людей имѣлъ доступъ «въ тое полату въ думѣ» лишь тотъ, кто получалъ особое приглашеніе. Рейтенфельсъ, бывшій въ Москвѣ въ концѣ царствованія Алексѣя, отличалъ еще комнатныхъ бояръ, какъ особенно довѣренныхъ совѣтниковъ, отъ простыхъ, хотя подобно Флетчеру и другимъ дѣлилъ боярство на думное и недумное; но въ концѣ вѣка, когда прежнее московское управленіе уже разрушалось, Корбъ называетъ тайнымъ совѣтомъ то, что оставалось тогда отъ прежней боярской думы. Въ началѣ XVIII в.

названія, заимствованныя частію отъ тайной ближней думы, носятъ учрежденія очень мало на нее похожія *).

Во все время своего существованія, насколько оно извѣстно, ближняя дума сохраняла одинаковый характеръ, соотвѣтствовавшій ея происхожденію. Она созывалась, когда государю нужно было о чемъ-нибудь помыслить тайно съ ближайшими довѣренными совѣтниками. Потребность въ такихъ тайныхъ совѣщаніяхъ вызывалась перемѣнами, происшедшими въ высшемъ московскомъ управленіи. Московскіе государи, во всемъ крѣпко державшіеся дѣдовской пошлины удѣльныхъ вѣковъ, теперь видѣли себя въ совершенно новой правительственной обстановкѣ. Рядомъ съ прежними дворцовыми учрежденіями воздвиглось новое зданіе государственнаго управленія съ новыми органами и задачами; надъ государевымъ дѣломъ поднялось дѣло земское. Прежніе привычные совѣтники, дворцовые бояре введенные, не всѣ и не всегда имѣли мѣсто въ боярской думѣ, а новые думные люди вѣдали не дворцовыя дѣла. Ближняя дума связывала старую дворцовую сферу съ государственной, государево дѣло съ дѣльцами земскаго; какъ прежде изъ дворцовыхъ совѣтниковъ составлялся при князѣ совѣтъ по государственнымъ дѣламъ, такъ теперь изъ государственныхъ совѣтниковъ составлялся особый дворцовый совѣтъ по дѣламъ, наиболѣе близко касавшимся государя. Легко замѣтить черты сходства этого особаго кабинета государева съ прежней думой бояръ введенныхъ: тотъ и другая обыкновенно состояли изъ очень ограниченнаго круга лицъ; въ томъ и въ другой выборъ этихъ лицъ зависѣлъ исключительно отъ усмотрѣнія государя, руководившагося при этомъ прежде всего довѣріемъ къ призываемому совѣтнику; тотъ и другой совѣтъ имѣли характеръ экстреннаго совѣщанія по дѣламъ, выходившимъ изъ ряда текущихъ; наконецъ, даже самое названіе «введеннаго», которое носили совѣтники князя удѣльнаго времени, является въ актахъ XVI в. синонимомъ «ближняго», какъ назывались члены тайнаго совѣта московскаго государя. Но если чувствовали потребность имѣть такой особый совѣтъ рядомъ съ думой всѣхъ бояръ, то, очевидно, признавали за послѣдней не то значеніе, не тѣ задачи и свойства, какія имѣлъ первый: значитъ, признавали, что составъ ея не

*) *Ближняя канцелярія* въ русскихъ актахъ и *тайный совѣтъ* у Плейера въ запискѣ 1710 г.—Пам. дипом. снош. т. I, стр. 973. *Устрялова* Сказ. совр. о Димитріи Самозванцѣ, т. III, стр. 35. *Котошихина*, стр. 20. *Рейтенфельса* въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1839 г., іюль, стр. 26 *Дневникъ Корба*, стр. 277 и 316.

вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія государя, а долженъ согласоваться съ боярской іерархіей, что эта дума есть постоянно дѣйствующее учрежденіе, которое направляетъ текущія дѣла, что и дѣла особо важныя должны проходить чрезъ него же, хотя бы они были уже обсуждены въ ближней думѣ,—словомъ, что это не государевъ только, но и государственный совѣтъ. Но въ этихъ именно свойствахъ думы всѣхъ бояръ и выражалось политическое значеніе боярства при его новомъ составѣ. Потому слѣды ближней думы и появляются со второй половины XV вѣка: уже въ актахъ княженія Ивана III нѣкоторые московскіе бояре называются ближними. Легко понять однако, что ближній совѣтъ, оставаясь частнымъ и предварительнымъ, долженъ былъ имѣть большое вліяніе на общую думу: когда государь приносилъ въ послѣднюю мнѣніе, внушенное тайными совѣтниками, его политическій авторитетъ и служилое приличіе обыкновенно заставляли бояръ соглашаться съ нимъ. Только на это вліяніе имѣлъ основаніе жаловаться Берсень въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ, а не на устраненіе боярской думы отъ дѣлъ ближнею думой государя втроемъ въ спальнѣ.

В. Ключевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

КЕСАРЬ.

РОМАНЪ

Георга Эберса.

Глава третья *).

Антиной между тѣмъ бродилъ въ многолюдной толпѣ, разыскивая своего повелителя.

Замѣтивъ гдѣ-либо двѣ особенно высокія мужскія фигуры, онъ немедленно слѣдовалъ за ними, но каждый разъ скоро убѣждался въ своей ошибкѣ.

Серьезное и продолжительное напряженіе силъ было несвойственно его натурѣ. Почувствовавъ утомленіе, онъ бросилъ поэтому поиски и присѣлъ на каменной скамейкѣ въ саду Панеума.

Два философа-циника съ растрепанными волосами, всклокоченною бородой и изодранными плащами, едва прикрывавшими ихъ грязные, прозябшіе члены, помѣстились рядомъ съ нимъ. Мудрецы эти громко насмѣхались надъ поклоненіемъ внѣшности и грубымъ удовольствіямъ, проявлявшимся повсюду въ этотъ праздничный день, и безпощадно бичевали жалкихъ рабовъ чувственности, которые видѣли, по ихъ мнѣнію, конечную цѣль бытія не въ добродѣтели, а въ матеріальныхъ наслажденіяхъ и призрачномъ блескѣ.

Чтобъ этотъ разговоръ былъ слышенъ окружающимъ, собесѣдники все болѣе и болѣе возвышали голосъ, причемъ старшій изъ нихъ сильно потрясалъ своей суковатою дубинкой, словно защищаясь отъ нападающаго врага.

*) *Русская Мысль*, кн. IX.

Отталкивающій видъ, грубое обращеніе и крикливые голоса этихъ людей оскорбляли изящную натуру Антиноя.

Замѣтивъ, что разглагольствованія циниковъ преимущественно относились къ нему, юноша поднялся, чтобъ уйдти; въ слѣдъ ему раздались насмѣшки надъ его женственной осанкой и тщательно умащенными волосами.

Виѳинянинъ не счелъ нужнымъ отвѣчать на эти бранныя рѣчи, какъ онѣ его ни возмущали; онъ подумалъ, что общество такихъ философовъ не мало позабавило бы императора.

Безцѣльно и лѣнивo побрелъ онъ дальше.

Улица, открывавшаяся передъ нимъ, направлялась къ морскому берегу, а оттуда уже невозможно было, думалось ему, не найти дороги на Лохію.

Едва смерклось, онъ дѣйствительно стоялъ у порога привратницкой. Здѣсь добродушная Дорида сообщила ему, что римляниnъ и Поллуксъ еще не возвращались.

«Что же,—подумалъ юноша,—стану я дѣлать одинъ въ огромномъ пустомъ дворцѣ? Сегодня даже рабы освобождены отъ всякихъ обязанностей. Почему же бы и мнѣ, хотя однажды, не насладиться жизнію, не стѣсняясь чужимъ произволомъ?»

Онъ снова вышелъ на улицу. Отрадно было для него сознаніе, что теперь онъ самъ себѣ господинъ и можетъ держать путь, куда самъ вздумаетъ. Проходя мимо лавки торговца букетами, въ такомъ пріятномъ настроеніи духа, онъ снова принялся мечтать о Селенѣ и букетѣ, который, безъ сомнѣнія, давно уже долженъ былъ находиться въ ея рукахъ.

Сегодня поутру слышалъ онъ отъ Поллукса, что дочь управителя находится на попеченіи христіанъ въ саду вдовы Пудента, близъ морскаго берега. Онъ запомнилъ каждое слово оживленнаго разсказа ваятеля о томъ, какъ ему случилось увидать Селену, заглянувъ изъ сада въ освѣщенное окно. «Какъ прекрасна была она!—воскликнулъ при этомъ Поллуксъ. — Никогда не казалась мнѣ эта дѣвушка такъ дивно-хороша, какъ въ этотъ разъ, покоющаяся на постели».

Слова эти припомнились теперь Антиною и въ немъ зажглось желаніе попытаться еще разъ увидать ту дѣвушку, образъ которой завладѣлъ его сердцемъ и умомъ.

Уже стемнѣло и тотъ самый свѣтъ, который однажды дозволилъ ваятелю взглянуть на Селену, могъ оказать ту же услугу и ему.

Это отрадное соображеніе исполнило рѣшимости мечтательнаго юношу и, возбужденный страстнымъ желаніемъ, онъ нанялъ первыя попавшіяся носилки.

Какъ неповоротливы казались ему черные носильщики! Болѣе чѣмъ недѣльный ихъ заработокъ перебросалъ онъ имъ во время пути, чтобы побудить ихъ двигаться скорѣе. Наконецъ-то цѣль была достигнута.

Но тутъ встрѣтилось досадное препятствіе: нѣсколько мужчинъ и женщинъ, въ бѣлыхъ одеждахъ, входили, въ минуту его приближенія, въ садъ; онъ приказалъ нести себя далѣе.

У входа въ узкій, темный переулокъ, который, направляясь къ морю, ограничивалъ владѣнія вдовы Пудента съ восточной стороны, Антиной сошелъ съ носилокъ и приказалъ рабамъ дожидаться на этомъ мѣстѣ.

Передъ калиткой попались ему еще двѣ бѣлыя фигуры и одинъ изъ тѣхъ циниковъ, съ которыми уже пришлось ему посидѣть рядомъ на скамьѣ, въ саду Панеума.

Онъ сталъ нетерпѣливо ходить взадъ и впередъ въ ожиданіи ухода этихъ людей и при этомъ не разъ вступалъ въ полосу свѣта факеловъ, укрѣпленныхъ у входа.

Ничто не могло ускользнуть отъ взгляда выпученныхъ глазъ костляваго циника.

— Вотъ онъ! — воскликнулъ этотъ мудрецъ, простирая по направленію къ виѳиніянину тощую руку съ вытянутымъ перстомъ.—Я знаю этого молодца!

Неизвѣстно, къ кому обращено было это восклицаніе, къ озадаченному ли юношѣ, или къ присутствовавшимъ христіанамъ.

— Чего ему здѣсь надо, этой нарядной куклѣ?—продолжалъ назойливый ораторъ.—Съ этой гладкой рожицей и съ серебрянымъ колчаномъ за плечами онъ, кажется, хочетъ изображать воплощенную любовь... Ну-ка, голубчикъ, убирайся отсюда подобру-поздорову! Здѣсь твое дѣло не выгоритъ,—здѣшнія женщины и дѣвушки не обезумѣютъ, любуясь на твои розовыя тряпки. Прочь, говорю я, или ты познакомишься съ рабами и собаками благородной Паулины! Гей, привратникъ, займись-ка этимъ малымъ!

Ничего не возразивъ на эти задорныя слова, Антиной неспѣшно возвратился къ своимъ носилкамъ.

«Что же?—завтра, если сегодня нельзя», подумалъ онъ; ему и въ голову не пришло искать иныхъ средствъ для достиженія той цѣли, къ которой онъ такъ горячо стремился.

Препятствіе, встрѣчавшееся ему на пути, переставало быть препятствіемъ, какъ скоро онъ отъ него уходилъ; бороться съ нимъ было ему несвойственно.

Носилокъ не оказалось тамъ, гдѣ оставилъ ихъ юноша; черные слуги позволили себѣ продвинуться далѣе въ темный переулокъ, ведущій къ морю; въ этомъ переулкѣ былъ со стороны сада всего одинъ домикъ, гдѣ жена рыбыка производила распивочную торговлю плохенькимъ пивомъ.

Антиной направился къ крытой аллеѣ изъ фиговыхъ шпалеръ, въ которой при свѣтѣ лампы отдыхали чернокожіе носильщики.

Въ переулкѣ было темно, но въ перспективѣ блистало море, облитое луннымъ свѣтомъ. Привлеченный плескомъ волнъ, юноша добрелъ до скалистаго берега и замѣтилъ здѣсь лодку, колыхавшуюся между двумя столбами; ему пришло на умъ, что домъ, гдѣ лежала Селена, могъ быть видѣнъ со стороны моря.

Развязать веревки, удерживавшія лодку, было не трудно. Исполнивъ это, онъ прыгнулъ въ челнокъ, положилъ подлѣ себя серебряные колчанъ и лукъ и оттолкнулся отъ берега. Мѣрные удары веселъ понесли его по направленію къ длинной полосѣ свѣта, которую луна оставляла, словно волнующееся серебряное кружево, на вершинахъ волнъ.

Тамъ былъ садъ вдовы Пудента.

Тамъ, въ этомъ бѣломъ домикѣ, вѣроятно, покоилась прекрасная, блѣдная Селена. Но какъ ни поворачивалъ онъ свою лодку, ему не удалось увидать окна, о которомъ разсказывалъ Поллуксъ.

«Нельзя ли,—подумалъ онъ, — найти мѣсто, гдѣ бы причалить и откуда можно бы пробраться въ садъ?»

У берега виднѣлись двѣ лодки, но вмѣщавшій ихъ, вымощенный камнемъ, каналъ былъ запертъ желѣзною рѣшеткой.

Рядомъ выдавалась въ море, окруженная изящною колоннадой, платформа, но высокія стѣны ея, отвѣсно спускаясь въ воду, не дозволяли думать о высадкѣ.

Юноша начиналъ уже отчаяваться, когда взоръ его упалъ на блестящую полосу между двумя пальмами, стройно поднимавшимися отъ одного корня.

Не лѣстница ли это изъ свѣтлаго мрамора, ведущая въ море?

Антиной погрузилъ въ волны правое весло, намѣреваясь привычною рукой дать лодкѣ новое направленіе, и, уменьшивъ уголъ согнутой руки, потянулъ къ себѣ рукоятку. Но онъ не довелъ

этого движенія до конца и даже уничтожилъ дѣйствіе его направленнымъ въ противоположную сторону ударомъ.

Поразительное явленіе внезапно приковало къ себѣ его вниманіе.

На ярко освѣщенной лучами мѣсяца платформѣ показалась одѣтая въ бѣлое фигура съ развѣвавшимися волосами.

Какъ странны были ея движенія!

Она то качалась изъ стороны въ сторону, то останавливалась и поднимала руки къ головѣ.

Антиной вздрогнулъ, невольно припомнивъ демоновъ, о которыхъ часто говорилъ императоръ. Это, по разсказамъ, были существа, занимавшія средину между богами и людьми и изрѣдка являвшіяся смертнымъ.

Или, можетъ-быть, не умерла ли Селена и эта бѣлая фигура не ея ли блуждающая тѣнь?

Юноша крѣпко сжалъ въ рукахъ рукоятки поднятыхъ теперь надъ водою веселъ и, наклонившись всѣмъ туловищемъ впередъ, тяжело дыша, сталъ всматриваться въ привидѣніе. Таинственная женщина достигла между тѣмъ колоннады, окружавшей платформу; онъ ясно видѣлъ, какъ она закрыла здѣсь лицо руками, потомъ перевѣсилась черезъ перила и наконецъ...

Какъ скатывается въ свѣтлыя ночи съ неба звѣзда, какъ осенью падаетъ съ дерева созрѣвшій плодъ, такъ бѣлая женская фигура рухнула съ высокой платформы. Громкій, отчаянный крикъ пронесся среди безмолвной тишины, одѣвшей міръ своимъ покровомъ, ночи; почти въ то же мгновенье зашумѣла, застонала, разступилась подъ своею жертвой влажная стихія и въ тысячахъ взлетѣвшихъ къ небу брызгъ отразились холодные и блестящіе, какъ всегда, лучи мѣсяца.

Куда дѣвалась сонливая мечтательность Антиноя?

Въ мгновеніе ока погрузилъ онъ свои весла въ воду, съ силою потянулъ ихъ къ себѣ и, быстро разсѣкая волны, устремился къ тому мѣсту, гдѣ еще виднѣлись расходившіеся все шире и шире круги. Фигура утопавшей черезъ нѣсколько секундъ послѣ ея паденія вынырнула подлѣ самой его лодки. Юноша бросилъ мѣшавшія ему весла.

Перевѣсившись черезъ бортъ челнока, онъ схватился за платье утопавшей и потянулъ ее къ себѣ. Это была несчастная женщина, а не какой-либо демонъ или тѣнь.

Ему удалось удержать ее на поверхности воды; но когда онъ попытался поднять ее выше, чтобы переложить къ себѣ въ лодку,

тяжесть, сосредоточенная на одной сторонѣ послѣдней, сдѣлалась слишкомъ велика, челнокъ опрокинулся и Антиной свалился въ море.

Вслѣдъ за нимъ упали туда же серебряные колчанъ и лукъ.

Виѳинянинъ былъ хорошимъ пловцомъ.

Не давъ бѣлой фигурѣ погрузиться снова, онъ обхватилъ ее правою рукой и поплылъ, стараясь, чтобы голова несчастной не погружалась болѣе въ воду, по направленію къ замѣченной имъ прежде лѣстницѣ.

Радостный крикъ вырвался изъ устъ его, когда онъ очутился передъ мраморными ступенями.

Взобраться на нихъ и взять спасенную имъ на обѣ руки было дѣломъ минуты. Достигнувъ быстрыми шагами платформы, юноша сложилъ свою мокрую, безжизненную ношу на первую попавшуюся ему здѣсь скамейку. У женщины вырвался слабый, болѣзненный крикъ,—крикъ, показавшій ему, что усилія не были напрасны, и чувство благодарной радости, словно теплою струей, согрѣло его прозябшіе члены.

Онъ осторожно положилъ руку между жесткою поверхностью мраморной скамьи и головой утопленицы.

Густые волосы мокрыми прядями, какъ разорванное покрывало изъ плотной ткани, спускались ей на лицо.

Онъ сталъ медленно откладывать ихъ сперва на правую, потомъ на лѣвую сторону, и вдругъ... вдругъ опустился на колѣни, словно пораженный внезапно прорѣзавшею безоблачное небо молніей. Передъ нимъ, облитая яркимъ свѣтомъ луны, лежала Селена; это были ея черты. Это блѣдное созданіе, которое онъ спасъ, была она,—она, которую онъ такъ любилъ.

Внѣ себя, дрожа съ головы до ногъ, Антиной привлекъ ее къ себѣ, чтобы приблизить ухо къ ея устамъ, чтобъ убѣдиться, не ошибся ли онъ, не сдѣлалась ли она все-таки жертвою безпощаднаго моря, чтобы почувствовать теплое дыханіе, проходившее черезъ ея холодныя, побѣлѣвшія, неподвижныя губы.

О, да, она дышала, она еще была жива!

Въ благодарномъ восторгѣ онъ прижался щекою къ ея щекѣ.

Она была холодна, какъ ледъ.

Свѣточь ея жизни догоралъ, но онъ не хотѣлъ, онъ не могъ, онъ не долженъ былъ дать ему угаснуть. Обдуманно, быстро и рѣшительно, какъ самый энергичный изъ людей, онъ снова поднялъ ее, положилъ, какъ ребенка, себѣ на руки и понесъ къ до-

мику, стѣны котораго бѣлѣлись изъ-за кустарника позади платформы.

Лампочка въ комнатѣ Ганны все еще горѣла; передъ окномъ, изъ котораго тусклый свѣтъ ея, борясь съ лучами мѣсяца, вырывался наружу, все еще лежали подлѣ разбитой кружки цвѣты, производившіе ароматомъ своимъ такое ужасное дѣйствіе на бѣдную больную.

Былъ ли то его букетъ, присланный имъ поутру?

Пожалуй.

Освѣщенная комната, куда взглядъ его могъ проникнуть черезъ окно, была несомнѣнно та, о которой говорилъ ему ваятель.

Толкнувъ дверь ногою, онъ вошелъ въ домъ и положилъ Селену на пустую, еще со двора замѣченную имъ, кровать.

Какъ мертвая, лежала она теперь передъ нимъ. При видѣ ея спокойныхъ чертъ, освѣщенныхъ волненіемъ перенесенныхъ страданій, сердцемъ юноши овладѣли, еще никогда не извѣданныя имъ такъ глубоко, состраданіе и скорбь. Какъ братъ надъ своей заснувшею сестрой, нагнулся онъ надъ Селеной и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Дѣвушка сдѣлала движеніе; глаза ея открылись и уставились на Антиноя, но взглядъ ихъ при этомъ былъ такъ полонъ ужаса, такой безумный, стеклянный и непріязненный, что онъ, содрогнувшись, отступилъ назадъ и поднялъ руки къ небу.

— О, Селена, Селена, неужели ты не узнаешь меня?—едва проговорилъ онъ.

Озабоченно посмотрѣлъ онъ еще разъ ей въ лицо. Она, казалось, не слыхала его словъ,—ни одна черта не двинулась въ ней, кромѣ глазъ, медленно слѣдовавшихъ за каждымъ его движеніемъ.

— Селена!—воскликнулъ онъ вновь и, схвативъ ея безжизненно свѣсившуюся съ постели руку, страстно прижалъ къ своимъ губамъ.

Больная издала громкій вопль, задрожала всѣмъ тѣломъ и со стономъ отвернулась отъ него къ стѣнѣ. Въ ту же минуту дверь отворилась и на порогѣ показалась горбатая Марія; увидавъ Антиноя у постели своей подруги, она также испуганно вскрикнула.

Юноша растерялся; какъ воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, бросился онъ мимо христіанки на дворъ, бѣгомъ миновалъ садъ и, не встрѣтивъ препятствія, добрался до выхода на улицу.

Здѣсь привратникъ загородилъ ему дорогу, но онъ съ силой оттолкнулъ его и отперъ ворота. Старикъ уцѣпился за мокрый хитонъ юноши, но Антиной потащилъ его за собой и огромными прыжками, точно на ристалищѣ, пустился вдоль улицы, пока не замѣтилъ наконецъ, что сторожъ, въ рукахъ котораго остался клокъ его одежды, отказался отъ своего преслѣдованія.

Крикъ привратника разстроилъ благочестивое пѣніе собравшихся въ домѣ Паулины христіанъ и нѣкоторые изъ нихъ выбѣжали, чтобы задержать нарушителя спокойствія.

Но молодой виѳинянинъ бѣжалъ быстрѣе ихъ и скоро оказался внѣ всякой опасности, замѣшавшись въ ряды праздничной процессіи. Полу-добровольно, полу-вынужденно послѣдовалъ онъ за пьяною ватагой, направлявшеюся отъ центра города къ морю, чтобы въ уединенной береговой мѣстности, на востокъ отъ Никополиса, совершать свои ночныя мистеріи.

Цѣль этой двигавшейся съ пѣснями, завываніями и плясками толпы, увлекавшей съ собой Антиноя, лежала далеко отъ Лохіи, между Александріей и Канопомъ. Поэтому было уже за полночь, когда любимецъ кесаря, въ изодранной одеждѣ, забрызганный грязью и утомленный до изнеможенія, могъ наконецъ появиться на глаза своему повелителю.

Глава четвертая.

Адріанъ дожидался Антиноя уже нѣсколько часовъ; нетерпѣніе и досада, давно наполнявшія ему душу, отражались ясно на его гнѣвно насупившемся челѣ и въ угрожающемъ взглядѣ глазъ.

— Гдѣ пропадалъ ты до этого времени?—накинулся онъ на Антиноя.

— Я не могъ найти васъ и поэтому, взявъ лодку, поѣхалъ въ море.

— Ты лжешь.

Антиной вмѣсто всякаго отвѣта пожалъ плечами.

— Одинъ?—болѣе мягкимъ тономъ спросилъ Адріанъ.

— Да.

— Съ какою цѣлью?

— Я наблюдалъ положеніе звѣздъ.

— Ты?

— Развѣ я не могу слѣдить, какъ другіе, за ихъ теченіемъ?

— Конечно. Почему же и нѣтъ? Небесные огни свѣтятъ одинаково какъ для дураковъ, такъ и для мудрыхъ. Даже ослы родятся подъ счастливыми или несчастными звѣздами. Одного покупаетъ какой-нибудь грамматикъ и кормитъ его исписаннымъ папирусомъ, другой попадаетъ въ услуженіе къ императору, живетъ въ холѣ и находитъ время ночью глядѣть на него. Смотри, на что ты похожъ!

— Лодка опрокинулась вмѣстѣ со мною и я упалъ въ воду.

Адріанъ испугался и, замѣтивъ растрепанные волосы своего любимца, въ которыхъ рѣзкій ночной вѣтеръ уже успѣлъ высушить соленую влагу, увидѣвъ разорванный хитонъ его, встревоженно воскликнулъ:

— Сейчасъ же иди и вели Мастору осушить себя и натереть масломъ. Онъ также вернулся какъ песъ, котораго били, и съ заплаканными глазами. Все идетъ вверхъ дномъ въ этотъ проклятый вечеръ. У тебя видъ какъ у раба, котораго травятъ собаками. Выпей нѣсколько кубковъ вина и немедленно ложись.

— Какъ прикажешь, великій кесарь?

— Это что за торжественный тонъ? Тебя обидѣло мое замѣчаніе объ ослѣ?

— Ты прежде находилъ для меня болѣе ласковыя рѣчи.

— И опять найду ихъ, и опять найду!... Только не сегодня. Теперь иди и ложись въ постель.

Антиной удалился.

Кесарь, скрестивъ руки на груди и мрачно глядя въ землю, сталъ большими шагами ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Его суевѣрное воображеніе было сильно взволновано цѣлымъ рядомъ плохихъ предзнаменованій, которыя являлись ему не только прошлою ночью на небѣ, но и на всемъ пути его на Лохію, и теперь уже начинали исполняться.

Въ плохомъ настроеніи духа оставилъ Адріанъ ресторанъ Ликорта, и если, вернувшись домой, онъ сдѣлалъ кое-какія вещи, въ которыхъ уже раскаявался, то вина въ этомъ лежала, конечно, не на злыхъ демонахъ, а на его, отуманенномъ страхомъ передъ ними, воображеніи.

Безспорно, совершенно независимо отъ его воли, только благодаря случаю, сдѣлался онъ свидѣтелемъ нападенія бѣшеной толпы на домъ богатаго израильтянина; только благодаря несчастному стеченію обстоятельствъ встрѣтился онъ тамъ съ Веромъ, который замѣтилъ его и тотчасъ же узналъ.

Злые духи, дѣйствительно, казалось, возстали сегодня противъ него, но то, что ему суждено было сдѣлать потомъ на Лохіи, конечно, осталось бы несдѣланнымъ въ болѣе счастливый день, или, вѣрнѣе, при болѣе спокойномъ настроеніи его духа. Въ собственныхъ поступкахъ виноватъ былъ онъ самъ, а вовсе не враждебныя обстоятельства и не ковы коварныхъ демоновъ.

Все имъ сдѣланное Адріанъ приписывалъ однако какъ разъ вмѣшательству этихъ невидимыхъ силъ и потому считалъ непоправимымъ.

Но у всякаго человѣка есть совѣсть. Совѣсть—это скрижаль, на которой таинственная рука записываетъ всѣ наши поступки,—записываетъ такъ, какъ они есть, безъ всякихъ прикрасъ, безпощадно называя каждый изъ нихъ его настоящимъ именемъ.

Иногда человѣку удается, правда, на болѣе или менѣе продолжительное время стереть и затемнить покрывающія эту скрижаль письмена, но рано или поздно роковыя надписи снова начинаютъ свѣтиться зловѣщимъ блескомъ и вынуждаютъ внутреннее око взглянуть на нихъ и перечитать ихъ со вниманіемъ.

Въ эту ночь Адріанъ почувствовалъ необходимость пробѣжать запись своихъ дѣяній, и не мало оказалось между ними кровавыхъ преступленій, не мало мелкихъ, недостойныхъ даже несравненно болѣе ничтожнаго человѣка, несправедливостей... Но письмена на скрижали гласили и о добросовѣстно исполненномъ долгѣ, о честномъ трудѣ, о неустанномъ стремленіи къ великимъ цѣлямъ, о постоянномъ стараніи охватить мыслію все, что только доступно человѣческому сознанію.

Теперь, въ эти часы, Адріанъ думалъ только о дурныхъ своихъ поступкахъ. Насмѣхаясь надъ богами въ обществѣ своихъ друзей-философовъ, онъ тѣмъ не менѣе прибѣгалъ къ нимъ всякій разъ, когда чувствовалъ недостаточность собственныхъ силъ. Такъ и теперь онъ давалъ обѣтъ въ одномъ мѣстѣ выстроить храмъ, въ другомъ — принести многочисленныя жертвы, чтобъ искупить старыя преступленія и умилостивить небожителей.

Онъ чувствовалъ себя въ положеніи вельможи, который, находясь подъ угрозой немилости властелина, старается подарками снискать его благоволеніе. Храбрый римлянинъ трепеталъ передъ неизвѣстными опасностями, но ему оставались чужды цѣлительныя муки покаянія.

Прошло не болѣе часа, какъ онъ, внѣ себя отъ гнѣва, злоупотребилъ своею властью по отношенію къ слабѣйшему, и те-

перь ему было досадно, что онъ поступилъ именно такъ, а не иначе; ему однако не приходило и въ голову смирить свою гордость и добровольнымъ удовлетвореніемъ обиженнаго признать несправедливость своего поступка.

Нерѣдко, глубоко чувствуя свою человѣческую слабость, Адріанъ съ другой стороны находилъ возможность вѣрить въ божественность своей царственной особы, и эта божественность приходила ему на умъ особенно тогда, когда ему случалось раздавить кого-либо, кто оказывался достаточно смѣлъ, чтобъ оскорбить или не признать его превосходства.

Развѣ небожители не налагали подобнымъ же образомъ тягчайшихъ наказаній на своихъ ослушниковъ или оскорбителей?

И вотъ сегодня смертный Юпитеръ снова молніеноснымъ ударомъ уничтожилъ слишкомъ смѣлаго сына земли. Жертвой его на этотъ разъ былъ сынъ Эвфоріона и Дориды.

Правда, Поллуксъ имѣлъ несчастіе нанести Адріану самую чувствительную для его самолюбія обиду. Но люди не превращаются обыкновенно такъ быстро изъ дружественнаго покровителя въ безпощаднаго противника, если не привыкли, какъ кесарь, мгновенно переходить отъ одного настроенія духа къ другому, и не сознаютъ въ себѣ силы немедленно приводить въ исполненіе свою волю, все равно, направлена ли она на добро или на зло.

Талантливость ваятеля обратила на себя вниманіе императора. Непринужденный, веселый нравъ художника сначала ему нравился и забавлялъ его; но уже во время странствованія по улицамъ города та смѣлость, съ которой молодой человѣкъ позволялъ себѣ обращаться съ нимъ, какъ съ равнымъ, произвела на него далеко не пріятное впечатлѣніе.

Въ мастерской онъ видѣлъ въ Поллуксѣ только художника и потому даже любовался роскошнымъ избыткомъ его юношескихъ силъ; внѣ мастерской, между людьми обыкновеннаго пошиба, отъ которыхъ онъ привыкъ принимать лишь поклоненіе, рѣчи и манеры юноши казались ему неприличными, дерзкими, невыносимыми.

Обладая прекраснымъ аппетитомъ и то и дѣло въ ресторанѣ приглашая Адріана не отставать, чтобы не оставить ничего въ подарокъ хозяину, сынъ привратника возбудилъ въ императорѣ положительное отвращеніе.

Вернувшись затѣмъ безъ Антиноя на Лохію и не найдя и здѣсь своего любимца, Адріанъ, разстроенный и мучимый дур-

ными предзнаменованіями, принялся нетерпѣливо прохаживаться изъ конца въ конецъ по залѣ музъ, не считая нужнымъ послать привѣтствіе ваятелю, который шумно хозяйничалъ за своей перегородкой.

И Поллуксъ, также какъ императоръ, пережилъ передъ тѣмъ тяжелые часы.

Когда онъ, сгорая нетерпѣніемъ увидѣть Арсиною, отважился, вернувшись домой, проникнуть до порога жилища управителя, Керавнъ загородилъ ему путь и съ бранью выпроводилъ его отъ себя.

Въ залѣ музъ онъ нашелъ своего учителя, которому сгоряча снова повторилъ свой отказъ отъ службы. Между ними завязался горячій споръ. Паппій разсердился и велѣлъ ему отобрать свои собственные инструменты отъ принадлежавшихъ ему, возвратить послѣдніе и впредь держаться вдалекѣ какъ отъ его дома, такъ и отъ работъ на Лохіи.

Не мало рѣзкихъ словъ было произнесено съ той и съ другой стороны.

Отправившись послѣ ухода своего бывшаго учителя разыскивать Поптія, чтобы посовѣтоваться съ нимъ о своемъ будущемъ, Поллуксъ узналъ, что архитекторъ незадолго передъ тѣмъ куда-то отправился и не вернется ранѣе слѣдующаго утра.

Поразмыслив немного, ваятель рѣшился исполнить приказанія Паппія и уложить свои собственные инструменты.

Не замѣчая присутствія въ залѣ императора, онъ началъ кидать въ разные ящики молотки, деревянные модели и рѣзцы и при этомъ обращался съ ними съ такою безпощадностью, словно желалъ наказать эти ни въ чемъ неповинные предметы за всѣ, приключившіяся ему, непріятности.

Наконецъ, на глаза ему попался вылѣпленный Адріаномъ бюстъ Бальбиллы.

Безобразная каррикатура, надъ которой онъ вчера еще отъ души смѣялся, сегодня раздражала его и была ему противна. Нѣсколько мгновеній простоялъ онъ передъ ней, внимательно ее разглядывая. Чувство досады овладѣвало имъ все болѣе и болѣе и, оторвавъ внезапно планку отъ перегородки, онъ съ такою силой ударилъ ею по уродливой головѣ, что успѣвшая уже высохнуть глина раскололась и обломки ея разлетѣлись по мастерской.

Странный шумъ за перегородкой ваятеля заставилъ кесаря пріостановить свое расхаживанье, чтобы взглянуть, что дѣлалъ художникъ.

Кровь бросилась въ голову Адріану, брови его сдвинулись, посреди лба надулась синяя жила и надъ глазами показались грозныя, зловѣщія складки.

Великій художникъ въ области государственнаго управленія, онъ легче перенесъ бы названіе плохаго правителя, чѣмъ презрѣніе, оказываемое его художественнымъ произведеніямъ.

Съ сжатыми кулаками, весь дрожа отъ гнѣва, приблизился Адріанъ къ Поллуксу.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ задыхавшимся голосомъ.

Поллуксъ, обернувшись, взглянулъ на императора.

— Я уничтожаю это уродливое произведеніе, потому что оно меня раздражаетъ,—отвѣчалъ онъ, поднимая планку для новаго удара.

— Такъ смотри же сюда!—закричалъ кесарь, схвативъ жилистою рукой за поясъ, стягивавшій хитонъ ваятеля, притянулъ ошеломленнаго юношу къ едва оконченной имъ Ураніи, вырвалъ у него изъ рукъ планку и однимъ ударомъ ея отбилъ плечо отъ торса статуи.

Я уничтожаю это жалкое произведеніе, потому что оно раздражаетъ меня,—воскликнулъ онъ въ свою очередь, передразнивая голосъ юноши.

Руки художника опустились.

Пораженный, обезумѣвшій отъ ужаса, глядѣлъ онъ на истребителя своего творенія.

— Безумецъ!—крикнулъ онъ наконецъ.—Довольно съ тебя! Еще ударъ—и ты познакомишься съ моими кулаками!

Адріанъ засмѣялся холоднымъ и рѣзкимъ смѣхомъ и бросилъ планку къ ногамъ Поллукса.

— Приговоръ за приговоръ,—сказалъ онъ,—такъ требуетъ справедливость.

— Справедливость?—повторилъ ваятель, не помня себя отъ раздраженія.—Справедливость—ставить эту пошлую каррикатуру, которую мой косоглазый ученикъ съумѣлъ бы вылѣпить не хуже тебя, съ моей, въ минуты творческаго вдохновенія исполненной, статуей?... Позоръ на твою голову! Повторяю, ты не прикоснешься болѣе къ Ураніи, не то узнаешь...

— Что это я узнаю?

которые такъ весело справляли этотъ праздникъ вмѣстѣ съ своими согражданами-язычниками, словно старались доказать, что не менѣе ихъ покланяются могущественному Діонису.

Аполлодоръ имѣлъ свои основанія держаться на этотъ разъ въ сторонѣ отъ всего, что имѣло связь съ праздничными обрядами язычниковъ. Не подозрѣвая, что такое обособленіе можетъ подвергнуть его серьезной опасности, онъ спокойно проводилъ время въ своемъ, отдѣланномъ съ царскимъ великолѣпіемъ, жилищѣ, которое по внутреннему устройству, казалось, скорѣе годилось бы для грека, чѣмъ для израильтянина. Это относилось въ особенности къ мужской пріемной, гдѣ находился Аполлодоръ. Картины на стѣнахъ и на полу этого роскошнаго помѣщенія, полуоткрытый потолокъ котораго поддерживался колоннами изъ благороднаго порфира, изображали любовь Амура и Психеи; между колоннами стояли бюсты величайшихъ языческихъ философовъ, а въ глубинѣ залы виднѣлась прекрасная статуя Платона.

Между многочисленными изображеніями эллиновъ и римлянъ можно было замѣтить голову только одного израильтянина, именно Филона, выразительныя и строгія черты котораго напоминали важнѣйшаго изъ его греческихъ собратій.

Серебряныя лампы разливали по комнатѣ пріятный свѣтъ. На одномъ изъ мягкихъ и удобныхъ ложъ, въ которыхъ не было недостатка, возлежалъ Аполлодоръ, еще бодрый мужчина лѣтъ пятидесяти, слѣдя глазами за величественнымъ, престарѣлымъ единовѣрцемъ, который, оживленно разговаривая, ходилъ передъ нимъ взадъ и впередъ по комнатѣ. При этомъ руки говорившаго старца ни минуты не оставались въ покоѣ: онъ то быстро жестикулировалъ, то поглаживалъ свою длинную, бѣлоснѣжную бороду.

Въ креслѣ, напротивъ хозяина дома, сидѣлъ худощавый молодой человѣкъ съ блѣдными, замѣчательно правильными и тонкими чертами лица и черными какъ смоль волосами и бородкой. Темные блестящіе глаза его были опущены внизъ. Онъ задумчиво чертилъ тростью разнообразныя фигуры на полу, между тѣмъ какъ взволнованный старикъ, его дядя, нападалъ на Аполлодора со своею страстною, плавно лившеюся, рѣчью.

Послѣдній часто покачивалъ головою на слова старца, а иногда дѣлалъ на нихъ краткія возраженія.

Легко было замѣтить, что въ Аполлодорѣ слова собесѣдника вызывали болѣзненное чувство и что между этими двумя, со-

вершенно различными, людьми происходила борьба, которая врядъ ли могла кончиться благопріятнымъ для обоихъ соглашеніемъ. Говоря однимъ и тѣмъ же греческимъ языкомъ и признавая себя исповѣдающими одну и ту же религію, они однако до такой степени расходились во всѣхъ своихъ чувствахъ и воззрѣніяхъ, словно принадлежали къ двумъ совершенно различнымъ мірамъ.

Когда борцовъ раздѣляетъ слишкомъ большое разстояніе, удары попадаютъ на вооруженіе, но дѣло не доходитъ до кровавыхъ ранъ, да пораженія или побѣды.

Ради старца и его племянника домъ Аполлодора остался на этотъ день не разукрашеннымъ, такъ какъ равви Гамаліилъ, прибывшій изъ Палестины къ своему александрійскому родственнику, осуждалъ всякое общеніе съ язычниками и, несомнѣнно, покинулъ бы жилище гостепріимнаго хозяина, еслибы послѣдній осмѣлился украсить его въ виду праздника въ честь ложныхъ божествъ.

Племянникъ Гамаліила, равви Бенъ-Іохаи, пользовался славою, которая мало чѣмъ уступала славѣ его отца. Какъ старый Бенъ-Акиба былъ величайшимъ мудрецомъ и толкователемъ закона среди своего народа, такъ первенецъ его считался замѣчательнѣйшимъ астрологомъ и лучшимъ знатокомъ мистическаго значенія положенія небесныхъ свѣтилъ.

Принимать подъ своею кровлей мудраго старца Гамаліила и знаменитаго сына не менѣе знаменитаго отца было для Аполлодора, который въ часы досуга охотно занимался учеными предметами, великою честью и онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы сдѣлать для нихъ пребываніе у него въ домѣ пріятнымъ.

Чистокровный еврейскій рабъ, знакомый со всѣми требованіями и законами израелитской кухни, былъ нарочно купленъ для нихъ и на все время пребыванія гостей замѣнялъ у очага греческихъ поваровъ, чтобы приготовлять только чистыя кушанья по іудейскому обряду.

Взрослымъ дѣтямъ Аполлодора было запрещено въ присутствіи знаменитыхъ иностранцевъ вводить въ домъ своихъ греческихъ друзей и толковать о праздникѣ. Слѣдовало также избѣгать употребленія въ разговорѣ именъ языческихъ божествъ, но самъ хозяинъ былъ первымъ нарушителемъ этого предписанія.

Какъ и всѣ его александрійскіе единовѣрцы одного съ нимъ общественнаго положенія, онъ получилъ греческое воспитаніе, думалъ и чувствовалъ по-эллински и только по имени оставался

іудеемъ. Хотя вмѣсто олимпійскихъ божествъ они и покланялись единому Богу своихъ отцовъ, но этотъ единый не былъ болѣе могучимъ, грознымъ Іеговой ихъ племени, а тѣмъ созидающимъ и наполняющимъ міръ духомъ, котораго греки знали изъ Платона.

Съ каждымъ часомъ пребыванія подъ одною кровлей, бездна, раздѣлявшая Аполлодора и Гамаліила, только увеличивалась; отношенія александрійца къ мудрецу Палестины сдѣлались мучительно натянутыми съ тѣхъ поръ, какъ обнаружилось, что старецъ, приходившійся хозяину дома сродни, явился съ племянникомъ въ Египетъ, чтобы просить для него въ жены дочь Аполлодора.

Но прекрасная Исмена вовсе не была расположена отнестись благосклонно къ строгому, твердому въ вѣрѣ отцовъ своихъ, искателю ея руки. Родина предковъ представлялась ей варварскою страной, молодой ученый внушалъ ей страхъ, а главное—сердце ея уже не было свободно. Оно принадлежало сыну Алабарха, главѣ всѣхъ израильтянъ въ Египтѣ, а этотъ юноша владѣлъ самыми красивыми конями въ цѣломъ городѣ, не разъ одерживалъ съ ними побѣды на гипподромѣ и отдавалъ ей предпочтеніе передъ всѣми остальными дѣвушками.

Если ужь нужно было выходить замужъ, то ему, а не кому другому, принадлежала ея рука.

Это объявила она и отцу, когда узнала отъ него о сватовствѣ Бенъ-Іохаи. Лишившись жены нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Аполлодоръ съ своей стороны не имѣлъ ни силы, ни охоты насиловать желанія своей любимицы.

Конечно, мягкому и добродушному по природѣ человѣку трудно было отвѣтить почтенному старцу рѣшительнымъ отказомъ; но когда-нибудь нужно же было приступить къ этому и сегодняшній вечеръ казался ему какъ разъ подходящимъ для выполненія этой непріятной задачи.

Онъ былъ совершенно одинъ съ своими гостями.

Дочь его изъ дома одной изъ своихъ пріятельницъ наблюдала пестрое движеніе на улицѣ, сыновья тоже ушли, а многочисленные рабы получили позволеніе до полночи наслаждаться своимъ праздникомъ. Не откуда было ожидать помѣхи и онъ, собравшись съ духомъ, рѣшился, наконецъ, послѣ многократныхъ увѣреній въ своемъ глубокомъ уваженіи, объявить гостямъ, что не можетъ принять предложенія Бенъ-Іохаи.

Дочь его,—говорилъ онъ,—слишкомъ привязана къ Александріи, чтобы желать покинуть ее, а его ученому молодому другу врядъ ли пришлась бы по сердцу такая жена, которая, привыкши къ болѣе свободнымъ нравамъ и обычаямъ, впослѣдствіи тяготилась бы домомъ, гдѣ строго соблюдается законъ отцовъ и стѣсняется всякое свободное проявленіе жизни.

Гамаліилъ далъ александрійцу высказаться.

Затѣмъ, когда его племянникъ принялся оспаривать доводы хозяина, слегка согбенная фигура старца выпрямилась и онъ быстро перебилъ говорившаго.

— Во время нашихъ войнъ съ римлянами, — сказалъ онъ, проведя рукой по голубымъ жилкамъ и мелкимъ морщинамъ высокаго лба, — домъ нашъ былъ разсѣянъ и уничтоженъ. Бенъ-Акиба не нашелъ въ Палестинѣ ни одной дѣвы нашей крови, достойной соединиться съ этимъ юношей. Но слухи объ александрійской отрасли нашего рода и объ ея благосостояніи проникли къ намъ въ Іудею; Бенъ-Акиба желалъ поступить подобно Аврааму и послалъ меня, своего Елеазара, въ чужую землю, чтобы сосватать для его Исаака дочь своего сородича. Кто этотъ юноша передъ тобою, какою извѣстностью пользуются онъ и отецъ его между людьми?

— Знаю, знаю,—перебилъ его Аполлодоръ,—и почти никогда еще не доставляло моему дому такой чести, какъ ваше посѣщеніе.

— И все-таки,—продолжалъ равви,—мы удалимся отсюда, какъ пришли, и такимъ образомъ исполнится не только твое желаніе, но и моя воля, и воля пославшаго меня, потому что то, что мы слышали отъ тебя сегодня, принуждаетъ насъ взять назадъ наше сватовство... Не прерывай меня! Твоя Исмена не скрываетъ подъ покрываломъ своего лица и оно пріятно на видъ, но ты питалъ ея духъ пищей, пригодною для мужчины, и она любитъ поступать во всемъ по-своему. Это хорошо для гречанки; въ домѣ же Бенъ-Акибы женщина должна, забывъ собственную волю, покориться, какъ корабль рулю, волѣ мужа, а эта воля руководится тѣмъ, что повелѣваетъ намъ законъ, видимо забытый вами.

— Мы признаемъ его значеніе, — возразилъ Аполлодоръ; — но если заповѣди данныя Моисею на Синаѣ обязательны для всѣхъ смертныхъ, то это еще не значитъ, чтобы правила, мудро установленныя для руководства внѣшнею жизнью отцовъ, были

вполнѣ и всюду примѣнимы для дѣтей нашего вѣка. Всего же менѣе можно слѣдовать имъ здѣсь, гдѣ мы, хотя и вѣрные старой вѣрѣ, все-таки греки между греками.

— Это очевидно,—отозвался Гамаліилъ.—Даже языкъ вашъ, это одѣяніе мысли, языкъ отцовъ, писанія и закона—промѣняли вы на иной, принесли въ жертву чуждой рѣчи.

— Но вѣдь и вы съ племянникомъ говорите по-гречески.

— Да, здѣсь, между язычниками, потому что ты и домашніе твои перестали понимать языкъ Моисея и пророковъ.

— Всюду, куда проникло оружіе Александра, слышится греческая рѣчь, и развѣ греческій переводъ, сдѣланный при содѣйствіи Божіемъ семидесятью толковниками, не заключаетъ въ себѣ того же самаго, что и еврейскій подлинникъ?

— Неужели ты промѣняешь выточенный Бріаксисомъ наперстный камень, который ты съ такою гордостью показывалъ мнѣ вчера, на восковой слѣпокъ того же самаго камня?

— Языкъ Платона не какой-нибудь бренный матеріалъ, а столь же благородный, какъ самый драгоцѣнный сапфиръ.

— Но нашъ произошелъ изъ самыхъ устъ Всевышняго. Какъ назвалъ бы ты ребенка, который, пренебрегая языкомъ отца, слушаетъ только сосѣда и нуждается въ переводчикѣ, чтобы понимать приказанія родителей?

— Ты говоришь о людяхъ, которые уже много вѣковъ покинули родину. Праотецъ не долженъ сердиться на потомковъ, говорящихъ языкомъ своего новаго отечества, если только они продолжаютъ дѣйствовать сообразно его духу.

— Надо жить не только сообразно духу, но и каждому слову Всевышняго, ибо ни одинъ звукъ не исходитъ вотще изъ Его устъ. Чѣмъ возвышеннѣе содержаніе рѣчи, тѣмъ болѣе значенія имѣютъ слова и слоги. Часто одна буква измѣняетъ содержаніе текста... Однако, какъ гудитъ уличная толпа! Глухой шумъ проникаетъ даже въ этотъ покой, такъ далеко отстоящій отъ улицы. И твой сынъ можетъ находить удовольствіе въ этихъ языческихъ безобразіяхъ? И ты не препятствуешь ему силой увеличивать собой число безумныхъ рабовъ легкихъ наслажденій?...

— Я самъ когда-то былъ молодъ и думалъ, что нѣтъ грѣха раздѣлять общее веселіе.

— Скажи лучше, постыднѣйшее идолопоклонство почитателей Діониса... Только по имени принадлежите вы къ народу Божію, въ сущности же вы—такіе же язычники!

— Нѣтъ, отецъ мой, — съ живостью воскликнулъ Аполлодоръ,—наоборотъ! Въ душѣ мы іудеи, а только носимъ греческія одежды.

— Имя твое—Аполлодоръ, что значитъ даръ Аполлона.

— Ну, что же? Имя, избранное, какъ и всякое другое, чтобъ отличать человѣка отъ человѣка. Кто же спрашиваетъ о значеніи каждаго пріятнаго для слуха прозванія?

— Ты самъ, твои домашніе, всякій, наконецъ, кто имѣетъ хоть долю прозорливости,—отвѣчалъ равви. — Зачѣмъ, думаете вы, сразу показывать какому-нибудь греку, Зенодоту или Гермогену, что богатый гражданинъ, бесѣдующій съ нимъ въ баняхъ о новѣйшемъ истолкованіи эллинскихъ миѳовъ,—еврей? И какъ вы бываете довольны, когда васъ спрашиваютъ, не изъ Аѳинъ ли вы, такъ какъ вы говорите по-гречески съ такимъ чисто-аттическимъ акцентомъ! Что намъ самимъ дорого, то даемъ мы и дѣтямъ; потому-то вы и избираете для нихъ имена, которыя льстятъ вашему собственному тщеславію.

— Клянусь Геркулесомъ, отецъ мой...

На умномъ лицѣ Гамаліила показалась многозначительная, насмѣшливая улыбка.

— Кого-нибудь изъ нашихъ, особенно уважаемыхъ, александрійскихъ единовѣрцевъ зовутъ вѣроятно Геркулесомъ?—спросилъ онъ, перебивая александрійца.

— Конечно,—воскликнулъ его собесѣдникъ, — никто не думаетъ, произнося эту клятву, о сынѣ Алкмены; она просто означаетъ завѣреніе.

— Ну, да, вы не очень строго придерживаетесь значенія словъ и именъ, а тамъ, гдѣ есть такъ много, что видѣть и чѣмъ наслаждаться, и мысли навсегда бываютъ послѣдовательны. Это понятно, совершенно понятно! Вѣдь въ этомъ городѣ и учтивость доведена до того, что охотно изящно задрапировываютъ истину. Могу ли я, варваръ изъ Іудеи, представить ее твоимъ глазамъ нагою, безъ одѣянія и украшеній?

— Пожалуйста, говори.

— Вы—іудеи, но вы предпочли бы не быть ими и переносите свое происхожденіе какъ неотвратимое зло. Только тамъ признаете вы Всевышняго, гдѣ ощущаете Его могучую десницу, и только тогда ссылаетесь на свое право принадлежать къ избранному Его народу. Въ плавномъ же теченіи будничной жизни вы гордо причисляете себя къ его врагамъ. Не прерывай меня и

отвѣчай откровенно на мой вопросъ: въ какую минуту жизни испыталъ ты наиболѣе теплую благодарность Богу твоихъ отцовъ?

— Зачѣмъ стану я скрывать? Тогда, когда покойная жена подарила мнѣ моего первенца.

— И какъ же вы его назвали?

— Ты вѣдь знаешь, что его зовутъ Веніаминомъ.

— Какъ любимаго сына праотца Іакова... Когда ты давалъ ему это имя, въ тебѣ сказалась твоя истинная природа; ты съ благодарностью сознавалъ счастіе, что тебѣ дано включить новое звено въ цѣпь своего рода, ты былъ евреемъ и нашъ Богъ былъ, безъ сомнѣнія,—да, въ ту минуту, безъ сомнѣнія,—твоимъ. Рожденіе втораго сына уже менѣе глубоко тронуло твою душу и ты назвалъ его Θеофиломъ. Когда родился твой послѣдній наслѣдникъ мужскаго пола, Богъ твоихъ отцовъ былъ окончательно забытъ тобой: младшаго сына твоего зовутъ Гефестіономъ—названіе одного изъ языческихъ божествъ. Однимъ словомъ, вы—іудеи, когда Господь посылаетъ вамъ щедроты или угрожаетъ тяжкими испытаніями; вы—язычники всегда, когда путь вашъ не пролегаетъ черезъ вершины и бездны жизни. Васъ я измѣнить не могу, но жена сына моего брата, дочь Бенъ-Акибы, должна чувствовать себя дитею своего народа утромъ, въ полдень и вечеромъ. Ревекку, а не Исмену, ищу я для моего Исаака!

— Я васъ не звалъ къ себѣ,—возразилъ Аполлодоръ; — но если вы покинете насъ завтра, уваженіе наше послѣдуетъ за вами. Не думайте хуже о насъ потому, что мы свыклись съ образомъ жизни и мыслей народа, среди котораго мы возвысились и благоденствуемъ. Мы знаемъ, насколько вѣра наша выше и священнѣе его вѣры. Сердца наши остаются іудейскими; но развѣ не слѣдуетъ намъ стремиться къ развитію и усовершенствованію всѣми возможными средствами нашего духа, который, конечно, не обиженъ дарами Творца въ сравненіи съ другими народами? А въ какой же школѣ лучше и на болѣе прочныхъ законахъ воспитывается мышленіе, какъ не въ школѣ нашихъ, то-есть я хочу сказать—эллинскихъ, учителей? Познаніе Всевышняго...

— Это познаніе,—воскликнулъ старикъ, поднимая руки къ небу,—познаніе Всевышняго и все, чего въ состояніи достичь трезвая философія, что серьезнымъ и упорнымъ трудомъ могло быть добыто геніальнѣйшими и лучшими изъ вашихъ мыслителей,—все это каждое дитя нашего народа получило въ даръ отъ

своего Бога. Тѣ сокровища, которыя кропотливо ищутъ ваши мудрецы, мы имѣемъ въ нашемъ Писаніи, въ нашихъ заповѣдяхъ, въ нашемъ законѣ. Мы—народъ изъ народовъ, мы—первенцы Господа, и когда изъ среды нашей возстанетъ Мессія...

— Тогда,—перебилъ его Аполлодоръ,—исполнится то, чего я такъ желаю вмѣстѣ съ Филономъ: мы будемъ жрецами и пророками для всего міра. Тогда мы воистину сдѣлаемся народомъ священническимъ, призваннымъ снизводить своими молитвами на всѣхъ людей благословеніе Всевышняго.

— Только для насъ, для насъ однихъ явится на землѣ посланникъ Божій, чтобы сдѣлать насъ изъ рабовъ царями народовъ.

Аполлодоръ съ удивленіемъ поднялъ глаза на взволнованнаго старца.

— Распятый Назаритянинъ былъ ложнымъ Мессіей,—спросилъ онъ, недовѣрчиво улыбаясь,—когда же явится истинный?

— Когда?—воскликнулъ равви.—Развѣ я могу это сказать? Для меня ясно одно. Змій уже поднимаетъ жало, чтобъ уязвить пяту давящаго его. Слыхалъ ли ты имя Баръ-Кохбы?

— Дядя!—прервалъ Бенъ-Іохаи, вскакивая съ своего мѣста, рѣчь старого равви.—Не говори того, въ чемъ ты можешь раскаяться.

— Не бойся,—строго возразилъ ему Гамаліилъ.—Эти люди низводятъ божественное до человѣческаго, но они не предатели.

Затѣмъ онъ снова обратился къ Аполлодору:

— Сильные во Израили ставятъ идоловъ на мѣста нашихъ святынь, они снова хотятъ заставить народъ покланяться имъ, но мы скорѣе дадимъ сломать свои спины, чѣмъ согнемъ ихъ.

— Вы снова замышляете вооруженное возстаніе?—испуганно спросилъ александріецъ.

— Отвѣчай мнѣ: слышалъ ли ты когда-либо о Баръ-Кохбѣ.

— Да, какъ о дерзкомъ предводителѣ вооруженныхъ шаекъ.

— Это—герой, можетъ-быть самъ Избавитель.

— Такъ это для того-то просилъ ты принять на мой корабль, отплывающій въ Яффу, грузъ мечей, щитовъ и копій?

— Развѣ одному римлянину дозволяется носить оружіе?

— Нѣтъ; но съ моей стороны было бы непростительно снабжать оружіемъ друга, зная, что онъ намѣренъ употребить его противъ могущественнаго противника, который сотретъ его съ лица земли.

— Господь воинствъ сильнѣе тысячъ легіоновъ.

— Остерегись, дядя!—снова воскликнулъ Бенъ-Іохаи.

Гамаліилъ бросилъ гнѣвный взглядъ на племянника, видимо готовясь говорить, но вдругъ задрожалъ и слова порицанія молодому человѣку замерли у него на устахъ.

Дикіе крики и гулъ сильныхъ ударовъ, направленныхъ на окованную мѣдью дверь дома, раздались въ залѣ и потрясли ея мраморные своды.

— Они нападаютъ на мой домъ!—вскричалъ Аполлодоръ.

— Вотъ благодарность тѣхъ, для которыхъ ты нарушилъ вѣрность Богу отцовъ своихъ!—глухо произнесъ старикъ.—Услышь меня, Адонаи!—воскликнулъ онъ затѣмъ, поднимая глаза и руки къ небу.—Лѣта мои умножились и я созрѣлъ для могилы, но пощади сына брата моего и не допусти его до погибели.

Бенъ-Іохаи, также какъ и дядя, воздѣлъ руки; лицо его было блѣдно, черные глаза горѣли.

Молитва обоихъ раввиновъ была коротка, потому что опасность приближалась все болѣе и болѣе.

Аполлодоръ ломалъ въ отчаяніи руки и ударялъ себя кулакомъ по лбу.

Черты лица его исказились отъ страха, движенія были судорожны и перенятая имъ отъ своихъ эллинскихъ согражданъ, полная достоинства и красоты, манера держать себя исчезла безъ слѣда.

Мѣшая греческія проклятія и заклинанія съ воззваніями къ единому Богу отцовъ своихъ, онъ бросался туда и сюда, разыскивая ключи отъ подземныхъ помѣщеній дома, но ключи находились у дворецкаго, который, какъ и всѣ остальные слуги, былъ гдѣ-нибудь на улицѣ или въ харчевнѣ за кубкомъ вина.

Въ комнату вбѣжалъ новый, купленный для гостей, еврейскій рабъ.

— Филистимляне пришли на насъ,—кричалъ онъ, вырывая себѣ волосы.—Спаси насъ равви, великій равви! Воззови ко Господу, человѣкъ Божій! Они пришли съ дрекольями и копьями, они раздавятъ насъ, какъ траву, и сожгутъ въ этомъ домѣ, какъ улитокъ, которыхъ бросаютъ въ печь.

Съ рыданіемъ бросился онъ въ ноги Гамаліилу и обнялъ руками его колѣна.

— За мной на кровлю!—воскликнулъ Аполлодоръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — завылъ рабъ, — амаликитяне приготовили факелы, чтобы бросать ихъ на наши шатры. Язычники пляшутъ

и ликуютъ, и пламя, изрыгаемое ими, пожжетъ насъ. Равви, равви, позови на помощь намъ воинства небесныя! Боже праведный, вотъ они ломаютъ дверь! Господи, Господи, услыши насъ!

Зубы несчастнаго страшно стучали; съ дикимъ стономъ онъ закрылъ лицо руками.

Одинъ Бенъ-Іохаи былъ совершенно спокоенъ; молитва его была окончена.

— Я предвидѣлъ такой исходъ и предсказывалъ его тебѣ,— сказалъ онъ нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ, обращаясь къ Гамалінлу.—Подъ плохою звѣздою начали мы наше странствованіе. Покоримся волѣ Господней. Ему предоставимъ отомстить за насъ.

— Да, месть принадлежитъ Ему,—повторилъ старикъ и закрылъ себѣ голову своей бѣлой одеждой.

— За мной, въ опочивальню! Спрячемся подъ постели!— вскричалъ Аполлодоръ, оттолкнулъ ногой раба, обнимавшаго ноги раввина, и схватилъ за руку старца, стараясь увлечь его за собой.

Но уже было поздно: двери изъ сѣней на улицу были выломаны и въ переднихъ покояхъ послышался стукъ оружія.

— Все, все пропало!—воскликнулъ Аполлодоръ.

— Адонаи, Адонаи, помоги намъ!—бормоталъ старикъ, прижимаясь къ превышавшему его на цѣлую голову племяннику.

Опасность, угрожавшая Аполлодору и его гостямъ, была настоятельна и возникла отъ неудовольствія возбужденной толпы при видѣ неукрашеннаго дома богатаго израильтянина.

Часто достаточно бывало одного слова, чтобы возбудить горячую кровь александрійцевъ, заставить ихъ нарушить законы и взяться за оружіе.

Кровавыя схватки между языческимъ и почти равнымъ ему по числу іудейскимъ населеніемъ города были дѣломъ обычнымъ, и какъ то, такъ и другое нерѣдко заслуживали упрека въ нарушеніи спокойствія.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ нѣсколькихъ провинціяхъ имперіи, въ особенности въ Киренаикѣ и на островѣ Кипрѣ, израильтяне съ ожесточеніемъ возстали противъ угнетавшихъ ихъ согражданъ, злоба и недовѣріе къ нимъ иновѣрныхъ александрійцевъ значительно усилились.

Кромѣ того благосостояніе большинства еврейскаго населенія и несмѣтное богатство отдѣльныхъ его членовъ наполняли сердца бѣдныхъ въ сравненіи съ ними язычниковъ завистью и желані-

емъ присвоить себѣ имущество людей, не разъ, безспорно, относившихся съ открытымъ презрѣніемъ къ греческимъ богамъ.

За послѣдніе дни раздоръ по поводу приготовленія къ торжественному пріему императора еще болѣе оживилъ старую ненависть и такимъ образомъ отсутствіе украшеній на домѣ Аполлодора послужило для толпы предлогомъ къ нападенію на это царственное жилище.

И здѣсь ярость черни была возбуждена нѣсколькими словами.

Кожевникъ Меламп, извѣстный пьяница, проходя по улицѣ во главѣ своихъ подгулявшихъ товарищей по ремеслу, указалъ тирсовымъ жезломъ на неосвѣщенный и неукрашенный домъ.

— Посмотрите-ка на эти голыя стѣны!—закричалъ онъ.— Прежде жидъ, бывало, давалъ деньги на украшеніе улицы, теперь же онъ копитъ ихъ въ своихъ сундукахъ.

Слова эти разожгли ненависть толпы.

— Скряга обкрадываетъ отца нашего Діониса!—воскликнулъ другой гражданинъ.

— Отнимемъ у него драхмы, которыя онъ утаиваетъ отъ божества,—вопилъ третій, высоко поднимая факелъ.—Намъ онѣ могутъ пригодиться.

Колбасникъ Главкъ вырвалъ изъ рукъ сосѣда пропитанный саломъ горящій фитель.

— За мной!—заревѣлъ онъ.—Сожжемъ домъ его вмѣстѣ съ нимъ.

— Постойте, постойте!—вмѣшался сапожникъ, работавшій на слугъ Аполлодора, загораживая дорогу изступленному мяснику.—Можетъ-быть они оплакиваютъ тамъ мертвеца. Домъ еврея всегда бывалъ украшенъ не хуже другихъ.

— Вранье!—возразилъ пьянымъ, хриплымъ голосомъ флейтистъ.—Сынъ стараго скупца только-что проходилъ черезъ Брухіумъ съ веселыми товарищами и разряженными дѣвушками и его пурпуровый плащъ высоко развѣвался по воздуху.

— Посмотримъ, что краснѣе, финикійская ли одежда сына или полымя отъ подожженнаго дома отца!—крикнулъ худощавый портной, оглядываясь назадъ, чтобы полюбоваться на эффектъ, произведенный его остротой.

— Попробуемъ!—раздались одобрительные голоса.

— Ворвемся въ домъ!

— Старый мѣшокъ съ деньгами попомнитъ этотъ день!

— Давай его сюда!

— Тащите его на улицу!

Подобные возгласы раздавались со всѣхъ сторонъ.

Какая-то женщина сорвала съ плечъ своихъ козью шкуру, замахала ею въ воздухѣ надъ своими всклокоченными черными волосами и яростно прокричала: «Рвите его на клочья!»

— Зубами на клочья!—поддержала ее пьяная менада, которая, какъ и большинство собравшихся людей, не имѣла ни малѣйшаго понятія о причинѣ народнаго ожесточенія противъ Аполлодора и его жилища.

Переходъ отъ словъ къ дѣлу не заставилъ себя ждать.

Удары ногъ, кулаковъ и палокъ посыпались на крѣпко запертую, окованную мѣдью, дверь, между тѣмъ какъ четырнадцатилѣтній корабельный юнга, вскочивъ на плечи огромному черному рабу, старался взобраться на кровлю колоннады и закинуть зажженный факелъ въ некрытыя сѣни дома.

Глава шестая.

Стукъ оружія, достигшій до слуха Аполлодора и его гостей, исходилъ не отъ противниковъ израильтянъ, а отъ римскихъ воиновъ, принесшихъ несчастнымъ избавленіе.

Возвращаясь съ пирушки у ветерановъ, Веръ съ военнымъ трибуномъ двѣнадцатаго легіона и своими британскими рабами проходилъ по Канопской улицѣ, гдѣ и былъ остановленъ осаждавшею домъ Аполлодора толпою.

Преторъ встрѣчался съ этимъ іудеемъ въ пріемной префекта и зналъ его за одного изъ богатѣйшихъ и умнѣйшихъ александрійцевъ.

Посягательство на его имущество привело Вера въ негодованіе, ибо всякое беззаконіе и нарушеніе установленнаго порядка было для него ненавистно и нестерпимо.

Разнузданный, изнѣженный сластолюбецъ сказывался на войнѣ и всюду, гдѣ это требовалось обстоятельствами, человѣкомъ осмотрительнымъ и храбрымъ.

Узнавъ теперь о намѣреніяхъ возбужденной ватаги, онъ тотчасъ перебралъ въ мысляхъ возможныя средства для противодѣйствія имъ.

Тяжелая дверь уже начала уступать частымъ ударамъ, на кровлѣ колоннады уже стояло нѣсколько молодцовъ съ зажженными факелами въ рукахъ.

Минута была рѣшительная, но Веръ, къ счастію, обладалъ способностью думать и дѣйствовать быстро.

Поручивъ своему спутнику, трибуну Люцію Альбину, поспѣшить къ ветеранамъ и привести ихъ на помощь, преторъ велѣлъ своимъ богатырски сложеннымъ рабамъ расчистить ему дорогу до воротъ осажденнаго дома. Въ нѣсколько мгновеній приказаніе его было исполнено; но какъ велико было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ императора, стоявшаго въ толпѣ!

Адріанъ въ минуту появленія Вера вырывалъ факелъ изъ рукъ расходившагося портнаго.

Затѣмъ, звучнымъ, далеко слышнымъ голосомъ онъ приказывалъ непривыкшимъ къ императорскимъ повелѣніямъ александрійцамъ отступиться отъ своего безумнаго намѣренія.

Свистки, насмѣшки и брань заглушили голосъ властителя.

Когда Веръ съ рабами достигли того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, нѣсколько пьяныхъ египтянъ уже приближались, чтобы наложить руки на непрошеннаго совѣтника.

Преторъ загородилъ имъ дорогу.

— Зевсъ управляетъ міромъ, — шепнулъ онъ прежде всего Адріану,—а защиту еврейскаго дома можетъ предоставить смертнымъ. Черезъ нѣсколько минутъ явятся солдаты.

Потомъ, возвысивъ голосъ, онъ прикрикнулъ:

— Прочь отсюда софистъ, твое мѣсто въ музеѣ или въ храмѣ Сераписа за своими книгами, а не между разумными людьми! Правъ ли я, македонскіе граждане, или не правъ?

Одобрительный ропотъ поднялся въ отвѣтъ на эти слова и перешелъ въ громкій смѣхъ, когда Веръ, послѣ ухода Адріана, продолжалъ:

— Онъ носитъ такую же бороду, какъ кесарь, и потому воображаетъ себя порфироносцемъ! Вы хорошо сдѣлали, что отпустили его во-свояси,—жена и дѣти дожидаются его за ужиномъ.

Веру не разъ приходилось сталкиваться съ простонародьемъ въ разныхъ забавныхъ приключеніяхъ, что научило его обращаться съ нимъ. Еслибъ ему удалось удержать чернь до прибытія солдатъ, дѣло его было бы выиграно.

Адріанъ, гдѣ нужно, бывалъ героемъ; но въ этомъ случаѣ, когда не могло быть и рѣчи о пріобрѣтеніи славы, онъ охотно предоставилъ Веру успокоить народъ.

Какъ только онъ удалился, преторъ приказалъ рабамъ поднять его на своихъ плечахъ.

Его скоро узнали и послышались восклицанія:

— Сумасбродный римлянинъ! Преторъ! Коварный Эротъ!

— Онъ самый, македонскіе граждане, онъ самый!—отвѣчалъ Веръ.—Я хочу вамъ разсказать сказку.

— Слушайте, слушайте!

— Разнесемъ жидовскую берлогу!

— Потомъ, потомъ. Дайте говорить коварному Эроту!

— Я вышибу тебѣ зубы, малый, если ты не замолчишь!—раздавалось среди шума и гама въ толпѣ.

Любопытство послушать знатнаго вельможу боролось нѣкоторое время съ неимѣвшею разумныхъ основаній яростью народа.

Наконецъ, первое стало побѣждать, волненіе стихло и преторъ началъ:

— Жилъ-былъ нѣкогда ребенокъ; ему подарили десять барашковъ изъ шерсти,— знаете, хорошенькія вещички въ родѣ тѣхъ, какими торгуютъ старухи на рынкѣ?...

— Ломайте дверь!—Не нужно намъ дѣтскихъ сказокъ!—Тише!—Берегитесь, отъ овечекъ римлянинъ перейдетъ еще къ волкамъ!—Волка не будетъ, будетъ волчиха!—загудѣла толпа.

— Не поминайте косматаго дружка,—сказалъ смѣясь Веръ,—и слушайте дальше. Мальчуганъ разставилъ своихъ барашковъ рядышкомъ, одного возлѣ другаго. Онъ былъ сыномъ ткача. Есть ли между вами ткачи? Ты, и ты, и ты—тоже?... Не будь я сыномъ своего отца, я желалъ бы быть александійскимъ ткачомъ. Право! Нечего вамъ смѣяться!... Но вернемся къ своимъ барашкамъ. Хорошенькія животныя были всѣ совершенно бѣлыя; только одно изъ нихъ имѣло безобразныя, черныя пятна и очень не нравилось мальчику. Вотъ онъ и подошелъ къ очагу и поджегъ шерсть маленькаго урода, чтобъ оставить однихъ красивыхъ. Пятнистый барашекъ загорѣлся; но въ ту самую минуту, какъ пламя достигло деревяннаго остова игрушки, въ окно ворвался сквозной вѣтеръ, перекинулъ огонь на другихъ барашковъ и черезъ нѣсколько мгновеній отъ всего стада остался одинъ только пепелъ. Мальчуганъ пригорюнился. «Лучше бы было оставить въ покоѣ гадкаго барашка! Чѣмъ я теперь буду играть?»—подумалъ онъ и заплакалъ. Но этимъ дѣло не кончилось; пока мальчикъ теръ рукою глаза, пожаръ распространялся все болѣе и болѣе; пламя уничтожило ткацкій станокъ, запасы шерсти, пеньку, готовыя сукна и полотно, потомъ весь домъ его отца, потомъ весь его родной городъ и вмѣстѣ съ нимъ, помнится, и самого мальчика.

Теперь, любезные друзья и македонскіе граждане, подумайте хорошенько о томъ, что я говорилъ. У кого изъ васъ есть какое-нибудь добро, тотъ пойметъ смыслъ моей сказки.

— Ей, вы! Убирайтесь подальше съ вашими факелами! — заголосила жена угольщика.

— Онъ правъ: изъ-за одного еврея вы подвергаете опасности цѣлый городъ,—воскликнулъ сапожникъ.

Безумцы уже бросили нѣсколько зажженныхъ фитилей.

— Бросьте-ка еще одинъ, такъ я переломаю вамъ ребра,— пригрозилъ стоявшимъ на кровлѣ торговецъ пенькой.

— Правда, нечего съ огнемъ шутить,—кричалъ портной.— Выламывайте-ка лучше дверь и тащите сюда еврея!

Предложеніе это вызвало бурныя одобренія и разступившаяся было толпа снова хлынула къ дому израильтянина.

Никто не слушалъ болѣе Вера.

Преторъ быстро спустился съ плечъ поддерживавшихъ его рабовъ и сталъ прямо передъ дверью Аполлодора.

— Именемъ кесаря, именемъ закона!—крикнулъ онъ громовымъ голосомъ,—не прикасайтесь къ этому дому!

Слова римлянина звучали серьезно и повелительно и видъ коварнаго Эрота былъ такой, что шутить съ нимъ въ эту минуту казалось опасно.

Но среди гула многочисленныхъ голосовъ только немногіе ясно разслышали произнесенныя имъ слова. Дерзкій портной осмѣлился даже ухватиться за поясъ претора, чтобы съ помощью товарищей оттащить его отъ двери; но онъ дорого поплатился за свою дерзость: кулакъ Вера съ такою силой опустился ему на темя, что онъ повалился, какъ пораженный молніей. Одинъ изъ британцевъ въ то же время свалилъ на землю колбасника и дѣло неминуемо дошло бы до кровавой схватки, еслибы почти одновременно съ двухъ сторонъ не явилась помощь осаждаемому буйною ватагой римлянину.

Сначала показались ветераны въ сопровожденіи нѣсколькихъ ликторовъ, потомъ старшій сынъ Аполлодора, Веніаминъ, проходившій вмѣстѣ съ своими товарищами по Канопской улицѣ и увидавшій опасность, угрожавшую дому его отца.

Подобно вѣтру, разгонявшему по небу легкія тучки, прорѣзали солдаты толпу, между тѣмъ какъ молодой израильтянинъ, во главѣ товарищей, расточая направо и налѣво удары своимъ тяжелымъ тирсовымъ жезломъ, съ такою отвагой прокладывалъ

себѣ дорогу среди пораженнаго паническимъ страхомъ народа, что достигъ одновременно съ ветеранами порога отцовскаго дома.

Ликторы громко постучали въ дверь и, не получивъ отвѣта, принуждены были выломать ее при помощи солдатъ.

Трибунъ и Веръ вошли съ вооруженною стражей въ жилище еврея; за ними слѣдовалъ Веніаминъ съ своими друзьями.

Аполлодоръ и его гости не знали, какъ благодарить претора, особенно когда старая ключница-еврейка, которая при самомъ началѣ смятенія спряталась, дрожа отъ страха, на какомъ-то чердакѣ подъ кровлей и видѣла все происходившее на улицѣ, яркими красками описала подвиги мужественнаго римлянина.

Во время ея разсказа вернулась домой прекрасная дочь Аполлодора, Исмена, и, рыдая отъ волненія, бросилась на шею отцу. Ключница взяла ее за руку и подвела къ Веру.

— Этотъ благородный господинъ,—сказала она,—да будетъ надъ нимъ благословеніе Всевышняго!—подвергалъ опасности собственную жизнь для нашего спасенія. Каждая дочь Израиля должна бы, какъ я, съ благоговѣніемъ цѣловать этотъ изорванный врагами хитонъ, который передъ очами Господа краше драгоцѣннѣйшаго праздничнаго одѣянія.

Говоря это, старуха притянула къ губамъ своимъ платье претора и хотѣла заставить Исмену сдѣлать то же.

— Могу ли я дозволить,—воскликнулъ, улыбаясь, Веръ,—когда самого себя считаю едва достойнымъ прикосновенія такихъ очаровательныхъ губъ!

— Поцѣлуй же его, поцѣлуй его!—убѣждала старуха Исмену.

Преторъ взялъ между руками голову зардѣвшейся дѣвушки и съ далеко неотеческимъ взглядомъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ну, Аполлодоръ,—сказалъ онъ весело,—теперь я щедро вознагражденъ за все, что мнѣ удалось сдѣлать для васъ.

— Но мы, я и первенецъ брата моего,—воскликнулъ Гамаліилъ,—не перестанемъ молить, да воздастъ тебѣ великій Богъ отцовъ нашихъ за спасеніе насъ, рабовъ Его.

— Кто вы такіе?—спросилъ Веръ, пораженный величественной, напоминавшей древнихъ пророковъ, наружностью старца и воодушевленными, блѣдными чертами его племянника.

Аполлодоръ разсказалъ ему тогда о высокомъ значеніи равнина между своими единовѣрцами,—значеніи, основанномъ на знаніи закона и толкованіи передаваемаго изъ устъ въ уста тайнаго ученія іудеевъ, Каббалы, а равно и о превосходствѣ Си-

меона-Бенъ-Іохаи надъ всѣми современными ему астрологами. Онъ упомянулъ о надѣлавшемъ много шуму астрологическомъ сочиненіи молодаго человѣка «Сохаръ» и заключилъ тѣмъ, что племянникъ Гамаліила въ состояніи предсказывать положеніе звѣздъ за нѣсколько ночей впередъ.

Веръ слушалъ Аполлодора все съ большимъ и большимъ вниманіемъ, не сводя при этомъ глазъ съ молодаго человѣка, нѣсколько разъ пытавшагося возражать противъ похвалъ своего гостепріимнаго хозяина.

Преторъ вспомнилъ о приближавшемся днѣ своего рожденія, наканунѣ котораго Адріанъ намѣренъ былъ наблюдать положеніе звѣздъ. Результаты этого наблюденія должны были рѣшить судьбу его жизни.

Суждено ли было этой роковой ночи приблизить его къ высшей цѣли его честолюбивыхъ стремленій или, напротивъ, сдѣлать эту цѣль окончательно недостижимою?

— Очень радъ, — сказалъ Веръ, протягивая руку Симеону-Бенъ-Іохаи,—что встрѣтился съ человѣкомъ, обладающимъ твоимъ авторитетомъ и твоими познаніями. Чего бы я не далъ, чтобы располагать ими хотя на нѣсколько часовъ!

— Онѣ къ твоимъ услугамъ,—возразилъ астрологъ.— Располагай моимъ знаніемъ, моимъ усердіемъ, моимъ временемъ, спрашивай меня, сколько хочешь,—мы такъ много тебѣ обязаны.

— Вамъ даже не за что быть мнѣ благодарнымъ, — перебилъ ученаго преторъ.— Я познакомился съ вами только послѣ вашего избавленія и, если противился буйству толпы, такъ это не ради какихъ-нибудь людей, а для поддержанія порядка и законности.

— Ты былъ такъ добръ, что защитилъ насъ,—воскликнулъ Бенъ-Іохаи,— не будь же настолько жестокъ, чтобъ отвергнуть нашу благодарность.

— Она дѣлаетъ мнѣ честь, мой ученый другъ! Клянусь всѣми богами, она дѣлаетъ мнѣ честь!—возразилъ Веръ.—А вѣдь дѣйствительно, еслибы возможно было... Не будешь ли ты такъ добръ послѣдовать за мной къ бюсту Гиппарха? Съ помощью науки, для которой онъ такъ много сдѣлалъ, ты будешь, можетъ-быть, въ состояніи оказать мнѣ важную услугу.

Собесѣдники удалились отъ присутствовавшихъ и остановились передъ мраморнымъ изображеніемъ великаго астронома.

— Ты знаешь,— спросилъ Веръ,— какимъ образомъ кесарь узнаетъ по звѣздамъ грядущую судьбу людей?

— Знаю и совершенно точно.

— Кто сообщилъ тебѣ это?

— Аквила, ученикъ моего отца.

— Можешь ли ты вычислить, что скажутъ ему звѣзды въ ночь на тридцатое декабря о судьбѣ человѣка, родившагося въ эту ночь и гороскопъ котораго находится въ моихъ рукахъ?

— На этотъ вопросъ я могу дать тебѣ только условно-утвердительный отвѣтъ.

— Что же мѣшаетъ тебѣ отвѣчать безусловно?

— Непредвидѣнныя явленія на небѣ.

— Бываютъ ли они часто?

— Нѣтъ, они наблюдаются скорѣе рѣдко.

— Можетъ-быть и мое счастье не обыденное... Я прошу тебя вычислить именно такъ, какъ это дѣлаетъ Адріанъ, какую судьбу будетъ въ указанную ночь предвѣщать небо тому, чей гороскопъ завтра на зарѣ доставитъ тебѣ мой рабъ.

— Для меня будетъ счастіемъ исполнить твое желаніе.

— Къ какому сроку можешь ты окончить эту работу?

— Самое позднее — дня черезъ четыре, а можетъ-быть и раньше.

— Прекрасно. Еще одинъ вопросъ: считаешь ли ты меня за человѣка мужественнаго въ полномъ значеніи слова?

— Безъ сомнѣнія; иначе имѣлъ ли бы я основаніе быть тебѣ благодарнымъ?

— Въ такомъ случаѣ ты сообщишь мнѣ все, даже самое неожиданное, самое ужасное, что другимъ могло бы отравить жизнь. Все, что прочтешь ты въ звѣздной книгѣ—и великое и малое, и доброе и худое—должно быть мнѣ извѣстно.

— Я не утаю отъ тебя ни малѣйшаго указанія.

Преторъ еще разъ крѣпко пожалъ нѣжную, изящную руку Бенъ-Іохаи и простился съ хозяиномъ дома.

Аполлодоръ съ своими гостями и дѣтьми проводилъ римлянина до воротъ. Между провожавшими не было только молодаго Веніамина. Засѣдая съ друзьями въ столовой отца, онъ, въ благодарность за оказанную ему помощь, угощалъ ихъ благороднымъ виномъ.

Ликованіе и пѣсни пировавшихъ раздавались по всему дому.

Гамаліилъ пожалъ плечами.

— Они благодарятъ Бога отцовъ нашихъ на александрійскій ладъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Аполлодору.

На улицѣ, куда между тѣмъ вышелъ, сопутствуемый стражей, Веръ, спокойствіе было уже водворено и главные зачинщики волненія арестованы. Тишина нарушалась только тяжелыми шагами ликторовъ и солдатъ, прохаживавшихся въ полномъ вооруженіи передъ домомъ богатаго еврея.

Глава сѣдьмая.

Въ Кесареумѣ одинъ изъ дворцовыхъ чиновниковъ дожидался претора, чтобы вести его къ императрицѣ, которая желала видѣть его, несмотря на поздній часъ.

Веръ нашелъ свою покровительницу въ сильномъ волненіи.

Она, противъ обыкновенія, не лежала на мягкихъ подушкахъ, а неженственно-большими шагами ходила по комнатѣ.

— Хорошо, что ты пришелъ, — воскликнула она, идя на встрѣчу претору. — Лентулъ увѣряетъ, что видѣлъ гдѣ-то раба Мастора, а Балбилла думаетъ... Но вѣдь это же невозможно...

— Она думаетъ, что императоръ здѣсь?—спросилъ Веръ.

— Какъ, и тебѣ уже говорили объ этомъ?

— Нѣтъ. Я не останавливаюсь на дорогѣ, когда ты зовешь меня и когда я имѣю передать тебѣ важное извѣстіе. Мы не видались съ Бальбиллой, но... прошу тебя, не пугайся.

— Пожалуйста, безъ лишнихъ словъ.

— Во-первыхъ, я встрѣтилъ сегодня.

— Кого?

— Самого Адріана.

— И ты не ошибся? Ты дѣйствительно его видѣлъ?

— Такъ же ясно, какъ вижу теперь тебя.

— Это неслыханно! Это возмутительно, ужасно!—закричала Сабина такъ громко и страстно, что испугалась сама пронзительнаго звука своего голоса. Сухая, высокая фигура ея дрожала отъ волненія; всякому другому она показалась бы въ эту минуту некрасивою, неженственною, отталкивающею; но Веру, привыкшему съ дѣтства смотрѣть на нее болѣе нѣжными глазами, стало жаль ее.

Императрица имѣла основаніе быть глубоко возмущенной новымъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ ей мужемъ.

Не довольствуясь отдѣлкой для себя особаго, отдѣльнаго отъ ея дворца, жилища, онъ проживалъ теперь въ Александріи, не находя даже нужнымъ извѣстить ее о своемъ прибытіи.

Руки ея тряслись отъ негодованія и досады и не то словами, не то еле внятными звуками она приказала претору велѣть приготовить для нея успокоительное лѣкарство.

Когда Веръ возвратился, исполнивъ порученіе, Сабина уже лежала на своихъ подушкахъ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ.

— Я зябну,—проговорила она жалобнымъ голосомъ,—покрой меня одѣяломъ. Я—жалкое, обиженное созданіе...

— Ты слишкомъ впечатлительна и слишкомъ принимаешь все это къ сердцу,—рѣшился возразить преторъ.

Сабина гнѣвно приподнялась на своемъ ложѣ, не дала ему кончить и стала такъ строго допрашивать его, точно онъ былъ обвиняемый, а она—его судья.

Изъ разсказа Вера она скоро узнала, что мужъ ея живетъ на Лохіи, что онъ участвовалъ, переодѣтый, въ праздничныхъ торжествахъ и подвергался серьезной опасности передъ домомъ Аполлодора.

Далѣе она вывѣдала, какъ былъ спасенъ израильтянинъ, кого встрѣтилъ другъ ея въ его жилищѣ, и осыпала Вера горькими упреками за то непростительное, безумное легкомысліе, съ которымъ онъ ради презрѣннаго еврея рисковалъ своею жизнью, предназначенною для достиженія высшаго могущества на землѣ.

Преторъ молча выслушалъ ее до конца, потомъ онъ нагнулся и поцѣловалъ протянутую ему худощавую руку.

— Твое доброе сердце,—сказалъ онъ,—предвидитъ для меня то, на что самъ я не дерзаю надѣяться. Какой-то свѣтъ мерцаетъ на горизонтѣ моего будущаго. Послѣдніе ли это лучи моего заходящаго счастія или заря будущихъ дней величія и блеска,—кто знаетъ? Я терпѣливо жду. Ближайшіе дни рѣшатъ мою судьбу.

— Да, они рѣшатъ ее, они положатъ предѣлъ этой неизвѣстности,—прошептала Сабина.

— Теперь успокойся и постарайся заснуть,—просилъ Веръ со свойственною его голосу задушевною искренностью.—Теперь уже далеко за полночь, а врачъ не разъ приказывалъ тебѣ не утомлять себя долгимъ бдѣніемъ. Прощай, спи спокойно и оставайся для меня, какъ мужа, тѣмъ, чѣмъ ты была для ребенка и юноши.

Сабина отдернула руку, которую онъ взялъ, чтобы проститься.

— Не оставляй меня, ты мнѣ нуженъ, — сказала она. — Я не могу оставаться теперь одна безъ тебя.

— До утра, до безконечности буду я съ тобой, если ты позволишь.

Императрица снова протянула ему руку и тихо вздохнула въ то время, какъ онъ, нагнувшись, долго прижималъ ее къ губамъ.

— Ты—мой другъ, Веръ, мой другъ! Да, я знаю это,—прервала она, наконецъ, молчаніе.

— О, Сабина, матушка,— возразилъ онъ, тронутый до глубины души.—Ты еще, когда я былъ мальчикомъ, избаловала меня своими ласками... Что мнѣ сдѣлать, чтобы выразить тебѣ всю мою благодарность?

— Будь всегда такимъ, какъ сегодня. Обѣщаешься ли ты относиться ко мнѣ такъ всегда, во всякое время, какъ бы ни сложилась твоя судьба?

— Въ счастіи и въ несчастіи я всегда останусь такимъ же, каковъ я теперь, твоимъ другомъ, готовымъ пожертвовать для тебя жизнью.

— Несмотря на обращеніе со мною мужа, даже когда ты подумаешь, что не нуждаешься болѣе въ моемъ расположеніи?

— Всегда, потому что безъ него я—ничто, я жалокъ.

Императрица глубоко вздохнула и сѣла, выпрямившись, на своемъ ложѣ. Она видимо рѣшилась на великій шагъ.

— Если на небѣ, — заговорила она медленно, отчеканивая каждое слово,—въ ночь твоего рожденія не случится ничего необычайнаго, ты будешь нашимъ сыномъ, ты будешь преемникомъ и наслѣдникомъ Адріана... Даю тебѣ въ этомъ клятву.

Въ голосѣ ея слышалось что-то торжественное и маленькіе глаза ея были широко раскрыты.

— Сабина, матушка, духъ-покровитель моей жизни!—воскликнулъ Веръ и бросился передъ нею на колѣни.

Она съ нѣжностью посмотрѣла на его красивое лицо, привлекла къ себѣ его голову и прильнула губами къ его каштановымъ волосамъ. Обыкновенно безжизненные, глаза ея сіяли тихою радостью. Мягкимъ, умоляющимъ голосомъ, незнакомымъ даже самому Веру, она продолжала:

— Но даже на высотѣ счастья, даже послѣ усыновленія, даже въ пурпурѣ ты будешь ласковъ и добръ ко мнѣ, какъ сегодня, не правда ли?... Отвѣчай мнѣ... да?

— Всегда, всегда!—воскликнулъ Веръ.—И если желаніе наше исполнится...

— Тогда,—перебила его, вздрогнувъ, Сабина,—тогда я буду любить тебя такъ же, какъ теперь; а ты... кто знаетъ? Храмы пустѣютъ, когда смертнымъ нечего болѣе желать.

— О, нѣтъ, тогда приносятъ небожителямъ благодарственныя жертвы, — возразилъ Веръ, съ улыбкой поднимая глаза на императрицу, но Сабина отвернулась отъ его взгляда.

— Пожалуйста, не играй словами!—вскричала она испуганно. — Всѣми богами заклинаю тебя, не шути теперь! Для меня эта ночь то же между другими ночами, что освященный храмъ между простыми зданіями, что живительное солнце между остальными свѣтилами неба. Ты не знаешь, каково у меня на душѣ; я даже сама едва могу отдать себѣ въ этомъ отчетъ. Теперь, только теперь не говори пустыхъ рѣчей!

Веръ съ возрастающимъ удивленіемъ поглядѣлъ на Сабину. Она всегда бывала къ нему добрѣе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ; онъ чувствовалъ себя связаннымъ съ ней узами благодарности и свѣтлыми воспоминаніями дѣтства. Уже мальчикомъ онъ, единственный изъ своихъ сверстниковъ, не только не боялся ея, но даже привязался къ ней. Но ни онъ, ни другіе никогда не видали Сабину такой, какой она являлась ему въ эту минуту.

Неужели это была та же суровая, непріятная женщина, сердце которой, казалось, бывало наполненнымъ желчью, а языкъ ранилъ всякаго, какъ кинжалъ, противъ кого обращался? Неужели это была жена Адріана, правда расположенная къ нему, но не любившая въ теченіе своей жизни никого другаго, ни даже самое себя?

Не сонъ ли это? Не обманулся ли онъ?

Слезы, настоящія, неподдѣльныя слезы наполняли ея глаза, когда она заговорила снова:

— Передъ тобою бѣдная, болѣзненная женщина; душа и тѣло у меня такъ раздражительны, словно я вся покрыта ранами. Всякое прикосновеніе, даже прикосновеніе человѣческаго взгляда или голоса, причиняетъ мнѣ боль. Я стара, гораздо старѣе, чѣмъ ты думаешь, и такъ жалка, такъ жалка, какъ вы всѣ не можете себѣ и вообразить! Ни ребенкомъ, ни дѣвушкой не знала я счастья, а женой—вѣчные боги!—за каждое ласковое слово, которымъ дарилъ меня Адріанъ, я платила тысячами самоуниженій...

— Онъ всегда относится къ тебѣ съ уваженіемъ,—перебилъ ее Веръ.

— Да, передъ вами, передъ людьми! Да и къ чему мнѣ уваженіе? Милліоны станутъ покланяться мнѣ, даже боготворить меня, если я того пожелаю. Любви нужно мнѣ, хоть малость самоотверженной любви, и еслибъ я была увѣрена, еслибъ я только могла надѣяться, что ты питаешь ее ко мнѣ,—о, я вознаградила бы тебя всѣмъ, что имѣю, и этотъ часъ былъ бы самымъ благословеннымъ часомъ моей жизни!

— Можешь ли ты сомнѣваться во мнѣ, моя дорогая, моя горячо любимая мать?!

— Какъ это хорошо, какъ сладко!—прошептала Сабина.— Звуки твоего голоса никогда не терзаютъ моего слуха. Я вѣрю тебѣ, я могу тебѣ вѣрить. Да, этотъ часъ дѣлаетъ тебя моимъ сыномъ, дѣлаетъ меня твоею матерью.

Умиленіе, смягчающее сердце, умиленіе наполняло душу Сабины и свѣтилось въ ея глазахъ.

Она была счастлива, какъ молодая женщина, родившая перваго своего ребенка.

— Дай мнѣ руку, сынъ мой, — воскликнула она, ласково глядя на Вера,—помоги мнѣ встать; я не хочу болѣе лежать. Какъ хорошо мнѣ теперь! Да, вотъ то блаженство, которое другимъ женщинамъ боги посылаютъ ранѣе, чѣмъ посѣдѣютъ ихъ волосы!... Но, дитя, милое, единственное дитя мое, ты не можешь любить меня совершенно какъ мать! Я устарѣла для нѣжной болтовни; но я не потерплю и того, чтобы ты относился ко мнѣ только съ сыновнимъ благоговѣніемъ. Нѣтъ, нѣтъ, ты долженъ быть моимъ другомъ,—такимъ другомъ, которому сердце подсказывало бы мои желанія, который могъ бы сегодня веселиться, завтра горевать со мною, который радовался бы, встрѣчая мой взглядъ. Теперь ты мнѣ сынъ и скоро будешь носить это названіе... Но довольно счастія для одного вечера! Этотъ часъ походитъ на оконченную картину художника: каждый штрихъ, прибавленный къ ней, можетъ испортить ея красоту. Поцѣлуй меня въ лобъ, дай мнѣ поцѣловать твой и я пойду отдыхать. Прощай! Завтра, когда я проснусь, первая мысль моя будетъ, что жизнь моя не безцѣльна болѣе, что она нужна другому, что у меня есть сынъ!

Оставшись одна, императрица воздѣла руки для молитвы, но слова благодаренія не шли ей на умъ.

Что-жь изъ того, что она въ продолженіе часа наслаждалась чистымъ, безмятежнымъ счастіемъ? Сколько было за то въ ея прошедшемъ дней, мѣсяцевъ, годовъ, полныхъ мрачной тоски безъ единаго проблеска радости! Что значитъ одинъ часъ въ сравненіи съ цѣлою жизнью, разбитой и искалѣченною судьбой!

Безразсудная женщина! Она упрекала боговъ въ скупости и жестокости, потому что они не давали ей до того пожинать любовь,—любовь, которую она никогда не сѣяла.

И на какую же почву пали теперь сѣмена ея материнской нѣжности?...

Веръ, покидая императрицу, былъ безспорно веселъ и полонъ надеждъ; измѣненіе, внезапно происшедшее въ Сабинѣ, безспорно, тронуло его сердце и укрѣпило въ немъ рѣшимость остаться вѣрнымъ ей и послѣ усыновленія, но глаза его все-таки не блестѣли, какъ у счастливаго сына, а скорѣе сверкали, какъ у борца, который предвидитъ скорую побѣду.

Жена его, несмотря на поздній часъ, еще не ложилась, дожидаясь его возвращенія.

Быстрые шаги претора громко раздавались среди каменныхъ стѣнъ дворца. Услыхавъ ихъ еще издалека, Люцилла выбѣжала встрѣтить мужа на порогѣ.

Весь сіяя довольствомъ, взволнованный, съ раскраснѣвшимися щеками, протянулъ онъ ей обѣ руки.

Она была такъ красива въ своей ночной одеждѣ изъ тонкой бѣлой ткани, а сердце его было такъ полно, что онъ прижалъ ее къ своей груди такъ же страстно, какъ въ первый, слѣдовавшій за ихъ свадьбою, вечеръ; да и она любила его не менѣе, чѣмъ тогда, и въ сотый разъ съ восторгомъ благодарила боговъ за то, что ея вѣроломный вѣтренникъ все-таки возвращается, какъ странствующій по свѣту корабль въ родную пристань, въ ея объятія, на ея неизмѣнно-вѣрную грудь.

— Люцилла!—воскликнулъ Веръ, освобождая шею свою отъ ея рукъ;—о, Люцилла, что это была за ночь! Я всегда судилъ о Сабинѣ иначе, чѣмъ всѣ вы, и былъ благодаренъ ей за ея доброту ко мнѣ. Теперь наши отношенія ясны! Она назвала меня своимъ сыномъ, а себя моею матерью. Теперь пурпуръ нашъ! Ты—супруга кесаря Вера, если только необычайныя знаменія не испугаютъ императора.

Въ короткихъ словахъ, дышавшихъ не только гордостью счастливаго трона, но и умиленіемъ и благодарностью, онъ передалъ ей все, что пережилъ въ этотъ вечеръ у Сабины.

Его бодрая, самоувѣренная веселость заставила смолкнуть ея страхи и опасенія передъ чудовищемъ блеска и могущества, которое, заманчиво улыбаясь и вмѣстѣ угрожая ей, надвигалось очевидно все ближе и ближе.

Слушая разсказъ мужа, она уже представляла себѣ любимаго ей человѣка и за нимъ своего сына на тронѣ кесарей, она уже видѣла себя самое увѣнчанной блестящею діадемой той женщины, которую она ненавидитъ всѣми силами души.

Дружескія отношенія Вера къ Сабинѣ, неизмѣнная привязанность, которую онъ питалъ къ ней съ самаго дѣтства, не безпокоили Люциллу; но, какъ женщина, съ радостью привѣтствуя всякій даръ, получаемый избранникомъ ея сердца, она не могла помириться съ любовью къ нему другой женщины,—она скорѣе простила бы ей ненависть и преслѣдованіе, чѣмъ эту любовь.

Жена претора была сильно взволнована. Мысль, уже много лѣтъ таившаяся въ глубинѣ ея сердца, съ новою силой завладѣла въ эту минуту ея сознаніемъ и порывалась ей на уста.

Адріанъ слылъ за убійцу ея отца, но никто не могъ сказать съ увѣренностью, онъ ли или кто другой на самомъ дѣлѣ умертвилъ благороднаго Нигрина.

— О судьба, судьба! — воскликнула она, поднимая руку, словно для клятвы: — мой мужъ—наслѣдникъ человѣка, убившаго...

— Люцилла!—поспѣшно перебилъ ее Веръ,—думать такія ужасныя вещи безразсудно, а говорить ихъ—чистое безуміе. Не произноси этихъ словъ вторично, а особенно сегодня. То, что случилось когда-то прежде, не должно отравлять намъ настоящаго и будущаго, которое принадлежитъ не только намъ, но и нашимъ дѣтямъ.

— Нигринъ былъ дѣдомъ этихъ дѣтей,—возразила римлянка, сверкая глазами.

— Значитъ, тебѣ хотѣлось бы вселить въ нихъ желаніе отомстить за дѣда кесарю?

— Я—дочь убитаго.

— Но вѣдь ты не знаешь убійцы, а пурпуръ стоитъ болѣе одной жизни, потому что не разъ покупался цѣною многихъ тысячъ жизней. Къ тому же, Люцилла, я, какъ ты знаешь, люблю

только веселыя лица, а у мести чело такое мрачное. Будемъ же наслаждаться нашимъ счастіемъ, супруга кесаря! Завтра мнѣ предстоитъ разсказать тебѣ еще многое; теперь же, къ несчастію, нельзя,—мнѣ пора на великолѣпное ночное пиршество, которое устраиваетъ въ честь меня сынъ богатаго Плутарха. Я не могу остаться съ тобой, право же не могу,—меня и такъ уже давно ждутъ. Смотри, когда мы вернемся въ Римъ, никогда не упоминай при дѣтяхъ объ этомъ старомъ мрачномъ дѣлѣ,—я не хочу этого, слышишь, милая?—я не хочу!

Проходя, въ сопровожденіи освѣщавшихъ дорогу рабовъ по садамъ Кесареума, Веръ увидалъ свѣтъ въ комнатѣ, которую занимала поэтесса Бальбилла.

— Добраго вечера, прекрасная муза!—крикнулъ онъ ей.

— Доброй ночи, коварный Эротъ!—послышался голосъ сверху.

— Ты наряжаешься въ чужія перья, вдохновенная дѣва,—засмѣялся преторъ.—Не ты, а злые александрійцы придумали для меня это названіе.

— Какъ и многія другія, не менѣе удачныя,—возразила дѣвушка. — Чего я только не насмотрѣлась и не наслушалась сегодня!

— И все это ты увѣковѣчишь въ своихъ произведеніяхъ?

— Не все, а кое-что именно въ сатирѣ, направленной противъ тебя.

— Я уже дрожу.

— Надѣюсь, отъ счастія. Стихи мои передадутъ твое имя потомству...

— Это правда, и чѣмъ они будутъ злѣе, тѣмъ съ большимъ основаніемъ выведутъ наши потомки заключеніе, что Веръ былъ Фаономъ для Сафо-Бальбиллы и что ожесточеніе сладкогласой пѣвицы вызывалось отвергнутою любовью.

— Благодарю за это предостереженіе. Сегодня, впрочемъ, моя лира для тебя не опасна, потому что я устала до изнеможенія.

— Неужели ты отважилась показаться на улицѣ?

— Это было неопасно,—со мною былъ надежный спутникъ.

— Осмѣлюсь ли спросить, кто?

— Отчего же нѣтъ? Насъ сопровождалъ архитекторъ Понтій.

— Онъ отлично знаетъ городъ.

— Объ руку съ нимъ я рѣшилась бы спуститься въ адъ, подобно Орфею.

— Счастливый Понтій!

— Блаженный Веръ!

— Какъ прикажешь понять эти слова, прелестная Бальбилла?

— Очень просто. Бѣдный архитекторъ нравится только какъ хорошій спутникъ, тогда какъ тебѣ всецѣло принадлежитъ сердце твоей прекрасной супруги Люциллы.

— Также какъ и ей мое, насколько оно не занято тобой. Пріятнаго сна, жестокая муза!

— Непріятнаго сна, неисправимый мучитель,—отвѣчала на это пожеланіе Бальбилла, задергивая занавѣску на своемъ окнѣ.

Глава восьмая.

Долго, мучительно долго тянется безсонная ночь для человѣка, постигнутаго тяжелымъ несчастіемъ; будущее представляется ему безбрежнымъ океаномъ, по которому онъ, потерпѣвшій крушеніе мореплаватель, носится по прихоти бушующихъ волнъ; но мракъ рѣдѣетъ и новый радостный день показываютъ ему вблизи его спасительный челнъ, а вдали—гостепріимный берегъ.

Безконечно тянулась для бѣднаго Поллукса ночь, послѣдовавшая за его роковымъ столкновеніемъ съ Адріаномъ; не смыкая глазъ и часто тяжело вздыхая, онъ нетерпѣливо ждалъ утра; неотвязныя думы объ его испорченномъ будущемъ не давали ему минуты покоя.

Мастерская Паппія была для него закрыта, собственныхъ инструментовъ было недостаточно и мысль о самостоятельной работѣ, которую онъ самоувѣренно лелѣялъ еще наканунѣ, казалась ему теперь несбыточною мечтой.

Ощупавъ кошелекъ, лежавшій у него по обыкновенію подъ изголовьемъ, онъ невольно улыбнулся, несмотря на свою печаль: на днѣ его оказались только двѣ монеты, и то, къ несчастію, мѣдныя, да высушенная куриная грудинка, которую онъ намѣревался подарить своимъ маленькимъ племянницамъ.

Гдѣ взять ему теперь деньги, которыя онъ въ первый день каждаго мѣсяца носилъ обыкновенно сестрѣ?

Можно было предвидѣть, что Паппій, знакомый со всѣми ваятелями города, часто устраивавшій для нихъ роскошныя пирушки, сдѣлаетъ съ своей стороны все, чтобы повредить въ ихъ глазахъ [illegible]ому художнику и помѣшать ему получить какое-либо мѣсто.

Паппій, бывшій свидѣтелемъ направленнаго противъ него гнѣва кесаря, былъ именно такимъ человѣкомъ, который не посовѣстится воспользоваться тѣмъ, что подслушалъ, какъ оружіемъ противъ него.

Ненависть людей могущественныхъ—плохая рекомендація, особенно же въ глазахъ тѣхъ, которые сами ожидаютъ отъ сильныхъ міра сего милостей и наградъ.

А потомъ—что̀ еслибъ Адріанъ, найдя нужнымъ нарушить тайну своего пребыванія въ городѣ, возънмѣлъ вдругъ мысль дать почувствовать ему свое могущество?...

Не лучше ли, думалъ юноша, покинуть Александрію и искать себѣ работы и пропитанія въ какомъ-либо другомъ греческомъ городѣ?

А Арсиноя?... Могъ ли онъ оставить ее,—онъ, полюбившій со всею страстностью своей художественной души?

Его энергія, его неистощимая веселость не исчезли бы такъ скоро и безслѣдно, еслибъ у него оставалось хоть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что надежда обладать ею дѣлалась болѣе чѣмъ эфемерною, благодаря событіямъ прошедшаго вечера.

Могъ ли онъ рѣшиться связать судьбу неопытной дѣвушки съ своей невѣрной, обуреваемой опасностями, судьбой?

Какой пріемъ встрѣтилъ бы онъ у сердитаго и безъ того Керавна, еслибы дерзнулъ теперь попросить у него ея руки?

Подъ напоромъ этихъ мыслей, слезы выступали ему на глаза; онъ принужденъ былъ, вскочивъ съ постели, быстро ходить по комнаткѣ и порою прижимать свой пылающій лобъ къ холодной стѣнѣ.

Наконецъ-то стала заниматься заря и первые лучи восходящаго солнца принесли нѣкоторое облегченіе измученному юношѣ. За завтракомъ, который Дорида съ заплаканными глазами поставила передъ нимъ, ваятелю снова пришло на мысль обратиться за совѣтомъ къ архитектору Понтію. Спасительный челнъ былъ найденъ.

Старушка раздѣляла завтракъ сына; она противъ обыкновенія почти ничего не говорила и только изрѣдка гладила рукой волнистые волосы Поллукса.

Пѣвецъ Эвфоріонъ задумчиво расхаживалъ по комнатѣ, подыскивая мысли для оды, въ которой онъ намѣревался воспѣть кесаря и вымолить у него прощеніе сыну.

Тотчасъ же послѣ окончанія завтрака Поллуксъ пробрался на площадку съ бюстами царицъ, чтобъ увидаться съ Арсиноей.

Громко пропѣтый имъ стихъ привлекъ дѣвушку на балконъ.

Поздоровавшись, Поллуксъ знаками сталъ просить ее сойти къ нему внизъ. Она, конечно, болѣе чѣмъ охотно исполнила бы его желаніе, но отецъ, узнавъ голосъ ваятеля, позвалъ ее обратно въ комнаты.

Художникъ побрѣлъ домой въ болѣе свѣтломъ расположеніи духа; одинъ взглядъ на прекрасную возлюбленную уже подѣйствовалъ на него благотворно.

Едва онъ вернулся, какъ въ домикѣ привратника появился Антиной.

Это-то и былъ гостепріимный берегъ, на который устремились теперь взоры Поллукса. Надежда снова озарила его душу; надежда—это солнце, передъ которымъ исчезаетъ отчаянье, какъ ночная тѣнь передъ яркимъ сіяніемъ дня.

Творческія способности молодаго человѣка снова получили пищу и нашли себѣ богатое поле для дѣятельности, когда Антиной объявилъ, что до обѣда отдаетъ себя въ полное распоряженіе художника, такъ какъ хозяинъ его, или, вѣрнѣе, кесарь, какъ онъ могъ его теперь называть, будетъ занятъ до этого времени,—префектъ Тиціанъ явился на Лохію съ цѣлою грудой бумагъ, чтобы работать съ нимъ и его тайнымъ секретаремъ.

Поллуксъ тотчасъ же увелъ Адріанова любимца въ отдѣльную, обращенную на сѣверъ, комнатку родительскаго дома.

Тутъ на столикѣ лежали со вчерашняго вечера воскъ и небольшое количество составлявшихъ его собственность инструментовъ.

Съ горемъ въ сердцѣ и съ крайне-напряженными нервами принялся онъ за работу.

Разныя постороннія мысли то и дѣло тѣснились у него въ головѣ, а между тѣмъ онъ зналъ, что только всецѣло сосредоточившись на своемъ творчествѣ можетъ онъ произвести что-либо дѣйствительно удачное. Именно сегодня ему особенно слѣдовало напрячь свои силы; всякая неудача была бы несчастіемъ, потому что модели, подобно той, которая находилась предъ нимъ, нельзя было найти вторично въ цѣломъ свѣтѣ.

Къ счастію, борьба съ прежнимъ настроеніемъ продолжалась не долго, обаятельная красота виѳинянина произвела свое дѣйствіе, глаза художника заискрились вдохновеніемъ, руки задви-

гались вольнѣе и мягкій воскъ началъ принимать достойную дивнаго образца форму.

Цѣлый часъ въ комнатѣ царило глубокое молчаніе, прерывавшееся по временамъ только тяжелыми вздохами Поллукса.

Первый нарушилъ его Антиной. Ему не терпѣлось поговорить о Селенѣ; все сердце его было полно блѣднолицею дѣвушкой, а кромѣ Поллукса онъ не зналъ человѣка, котораго могъ бы сдѣлать повѣреннымъ своей тайны. Ради этого онъ и явился къ нему такъ скоро исполнить данное обѣщаніе.

Между тѣмъ какъ Поллуксъ продолжалъ, не останавливаясь, лѣпить, юноша началъ разсказывать ему о грустномъ происшествіи прошедшей ночи. Онъ выразилъ, кстати, сожалѣніе, что потерялъ при паденіи въ воду серебряный колчанъ и что его преслѣдователи разорвали въ клочки одолженный ему розоваго цвѣта хитонъ.

Легкій крикъ изумленія, возгласъ участія, минутная остановка въ движеніи рукъ и рѣзца — вотъ все, что вызвалъ въ художникѣ, поглощенномъ своимъ занятіемъ, разсказъ о судьбѣ Селены и о пропажѣ дорогихъ вещей, принадлежавшихъ его учителю. Чѣмъ дальше подвигалась работа, тѣмъ болѣе увеличивался восторгъ его передъ созданною самими богами моделью.

Словно опьяненный благороднымъ виномъ, воспроизводилъ онъ это воплощеніе идеи непорочной, мужественно-юношеской красоты. Страсть художественнаго творчества воспламенила ему кровь и отодвинула на задній планъ все остальное,—даже извѣстіе о паденіи въ море Селены и объ ея спасеніи.

Проработавъ около четырехъ часовъ, онъ, наконецъ, глубоко вздохнулъ и, отступивъ отъ стола, сталъ пристально смотрѣть то на свою работу, то на Антиноя.

— Хорошо?—спросилъ онъ послѣдняго.

Виѳинянинъ выразилъ свое одобреніе съ непривычною его натурѣ живостью, и, дѣйствительно, Поллуксъ въ это короткое время сдѣлалъ не мало.

Воскъ его въ сильно уменьшенномъ видѣ уже представлялъ, хотя еще и грубо, всю фигуру очаровательнаго юноши, изобрѣтеннаго имъ въ той самой позѣ, которую принялъ наканунѣ на кораблѣ префекта похищенный пиратами юный Діонисъ.

Несравненно-изящныя формы кесарева любимца были мягки и вмѣстѣ не лишены силы. Ни одинъ художникъ,—еще прежде

говорилъ себѣ Поллуксъ,—не въ состояніи въ минуты вдохновенія представить себѣ низейскаго бога иначе.

Въ то время, какъ ваятель, чтобъ убѣдиться въ вѣрности своей работѣ, измѣрялъ деревяннымъ циркулемъ и полотняною тесьмой члены своей модели, — съ дворцоваго двора раздался стукъ колесъ и затѣмъ пронзительный лай трехъ «грацій».

Вскорѣ съ голосомъ Дориды, унимавшей собакъ, смѣшался другой—рѣзкій, высокій, женскій голосъ.

Антиной внезапно содрогнулся и, покинувъ положеніе, приданное ему за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ ваятелемъ, бросился къ окну.

— Такъ и есть, я не ошибся!—крикнулъ онъ въ полголоса Поллуксу.—Жена Адріана, Сабина, говоритъ на дворѣ съ твоею матерью.

Онъ былъ правъ: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ привратницкой стояла Сабина, которая явилась на Лохію отыскивать мужа и принуждена была оставить свою колесницу у воротъ, такъ какъ мощеніе двора еще не было окончено.

Собаки, къ которымъ Адріанъ питалъ особенную нѣжность, были для нея отвратительны и умныя животныя платили ей за это не меньшею ненавистью. Доридѣ было поэтому труднѣе обыкновеннаго успокоить своихъ непослушныхъ любимцевъ, яростно кидавшихся на незнакомую матрону.

Испуганная Сабина сердито приказывала старушкѣ отогнать собачонокъ прочь, между тѣмъ какъ явившійся съ ней придворный, на руку котораго она опиралась, топая ногами, только усиливалъ ихъ злость.

Наконецъ, «граціи» отступили въ домикъ своей хозяйки и измученная Дорида могла перевести духъ.

Она не подозрѣвала, кто была незнакомка, такъ какъ отъ роду не видала императрицы и составила себѣ о ней совершенно иное представленіе.

— Извини, добрая женщина, — ласково обратилась она къ Сабинѣ,—эти маленькія твари очень добры и не тронутъ даже нищаго, только пожилыхъ женщинъ, кромѣ меня, не могутъ онѣ терпѣть. Кого тебѣ тутъ нужно, матушка?

— Это ты скоро узнаешь,—сухо возразила императрица и обратилась къ своему спутнику.—Вы всѣ, Лентулъ, восхваляли мнѣ искусство этого Понтія. Я желала бы знать, что можетъ быть хорошаго дальше, если онъ не догадывается даже убрать

эту лачугу, которая обезображиваетъ видъ на дворецъ. Здѣсь не мѣсто ни ей, ни ея обитателямъ. Прикажи этой женщинѣ отвести насъ къ живущему здѣсь римлянину.

Придворный сдѣлалъ, что ему было приказано, и Дорида начала догадываться, кого она видитъ предъ собой.

— Какая честь для насъ, великая государыня,—начала она, разглаживая платье и низко кланяясь: — Ты, вѣроятно, супруга кесаря? Если это такъ...

Сабина сдѣлала нетерпѣливо движеніе рукой.

— Молчи и указывай намъ дорогу!—перебилъ старуху Лентулъ.

Дорида не возражала и ея красные отъ недавно пролитыхъ слезъ глаза снова сдѣлались влажными.

Такъ еще никто не говорилъ съ нею, но, ради сына, она не могла отплатить за оскорбительное обращеніе тою же монетой, какъ она сдѣлала бы во всякое другое время.

Молча поплелась она ко дворцу и довела Сабину до залы музъ. Здѣсь она была избавлена отъ обязанности провожать ее дальше архитекторомъ Понтіемъ, который встрѣтилъ незнакомую гостью съ такимъ почетомъ, что послѣднія сомнѣнія старушки относительно того, была ли это дѣйствительно императрица, тотчасъ же разсѣялись.

— Препротивная женщина!—произнесла Сабина, слѣдуя за Понтіемъ и указывая пальцемъ на Дориду, которая услыхала эти слова.

Незаслуженно-жесткими показались они для доброй старушки.

Въ изнеможеніи опустилась она на одно изъ только-что разставленныхъ въ залѣ креселъ, закрыла лицо руками и горько заплакала.

Сыну ея угрожалъ кесарь, а ей самой и дому ея — могущественнѣйшая женщина въ свѣтѣ.

Ей представлялось, что ее вмѣстѣ съ Эвфоріопомъ и любимыми животными уже вытолкали на улицу, и она мысленно спрашивала себя, что станется съ ними со всѣми, если они лишатся мѣста и крова. Память ея мужа становилась съ каждымъ днемъ хуже и хуже, не сегодня, такъ завтра онъ могъ потерять и послѣдній голосъ, собственныя ея силы много ослабли въ послѣдніе годы, а какъ ничтожны были накопленныя ею деньги, которыя она хранила у себя въ сундукѣ!

Бодрая, веселая старушка чувствовала себя словно разбитой. Ее огорчала не столько угрожающая семьѣ нужда, сколько по-

зоръ, который ожидалъ ихъ въ будущемъ, сколько презрительное обращеніе съ ней женщины, на милость которой она разсчитывала для сына.

Появленіе Сабины обратило въ бѣгство добрыхъ геніевъ, паривших надъ Лохіей.

Вотъ что подумала и почувствовала Дорида; но она была не такая женщина, чтобы безъ сопротивленія уступить вражескимъ силамъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ она предавалась своему горю и рыдала, какъ ребенокъ. Потомъ она осушила глаза и почувствовала, что слезы значительно облегчили ей сердце. Мало-по-малу ей удалось успокоиться и собраться съ мыслями.

«Въ концѣ концовъ,—разсудила она,—распоряжаться и повелѣвать можетъ здѣсь одинъ только императоръ, а онъ, говорятъ, со своей злою женой не въ ладахъ и рѣдко справляется объ ея желаніяхъ. Адріанъ далъ почувствовать свою власть Поллуксу, но со мной онъ все это время былъ ласковъ и добръ. Собачки и птицы мои ему нравятся и не похвалилъ ли онъ даже кушанья моего приготовленія?... Нѣтъ, если мнѣ только удастся поговорить съ нимъ съ глаза на глазъ, все еще, можетъ-быть, кончится благополучно».

Придя къ такому убѣжденію, старушка поднялась съ своего мѣста.

Прежде чѣмъ она успѣла уйдти, въ залу вошелъ торговецъ рѣдкостями Габиній изъ Никеи, которому Керавнъ отказался продать принадлежавшую дворцу мозаику и дочь котораго изъ-за Арсинои лишилась роли Роксаны.

Онъ былъ призванъ во дворецъ Понтіемъ и тотчасъ же явился, такъ какъ со вчерашняго вечера распространилась молва, что Адріанъ находится въ Александріи и живетъ во дворцѣ на Лохіи. Отъ кого исходилъ этотъ слухъ и на чемъ онъ основывался,—не могъ сказать никто. Тѣмъ не менѣе онъ существовалъ, проникалъ во всѣ слои общества и съ каждымъ часомъ казался все достовѣрнѣе. Изо всего растущаго на землѣ ничто не растетъ такъ скоро, какъ молва, а между тѣмъ это не болѣе какъ бѣдный найденышъ, не знающій своихъ родителей.

Торговецъ рѣдкостями прошелъ далѣе во внутренніе покои, бросивъ удивленный взглядъ на Дориду, которая продолжала стоять въ нерѣшимости, раздумывая, разыскивать ли ей теперь же императора во дворцѣ, или вернуться къ себѣ и подождать той минуты, когда онъ будетъ проходить мимо ея жилища.

Прежде чѣмъ она приняла какое-либо рѣшеніе, явился архитекторъ Понтій. Онъ постоянно обращался къ ней очень ласково и потому она рѣшилась заговорить съ нимъ и разсказать ему о несчастіи, которое обрушилось на ея бѣднаго сына.

Архитекторъ, для котораго то, что передала ему старушка, было уже не ново, посовѣтовалъ ей потерпѣть, пока Адріанъ успокоится, и обѣщалъ съ своей стороны употребить все свое вліяніе въ пользу Поллукса, снискавшаго его любовь и уваженіе. Онъ объяснилъ ей при этомъ, что ничего не можетъ сдѣлать въ скорости, такъ какъ отправляется, по порученію кесаря, на довольно продолжительное время въ Пелузій, для постановки памятника великому Помпею на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ умерщвленъ. Работы на Лохіи были почти окончены: тѣмъ, что оставалось сдѣлать, взялся распоряжаться самъ Адріанъ и въ этомъ долженъ былъ помочь ему торговецъ рѣдкостями Габиній.

Въ то время, какъ Дорида еще разговаривала съ Понтіемъ, вдали показались Адріанъ и его супруга.

— Мы поговоримъ послѣ, матушка, — поспѣшно шепнулъ архитекторъ старушкѣ, едва заслышавъ голосъ Сабины.—Отойди въ сторону,—императоръ и императрица идутъ сзади.

Съ этими словами онъ быстро удалился.

Дорида отступила за порогъ сосѣдней комнаты, отдѣлявшейся отъ залы музъ тяжелою занавѣской.

Свиданіе Адріана съ женою продлилось не болѣе четверти часа и было, вѣроятно, не особенно дружественно, потому что лицо его пылало, а блѣдныя губы Сабины и ея нарумяненныя щеки судорожно подергивались.

Жена привратника была слишкомъ взволнована и напугана, чтобы подслушивать разговоръ императорской четы, но все-таки разслышала слѣдующія, очень рѣшительно и твердо произнесенныя кесаремъ, слова:

— Въ мелкихъ вещахъ я предоставляю тебѣ, гдѣ можно, дѣйствовать, какъ знаешь; но крупныя дѣла я рѣшалъ и буду рѣшать по своему, исключительно по своему собственному, усмотрѣнію.

Слова эти были смертнымъ приговоромъ для привратницкой и ея обитателей, ибо къ мелкимъ вещамъ, о которыхъ говорилъ Адріанъ, онъ относилъ между прочимъ удаленіе безобразной лачуги у входа во дворецъ. Сабина потребовала его отъ мужа, такъ какъ никому, по словамъ ея, не могло быть пріятно, при

каждомъ посѣщеніи дворца, подвергаться встрѣчѣ съ зловѣщею старой мегерой и нападенію бѣшеныхъ собачонокъ.

Смыслъ рѣчи императора былъ настолько теменъ для Дориды, что она даже обрадовалась, узнавъ изъ нея, какъ мало склоненъ былъ Адріанъ подчиняться въ серьезныхъ дѣлахъ своей супругѣ: не было ли со стороны старушки простительнымъ считать судьбу своего домика крупнымъ, даже однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣлъ?

Сабина, опираясь на провожавшаго ее придворнаго, оставила залу и Адріанъ остался въ ней одинъ съ рабомъ своимъ Масторомъ.

Болѣе благопріятной минуты старушка, казалось ей, не могла найдти, чтобы броситься на колѣни передъ властелиномъ и вымолить у него прощенія сыну и пощады себѣ и мужу. Кесарь стоялъ, обратившись къ ней спиной. Еслибъ она могла видѣть, какъ мраченъ и грозенъ былъ взоръ его, устремленный на земь, то навѣрное припомнила бы предостереженіе архитектора и отложила бы свою просьбу до другаго времени.

Дорида, полная надеждъ, дошла до порога залы и приподняла тяжелую занавѣсь.

Масторъ, хорошо зная своего повелителя и желая по добротѣ сердца избавить старушку отъ новаго горя, старался оживленными знаками дать ей понять, чтобъ она ушла и не безпокоила императора теперь; но страхъ и ожиданія взволновали ее до такой степени, что она даже не замѣчала его присутствія.

Когда императоръ уже собрался уходить, Дорида собралась съ духомъ, стала въ дверяхъ, черезъ которыя онъ долженъ былъ пройдти, и попыталась опуститься передъ нимъ на колѣни. Тяжелымъ подвигомъ показалось это ея старымъ ногамъ и она должна была ухватиться за косякъ двери, чтобы не потерять равновѣсія.

Адріанъ тотчасъ же узналъ просительницу, но вмѣсто обычнаго ласковаго слова наградилъ ее только презрительнымъ, нетерпѣливо-сердитымъ взглядомъ. Какъ могло, очевидно подумалъ онъ, это жалкое, старое созданіе когда-либо показаться ему привлекательнымъ?

Увы, въ этой обширной залѣ великолѣпнаго дворца бѣдная Дорида была совершенно не той, какой она являлась въ своемъ домикѣ, между своими птицами, цвѣтами и собачонками. Огромная позолоченная рама не шла къ такой скромной, маленькой фигуркѣ.

Никогда не производила она на Адріана такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ именно сегодня, какъ въ этотъ часъ, когда

должна была рѣшиться ея судьба. Появленіе императрицы оторвало ее прямо отъ кухоннаго очага; поглощенная своими заботами, она, послѣ безсонной ночи, едва привела въ порядокъ сѣдыя волосы, а добрые, ясные глаза, придававшіе обыкновенно такую прелесть ея лицу, были теперь красны отъ обильныхъ слезъ. Опрятная, добродушная старушка ничѣмъ не отличалась въ эту минуту отъ другихъ старухъ, встрѣчу съ которыми императоръ считалъ плохимъ предзнаменованіемъ.

— О, кесарь, великій кесарь,—воскликнула Дорида, простирая руки, на которыхъ оставалось не мало слѣдовъ ея работы у очага,—мой сынъ, мой несчастный Поллуксъ!

— Прочь съ дороги!—строго произнесъ Адріанъ.

— Онъ художникъ, хорошій художникъ, который и теперь уже превосходитъ многихъ... Если только боги...

— Прочь съ дороги, говорятъ тебѣ! — сердито закричалъ Адріанъ.—Я слышать ничего не хочу объ этомъ дерзкомъ безумцѣ!

— Но вѣдь онъ сынъ мой, великій кесарь, и ты знаешь, что мать...

— Масторъ,—перебилъ ее повелитель, обращаясь къ рабу,—подними старуху и очисти мнѣ дорогу.

— О, государь, государь,—плакала испуганная женщина, въ то время, какъ Масторъ съ трудомъ поднималъ ее на ноги.—О государь, какъ можешь ты дѣлаться внезапно такимъ жестокимъ! Развѣ я уже не старая Дорида, съ которой ты, бывало, шучивалъ и даже кушанье которой тебѣ понравилось?

Эти слова вызвали въ императорѣ воспоминаніе о первыхъ часахъ его пребыванія на Лохіи. Онъ почувствовалъ, что коечѣмъ обязанъ старухѣ, и счелъ своимъ долгомъ вознаградить ее услуги съ обычною царскою щедростью.

— За свое вкусное блюдо, — сказалъ онъ,—ты получишь сумму денегъ, на которую вы будете въ состояніи купить себѣ новый домъ. Жалованье ваше будетъ вамъ уплачиваться и впредь, но черезъ три часа вы должны навсегда покинуть Лохію.

Императоръ произнесъ это быстро, словно желая покончить съ непріятнымъ для него дѣломъ, и прошелъ мимо Дориды, которая стояла, какъ оглушенная, прислонившись къ косяку двери.

Еслибы даже Адріанъ не ушелъ и согласился выслушать ее до конца, старушка не была бы теперь въ состояніи произнести ни единаго слова.

Императору подобали почести Зевса и, какъ молнія, которую мечетъ съ неба отецъ боговъ, могущественное слово его разрушило мигомъ счастіе мирной семьи.

На этотъ разъ у Дориды не нашлось слезъ.

Страшный испугъ потрясъ ея душу, отразился и на старческомъ тѣлѣ. Ноги ея дрожали и отказывались служить. Не въ силахъ тотчасъ же вернуться домой, она тяжело опустилась на ближайшее кресло и стала тупо глядѣть впередъ, раздумывая о горькой участи ожидавшихъ дорогихъ ей существъ.

Въ лежавшемъ за залою музъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ окончательно отдѣланномъ, покоѣ императоръ остановился. Онъ уже начиналъ раскаяваться въ своемъ жестокомъ обращеніи со старухой, которая, когда еще не знала, кто онъ такой, такъ ласково обошлась съ нимъ и его любимцемъ.

— Гдѣ Антиной?—спросилъ онъ Мастора.

— Онъ пошелъ въ домикъ привратника.

— Что онъ тамъ дѣлаетъ?

— Я думаю... Мнѣ кажется, что онъ...

— Говори правду!

— Онъ у ваятеля Поллукса.

— Давно?

— Я хорошенько не знаю.

— Какъ давно, спрашиваю я тебя?!

— Онъ пошелъ тотчасъ же послѣ того, какъ ты заперся съ Тиціаномъ.

— Три часа, цѣлыхъ три часа у этого хвастуна, котораго я выгналъ отсюда!

Глаза Адріана гнѣвно сверкали, когда онъ произносилъ эти слова. Его досада на любимца, общество котораго онъ считалъ слишкомъ большою честью для какого-нибудь Поллукса, заглушила въ немъ всякую добрую мысль и, едва сдерживая свое бѣшенство, онъ приказалъ Мастору позвать къ нему немедленно Антиноя и распорядиться очисткой жилища привратника.

— Возьми дюжину рабовъ на помощь, — кричалъ онъ.—Я позволяю имъ перенести пожитки этихъ людей въ ихъ новое помѣщеніе; но чтобъ ни эта воющая старуха, ни ея тупоумный мужъ не попадались мнѣ болѣе на глаза! Ваятелю скажи отъ меня, что у кесаря ступня тяжелая и что онъ легко можетъ нечаянно раздавить змѣю, которая переползаетъ ему дорогу.

Масторъ печально удалился.

Адріанъ возвратился въ свою рабочую комнату и позвалъ своего секретаря Флегонта.

— Пиши!—приказалъ онъ ему.—Нанять для этого дворца новаго привратника. Старый Эвфоріонъ имѣетъ получать свое жалованіе и впредь, а въ префектурѣ выдать ему полталанта. Такъ... Растолкуй этому человѣку, что слѣдуетъ, и чтобъ черезъ часъ никого изъ его семейства не было здѣсь. Съ этой минуты я не желаю ни слышать о нихъ, ни принимать отъ нихъ какія-либо прошенія. Для меня они отнынѣ умерли!

Флегонтъ низко поклонился.

— Антикварій Габиній дожидается твоего зова,—прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Онъ является кстати,—воскликнулъ императоръ.—Послѣ всѣхъ этихъ дрязгъ пріятно потолковать о произведеніяхъ искусства.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

РЖАВЧИНА.

„Не длиненъ и не новъ разсказъ...“
Н. Некрасовъ.

Давался литературно-музыкальный вечеръ съ благотворительною цѣлью. Уже къ началу въ залѣ было и тѣсно, и душно. Три газовыхъ люстры давали много свѣту, но также и слишкомъ много жару.

Передніе ряды креселъ заняты были избранными, которымъ распорядительницы «сочли долгомъ» послать билеты. Они въ свою очередь «сочли долгомъ» явиться.

Одинъ изъ этихъ «избранныхъ», молодой гвардеецъ, все время поворачивался назадъ, какъ будто отыскивалъ кого-то. Онъ видѣлъ, какъ передъ самымъ началомъ концерта вошла въ залу дѣвушка въ темносѣромъ платьѣ и затерялась гдѣ-то въ заднихъ рядахъ.

«Конечно, это она», — въ десятый разъ повторялъ онъ про себя, снова поворачивался на креслѣ и отыскивалъ биноклемъ сѣрое платье. А ихъ, какъ нарочно, такъ много было въ послѣднихъ рядахъ. Наконецъ, онъ нашелъ.

«Да, конечно, это или она, или ея старшая сестра. У той было что-то дѣтское въ лицѣ. А эта уже видно много испытала.—И онъ опять начиналъ вглядываться въ дѣвушку въ сѣромъ платьѣ и повторялъ:—Она, она».

А ее въ сущности было и трудно замѣтить въ толпѣ. Она сидѣла въ «ненумерованныхъ» мѣстахъ, не эффектная, въ сѣромъ шерстяномъ платьѣ, гладкомъ бѣломъ воротникѣ и рукавахъ, съ просто причесанными волосами. Въ ея лицѣ, только всмотрѣвшись, можно было найти красоту, да и то не въ чертахъ, а въ выраженіи. Черты лица простыя, носъ довольно толстый, боль-

шой ротъ и сѣрые глаза. Она была вся—слухъ, вся—вниманіе. Видно было, что эстрада поглотила ее всю.

Вотъ вышелъ ея любимый литераторъ. Онъ такъ давно былъ для нея чѣмъ-то священнымъ. Она замерла вся.

Онъ вышелъ блѣдный, худой, изнуренный, заговорилъ нервнымъ голосомъ...

Вся его жизнь пронеслась передъ ея глазами: сколько онъ перенесъ, сколько выстрадалъ!...

Онъ прочелъ «Пророка» Пушкина. Казалось, каждый нервъ его дрожалъ, каждое слово шло черезъ сердце...

Такое чтеніе не могло не захватить публику. Имъ закончилось первое отдѣленіе. Крикамъ и вызовамъ не было конца.

Дѣвушка въ сѣромъ платьѣ вся отдалась впечатлѣнію. Ей хотѣлось поближе увидать его. Она стала пробираться къ первымъ рядамъ.

— Вѣра Ѳедоровна, вы не узнаете меня?—услышала около себя низкій, пѣвучій голосъ.

Она быстро обернулась и увидала высокаго гвардейца, изящно согнувшаго талію и съ вопросительнымъ видомъ смотрѣвшаго на нее.

Она съ недоумѣніемъ оглядѣла его.

— Боловцевъ, — отрекомендовался онъ. — Братъ Анны... Забыли?...

— Ахъ, здравствуйте!—разсѣянно проговорила она.—Я бы, признаться, не узнала васъ.

— Тогда я ходилъ въ статскомъ... Военная форма мѣняетъ... Да и времени много прошло съ тѣхъ поръ... Воды-то сколько утекло!... Много перемѣнилось... Бѣдная Annette!...

Вѣру точно что-то передернуло. Она не отвѣтила ему ничего на послѣднюю фразу и стала пробираться впередъ. Онъ тѣснился за нею.

— А я такъ радъ, что встрѣтилъ васъ... Скажите, вы все тамъ же, у Анушиныхъ?

— Нѣтъ, я живу въ деревнѣ,—неохотно отвѣтила она, не оборачиваясь къ нему.

— Вотъ какъ! Педагогствуете?—улыбаясь спросилъ онъ.

Она ничего не отвѣтила.

Въ это время на эстраду въ седьмой разъ вышелъ ея любимецъ-литераторъ и она почти не слушала своего собесѣдника.

— А мнѣ такъ хотѣлось васъ встрѣтить гдѣ-нибудь. Такъ

хотѣлось разспросить объ Аннѣ... Я вѣдь почти ничего не знаю о послѣднемъ времени ея жизни.

Она была слишкомъ занята эстрадой, чтобы вслушаться въ то, что онъ говорилъ. Послѣдняя фраза однимъ звукомъ осталась у нея. Она только черезъ нѣсколько минутъ сообразила, что̀ могла означать она.

Вѣра быстро обернулась, но гвардеецъ уже скрылся. Онъ подождалъ отвѣта минуты двѣ и ушелъ изъ залы. А она теперь, Богъ знаетъ, что дала бы, чтобы потребовать объясненія этой фразы. Послѣднее письмо Анны цѣликомъ встало въ ея головѣ. «Я дошла до каменной стѣны,—писала она.—Сзади глубокій ровъ: идти впередъ—разобьешь голову, вернуться назадъ—свалишься въ пропасть... Что дѣлать?» А потомъ дальше... И все письмо дышало такимъ отчаяніемъ, что почти навѣрное можно было ожидать ужаснаго исхода.

У нея духъ захватило. Ей хотѣлось сейчасъ же, сію секунду отыскать его и разспросить обо всемъ, что ему извѣстно. Но во всѣхъ залахъ была такая толкотня, что невозможно было никого отыскать.

Видно было, что Вѣра Ѳедоровна была чужая всему обществу: никто не подошелъ къ ней, никто даже не обратилъ вниманія на ея одинокую фигуру, скромно прижавшуюся къ косяку окна въ одной изъ боковыхъ залъ.

Она съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла въ пеструю толпу, шумными волнами приливавшую изъ главной залы. Было очень много военныхъ, но того, кого ей такъ хотѣлось видѣть, между ними не было.

Вѣра рѣшила терпѣливо ждать начала втораго отдѣленія и во что бы то ни стало отыскать Боловцева.

«А что, если уѣхалъ? — пришло ей въ голову.—Тогда жди до завтра, разыскивай...»

И ей самой показалось страннымъ: думала ли она когда-нибудь, что будетъ такъ страстно желать бесѣды съ Боловцевымъ.

Она познакомилась съ нимъ три года тому назадъ въ Парижѣ у его кузины, Анны Слащовой. Но ихъ знакомство было совершенно безцвѣтно, хоть Боловцевъ и считалъ долгомъ завести всегда какой-нибудь серьезный разговоръ въ обществѣ Вѣры. Потомъ она рѣдко видала его. Утромъ онъ шелъ завтракать къ Биньону, затѣмъ ѣхалъ верхомъ въ Bois и только обѣдалъ всегда у Анны; вечеромъ же отправлялся на какіе-то «вечера». Въ те-

атры онъ не ѣздилъ,—серьезныя пьесы ему казались скучными, онъ чистосердечно признавался въ этомъ, а добродушно смѣяться отъ веселыхъ комедій онъ не умѣлъ.

Въ воспоминаніяхъ Вѣры о заграничной жизни Боловцевъ нарисовался очень блѣдною фигурой. Теперь она такъ хотѣла видѣть его, потому что онъ былъ для нея единственнымъ источникомъ узнать что-нибудь объ Аннѣ.

Антрактъ близился къ концу.

Публика начала мало-по-малу уходить въ главную залу. Вѣра все стояла у косяка.

Какой-то старецъ началъ подозрительно посматривать на нее и нѣсколько разъ прошелся передъ ней. Она ничего не замѣчала. Въ головѣ всплывали, мѣшались и исчезали картины, письма и слухи...

Наконецъ послышались первые аккорды «Руслана». Второе отдѣленіе началось. А Боловцевъ не проходилъ еще .. Ея нервы отъ сильнаго напряженія въ продолженіе двадцати минутъ были страшно натянуты. Когда дверь въ залу затворилась и она увидѣла, что остались въ фойе только она, да два буфетчика, слезы подступили къ горлу. Она не могла больше ждать. Ей нужно было сейчасъ же все знать объ Аннѣ.

— М-г Боловцевъ!—вскрикнула она, увидавъ двухъ офицеровъ, проходившихъ черезъ фойе въ залу.

Одинъ изъ нихъ обернулся.

— Это вы,—онъ замялся, не помня фамиліи Вѣры.

— Удѣлите мнѣ нѣсколько минутъ,—торопливо перебила она, усаживая его въ кресло и садясь сама.—Вы успѣете еще... Я искала васъ... Мнѣ хотѣлось поговорить объ Аннѣ...

Онъ оглядѣлся. Они были почти одни. Буфетчики не могли слышать ихъ разговора. Изъ залы доносились пѣвучіе и могучіе звуки.

— Разскажите мнѣ пожалуйста все, все, что вы знаете про нее,—нетерпѣливо заговорила она.

— Да вѣдь она мнѣ только нѣсколько строкъ передъ смертью написала,—отвѣтилъ онъ, принимая какое-то строгое, совсѣмъ несвойственное ему выраженіе.

— Передъ смертью?!—едва слышно переспросила она.

— Да, за нѣсколько минутъ писала,—пояснялъ онъ, видно не понимая, что̀ именно поразило ее въ его фразѣ.

— Пишетъ: «Черезъ пять минутъ меня не будетъ. Револьверъ лежитъ тутъ же рядомъ и спокойно ждетъ того мгновенія, когда онъ кончитъ мои страданія»..

Вѣра молчала. У нея не было силы произнести хоть одно слово; хотѣлось такъ много спросить, но она не находила слова, не знала, съ чего начать.

— Бѣдная! Жаль, конечно,—такая молодая и уже была такъ ужасно испорчена. Она положительно не въ своемъ умѣ была. Я ужь давно замѣтилъ это...

— Постойте,—прервала она его, овладѣвъ собой,—разскажите мнѣ все подробно. Анна застрѣлилась?... Гдѣ, когда, отчего?...

— Да вы развѣ ничего не знаете?—изумился онъ.—Вы были ея самымъ лучшимъ другомъ,—меня она никогда не любила... Я бы долженъ былъ спрашивать у васъ.

— Я не знаю почему, но мнѣ ничего не извѣстно: съ вашими ни съ кѣмъ я не вижусь, вѣдь изъ-за нея же... Все это время я была въ деревнѣ, тамъ я получила и ея послѣднее письмо. Она его писала въ первыхъ числахъ ноября.

— Ну, а покончила съ собой пятнадцатаго. И обставила все это какъ-то странно, непонятно, какъ и все, что она дѣлала.

— Да вы разскажите все по порядку.

— Я не знаю, что было съ ней въ послѣдній годъ ея жизни. Въ послѣдній разъ я встрѣтилъ ее въ Monte-Carlo, за рулеткой. Но какъ встрѣтилъ!?.. Лучше и не вспоминать... Съ тѣхъ поръ про нее доносились чудовищные слухи. Я не хотѣлъ вѣрить, не хотѣлъ слушать. Бѣдная женщина! Вы не повѣрите, какъ иногда мнѣ было жаль ее!... Но, съ другой стороны, она носила нашу фамилію... Бросивши мужа, она взяла опять прежнее имя. Согласитесь, грустная извѣстность... Madame Anna de Bolowzeff не могла льстить всѣмъ намъ...

Онъ опять отклонился отъ разсказа, опять занялся личными ощущеніями. До нихъ Вѣрѣ не было никакого дѣла.

— Когда же вы узнали о ея смерти? — спросила она нетерпѣливо.

— А вотъ я вамъ все разскажу,—началъ онъ, повернувшись на креслѣ въ ея сторону.—Шестнадцатаго ноября утромъ тетка Александра Аркадьевна получаетъ телеграмму изъ Ліона. Annette проситъ ее пріѣхать по нужному дѣлу въ Ліонъ, Hôtel de France. Можетъ не особенно торопиться. Ну, вы знаете, Александра Аркадьевна всегда въ дѣлахъ, всегда занята. Да притомъ она какъ-

то совсѣмъ охладѣла къ Annette. Она не придала телеграммѣ большаго значенія, хоть и говорила, что поѣдетъ, когда окончитъ дѣло по контракту съ арендаторомъ ея симбирскаго имѣнія. Вдругъ вечеромъ вторая телеграмма: содержательница Hôtel de France увѣдомляетъ, что Annette застрѣлилась въ ночь съ пятнадцатаго на шестнадцатое.

— Да какъ она попала въ Ліонъ?...

— Она обдумала все это. Она пріѣхала въ Ліонъ нарочно затѣмъ, чтобы застрѣлиться. Каковъ характеръ-то?—Ѣхать такъ далеко съ твердымъ намѣреніемъ похоронить себя тамъ. Большой городъ, никто ее не знаетъ. Пріѣхала пятнадцатаго, остановилась въ Hôtel de France и весь день писала что-то. Потомъ оказалось, что писала письма мужу, матери, мнѣ. Удивительно, право, какъ это вамъ-то?... А вечеромъ поѣхала въ телеграфное отдѣленіе... Ужь это потомъ все узнали. А тутъ только видѣли, что куда-то уѣзжала минутъ на двадцать. Потомъ пріѣхала къ себѣ и заперлась. А ночью услышали выстрѣлъ... Открыли дверь... Сидитъ въ большомъ креслѣ, вся на бокъ свѣсилась... Кому дать знать? Кого извѣстить? Ни на столѣ, нигдѣ ничего нѣтъ, что бы могло показать, кто она, гдѣ ея родные. Только на столѣ и оставила, что маленькую записку къ хозяйкѣ отеля: проситъ извинить ее,—и браслетъ съ бриллiантовыми буквами А. В., что мать ей подарила. Вырученныя за браслетъ деньги проситъ употребить на ея похороны. Похоронить какъ можно проще и, главное, скорѣе.

— А какъ же дали знать матери?

— Да у нея записная книжка въ карманѣ была,—вся исписана по-французски... Вѣдь она никогда по-русски не писала. А на одной страницѣ, видятъ, написана по-русски и вложена телеграфная квитанція; разобрали, прочли депешу, что наканунѣ она матери-то давала. Сейчасъ и телеграфировали Александрѣ Аркадьевнѣ.

— Для чего же она такъ хлопотала о таинственности?

— Ахъ, вы знаете, какая у нея голова была... Пишетъ матери кроткое письмо,—всю жизнь свою перебрала. Дѣйствительно, не красна была... Въ концѣ прибавляетъ, что прощаетъ ее, но что видѣть ее не хотѣла бы и не могла бы... И даже еслибы мертвая увидала мать у гроба, такъ повернулась бы... Вѣдь надо ея воображеніе для этого!... Только и хлопочу, пишетъ, какъ бы умереть и быть похороненной раньше, чѣмъ будутъ раз-

бирать всѣ мои вещи и найдутъ эти письма... И дѣйствительно, письма такъ спрятала въ коффрѣ, что ужь ихъ нашла тетка, когда пріѣхала въ Ліонъ.

— А она поспѣла къ похоронамъ?...

— Нѣтъ, Annette похоронили за день до ея пріѣзда.

— Хоть это послѣднее ея желаніе сбылось!—замѣтила Вѣра.

— Не совсѣмъ: Александра Аркадьевна велѣла вырыть гробъ и перевезла его въ Петербургъ, въ фамильный склепъ,—сказалъ Боловцевъ какъ-то сухо, какъ будто желая добить Вѣру этою фразой. Онъ сталъ ей противенъ въ эту минуту. Какъ можно было такъ холодно, такъ равнодушно говорить обо всемъ этомъ, особенно ему, знавшему все?...

— И тутъ!...—совершенно невольно вырвалось у нея.

Онъ понялъ, что ее возмутило.

— Какъ хотите, она—мать... Желать, чтобы могила дочери...

— Мать!—не дала она окончить ему.—Да неужели же этимъ именемъ все оправдывается?... Ну, да я лучше замолчу, — она вамъ тетка... Я навѣрное скажу много рѣзкаго...

— Да вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь... Я самъ терпѣть не могу Александру Аркадьевну.

«Терпѣть не можетъ, а ручки цѣловать надо, справляться о здоровьѣ каждый день тоже бывало необходимо»,—пронеслось у нея въ головѣ. Продолжать разговоръ съ нимъ она больше не могла. Онъ разсказалъ ей все, что зналъ. Говорить же съ нимъ по душѣ ей казалось немыслимымъ. Вѣра встала. Ноги у нея дрожали, голова кружилась, какъ будто послѣ сильной болѣзни.

Боловцевъ еще сказалъ нѣсколько заключительныхъ фразъ, какъ онъ жалѣетъ Анну, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ радъ ея смерти, этому избавленію отъ страданій...

Все это казалось Вѣрѣ сухимъ, антипатичнымъ и безцвѣтнымъ... Она протянула ему руку проститься.

— А вы не пойдете въ залу?—спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, я домой...

— Прикажете проводить до экипажа?

— Нѣтъ, благодарствуйте,—отвѣтила она.—Я сама... Только еще одно слово... Исполните мою просьбу?

— Всегда радъ, любезно звякнулъ онъ шпорами.

— Пришлите мнѣ письмо Анны къ вамъ...

— Если позволите, привезу его самъ... Вашъ адресъ?

Она сказала ему, поблагодарила и стала спускаться съ лѣстницы.

— Mademoiselle?...—услыхала она сверху.

Вѣра обернулась. Боловцевъ быстро сбѣжалъ къ ней на первую площадку и полушепотомъ сказалъ ей:

— А вѣдь всѣ письма Annette получила Александра Аркадьевна... Навѣрное, письмо къ вамъ такъ и осталось у нея.

— Меня это не удивило бы...—едва выговорила Вѣра и, не оглядываясь, стала быстро спускаться внизъ.

Она не замѣтила, какъ сѣла на извощика, какъ очутилась въ своемъ маленькомъ, неприглядномъ номерѣ... Сознаніе, что Анны нѣтъ, что Анна застрѣлилась, какъ-то совсѣмъ окутало ее, захватило всю. Она ничего не видала, ничего не слыхала... Воспоминанія такъ и нахлынули на нее. Нѣкоторыя картины изъ прошлаго ярко выступили передъ нею.

II.

Три года тому назадъ Вѣра случайно попала въ Парижъ. Она пріѣхала съ семьей, гдѣ была гувернанткой. Они поселились въ извѣстномъ отелѣ, переполненномъ русскими, между которыми чаще всѣхъ ихъ посѣщала Александра Аркадьевна Боловцева, богатая вдова, жившая большую часть года въ Парижѣ.

Разъ эта Александра Аркадьевна обратилась къ Вѣрѣ съ просьбой придти къ ея больной дочери, родившей недавно мертваго ребенка.

— Annette ужасно скучаетъ... Она была бы очень рада побесѣдовать иногда съ молодой особой... Мы стары для нея... Пожалуйста приходите! Она живетъ здѣсь же въ отелѣ.

Вѣра сказала, что придетъ, какъ только будетъ свободна.

Въ тотъ годъ октябрь въ Парижѣ былъ дождливый, туманный, сырой. Самый здоровый человѣкъ—и тотъ не могъ не поддаваться вліянію этой погоды. Небо сѣрое, мелкій дождь, какой-то пронизывающій вѣтеръ.

Въ одно такое утро Вѣра увидала въ первый разъ Анну.

Вся ея обстановка какъ нельзя болѣе гармонировала съ суровымъ октябремъ. Громадная комната, обитая сѣрымъ атласомъ, какъ будто нарочно была вся загромождена ненужными и неудобными креслами, пуфами, козетками, столиками съ визитными карточками, корзинами цвѣтовъ. Тяжелыя гардины закрывали

окна до половины, а спущенныя тюлевыя занавѣски помогали имъ впускать какъ можно меньше свѣта въ комнату. Вѣра взошла и успѣла разглядѣть въ этомъ полумракѣ все раньше, чѣмъ увидала Анну. Она со своей маленькой фируркой совершенно тонула въ этой подавляющей обстановкѣ. Анна лежала на chaise longue въ черной бархатной блузѣ, отдѣланной кружевами point de Venise. На головѣ, причесанной въ двѣ косы, узкая бѣлая шелковая ленточка. Ноги прикрыты темно-лиловымъ couvre-pied также съ point de Venise. Рядомъ, на столикѣ, въ темныхъ вазахъ—два громадныхъ букета изъ ниццкихъ фіалокъ. Все было строго обдумано: ничто не нарушало траура, ничто, вплоть до болонки, на бѣлоснѣжной шейкѣ которой былъ надѣтъ черный бархатный ошейникъ съ серебрянымъ замочкомъ и серебряною надписью: «Сога». Все было разсчитано, все подчеркнуто, во всемъ хотѣлось щегольнуть горемъ.

Возлѣ Анны сидѣли три дамы; одна изъ нихъ была мать ея. Александрѣ Аркадьевнѣ было уже подъ сорокъ, но парикмахерская прическа, необычайно тонкая талія, фасонъ и цвѣтъ платья дѣлали ее гораздо моложавѣе.

Разговоръ все время шелъ по-французски.

— Вотъ уговариваемъ Annette встать и начать выѣзжать. По-неволѣ скучать будетъ,—лежитъ уже пять недѣль,—обратилась къ Вѣрѣ мать Анны послѣ обычныхъ представленій.

— У насъ всегда, chère madame Bolowzeff,—заговорила сидѣвшая у изголовья больной немолодая француженка,—держатъ больную три недѣли въ постелѣ и три на chaise longue. Я принимала у герцогини Грамонъ, у графини Ришлянде...

— Да какое мнѣ дѣло до вашихъ герцогинь и графинь!—раздраженно перебила ее Александра Аркадьевна.

— Но, maman, я должна слушаться кого-нибудь одного: или васъ, чтобы встать и летѣть завтра же въ Булонскій лѣсъ, или довѣриться madame Пуарье и вылежать еще недѣлю,—заговорила молодая женщина, отчеканивая каждое слово. Въ голосѣ слышно было, что она не слушается ни той, ни другой, а сдѣлаетъ такъ, какъ сама захочетъ. Этотъ рѣшительный тонъ, этотъ рѣзкій голосъ противорѣчили ея безпомощной фигуркѣ, ея блѣдному, безкровному лицу. Но такъ казалось на первый взглядъ. Стоило только немного вглядѣться въ ея тонкія губы и обратить вниманіе на длинные темно-сѣрые глаза съ металлическимъ блескомъ,

чтобы понять, что въ этомъ маленькомъ тѣльцѣ огромный характеръ.

— Я уже ѣздила къ madame Gringoire, — говорила между тѣмъ Боловцева, обращаясь къ сидѣвшей съ ней рядомъ барынѣ съ ужасно краснымъ лицомъ, отчего ея свѣтлые глаза казались совсѣмъ бѣлыми.—Она пришлетъ завтра свою главную закройщицу снять мѣрку съ Annette... M-me Gringoire говоритъ, что теперь именно важно, чтобы корсетъ былъ сдѣланъ хорошо. Послѣ...—она затруднялась въ выборѣ слова,—послѣ подобной болѣзни талія не придетъ въ настоящій видъ цѣлыхъ два мѣсяца.

— А иногда и совсѣмъ не придетъ,—со вздохомъ проговорила ея собесѣдница.—Вы повѣрите, у меня талія была въ сорокъ шесть сантиметровъ. Всѣ поражались... А послѣ рожденія моего Nicolas я уже не могла стянуть больше пятидесяти четырехъ.

— А такъ какъ у меня никогда и не было тонкой таліи, то мнѣ и терять нечего,—какъ бы нехотя проговорила больная.

— Ахъ, Annette, какъ же ты говоришь такъ!? Ты знаешь, какъ Никсъ любитъ красивыя фигурки... Онъ не такъ цѣнитъ лицо, какъ фигуру...

— Да откуда же мнѣ взять ее, maman, если я создана квадратной?—уже совсѣмъ раздраженно отвѣтила Анна.

Видно было, что этотъ разговоръ надоѣлъ ей. Она приподнялась на лѣвый локоть, взяла со столика папиросу и стала курить, прищуривая правый глазъ. Она смотрѣла куда-то вдаль, желая показать, что не участвуетъ въ разговорѣ присутствующихъ. А разговоръ видно попалъ на благодарную тему.

— Вы знаете, какъ много значитъ корсетъ,—говорила m-me Боловцева, цѣдя сквозь зубы каждое слово.—Съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ заказываю у Gringoire, Вортъ не узнаетъ моей таліи... Каждый годъ она становится тоньше на полтора сантиметра.

Вѣра начинала жалѣть, зачѣмъ пришла сюда. Она не знала, какъ дождаться конца темы, чтобы встать и уйти. Ей казалось страннымъ, что Анна, которая и просила ее придти къ ней, не сочла нужнымъ сказать ей ни полслова. Она какъ будто угадала мысли Вѣры.

— Вы въ траурѣ?—обратилась она къ ней.—По комъ?

— Я похоронила мать,—отвѣтила она неохотно... Вѣра знала, что ей было извѣстно это и она задала такой вопросъ сама не зная зачѣмъ.

— И давно?

— Нѣтъ, только пять мѣсяцевъ тому назадъ.

— Но вы посѣщаете театры?

— Да. А развѣ нельзя? — спросила Вѣра, опять не понимая ея вопроса...

— Нѣтъ, отчего же если это еще занимаетъ, — проговорила она и вздохнула такъ, какъ бы желая показать, что для нея удовольствій болѣе не существуетъ.

— Настоящее горе, мнѣ кажется, не въ этомъ,—не могла не отвѣтить ей Вѣра.—Впрочемъ, я судить не могу.

Убѣждать эту барыню, задрапированную собственнымъ горемъ, ей показалось нелѣпымъ. Она оборвала разговоръ. Анна сейчасъ же поняла это и опять, повернувшись на лѣвый локоть, взяла со стола большую кипу картъ.

Акушерка-француженка сейчасъ же прочла желаніе больной. Она придвинула свой стулъ къ кушеткѣ и положила на колѣни дощечку съ перильцами. Анна сдала карты и онѣ начали играть въ безикъ. Видно было, что это ихъ обычное занятіе. Дамы, сидѣвшія здѣсь, какъ будто для больной, не обращали на это никакого вниманія. Онѣ оживленно продолжали свой разговоръ, перескочивъ какъ-то очень скоро отъ талій и корсетовъ къ несчастной исторіи женщины, разведенной съ мужемъ.

— Я сама мать, — говорила низкимъ голосомъ madame Боловцева.—Развѣ же можно воспитывать такъ дочь? Полгода она живетъ у матери: жизнь монастырская, тишина, ничего не видитъ; а другіе полгода проводитъ у отца: тутъ, напротивъ, съ утра шумъ, суматоха. Онъ всюду ее таскаетъ за собой. Она по десяти дней остается на охотѣ... Множество мущинъ и она одна, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, между ними. Что же изъ нея выйдетъ?...

— Ахъ,—заговорила жалобнымъ тономъ барыня съ бѣлыми глазами, m-me Корнфельдъ,—да если это было единственное средство получить разводъ? У нихъ только одинъ ребенокъ... Ну, и рѣшили, что дочь будетъ жить полгода у матери и полгода у отца. И вотъ уже пять лѣтъ такъ.

— Что же выйдетъ изъ этой дѣвочки, спрашиваю я васъ? Безъ всякаго женскаго вліянія, съ такимъ ужаснымъ отцомъ...

— Да, конечно. Но... — робко заговорила баронесса Корнфельдъ: она какъ будто боялась противорѣчить Боловцевой.

— Ахъ, ma chère, не говорите!... Я вижу дѣвочку. Это не дѣвочка порядочной семьи, а гимназистъ какой-то... Кто же въ этомъ виноватъ?—Конечно, мать!

— Скоро рѣшили!... какъ бы про себя проговорила Анна, не выпуская папиросы изо рта. У нея эти слова вылетѣли какъ будто нечаянно.

— Что ты сказала, Annette?—спросила ее мать, притворяясь, что не разслышала замѣчанія дочери.

— Cinq cents,—объявила второй безикъ больная и положила карты на столѣ.—Вы же сами разсказывали,—продолжала она, обращаясь къ матери,—всю исторію этой бѣдной m-me Lotoff. Могла ли она жить съ мужемъ?

— Она очень любила его... Да онъ и не желалъ развода,—сдержанно, но съ замѣтнымъ раздраженіемъ, проговорила Боловцева.

— Да... Но неужели трудно понять, что чѣмъ больше она любила его, тѣмъ тяжелѣе для нея было его третированіе, его какая-то ненависть къ ней?... А когда онъ ввелъ въ домъ ту женщину, развѣ m-me Lotoff могла оставаться жить съ нимъ?—нервно перебила Боловцеву дочь.—Это было выше ея силъ... Она должна была уѣхать и мужъ самъ желалъ этого, только былъ противъ развода, потому что дочь отдали бы матери...

— О, онъ страстно любитъ дочь,—вставила съ сентиментальнымъ видомъ m-me Корнфельдъ.

На лицѣ Боловцевой нельзя было ничего прочитать. Большой ротъ съ тонкими губами былъ сжатъ въ жесткой полуулыбкѣ.

— Любитъ эгоистично, мелко, какъ все, что онъ дѣлаетъ,—продолжала Анна нервнымъ голосомъ.—Онъ и не отпускалъ жену отъ себя, заставлялъ ее все выносить, чтобъ имѣть при себѣ дочь,—до страданій жены ему дѣла не было... А виновата же во всемъ осталась она...

— Тебѣ бы надо воды съ флёрдоранжевыми каплями немного. Ты очень волнуешься Annette,—отдѣляя каждое слово, все съ полуулыбкой, сказала Александра Аркадьевна.—Всякіе пустяки способны взволновать тебя.

— Хороши пустяки! — вся дрожа отъ волненія, выговорила Анна.—Впрочемъ, извините, maman, я забыла мое обѣщаніе...

Она оборвала свою рѣчь и взялась опять за карты. Видно было, что внутри ея все клокотало: грудь высоко поднималась,

ноздри раздувались, въ темно-сѣрыхъ глазахъ блеснулъ недобрый огонекъ.

— Annette все еще не можетъ оправиться отъ болѣзни,—какъ бы извиняясь, обратилась къ Вѣрѣ m-me Боловцева.—Будь она здорова, она бы не взволновалась такъ изъ-за женщины, которую видѣла разъ въ жизни.

Анна хотѣла что-то сказать, но сейчасъ же крѣпко закусила нижнюю губу и сдвинула брови. Должно-быть послѣднее движеніе было ея обычное: несмотря на восемнадцать лѣтъ, у нея уже успѣла образоваться между бровей глубокая складка.

Настала неловкая минута молчанія. Анна совсѣмъ повернулась къ француженкѣ, давъ понять, что не хочетъ участвовать въ разговорѣ. Вѣра не знала, что отвѣчать Боловцевой.

— Графъ Виллье!—доложилъ очень кстати лакей.

Вслѣдъ за нимъ въ комнату вошелъ баринъ небольшаго роста съ сѣдой головой и темными усами. Борода была гладко выбрита.

— Можно видѣть милую больную? — весело спросилъ онъ, мягко ступая по ковру и прямо направляясь къ старухѣ Боловцевой.

— Вы совсѣмъ пропали, графъ! Васъ не видно и не слышно,— заговорила Александра Аркадьевна, вся преобразившись: она какъ-то прищурила глаза, начала картавить и пропускать слова сквозь зубы. Послѣ Вѣру уже это не удивляло: она знала, что если войдетъ мущина, даже старше Виллье, Боловцева сейчасъ же вся подтянется, сдѣлается игривѣе и ни на минуту не забудетъ дѣлать любезное лицо.

— Но какой на васъ сегодня туалетъ,—о, какой туалетъ!— восторгался французъ, съ видомъ знатока, платьемъ Боловцевой.

— Не дуренъ, не правда ли?... М-г Вортъ считаетъ долгомъ сдѣлать мнѣ каждый годъ сверхъ всего, что я у него заказываю, такое... une petite robe... дешевенькое...

— Дешевенькое?—переспросила Вѣра, съ недовѣріемъ взглянувъ на атласное плиссе короткой юбки.

— Это мнѣ стоитъ девятьсотъ франковъ... Для Ворта это даромъ,—проговорила она тономъ извиненія или поученія: Вѣра не поняла.—Поѣдемте съ нами въ Буа, графъ,—обратилась Боловцева къ Виллье.—Вотъ уже два дня какъ я не была тамъ.

— О, бѣдные парижане!—тонко замѣтилъ Виллье.

— Никсъ уѣхалъ на три дня въ замокъ къ Грамонъ, да и вы у меня совсѣмъ пропали... Ну, я пойду одѣваться...

— Надѣньте пожалуйста ваше лютровое пальто,—оно къ вамъ идетъ до невозможнаго. Впрочемъ, все, что вы ни надѣнете...

— Да ужь пригласите его скорѣй обѣдать, — выговорила Анна по-русски, продолжая играть въ безикъ.

— Прошу не учить меня,—отвѣтила, тоже по-русски, мать. Но ни въ тонѣ, ни въ голосѣ, ни въ лицѣ не было ни тѣни раздраженія. Все та же дѣланная полуулыбка играла на губахъ.

— Графъ,— обратилась она въ сторону француза,—пойдемте ко мнѣ въ будуаръ. Селестина подастъ мнѣ только шляпу и пальто.

Вѣра также поднялась съ своего мѣста. Анна простилась съ нею, не сказавъ ни слова, даже не взглянувъ на нее.

— Нѣтъ, я не пущу васъ, вы съ нами,—не выпуская руки Вѣры, сказала Александра Аркадьевна.

— Нѣтъ, тетя, я не могу,—отвѣтила та.

— Вы всегда мнѣ отказываете, — любезно проговорила Боловцева.—Я вѣдь могу обидѣться... Madame Корнфельдъ, надѣвайте же шляпу!

Старушка быстро встала съ своего мѣста и вышла вмѣстѣ съ Вѣрой изъ этого роскошнаго, но тяжелаго салона.

Madame Корнфельдъ была добрѣйшее созданіе съ неудавшимся прошлымъ, съ тяжелымъ настоящимъ и неизвѣстнымъ будущимъ. Она была въ родѣ dame de compagnie при Боловцевой. И это было ея больнымъ мѣстомъ, хотя она и пріобрѣла себѣ всѣ необходимыя свойства компаньонки: умѣнье во-время смолчать, во-время согласиться, похвалить шляпу; но при первомъ же случаѣ она давала понять, что какъ судьба несправедлива, заставляя ее унижаться передъ какой-то Боловцевой съ темнымъ прошлымъ, но съ большимъ состояніемъ,—ее, Корнфельдъ, принадлежащую къ одной изъ лучшихъ фамилій Курляндіи.

— Вотъ и этотъ,—заговорила Корнфельдъ гораздо проще и искреннѣе, чѣмъ все, что она говорила при Боловцевой, провожая Вѣру до ея комнаты.—Пріятно ему что ли такъ извиваться передъ старухой?... Какъ онъ былъ любимъ при дворѣ! Императрица Евгенія всегда приглашала его съ собой въ театръ. А теперь... сдѣлался приживалкой богатыхъ иностранцевъ.

— Да кто-жь ему велитъ?—наивно спросила Вѣра.

— Раззорился!...—коротко объяснила Корнфельдъ, разставаясь съ Вѣрой у порога ея комнаты.

Вѣра уже позже узнала всю исторію графа Виллье. Дѣйствительно, это былъ жалкій типъ. Любимецъ Наполеона и когда-то одинъ изъ первыхъ представителей парижскаго высшаго общества, онъ приходилъ пѣшкомъ, усталый, голодный, изъ отдаленнаго квартала Парижа, для того, чтобъ имѣть возможность съѣсть шесть изысканныхъ блюдъ за столомъ Боловцевой. Съ паденіемъ имперіи Виллье потерялъ все... Безъ подготовки, безъ образованія, а главное съ репутаціей друга Наполеона—онъ оказался лишнимъ при новомъ правительствѣ. Къ этому еще присоединилась случайная потеря всего состоянія на какихъ-то акціяхъ. Теперь никто не зналъ, гдѣ живетъ и какъ живетъ Виллье. Онъ являлся всегда хорошо одѣтый, гладко выбритый, съ накрашенными усами, съ изысканными манерами и непринужденнымъ свѣтскимъ тономъ. Все это были остатки его прежнихъ привычекъ. Но кромѣ этого онъ сохранилъ еще и другія привычки: быть всегда au courant всего, что дѣлается въ высшемъ свѣтѣ, посѣщать первыя представленія въ театрахъ, проѣхаться въ опредѣленный часъ по Булонскому лѣсу и запивать тонкимъ виномъ тонкія блюда... Онъ слишкомъ долго жилъ всѣмъ этимъ, чтобы не поступиться до извѣстной степени своимъ самолюбіемъ. Что стоитъ сказать два-три комплимента отживающей кокеткѣ! Они у него уже готовы,—онъ столько лѣтъ повторяетъ ихъ... А между тѣмъ онъ послѣ вкуснаго обѣда будетъ сидѣть въ avant-scène и на другой день можетъ отдать отчетъ въ какомъ-нибудь салонѣ о новой пьесѣ.

Для баронессы Корнфельдъ это было какъ нельзя болѣе понятно.

III

Парижъ праздновалъ свой fête des morts. Онъ приходился какъ разъ 2-го ноября. Въ этотъ день прошло ровно полгода послѣ смерти матери Вѣры. На чужой сторонѣ, вдали отъ всего близкаго, роднаго, ей захотѣлось участвовать въ общемъ горѣ, въ общемъ оплакиваніи дорогихъ существъ, потерянныхъ навсегда.

Во второмъ часу она уже ѣхала на Монмартское кладбище.

Погода стояла теплая, сухая. Второе ноября было какъ-то особенно ярко и ясно. Вѣрѣ казалось, что оно не должно было гармонировать съ общимъ настроеніемъ Парижа въ этотъ день.

Но это только казалось ей.

Едва она выѣхала на бульвары, какъ ее поразила эта масса народу и экипажей, снующихъ по всѣмъ направленіямъ.

Тысячи вѣнковъ и крестовъ изъ иммортелей и живыхъ цвѣтовъ двигались съ толпой, оживленной и веселой, какъ всегда.

Вѣра подъѣхала къ воротамъ кладбища.

Ей не дали пройдти двухъ шаговъ, какъ окружили съ предложеніями купить—кресты и вѣнки всѣхъ величинъ и цвѣтовъ, совали въ руки изображенія гробовъ и склеповъ, сдѣланныхъ изъ папье-маше.

Кладбище было уже полно народу.

Все двигалось, шумѣло, болтало, смѣялось...

На могилахъ лежали цѣлыя горы вѣнковъ, кругомъ сидѣли и стояли родные, знакомые тѣхъ, кто лежалъ подъ этими вѣнками.

Видно было, что на многихъ могилахъ сидѣли и совсѣмъ чужіе люди, считавшіе долгомъ чествовать этотъ «праздникъ мертвыхъ».

Вѣра прошла дальше.

Вездѣ толпы народа, старые и молодые, женщины и мужчины; все говорило, перебивало другъ друга, шумѣло...

Солнце уже начало спускаться и золотистыми лучами освѣтило пожелтѣвшіе листья каштановъ и дубовъ, темные стволы ихъ, красивыя лица блузниковъ, поддѣльные цвѣты на шляпахъ француженокъ, мраморныя и чугунныя изваянія здѣсь и тамъ на могилахъ.

Одиночество, сиротство чувствовалось еще жгучѣе, еще острѣе, здѣсь, среди этой толпы, умѣющей вездѣ веселиться, изо всего сдѣлать праздникъ...

Кладбище идетъ террасами.

Вѣра взошла по лѣстницѣ наверхъ и увидѣла опять цѣлые ряды могилъ, но народу было меньше, и чѣмъ дальше шла она, тѣмъ толпа становилась все рѣже и рѣже.

Вдали, гдѣ тѣни было меньше, она увидѣла три могилы—двѣ большія и одну между ними маленькую—точь-въ-точь какъ тамъ, дома... Она взошла и сѣла на одну изъ нихъ. Кругомъ было тихо, торжественно тихо, хоть въ воздухѣ стоялъ какой-то непонятный гулъ: человѣческіе голоса, шумъ экипажей за стѣнами кладбища—все слилось вмѣстѣ.

Вѣра сидѣла неподвижно на могилѣ,—мысль какъ будто оторвалась, улетѣла куда-то; она не могла отдать себѣ отчета, гдѣ она — у себя, у дорогихъ ей могилъ, или далеко, среди чужаго народа.

Она видѣла передъ собой могилу, въ которую, полгода тому назадъ, опускали ее, дорогую, хорошую маму... Какъ ей не хотѣлось умирать, какъ надо было ей жить!... Сколько было борьбы съ нежданной, внезапно подкравшеюся смертью! Это было что-то невѣроятное. Изъ молодой, красивой женщины, такъ горячо относившейся къ дѣтямъ, такъ страстно принимавшей къ сердцу каждое страданіе — въ десять дней сталъ холодный трупъ, спокойно улыбающійся на всѣ слезы, на отчаянные вопли окружавшихъ. То же изящное очертаніе головы, тотъ же, точно изъ мрамора высѣченный, носъ, черныя брови, чудный лобъ... Только похудѣла немного... Только спокойствіе, равнодушіе ко всему окружающему—не ея...

Но пока еще лежала на столѣ и даже потомъ въ гробу, все какъ будто еще не совсѣмъ оторвалась, не совсѣмъ потеряна... Когда же опустили въ глубокую яму, засыпали желтой землей и умяли вотъ этотъ холмикъ, что теперь уже успѣлъ осѣсть...

— Madame!—услышала Вѣра надъ головой низкій мужской голосъ.

Она подняла глаза и увидала высокаго ливрейнаго лакея съ громаднымъ мѣховымъ одѣяломъ въ рукахъ.

— Позвольте потревожить васъ, сама княгиня идетъ сюда,— почтительно сказалъ ей лакей и сталъ разстилать одѣяло на могилу и возлѣ нея.

Вѣра встала.

За лакеемъ направлялась къ этимъ же могиламъ цѣлая семья. Впереди шла старуха, въ сѣдыхъ букляхъ, въ нарядной шляпѣ съ цвѣтами. Она опиралась на руку просто одѣтой дѣвушки, съ вопросительнымъ выраженіемъ лица. За ними шли дѣти, гувернантка, два молодыхъ человѣка.

— Какъ я не люблю, когда чужіе садятся на мои могилы!— громко прошамкала старуха.

Вѣра хотѣла извиниться, да не стоило.

Они обѣдали въ этотъ день всѣ вмѣстѣ. Вѣрѣ не хотѣлось опоздать къ обѣду, такъ какъ она дала слово Александрѣ Аркадьевнѣ непремѣнно участвовать на ея обѣдѣ, на который былъ приглашенъ знаменитый баритонъ, дѣлавшій очень много шуму въ Парижѣ. Она слышала про него въ Петербургѣ, онъ бывалъ въ свѣтѣ и пользовался громаднымъ успѣхомъ у дамъ.

Съ Боловцевой въ Парижѣ онъ встрѣтился какъ старый знакомый и на другой же день послѣ дебюта далъ слово обѣдать у Александры Аркадьевны.

Когда Вѣра вошла въ залу, всѣ уже были въ сборѣ и сейчасъ же стали занимать мѣста. На этотъ разъ обѣдали въ маленькомъ салонѣ Боловцевой.

Вся комната была пропитана запахомъ розъ и фіалокъ, цѣлая гора которыхъ украшала середину стола. Отъ четырехъ большихъ канделябръ ужь и теперь было жарко.

На виньеткахъ меню были нарисованы значки нотъ. Это было любезною предупредительностью m-me Боловцевой. Она, впрочемъ, сейчасъ же и объяснила ее баритону, который сѣлъ рядомъ съ ней.

Стоило взглянуть на него, чтобы понять, что онъ могъ заслужить репутацію человѣка съ громаднымъ успѣхомъ. Высокій лобъ, желтоватый цвѣтъ лица, черные усы и борода давали ему энергичное выраженіе и дѣлали его совсѣмъ непохожимъ на опернаго пѣвца.

Слѣды частаго подкрашиванья глазъ для сцены оставляли на вѣкахъ темную рамку, отчего глаза дѣлались еще значительнѣе. Рядомъ съ Вѣрой сидѣлъ аббатъ, воспитатель племянниковъ Боловцевой, худой, бритый, съ тонкими губами и маленькими глазками.

Онъ странно заглядывалъ въ лицо, когда говорилъ съ кѣмъ-нибудь, точно хотѣлъ разсмотрѣть собесѣдника.

Остальные за обѣдомъ были все свои: Анна, баронесса, Никсъ, мужъ Анны, ея двоюродный братъ — Боловцевъ и неизмѣнный Вилье.

Вѣрѣ пришлось видѣть Анну до этого обѣда раза четыре. Онѣ, какъ и въ первый разъ, почти не говорили другъ съ другомъ. Анна при матери была всегда или молчалива, или раздраженно-зла, а съ мужемъ, напротивъ, всегда кроткая, даже какъ будто заискивающая, что совсѣмъ не было похоже на нее. Теперь она сидѣла молча, пристально глядя на Ферри... Пѣвецъ говорилъ все время съ Александрой Аркадьевной, сыпалъ комплименты, сомнительныя остроты, говорилъ о своемъ знакомствѣ въ Петербургѣ снисходительнымъ тономъ француза и все время ѣлъ, беря по два раза почти всѣ блюда. Каждая острота, каждое слово приводили Боловцеву въ восхищеніе.

— Никсъ, вы слышали,—обратилась она черезъ столъ къ зятю,—m-r Ferri говоритъ, что Капуль поетъ не голосомъ, а руками.

— М-г Ферри остроуменъ, какъ всегда,—отвѣтилъ Николай Сергѣевичъ.

— О, какъ всегда!—съ умиленнымъ видомъ произнесла баронесса Корнфельдъ, уставивъ на пѣвца свои бѣлые глаза.

— А Капуль говоритъ, что вы поете также не голосомъ, а больше глазами и лицомъ, — отдѣляя каждое слово, произнесла Анна.

— Oh!!... Est-elle méchante cette petite?!...—отвѣтилъ смѣясь пѣвецъ, обращаясь къ Аннѣ. Онъ какъ будто въ первый разъ увидалъ ее.

— Annette шутитъ,—поторопилась смягчить Александра Аркадьевна и сейчасъ же постаралась овладѣть вниманіемъ Ферри, начавъ разсказывать, какъ она слѣдила за нимъ въ Донъ-Жуанѣ, когда онъ шелъ подъ руку съ донной Анной и шепталъ ей что-то.

— Вѣдь онѣ страшно глупы, эти дамы,—полупрезрительно замѣтилъ пѣвецъ.

— Неужели?—удивилась Боловцева.

— О, еще бы...—И Ферри началъ разсказывать разныя закулисныя сплетни, анекдоты, столкновенія, не щадя ни мужчинъ, ни женщинъ. Боловцева и Корнфельдъ съ жадностью слушали его.

— Я глубоко вѣрю въ живучесть французской націи,—говорилъ между тѣмъ, на другомъ концѣ стола, молодой Боловцевъ.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ Франціи, зная ее по Парижу, и отъ французской націи, съ которой былъ знакомъ, главнымъ образомъ, по хорошенькимъ парижанкамъ и по гарсонамъ Биньона.

— Но старость все-таки беретъ свое, французская нація отжила свой вѣкъ,—горячился Виллье.—Я знаю по себѣ. Когда я былъ молодъ...

— Отдѣльный человѣкъ и нація — дѣло разное, — перебилъ его Никсъ.

— Несомнѣнно, что мы идемъ подъ гору,—заговорилъ молчавшій до тѣхъ поръ аббатъ, — а рядомъ съ нами ростетъ и ростетъ громадное чудовище съ страшными зубами и острыми когтями... Чудовище это—сила Бисмарка,—обратился онъ кроткимъ тономъ наставника къ Аннѣ, смотрѣвшей на него вопросительными глазами.

— Но если Германія еще долго продержится на той военной высотѣ, на которую ее взгромоздилъ Бисмаркъ,—замѣтилъ сдержанно Никсъ,—страна должна неминуемо истощиться... Вы

думаете дешево ей обходится этотъ страхъ, который Бисмаркъ наводитъ на сосѣдей?...

— А во Франціи... этотъ религіозный раздоръ...—началъ аббатъ.

— Ахъ, господа, какъ вы надоѣдаете нашимъ милымъ хозяйкамъ!—поторопился перебить его пѣвецъ, видя, что разговоръ начинаетъ принимать слишкомъ серьезный оттѣнокъ.—Все-таки французы—премилый народъ... Правда?—обратился онъ къ Боловцевой.

— Въ политикѣ вашей я ничего не понимаю... А французовъ люблю очень,—отвѣтила ему съ легкимъ смущеніемъ Александра Аркадьевна.

— Maman, вы, конечно, замѣтили сегодня въ церкви туалетъ на графинѣ Мери?—спросилъ Николай Сергѣевичъ.

— О, да! Вотъ безобразіе!... Она никогда не умѣетъ одѣться,—живо подхватила Александра Аркадьевна.

— И шляпу вѣдь какую надѣла,—продолжалъ Никсъ,—кибитку какую-то.

— Это вѣдь ваша знакомая, — обратилась Александра Аркадьевна къ Ферри, желая втянуть и его въ разговоръ. Но баритонъ затихъ. Онъ постоянно взглядывалъ на Анну, которая не ѣла и спокойно смотрѣла на окружающихъ.

— А вѣдь какъ серьезно молится, — продолжалъ Николай Сергѣевичъ,—точно и въ самомъ дѣлѣ за тѣмъ пріѣхала.

— Но эти ногти, Боже, что за ногти!... Кто же обстригаетъ ногти лопатой?! — опять обратилась Александра Аркадьевна къ сосѣду. Она опять поймала его пристальный взглядъ на Анну.—Хотите, я вамъ предскажу что-то,—обратилась она полураздраженно къ Ферри.

— Пожалуйста,—отвѣтилъ ей пѣвецъ.

— Послѣ обѣда.

— Нѣтъ, пожалуйста, сейчасъ же... Неужели что-нибудь ужасное?...

— О, да, ужасное,—шутливо отвѣтила ему Александра Аркадьевна, довольная тѣмъ, что ей снова удалось завладѣть вниманіемъ красиваго баритона.

— Чѣмъ ужаснѣе будущее, тѣмъ скорѣе хочется его знать.

— Для чего же?

— Да хоть бы для того, чтобы постараться предотвратить опасность,—все въ шутливомъ тонѣ продолжалъ Ферри.

— Ну, нѣтъ, я вижу, что вы, какъ ночная бабочка, склонны летать на огонь,— кокетливо заглядывая ему въ глаза, цѣдила сквозь зубы Александра Аркадьевна.

Обѣдъ кончился.

За Александрой Аркадьевной шумно встало все общество.

— Я сію минуту только поправлю прическу, надѣну шляпу, — сказала m-me Боловцева, — и мы отправимся въ театръ. M-eur Ферри съ нами, разумѣется?—обратилась она къ французу.

— Mercі. Съ удовольствіемъ...

Какъ только Боловцева ушла, Анна подозвала къ себѣ Ферри.

— Вы не знаете цыганскихъ пѣсенъ? — спросила она его просто.

— Слышалъ въ Москвѣ... О, это восторгъ!... Особенно одинъ романсъ... Не припомню теперь,—сказалъ пѣвецъ, потирая лобъ рукою.

— Не этотъ ли? — сказала Анна, садясь за рояль и беря нѣсколько аккордовъ какой-то цыганской пѣсни. — Вслушайтесь хорошенько.

И Анна запѣла «Ночи безумныя». Пѣла она совсѣмъ по-цыгански. У нея былъ очень маленькій, но вѣрный голосъ, которому она съумѣла придать оттѣнокъ совершенно цыганскій.

— Это восхитительно! — неподдѣльно восторгался Ферри.— Пожалуйста, переведите мнѣ слова.

Она перевела и спѣла еще куплетъ, не сводя своихъ сѣрыхъ громадныхъ глазъ съ собесѣдника.

Никсъ, кузенъ и аббатъ ушли въ маленькую гостиную, рядомъ съ залой, и курили. Анна осталась вдвоемъ съ Ферри.

— Еще, пожалуйста, — тихо проговорилъ баритонъ, когда Анна кончила.

— Вы не стоите,—сказала ему Анна.

— Отчего это?

— Очень ужь лживы, — смотря въ сторону, уронила Анна.

Онъ не нашелся, что сказать и только укоризненно взглянулъ на нее. Она запѣла со страстью, съ огнемъ «Не смотри мнѣ въ глаза ты такъ нѣжно», давая каждому слову выраженіе и не сводя глазъ съ Ферри. Послѣ ея постоянныхъ уколовъ, ея ласковый взглядъ ему показался въ десять разъ милѣе. Онъ придвинулъ свой стулъ очень близко къ ней.

Она оборвала пѣніе на полуфразѣ.

— Продолжайте, ради Бога,—вскричалъ Ферри, схвативъ ее за обѣ руки.

— Развѣ вамъ доставляетъ хоть какое-нибудь удовольствіе?—добро спросила она, не отрывая рукъ изъ его рукъ.

— Я могу съ ума сойти,—еще ближе приближаясь къ ней, прошепталъ онъ.

— Monsieur Ферри, ѣдемте!—закричала Александра Аркадьевна, подходя къ дверямъ залы.

Ферри быстро вскочилъ съ мѣста. Анна спокойно осталась у рояля.

Александра Аркадьевна, m-me Корнфельдъ и трое мужчинъ показались на порогѣ. Боловцева надѣла шляпу съ вѣнкомъ изъ блѣдныхъ розовыхъ цвѣтовъ и усиленно напудрилась.

— Вотъ я и готова,—съ торжествующимъ видомъ обратилась она къ Ферри.—Отправимтесь.

— Et madame?—спросилъ пѣвецъ, указывая на Анну.

— Annette еще не выѣзжаетъ по вечерамъ,—она еще не совсѣмъ здорова,—отвѣтилъ ему Никсъ.

— Такъ позвольте и мнѣ остаться раздѣлить одиночество бѣдной больной,—продолжалъ французъ.

— О, сердобольный какой! — ѣдко замѣтила Боловцева. — Annette, тебѣ будетъ превесело,—обратилась она къ дочери.

— Да, очень весело: я сейчасъ лягу и буду читать,—сухо отвѣтила Анна.

— А я?—спросилъ ее Ферри.

— Должно-быть поѣдете въ театръ, — спокойно отвѣтила ему она и направилась къ двери.—Прощай, Никсъ,—обратилась Анна къ мужу.

— Bonne nuit, mon enfant,—торопливо отвѣтилъ онъ и послѣдовалъ за Боловцевой, которая не кинула даже и этого привѣтствія дочери.

IV.

Вѣра сидѣла одна у себя въ комнатѣ. Чувство сиротства, одиночества опять всплыло наверхъ. Впечатлѣніе обѣда, общій раздраженный тонъ, уродливость отношеній натянули нервы до послѣдней степени. Еслибы былъ около кто-нибудь близкій, дорогой, она пошла бы, поговорила по душѣ, приласкалась бы искренно, просто... Она вынула изъ портфельчика складную рамку, изъ которой смотрѣло чудное лицо съ добрыми, милыми гла-

ками. Сколько кротости, сколько любви и самоотверженія видѣла она въ этомъ, такъ знакомомъ ей, образѣ. Нервы были слишкомъ напряжены: слезы неудержимо полились изъ глазъ. Она рыдала какъ ребенокъ надъ этой карточной покойной матери. И опять ея страданія, эти ужасныя предсмертныя страданія встали предъ нею.

Вдругъ она почувствовала на плечахъ чьи-то руки. Поднявъ голову, она увидала передъ собою блѣдное лицо Анны. Вѣра не могла сообразить, какъ она попала въ ея комнату,—она никогда не бывала у ней.

— Кто это?—робко спросила она Вѣру, показывая на карточку.

— Мама,—отвѣтила та неохотно.

— Вамъ жаль ее?—спросила она, садясь у стола.

Вѣра не отвѣтила. Анна почувствовала себя неловко отъ неумѣстнаго вопроса.

Непрошенная гостья и нелѣный вопросъ еще больше разстроили Вѣру. Она уткнулась лицомъ въ руки и положила голову на столъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Анна встала съ своего мѣста и тихо опустилась на колѣни около Вѣры.

— Милая, не плачьте, вы счастливая, — прошептала она, наклонившись къ ней.

Она отняла руки отъ лица Вѣры и взяла ихъ въ свои.

Та взглянула на нее и почти не узнала. Такъ много кротости и горя читалось въ ея большихъ глазахъ.

— Я—счастливая?—невольно спросила ее Вѣра.

— Вы любили мать?—отвѣтила она вопросомъ.—Она была хорошій человѣкъ?

— Мама была выше человѣка,—искренно вырвалось у Вѣры.—Такое полное принесеніе въ жертву себя, своего счастья—дѣтямъ, семьѣ... Въ людяхъ нѣтъ этого.

— Вы были всегда съ нею?—все тѣмъ же робкимъ тономъ спросила Анна, не вставая съ колѣнъ и заглядывая съ низу въ лицо Вѣры.

— Да, я воспитывалась дома, мы жили съ матерью душа въ душу, я ни на минуту не разставалась съ ней. Вы можете понять, значитъ, какъ должно быть велико горе: она умерла и съ нею я потеряла все.

— Господи, какъ я завидую вамъ!—отъ души вырвалось у Анны.—Никогда, съ рожденія, я не чувствовала ничего подобнаго. Вѣчное одиночество, заброшенность... А теперь это ужасное, мучительное чувство озлобленія, — сказала Анна, быстро поднимаясь съ колѣнъ.

— Озлобленія?... На кого?

— Да противъ нея, противъ матери.

— Голубчикъ, что вы говорите!? — невольно остановила ее Вѣра.

— Да чѣмъ же я виновата?—съ мольбой въ голосѣ заговорила Анна.—Какъ я всегда хотѣла ее любить, и какъ любила, когда мы не были вмѣстѣ... А разъ вижу ее, вижу ея отношенія ко мнѣ,—му́ка, му́ка и му́ка!!... Вотъ и сегодня,—продолжала она послѣ нѣкотораго молчанія,—эта исторія съ французомъ... Мнѣ противно вспомнить, какъ онъ смотрѣлъ на меня, когда я пѣла... Точно животное какое-то... А я все-таки употребила всѣ старанія, чтобы понравиться ему... Я сейчасъ же разсчитала, что это натура грубая, чувственная... И играла на этихъ струнахъ... А для чего?—Чтобы сдѣлать непріятное матери...

— Да изъ-за чего же?

— Изъ озлобленнаго чувства... Я слышала, какъ она уже сдѣлала ему маленькую сцену ревности за обѣдомъ... Это озлобило меня страшно. Я рѣшила во что бы то ни стало понравиться этому пошляку.

— И что же?

— Начало сдѣлала... Пошло гораздо удачнѣе, чѣмъ я думала... Даже досадно. Когда я видѣла, что мое желаніе начинаетъ сбываться, мнѣ сдѣлалось такъ гадко... ужасъ! Я ходила, ходила у себя по комнатамъ, мѣста не могла найти и пришла сюда. Хоть вы не браните, не осуждайте меня, — умоляющимъ голосомъ проговорила Анна и, какъ усталая, опустилась на стулъ.

— Я не могу ни бранить, ни осуждать, но такое отношеніе къ матери для меня положительно непостижимо.

— Вы поймите, родная, выслушайте только... Вѣдь у меня нѣтъ матери, есть только призракъ ея, и всегда былъ только призракъ... Кто тутъ правъ, кто виноватъ—не знаю. Она вышла замужъ шестнадцати лѣтъ, изъ-подъ деспотической власти родителей попала къ нелюбимому мужу... Полная жизни и совсѣмъ не жившая, она съ перваго же года была опять какъ бы

связана моимъ рожденіемъ... Положимъ, при средствахъ отца дѣти не могли быть большою обузой...

— А вы были единственною дочерью?

— Нѣтъ, былъ братъ, да рано умеръ... Я была всегда одна съ нянъками... У меня сохранилось единственное пріятное воспоминаніе изъ всего дѣтства—ласки отца. Господи! какъ мнѣ жаль, что онъ такъ рано умеръ... Я бы могла перенести на него весь тотъ запасъ любви, который таится во мнѣ.

— А сколько же вамъ было лѣтъ, когда умеръ отецъ? — спросила Вѣра.

— Еще и шести лѣтъ не было... Съ этихъ поръ началась чисто-сиротская жизнь... Мать постоянно съ гостями или выѣзжала сама... Когда бывали гости, меня не выпускали къ шапи; я всегда была очень некрасива, а въ дѣтствѣ особенно: голова большая, сама маленькая, толстая... Наняли гувернантку,-француженку. Я въ ней не видѣла, конечно, и тѣни расположенія ко мнѣ, а должна была быть съ нею съ утра до ночи. Я вымещала на ней же это. Я возненавидѣла ее... Дѣлала ей всякія гадости, грубила на каждомъ шагу... Ушла—взяли другую. Опять та же исторія съ немногими варіаціями... Разрывъ съ каждой гувернанткой стоилъ мнѣ сидѣнья въ темной комнатѣ цѣлый день... Я все-таки продолжала свое дѣло. Мать я видѣла очень рѣдко: она приходила только наказывать меня. А между тѣмъ бывало я, измученная раздраженностью и подлостью француженки, запертая матерью въ темной комнатѣ, душой любила ее,—не ее, Александру Аркадьевну, а какое-то доброе существо, къ которому хотѣлось бы приласкаться, наплакаться вволю... Былъ ли это отецъ, или такъ какое-то отвлеченное существо — я и теперь не могу отдать себѣ отчета, только я и до сихъ поръ не забуду того впечатлѣнія, когда я, съ приливомъ такихъ самыхъ хорошихъ чувствъ, бросилась къ матери, отпиравшей уже вечеромъ мою комнату. «Мама, хорошая», — бывало брошусь я къ ней... Она обыкновенно уѣзжала куда-нибудь на вечеръ или въ оперу, потому что я не помню другаго отвѣта: Annette, вы сомнете меня, или: вы испортите мнѣ прическу... Всегда по-французски. Сколько разъ бывало мнѣ хотѣлось прибить ее тутъ же. И мнѣ сейчасъ же казалось такимъ нелѣпымъ, какъ могла я желать приласкаться къ такой дурной женщинѣ. Разъ что же было? Она не дала даже мнѣ обнять себя изъ-за того, что я сомну какіе-то рюши кругомъ шеи; мнѣ уже было девять лѣтъ.

Мать сухо протягиваетъ мнѣ руку къ губамъ... Я не выдержала... И огорченіе, и злоба всплыли... Я плюнула на руку. Она вскипѣла страшно... Какъ она меня била, вы и представить себѣ не можете... Черезъ недѣлю уже меня отдали въ институтъ. Я смотрѣла на него какъ на ту темную комнату, въ которую меня сажали за наказаніе; но проходитъ недѣля, другая, мать не ѣдетъ, меня не берутъ... Я и стала придумывать всевозможные способы, чтобы заставить взять меня изъ института. Это было не особенно трудно. Нѣсколько грубостей классной дамѣ, постоянныя опаздыванья къ молитвѣ, неотвѣты уроковъ— меня и исключили... Дома опять розги... Тутъ я возненавидѣла мать. Когда она сказала, что отдастъ меня въ пансіонъ, я была страшно рада. Отдали. И я почти годъ была тамъ. Очень старательно училась, хотѣла быть всѣмъ пріятною... Maman разъ въ недѣлю пріѣзжала, возила мнѣ конфектъ, ласкала меня. Я какъ-то ожила вся. Ея маленькая ласка сейчасъ подкупала меня къ ней, я забывала все: розги и побои казались мнѣ тяжелымъ сномъ. А мать и рада была, что освободилась отъ меня... На лѣто она уѣхала за границу, а меня оставила въ пансіонѣ. Все лѣто я скучала страшно. И въ этой скукѣ опять создала себѣ образъ любящаго, ласковаго существа. Я считала дни, когда она вернется въ Петербургъ. Она вернулась, пріѣхала ко мнѣ, разсѣянная, занятая... Посидѣла десять минутъ, дала денегъ и уѣхала. Черезъ нѣсколько времени я написала ей, умоляла взять меня на нѣсколько дней. Отвѣта не получила... Я стала повторять тѣ же самые маневры, что и въ институтѣ. Француженка оказалась терпѣливѣе институтскаго начальства. Она что-то писала maman. Та ей отвѣтила (значительно прибавила плату, какъ я узнала послѣ) и меня, несмотря на всѣ мои продѣлки, оставили въ пансіонѣ. Когда я капризничала, начальница пансіона сама мнѣ давала денегъ. Я не знала, чѣмъ вывести ее изъ себя,— она терпѣла всѣ мои дерзости; учителямъ не велѣла ставить мнѣ отмѣтокъ за незнаніе уроковъ. Я купила три бутылки портвейну и напоила весь классъ. Сама я не столько пила, сколько притворилась пьяной. Это могло скомпрометировать весь пансіонъ. Меня должны были исключить...

— Какъ вы скитались!—невольно вырвалось у Вѣры.

— Это еще все были цвѣточки,—продолжала Анна.

Щеки у нея покраснѣли, глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Она какъ будто боялась, что Вѣра не дослушаетъ ее, и торопливо заговорила.

— Мать все-таки не захотѣла держать меня дома. Въ Петербургѣ уже отдать было некуда, она свезла меня въ Парижъ, въ одинъ изъ здѣшнихъ монастырей. И тутъ я пробыла четыре года... Я вамъ скажу, если кто хочетъ изуродовать нравственно дѣвочку, тащи вези ее сюда въ монастырь. Что это за ужасное учрежденіе! Что тамъ читается, что говорится между воспитанницами! Я теперь замужняя женщина, а краснѣю, какъ вспомню, что мы тамъ читали вслухъ между собою. Тамъ между нами была одна дѣвочка, француженка, тринадцати лѣтъ... Нѣтъ, я не буду разсказывать этого. Однимъ словомъ, тамъ творились ужасныя вещи. Я была богаче другихъ, у меня была отдѣльная комната. Училась я плохо... Все свободное время читала, конечно, исключительно романы, да все старинные, французскіе, гдѣ побольше любви и всякихъ страховъ. Моя голова была такъ набита героями, что только надо было, чтобъ явился «онъ» и я бы полюбила. На пятнадцатомъ году я окончила курсъ и за мной пріѣхала мать, чтобы везти въ Россію. Тутъ же на парижскомъ дебаркадерѣ мы встрѣтили Никса. Онъ оказался знакомымъ съ maman по Петербургу и взялся быть нашимъ кавалеромъ въ дорогѣ. Со мной онъ былъ очень любезенъ. Каждое его слово, каждый взглядъ, каждую учтивость свѣтскаго человѣка—я принимала за чистую монету. До тѣхъ поръ ни одинъ мущина не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Насъ возили гулять изъ монастыря, но на меня даже и не глядѣлъ никто,—я всегда была слишкомъ некрасива для этого. А теперь вдругъ такой умный, молодой человѣкъ говоритъ мнѣ любезности, заботится, чтобы мнѣ было ловко сидѣть, лежать, закрываетъ мнѣ ноги, укутываетъ горло... Искра попала въ порохъ. Подъѣзжая къ Петербургу, мы сидѣли съ нимъ рядомъ. Maman заснула. Онъ что-то сказалъ мнѣ и близко заглянулъ въ глаза. Я не помню, что я думала въ ту минуту,—я обвила его шею руками и поцѣловала его крѣпко, крѣпко... Онъ продолжалъ поцѣлуи... Мы пріѣхали въ Петербургъ женихомъ и невѣстою... Я не знала про него ничего, я только видѣла, что онъ очень хорошій, красивый, славный. Были ли у него какія-нибудь соображенія помимо чувства, мнѣ и въ голову не приходило. Разумѣется, мать воспротивилась. Я объявила ей, что люблю Никса и во что бы то ни стало буду его женой. И дѣйствительно, я страстно любила его. Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ, у меня духъ захватывало, я не знала что сказать, какъ встрѣтить его. Maman умолила хоть на

годъ отложить свадьбу. Мы отложили. Сколько я пережила въ этотъ годъ!... И подумать, что мнѣ еще не было тогда и шестнадцати лѣтъ... Видите, у maman есть пріятельница,—продолжала Анна, возбуждаясь все больше и больше.—Онѣ вдвоемъ рѣшили, что я выйду замужъ за ея сына, то-есть за сына этой пріятельницы, madame Скрипицыной... И еслибъ я вамъ разсказала, какія онѣ вещи дѣлали, чтобъ это случилось... Maman хотѣлось, чтобъ я вышла за Скрипицына потому, что онъ былъ хоть и молодой, но скряга страшный... Онъ бы не промоталъ моего состоянія... Вотъ вѣдь вы не повѣрите, подумаете я выдумала... Разъ у насъ обѣдали Скрипицыны — мать и сынъ... По какому-то случаю много пили... Мнѣ предлагали шампанскаго каждую минуту. А я съ дѣтства могла пить много и люблю шампанское... Ужь теперь и не помню, какъ мы очутились вдвоемъ послѣ обѣда. Онъ сталъ приставать ко мнѣ съ ласками. Я считала себя уже взрослой и притомъ невѣстой другаго... Я прямо ему и сказала это. Онъ обратилъ все въ шутку и снова лѣзъ цѣловаться. Я встала, хотѣла уйдти, онъ побѣжалъ за мной, поймалъ, уронилъ въ кресло и сталъ цѣловать глаза, щеки, въ открытый ротъ. Я кричала, я изнемогала въ безсильной злобѣ... Какъ только я могла высвободить руки, я вцѣпилась ему въ волосы... И онъ долженъ былъ оставить меня... Я бѣгомъ пустилась къ maman. Она была у себя въ спальнѣ съ m-me Скрипицыной, случайно или нѣтъ—Богъ знаетъ... Я все разсказала. Онѣ обѣ начали смѣяться, обратили все въ какую-то дѣтскую драку... А m-me Скрипицына тутъ же прибавила: «Ну, вотъ, поженитесь, сосчитаетесь!...» Мнѣ такъ стало страшно... Мнѣ показалось, что онѣ всѣми неправдами выдадутъ меня за толстаго Скрипицына, а не за Никса. Я всю ночь не спала, а на другой день, какъ только мать уѣхала, я къ Никсу... Мы съ нимъ все и рѣшили, черезъ мѣсяцъ повѣнчались да и уѣхали... Сколько было любви, сколько ласки!... Такого времени ужь и не пережить... Только очень мало—одинъ мигъ!...

Анна видимо устала. Послѣ возбужденія наступили минуты утомленія. Она продолжала, значительно понизивъ голосъ и смотря въ одну точку.

— И какъ я вѣрила!... Никто, никто не могъ поколебать этой вѣры... Казалось, никого мнѣ не надо, ничего не хочу я, только знать, что любима... И вдругъ точно все черною пеленой покрылось... Когда узнала, что не любитъ онъ меня, такъ пусто

стало кругомъ, душно какъ-то... И вдругъ такое утѣшеніе — ожидать ребенка... Ужь тогда я и не претендовала, чтобы мужъ сидѣлъ со мной, ухаживалъ... Я стала совсѣмъ уродомъ, совершенно круглая... О себѣ не заботилась совсѣмъ, а только и думы было объ ожидаемомъ ребенкѣ... Вся жизнь, весь міръ сосредоточился въ немъ. Никъ совсѣмъ не бывалъ дома, уѣзжалъ куда-то на цѣлые мѣсяцы. И я не особенно скучала. Я еще цѣльнѣе могла отдаться мечтамъ о предстоящихъ мнѣ обязанностяхъ, цѣли жизни...

Вѣра подняла глаза на Анну. Ей казалось, что она не можетъ плакать. Весь свой разсказъ она проговорила горячо, съ блестящими глазами, едва переводя духъ. Тутъ губы ея начали подергиваться, глаза потускнѣли отъ слезъ.

— Сколько разъ я няньчила его во снѣ, какъ я любила этого маленькаго... Въ немъ я уже забыла свое горе... Боже! когда мнѣ его показали мертвымъ, я не знаю, что было во мнѣ... Какое-то безсиліе, злоба, безнадежность... Я бы все въ мірѣ отдала, чтобы вдохнуть жизнь въ это маленькое, посинѣвшее тѣльце... Не осталось никакой привязанности къ жизни... Когда мужъ раскаялся у моей постели, клялся быть вѣрнымъ, любить какъ прежде, — я радовалась, но не вѣрила. Хотѣлось вѣрить, но не могла, да и теперь не могу... Видите, я сирота, круглая сирота... А какъ бы хотѣлось любви, ласки!...

Она тихо заплакала. Въ эту минуту она похожа была на огорченнаго ребенка. Вѣра подошла къ ней, взяла ее за голову и поцѣловала въ ея гладко причесанные волосы. Она прижалась къ ней, нервно дрожа и рыдая... Вѣра, какъ могла, успокоивала ее, положила на диванъ, дала воды и она затихла понемногу.

Разговоръ снова завязался и перешелъ на Вѣру. Она въ немногихъ словахъ передала ей всю свою невеселую и несложную жизнь.

Со смертью матери семья совсѣмъ распалась. Сестра уѣхала въ деревню учительницей, Вѣра приняла мѣсто гувернатки къ двумъ маленькимъ дѣвочкамъ и пріѣхала съ этой семьей въ Парижъ на два мѣсяца. Привыкшая всегда жить въ семьѣ, въ ласкахъ, Вѣра очень скучала здѣсь.

Анна своимъ искреннимъ порывомъ какъ-то разомъ завоевала ея довѣріе. Вѣра говорила съ ней такъ искренно, какъ почти ни съ кѣмъ, никогда.

Анна ушла отъ нея очень поздно; онѣ простились какъ самые лучшіе друзья.

V.

Какъ только Анна оправилась, она съ мужемъ и матерью переѣхала въ Петербургъ.

Николай Сергѣевичъ Слащовъ занималъ такое положеніе и на службѣ и въ обществѣ, которое принято называть виднымъ. Онъ въ сущности не гонялся за нимъ; блестящая карьера сама подвернулась ему и онъ не бѣжалъ отъ нея, также какъ и отъ женитьбы на богатой невѣстѣ. Сама Анна первая заговорила о бракѣ, сама сказала, что любитъ его, и невѣста съ полумилліоннымъ состояніемъ досталась ему такъ же легко, какъ и блестящая карьера.

Николай Сергѣевичъ не былъ красивъ, но всегда имѣлъ громадный успѣхъ въ обществѣ. Блѣдный, худой, съ глубоко сидящими сѣрыми глазами въ черныхъ рѣсницахъ, онъ казался изнуреннымъ, утомленнымъ жизнію. Черная раздвоенная борода, проборъ по серединѣ и маленькое золотое пенснэ—шли къ нему. Рядомъ съ женой онъ былъ положительно красивъ; его часто жалѣли, что у него такая некрасивая жена, хотя всѣ знали, что онъ давно утѣшенъ въ этомъ отношеніи. Связь съ княгиней С., одной изъ самыхъ красивыхъ женщинъ Петербурга, не была тайной ни для кого. Анна позже всѣхъ другихъ узнала о ней. Теперь, когда мужъ далъ ей слово порвать эту связь, онъ сталъ гораздо ласковѣе съ ней, дома сдѣлалось уютнѣе, теплѣе...

Анна стала опять больше обращать вниманія на свою наружность, выѣзжала съ нимъ, когда этого онъ хотѣлъ, хотя для нея выѣзды не представляли особенной привлекательности. У нея была натура интимная, она любила общество, но свое, подходящее къ ней; нравиться ей хотѣлось только мужу — и никому больше.

Николай Сергѣевичъ не выдержалъ и мѣсяца такой жизни. Его тянуло въ свѣтъ, какъ рыбу въ воду. Оставлять Анну было жаль; онъ старался всегда окружать ее молодежью, а самъ подъ предлогомъ «noblesse oblige» постоянно уѣзжалъ куда-то. Анна проводила всѣ вечера безъ мужа, въ компаніи молодыхъ людей, иногда и женщинъ. Чтобы не скучать, она позволяла развлекать себя: ѣздили компаніей на тройкахъ, ужинали, слушали цыганъ. Изъ постоянныхъ посѣтителей чаще другихъ бывали Бѣжецкій и Шатовъ, одинъ изъ лучшихъ друзей Никса. Шатовъ былъ красивый гвардеецъ, еще молодой, но совершенно сѣдой, съ тем-

ными усами и жгучими черными глазами. Немного лѣнивый, неповоротливый, онъ и самъ не зналъ, обыкновенно, какъ случалось, что онъ становился ежедневнымъ посѣтителемъ того или другаго дома. Обыкновенно за обѣдомъ Никсъ говорилъ:

— Annette, мнѣ сегодня необходимо быть у Нарскихъ... Я позвалъ Шатова къ тебѣ,—все не такъ скучно будетъ...

Такъ повторялось не одинъ, не два раза, а десятки разъ.

Ѣхали въ театръ и Никсъ непремѣнно звалъ Шатова въ ложу. Если тотъ отказывался, онъ дѣлалъ ему цѣлую исторію.

Разъ, ужь это было въ концѣ февраля, долженъ былъ быть громадный балъ у старой тетки Никса. Николай Сергѣевичъ настаивалъ, чтобъ Анна также ѣхала туда.

— Николай, милый, ты знаешь, мнѣ этотъ балъ не доставитъ ни малѣйшаго удовольствія, я такъ отстала отъ выѣздовъ, отъ туалетовъ...

— Невозможно, Annette, я далъ слово tante Batsy, что ты будешь. И какой костюмъ я заказалъ для тебя!... Ты сдѣлаешь фуроръ,—будешь одѣта лучше всѣхъ. Ну, ma petite, я прошу тебя, согласись...

Анна согласилась. Въ день бала привезли заказанное платье. Оно было выбрано со вкусомъ, сдѣлано очень хорошо. Никсъ присутствовалъ самъ при туалетѣ жены; настоялъ, чтобъ она надѣла свой парюръ изъ изумрудовъ, который долженъ былъ идти къ темнозеленой отдѣлкѣ платья.

Анна совсѣмъ утонула въ этомъ платьѣ. Атласное кремъ, съ богатой отдѣлкой изъ плюма feuille morte и старинными кружевами, съ длиннѣйшимъ шлейфомъ, оно подавляло ея крошечную фигурку свой роскошью и тяжестью.

Куаферъ перечесалъ ее три раза; платье пришлось подбирать и подкалывать на ней цѣлый часъ. Когда послѣдняя роза была наколота, мужъ еще разъ взглянулъ на нее и какая-то тѣнь легла на его лицо.

— Какая ты блѣдная, Annette,—заговорилъ онъ,—неужели ты не позаботилась о...

Онъ не зналъ, какъ сказать. Ея удивленный взглядъ смутилъ его.

— Ну, о косметикахъ... Что-жь тебя это удивляетъ? Въ Парижѣ это такъ принято,—заговорилъ онъ по-французски.

— Ну, ужь извини,—я румяниться не буду.

— Я и не говорю, чтобы всегда, а къ этому платью feuille morte необходимы розовыя щеки...

— Оставь пожалуйста, Никсъ, что это ты выдумываешь!— раздраженно остановила его Анна.

— Ну, если ты находишь красивымъ d'avoir l'air d'une feuille morte, это твое дѣло,—сухо отвѣтилъ онъ.—Я готовъ, ѣдемте. Онъ взялъ свой клякъ и быстро вышелъ изъ ея комнаты.

Огорченная, съ чувствомъ злобы на себя, на всѣхъ, на свою физіономію и на красоту другихъ, вошла Анна въ залу. Громадные каблуки затрудняли походку. Жаръ, духота, суетливость и страшный шумъ довели ее до дурноты... Позвали мужа... Ему уѣхать невозможно,—онъ танцуетъ сейчасъ съ княгиней...

— Шатовъ, дружище, проводите Annette до дому,—обратился онъ къ гвардейцу, когда Анна пришла въ себя.

Тотъ сейчасъ же согласился. На балы онъ ѣздилъ по привычкѣ, никогда не танцевалъ, ходилъ изъ комнаты въ комнату.

Анна и въ каретѣ еще не совсѣмъ оправилась отъ дурноты. Какое-то чувство ужасной обиды наполнило все ея существо. Она употребляла большое усиліе, чтобы не показать его передъ Шатовымъ. Она хоть и видала его очень часто, но отношенія ихъ были чисто внѣшнія.

Инстинктомъ она чуяла, что онъ и лучше, и честнѣе, и добрѣе всѣхъ тѣхъ, кто ее окружаетъ.

— Вы измучились?—Стоило ему только спросить Анну, и все скрываемое чувство обиды вырвалось въ неудержимыхъ рыданіяхъ.

— Господи! какъ измучилась,—говорила она, закрывъ лицо платкомъ.—Что же мнѣ дѣлать, что я такъ некрасива?... Какъ взглянулъ на меня, когда меня причесали, да нарядили, я сейчасъ же увидала, что въ немъ сдѣлалось,—продолжала она, всхлипывая какъ ребенокъ.—Еслибъ я была красивая, онъ бы любилъ меня...

— Полноте, Анна Николаевна,—пытался утѣшить ее Шатовъ.

— Самъ настоялъ, чтобъ я ѣхала на этотъ балъ,—не слушая его, продолжала Анна.—Какъ мнѣ не хотѣлось!... Вы скажете, это—пустяки; а вникните хорошенько—и вы поймете: не обидно развѣ это, не тяжело сидѣть полтора часа передъ зеркаломъ? Куафёръ причешетъ такъ,—нехорошо, надо выше... Сидишь какъ кукла... Третій разъ причесали, и все-таки мужъ не доволенъ... Долженъ же онъ привыкнуть къ моей наружности...

Анна припала лбомъ къ запотѣвшему стеклу кареты и продолжала какъ бы сама съ собой:

— И лицомъ я зеленая, говоритъ... Я всегда была такая... А ужь румяниться не буду... Еще того недоставало, чтобы походить на этихъ, съ которыми онъ проводитъ всѣ вечера...

Она уже не плакала, только губы нервно подергивались.

Шатовъ взялъ ее за руку. Ему стало жаль эту молодую женщину, обиженную природой и людьми.

— Анна Николаевна, успокойтесь,—тихо заговорилъ онъ.— Невозможно требовать отъ человѣка больше того, что онъ можетъ дать. Никсъ—добрый малый, хорошій товарищъ, но... онъ не стоитъ васъ.

Анна быстро огляпулась на Шатова. Его простой, искренній тонъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе. Она почувствовала особенную дрожь, пробѣжавшую по ней съ головы до ногъ, и вырвала отъ него свою руку.

Шатовъ, не подозрѣвая ничего, продолжалъ:

— Не придавайте большаго значенія всему этому. Его вы не передѣлаете, а сгубите и здоровье, и молодость... За что пропадетъ все это? Никому удовольствія, да и себѣ счастья не получите... Когда отживете, тогда и спохватитесь, что не жили совсѣмъ...

Анна все время серьезно смотрѣла на говорившаго Шатова.

«Вотъ вѣдь у Никса глаза хорошіе, но въ нихъ никогда не уловишь выраженія,—думалось ей.—Слишкомъ быстрые, темные... А эти—глубокіе, вдумчивые такіе... Если этотъ полюбитъ, такъ ужь навсегда»,—проносилось въ головѣ Анны.

Шатовъ, видя, что она немного успокоилась, замолчалъ и сѣлъ въ глубь кареты.

Анна первая прервала молчаніе.

— Когда любишь, нельзя себѣ приказать—придавать или не придавать значеніе. Вамъ хорошо такъ говорить,—вамъ ни до кого дѣла нѣтъ,—съ замѣтнымъ раздраженіемъ проговорила она.

— Вы не можете такъ утвердительно говорить,—лѣниво возразилъ онъ.

— Почему?—спросила Анна.

— Да потому, что нельзя судить о человѣкѣ по его внѣшнему виду.

Ее какъ будто бы кольнуло.

— Неужели вы можете сильно любить, забыть все для любимаго существа?—сама не понимая для чего, спросила она.

— А вы не знаете, Анна Николаевна, что и подъ снѣгомъ иногда бѣжитъ кипучая вода?—шутливо отвѣтилъ онъ.—Ну, мы и пріѣхали... Ложитесь-ка спать, успокойтесь,—говорилъ Шатовъ, высаживая ее изъ кареты, какъ маленькую.—До свиданія!

— Пріѣзжайте ко мнѣ завтра вечеромъ. Мы бы обо многомъ поговорили,—сказала Анна, поднимаясь на лѣстницѣ.

— Не могу, Анна Николаевна,—завтра мужу вашему обѣщалъ ѣхать въ маскарадъ.

— А куда?—полюбопытствовала она, прислонившись къ косяку двери, отворенной швейцаромъ.

— Вамъ туда не ѣхать вѣдь, для чего же спрашивать?—сказалъ Шатовъ, поцѣловалъ руку и быстро сталъ спускаться съ лѣстницы.

Горничная Анны—парижанка, одѣтая въ сѣренькое платье съ фартучкомъ—еще не успѣла снять бѣлый чепчикъ и была очень удивлена раннимъ возвращеніемъ барыни. Она фамильярно встрѣтила Анну, стала разспрашивать, почему она вернулась, отчего такая блѣдная, не помочь ли ей чѣмъ-нибудь?

Анна объяснила все легкимъ нездоровьемъ и торопливо прошла въ спальню; она невольно, сейчасъ же, подошла къ трюмо и окинула себя взоромъ съ головы до ногъ. Носъ и глаза покраснѣли отъ слезъ, щеки въ красныхъ пятнахъ, волосы на лбу распустились и выбились прядями изъ-за ушей. Ей самой непріятно бросился въ глаза контрастъ ея будничной, усталой наружности съ роскошнымъ свѣжимъ нарядомъ... Сколько бы дала она, чтобы быть красивой!... Какъ бы воспользовалась своей красотой—этой силой въ отношеніи мущинъ! Какъ бы помучила ихъ, насмѣялась надъ ними!...

Она сидѣла задумавшись передъ зеркаломъ, не слушая оживленной болтовни француженки. Мысли перескакивали съ предмета на предметъ, путались, повторялись—и все-таки касались одного и того же. Горничная Clémence, раздѣвши барыню, ушла, оставивъ ее одну. Анна была очень возбуждена, ложиться ей не хотѣлось и она стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

«Зачѣмъ я поѣхала на этотъ балъ?—думала она.—Чтобъ ему сдѣлать удовольствіе?... Да, еслибъ онъ могъ гордиться мной, это бы доставило ему удовольствіе. А онъ сейчасъ же и оставилъ меня на балу, точно стыдится... Какой мелкій человѣкъ!—въ первый разъ промелькнуло въ головѣ Анны.—Еслибы Шатовъ же-

нился, онъ бы не сталъ стыдиться наружности жены, не сталъ бы упрашивать ее румяниться. Неужели ему могутъ нравиться эти намазанныя женщины съ ихъ циничными взглядами и разговорами?... Что еслибы завтра!... Только бы узнать, гдѣ маскарадъ... Намазаться, одѣться и поѣхать... Противно, жутко... Развѣ нарядить Clémence?... Француженка еще большій успѣхъ можетъ имѣть... Но тогда не увидишь, не будешь торжествовать сама...»

Анна не могла себѣ отдать отчета, какъ она поступитъ, но, быстро ложась въ постель, она почуяла возможность удовлетворенія за нанесенную ей обиду.

VI.

На слѣдующій день въ клубѣ художниковъ былъ назначенъ большой балъ-маскарадъ съ необыкновеннымъ освѣщеніемъ, съ живыми картинами, процессіями...

Длинная афиша привлекала массу публики. Время масляницы также способствовало этому. Къ двѣнадцати часамъ всѣ залы клуба были переполнены гостями... Въ залѣ шли танцы... Полька, въ коротенькой розовой юбкѣ, съ конфедераткой на ухѣ, танцевала съ клоуномъ, начавшимъ съ первой же фигуры кадрили невозможныя кривлянья. Визави—прикащикъ изъ гостинаго двора, въ русскомъ костюмѣ, съ наклеенной бородой, чинно и монотонно выдѣлывалъ па. Его дама, одѣтая въ полинялое платье маркизы, все время оглядывалась назáдъ,—ее интересовалъ турокъ, шагавшій мѣрно за англичаниномъ, не выпуская изъ рукъ фалды его длиннаго синяго фрака. У самой эстрады танцевали рыбакъ и опять полька. Рыбакомъ была одѣта молоденькая дѣвушка съ уставшимъ лицомъ и какъ будто подбитыми глазами. Когда она молчала, ей не было и шестнадцати лѣтъ на видъ; но хохотъ, ужимки, закатыванія глазъ дѣлали ее гораздо старше... Она пыталась нѣсколько разъ перебирать ногами, но у нея ничего не выходило, и она опять возвращалась къ обыкновеннымъ па. Надо всѣмъ стоялъ гамъ, гулъ. Воздухъ, смѣшанный съ пылью, тускло освѣщался электрическимъ солнцемъ.

У дверей, при входѣ въ залу, показались Слащовъ, Шатовъ и молодой Бѣжецкій. Слащовъ вскинулъ на носъ пенснэ, натягивая при этомъ верхнюю губу, и сталъ разсматривать масокъ. Шатовъ, полуапатично, полулѣниво, прислонился къ косяку и

уставился глазами въ пространство. Бѣжецкій, для котораго Слащовъ былъ учителемъ и кумиромъ, надѣлъ тѣмъ же жестомъ пенснэ и сталъ, безъ стѣсненія, осматривать проходящихъ. Ему было только двадцать лѣтъ, но сильно порѣдѣвшіе волосы и худощавость, которая увеличивалась не въ мѣру открытыми воротничками, придавали ему видъ человѣка, успѣвшаго насладиться жизнью.

— Слащовъ, пріѣхалъ?—весело сказала подошедшая цыганка въ полу-маскѣ.

— Здравствуй, цыганочка, здравствуй,—отвѣтилъ ей Николай Сергѣевичъ и близко наклонился къ маскѣ, желая разсмотрѣть глаза...

Хочешь я тебѣ предскажу судьбу?—писклявымъ голосомъ спросила цыганка.

— Хочу, только что-нибудь страшно-хорошее,—отвѣтилъ Слащовъ, прищуривая глаза и едва двигая губами.

— Ну, такъ пойдемъ со мной...

Цыганка, быстро взявъ Слащова подъ руку, увела его изъ залы. Бѣжецкій сейчасъ же пристalъ къ какой-то француженкѣ, изображавшей «Рогъ изобилія», а Шатовъ отправился въ буфетъ.

Кадриль кончилась и публика съ нетерпѣніемъ ждала живой картины, столпившись у эстрады...

Нелюбознательныя пары разошлись по угламъ и болѣе или менѣе оживленно разговаривали между собой.

Въ залу вошли двѣ маски. Одна изъ нихъ средняго роста, довольно плотнаго сложенія, была въ розовомъ атласномъ домино, кокетливо накинутомъ на плечи. Изъ-подъ него можно было видѣть большое декольте и manches courtes. Капюшонъ былъ спущенъ и вся голова покрыта розами. Въ ушахъ по громадному брилліанту. Маска со вздернутымъ носомъ и вертлявая походка придавали замаскированной видъ молодой дѣвушки. Рядомъ съ ней шла дама тщательно закутанная въ черное атласное домино. Маленькаго роста, полная, съ нерѣшительною походкой, она казалась старушкой.

При входѣ въ залу обѣ маски остановились. Видно было, что онѣ не были знакомы съ помѣщеніемъ клуба и не знали, куда идти. Онѣ такъ прошли почти по всѣмъ комнатамъ, розовая за черной, видимо не находя кого-то. Наконецъ, пробираясь къ дамской уборной, въ продолговатой полуосвѣщенной комнатѣ, черное домино быстро обернулось на чей-то голосъ. Въ углу сидѣлъ

Слащовъ съ цыганкой. Черное домино шепнуло что-то розовому, и розовая маска отправилась въ уборную. Черная сѣла тутъ же дожидаться ея... Всѣ остались сидѣть по-прежнему,—никто не обратилъ на нее вниманія. Она повернулась въ сторону Слащова. Цыганка сняла полумаску и, обмахиваясь ею, какъ вѣеромъ, весело говорила съ своимъ кавалеромъ. Она сидѣла, держась обнаженною рукой за ручку кресла, нога на ногу, и видимо чувствовала себя весело и свободно. Подкрашенные глаза блестѣли, большой ротъ улыбался широкой, беззаботной улыбкой.

— У меня теперь только одно желаніе,—донесся до черной маски голосъ Слащова.

Онъ сидѣлъ бокомъ на стулѣ, близко наклонившись къ сосѣдкѣ. Они тихо заговорили о чемъ-то... Вдругъ онъ вскочилъ и какъ будто хотѣлъ уйти. Цыганка схватила его за рукавъ.

— Ты съ ума сошелъ!—громко сказала она.—Чего же ты разозлился?...

— Я не позволю всякой... тебѣ,—поправился онъ, садясь рядомъ съ ней,—говорить такъ о женѣ... Уважая самого себя, я этого не позволю!—горячился Слащовъ.

— Да вѣдь ты самъ же началъ,—обиженно возразила цыганка,—самъ сказалъ, что ничего не можетъ быть скучнѣе и надоѣдливѣе женъ...

Онъ схватилъ ее за руку выше кисти; ему вдругъ стало страшно, что ихъ могутъ слышать. Они опять заговорили очень тихо. Черное домино не спускало съ нихъ глазъ. Оно могло опять разслышать только, какъ онъ звалъ свою маску ужинать.

— Пойдемъ! — весело сказала она. — Мнѣ страшно хочется пить...

— А мнѣ напиться,—отвѣтилъ ей Слащовъ и утомленною походкой повелъ цыганку въ столовую.

Черная маска встала вслѣдъ за ними и вошла въ дамскую комнату. Дама въ розовомъ домино сидѣла въ углу и, закрывшись вѣеромъ, дремала. «Старушка» подошла къ ней и шепотомъ долго говорила ей что-то; та точно не рѣшалась, наконецъ онѣ видимо согласились и обѣ вышли изъ уборной.

Онѣ, наугадъ, пошли направо, прошли гостиную и оказались на порогѣ столовой.

Всѣ столики были заняты; стукъ ножей и стакановъ смѣшивался съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ присутствовавшихъ. Въ густомъ табачномъ облакѣ все принимало какія-то туманныя

очертанія; свѣчи тускло горѣли. Каждую минуту слышалось рѣзкое поколачиваніе ножомъ о стаканъ, чтобы позвать лакея... Обѣ маски остановились на порогѣ нерѣшительно... Ихъ втолкнула въ столовую, хлынувшая послѣ танцевъ, толпа... Всѣ торопились занять мѣста, потребовать что-нибудь.

— Je le vois,--наклонилась розовая маска къ черной, быстро оглядѣвъ всю столовую.

— Гдѣ?—шепотомъ спросила ее по-французски другая маска.

— Тамъ, въ углу,—показывая пальцемъ,—сказала ей розовая.

— Voyons, du courage!—сказала маленькая и онѣ обѣ начали робко пробираться между столовъ.

Розовая сейчасъ же придала своей фигурѣ шикарный, беззаботный видъ, подняла немного голову и казалась какъ у себя дома. Черная, напротивъ, вся какъ-то съежилась и проходила между ужинавшими, точно боясь задѣть кого-то. Она видѣла взгляды присутствовавшихъ, измѣрявшіе ее съ головы до ногъ.

...«Вотъ,—казалось ей каждую минуту,—упаду, маска свалится, узнаютъ, не удастся...»—Она едва поспѣвала за своей розовой подругой.

— Слащовъ, я ищу тебя весь вечеръ,—громко и развязно уже говорила та, когда черная маска подошла къ угольному столику, за которымъ ужиналъ Слащовъ съ цыганкой, Бѣжецкій съ француженкой — рогомъ изобилія и Шатовъ. Послѣдній уже успѣлъ напиться и еще апатичнѣе, еще спокойнѣе глядѣлъ кругомъ.

Слащовъ удивленно осмотрѣлъ съ головы до ногъ подошедшихъ масокъ и хотѣлъ сказать что-то...

— Ты ужинаешь, тѣмъ лучше,—перебила его француженка.—Мнѣ жарко въ этой противной маскѣ. Я хочу пить, дай мнѣ шампанскаго...

Слащовъ налилъ ей полный стаканъ.

— И maman тоже,—сказала розовая маска, подавая второй стаканъ.—Maman, садитесь!—обратилась она къ спутницѣ.

Маска въ черномъ домино стояла, схватившись за спинку стула. Шатовъ придвинулъ къ ней стулъ и она, какъ подкошенная, сѣла бокомъ на него. Этому никто не придалъ никакого значенія, только розовая маска поторопилась придвинуть къ ней свой стаканъ съ шампанскимъ, разговаривая оживленно съ Слащовымъ.

Николай Сергѣевичъ много выпилъ и былъ очень возбужденъ. Черная маска залпомъ выпила полстакана.

— У, какъ maman хорошо пьетъ!—смѣясь проговорилъ Слащовъ и продолжалъ съ маской начатый разговоръ. Розовое домино заинтересовало его. Француженка вела весь разговоръ съ нимъ какъ съ холостымъ человѣкомъ, намекнула на его отношенія къ княгинѣ С., одобрила ихъ, сказала, что безъ любви и безъ «шалостей» жизнь — скука, и, наконецъ, дала понять ему, что она влюблена въ него и только искала случая сказать ему это.

Слащовъ повернулся спиной къ цыганкѣ и отдался весь разговору съ француженкой.

«Maman» все время молчала и хотя много пила, но зорко слѣдила за всѣмъ, что происходитъ кругомъ.

Цыганка повернулась къ Бѣжецкому и тотъ блаженствовалъ, сидя развалившись въ креслѣ со стаканомъ въ рукѣ, и, поворачиваясь направо и налѣво, говорилъ съ обѣими масками. Шатовъ курилъ, положивъ оба локтя на столъ, и не спускалъ глазъ съ «maman». Та раньше не замѣчала этого, потомъ она видимо смущалась его пристальнымъ взглядомъ, облокачивалась на руку, полузакрывая глаза, наклонялась къ стакану съ шампанскимъ и, точно сама не замѣчая, пила безъ конца.

Француженка между тѣмъ дѣлала свое дѣло: она позволила Слащову сѣсть очень близко къ ней и положить руку на спинку ея стула. Николай Сергѣевичъ совсѣмъ осовѣлъ. Онъ очень заинтересовался розовымъ домино и упрашивалъ снять маску, но она не соглашалась.

— Кто?—спросилъ Слащовъ Шатова.

Тотъ въ недоумѣніи пожалъ плечами.

— Всѣхъ петербургскихъ я знаю,—продолжалъ Слащовъ по-русски, увѣренный, что его дамы не понимаютъ.—Для пріѣзжей—слишкомъ хорошо знаетъ меня и моихъ знакомыхъ,—едва двигая губами, говорилъ Слащовъ.

— Маска, ты меня съ ума сведешь,—обратился онъ къ француженкѣ.—Открой лицо пожалуйста...

— Ни за что...

— Ну, я къ maman пристану... Неужели она у тебя всегда такая молчаливая?—спросилъ Слащовъ маску.

— Я тебѣ говорила, что она немного нездорова сегодня,— твѣтила француженка.—Оставь ее пожалуйста въ покоѣ.

— Такъ я не отстану отъ тебя,—сказалъ Никсъ и, повернувшись спиной къ цыганкѣ, придвинулся совсѣмъ близко къ розовой маскѣ.

— Невѣжа! — обиженно произнесла цыганка, быстро встала и вышла изъ-за стола, громко отодвинувъ стулъ. Она уже четверть часа сидѣла молча,—никто не обращалъ на нее вниманія: Слащова заинтриговала розовая маска, Бѣжецкій занимался съ француженкой—рогомъ изобилія, Шатовъ все время слѣдилъ за обѣими домино. Ея уходъ нарушилъ на минуту общее настроеніе: мужчины встали изъ-за стола и сдѣлали видъ, что хотятъ вернуть ее; но когда она скрылась изъ столовой, всѣ точно обрадовались и заняли опять свои мѣста.

Пользуясь общею сумятицей, Шатовъ отставилъ стаканъ отъ черной маски. Онъ успѣлъ разглядѣть ея глаза и замѣтилъ ихъ неестественный блескъ...

— Дайте мой стаканъ,—шепотомъ сказала она ему.

— Маска, ты забываешь, что ты—маска,—сказалъ ей тихо Шатовъ.—Надо говорить другъ другу «ты». Не выдавай себя...

Она рѣзко отвернулась отъ него.

— Какъ ты попала сюда?—еще тише спросилъ ее Шатовъ.

Она невольнымъ движеніемъ схватилась за високъ, какъ будто увидала что-нибудь страшное, быстро достала свой стаканъ и залпомъ допила его.

Слащовъ ничего не замѣчалъ. Онъ упрашивалъ сосѣдку снять маску, взялъ ее за обѣ руки и цѣловалъ ихъ.

Черная маска, взглянувъ на нихъ, расхохоталась, приложивъ платокъ къ губамъ. Она продолжала сдержанно смѣяться, не спуская глазъ съ пьянаго и разнѣжившагося Слащова.

Шатовъ замѣтилъ, что плечи черной маски вздрагиваютъ все сильнѣе и сильнѣе. Онъ наклонился къ другому концу стола, чтобы налить изъ сифона сельтерской воды. Маска громко и неестественно расхохоталась и, схватившись за грудь, продолжала хохотать съ дикими криками.

Слащовъ, забывшій о присутствіи «старушки», не могъ ничего понять. Онъ не выпускалъ рукъ розовой маски, рвавшейся помочь своей «maman».

Шатовъ точно предчувствовалъ это, какъ будто подготовился къ такой минутѣ: онъ быстро подошелъ къ маскѣ, взялъ ее на руки какъ ребенка и въ секунду вынесъ, продолжавшую хохотать и биться, «maman»...

Все это случилось такъ быстро, что повскакавшая съ мѣстъ публика не могла ничего разобрать: кто-то громко захохоталъ, кто-то унесъ кого-то... Поздній часъ, разгоряченныя виномъ головы—спутали все. Говорили, что «вышелъ скандалъ».

Даже Слащовъ и Бѣжецкій думали, что произошелъ «скандалъ». «Maman» для нихъ не существовала вовсе; въ продолженіе всего ужина они не видѣли, пила ли она или ѣла, не слыхали отъ нея ни одного слова. И вдругъ, когда розовая маска встала и хотѣла бѣжать за «maman», Слащовъ замѣтилъ въ ней что-то неуловимое, какой-то жестъ... Его какъ обухомъ по головѣ стукнуло...

Шатовъ быстро, черезъ весь клубъ, пронесъ маску, схватилъ шинель и, закутавъ въ нее свою ношу, бѣгомъ кинулся на улицу. Вскочивъ на перваго попавшагося извощика, онъ усадилъ ее рядомъ съ собой и снялъ маску. Шатовъ увидалъ передъ собою блѣдное лицо Анны съ сжатыми, посинѣвшими губами и закатившимися глазами. Все ея маленькое тѣльце нервно вздрагивало и губы конвульсивно передергивались. Шатовъ наклонился къ землѣ, схватилъ комокъ мокраго, грязнаго снѣгу и приложилъ его къ виску Анны, безпомощно лежавшей у него на плечѣ. Отъ прикосновенія холоднаго она вздрогнула, открыла глаза и начала всхлипывать какъ ребенокъ; глаза смотрѣли и, казалось, ничего не видали, губы натянулись и посинѣли.

— Анна Николаевна, дорогая, что вы? — хотѣлъ успокоить ее Шатовъ.

Она отскочила отъ него, взглянула ему въ глаза и, узнавъ его, крикнула пронзительно, отчаянно. Удивленный извощикъ невольно задержалъ лошадь. Анна въ одну секунду выскочила изъ саней и хотѣла бѣжать. Черное атласное платье зашумѣло по мокрому снѣгу. Она сдѣлала два шага и, какъ скошенная, упала во всю длину. Шатовъ на рукахъ довезъ ее до дому.

Когда Николай Сергѣевичъ пріѣхалъ домой, онъ сейчасъ же бросился въ спальню жены. При тускломъ свѣтѣ лампы, заставленной книгой, онъ увидалъ на кровати разметавшуюся, въ жару, Анну, съ широко открытыми размазанными глазами, съ всклокоченными напудренными волосами, въ черномъ атласномъ грязномъ платьѣ. Рядомъ былъ брошенъ черный капюшонъ. Горничная убѣжала за холодною водой. Шатовъ поѣхалъ за докторомъ.

Къ утру болѣзнь опредѣлилась: съ Анной сдѣлалась горячка.

VII.

Только на шестнадцатый день она пришла въ память. Двѣ недѣли Николай Сергѣевичъ мѣста себѣ не могъ найти. Онъ постоянно входилъ въ спальню жены; но какъ только больная начинала бредить, онъ опрометью выбѣгалъ изъ комнаты.

Слащовъ былъ суевѣренъ. Въ безсознательномъ бреду онъ боялся услышать дурное предсказаніе, предчувствіе смерти. Онъ входилъ къ себѣ въ кабинетъ, начиналъ перекладывать на столѣ всѣ вещи, приводилъ все въ порядокъ, безцѣльно опять входилъ въ комнату жены и пользовался каждымъ маленькимъ случаемъ, чтобъ уйти оттуда, но уйти, чтобы быть полезнымъ больной.

Шатовъ всѣ дни проводилъ у него. Ему было очень жаль Анну и онъ какъ будто бы считалъ себя виновнымъ въ этомъ взрывѣ нервнаго напряженія, вызванномъ имъ наружу тогда, въ маскарадѣ.

Какъ только замѣчалось ухудшеніе въ состояніи больной, Никсъ терялся и бѣжалъ за Шатовымъ. Тотъ спокойно и тихо измѣрялъ температуру, записывалъ ее, слушалъ пульсъ и принималъ какія-нибудь мѣры. Слащовъ, наволновавшійся днемъ, спалъ ночи какъ убитый; Шатовъ всѣ ночи просиживалъ около Анны. Онъ былъ радъ все сдѣлать, чтобы вернуть къ жизни это молодое, странное созданіе.

Уменьшенный свѣтъ лампы едва освѣщалъ большую спальню, обитую темнокраснымъ атласомъ съ бѣлымъ ковромъ и красною мебелью. По срединѣ комнаты виднѣлась широкая кровать, приставленная изголовьемъ къ стѣнѣ. Почти подъ самымъ потолкомъ былъ прикрѣпленъ красный балдахинъ, спускавшійся тяжелыми атласными складками къ подушкамъ. Серебряные амуры, поддерживающіе атласъ, рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ. Въ тѣни, въ подушкахъ, зашевелилось что-то. Шатовъ быстро всталъ съ дивана и подошелъ къ кровати. Анна лежала на лѣвомъ боку и не могла видѣть его.

— Воды,—тихо сказала она, услышавъ, что подошелъ кто-то,—пить хочется.

Шатовъ молча подалъ ей стаканъ аршаду. Она взглянула на него кроткими, спокойными глазами. Она была слишкомъ слаба, чтобъ удивиться его появленію здѣсь.

— Приподнимите меня,—слабо сказала Анна.

Шатовъ взялъ ее подъ руки и посадилъ, положивъ сзади нея подушки.

— Слабы вы еще, голова закружится, — заботливо сказалъ онъ.

— Ничего,—проговорила она и взялась рукою за голову.— Ахъ, волосы...—безпомощно сказала она, проводя рукою по коротко обстриженнымъ волосамъ.—Когда это?

— Вамъ обстригли, когда вы были безъ памяти,—объяснялъ Шатовъ.—Нельзя было иначе компрессовъ класть,—не проходилъ холодъ къ головѣ.

— А я долго была безъ памяти?—спросила она его.

— Сегодня шестнадцать дней.

— Боже мой!... Значитъ, я была очень больна?... Я ничего не помню, ничего... Я и не страдала, кажется, совсѣмъ.

Она ослабѣла и опять легла.

Шатовъ поправилъ ей подушки, одѣяло и хотѣлъ сказать что-то. Анна спала уже тихимъ, спокойнымъ сномъ. Шатовъ пошелъ въ кабинетъ Никса. Онъ разбудилъ его и сказалъ, что Анна пришла въ сознаніе.

— Про меня спрашивала?—спросилъ Слащовъ.

— Н-нѣтъ,—замявшись отвѣтилъ ему Шатовъ и сталъ прощаться.

VIII.

Анна поправлялась быстро.

Уже черезъ три недѣли она могла сидѣть на кровати, разговаривать, читать... Но петербургскія знаменитости велѣли ей не сходить съ постели въ продолженіе шести недѣль.

Какъ только опасность миновала, Николай Сергѣевичъ воскресъ. Ему теперь и самому казалось страннымъ, чего онъ трусилъ? Съ организмомъ жены можно вынести и не такую болѣзнь... И первое время онъ сидѣлъ около ея постели, игралъ съ ней въ карты, а потомъ съ каждымъ днемъ у него являлось все больше и больше «дѣлъ». Онъ уѣзжалъ на цѣлые дни, а къ женѣ «прикомандировалъ», какъ говорилъ онъ, Шатова и Бѣжецкаго. Они втроемъ цѣлыми днями играли въ карты. Сначала Бѣжецкій видимо скучалъ. Онъ не находилъ ни малѣйшаго удовольствія въ обществѣ такой «женщины-мальчика», какою ему казалась Анна. Ея товарищескій тонъ, безцеремонное обращеніе, вся ея наружность съ короткими волосами, съ полудѣтскою фигурой—не нравились ему. Никсъ почти силой велъ его къ себѣ, чтобы доставить женѣ партнёра играть въ карты. Скоро

Бѣжецкаго стала занимать нѣкоторая оригинальность въ Аннѣ и, наконецъ, злить ея отношеніе къ нему какъ къ «юношѣ». Онъ сталъ ходить къ Слащовымъ все чаще и чаще, пока не сдѣлался ежедневнымъ гостемъ. Николай Сергѣевичъ и радъ былъ, что жена не скучаетъ,—онъ могъ безъ угрызеній совѣсти уѣзжать «по своимъ дѣламъ». Анна въ самомъ дѣлѣ не скучала. Послѣ того маскарада она не то чтобъ охладѣла къ мужу, а онъ потерялъ тотъ ореолъ, какимъ она его окружала прежде. Она даже бывала рада, когда онъ не сидѣлъ тутъ, не мѣшалъ ея задушевной болтовнѣ съ Шатовымъ и подтруниванію надъ Бѣжецкимъ. Ей становилось сейчасъ легче и веселѣе, когда она не видала передъ собой скучающей физіономіи мужа. Съ Шатовымъ ей было больше всего по душѣ, Бѣжецкаго же она только терпѣла.

— Зачѣмъ вы такъ подтруниваете надъ несчастнымъ Бѣжецкимъ?—спросилъ ее разъ Шатовъ, когда они остались вдвоемъ.

— Характеръ такой у меня,—весело отвѣтила Анна, закуривая папиросу.

— При чемъ тутъ характеръ?—совершенно серьезно возразилъ ей Шатовъ.—Вчера вы его довели до зеленаго змія, какъ говорится, а за что?... Можно не давать волю своему характеру, не мучить людей, особенно если они такъ хорошо относятся къ вамъ, какъ Бѣжецкій.

— А иначе скучно... О чемъ мнѣ съ нимъ говорить?—Не о чемъ... Онъ такъ глупъ,—заговорила Анна капризнымъ тономъ.

— Во-первыхъ, онъ вовсе не глупъ,—все такъ же спокойно возразилъ Шатовъ,—а во-вторыхъ, вы знаете, что подобныя подразниванья къ добру не приведутъ. Вамъ онъ нисколько не нравится, къ чему же кокетство?...

— Да развѣ это кокетство, Петръ Петровичъ?

— Конечно... И самый ужасный видъ кокетства... Не мнѣ вамъ толковать это,—сами очень хорошо знаете... А вотъ какъ Бѣжецкій васъ полюбитъ...

— Полноте,—быстро перебила его Анна,—развѣ можетъ эта пробка любить?...

И разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Прошло еще два мѣсяца.

Въ маѣ Слащовы переѣхали къ себѣ въ деревню въ К—ую губернію и взяли обѣщаніе съ Шатова и Бѣжецкаго пріѣхать гостить къ нимъ.

IX.

Они и сдержали свое обѣщаніе. Бѣжецкій пріѣхалъ почти черезъ недѣлю послѣ Слащовыхъ, а Шатовъ немного позже.

Никсъ съ Бѣжецкимъ уѣзжали на охоту, навѣщали сосѣдку-помѣщицу въ двухъ верстахъ отъ Нагорнаго, а Шатовъ все время оставался съ Анной. Охоты онъ не любилъ, а ѣздить по сосѣдямъ просто лѣнился. Лѣто стояло жаркое, томительное. Только по вечерамъ и возможно было дышать.

Разъ вечеромъ, когда солнце уже зашло, но земля еще окрашивалась розоватымъ свѣтомъ его лучей, все общество Нагорнаго спускалось внизъ къ рѣкѣ отъ большаго барскаго дома, стоящаго надъ этою рѣкой, на высокой горѣ.

Въ воздухѣ не было ни малѣйшаго вѣтерка; ни одинъ листокъ не шевелился; вода какъ будто остановилась и точно зеркало отражала въ себѣ небо, розоватыя облака, противуположный берегъ...

— А вонъ и моя Голопаевка видна,—сказала одна изъ дамъ, когда все общество вышло на берегъ и расположилось на сваленномъ бурею деревѣ.

— Гдѣ это?—спросилъ ее, сидѣвшій рядомъ съ ней, Слащовъ, накидывая пенснэ.

— Вонъ видите, новая крыша въ зелени...

— Да?... Какъ отсюда близко,—отвѣтилъ ей Николай Сергѣевичъ.—Еслибы не надо было дѣлать объѣзда черезъ плотину, какими бы мы были близкими сосѣдями, какъ бы я надоѣдалъ вамъ!...

— Неужели сдѣлать нѣсколько верстъ лишнихъ такъ трудно? Если очень хочешь видѣть, то о нихъ и не вспомнишь,—кокетливо заговорила она.

Барыня эта, Софья Ивановна Рудниковская, была ближайшею сосѣдкой по имѣнію Слащовыхъ. Николай Сергѣевичъ зналъ ее уже нѣсколько лѣтъ, но зналъ всегда какъ примѣрную жену и добродѣтельную мать. Онъ находилъ ее хорошенькой, но она не представляла для него никакого интереса.

Два года тому назадъ мужъ Рудниковской сошелъ съ ума. Онъ помѣшался безъ всякой видимой причины, такъ, разомъ. Софья Ивановна была потрясена страшно, но не растерялась, собрала какія имѣла средства и свезла мужа въ Петербургъ въ частную лѣчебницу душевныхъ болѣзней. Тамъ ей дали слабую

надежду на его выздоровленіе. Сама она заперлась въ деревнѣ и жила тамъ съ пятилѣтпею дочкой, чтобы поправить денежныя дѣла и имѣть возможность хоть мѣсяца два въ годъ проводить въ Петербургѣ. Ея поступокъ удивилъ всѣхъ. Она издавна пріобрѣла репутацію женщины недалекой и большой кокетки.

Такъ относились къ ней даже теперь и Слащовъ, и Шатовъ, и Бѣжецкій. Николаю Сергѣевичу уже черезъ недѣлю по пріѣздѣ надоѣло его Нагорное и онъ былъ радъ развлеченію.

— Петръ Петровичъ, подойдите сюда,—подозвала Анна Николаевна Шатова, спокойно усѣвшагося также рядомъ съ Софьей Ивановной.

Онъ всталъ и лѣниво подошелъ къ Аннѣ, стоявшей надъ самою водой вмѣстѣ съ Бѣжецкимъ.

— Что скажете?—спросилъ ее Шатовъ.

— Я хотѣла спросить васъ... Pardon, я васъ отозвала отъ m-me Рудниковской...

— Такъ что же?—спокойно спросилъ онъ.—Успѣю еще и поговорить, и послушать,—цѣлый вечеръ впереди...

— Анна сердито взглянула на него и прикусила нижнюю губу.

— Что же вы хотѣли спросить меня, Анна Николаевна?—допрашивалъ ее Шатовъ.

Бѣжецкій не спускалъ глазъ со Слащовой.

— Ничего... Забыла,—пробормотала Анна.

— И не жаль вамъ человѣка тревожить?... Только-что сѣлъ такъ покойно, хорошо, деревенской идилліей насладиться хотѣлъ... Ну, спрашивайте же, Анна Николаевна.

— Сказала вѣдь, что забыла,—раздраженно отвѣтила Анна.

— Какъ знаете,—проговорилъ Шатовъ и направился къ бревну, на которомъ весело разговаривали Слащовъ и Рудниковская.

Анна остановила Шатова за рукавъ.

— Я хотѣла спросить васъ,—быстро заговорила она,—когда вы стоите такъ надъ водой, не является у васъ желанія броситься туда, утопиться?...

— Нѣтъ, не бываетъ, а особенно надъ такой лужей,—отвѣтилъ ей Шатовъ.

— А у меня постоянно... Если я встрѣчаю поѣздъ, меня тянетъ броситься подъ локомотивъ; если стою надъ водой, такъ и хочется утопиться.

— Если будете топиться, пожалуйста при мнѣ,—сказалъ Бѣжецкій.—Я васъ спасу и вы мнѣ цѣлый вѣкъ благодарны будете...

Анна не обратила никакого вниманія на его слова.

— Вамъ нянюшку надо,—такихъ дѣтей нельзя однихъ пускать,—полушутливо, полусерьезно проговорилъ Шатовъ.

— Вотъ вы меня въ няньки и возьмите, Анна Николаевна,—покорно попросилъ Бѣжецкій, взглянувъ на Анну своими красивыми глазами.

— А вы моей нянькой не хотите быть?—спросила Анна Шатова.

— Хотѣлъ бы, да у семи нянекъ всегда дитя криво,—отвѣтилъ ей шутя Шатовъ.—Ужь у васъ есть нянька—Бѣжецкій. Я лишній.

— Какъ знаете,—разсерженно сказала Анна.—Такъ вы, Ѳедоръ Михайловичъ, моя нянюшка?—обратилась она къ Бѣжецкому.—Отлично! Только смотрите, вѣдь я несносный ребенокъ... Не откажитесь отъ своей задачи...

— Я буду баловать этого несноснаго ребенка,—покорно замѣтилъ Бѣжецкій.

— И плохо сдѣлаете,—лѣниво возразилъ Шатовъ.—Баловствомъ вы нечего не добьетесь...

— Напротивъ, баловство иногда очень полезно,—перебила его Анна.

— Да, *иногда*, но не съ вашимъ характеромъ... Вотъ m-me Рудниковская, напримѣръ, другое дѣло,—она Богомъ обиженная,—а вы и безъ того балованная...

— Какъ вы мало знаете меня, Петръ Петровичъ,—вскрикнула Слащова,—а такъ часто видимся... Кѣмъ или чѣмъ я балована, скажите?

— Да всѣмъ, начиная съ пустяковъ,—шутливо отвѣтилъ Шатовъ.

— Это вы серьезно говорите?

— Конечно,—какъ будто поддразнивая ее, продолжалъ онъ.

— Annette! Софьѣ Ивановнѣ сыро здѣсь... Мы пойдемъ домой,—послышался сверху голосъ мужа.

— Хорошо. Я сама сейчасъ приду,—крикнула Анна поднимавшемуся въ гору Никсу подъ руку съ m-me Рудниковской.

— Смотрите,—сказалъ Шатовъ, показывая на нихъ Аннѣ,—какая она тоненькая, такъ и гнется, сейчасъ сломится,—какъ же не жалѣть ее...

— Ну, и жалѣйте, кто-жь вамъ мѣшаетъ?—раздраженно заговорила Анна.—И что она глупенькая такая, тоже жалѣйте... Какое мнѣ до этого дѣло...

— Что же, вы сердитесь, Анна Николаевна?... Я не хотѣлъ говорить вамъ непріятностей.

— Ахъ, оставьте пожалуйста!... Вы нынче только въ такомъ тонѣ и говорите со мной...

— Анна Николаевна, не будемъ ссориться на прощанье, вѣдь я завтра уѣзжаю.

— Завтра?... Куда же уѣзжаете?—испуганно спросила его Анна.

— Какъ куда?—Въ Петербургъ. Ужь черезъ недѣлю отпуску конецъ, а мнѣ еще въ Москвѣ надо остановиться.

— Это новость для меня,—медленно заговорила Анна.

Разговоръ перервался на минуту. Анна судорожно передернула плечами.

— Вамъ холодно?—заботливо спросилъ ее Бѣжецкій.

— Д-да, сыро здѣсь. Никсъ сказалъ правду.

— Такъ вернитесь домой,—предложилъ ей Ѳедоръ Михайловичъ.

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь хочется посидѣть,—съ разстановкой заговорила она.—А вы услужите мнѣ, принесите что-нибудь накинуть на плечи.

— Сію минуту,—съ готовностью отвѣтилъ онъ.

— Простите, что безпокою...

— Полноте, Анна Николаевна, какое тутъ безпокойство.—Я очень радъ,—сконфуженнымъ тономъ проговорилъ Бѣжецкій и скорымъ шагомъ сталъ подниматься къ дому.

Анна и Шатовъ сидѣли нѣкоторое время молча. Шатовъ спокойно докуривалъ сигару, смотря куда-то въ даль. Анна судорожно водила зонтикомъ по песку.

— Петръ Петровичъ,—наконецъ заговорила Анна,—зачѣмъ вы уѣзжаете?

— Отпускъ кончается, Анна Николаевна, служба,—отвѣтилъ ей Шатовъ.

— Вы не должны уѣзжать... Кто же со мной будетъ ѣздить верхомъ, гулять, читать?

— Съ вами Бѣжецкій останется.

— Не говорите вы мнѣ про Бѣжецкаго,—я слышать про него не могу!... Онъ такъ надоѣлъ мнѣ своими вытаращенными глазами...

— Ужь очень влюбленъ, бѣдный! Вы замѣтили, онъ совсѣмъ дара слова лишился, цѣлыми часами молчитъ и только смотритъ на васъ... За то покорный.

— Да что мнѣ въ его покорности?—капризнымъ тономъ заговорила Анна.—Я хочу, чтобы вы меня слушались, чтобы вы не уѣзжали такъ скоро отъ насъ.

— А служба какъ же Анна Николаевна?—смѣясь спросилъ ее Шатовъ.

— Недѣлю жить въ Москвѣ служба велитъ?—живо спросила она.

— Нѣтъ. Но...

— Я не хочу знать этихъ «но»,—перебила его Анна.—Я просто не пущу васъ, слышите?—не пущу. Я не хочу, чтобы вы уѣзжали отсюда.

— Анна Николаевна,—попытался остановить ее Шатовъ.

— А вы уѣдете и я уѣду за вами,—продолжала Анна.—Я не могу здѣсь оставаться... Опять вѣчно одна, всѣми брошенная... Петръ Петровичъ,—заговорила она ласково,—я васъ прошу очень, чень, останьтесь еще у насъ.

— Еслибы могъ, Анна Николаевна, съ удовольствіемъ бы. Да, мнѣ кажется, я и веселья-то вамъ мало приношу съ моимъ скучнымъ характеромъ.

— Это ужь не ваше дѣло... Говорю вамъ, не могу я оставаться здѣсь одна.

— А Никсъ?... Онъ все лѣто будетъ жить здѣсь.

Анна вскинула на него удивленные глаза.

— Вы шутя это говорите?—спросила она, отчеканивая каждое слово.—Вы знаете, что Никсъ и я...

Шатовъ перебилъ ее жестомъ.

— Вы знаете, что я, во-первыхъ, другъ вашего мужа, Анна Николаевна; а во-вторыхъ, я честный человѣкъ,—медленно заговорилъ Шатовъ,—поэтому, пожалуйста, перемѣните разговоръ.

Анна сидѣла какъ облитая холодною водой. Она поблѣднѣла и какъ будто осунулась разомъ. Глаза пристально вглядывались въ кончикъ зонтика, которымъ она опять судорожно завозила по песку.

Разговоръ прервался и нѣсколько минутъ оба молчали.

Шатовъ ходилъ взадъ и впередъ около Анны и время отъ времени украдкой взглядывалъ на нее. Онъ замѣтилъ, что глаза, хоть и опущенные внизъ, потускнѣли, потомъ увидѣлъ на рѣсницахъ по крупной слезѣ, потомъ эти слезы тихо скатились по щекамъ на сѣрое полотно ея платья.

— Вы не сердитесь на меня, Анна Николаевна?—тихо спросилъ онъ, садясь около Анны.

Та не отвѣчала. Шатовъ заговорилъ опять.

— Теперь вы не поймете меня, но черезъ нѣсколько лѣтъ, когда вы будете относиться спокойнѣе ко всему этому, вы поблагодарите меня,—вы скажете, что я честный человѣкъ. Чего же тутъ плакать, Анна Николаевна?—растерялся онъ, видя неудержимыя рыданія Слащовой.—Опять нервы, только-что поправились... Анна Николаевна, сюда идутъ, увидятъ насъ вдвоемъ, вы плачете,—ну, что скажутъ?

— Господи!—воскликнула Анна сквозь слезы,—не все ли мнѣ равно, что скажутъ?... Если вы такъ боитесь, уходите.

— Я не за себя боюсь, а за васъ, поймите вы это,—хотѣлъ убѣдить ее Шатовъ.

— Ну, и уходите пожалуйста!—зло и капризно отвѣтила ему Анна и опять тихо, но горько заплакала.

Шатовъ сидѣлъ и не зналъ что ему дѣлать. Шаги сзади все приближались. Ему не хотѣлось, чтобъ ихъ застали такъ вдвоемъ. Онъ всталъ и какъ будто не хотя, невольно, сталъ уходить въ сторону.

Черезъ минуты двѣ Анна подняла голову. Она была одна. Ее охватило съ страшною силой жгучее чувство досады и злобы на себя, на весь міръ, на свои слезы. Она порвала въ мелкіе кусочки, мокрый отъ слезъ, платокъ и со злостью бросила его въ воду.

— Анна Николаевна, вы однѣ?—услышала она голосъ Бѣжецкаго.

— Да, одна... Идите-ка сюда, здѣсь такъ хорошо,—подозвала она его, не поднимая головы, чтобы не показать своихъ заплаканныхъ глазъ.

Но отъ влюбленнаго Бѣжецкаго не скрылся разстроенный видъ Анны.

— Анна Николаевна, да что съ вами?—невольно вырвалось у него.—Вы плакали?

Анна не отвѣтила. Бѣжецкій понялъ, что не долженъ былъ спрашивать, и постарался перемѣнить разговоръ. Она оцѣнила это; его деликатность тронула ее. Она охотно поддержала разговоръ и даже не крикнула на него, какъ бывало прежде, когда онъ поцѣловалъ ея руку въ ладонь.

Онъ также оцѣнилъ это.

Черезъ четверть часа они шли подъ руку пить чай и нашли на террассѣ m-me Рудниковскую, весело бесѣдовавшую съ Никсомъ и Шатовымъ, сидя между ними на диванѣ.

X.

Ѳедоръ Михайловичъ Бѣжецкій былъ извѣстенъ всему Петербургу, хоть никакихъ особенныхъ свойствъ и преимуществъ за нимъ не водилось. Онъ просто былъ молодой человѣкъ хорошей фамиліи, съ порядочными средствами, на видной дорогѣ, и этого было достаточно, чтобъ его знали въ салонахъ.

Товарищъ Слащова по службѣ, Бѣжецкій взялъ его себѣ въ учителя. Всѣ кутежи, всѣ ужины, на которыхъ появлялся Никсъ Слащовъ, были обязательны и для Бѣжецкаго, что дѣлало его популярнымъ и въ этомъ кружкѣ.

Страсть къ лошадямъ и балету доставляла ему извѣстность и еще между очень многими.

Однимъ словомъ, Бѣжецкаго знали всѣ, и знали какъ за кутилу, не увлекающагося ни одной порядочной женщиной, а тѣмъ менѣе дѣвушкой.

Бѣжецкій избѣгалъ бывать въ семейныхъ домахъ,—ему тамъ нечего было дѣлать; съ каждаго бала онъ торопился уѣхать на какой-нибудь кутежъ или partie de plaisir. За то здѣсь полезнѣе Бѣжецкаго не было. Онъ зналъ всѣхъ содержателей ресторановъ, всѣ знали также и его. Бывало пойдетъ, пошепчется и все устроитъ безъ суеты и хлопотъ. Цыганки звали его по имени и для «Ѳедора Михайловича» пѣли лучше и больше. Здѣсь онъ находился совершенно въ своей сферѣ, зналъ наизусть гдѣ лучше кормятъ, какіе «примѣры» привезены, какъ приготовить брюшонъ. Въ обществѣ Бѣжецкій какъ будто терялся. Онъ очень мало говорилъ, слушалъ разсѣянно и обыкновенно смотрѣлъ въ упоръ на ту, за которой ухаживалъ,—а разъ онъ бывалъ въ обществѣ, онъ непремѣнно за кѣмъ-нибудь ухаживалъ.

Съ Анной онъ былъ знакомъ давно. Но съ перваго же раза они не понравились другъ другу. Она нашла его дуракомъ, а онъ сейчасъ же замѣтилъ въ ней полное отсутствіе женственности, составляющей, по его словамъ, главную прелесть женщины.

Теперь, когда онъ, самъ не зная какъ, сталъ видать ее каждый день, когда она своими поддразниваніями доводила его до злобы, до ярости,—онъ влюбился въ нее. Бѣжецкій былъ вообще

изъ такихъ натуръ, которыя деспотичны съ младшими и съ радостью отдаются въ рабство тѣмъ, чью силу они почувствуютъ надъ собой.

Анна была, безъ сомнѣнія, гораздо умнѣе Бѣжецкаго. Она видѣла его насквозь со всѣми его недостатками. И онъ это очень хорошо зналъ. При ней онъ былъ тише воды, ниже травы. Сколько разъ ему хотѣлось «оборвать» Шатова, отвѣтить на колкость Анны, но онъ молчалъ и продолжалъ все по-прежнему глядѣть на нее полузагадочнымъ, полунѣжнымъ взглядомъ. Это порой выводило ее изъ себя, она не хотѣла видѣть Бѣжецкаго, не могла слышать, какъ Шатовъ поддразнивалъ ее его собачьей привязанностью, но въ минуты сознанія одиночества она не могла не цѣнить эту привязанность.

Теперь послѣ разговора съ Шатовымъ ее вдругъ наполнило чувство благодарности къ Ѳедору Михайловичу.

Вечеръ прошелъ вяло, монотонно. Всѣ какъ будто были не въ своей тарелкѣ. Въ одиннадцатомъ часу m-me Рудниковская стала собираться домой.

— Шатовъ, поѣдемъ верхомъ провожать Софью Ивановну,— предложилъ Слащовъ.

— Пожалуй. У меня что-то голова болитъ...

— Отлично. И вы, Бѣжецкій, тоже?

— Нѣтъ, я не пущу его, — живо сказала Анна. — Мы съ Ѳедоромъ Михайловичемъ пойдемъ опять къ рѣкѣ на луну смотрѣть...

— Полно, мой другъ, ложись лучше спать... Посмотри, на кого ты похожа... Тебѣ здѣсь силъ надо набираться послѣ болѣзни,—уговаривалъ ее Николай.

— Вотъ еще! Вы кататься поѣдете, а я дома сиди въ такой вечеръ... Нѣтъ, нѣтъ, я Ѳедора Михайловича не отпущу...

— Я съ удовольствіемъ покоряюсь,—отвѣтилъ Бѣжецкій, весь покраснѣвъ.

Когда Рудниковская, Слащовъ и Шатовъ уѣхали, Анна попросила Бѣжецкаго подождать внизу у рѣки,—она переодѣнется и сейчасъ придетъ.

Бѣжецкій сошелъ къ рѣкѣ. Вода тихо бѣжала между заросшихъ травой береговъ. Луна серебристыми блестками разсыпалась по мелкой ряби.

Далеко, далеко, на поворотѣ рѣки, на плотахъ развели огонекъ. Онъ золотымъ столбикомъ отражался въ водѣ. Кругомъ

было тихо. Все какъ будто заснуло. Только нѣтъ-нѣтъ плеснется гдѣ-нибудь рыба, да заслышится кваканье лягушки.

Бѣжецкій все сидѣлъ на бревнѣ и ждалъ. Ему показалось, что прошло больше часа. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ. Анны все не было.

«Не случилось ли чего? Можетъ боится идти одна», подумалъ онъ и пошелъ къ дому.

Въ окнахъ было темно; въ комнатѣ Анны закрыты ставни. Онъ вошелъ въ домъ.

— Анна Николаевна!—окликнулъ онъ громко.

Никто не отвѣчалъ ему.

— Анна Николаевна!—повторилъ онъ въ темноту.

Въ сосѣдней комнатѣ кто-то зашевелился.

Бѣжецкій ждалъ. Кто-то босикомъ вошелъ въ комнату, гдѣ стоялъ Бѣжецкій.

— Ѳедоръ Михайловичъ, это вы, что ли?—услыхалъ онъ голосъ горничной Анны.

— Да, Серафима, я... Что, Анна Николаевна ушла?

— Куда ушла?—шепотомъ спросила она.—Спать легли, уже спятъ давно поди...

— Спятъ?—удивленно переспросилъ Бѣжецкій и, не дожидаясь отвѣта, сталъ на носкахъ подниматься на верхъ, къ себѣ въ комнату.

Но Анна еще и не думала засыпать. Она лежала съ судорожно сжатыми губами и широко раскрытыми глазами, пристально устремленными въ темноту. Она слышала, какъ мужъ вернулся, какъ онъ шептался съ Шатовымъ около двери, какъ потомъ легъ и сію минуту заснулъ. Ужь должно быть разсвѣло,—въ щели ставней пробивалась зеленоватая полоска свѣта. Анна все не спала и все думала... только не о Бѣжецкомъ. Ей даже и въ голову не пришло, что онъ ждалъ ее у рѣки, что онъ страдалъ, какъ и она, ворочаясь съ боку на бокъ на кровати.

XI.

Хоть Шатовъ и не вносилъ большаго оживленія своимъ присутствіемъ, но безъ него маленькое общество Нагорнаго совсѣмъ расклеилось. Никсъ скучалъ страшно,—хорошенькая сосѣдка перестала занимать его; Анна похудѣла, измѣнилась, стала молчалива и цѣлыми днями сидѣла запершись въ своей комнатѣ. Бѣжецкій постоянно порывался уѣхать, но Никсъ удерживалъ его.

Дни, какъ нарочно, стояли дождливые.

Разъ, послѣ обѣда, когда Николай Сергѣевичъ, по обыкновенію, отдыхалъ, Анна полулежала на кушеткѣ въ гостиной. Въ углу на креслѣ сидѣлъ Бѣжецкій и курилъ сигару. Въ темнотѣ не было видно его лица, но Анна чувствовала его пристальный взглядъ. Разговоръ постоянно обрывался.

— Анна Николаевна, — рѣшительнымъ тономъ заговорилъ Бѣжецкій, послѣ продолжительнаго молчанія, — я хочу у васъ спросить... Вотъ уже три недѣли я хочу поговорить съ вами объ одной... объ одномъ обстоятельствѣ.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?—спросила Анна.

— Да... какъ вамъ сказать,—съ разстановкой проговорилъ Бѣжецкій, разсматривая ладони рукъ.—Самолюбіе должно-быть мѣшало... Мнѣ хотѣлось спросить васъ, что значитъ вашъ поступокъ со мной... тогда, когда вы велѣли придти мнѣ къ рѣкѣ?— почти шепотомъ докончилъ онъ.

Анна отвѣтила не сейчасъ. Въ комнатѣ только и слышалось стуканье капель дождя о стекла оконъ.

— Я не знаю, какъ отвѣтить вамъ,—наконецъ сказала она.— Надо говорить или все, или ничего... Лгать я не люблю, не умѣю, да и очень рѣдко нахожу нужнымъ, а говорить правду тоже не считаю возможнымъ... Скажу одно: я передъ вами виновата и прошу извинить меня.

Бѣжецкій всталъ съ кресла и пересѣлъ на маленькій табуретъ близъ кушетки. Анна никогда не говорила съ нимъ такимъ тономъ.

— Ахъ, что вы, Анна Николаевна, я не объ извиненіи говорю,—живо возразилъ онъ.—Меня только мучило, неужели въ этомъ высказалось полное презрѣніе...

Анна не дала ему договорить.

— Я сама была тогда ужасно несчастна. Мнѣ можно простить,—заговорила она.—Простите и никогда не упоминайте мнѣ о томъ вечерѣ. Вы прощаете... да?—спросила она Бѣжецкаго, протягивая ему руку.

Тотъ горячо поцѣловалъ ее. Анна быстро отдернула руку, хотѣла сказать что-то и остановилась.

Опять водворилось несносное молчаніе.

— Какой скучный дождь,—замѣтила Анна.

— Да, тоску наводитъ,—подтвердилъ Бѣжецкій.

— И нигдѣ такъ, какъ въ деревнѣ.

— Еще бы... Ничего не можетъ быть невыносимѣе деревни въ дурную погоду,—соглашался съ нею Бѣжецкій.

— Меня удивляетъ, зачѣмъ же люди, которымъ нечего дѣлать въ деревнѣ, живутъ тамъ,—замѣтила Анна.

Бѣжецкій, по простосердечію, не понялъ ее.

— Отчего не поѣхать куда-нибудь на воды, за границу,— говорила Анна.

Ея собесѣдникъ продолжалъ смотрѣть на нее, но видно было, что онъ не слышалъ, что она говорила ему. Такой его взглядъ всегда раздражалъ Слащову.

— Вотъ отчего бы вамъ не проѣхаться по Европѣ, — продолжала Анна.

— Мнѣ?—очнулся Бѣжецкій.—Вы гоните меня?...

— Нѣтъ, что вы!... Только мнѣ кажется, вы скучаете у насъ...

— Еслибы скучалъ, навѣрное не остался бы жить чуть не цѣлое лѣто.

— Такъ отчего же у васъ съ утра до вечера не сходитъ съ лица выраженіе муки?—полушутя спросила его Анна.

— Вы плохо читаете на моемъ лицѣ, Анна Николаевна, вотъ все, что я могу отвѣтить вамъ,—проговорилъ смущенный Бѣжецкій.

— Можетъ быть... Только нѣтъ, я не ошиблась, — всегда чувствуется, когда рядомъ кто-нибудь скучаетъ.

— Чѣмъ?—спросилъ Бѣжецкій.—Тѣмъ, что и самъ скучаешь съ нимъ?

Анна не отвѣтила,—она не любила лгать.

Бѣжецкій сталъ судорожно грызть ногти. Анна закинула голову на спинку и смотрѣла въ потолокъ. Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло. На порогѣ показался лакей и, озираясь, искалъ кого-то.

— Кого вамъ? — спросила Анна, обрадовавшись его появленію.

— Ѳедора Михайловича баринъ къ себѣ въ кабинетъ просятъ,—отвѣтилъ лакей.

— Сейчасъ иду,—отвѣтилъ Бѣжецкій, быстро всталъ и пошелъ къ Никсу.

Онъ засталъ Слащова лежащимъ безъ сюртука на диванѣ, съ недовольнымъ выраженіемъ лица.

— Что, выспались?—спросилъ его Бѣжецкій.

— Да. И я вамъ скажу, это самое веселое времяпрепровожденіе въ нашемъ Нагорномъ. Вѣдь тутъ чортъ знаетъ какая скука,—проговорилъ, широко зѣвая, Николай Сергѣевичъ.

— Кто же велитъ вамъ оставаться здѣсь?

— Annette хочетъ прожить въ деревнѣ до осени... Я ей предлагалъ ѣхать на море, на воды... Никуда не хочетъ, ничего ей не надо... Апатія какая-то напала послѣ болѣзни... А одну ее оставить я не могу же. Былъ бы ребенокъ, осталась бы съ нимъ, и было бы не скучно. Маменьку просилъ пріѣхать,—Біаррицы разные пропустить боится; да ей и трехъ дней не прожить въ деревнѣ... Бѣжецкій, вотъ я и позвалъ васъ сюда, хотѣлъ спросить, вы еще поживете у насъ, а я бы въ Петербургъ съѣздилъ.

— Нѣтъ, не могу,—я завтра самъ уѣзжаю.

— Завтра?... Что вы! Куда?... Вы еще вчера мнѣ говорили, что у васъ цѣлый мѣсяцъ свободный.

— Да... Но мнѣ нужно съѣздить въ К.... У меня вѣдь тутъ дядя предводителемъ дворянства, хочу повидаться.

— Чудакъ вы какой, откуда вы дядю еще откопали!... Никогда про него ни слова не говорили.

— Я какъ-то на дняхъ вспомнилъ и рѣшилъ ѣхать.

— Вотъ вздоръ какой! Оставайтесь. Мнѣ необходимо въ Петербургъ съѣздить.

— Такъ что же мнѣ нянькой около Анны Николаевны сидѣть?—вышелъ изъ себя Бѣжецкій.—Я вамъ говорю, Николай Сергѣевичъ, не могу я остаться... Не приставайте ко мнѣ, а лучше поѣдемте со мной въ К.... Взглянете, что за городъ, какое общество...

— А и это хоть какое-нибудь развлеченіе. Дня на три-то можно Annette и одну оставить.

— Я рѣшилъ ѣхать завтра съ разсвѣтомъ.

— Ну, что вы, что вы! Куда заторопились? И поспать не успѣемъ.

— Мнѣ нужно какъ можно раньше.

— Да вѣдь Annette-то надо же будетъ увидать?

Рѣшили выѣхать въ десять часовъ.

Бѣжецкій не хотѣлъ прощаться или объясняться съ Анной и весь вечеръ просидѣлъ въ своей комнатѣ. Онъ что-то писалъ, потомъ долго переправлялъ, перечеркивалъ, переписывалъ, разставилъ знаки препинанія и принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Затѣмъ, видно, что-то придумалъ и перемѣнилъ все

начало письма. Пришлось переписывать снова. Къ тремъ часамъ письмо было готово, онъ положилъ его въ конвертъ и тщательно вывелъ на адресѣ, какъ будто для того, чтобы не перепуталъ почтальонъ: «Ея Высокоблагородію Аннѣ Николаевнѣ Слащовой».

На слѣдующій день, въ десять часовъ, тройка сытыхъ лошадокъ увозила изъ Нагорнаго Никса и Бѣжецкаго.

Анна сидѣла на кровати и заспанными глазами разбирала мелкій почеркъ Бѣжецкаго.

XII.

«Прежде всего я долженъ извиниться передъ вами (читала Анна послѣ обычнаго вступленія) въ томъ, что безъ вашего разрѣшенія я пишу вамъ. Но не могъ же я уѣхать, не высказавъ всего, что такъ давно хотѣлъ сказать. Я вообще не обладаю даромъ краснорѣчія, а при васъ я теряю и послѣднее.

«Вы какъ-то въ разговорѣ сказали мнѣ, что я привыкъ къ обществу «извѣстныхъ женщинъ». Въ чемъ вы это замѣтили—не знаю; мнѣ кажется,—простите меня,—въ васъ говорило предубѣжденіе. Вы знали, что я провожу очень мало времени въ обществѣ такъ-называемыхъ «порядочныхъ женщинъ». И я въ этомъ чистосердечно каюсь. Не знаю, какъ случилось (какъ и по большей части я не знаю, какъ со мной что-нибудь случается), я попалъ въ такой кружокъ, который увлекъ меня на время. Но теперь я переродился: узнавъ васъ, я увидѣлъ всю пустоту и безцѣльность моей жизни, я хотѣлъ сдѣлаться инымъ, хотѣлъ сдѣлаться достойнымъ васъ и любви вашей. Я не буду скромничать: мы можетъ-быть съ вами больше никогда не увидимся, а потому я рискну сказать вамъ: я былъ убѣжденъ, что рано или поздно вы полюбите меня. Я не буду утверждать, что всѣ женщины на одинъ покрой; но со сколькими изъ нихъ мнѣ приходилось сталкиваться, я вездѣ убѣждался въ томъ, что кѣмъ-то высказанное мнѣніе: «чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей»—совершенный вздоръ. Напротивъ, если сильно любишь и постоянно показываешь женщинѣ эту любовь, можешь смѣло надѣяться на благопріятный исходъ этой любви. У васъ я выжидалъ и, навѣрное, достигъ бы своего, еслибы не такая неблагопріятная обстановка, въ которой мнѣ пришлось дѣйствовать. Эта неблагопріятная обстановка—деревня. Вы соскучились со мной, а это убиваетъ все. Разъ есть скука, любви мѣста

нѣтъ. А въ деревнѣ, въ глуши, я не могъ доставить вамъ развлеченія.

«Я долженъ поблагодарить васъ, Анна Николаевна, за то, что вы такъ просто и откровенно сказали мнѣ, что вамъ скучно. Я сейчасъ же счелъ долгомъ оставить васъ. Что дѣлается у меня въ сердцѣ, буду знать только я... Дай Богъ вамъ не испытать ничего подобнаго. Прощайте».

«Какой самоувѣренный мальчишка!—пронеслось въ головѣ Анны, когда она дочитала письмо и швырнула его на ночной столикъ.—Увидѣла бы, какой успѣхъ онъ могъ бы имѣть при другой обстановкѣ... Здѣсь онъ не могъ мнѣ доставить развлеченія!... О какомъ же развлеченіи говоритъ онъ? Видно на себя не надѣется, а нужна посторонняя помощь... Какой дуракъ!»—думала Анна, пока горничная одѣвала ее.

Потомъ она прошлась по большому старинному дому, пошла во второй этажъ, въ бывшія пріемныя комнаты прежнихъ владѣльцевъ имѣнія.

Неуклюжая, старинная мебель оставалась на своихъ мѣстахъ, какъ будто бы вросла въ полъ; множество всякихъ шифоньерокъ и этажерокъ разставлено было по угламъ; на стѣнахъ нѣкоторыхъ комнатъ оставались развѣшенныя гравюры. Ничего не было переставлено, а комнаты казались пустыми, непривѣтливыми.

Аннѣ почудилось, что она пришла на кладбище. Она сѣла въ старинное кожаное кресло съ высокою спинкой и задумалась. Ей вдругъ пришло въ голову писать романъ. Теперь она совсѣмъ одна, ей никто не помѣшаетъ, а у нея есть такая хорошая тема. Какая это тема, она не отдавала себѣ отчета,—ей просто хотѣлось вылить свои страданія, которыя она перенесла одна, не поѣлившись ни съ однимъ живымъ существомъ.

Ей разомъ пришло въ голову это желаніе описать свою несчастную любовь, и надо было сію же минуту привести его въ исполненіе. Она быстро сбѣжала къ себѣ въ комнату, достала изъ письменнаго стола почтовую бумагу маленькаго формата съ помадными буквами A. S. и сѣла писать «романъ». Ей хотѣлось начать со встрѣчи героя съ героиней, но ея первая встрѣча съ Шатовымъ была такъ безцвѣтна, что ее описывать было нечего, и она стала «придумывать» какую-нибудь болѣе поэтическую обстановку.

XIII.

Николай Сергѣевичъ пробылъ въ городѣ не три дня, какъ обѣщалъ, а цѣлую недѣлю. Анна съ нетерпѣніемъ ждала его. Дождь лилъ съ утра, читать ей надоѣло, да она и не любила чтеніе. «Романъ» ея не двигался. Она или не могла ясно выразить то, что хотѣла, или слишкомъ разстроивалась, трогая старыя раны: каждый разъ она или вставала изъ-за стола въ слезахъ, или со злостью разрывала то, что написала. Дни тянулись безконечно долго. Анна начинала ходить взадъ и впередъ по комнатамъ, уставала и садилась, сложа руки и смотря вдаль. Заботиться не о чемъ, читать не привыкла, музыки не любитъ и не понимаетъ, работать никогда не умѣла, а между тѣмъ чувствуетъ массу жизни внутри себя.

Она не могла отдать себѣ отчета, почему она такая; она сознавала, что не живетъ, а прозябаетъ... Скука, одиночество и осадокъ отъ обманувшагося чувства доводили ее до отчаянія.

Мужъ пріѣхалъ, но и при немъ не стало лучше. Говорили они между собою мало, а если и говорили, то у Анны помимо ея воли прорывался какой-то раздраженный тонъ, мучившій ее не меньше, чѣмъ Никса. При такихъ отношеніяхъ оставаться вдвоемъ было тяжело.

Слащовъ познакомился съ к-скимъ обществомъ, встрѣтилъ тамъ одного изъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ и далъ слово пріѣхать къ нему на рожденье перваго августа.

Анна передъ его отъѣздомъ между прочимъ сказала ему:

— Привози съ собой Бѣжецкаго...

— Да онъ не поѣдетъ къ намъ,—его тамъ дамы рвутъ на части...

— Кого это, Бѣжецкаго?—какъ бы съ недовѣріемъ спросила Анна.

— Да, Ѳедора Михайловича... Онъ уже и самъ готовъ...

— Какъ готовъ?—не поняла Анна...

— Въ тетушку влюбился... Я думалъ—пожилая женщина, а оказалось лѣтъ тридцати...

— И красивая?—быстро спросила она.

— Да, да... аппетитная... Ѳедоръ Михайловичъ совсѣмъ растаялъ... Ужь тамъ катанья въ лодкѣ съ музыкой, поѣздки на охоту устраиваетъ... Нѣтъ, онъ въ нашу глушь не заглянетъ теперь.

— Ты должно-быть недѣлю просидишь тамъ вмѣсто двухъ дней,—раздраженно замѣтила Анна.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Когда Никсъ садился въ тарантасъ, Анна закричала ему изъ окна:

— Передай Бѣжецкому, что я прошу его пріѣхать... Такъ и передай.

— Скажу, скажу... Прощай, Annette... По вечерамъ не выходи,—сыро...

И онъ покатилъ.

Анна рѣшила встрѣтить Бѣжецкаго какъ ни въ чемъ ни бывало, какъ будто она и не получала его письма. Но чѣмъ больше она думала, какой тонъ ей взять, тѣмъ труднѣе ей было.

Бѣжецкій пріѣхалъ веселый, спокойный. Анна его встрѣтила смущенная, какъ будто сконфуженная. Бѣжецкій по-прежнему говорилъ мало, отвѣчалъ отрывисто, но бойко и иногда рѣзко. Анна чувствовала, что говорить съ нимъ какъ прежде—подтрунивать надъ нимъ—становится невозможно, а иначе она не умѣла.

Разъ она поддразнила его, онъ обидѣлся, ушелъ къ себѣ въ комнату и не выходилъ весь день. Анну это вывело изъ себя. На слѣдующее утро она подняла его на смѣхъ при мужѣ. Бѣжецкій взялъ шляпу, распростился и уѣхалъ.

Черезъ двѣ недѣли Слащовы перебрались въ Петербургъ.

XIV.

Въ ясный осенній день, по Гагаринской набережной, быстро шла дѣвушка, закутанная въ длинное пальто и платокъ. Она не смотрѣла на катающихся, не замѣчала проходящихъ... Впереди ея шла дама маленькаго роста, въ короткой, узкой темно-сѣрой юбкѣ, въ такой же кофточкѣ мужскаго покроя и полумужской фетровой шляпѣ. Рядомъ съ ней лѣниво ступала громадная сенбернардская собака. Дама шла заложивъ лѣвую руку за бортъ кофточки, а правую положивъ на ошейникъ собаки.

Дѣвушкѣ пришлось обогнать ее.

— Вѣра!—услышала она сзади себя.

Она быстро обернулась и увидала передъ собой Анну Слащову. Съ тѣхъ поръ, какъ онѣ разстались, прошло полтора года. Первое время онѣ переписывались; вначалѣ Анна писала искрен-

но и просто про себя и про мужа, потомъ письма дѣлались короткими, отрывочными, наконецъ она совсѣмъ не отвѣтила на одно письмо Вѣры.

Тѣмъ переписка и кончилась. Теперь, пріѣхавъ въ Петербургъ, Вѣра не хотѣла отыскивать Анну и еслибъ не эта встрѣча на набережной, она можетъ-быть такъ бы и упустила ее изъ виду.

Въ первыя минуты фразы сыпались съ обѣихъ сторонъ безсвязно, отрывочно. Анна отъ души обрадовалась этой встрѣчѣ и упросила Вѣру зайти къ ней.

Слащовы жили тутъ же на набережной. Они имѣли квартиру въ бель-этажѣ съ зеркальными стеклами, со швейцаромъ, квартиру отдѣланную роскошно и съ большимъ вкусомъ.

Онѣ быстро прошли длинную амфиладу гостиныхъ разныхъ стилей и вошли въ будуаръ Анны.

Это была очень большая комната, обитая вся чернымъ атласомъ, на которомъ рельефно выдавались свѣтлыя пано съ амурами и севрскія кенкеты. Съ потолка спускалась люстра севръ; каминъ чернаго дерева съ севрскими украшеніями. Мебель обита также чернымъ атласомъ съ легкой вышивкой свѣтлыми шелками, очень мягкій коверъ и тяжелыя темныя портьеры. Веселый огонекъ камина привѣтливо смягчалъ мрачную обстановку комнаты.

Вѣра съ Анной сѣли у камина. Сбогаръ занялъ мѣсто въ углу на большой атласной подушкѣ.

— Вотъ мой единственный другъ,—сказала Анна, указывая на него.

И она нервно, несвязно разсказала Вѣрѣ свою жизнь въ эти полтора года.

— Мы въ половинѣ августа переѣхали изъ деревни,—продолжала она.—Что дѣлать въ Петербургѣ осенью? Никсъ предложилъ мнѣ ѣхать за границу... Я и хотѣла бы поѣхать, но меня страшило это неловкое чувство, которое мы испытывали всегда, когда долго остаемся съ нимъ вдвоемъ... Какъ будто между нами лежитъ что-то. Онъ точно стѣсняется меня, а я никакъ не могу взять настоящаго тона. Какъ бы вамъ это объяснить?...

— Говорите, говорите! Я понимаю...

— Я и не поѣхала. Мужъ отправился... А я опять осталась одна, какъ тогда въ Нагорномъ... Первое время я скучала страшно.

— Отчего же вамъ не выбрать какое-нибудь дѣло?

Анна засмѣялась.

— Что я знаю? Что я умѣю? — заговорила она нервнымъ, взволнованнымъ голосомъ.—Я даже вообразить себѣ не могу, чѣмъ бы я могла заняться... Если я читаю больше двухъ часовъ сряду, у меня заболитъ спина, заболятъ глаза и мысли начнутъ путаться...

— А знакомые?

— Дамы нашего круга?... Да развѣ я подхожу къ нимъ?... Эти постоянные разговоры о нарядахъ, объ успѣхахъ... Можно съ ума сойти... Я какъ пріѣхала изъ деревни, нигдѣ и не была... А мужчины... Вы знаете изъ моихъ разсказовъ, кто меня окружаетъ...

Она замолчала, опустила голову и долго смотрѣла на синенькое пламя, пробѣгавшее по угольямъ. Потомъ встряхнула головой, точно для того, чтобы поправить спустившуюся ей на глаза прядь, достала изъ праваго кармана своего «пиджака» нѣсколько папиросъ, выбрала изъ нихъ менѣе помятую, расправила ее, достала изъ другаго кармана спичку и, закуривая папиросу, весело проговорила:

— Разъ я сидѣла также здѣсь у камина одна съ Сбогаромъ... Думала, думала и пришла къ такому выводу: я—уродъ, нравственный уродъ... И меня давно слѣдовало бы уморить, какъ въ Спартѣ морили физическихъ уродовъ... Въ воду бросали, кажется?... Но такъ какъ въ воду меня не бросили, то и должна я относиться проще къ себѣ и къ людямъ. Въ тотъ же день я написала Бѣжецкому, чтобъ онъ пріѣхалъ... И вотъ съ того дня собирается почти одна и та же компанія: Бѣжецкій, его два товарища... Иногда пріѣзжаетъ Шатовъ...

— И Шатовъ бываетъ?...

— Да... Мы съ нимъ остались пріятелями... Постоянно пикируемся, поддразниваемъ другъ друга и... намъ весело. Я поняла его... Онъ своею сосредоточенностью мнѣ показался серьезнѣе и выше другихъ... Ничуть не бывало. Къ нему надо прикладывать тотъ же аршинъ, какъ и ко всѣмъ имъ... Au fond, c'est un bon garçon...

Анна вскользь взглянула на Вѣру и должно-быть поняла выраженіе ея лица. Она разомъ остановилась.

— Вѣдь вотъ какъ я отвыкла говорить искренно... Непремѣнно впаду въ этотъ тонъ, какимъ я говорю со всѣми ими... Съ вами я не хочу такъ говорить. Передъ вами, передъ одной вами, я буду сама собой. И вамъ я скажу, что все еще люблю

Шатова,—не могу, никакъ не могу уничтожить въ себѣ этой любви. Только ни одинъ человѣкъ не видитъ и не знаетъ этого... Передъ всѣми онъ для меня не что-иное какъ bon garçon... Но я добьюсь его любви! И какъ посмѣюсь еще...

Недобрая искра блеснула въ ея темносѣрыхъ глазахъ...

Онѣ проговорили такъ до восьми часовъ вечера. Послѣ обѣда сейчасъ же стали собираться обычные посѣтители Анны. Пріѣхалъ солдатъ-кавалеристъ изъ вольноопредѣляющихся—какой-то князь, пріѣхалъ высокій статскій и позже всѣхъ явился Бѣжецкій. Онъ пріѣхалъ съ обѣда, совсѣмъ «навеселѣ». По разсказамъ Анны, Вѣра совсѣмъ не представляла его себѣ такимъ гладенькимъ, прилизаннымъ, такимъ жалконькимъ, какой онъ былъ съ виду.

Когда онъ пріѣхалъ, всѣ сидѣли въ кабинетѣ Николая Сергѣевича. Это была любимая комната Анны. Она была отдѣлана въ восточномъ вкусѣ: кругомъ низкіе диваны, стѣны въ коврахъ, лампы въ видѣ восточныхъ фонарей. Въ углу стоялъ рояль, надъ нимъ портретъ извѣстной пѣвицы — прежней страсти Слащова, ярко освѣщенный лампой. Въ остальныхъ комнатахъ былъ полумракъ. Бѣжецкій вошелъ, небрежно поздоровался со всѣми и еще болѣе небрежно бросился съ ногами въ уголъ широкаго дивана. Анна сейчасъ же подсѣла къ нему и сѣла рядомъ.

Вечеръ прошелъ оживленно, всѣ хохотали, къ концу сами не понимая надъ чемъ. Высокій статскій обладалъ массой petits talents de société: лаялъ собакой, говорилъ жидовскіе анекдоты съ акцентомъ, задавалъ нелѣпыя шарады, представлялъ, какъ француженки перебираются черезъ дорогу... Къ концу вечера ему было достаточно открыть ротъ, чтобы всѣ разражались хохотомъ.

Часу въ первомъ Бѣжецкій предложилъ ѣхать куда-нибудь ужинать. Анна отказала на-отрѣзъ. Онъ сказалъ, что ему хотѣлось бы выпить. Она велѣла подать ужинать.

За столомъ тѣ же двусмысленныя остроты, показыванья фокусовъ и высокимъ статскимъ, и вольноопредѣляющимся княземъ, тотъ же гамъ безъ остановки.

Анна видимо устала, поблѣднѣла и болѣзненная складка утомленія или скуки появилась около рта.

Но къ концу ужина она опять хохотала безъ умолку.

XV.

Черезъ нѣсколько дней Вѣра опять заѣхала къ Аннѣ проститься передъ отъѣздомъ. Былъ уже часъ, но она еще не по-

дымалась съ постели. Она лежала блѣдная, короткіе волосы сбились, глаза были какъ будто заплаканы.

— Вы нездоровы?—спросила ее Вѣра.

— Нѣтъ... Здорова... Только...—и она остановилась.

— Что только?

— Я не знаю, что со мной дѣлается, точно я преступленіе совершила...

— Да что случилось? Скажите...

Анна бросилась въ подушку и зарыдала.

Вѣра пыталась ее успокоить, но ничего не помогало. Она имѣла совершенно дѣтскую манеру плакать—съ громкимъ хныканьемъ и безъ удержу.

Когда она немного утихла, она бросилась къ Вѣрѣ, обняла ее крѣпко и все разсказала.

Бѣжецкій давно приставалъ къ ней: просилъ ѣхать съ нимъ вдвоемъ ужинать. Она шутя согласилась, но все не рѣшалась назначить день. Онъ выходилъ изъ себя, злился, а она все откладывала и откладывала. Наконецъ, третьяго дня онъ сказалъ ей, что вчера, въ субботу, у него назначенъ большой пикникъ съ прежнею компаніей.

Она упрашивала его не ѣхать, онъ говорилъ, что и такъ его нигдѣ не видятъ, что онъ всѣ вечера просиживаетъ у нея, отсталъ отъ всѣхъ товарищей, что ему необходимо быть на этомъ пикникѣ.

Всѣ упрашиванья не повели ни къ чему.

— А если я поѣду съ вами ужинать завтра?...

— Тогда, конечно, я съ ними не поѣду.

— Такъ ѣдемте.

— Рѣшено?

— Д-да...

И вотъ вчера она ѣздила съ нимъ вдвоемъ на острова въ какой-то ресторанъ. Ее давно забавляла эта таинственность, которою надо было обставить подобную поѣздку. Но тутъ ей все отравилось страхомъ: она боялась встрѣтить знакомыхъ, боялась взоровъ прислуги, боялась того, что подумаетъ кучеръ наемной кареты...

Уже съ утра она волновалась. Надо было дать швейцару приказаніе никого не принимать, надо было найти предлогъ уѣхать изъ дому въ одиннадцать часовъ: ей казалось, что и швейцаръ, и горничная догадались...

Къ счастью, съ утра дождь лилъ какъ изъ ведра. Мало кто пожелалъ бы ѣхать кутить въ такую погоду.

Анна едва дождалась одиннадцати часовъ. Ее наполняло смутное чувство: какъ будто на ней лежитъ какое-то тяжкое обѣщаніе, непріятный долгъ, который она непремѣнно должна исполнить. Теперь ей вовсе не представлялась заманчивой эта поѣздка. За цѣлый день она такъ наволновалась, что съ радостью бы легла въ теплую постель и, усталая, заснула бы спокойно.

Но Ѳедоръ Михайловичъ въ одиннадцать часовъ уже будетъ ждать въ каретѣ на углу. Надо одѣться и ѣхать... Анну пронизывала дрожь. Она хотѣла брать одно, а брала другое; хотѣла говорить одно, а говорила совсѣмъ противуположное.

Горничная только глупо посмѣивалась. Анну обидѣла эта улыбка. Она сѣла около кровати и какъ-то замерла на мѣстѣ. Ей не хотѣлось двинуть ни рукой, ни ногой.

— Барыня, вы закладывать не приказывали, за извощикомъ не прикажете ли послать?—послышался голосъ Серафимы, стоявшей въ дверяхъ и съ недоумѣніемъ смотрѣвшей на свою барыню.

— Ничего мнѣ не надо,— очнулась Анна.—Дайте скорѣй пальто и шляпу... Да скорѣе же, видите двадцать минутъ двѣнадцатаго,—нетерпѣливо сказала Анна.

Горничная въ недоумѣніи проводила ее до швейцарской. Швейцаръ предложилъ ей тоже позвать извощика, она не слышала его и быстро вышла на улицу.

Кругомъ никого не было. Петербургская осенняя ночь непривѣтливо и жутко обхватила Анну. Съ Невы дулъ рѣзкій вѣтеръ, на тротуарахъ стояла лужа воды. Она, ничего не видя, быстро ступала по нимъ. За угломъ стояла карета. Когда она подошла, дверца извнутри отворилась и быстро захлопнулась за ней.

— Я думалъ, вы опять расхотѣли,—заговорилъ Бѣжецкій.

— Не нашли съ чего начать кромѣ упрека!...—сказала Анна.

— Не сердитесь, я вѣдь такъ... Я ужасно радъ, что вы пришли... Я боялся, что вамъ кто-нибудь помѣшаетъ.

— Кто же можетъ?

— Шатовъ, напримѣръ...

— Онъ былъ... Я не приняла.

— Не приняли?... Очень хорошо.

— Что же тутъ хорошаго?—раздраженно спросила она.

— Вы не въ духѣ?—не отвѣчая на ея вопросъ, спросилъ Бѣжецкій.—Отчего?

Она молчала.

— Во-первыхъ, мы еще не поздоровались... Снимите перчатку съ руки и здравствуйте.

Анна не дала ему поцѣловать руку.

Дорога до ресторана ей казалась длинна невозможно. Она то и дѣло протирала запотѣвшее окно, чтобы видѣть, гдѣ они... Наконецъ, вдали показалось освѣщенное зданіе. Сквозь частую сѣтку падавшихъ капель тускло свѣтили десятки фонарей ресторана. У воротъ два извощика дремали, спрятавшись въ пролетку; лошади, точно пришибленныя дождемъ, стояли понуривъ голову.

Они въѣхали во дворъ. Швейцаръ ловко отворилъ дверцу кареты. Свѣтъ отъ фонарей ворвался въ нее и освѣтилъ Анну; ей хотѣлось исчезнуть.

— Я не пойду,—сказала она по-французски.

— Что за ребячество... Я вамъ ручаюсь, никто не увидитъ.

Анна выскочила изъ кареты и, низко наклонивъ голову, вся съежившись, быстро вошла на крыльцо.

Въ отдѣльныя комнаты надо было проходить корридоромъ. Дверь въ общій залъ была отворена. За столиками сидѣли цыганки и, въ ожиданіи посѣтителей, пили чай, курили, зѣвали, а нѣкоторыя дремали, положивъ голову на столъ.

Анна не видала ихъ. Передъ ней промелькнула отворенная дверь въ залу; тамъ сидѣлъ кто-то... Ей стало еще страшнѣе. Она быстро вбѣжала по лѣстницѣ и тамъ остановилась въ корридорѣ, не зная куда идти.

— Ѳедору Михайловичу кабинетъ, — громко сказалъ провожавшій ихъ человѣкъ.

Лакей, дремавшій на стулѣ, быстро вскочилъ и повелъ Анну и Бѣжецкаго. Онъ ввелъ ихъ въ темную комнату и поспѣшно сталъ зажигать люстру и канделябры.

— Нѣтъ, не стоитъ все это!—невольно вырвалось у Анны, какъ только они остались одни.

— Что *это?*—не понялъ Бѣжецкій.

— Не стоитъ такого волненія и страха то, что я пріѣхала съ вами сюда,—раздраженно проговорила Анна.

— Мнѣ остается только кланяться и благодарить, — обидѣлся онъ.

Оба замолчали. Дождь мѣрно и монотонно колотилъ по крышѣ и въ стекла.

Не разгорѣвшіяся свѣчи тускло освѣщали большую комнату, обитую красными обоями съ золотыми разводами, съ красными кретоновыми занавѣсями и такою же мебелью. Дешевые канделябры блестѣли во всѣхъ углахъ.

Въ корридорѣ слышались шаги и шепотъ прислуги. Аннѣ этотъ шепотъ казался оскорбительнымъ. «Они говорятъ обо мнѣ»,— думалось ей. Вошелъ лакей татаринъ съ гладно припомаженными волосами и равнодушнымъ до тупости лицомъ. Ей показалось, что онъ нарочно дѣлаетъ такое безстрастное лицо, чтобы не выдать, что онъ все понимаетъ.

Бѣжецкій отдалъ приказанія. Лакей удалился.

Анна продолжала сидѣть неподвижно.

Бѣжецкій подошелъ къ ней.

— Вы точно сердитель на меня,— сказалъ онъ, садясь рядомъ съ ней.

— Я на себя сержусь,—отвѣтила она,—зачѣмъ я пріѣхала сюда... Къ чему?...

— Стоитъ говорить о такихъ пустякахъ.

— Хороши пустяки...

— Конечно... Что вы преступленіе какое-нибудь сдѣлали, что ли? Пріѣхали тихо, скромно поужинать... Не все ли равно, еслибы мы съ вами сидѣли вдвоемъ у васъ въ комнатѣ, или здѣсь?—Рѣшительно все равно.

— А что скажутъ, если увидятъ?

— Во-первыхъ, никто не увидитъ... А во-вторыхъ, еслибъ и увидѣлъ, не все ли вамъ равно, «что скажутъ», если вы сами сознаете, что не дѣлаете ничего дурнаго... Повѣрьте, если захотятъ, и ничего не зная, ничего не видя, скажутъ... Про кого только не говорятъ... Про старухъ—и про тѣхъ сколько сплетенъ... Анна Николаевна, неужели васъ это можетъ волновать и безпокоить?

— А вотъ эти люди... лакеи, что они обо мнѣ подумаютъ.

— Повѣрьте, что этотъ народъ такъ привыкъ ко всему здѣсь, что и не обратитъ ни малѣйшаго вниманія на насъ съ вами...

А шампанское въ бутылкѣ все убывало. Съ каждымъ бокаломъ уголъ зрѣнія Анны измѣнялся.

Самый пріѣздъ въ ресторанъ показался дѣломъ обыкновеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ чего бояться?... «Что скажутъ»—велика важность! Про всѣхъ говорятъ. Будь хоть святая, въ покоѣ не оставятъ.

Сначала казалось «позвать цыганъ»—невозможно. Они увидятъ, залопочутъ что-то про нее по-цыгански,—отъ одного этого провалиться можно... Ну, и пусть лопочутъ... Пріѣхала, ужинаетъ... Пусть осуждаютъ... Пусть приходятъ...

Лакей пошелъ звать цыганъ... Ей какъ будто опять стало неловко: столько паръ чужихъ глазъ увидятъ ее... Она залпомъ допила бокалъ. Бѣжецкій подлилъ ей еще.

Пришли цыгане. Мужчины серьезно и даже угрюмо поклонились и стали шумно разставлять стулья полукругомъ. Цыганки привѣтливо улыбались Бѣжецкому и мелькомъ глядѣли на Анну.

— Забыли вы насъ совсѣмъ, Ѳедоръ Михайловичъ,—сказала одна изъ старыхъ цыганокъ, подавая Бѣжецкому руку.

Зашумѣли, задвигали стульями. Цыганки сѣли въ рядъ, басы стали сзади. Теперь всѣ почти въ упоръ смотрѣли на Анну. Двумъ молоденькимъ она видимо понравилась: «Якхи, якхи»,—слышала она и, въ смущеніи, опускалась губами къ бокалу.

Потомъ запѣли. Надтреснутые голоса и фразировка заставляли пробѣгать морозъ по кожѣ.

Бѣжецкій не спускалъ своихъ красивыхъ синихъ глазъ съ Анны.

Затѣмъ все спуталось... Старая цыганка пѣла низкимъ контральто какую-то пѣсню, гдѣ упоминалась «сущность бытія», за ней другая, помоложе, спѣла что-то о «глянцѣ» въ глазахъ.

Аннѣ было и смѣшно, и хорошо. Когда цыгане ушли, въ воздухѣ осталось что-то дикое и горячее.

Она уже не отнимала своихъ рукъ изъ рукъ Бѣжецкаго. Онъ сѣлъ на диванъ рядомъ съ ней.

Анна, какъ будто, не замѣчала этого.

Разговоръ шелъ отрывочно и, наконецъ, совершенно замолкъ.

— Когда я проснулась сегодня,—закончила она свой разсказъ,—я не разомъ вспомнила все это, а потомъ стала собирать по кусочкамъ... И вотъ теперь вы застали меня, я лежу и терзаю себя этимъ воспоминаніемъ. Я измучила себя, и мало еще... По дѣломъ мнѣ...

— Да вы любите его?

— Въ томъ-то и дѣло, что я не знаю этого... Иногда мнѣ кажется, что я очень, очень люблю... Вотъ тогда, какъ онъ сказалъ, что поѣдетъ на этотъ пикникъ, мнѣ стало такъ страшно потерять его, что я не знаю, на что бы рѣшилась, только остановить бы его... Мнѣ казалось, втянется онъ опять въ этотъ омутъ и для меня будетъ потерянъ... А вотъ теперь, когда я

говорю съ вами, или сама спокойно подумаю, онъ представляется мнѣ такимъ пошленькимъ, такимъ мелконькимъ... Кажется, его совсѣмъ не за что любить... И вотъ это меня и мучитъ. Вы правду сказали мнѣ, что я вся—одно противорѣчіе, начиная съ внѣшней моей обстановки и кончая любовью...

Вѣра уѣхала въ этотъ же вечеръ въ свое захолустье. Весь день она провела съ Анной и много говорила съ ней. Анна удивительно объективно съумѣла охарактеризовать себя. Вѣра замѣтила ей эту особенность умѣть взглянуть на себя со стороны. Анна обѣщала ей писать такъ же безпристрастно и искренно обо всемъ, что съ ней ни случится.

За обѣдомъ онѣ перешли на «ты» и Вѣра разсталась съ ней, унося съ собой тяжелое чувство жалости къ этому весемнадцатилѣтнему созданію.

Прошло два мѣсяца. Вѣра не знала, что сдѣлалось съ Анной. Наконецъ она получила большой коленкоровый конвертъ съ тремя печатями и заграничною маркой.

Ницца, 27 декабря 187... года.

Какъ ты должна удивиться, Вѣра, получивъ это письмо изъ Ниццы! Какъ я сюда попала, зачѣмъ, съ кѣмъ, ты все это сейчасъ узнаешь.

Прежде всего я должна сказать тебѣ, что я счастлива, счастлива такъ, какъ и не воображала никогда; кругомъ тепло, свѣтло, хорошо, а главное—есть человѣкъ, который любитъ. Для меня это главное. Какъ давно я добивалась этого! И за то какъ я цѣню теперь любовь моего Ѳеди.

Я уѣхала изъ Петербурга должно-быть навсегда. Тотъ вечеръ, послѣ котораго я, глупая, такъ много плакала, устроилъ мое счастье. Ѳедя полюбилъ меня сильнѣе и больше сталъ вѣрить въ меня. Но меня убивала эта ложь, которой мы должны были окутывать нашу любовь. Ты вѣдь знаешь, какъ я не люблю лгать. Для меня была страшнымъ мученіемъ эта постоянная маска холодности, которую я должна была надѣвать при чужихъ. Но пока Никсъ былъ за границей, — все еще было сносно. Онъ пріѣхалъ въ началѣ ноября, веселый, довольный и ласковый, какъ никогда. Привезъ мнѣ множество подарковъ, просилъ прощеніе, что долго заставилъ меня скучать, и сталъ больше прежняго сидѣть дома. Что съ нимъ сдѣлалось — я не

понимаю. Я видѣла хорошо, что онъ не полюбилъ меня больше прежняго, но въ немъ говорило что-то въ родѣ раскаянія. Жаль, что немного поздно. И чѣмъ ласковѣе онъ былъ со мной, тѣмъ тяжелѣе мнѣ становилось. Къ тому же свиданія съ Бѣжецкимъ стали невозможны. Я запутывалась во лжи все больше и больше, и въ одинъ прекрасный вечеръ рѣшила все сказать Николаю, хотя Ѳедя былъ, почему-то, противъ этого. Теперь онъ и самъ въ восторгѣ, что мы устроились здѣсь, вдали отъ людей, отъ сплетенъ и грязи... Ему было жаль оставить Петербургъ,—у него тамъ живетъ мать, къ которой онъ очень привязанъ. А мнѣ некого было жалѣть. Моя милая мамаша не хочетъ и знать меня; она теперь блаженствуетъ гдѣ-то на водахъ съ тѣмъ баритономъ-французомъ, котораго ты видѣла у насъ тогда, въ Парижѣ, два года назадъ.

Сколько воды утекло въ эти два года! Какъ я тогда любила Никса! И странно сказать, теперь во мнѣ не осталось ни капли чувства къ нему, я о немъ даже и не вспоминаю никогда. Это потому, что я теперь всю любовь отдала Ѳедѣ. За что, когда, какъ я его полюбила, я ничего этого не знаю. Я чувствую одно, что люблю его, какъ только могу любить, люблю не размышляя, не анализируя. Если одну одну минуту я взгляну на него какъ на monsieur Бѣжецкаго, — того Бѣжецкаго, котораго я знала столько лѣтъ,—мнѣ немыслимо, чтобъ я полюбила его: все, начиная съ наружности, мнѣ было въ немъ антипатично. Теперь же онъ для меня сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, дороже его для меня не было и не будетъ.

Мы живемъ въ Ниццѣ, не знакомясь ни съ кѣмъ, въ отдѣльной маленькой виллѣ, окруженной садомъ апельсинныхъ деревьевъ. Вдали видно спокойное, синее море. Къ намъ даже почти не доносится шумъ экипажей, мы живемъ какъ въ оазисѣ, за нашими владѣніями тоже пустыня для меня и Ѳеди. Мы нигдѣ не бываемъ, никого не видимъ, даже ничего не читаемъ. Если-бы можно было такъ прожить всю жизнь! Я только боюсь за Ѳедю, — боюсь, чтобъ онъ не соскучился въ нашемъ раю. Онъ два раза ѣздилъ въ Monte-Carlo, но не игралъ; разсказывалъ мнѣ, какъ разнообразны выраженія лицъ играющихъ, какъ интересно смотрѣть на нихъ. Вчера опять былъ тамъ; я хотѣла ѣхать съ нимъ, но ему этого не хотѣлось, а вѣдь ты знаешь, какая я упрямая,—если я захочу что-нибудь, то должна непремѣнно добиться. Я настаивала ѣхать съ нимъ. Онъ вышелъ изъ себя и

закричалъ на меня. Я въ первый разъ видѣла его такимъ злымъ. Онъ позеленѣлъ весь, затрясся... Я простить себѣ не могу моего упрямства. Онъ вернулся изъ Монако поздно, блѣдный, взволнованный; я даже подумала, что онъ проигрался. Мнѣ и въ голову не пришло, что такъ разстроила его эта ссора со мной. Мы вчера же и помирились. Конечно, этого не повторится. Я должна сдерживать свой гадкій, своенравный характеръ. Сегодня Ѳедя такой тихій, ласковый, какъ будто бы самъ виноватъ. Утромъ мы вспоминали, какъ намъ трудно было уѣхать изъ Петербурга; онъ выдумывалъ всякіе предлоги, чтобъ остаться. Теперь оказывается, что у него было мало денегъ. У него какой-то управляющій очень нечестный человѣкъ; онъ запуталъ его дѣла и намъ нечѣмъ было бы жить, еслибъ я не запаслась деньгами. Мнѣ предстоитъ возня съ перемѣной попечителя,—я не хочу, чтобы мой мужъ оставался имъ. Ѳедя мнѣ все устроитъ. Я такъ и сказала ему, что грѣшно грустить о деньгахъ, когда мы такъ счастливы. Господи, какъ я люблю его!

Прости меня, дорогая Вѣра, что я надоѣдаю тебѣ разсказами о моей любви. Я преисполнена ею, и каждый разъ, когда меня наполняетъ какое-нибудь чувство, я должна дѣлиться съ тобой. Вѣдь ты мнѣ позволила это.

Пиши мнѣ: Nice, poste restante. Цѣлую тебя такъ же крѣпко, какъ люблю, а люблю я тебя очень.

«Твоя Анна».

P.S. Еслибы ты хоть на минуту перенеслась въ нашъ милый уголокъ: какой контрастъ съ петербургской, модной, мрачной квартирой! Я только устроила кабинетъ Ѳеди въ родѣ кабинета Никса,—очень много пріятныхъ воспоминаній связано съ нимъ...

«А. С.»

Парижъ, 15 февраля 187... года.

Какъ видишь, мы переѣхали уже изъ Ниццы въ Парижъ, моя милая, дорогая Вѣра! Я никогда не забуду этихъ двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ на берегу моря, среди удивительной природы, вдвоемъ съ Ѳедей. Но теперь туда наѣхало очень много семействъ изъ Петербурга и почти всѣ они знаютъ меня и Ѳедю. Мы не могли выйдти на шагъ изъ виллы, чтобы не встрѣтить знакомыхъ. Меня это не очень стѣсняло, но Ѳедю злило. Мы рѣшили переѣхать въ Парижъ, въ этотъ океанъ страстей всякаго рода. (Я, кажется, становлюсь поэтомъ.) Послѣ нашего монастырскаго

уединенія мы съ удовольствіемъ стали посѣщать всевозможныя зрѣлища, постоянно бываемъ въ театрахъ. Для меня они доставляютъ громадное удовольствіе, а Ѳедя въ нихъ скучаетъ. Парижъ вообще на него подѣйствовалъ раздражающе, но я надѣюсь, что это только на первое время. А то, иногда, я при немъ не могу даже высказывать собственнаго мнѣнія; сегодня утромъ онъ надулся и не говорилъ со мной до тѣхъ поръ, пока не пришелъ одинъ нашъ пріятель, миркизъ Раффо, мой давнишній знакомый. Мы случайно встрѣтились съ нимъ въ театрѣ, я представила его Ѳедѣ, и онъ теперь бываетъ у насъ каждый день. Это премилый итальянчикъ, съ обыкновенной итальянскою бородкой, съ черными глазами, съ моноклемъ, почти съ его лицо величиною. Онъ бойко разговариваетъ, остритъ, и, надо отдать ему справедливость, на десять остротъ одна попадается удачная. Вообще же онъ славный товарищъ въ обществѣ. Другой нашъ знакомый поинтереснѣе. Можетъ-быть самая обстановка нашего перваго свиданія сдѣлала это знакомство такимъ интереснымъ.

Ты вѣдь знаешь, какъ я мало склонна къ роману, какъ мало вѣрю въ этотъ «coup», который зажигаетъ сердца... Но тутъ, будь мое сердце свободно, пожалуй, я бы не устояла противъ этого «coup».

Дѣло было такъ. Я пріѣхала изъ театра одна. Ѳедя вышелъ на дорогѣ и отправился въ кафе ужинать съ пріятелями. Я входила по ярко освѣщенной лѣстницѣ отеля, опустивъ низко голову. На второй площадкѣ я столкнулась съ какимъ-то бариномъ и хотѣла пройдти дальше. Но меня удивило, какъ онъ заглянулъ мнѣ въ лицо. Я думала, что это кто-нибудь изъ знакомыхъ, и обернулась. Онъ стоялъ на площадкѣ и точно собирался сказать мнѣ что-то. Понятно, вышла совершенно невольная остановка и съ моей стороны. Но черезъ нѣсколько секунтъ я уже подымалась дальше; я не обертывалась больше, хотя слышала, что онъ все стоялъ на томъ же мѣстѣ.

Такъ эта встрѣча и прошла бы незамѣченною. Первые полчаса я подумала о немъ; мнѣ особенно понравились его черные глаза, съ висковъ опущенные внизъ. Я тогда же подумала, что это не можетъ быть французъ: по цвѣту лица, по чернымъ какъ смоль волосамъ, по общему типу, я рѣшила, что онъ испанецъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ оказался испанцемъ. Ѳедѣ я не сказала ни слова о немъ. Къ чему заставлять его ревновать безъ всякой причины? Хоть онъ уже здѣсь, въ Парижѣ, довольно

мучаетъ меня,—я ревнива ужасно и знаю, какой онъ увлекающійся, — но его спокойствія я все-таки не хотѣла нарушать, а потомъ и забыла объ этой встрѣчѣ. Какъ-то на дняхъ Ѳедя приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что онъ пригласилъ къ намъ обѣдать своего давнишняго знакомаго по Парижу, нѣкоего графа Альзаро. Ѳедя постоянно приводилъ съ собою кого-нибудь обѣдать изъ прежнихъ друзей, а онъ «доканчивалъ свое воспитаніе въ Парижѣ» и прожилъ здѣсь два года,—можно себѣ вообразить, сколько у него друзей... А потому я и не обратила вниманія на то, что онъ сказалъ мнѣ. И вдругъ, въ половинѣ седьмаго, входитъ въ залу тотъ испанецъ, котораго я видѣла на лѣстницѣ. Онъ не подалъ вида, что когда-нибудь встрѣчалъ меня, я же переконфузилась страшно и тоже не сказала ни слова. Итакъ, совершенно нечаянно мы придали нашему знакомству какой-то романтическій характеръ.

— Я радъ, что вы еще живы,—сказалъ онъ мнѣ, какъ только мы сѣли за обѣдъ. Онъ сказалъ это громко, но такъ, что никто не слышалъ кромѣ меня.

— Развѣ у меня такой болѣзненный видъ?—удивилась я.

— Нѣтъ, но у васъ въ тотъ вечеръ было такое лицо, что я былъ увѣренъ, что вы рѣшились на самоубійство... Меня поразила ваша складка между бровей. Она и сегодня есть у васъ... О, вы въ состояніи рѣшиться на важный шагъ!

Я разсмѣялась. Разговоръ продолжался весело, но со страннымъ оттѣнкомъ мистицизма. Теперь, когда я больше узнала Альзаро, я могу точнѣе опредѣлить его. Онъ, въ сущности, добрый малый, очень красивый, избалованный женщинами, поэтому самоувѣренный, съ апломбомъ и при всемъ этомъ суевѣрный, какъ старуха. Мнѣ въ первый же разъ бросился въ глаза громадный коралловый рогъ, который онъ носитъ на цѣпочкѣ. Потомъ я стала замѣчать, что при нѣкоторыхъ именахъ онъ сейчасъ же дѣлаетъ на правой рукѣ рога. Такъ Оффенбахъ, композиторъ Оффенбахъ, прослылъ почему-то за «джетаторе. Альзаро не можетъ слышать даже про Belle Hélène», чтобы не показать подъ столомъ рога. Согласись, что это смѣшно. Я постоянно поддразниваю его; онъ мнѣ пророчитъ ужасное будущее... Но мы съ нимъ большіе пріятели. Мое общество здѣсь состоитъ исключительно изъ мужчинъ и я съ ними со всѣми обращаюсь по-пріятельски. Это не нравится Ѳедѣ,—онъ ужасно цѣнитъ женственность,—и повторяетъ мнѣ постоянно, что я съ моими мальчише-

скими ухватками не буду имѣть никакого успѣха. А мнѣ его и не надо. Я хочу быть любимой только Ѳедей, отъ остальныхъ же я ничего не желаю кромѣ дружбы. У насъ здѣсь знакомые все иностранцы; есть впрочемъ одинъ русскій, но настолько офранцузившійся, что почти не говоритъ по-русски. Мои сорокъ папиросъ въ день ихъ всѣхъ изумляютъ. Но я пріучила ихъ къ этому.

На дняхъ, вообрази, что я сдѣлала. Я съ дѣтства еще чувствовала страсть наряжаться мальчикомъ. Здѣсь я заказала себѣ мужской костюмъ и одѣлась мальчикомъ. Ѳедя самъ хохоталъ страшно. Вчера утромъ я знала, что Ѳедя поѣхалъ кататься въ Bois. Я послала за Альзаро и Раффо и поѣхала съ ними въ мужскомъ костюмѣ на встрѣчу Ѳедѣ. Меня очень занимала эта прогулка; одно стѣсняло: это ноги,—я не знала, куда дѣть ихъ, какъ положить. Вчера было воскресенье; въ Булонскомъ лѣсу народу множество и все это такъ оживлено, нарядно... Мнѣ захотѣлось выйти изъ экипажа и пройтись пѣшкомъ. Но Альзаро не пустилъ меня. Ѳедю мы не встрѣтили, а когда онъ пріѣхалъ домой, я не могла увѣрить его, что я ѣздила въ этомъ костюмѣ въ Bois. Я себя гораздо лучше чувствую, когда я одѣта мужчиной, а моихъ иностранцевъ это ужасно занимаетъ. Я даже увѣрила маркиза съ громаднымъ моноклемъ, что у насъ въ Россіи принято одѣваться такъ. И вообрази, онъ повѣрилъ. Вѣдь не глупый человѣкъ, образованный, много читалъ, много путешествовалъ (конечно, только не по Россіи), а скажи ему про русскихъ что хочешь, онъ повѣритъ. Что это такое — наивность? Я дурачу его постоянно. Его поражаетъ, что я такъ много курю, такъ громко смѣюсь, сижу нога на ногу, цѣлую мужчинъ въ лобъ, когда мнѣ цѣлуютъ руку. Ему это все кажется ужаснымъ, но занимательнымъ...

Я же, какъ могу, выгораживаю моихъ соотечественницъ,— всѣмъ имъ заявляю, что я—исключеніе, что я уродъ. Прежде Ѳедя злился, когда я говорила это, теперь ему какъ будто все равно. Вообще я замѣчаю, что онъ точно охладѣлъ ко мнѣ. Одна эта мысль приводитъ меня въ отчаяніе. Да этого не можетъ быть. Мы съ нимъ счастливы по-прежнему, хотя парижская жизнь не даетъ намъ такъ предаваться этому счастію, какъ въ Ниццѣ. Постоянные обѣды въ компаніи, ужины по ресторанамъ, вѣчный шумъ и суета развлекаютъ и утомляютъ. Случается, что мнѣ не удается сказать двухъ словъ съ Ѳедей въ цѣлый день. А онъ

все чаще и чаще приходитъ домой усталый и недовольный. Разъ мнѣ удалось выпытать отъ него, что его заботятъ наши денежныя дѣла... Переписка попечителя оказывается не такъ пустяшна, какъ я думала. Нужно кому-нибудь изъ насъ ѣхать въ Россію. Я ни за что не поѣду. Мать мнѣ написала предерзкое и прегадкое письмо: громитъ меня за мой поступокъ, угрожаетъ лишить наслѣдства... И не надо. Я имѣю свои средства отъ отца, только я не знаю точно, сколько я имѣю и какъ бы мнѣ получить это въ свои руки... Ты навѣрное засмѣешься: въ наше время смѣшно слышать, чтобы въ восьмнадцать лѣтъ женщина была такъ наивна, что не знала бы счета своимъ собственнымъ деньгамъ. Это нелѣпо,—я сознаюсь сама. Но я прямо изъ монастыря вышла замужъ за такого обязательнаго человѣка, который ни разу не заводилъ со мной и рѣчи о деньгахъ,—всѣ его счеты были съ maman. Я написала ей недавно дѣловое, оффиціальное письмо; ея отвѣтъ долженъ намъ разъяснить наше матеріальное положеніе... Какъ это все скучно, какъ всякіе счеты отравляютъ отношенія!... Потому я и заминаю всегда разговоръ объ этихъ противныхъ деньгахъ...

Помнишь ли ты графа Виллье? Ты видала его у насъ здѣсь, въ Парижѣ. На дняхъ я встрѣтила его, проѣзжая изъ Bois de Boulongе. Онъ бѣжалъ черезъ Place de la Concorde, съёжившись въ своемъ холодномъ пальто. Я никогда не симпатизировала ему, мнѣ была противна его льстивая, заискивающая манера съ maman, но тутъ мнѣ стало жаль его, я остановилась, поговорила съ нимъ и позвала его къ себѣ обѣдать; онъ не заставилъ себя просить и сѣлъ сейчасъ же съ нами въ ландо, хоть и сказалъ на первой фразѣ свиданія, что торопится на званый обѣдъ къ какой-то княгинѣ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Онъ все такой же, точно заморозился: тѣ же тщательно приглаженные волосы, тѣ же усы въ струнку, только позеленѣлъ какъ-то... Говорятъ, онъ серьезно боленъ. А все-таки всюду хочетъ попасть, вездѣ бываетъ, суетится съ утра до вечера. Вчера онъ пришелъ къ намъ обѣдать усталый, озябшій, блѣднѣе обыкновеннаго... Оказалось, что онъ наканунѣ пробылъ въ маскарадѣ Большой Оперы, сопровождая какую-то важную барыню. Я это узнала не отъ него, Виллье на этотъ счетъ—могила, а этимъ свойствомъ и пользуются здѣшнія аристократки. Говорятъ, не проходитъ маскарада, чтобы Виллье не являлся съ какимъ-нибудь таинственнымъ домино, тщательно хранящимъ свое инкогнито,—нѣсколько обѣ-

довъ для графа и обезпечены. Бѣдный, мнѣ и жаль его, и противно подчасъ... Я не могу слышать, какъ Ѳедя трунитъ надъ нимъ, а онъ молчитъ... Я изъ себя выхожу тогда... И всѣ-то—и Альзаро, и Раффо, и князь Данильскій (офранцузившійся москвичъ)—всѣ считаютъ долгомъ подтрунить надъ нимъ... Я невольно встала въ положеніе его адвоката. Онъ оцѣнилъ это и сталъ посѣщать насъ очень часто.

Какъ видишь, я не скучаю; я желала бы только, чтобы жизнь не проходила бы такъ въ чаду, изо дня въ день, какъ идетъ у насъ здѣсь... Некогда собраться съ мыслями. Голова всегда какъ въ туманѣ; я думаю, это отчасти отъ нашихъ постоянныхъ обѣдовъ съ тостами. Мы даже, шутя, образовали «маленькое общество тостовъ». Чѣмъ нелѣпѣе и несообразнѣе тостъ, тѣмъ больше смѣху вызываетъ онъ, тѣмъ веселѣе обѣдъ,—а это все, что надо нашему «обществу тостовъ». Не правда ли, полезное учрежденіе?!... И я тебѣ покаюсь: я положила основаніе ему; въ первые дни пріѣзда въ Парижъ на меня напало какое-то сумасшедшее веселье,—я мертваго расшевелила бы, кажется. Теперь ужь я устала немного, мнѣ хочется пожить потише,—мы ищемъ квартиру гдѣ-нибудь близъ Avenue de l'Impératrice и поселимся тамъ съ Ѳедей. Еслибы ты могла пріѣхать ко мнѣ... Это немыслимо, но какъ бы я была рада!... Пиши мнѣ все про себя такъ же, какъ я тебѣ. Я думаю и продолжать такъ: не щадя себя и говоря только правду, одну только правду. Прощай. Цѣлую тебя.

«Твоя Анна».

Парижъ, 27 марта 187... года.

Вотъ ужь три дня, какъ я получила одно письмо, а я только и думаю о немъ и мучаюсь страшно. Я уже давно не писала тебѣ, мой дорогой другъ.

Отвѣтъ maman, который долженъ былъ дать намъ опредѣленныя свѣдѣнія насчетъ нашихъ средствъ, былъ коротокъ; она требовала, чтобъ я вернулась къ ней въ Петербургъ, иначе она ни на что не согласна. Ты вѣдь знаешь ее. Развѣ я могла бы когда-нибудь ужиться съ ней? У ней всегда и во всемъ ложь на первомъ планѣ. Она лжетъ безъ всякой надобности, по привычкѣ, на каждомъ шагу, лжетъ въ пустякахъ и крупномъ, не краснѣя. Меня еще маленькую возмущало это. Разъ мнѣ и захотѣлось обличить ее, что коса, которою она хвастается, не ея, а фальшивая, и досталось же мнѣ!... Я никогда не забуду, какъ

мать разозлилась на меня... И все-таки не утерплю и буду уличать ее. Затѣмъ, что̀ еще для меня невыносимо въ ней, это—жажда лести и низкопоклонства. Наберетъ себѣ въ домъ приживалокъ, которыя изъ-за ея милліоновъ готовы увѣрить ее, что она первая красавица въ мірѣ. И maman довольна. Она мѣняетъ три туалета въ день, приживалки надъ каждымъ изъ нихъ ахаютъ, дивятся вкусу maman, ея фигурѣ, ея тонкой таліи. Возмутительно слушать! И вдругъ она требуетъ, чтобъ я жила съ ней! Мыслимо ли это? Развѣ я, съ моимъ рѣзкимъ и прямымъ характеромъ, могла бы хладнокровно видѣть все это? Одна мадамъ Скрипицына сколько крови испортитъ, когда начинаетъ нахально увѣрять, что maman одного съ нею роста, а эта Скрипицына чуть не сажень вышиною. А потомъ всѣ эти фокусы: надо знать, когда сдѣлать видъ, что занимаешься чѣмъ-нибудь и не слышишь перешептыванья мамаши съ какимъ-нибудь Ферри, не видишь ихъ перемигиваній... Приживалки все это изучили,—онѣ бываютъ и глухи, и слѣпы, когда надо, за это ходятъ въ старыхъ платьяхъ maman вортовской работы и носятъ шляпы отъ Мантель и Терезъ. Нѣтъ, чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ яснѣе опредѣляю себѣ мою мать и прямо скажу, какъ написала и ей, что жить съ ней не могу. Θедя поѣхалъ въ Петербургъ; онъ все устроитъ, а я пока отдѣлала наше маленькое гнѣздышко. Отельная жизнь намъ надоѣла страшно, мы наняли квартиру, и, какъ только переѣхали и начали устраиваться, Θедѣ понадобилось ѣхать въ Россію. Онъ собрался въ два дня. Въ хлопотахъ, въ сборахъ, я не подумала, какъ мнѣ будетъ тяжело остаться одной. Когда онъ уѣхалъ, я поняла это и первое время съ утра до вечера хлопотала, отдѣлывая квартиру. Теперь, когда все готово, я скучаю ужасно. Но, вставая и засыпая, я постоянно думала: вотъ получу письмо отъ Θеди и успокоюсь. Три недѣли ждала я и на дняхъ получила. Еслибы ты прочитала это письмо!... Я не знаю, какъ тебѣ опредѣлить его... Точно племянникъ пишетъ по обязанности письмо богатой тетушкѣ... Послѣ увѣдомленія, что maman его не приняла три раза, а поэтому онъ еще не начиналъ «дѣлать дѣло», идутъ фразы ненужныя, скучныя, плохо связанныя между собою. Ни одного искренняго слова, ни одной ласковой нотки. Отъ всего письма вѣетъ холодомъ, фальшью и натянутостью. Я придти въ себя не могла, прочитавъ его. Вечеромъ, когда пришелъ Альзаро, я не могла, чтобы не подѣлиться съ нимъ; онъ обязательно и любезно объ-

яснилъ мнѣ, что это всегдашняя манера отдѣлаться отъ женщины, когда она ему надоѣла... Какъ это просто!!... Я хотѣла выгнать этого противнаго итальянца,—развѣ это можетъ быть, развѣ такъ дѣлаютъ? Альзаро цинично улыбнулся мнѣ на это. И я разомъ почувствовала свою полную безпомощность... Мнѣ разомъ вспомнились сотни читанныхъ мною романовъ съ подобными развязками. Вѣдь они берутся изъ жизни. Я одна изъ тысячъ...

И вотъ сегодня третій день, какъ я перехожу каждую минуту отъ надежды къ отчаянію. Я брожу одна по *нашимъ* парадным, праздничнымъ, комнатамъ, весеннее солнышко такъ весело смотритъ въ окна, а на душѣ темно... Я не знаю, гдѣ себѣ мѣсто найти... Я перехожу изъ комнаты въ комнаты, безцѣльно переставляя съ одного мѣста на другое вещи, или простаиваю цѣлыми часами у окна, дожидаясь посыльнаго съ телеграммой. Я телеграфировала Ѳедѣ третьяго дня, а отвѣта все нѣтъ... Вѣдь не могъ же онъ увлечься кѣмъ-нибудь въ Петербургѣ; онъ не имѣлъ и времени еще... Дѣла задержали... Альзаро судитъ по себѣ... Да и всѣ они не лучше его... Раффо точно обрадовался, узнавъ про письмо. Хоть бы кто пожалѣлъ, успокоилъ! Сейчасъ были оба, звали меня куда-то въ театръ. Я не согласилась. Они посидѣли съ полчаса, разговоръ не клеился (съ ними надо или дурачиться, или кокетничать), они и ушли. И я весь вечеръ одна, совсѣмъ одна. Въ домѣ мертвая, тяжелая тишина. Наша квартира во дворѣ и въ безлюдномъ кварталѣ, такъ что даже не вѣрится, что живешь въ Парижѣ. Впрочемъ, я стараюсь и не думать объ этомъ. Я хоть и хорошо знаю Парижъ, но мнѣ онъ представляется какимъ-то лабиринтомъ,—я бы ни за что не согласилась жить здѣсь одной. Эта вѣчная суматоха, суета, погоня за наслажденіями, блескъ и роскошь наводятъ на меня страхъ. Я себя чувствую такою маленькою, такою ничтожною въ этомъ громадномъ городѣ. Я хочу уговорить Ѳедю провести лѣто въ его деревнѣ, гдѣ-то въ Т—ской губерніи,—мнѣ уже надоѣлъ Парижъ, хоть и тянутъ всѣ его удовольствія. Какъ объяснить это противорѣчіе? Мнѣ уже страшно, — примирюсь ли я теперь съ жизнью въ деревнѣ? Мнѣ всегда кажется, что мнѣ нужна тихая, уединенная жизнь, а между тѣмъ я никогда не бываю такъ довольна, какъ когда я вижу около себя оживленіе, когда я сама участвую въ этомъ оживленіи и чувствую, что живу. Иначе жизнь—не жизнь, а прозябаніе; а я—человѣкъ и не хочу прозябать...

Но что же Ѳедя? Вѣра, милая, неужели мы съ нимъ разстались навсегда?—Нѣтъ, это невозможно, немыслимо.

Я не могу ни о чемъ другомъ думать и писать, какъ объ этомъ... Голубушка, пожалѣй меня!

«Твоя Анна».

Парижъ, 25 апрѣля.

Пишу тебѣ прямо отвѣтъ на твой вопросъ. Нѣтъ, Ѳедя не вернулся. Еще одинъ урокъ въ жизни. За что мнѣ, именно мнѣ суждено выносить все это? Вѣдь это ужасно. Знаешь, бывали минуты, что я думала, что съ ума сойду. Потомъ напало ужасное чувство равнодушія ко всѣмъ и вся, а это равнодушіе губительнѣе всякаго отчаянія. Оно и довело меня до очень хорошаго, навѣрное поведетъ еще дальше... Прощай, дорогая моя!

«Анна».

Парижъ, 5 сентября.

Ты пишешь, что ничего не поняла изъ моего письма. Вѣрю. Но развѣ легко рвать себя на клочки, развѣ возможно написать про себя то, что покраснѣешь сказать про чужаго? Вѣра, милая, я ужасно несчастлива! И это чувство въ такой острой формѣ охватываетъ меня, что я пользуюсь всякимъ маленькимъ случаемъ, чтобы заглушить его. Какъ пьяницу тянетъ къ бутылкѣ, такъ и меня затягиваетъ та жизнь, которую я веду здѣсь: боязнь остаться одной, оглянуться назадъ, задуматься побольше надъ своею судьбою—заставила меня искать постоянно новыхъ и новыхъ развлеченій. Обѣды, ужины, шатанье по ресторанамъ отуманили меня, но спокойствія не дали.

Я рѣшила не писать тебѣ ничего, чтобы не вдумываться,—все равно, возвращаться некуда. Въ Россію ѣхать я не могу,—мужъ проситъ меня не пріѣзжать, мать чуть ли не прокляла... Ѳедя не хочетъ и знать... Неужели онъ никогда не любилъ меня? А какъ я вѣрила!... Теперь ужъ любить я больше не могу, а главное — не могу вѣрить. И это ужасно, ужасно потому, что даетъ къ самой себѣ какое-то противное, унизительное чувство. Бываютъ минуты, что я ненавижу весь міръ, ненавижу всѣхъ и все, а больше всѣхъ ненавижу себя... Тогда веселый, праздничный Парижъ для меня невыносимъ. А между тѣмъ я не могу выѣхать отсюда. Ко всѣмъ прелестямъ жизни примѣшивается матеріальная невзгода; я задолжала всюду, а писемъ и

денегъ изъ Россіи нѣтъ, какъ нѣтъ. Я начала уже закладывать вещи. А каждый вечеръ проѣдаются и пропиваются сотни франковъ!... И сказать правду, только и живешь что въ эти вечера и для этихъ вечеровъ, когда самолюбіе заснетъ, а прошлое подернется какимъ-то туманомъ, или совсѣмъ исчезнетъ...

Какъ это все должно тебѣ казаться чудовищнымъ въ твоей благочестивой глуши!... Хуже всего то, что видишь, какъ идешь съ крутой горы, а остановиться или вернуться не мыслимо.

Это должно быть мое послѣднее письмо къ тебѣ. Быть съ тобой неискренной—я не могу. Писать же все, какъ есть, бичевать себя—нѣтъ силъ. Одинъ Богъ знаетъ, чего мнѣ стоило написать это письмо. А я и безъ этого слишкомъ много страдаю. Прощай. Я должна умереть для тебя. Ты, чистая и добрая Вѣра, можетъ бросишь въ меня грязью, можетъ-быть съ негодованіемъ отвернешься отъ меня,—я привыкла даже и къ этому, или должна бы привыкнуть. Прощай.

Любящая тебя все такъ же искренно

«Анна».

Парижъ, 2 октября 187... года.

Зачѣмъ ты не отвернулась отъ меня? Мнѣ въ тысячу разъ легче было бы прочитать твои негодующія фразы, чѣмъ видѣть, сколько жалости и горя дала я тебѣ! Не жалѣй меня, родная, а презирай. Я не достойна твоего сожалѣнія. Пощади меня и не пиши мнѣ больше ничего подобнаго. Вѣдь возврата мнѣ больше нѣтъ. Зачѣмъ же мнѣ сулить его? Какими безпомощными, какими горькими слезами я плакала, читая твое письмо! Что же мнѣ дѣлать, куда идти? Я голову теряю.

«Анна».

Парижъ, 3 ноября 187... года.

Мой единственный другъ! Совершенно случайное обстоятельство точно пересоздало меня. Я продрогла на одномъ катаньи, простудилась и заболѣла. Болѣзнь продержала меня недѣлю въ постелѣ. Это прервало тотъ запой наслажденій, который не переставая длится уже болѣе полгода. Я за все это время въ первый разъ имѣла возможность одуматься, взглянуть на себя со стороны. И къ какимъ ужаснымъ выводамъ пришла я! Я вижу, что дошла до каменной стѣны. Сзади—глубокій ровъ: идти впередъ—разобьешь голову; вернуться назадъ—свалишься въ пропасть. Что дѣлать?... Какъ зачеркнуть все прошлое и начать снова

жить? А жить такъ хочется!... Я съ изумительной ясностью могу нарисовать всю свою жизнь. Лежа одна въ скучномъ номерѣ, я перебираю малѣйшія подробности моего существованія. А какъ только стану отыскивать причины того, что я теперь изъ себя представляю, мысли начнутъ путаться. Я лежу здѣсь истерзанная физически и нравственно, одна, никому во всемъ мірѣ ненужная, и голову ломаю себѣ, кто виноватъ въ этомъ... Неужели сама я?

Я даю себѣ сотни отвѣтовъ на этотъ вопросъ.

Иногда мнѣ кажется, что моя гадкая натура довела меня до этого. Такъ я развѣ виновата въ ней? Кто не зналъ въ Т—ской губерніи моего отца? При крѣпостномъ правѣ на него смотрѣли какъ на чудака, а потомъ онъ сталъ притчей всей губерніи. А мать? Ей ужь за сорокъ, а она и до сихъ поръ разъѣзжаетъ по водамъ съ разными баритонами.

Можетъ-быть я виновна въ томъ, что всю жизнь провожу въ бездѣльи? Такъ что же мнѣ дѣлать? Слышала ли я съ дѣтства хоть одинъ разъ, что нужно заниматься чѣмъ-нибудь?—Никогда. Да я и не умѣю ничего дѣлать. Насъ ни въ институтѣ, ни въ парижскомъ монастырѣ этому не учили. Всѣ мысли, всѣ разговоры, всѣ желанія сводились къ любви; мы создавали себѣ вымышленныхъ objets, ходили къ нимъ въ темный корридоръ на свиданіе и потомъ разсказывали другъ другу въ возможно яркихъ и даже сальныхъ выраженіяхъ подробности этихъ небывалыхъ свиданій. А потому и вся моя жизнь—одно стремленіе любить. Въ этомъ-то и мое горе. А виновата ли я въ немъ?

Первый мущина, котораго я встрѣтила по выходѣ изъ монастыря, былъ Никсъ. Его я и полюбила. И съ тѣхъ поръ только любовь и занимала меня всю: всѣ мои мысли, все счастье, все горе, всѣ надежды не шли дальше любви. Не правда ли, достойно и похвально? И теперь, когда я никого не люблю и никѣмъ не любима, я сознаю, что мнѣ не хочется жить.

На дняхъ мысль о смерти такъ ясно предстала передо мной, что мнѣ невольно захотѣлось молиться. Но меня и этому даже не научили. Я не знаю Бога. Изъ всего слышаннаго о немъ мнѣ больше всего запомнилось, какъ пянька настаивала, чтобъ я выучила наизусть «Вѣрую», когда я не могла даже выговорить слово «Вседержителя»... Потомъ въ институтѣ я должна была учить какіе-то *Начатки*, не думая о томъ, что въ нихъ говорится. А въ монастырѣ я, на правахъ православной, могла не посѣщать

уроковъ закона Божія, читающихся для католичекъ. Тутъ ужь я совсѣмъ отвыкла отъ Бога. Когда вышла замужъ, мнѣ некогда было и думать о немъ.

Если не дали религіи, должны бы дать твердые нравственные принципы. Мнѣ о нихъ и говорить смѣшно.

Какой же итогъ?—Сотворили на свѣтъ Божій съ чувственною натурой, поддерживали и развивали эту чувственность воспитаніемъ и, не давъ никакой опоры, никакого оружія, пустили въ жизнь. Я ли виновата въ этомъ?

Не думай, дорогая моя Вѣра, что я хочу выгораживать себя, или защищаться. Мнѣ легче сознавать себя виновной и принимать всѣ невзгоды, какъ заслуженную кару. Но мнѣ хочется истины— и не для себя, а истины для истины. Когда я лежу такъ одна, въ своей полутемной комнатѣ, и начну вдумываться во все это, мои личныя страданія уйдутъ далеко, Анны Слащовой для меня не существуетъ, а существуютъ сотни и тысячи людей, страдающихъ не по своей винѣ. Сколько я знала и знаю женщинъ, на которыхъ воспитаніе и среда точно наложили ржавчину... Какъ смыть ее, даже когда и сознаешь ея разъѣдающее дѣйствіе? Вѣдь она копилась годами, а можетъ получена ужь при рожденіи...

И какъ очнусь, да оглянусь на себя — мнѣ до злобы сдѣлается досадно, что я живу до сихъ поръ. Зачѣмъ, кому нужна я?... Всѣмъ чужая, и не только никому не принесшая пользы, но даже не съумѣвшая создать личнаго счастія. А между тѣмъ этимъ было занято все существованіе. И такой маленькой, маленькой, такой жалкой, такой ничтожной покажусь я себѣ, что моя смерть представляется мнѣ пустякомъ, о которомъ и задумываться не стоитъ. Ты, пожалуй, не повѣришь этому. Какъ хочешь, хоть я бы желала только одного, чтобы ты вѣрила каждому слову, сказанному тутъ мной. Вѣдь я не дѣлаю выводовъ, а только привожу факты. Суди меня ты сама.

Прощай, Вѣра! Прими отъ меня совѣтъ: не полагай всей жизни въ чемъ-нибудь одномъ. Если нитка оборвется, ты неминуемо слетишь въ пропасть. А какъ въ ней темно...

«Анна».

Черезъ двѣ недѣли ея уже не было въ живыхъ.

Боловцевъ сдержалъ обѣщаніе и на слѣдующій же день доставилъ Вѣрѣ письмо Анны.

— Нѣтъ, вы вотъ этимъ полюбуйтесь,—указалъ онъ на конецъ письма.—Это мило!

И онъ засмѣялся тихимъ смѣхомъ.

Письмо было короткое. Анна просила отдать Шатову какую-то коробочку. О себѣ она почти ничего не говорила, только въ концѣ прибавила:—«Я довольно страдала. Всѣ вы внесли свою долю въ эти страданія, но я всѣхъ простила».

Послѣднія слова и вызвали смѣхъ Боловцева.

Чрезъ годъ Вѣра снова была въ Петербургѣ и сейчасъ же поѣхала на кладбище на могилу Анны. Несмотря на декабрь, была оттепель. Шелъ мокрый снѣгъ и сани каждую минуту задѣвали за камень. На кладбищѣ не было ни души. Вѣрѣ стоило многихъ стараній найти кого-нибудь, чтобъ ее проводили на могилу Анны.

— Не можете ли вы указать мнѣ могилу Слащовой?—обратилась она къ расчищавшему снѣгъ сторожу изъ отставныхъ солдатъ.

— Слащовой, Анны Николаевны?... Это генеральши Боловцевой дочка, что ли?

— Да, да...

— Какъ не знать!—торопливо заговорилъ онъ.—Въ первомъ разрядѣ... Отъ церкви налѣво. Я провожу... Пойдемте!

Онъ бросилъ лопату и торопливо зашагалъ передъ Вѣрой.

Дорожка къ могилѣ была тщательно расчищена и усыпана пескомъ. Теперь отъ оттепели изъ него сдѣлалась жидкая грязь.

Вѣра издали увидѣла бѣлый мраморный памятникъ, съ плачущимъ ангеломъ на верху. Внизу, въ кругломъ медальонѣ, высѣчено изъ мрамора же лицо Анны: ея глаза, ея раздутыя ноздри, только губы сложились въ какую-то не то горькую, не то саркастическую усмѣшку.

— Вы имъ сродственница, что ли, будете?—спросилъ сторожъ, съ недовѣріемъ поглядывая на шерстяную шубку Вѣры.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтила она.

— Такъ-съ... Знакомая значитъ? — немного погодя продолжалъ онъ.

— Да...

— Мамаша ихъ, не знаете, не собираются? — допрашивалъ словоохотливый сторожъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Давненько не бывали... Съ самаго съ Петрова дня. Вотъ девятаго поджидали мы ихъ, потому—память, день ангела покойницы... Нѣтъ... Дворецкаго прислала съ вѣнкомъ... Сама не пожаловала...

— А кто же заботится о могилѣ?—спросила Вѣра.—Какой порядокъ... Вѣнки!...

— Это ужь мы... Тутъ насъ трое наблюдателей... По зелененькой въ мѣсяцъ получаемъ... Да генеральша вѣдь и не знаютъ объ этомъ,—все дворецкій завѣдуетъ. А вотъ на Петра-Павла пріѣхала сама, такъ намъ красненькую дала... Славная барыня!... Это—настоящая.

— Что же, она одна пріѣзжала?—полюбопытствовала Вѣра.

— У-у!... Куда тебѣ! Въ двухъ экипажахъ подкатили... Одинъ-то не въѣзжалъ сюда... Тамъ у церкви господа ждали... А генеральшина коляска въѣхала... Въѣхала!...—таинственно повторилъ онъ.

— И очень она плакала?—продолжала допрашивать она.

— Нѣтъ... Что вы, плакать!... Они тутъ компаніей пріѣхали, съ катанья... Не въ такомъ духѣ, значитъ... Плакать!... Конечно, дочка, да вѣдь она, сказываютъ, не своей смертью померла,—полупрезрительно, полусострадательно выговорилъ онъ.

Вѣра положила въ его ловко пріученную руку «благодарность» и съ тяжелымъ чувствомъ пошла отъ могилы.

Сторожъ шелъ за ней и продолжалъ, какъ бы размышляя вслухъ.

— Конечно, за такихъ-то и молиться, потому на нихъ вдвое грѣхъ... Такъ нѣтъ: ни тебѣ панихидъ, ни поминанья... Этого генеральша не любятъ... И могилы-то они словно боятся. На Петра-Павла пріѣхали, хоть бы изъ коляски вышли поклониться могилѣ,—нѣтъ... Подали вѣнокъ... Полковникъ тутъ какой-то съ ними пріѣзжалъ... Онъ положилъ къ памятнику... И укатили опять... А ужь чтобы поплакать когда,—нѣтъ-съ, этого генеральша не любятъ...—закончилъ онъ, усаживая на извощика заплаканную Вѣру.

Подражаніе скандинавскому поэту.

Что мнѣ тотъ край, гдѣ небо вѣчно чисто,
Гдѣ все цвѣтетъ,
Гдѣ воды рѣкъ прозрачнѣй аметиста
И съ плескомъ бьетъ,
Въ тѣни оливъ, о берегъ изумрудный
Ключа волна,—
Гдѣ, какъ корабль, по своду выси чудной
Плыветъ луна,
Дробя въ струяхъ на тысячи жемчужинъ
Свой блѣдный свѣтъ?...
Пусть это—рай, да мнѣ-то онъ ненуженъ:
Тебя тамъ нѣтъ.

—

Пускай у насъ небесъ туманныхъ бездна
Ночной порой
Мрачна, черна, безлунна и беззвѣздна;
Пусть бури вой
Гудитъ въ поляхъ; пусть клонитъ ели вьюга
И рветъ кусты,—
Но ты со мной: красу и роскошь юга
Замѣнишь ты.
Замѣнитъ мнѣ среди пустыни снѣжной
Журчанье струй
Звукъ милыхъ устъ, таинственный и нѣжный;
Твой поцѣлуй
Согрѣетъ кровь, какъ солнце знойнымъ лѣтомъ,
И мракъ ночей
Разсѣется пугливо передъ свѣтомъ
Твоихъ очей.

А. Ч.

Настасьина могила.

ВОЛЖСКОЕ ПРЕДАНІЕ.

(Посвящается В. М. Максимову.)

За Степановой за любой,
За Настасьей молодою,
Цѣльный мѣсяцъ смерть ходила
Сухопутьемъ и водою;

Привязалась лютой скорбью,
Извела былую силу
И свела порой осенней
Прежде времени въ могилу.

Самъ Степанъ ножомъ булатнымъ
На горѣ ей яму роетъ;
Ни души кругомъ, лишь вѣтеръ
Въ буеракѣ воймя воетъ....

Чѣмъ примѣтить это мѣсто,
Для того, чтобъ видно было
Съ Волги, со степи, изъ лѣсу,
Гдѣ Настасьина могила?...

Какъ на грѣхъ, вездѣ все пусто,
Только степь кругомъ да камень,
А вдоль Волги, по вершинамъ,
Зеленѣющая рáмень...

Чу! скрипятъ колеса... Смотритъ:
По дорогѣ, возъ за возомъ,
Со стекломъ торговцы ѣдутъ,
Видно съ ярмарки, обозомъ.

«Стой! Опрастывай живѣе!»—
Крикнулъ имъ Степанъ съ кургана.
А Степанъ шутить не любитъ,—
Надо слушать атамана.—

«Поворачивайся живо!
Подвози, вали все въ кучу!
Опрокидывай телѣги,
Выноси товаръ на кручу!»—

И съ утра до темной ночи
Вылъ кругомъ лишь вѣтеръ вольный,
Да надъ Настиной могилой
Раздавался звонъ стекольный.—

«Вотъ вамъ денегъ за работу,
Подѣлите да и съ богомъ!
Чуръ не вмѣстѣ поѣзжайте,
А по разнымъ по дорогамъ!

«Вы вѣдь рѣзанцы да воры,
Только этимъ и живете,
Изъ-за стертаго алтына
Брату горло перервете!...

«Если спросятъ, гдѣ достали,
Говорите, что отрыли
Этотъ кладъ въ лѣсной трущобѣ,
На Настасьиной могилѣ».

Д. Садовниковъ.

Образовательный уровень взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ.

Еще многимъ изъ читателей памятно то время, когда у насъ вопросъ о народномъ образованіи считался вопросомъ «революціоннымъ», а приверженцы этого святаго дѣла — «красными». Многіе помнятъ и то, какъ министерство просвѣщенія графа Толстаго, въ отвѣтъ на сказавшійся въ земствѣ запросъ на народныхъ учителей, настойчиво доказывало, что нѣтъ никакой надобности въ учительскихъ семинаріяхъ, и какъ немногіе изъ лучшей части нашей интеллигенціи пренебрежительно относились къ народной школѣ, потому что, по ихъ мнѣнію, заботы о «благосостояніи» слѣдовало предпочесть и предпослать заботамъ объ образованіи народа. Еще и по настоящее время это странное мнѣніе, не допускающее *одновременныхъ* усилій на пользу матеріальнаго и нравственнаго блага народа, иногда встрѣчаетъ сторонниковъ, которые, къ тому же, искоса поглядываютъ на народившіяся и процвѣтшія школы на Руси, считая, что *такихъ* школъ, въ которыхъ обучаютъ «*только* грамотѣ», и заводить не стоитъ. Между тѣмъ время взяло свое: тому самому министерству графа Толстаго, которое отрицаніемъ учительскихъ семинарій подсѣкало дѣло въ самомъ корнѣ, Россія обязана учрежденіемъ учительскихъ семинарій десятками и такъ называемыхъ образцовыхъ народныхъ училищъ—сотнями. Народная школа восторжествовала надъ подозрительностію администраціи, надъ враждою къ ней одной части интеллигенціи и сомнѣніемъ въ своевременности ея и пользѣ отъ нея другой части интеллигенціи, — осуществилась четырнадцать лѣтъ тому назадъ, благодаря усиліямъ немногихъ земскихъ дѣятелей, создававшихъ и учителей, и книги, и программы и поддержанныхъ земствомъ и крестьянами многихъ уѣздовъ и губерній, не пожалѣвшихъ средствъ на *толковую* школу, какой прежде не бывало на Руси.

Мало того: *земская* «новая школа», зародившись 14 лѣтъ тому назадъ на югѣ Россіи и оттуда постепенно распространившаяся повсемѣстно, просуществовала 14 лѣтъ вопреки тому, что министерство просвѣщенія

графа Толстаго, тщетно мечтавшее объ упраздненіи общественнаго почина и контроля въ школьномъ дѣлѣ и о замѣнѣ общества чиновниками, сдѣлало все, что отъ него зависѣло, для того чтобы сдержать стремленіе къ образованію, вмѣсто того чтобы лелѣять его, поддерживать и направлять. Вопреки всѣмъ препятствіямъ правительственной инспекціи, ея полицейскому, а не педагогическому отношенію къ дѣлу, народныя школы пріобрѣли права гражданства на Руси и число ихъ ежегодно возрастало, представляя тѣмъ не менѣе и по настоящее время только каплю въ морѣ народнаго невѣжества. Теперь, когда еще такъ недавно это море невѣжества взбаломутилось на югѣ и юго-востокѣ Россіи, гдѣ грозные валы его разрушали еврейское имущество по довѣрію народа къ возможности существованія такой «царской бумаги», которая предписывала христіанамъ ограбить евреевъ,—теперь, когда и слѣпой видитъ всю опасность отъ невѣжества народа, особенно наставительно и любопытно остановиться на вопросѣ, что намъ дали до сихъ поръ тѣ народныя школы, на которыя мы уже успѣли затратить, при всей бѣдности нашей, многіе милліоны рублей? До сихъ поръ доказано, и вполнѣ безспорно, только то, что за три зимы въ нашихъ сельскихъ школахъ дѣти достигаютъ сознательнаго чтенія, письма и счета и элементарнаго ознакомленія съ догматами и истинами своей религіи; но этимъ еще не разрѣшается вопросъ о томъ, на сколько разучиваются грамотѣ наши питомцы, окунаясь въ море невѣжества, ихъ окружающее, и что остается въ нихъ отъ школы для жизни. До сихъ поръ мы обучали чтенію въ школѣ, а затѣмъ и пальцемъ не шевельнули для того, чтобы при каждой школѣ возникла читальня и чтобы было что читать. До сихъ поръ мы не подумали о томъ, что тринадцати-лѣтній ребенокъ, вышедши изъ школы, можетъ не забыть того, чему онъ учился, только подъ условіемъ повторенія того, чему его обучали. Мы продолжаемъ затрачивать деньги на школы, не давъ себѣ еще отчета въ томъ, не строимъ ли мы наше зданіе изъ песка и не разносится ли оно, стоющее весьма значительныхъ нравственныхъ и вещественныхъ затратъ, по песчинкамъ, или же мы строимъ изъ камня и сооружаемое нами можетъ устоять.

Для того, чтобы сдѣлать посильный починъ въ изслѣдованіи этого существеннѣйшаго государственнаго вопроса нашего времени, я произвелъ испытаніе 350 взрослымъ грамотнымъ крестьянамъ въ шести селахъ Маріупольскаго и Александровскаго уѣздовъ, Екатеринославской губерніи; по моей программѣ сдѣлано то же въ Бердянскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, секретаремъ управы К. В. Ковалевскимъ. Такимъ образомъ, бесѣдуя въ настоящее время съ читателемъ, я имѣю въ виду до *пятисотъ* крестьянъ, лѣтъ 17 *среднимъ* счетомъ, обучавшихся *среднимъ* счетомъ три зимы въ своей жизни, лѣтъ пять тому назадъ (отъ 11 до 2 лѣтъ тому назадъ) *среднимъ* счетомъ, и съ тѣхъ поръ вполнѣ предоставленныхъ себѣ, безъ библіотекъ и безъ повторительныхъ школъ. Если на основаніи пяти сотъ наблюденій еще нельзя приходить къ вполнѣ точнымъ выводамъ о томъ,

что остается въ головѣ земскаго сельскаго школьника и что имъ забывается, то получается возможность хотя сколько-нибудь высказаться объ этомъ важномъ вопросѣ.

Желая проложить, по мѣрѣ силъ, дорожку для другихъ изслѣдователей, я позволю себѣ ввести читателя во всѣ подробности того, какъ я дѣйствовалъ, для того чтобъ опредѣлить образовательный уровень грамотныхъ взрослыхъ, прошедшихъ чрезъ народную школу. Для того, чтобы получить право собрать ихъ часа на три въ праздничный день въ школу, я воспользовался, съ согласія на то мѣстнаго начальника губерніи, своимъ званіемъ «дѣйствительнаго члена екатеринославскаго губернскаго статистическаго комитета», а К. В. Ковалевскій—принадлежащимъ ему званіемъ «помощника предводителя дворянства» по части училищъ. Само по себѣ понятно, что собираніе статистическихъ данныхъ по народному образованію должно входить въ программу статистическихъ комитетовъ и, не ограничиваясь счетомъ числа учащихся, должно распространяться и на изслѣдованіе вопроса о числѣ дѣйствительно научающихся и разучивающихся; еще болѣе понятно то, что К. В. Ковалевскій, какъ блюститель всѣхъ школъ уѣзда по закону, имѣлъ право созвать своихъ питомцевъ и спустя нѣсколько лѣтъ по окончаніи ими курса. Но мнѣ кажется, что всякій членъ земской управы, въ виду затратъ земства на народное образованіе, въ правѣ поинтересоваться тѣмъ, на сколько улетучивается дорого земству обходящаяся грамота, а потому въ правѣ созывать грамотныхъ взрослыхъ для испытанія, *если только крестьяне пожелаютъ собраться*. Это послѣднее условіе чрезвычайно существенно, такъ какъ только при сочувствіи крестьянъ этому дѣлу подобныя испытанія могутъ состояться и достигнуть своей цѣли; «предписаніями» тутъ ничего не добьетесь, и хотя я сносился о каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ, но успѣхомъ сбора грамотныхъ я обязанъ содѣйствію учителей и сочувствіемъ къ экзамену учившихся въ школѣ крестьянъ, которые стекались иногда за десять верстъ пѣшкомъ, какъ на праздникъ.

Вотъ мы собрались въ школу: предо мною весьма немного тринадцатилѣтнихъ дѣтей, уже въ десятилѣтнемъ возрастѣ переставшихъ учиться; вижу предъ собою женатыхъ крестьянъ, двадцати пяти-лѣтнихъ, но большинство—цвѣтъ деревенской молодежи—лѣтъ 17 и 19, которые весело и бодро смотрятъ мнѣ въ глаза и радостно отвѣчаютъ на мой привѣтъ. Объяснивъ крестьянамъ цѣль моего посѣщенія, я спрашиваю ихъ, станутъ ли они посѣщать воскресную повторительную школу зимою, если «Царь разрѣшитъ, а земство захочетъ устроить такія школы», и въ отвѣтъ раздаются восторженные, единогласные крики: «будемъ, будемъ непремѣнно!» Затѣмъ я предлагаю имъ пропѣть «Отче нашъ»—и стройно раздаются по школѣ звуки молитвы, приводящіе въ умиленіе какъ самихъ поющихъ, такъ и присутствующихъ при испытаніи крестьянъ и интеллигенцію. Въ огражденіе дѣла отъ всякой клеветы, я заношу въ

дневникъ свой имена всѣхъ присутствующихъ изъ интеллигенціи, заблаговременно позаботившись о томъ, чтобы, по возможности, мировые судьи, учителя, попечители школъ, гласные, члены училищнаго совѣта и священники почтили мои занятія съ грамотными взрослыми своимъ присутствіемъ. Но пора приступить къ испытанію; экзаменующимся мѣстный учитель роздалъ перья, а я съ своей стороны—заблаговременно разлиневанные и надписанные, сложенные, какъ тетрадь, полулисты бумаги. Образецъ первой страницы такого листка привожу здѣсь, для большей ясности:

1.
2.
3. Возрастъ:
4. Давно ли и сколько?
5. Книги:
6. Чернила и бумага:
7. Писемъ:
8. Грамотныхъ:
9. Нумерація: Чтеніе:

Возбудивъ вниманіе въ своей аудиторіи, я предлагаю ей найти первую пустую строчку и каждому написать на ней названіе своего села, годъ, мѣсяцъ и число, не указывая послѣднихъ, съ тѣмъ, чтобъ убѣдиться въ томъ, знаютъ ли крестьяне еще названіе мѣсяцевъ, дававшіяся не безъ труда въ школѣ, и остался ли въ нихъ навыкъ, который старалась поселить въ нихъ школа, отдавать себѣ отчетъ въ томъ, какое сегодня число. «Найдите вторую пустую строчку сверху,—продолжалъ я,—и пусть на ней каждый напишетъ свои имя, отчество и фамилію». Опять цѣлая наука, которой обучала школа!... На третьей строчкѣ каждый обозначаетъ свой возрастъ; на четвертой обозначаетъ каждый, въ отвѣтъ на написанные на ней вопросы: «давно ли и сколько», сколько лѣтъ тому назадъ онъ пересталъ посѣщать училище и сколько зимъ онъ ходилъ въ школу. Одинъ пишетъ, напримѣръ, на четвертой строкѣ: 10, 2—это значитъ, что онъ десять лѣтъ тому назадъ учился двѣ зимы; другой напишетъ: 3, 3—это значитъ, что онъ три года тому назадъ посѣщалъ школу въ теченіе трехъ зимъ; такихъ, которые бросили школу менѣе чѣмъ два года до своего испытанія, я вовсе къ испытанію не допускалъ, такъ какъ желалъ провѣрить, на сколько *забывается* грамота послѣ школы. «На пятой строкѣ,—говорю я,—пишите названіе всѣхъ книгъ, которыя есть у каждаго дома, а если книгъ вовсе нѣтъ, проведите черту... Найдите шестую строчку; подумайте, бываютъ ли дома бумага и чернила, или нѣтъ; если бываютъ, то ставьте крестъ, а если нѣтъ, то ставьте черту... А вотъ и третья строчка снизу: припомните, сколько каждый изъ васъ написалъ писемъ за цѣлый годъ, отъ Пасхи до Пасхи, и обозначьте число ихъ циф-

рой; если кто-нибудь столько написалъ писемъ, что ему трудно сосчитать ихъ, то напишите на этой строчкѣ: «много»; если кто вовсе не писалъ писемъ, то проведите черту». На предпослѣдней строкѣ каждый обозначаетъ число грамотныхъ въ своей семьѣ, не считая себя самого, а на послѣднюю строку диктуется число сначала до тысячи, а потомъ до милліоновъ, и въ углу направо сохраняется мѣсто для отмѣтки за чтеніе. При этомъ, въ виду притупляющаго вліянія жизни, я ставилъ отмѣтку 3, или «удовлетворительно», тѣмъ изъ сознательно читавшихъ во время испытанія, которые читали не хуже средняго ученика втораго класса народной школы, то-есть двѣ зимы учившагося; тому, чье чтеніе оказывалось ниже этого уровня, я ставилъ 2 (посредственно); отличившимся въ хорошую сторону я ставилъ отмѣтки 4 и 5, а всѣхъ съ отмѣткою 0 и 1 я относилъ къ машинально читающимъ, то-есть неграмотнымъ или вполнѣ разучившимся. На основаніи рубрикъ описанной мною страницы и разъясненныхъ мною отмѣтокъ и составлена мною прилагаемая къ этой статьѣ вѣдомость. Но къ вѣдомости мы еще возвратимся, а теперь нужно покончить съ экзаменаціонными листками, только первую страницу которыхъ я описалъ.

На послѣдней, четвертой, страницѣ листка у меня было заблаговременно написано:

1) + 89
97
56
38

2) — 97

3) Сколько вершковъ въ 25 верстахъ?

Эти задачи тутъ же рѣшались экзаменующимися и затѣмъ мы обращались ко второй и третьей страницамъ листка, разлиневаннымъ для письменной работы. Изъ 351 взрослыхъ грамотныхъ, изъ которыхъ весьма многіе перестали учиться лѣтъ десять тому назадъ и которыхъ я испытывалъ самъ, только 36 оказалось такихъ, которые не были въ состояніи написать во время испытанія сочиненія на заданную мною тему, а 90% исполнили это съ успѣхомъ, который видѣнъ изъ моей вѣдомости. Въ Бердянскомъ уѣздѣ результатъ вышелъ нѣсколько слабѣе (не написали 37 изъ 142), но и тамъ онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія,—настолько неблагопріятна жизненная обстановка грамотнаго крестьянина. Такимъ образомъ предо мною лежатъ 423 письменныя работы взрослыхъ грамотныхъ на тему: «на что намъ пригодилась грамота и на что она можетъ пригодиться».

Не сомнѣваясь въ томъ, что всякій, кто любитъ свой народъ, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ прислушается къ голосу самихъ грамотныхъ о томъ, стоило ли имъ учиться грамотѣ, я считаю своимъ долгомъ пообстоятельнѣе ознакомить читателя съ тѣмъ, какъ грамотные высказались о томъ, годится ли грамота крестьянину и на что она годится. Эта испо-

вѣдь ихъ будетъ тѣмъ любопытнѣе, что прольетъ свѣтъ на отношеніе ихъ къ земской школѣ, на образовательное и воспитательное значеніе этой школы.

Но мнѣ остается сказать прежде еще два слова объ испытаніи взрослыхъ грамотныхъ, присутствовать при которомъ я пригласилъ читателя. Припомните: мы пропѣли молитву, слышали отъ экзаменующихся восторженное заявленіе о томъ, что они готовы посѣщать воскресную повторительную школу, и роздали имъ листки, первую и послѣднюю страницы которыхъ мы наполнили, какъ сказано выше, а на второй и третьей стран. листковъ экзаменующіеся въ нашемъ присутствіи пишутъ сочиненіе на тему о пользѣ грамоты. Желая судить о развитіи экзаменующихся и узнать совершенно самостоятельное воззрѣніе взрослыхъ учившихся крестьянъ на грамоту, я задаю тему безъ всякой предварительной катехизаціи, безъ всякихъ наводящихъ вопросовъ и поясненій, стремясь лишь къ тому, чтобы моя тема была понята. До сихъ поръ мы занимались въ школѣ около часу и теперь, пока всѣ пишутъ, я приступаю къ испытанію въ чтеніи, вызывая для этого одного за другимъ и предлагая каждому прочесть нѣсколько строкъ изъ незнакомой ему книги и разсказать мнѣ читанное. На чтеніе сорока экзаменующихся, при опытности экзаменатора, затрачивается около полутора часа, а за это время всѣ успѣваютъ окончить свою письменную работу; листки отбираются и испытаніе заканчивается пѣніемъ молитвы. Въ нѣкоторыхъ селахъ грамотные взрослые весьма стройно пропѣли «Боже царя храни» и во всѣхъ селахъ я заканчивалъ напутственнымъ словомъ, въ которомъ я благодарилъ своихъ слушателей за то, что они съ такимъ рвеніемъ отнеслись къ моему приглашенію собраться для испытанія, поздравлялъ ихъ съ тѣмъ, что они грамоту не забыли, и выражалъ имъ увѣренность въ томъ, что они изъ школы вынесли не одну грамотность, но и добрую нравственность. Письменныя работы моихъ слушателей доказали мнѣ, что они могли понять меня, такъ какъ весьма многіе изъ нихъ останавливались не только на общеобразовательномъ и утилитарномъ значеніи школы, но и на воспитательномъ значеніи ея. Обратимся же теперь къ этимъ письменнымъ работамъ; простимся съ грамотною крестьянскою молодежью, привѣтливо благодарящею экзаменатора и прощающеюся съ нимъ; простимся и со стариками, которыхъ слеза прошибаетъ при видѣ того, какая умная народилась на селѣ молодежь, какъ она читаетъ, пишетъ, считаетъ и молитвы поетъ; оставимъ классную комнату среди заявленій стариковъ о томъ, что крайне полезно было бы собирать отъ времени до времени грамотную молодежь «для того, чтобъ она своего дѣла не забывала», и по письменнымъ работамъ прислушаемся къ тому, какъ сама-то грамотная сельская молодежь толкуетъ «о своемъ дѣлѣ».

Для того, чтобы посвятить читателя въ эту тайну, я долженъ собирать по крупинкамъ мысли, разбросанныя въ 423 письменныхъ работахъ

и затѣмъ хотя сколько-нибудь систематизировать ихъ; но дѣло стóитъ этого труда. Остановлюсь прежде всего на указаніяхъ такого рода, которыхъ можно было ожидать болѣе другихъ,—на томъ, какое, по мнѣнію учившихся крестьянъ, приложеніе получаетъ грамота въ практической жизни. Въ этомъ отношеніи крестьяне не ограничились заявленіями общаго характера въ родѣ того, напримѣръ, что «грамотный нигдѣ на пропадетъ безъ куска хлѣба» и что есть такіе люди, которые «одною грамотою живутъ, а лучше живутъ и гораздо умнѣе неграмотныхъ», — нѣтъ, тутъ крестьяне вдались въ частности и подробности: такъ, одинъ изъ крестьянъ описываетъ положеніе неграмотнаго такимъ образомъ: «тебя же обманутъ и тебя же дуракомъ назовутъ»; «неграмотнаго обсчитываютъ, хотя онъ и считаетъ по пальцамъ», замѣчаетъ другой; «грамотный законъ понимаетъ и другому разскажетъ»; его труднѣе обмануть фальшивою бумажкой,—онъ «не склеитъ двухъ половинокъ отъ двухъ разныхъ бумажекъ»; короче сказать, грамотнаго, по мнѣнію народа, не такъ-то легко надуть. Грамота нужна «по хозяйственной части»; грамотному, какъ заявляютъ крестьяне, удобнѣе занять денегъ, безопаснѣе отвозить продукты на продажу въ городъ; грамотный можетъ вести приходъ и расходъ. Но и этимъ далеко не исчерпывается, по мнѣнію самихъ учившихся крестьянъ, утилитарное значеніе грамоты: многіе упоминаютъ о томъ, что за грамотность предоставляется льгота при отбываніи воинской повинности; грамота открываетъ цѣлый рядъ новыхъ доходныхъ путей, такъ какъ грамотный можетъ быть «учителемъ, писаремъ, разсыльнымъ, конторщикомъ, ключникомъ, атаманомъ». Грамотный «можетъ приговоръ общественный подписать», «быть судьею»; онъ «можетъ писаря учитывать»; «когда въ волость понесешь пóдать, такъ можно посмотрѣть въ книгу, чи не вкравъ писарь лишнихъ грóшей». Все это—выгода и доходъ. А вотъ послушайте, что разсказываетъ въ этомъ отношеніи 28-лѣтній крестьянинъ, Ф. Щербаченко, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ обучавшійся всего три зимы: «Я читалъ газеты, видѣлъ разные рисунки машинъ, маслобойню; по чтенію книгъ выучился я плотничать и началъ устраивать себѣ маслобойню, и вотъ она намъ произноситъ (вмѣсто приноситъ) пользы каждый годъ по двѣсти рублей, за два мѣсяца, январь и февраль».

Таковы указанія крестьянъ на то, какое экономическое значеніе имѣла для нихъ грамота; но еще гораздо многочисленнѣе и обстоятельнѣе заявленія инаго характера. Такъ весьма нерѣдко встрѣчаются въ письменныхъ работахъ взрослыхъ указанія на значеніе грамоты въ смыслѣ общаго развитія: «я теперь сталъ развитѣй и умнѣй», пишетъ одинъ; а другой: «грамотный всегда умнѣе человѣкъ»; третій: «грамота уму - разуму научаетъ»; четвертый: «грамотный во всякомъ дѣлѣ справится»; «мы для того учились, чтобы не быть глупыми», пишетъ пятый. Послушайте 19-лѣтняго Э. Слинченко: «въ школу ведутъ неученаго мальчика, а изъ школы выходитъ умный и образованный хоть немного». А вотъ что пишетъ

крайне неумѣлымъ почеркомъ 20-лѣтній П. Ткаченко, всего въ теченіе одной зимы, 11 лѣтъ тому назадъ, посѣщавшій школу, но очевидно съ тѣхъ поръ упражнявшійся дома: «я слыхалъ, что изъ грамотныхъ бываютъ дураки, но я не вѣрю, потому что я думаю, что изъ грамотныхъ—умные люди, потому что они грамотны». «Твоими бы устами и медъ пить», сказать бы Ткаченко; но тутъ важно не то, ошибается ли Ткаченко, но какъ онъ чтитъ грамотность.

Да, письменныя работы, лежащія предъ нами, доказываютъ, что для учившагося крестьянина школа и грамота—святое дѣло. Вдумайтесь, напримѣръ, и прочувствуйте слѣдующія строки, написанныя крестьяниномъ 21 года отъ роду, И. Принцевскимъ, 10 лѣтъ тому назадъ учившимся всего двѣ зимы: «У меня нѣтъ книги, чтобы читать, но у меня грамота съ думки не сходитъ,—постоянно про нее думаю». Когда бы такъ «съ думки не сходила грамота» у тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ то, чтобъ у Принцевскаго была книга!... «Ученье—свѣтъ и красота», пишетъ крестьянинъ 23 лѣтъ Зубатенко. Тутъ не стало дѣло и за пословицами, приводимыми въ сочиненіяхъ: «за грамотнаго двухъ неграмотныхъ даютъ, да и то не берутъ»; «ученье—свѣтъ, неученье—тьма»; «я уже прожилъ 20 лѣтъ и ничего лучшаго не нахожу, какъ грамота», пишетъ крестьянинъ Жарикъ. А прислушайтесь къ трогательной исповѣди 24 лѣтняго Д. Кононенко, 9 лѣтъ тому назадъ оставившаго школу: «случается, неграмотный придетъ и начинаетъ меня просить написать письмо, куда ему понадобится, и будто бы мнѣ становится весело и хорошо, и до тѣхъ поръ (то-есть до такой степени) весело, что не знаю, кому благодарить, роднымъ ли, или нашему Императору Александру Николаевичу 2-му за то, что Онъ намъ далъ хотя маленькую часть науки, а теперь вѣчная память нашему Императору Александру Николаевичу». Вы видите, читатель, что въ настоящее время не одна интеллигенція, которую извѣстная часть печати старается выставить преступною, мечтаетъ объ осуществленіи и дальнѣйшемъ развитіи принциповъ минувшаго царствованія: такъ разсуждаетъ и крестьянинъ, вознося свою молитву къ Богу, въ такую минуту, когда сердце у него бьется сильнѣе при воспоминаніи о томъ, что его обучили грамотѣ. — Чтобы покончить съ вопросомъ, какъ высоко нашъ народъ ставитъ грамотность, я приведу подлинныя выраженія крестьянина села Ѳедоровки, Александровскаго уѣзда, Т. И. Терещенко, которому теперь 37 лѣтъ, который грамотѣ въ школѣ не учился, но весьма изрядно пишетъ, добившись грамотѣ самъ, какъ самоучка; въ настоящее время онъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоитъ въ высшей степени усерднымъ попечителемъ школы, присутствовалъ при испытаніи грамотной молодежи и, по просьбѣ моей, согласился написать въ отдѣльной комнатѣ письменную работу на заданную мною тему о пользѣ грамоты. Т. И. Терещенко пишетъ: «Неграмотному очень трудно живется на свѣтѣ... Онъ—тёмное существо, потому что его всякій злоумышленникъ можетъ обмануть. *Гдѣ*

больше грамотныхъ, тамъ и порядокъ... Это есть святой и великій человѣкъ, кто грамоту выдумалъ, и благодарю такихъ людей, которые горячо принимаются за дѣло съ грамотой». Еслибы вся наша интеллигенція, отъ которой зависятъ судьбы народной школы, могла услышать это простое, искреннее слово самоучки, попечителя школы, и понять хоть то, что ей выгодно вызвать въ крестьянахъ благодарность за попеченіе о ихъ школѣ!...

Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ столько твердили о томъ, что народная школа не воспитываетъ, а развращаетъ, и что стóитъ только прикоснуться къ ней земству для того, чтобы крестьяне-собственники, въ душу которыхъ глубоко запала любовь къ Богу и Царю, превратились въ «нигилистовъ»,—что особенный интересъ представляютъ тѣ указанія разсматриваемыхъ нами письменныхъ работъ, которыя останавливаются на томъ, на сколько и какъ крестьяне воспитаны школою въ то злополучное время, когда еще не полицейскіе и бюрократы, но педагоги и земскіе люди завѣдывали народною школою. Указанія на этотъ счетъ чрезвычайно многочисленны, но мы начнемъ съ того, на которомъ чаще другихъ останавливались сами писавшіе о пользѣ грамоты во время испытанія. Начнемъ съ отношенія школы къ религіи. При этомъ нужно знать, что и по настоящее время далеко не во всѣхъ школахъ Александровскаго уѣзда удалось склонить священниковъ, поставленныхъ такъ, что они не могутъ быть проповѣдниками и миссіонерами, къ преподаванію закона Божія; лѣтъ же 15 тому назадъ, когда поступали въ школы весьма многіе изъ нихъ, письменныя работы которыхъ мы изучаемъ въ настоящее время, дѣло было на столько ново, что настоянія земства о преподаваніи закона Божія были еще менѣе успѣшны, а потому все то, что отражается теперь въ письменныхъ работахъ по отношенію къ религіи и нравственности, всецѣло падаетъ на отвѣтственность того развращавшаго народъ земства, которое министерство графа Толстаго старалось оттереть отъ народной школы, и тѣхъ народныхъ учителей, которые, какъ не состоявшіе подъ наблюденіемъ инспекторовъ-жандармовъ, заражали своихъ питомцевъ своею неблагонадежностію. — Для того, чтобы результаты такой растлѣвающей системы, отъ которой спасалъ Россію графъ Толстой, стали еще болѣе очевидными, я остановлюсь, прежде всего, спеціально на селѣ Майорскомъ, Маріупольскаго уѣзда, такъ какъ въ этомъ селѣ школа существуетъ 14 лѣтъ и за все это время никогда не преподается законъ Божій священникомъ, а въ школѣ перемѣнилось 5 учителей. Что же оказывается?—Изъ 26 взрослыхъ грамотныхъ, писавшихъ во время своего испытанія сочиненіе, 17 упомянули о томъ, что одна изъ существеннѣйшихъ услугъ, оказанныхъ имъ школою, состоитъ въ томъ, что она *научила ихъ молиться Богу*; такъ высказалось почти 70% экзаменовавшихся, конечно, безъ предварительнаго уговора, или наставленія, такъ какъ тема, на которую предстояло писать, никому не была извѣстна. Такое отношеніе учившихся крестьянъ

къ закону Божію объясняется тѣмъ, что земскими руководителями школъ были приняты мѣры къ тому, чтобы во всѣхъ школахъ, независимо отъ того, преподается ли законъ Божій священникомъ, или нѣтъ, отвѣтственность за знаніе учениками молитвъ лежала на учителяхъ. Кромѣ того въ то время въ старшемъ классѣ читалась, составленная мною, книга для чтенія «Нашъ другъ» *), нѣсколько статей которой знакомили дѣтей съ главнѣйшими эпизодами земной жизни Спасителя и которая въ послѣдніе три года всячески изгонялась изъ школъ министерствомъ графа Толстаго, несмотря на то, что она одобрена *тремя* учеными комитетами, — вслѣдствіе одной нелѣпой статьи въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, умудрившейся открыть въ «Нашемъ другѣ» матеріализмъ, нигилизмъ и еще какіе-то другіе «измы». Присмотримся же теперь къ тому, что пишутъ наши нигилисты, атеисты, матеріалисты, анархисты и прочіе. Одинъ изъ нихъ пишетъ, напримѣръ: «мы учились для того, чтобы не забывали въ церковь ходить и знали законъ Божій»; другой: «чтобы мы знали молиться за Царя»; третій: «я въ школѣ узналъ, что нужно всѣхъ любить, даже и враговъ своихъ»; «въ воскресенье грамотный не будетъ спать,—пишетъ 20 лѣтній крестьянинъ Л. Федько, или что-нибудь худое дѣлать, а возьметъ книгу и будетъ читать божественныя книги»; 20-ти лѣтній крестьянинъ П. Верба пишетъ: «я научился за три зимы Богу молиться и, также, что никого не надобно трогать». «Еслибы я въ школу не ходилъ, то я не зналъ бы, какъ честно себя вести»; «мы научились въ школѣ почитать отца и мать»; «я научился отца кормить»... Вотъ какого нигилизма достигли земства въ народной школѣ и вотъ для спасенія отъ какихъ бѣдъ понадобились инспектора-жандармы!

Хоть я и успѣлъ уже доказать подлинными выраженіями письменныхъ работъ, что питомцы народной школы, ставъ взрослыми, оцѣнили не только утилитарное, но и воспитательное значеніе школы, но въ этомъ послѣднемъ отношеніи моя задача еще далеко не исчерпана,—на столько многочисленны въ экзаменаціонныхъ работахъ отрадные слѣды того, что народная школа не только обучаетъ, но и воспитываетъ. Такъ, напримѣръ, перечитывая работы, нерѣдко встрѣчался я съ доказательствами того, что толковая земская школа развила въ крестьянахъ чувства собственнаго достоинства; такую оцѣнку школѣ даютъ, по крайней мѣрѣ, сами учившіеся въ ней крестьяне. Послушайте: «школа научила насъ *уважать другъ друга* и старшихъ»; «еслибы я не могла считать,—пишетъ одна изъ чрезвычайно немногочисленныхъ дѣвушекъ, явившихся на испытаніе,—то мнѣ было бы очень совѣстно». Прислушаемся къ повѣствованію бердянскаго 16-ти лѣтняго крестьянина, И. Васильева: «мы стали здравствоваться со всякимъ человѣкомъ, а то, бывало, идетъ человѣкъ, а ты

*) Пользуюсь случаемъ, чтобы сообщить друзьямъ моей книги, что въ скоромъ времени поступитъ въ продажу 8-е *иллюстрированное* изданіе, совершенно переработанное.

боишься его, какъ будто онъ будетъ тебя бить». Еще въ большія подробности вдается ѳедоровскій крестьянинъ (Алекс. уѣзда) 32 лѣтъ: «По моему разсудку, прежде мы были неотесанные рубанки и каждый, встрѣчавшій насъ, призывалъ насъ къ себѣ: «эти ты, ходи сюда, Грицко!»—А теперь совсѣмъ иначе: очистивши гортань, призываетъ: «позвольте, милостивый государь, прошу не обидѣться, Григорій Андреевичъ...» Теперь не такъ сталъ обходиться человѣкъ съ человѣкомъ, а потому, что мы научились грамотѣ и стали болѣе развитыми». Самое званіе «грамотный» настолько поднимаетъ чувство собственнаго достоинства въ глазахъ народа, что 16-ти лѣтній И. Тарасьевъ пишетъ: «если кто-нибудь спроситъ меня: вы грамотны, или нѣтъ,—то я могу сказать: грамотный». А вдумайтесь въ полную достоинства рѣчь крестьянина Е. Линнака, 21 года, который десять лѣтъ тому назадъ въ теченіе четырехъ зимъ посѣщалъ школу: «нужно почитать тѣхъ, кто постарше тебя, если они научаютъ хорошему дѣлу; если же я буду научать хорошему дѣлу, а онъ нехорошему, то онъ долженъ *меня слушать и почитать*». Такимъ образомъ учившаяся молодежь сознаетъ, что ей предстоитъ перевоспитывать взрослыхъ подъ вліяніемъ свѣта, вынесеннаго ею изъ школы.

Крестьянинъ Литвиненко, 25 лѣтъ, 11 лѣтъ тому назадъ оставившій школу, прямо заявляетъ въ своей письменной работѣ: «я и другихъ научилъ грамотѣ и очень благодарятъ меня за мое стараніе». «Если грамотный прочтетъ какую-нибудь книгу, то неграмотный и вѣритъ»—такъ пишетъ 19-ти лѣтній Л. Джихировъ, греческій поселенецъ, но мысль его вѣрна для всѣхъ національностей и приводится далеко не въ одной письменной работѣ. Въ какомъ же направленіи повліяютъ грамотные на неграмотныхъ?—Они передадутъ имъ весь тотъ образъ мыслей, который я старался обрисовать выше подлинными словами экзаменовавшихся; они поселятъ въ нихъ симпатію къ школѣ и наукѣ. Такъ многіе изъ писавшихъ сочиненіе на экзаменѣ заявляютъ о томъ, что они желали бы продолжать свое образованіе, но нисколько не чуждаясь, при этомъ, своей земледѣльческой профессіи. Такъ греческій поселенецъ И. Малтабаровъ, 21 года, который при поступленіи въ школу 11 лѣтъ тому назадъ не зналъ и не понималъ ни слова по-русски, а въ теченіе 5 зимъ обучался въ народной школѣ, разсказываетъ въ своемъ сочиненіи: «я хотѣлъ было послѣ экзамена (въ народной школѣ) въ высшее училище, но не пришлось; но это ничего, по-моему, что я теперь занимаюсь хлѣбопашествомъ, — вѣдь и на это дѣло грамота нужна». Вотъ еще и другой отзывъ взрослаго крестьянина, ведущаго обширное хозяйство; онъ учился только въ народной школѣ, хозяйствомъ своимъ занимается усердно, а школѣ и дальнѣйшему образованію сочувствуетъ настолько горячо, что пишетъ: «благодарю покорно васъ, Н. А. К., что вы пріѣхали къ намъ; теперь и я буду знать, что на бѣломъ свѣтѣ не убавляется грамота, а все идетъ выше». Такъ высказался 24-хъ лѣтній крестьянинъ С. Павлен-

ко, письменную работу котораго я привожу ниже сполна въ числѣ тѣхъ лучшихъ работъ, на которыхъ я желалъ бы остановить вниманіе читателей. — Заключимъ наконецъ обзоръ содержанія 423 письменныхъ работъ подростающей и взрослой крестьянской молодежи указаніемъ на то, что многіе остановились на возможности сближенія крестьянина съ интеллигенціею—благодаря грамотѣ; такъ, одинъ пишетъ, напримѣръ: «теперь я могу говорить съ людьми», а другой: «еслибы мы грамотѣ не знали, то мы не понимали бы, что намъ говорятъ грамотные люди».

Я думаю, что и самый разочарованный скептикъ, и самый отчаянный пессимистъ едва ли рѣшатся оспоривать производительность народной школы, даже при всѣхъ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, тяготѣвшихъ до сихъ поръ надъ школой и надъ питомцами ея по окончаніи обученія, если только они отнесутся безпристрастно къ моему документальному отчету о томъ, какъ учившіеся крестьяне относятся къ грамотѣ. Но дѣло это слишкомъ серьезно для того, чтобы не вдаться въ большія подробности и не постараться выяснить поточнѣе, каковъ образовательный уровень крестьянъ послѣ пяти-шести и болѣе того лѣтъ, проведенныхъ внѣ школы, внѣ всякаго общенія съ книгой и образованными людьми; необходимо поточнѣе выяснить, что они еще знаютъ въ настоящее время и что ими уже забыто, чтобы доказать, насколько необходимы немедленныя мѣры къ тому, чтобы грамота не забывалась.

Для того, чтобы совсѣмъ покончить съ письменными работами, изученію которыхъ мы уже посвятили столько времени, я остановлюсь теперь же на успѣхахъ экзаменовавшихся въ письмѣ. Какъ я уже о томъ упоминалъ и какъ видно изъ моей вѣдомости въ концѣ статьи, къ которой я и отсылаю читателя по всѣмъ затрогиваемымъ мною вопросамъ педагогической статистики,—по счастію, огромное большинство учившихся Александровскаго и Бердянскаго уѣздовъ оказались способными изложить свою мысль на бумагѣ; такихъ оказалось въ Бердянскомъ уѣздѣ, гдѣ земство не располагало спеціалистомъ-педагогомъ въ своей средѣ и гдѣ оно было особенно несчастливо на инспекцію, почти 74%, а въ Александровскомъ уѣздѣ, школы котораго существовали при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, почти 90% при томъ условіи, что въ Александровскомъ уѣздѣ экзаменовавшіеся оказались почти на три года *среднимъ счетомъ* старше бердянскихъ и что поэтому и промежутокъ времени отъ выпуска изъ школы до экзамена оказался тутъ гораздо значительнѣе, хотя оба уѣзда положительно сближаются въ томъ, что изъ всѣхъ сочиненій оказались весьма удовлетворительными только приблизительно 22%, хотя справедливо и то, что въ Бердянскомъ уѣздѣ обученіе продолжалось среднимъ счетомъ 4,1 зимы, а въ Александровскомъ—только 3,3 зимы. Но дѣло здѣсь не въ оцѣнкѣ школъ обоихъ уѣздовъ, а въ томъ, что если принять въ разсчетъ продолжительность обученія и лучшія педагогическія силы, то оба уѣзда окажутся въ равныхъ условіяхъ, такъ какъ недо-

статки восполнятся преимуществами, а результаты окажутся равными. Только эту группу сочиненій съ отмѣткою «весьма удовлетворительно», выражавшуюся на листкахъ цифрами 4 и 5, и можно признать вполнѣ отраднымъ результатомъ отъ народной школы, если не по грамматической грамотности, то по толковости изложенія, относительному элементарнѣйшему правописанію и развитію писавшихъ. Группа сочиненій съ отмѣткою «удовлетворительно» въ обоихъ уѣздахъ менѣе многочисленна группы посредственныхъ письменныхъ работъ и въ большинствѣ случаевъ представляетъ сочиненіе, занявшее не двѣ, а одну лишь страницу. Къ числу «посредственныхъ» письменныхъ работъ мы отнесли въ обоихъ уѣздахъ такія работы, которыя, часто состоя только изъ двухъ или трехъ толковыхъ предложеній на заданную тему, доказали, что написавшіе ихъ пишутъ не только подъ диктовку, но въ состояніи изложить на бумагѣ свою мысль, слѣдовательно и написать письмо и, вообще, пользоваться искусствомъ письма, какъ силой, хотя бы и не безъ нѣкотораго затрудненія. Въ Александровскомъ и Маріупольскомъ уѣздахъ такія посредственныя работы, которыя тѣмъ не менѣе свидѣтельствуютъ о толковой и сознательной грамотности, составляютъ меньшинство (42%), а большинство работъ исполнено удовлетворительно или даже весьма удовлетворительно спустя пять и гораздо болѣе того лѣтъ по прекращеніи обученія писавшихъ. Въ Бердянскомъ уѣздѣ посредственныя работы составляютъ 56% всѣхъ состоявшихся работъ, а 44% удовлетворительныхъ и весьма удовлетворительныхъ; но важно то, что и въ Бердянскомъ уѣздѣ только 16% оказалось такихъ крестьянъ, которые не были въ состояніи изложить свою мысль на бумагѣ во время испытанія, а въ Александровскомъ и Маріупольскомъ уѣздахъ такихъ оказалось только 10%.

Правда, что нуженъ умѣлый глазъ для педагогической оцѣнки этихъ письменныхъ работъ, которыя, по отсутствію во многихъ изъ нихъ знаковъ препинанія и обилію орѳографическихъ ошибокъ, неумѣлому наблюдателю могутъ легко показаться просто жалкими, безграмотными произведеніями. Но человѣкъ, знающій русскую жизнь и русскую школу, вмѣстѣ съ нами порадуется тому, что вмѣсто *механическаго* списыванія, которое достигалось лишь *немногими* въ «старой школѣ» послѣ многихъ и многихъ лѣтъ обученія, «новая школа» обучаетъ *всѣхъ* за три зимы, часто за двѣ лишь зимы, *сознательному* письму, т. е. возможности выразить *свою или чужую мысль*, а не только звукъ, посредствомъ письма и то не въ день выпуска, но пять - двѣнадцать лѣтъ позже. Для того, чтобы дать надлежащую цѣну этому результату, стоитъ дать себѣ отчетъ не только въ томъ, какой ничтожный періодъ обученія представляютъ три зимы, но и въ томъ, какъ мало упражняются крестьяне въ письмѣ послѣ школы. Моя вѣдомость въ концѣ статьи отчасти выясняетъ этотъ вопросъ, такъ какъ изъ нея видно, какое ничтожное число лицъ изъ всего числа экзаменовавшихся взрослыхъ пишутъ письма, а подпись сво-

его имени на общественномъ приговорѣ нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать упражненіемъ въ письмѣ. Въ этомъ отношеніи всѣ три уѣзда весьма близко сходятся, такъ какъ въ числѣ явившихся на испытаніе взрослыхъ оказалось въ Александровскомъ и Маріупольскомъ уѣздахъ только 33% такихъ, которымъ за цѣлый годъ случилось написать хоть по одному письму; въ Бердянскомъ уѣздѣ, какъ отличающемся большимъ благосостояніемъ и болѣе оживленною торговлей, такихъ оказалось 41%, а остальные во всѣхъ трехъ уѣздахъ... Остальные, т.-е. большинство, не написали за 12 мѣсяцевъ *ни одного письма*; у этого большинства не водится дома, какъ показали отвѣты, данные на этотъ вопросъ мой на экзаменаціонныхъ листкахъ, чернилъ и бумаги. Устройство складовъ писчей бумаги въ селахъ могло бы значительно и весьма благотворно повліять на дѣло, такъ какъ въ настоящее время, при общемъ паденіи сельскихъ ярмарокъ, крайне нерѣдко крестьянинъ можетъ добыть себѣ бумаги только въ отдаленномъ городѣ; само собою разумѣется, что нужны еще при этомъ деньги на то, чтобы купить бумаги и на оплату почтовой пересылки письма.

При отсутствіи упражненія въ письмѣ послѣ школы не мудрено ему разучиться, а потому, не ограничиваясь уже сдѣланнымъ мною указаніемъ на то, что въ общемъ результатѣ обученіе письму, вопреки неблагопріятнѣйшей обстановкѣ, оказывается весьма производительнымъ для большинства, присмотримся поближе, кто именно разучивается письму, благодаря отсутствію упражненія послѣ школы. Для этого обратимся къ письменнымъ работамъ трехъ уѣздовъ съ отмѣтками «0» и «1», т. е. къ тѣмъ листкамъ, на которыхъ вовсе или почти не оказалось сочиненія на тему о пользѣ грамоты. Кто разучивается?—Всѣ или почти всѣ, только *одну* зиму посѣщавшіе школу, многіе изъ тѣхъ, которые обучались лишь *двѣ* зимы, и весьма немногіе изъ тѣхъ, которые обучались не менѣе трехъ зимъ или болѣе. Такъ, для Александровскаго и Маріупольскаго уѣздовъ 36 лицъ, не написавшихъ сочиненія во время экзамена, распредѣляются по времени обученія слѣдующимъ образомъ: одну зиму обучались восемь человѣкъ, двѣ зимы—двѣнадцать, а 16 изъ 36 обучались три зимы, какъ огромное большинство лицъ, вообще явившихся, по моему приглашенію, для провѣрки ихъ свѣдѣній. Еще гораздо точнѣе выясняется дѣло по въ высшей степени интересной вѣдомости, составленной для Бердянскаго уѣзда К. В. Ковалевскимъ, расположившимъ всѣхъ, явившихся къ нему на испытаніе, по группамъ, сообразно продолжительности обученія ихъ, отъ двухъ зимъ до шести зимъ обученія. По даннымъ этой вѣдомости я вычислилъ, что не написали сочиненія во время экзамена изъ числа 21 ученика, только двѣ зимы посѣщавшихъ школу, 61%; затѣмъ для крестьянъ, три зимы посѣщавшихъ училище, число разучившихся сознательному письму или значительно ослабѣвшихъ въ немъ круто понижается уже до 33%; но и этотъ процентъ высокъ и объясняется вѣроятно тѣмъ,

что относительное благосостояніе крестьянъ дало возможность бердянскому земству организовать четырехлѣтній курсъ, а не трехлѣтній въ народной школѣ. Изъ 65 грамотныхъ, *четыре* зимы обучавшихся, только 3% не написали сочиненія во время испытанія; изъ 20 же лицъ, обучавшихся въ школѣ пять-шесть зимъ (такихъ случаевъ въ селахъ обыкновенно вовсе не бываетъ), не оказалось и одного, который разучился бы сознательности письма. Для бюрократа выводъ изъ этого крайне простъ: «предписать крестьянамъ обучать своихъ дѣтей не менѣе четырехъ зимъ, такъ какъ наблюденія показали, что только такой періодъ обученія болѣе или менѣе гарантируетъ противъ рецидивизма въ неграмотность». Но «предписать» крестьянину разбогатѣть—нельзя, а потому трехлѣтній или вѣрнѣе трехзимній курсъ и останется нормальнымъ для огромнаго большинства мѣстностей Россіи, за исключеніемъ такихъ счастливыхъ мѣстностей, каковъ Бердянскій уѣздъ. Существуетъ другое средство бороться съ рецидивизмомъ, не идущее въ разрѣзъ съ экономическимъ уровнемъ страны, но мы укажемъ на него ниже. Теперь же намъ остается вдуматься въ то, что иногда разучиваются грамотѣ на столько, что крестьяне, прошедшіе чрезъ школу, не въ состояніи даже подписать свою фамилію. Такіе оказались во всѣхъ трехъ разсматриваемыхъ нами уѣздахъ; но, къ счастію, ихъ весьма мало, гораздо меньше, нежели такихъ, которые подписались правильно, но не были въ силахъ исполнить письменную работу; такихъ учившихся крестьянъ, которые не въ состояніи подписаться и обозначить названіе своего села, годъ, мѣсяцъ и число (эти двѣ степени знанія почти всегда совпадаютъ), оказалось въ Бердянскомъ уѣздѣ 12% всего числа грамотныхъ, явившихся на испытаніе, а въ Маріупольскомъ и Александровскомъ уѣздахъ только 4%. Но неужели и этихъ несчастныхъ не жаль, какъ не жаль и общаго пониженія уровня знаній всѣхъ учившихся крестьянъ вслѣдствіе притупляющаго вліянія жизни? Неужели земство остановится на полпути, вмѣсто того, чтобы безъ всякой затраты, или при самой лишь ничтожной, оградить знанія своихъ питомцевъ и послѣ школы?... Но объ этомъ рѣчь впереди, а теперь перейдемъ къ успѣхамъ по остальнымъ предметамъ обученія. Впрочемъ, предварительно я приведу полностію три письменныя работы, по одной на уѣздъ, для того, чтобы показать, чего достигаютъ теперь лишь наиболѣе способныя личности и что должно стать доступнымъ большинству, если земство организуетъ *для учившихся воскресныя повторительныя* школы и читальни.

Изъ всѣхъ работъ грамотныхъ Маріупольскаго уѣзда я избираю сочиненіе крестьянина села Майорскаго, С. К. Павленко, потому, что ему уже 24 года, что онъ обучался всего три зимы за всю свою жизнь, и то десять лѣтъ тому назадъ, а въ настоящее время женатъ и, какъ я уже имѣлъ случай упомянуть объ этомъ, ведетъ обширное хозяйство. Изъ книгъ у него нѣтъ никакой, кромѣ Евангелія на русскомъ языкѣ, три ты-

сячи экземпляровъ котораго, по моему ходатайству, были высланы въ уѣздъ и розданы, подъ росписку учениковъ, Русскимъ Библейскимъ Обществомъ лѣтъ одиннадцать тому назадъ; чернилъ и бумаги у Павленко не водится; за 12 мѣсяцевъ онъ не написалъ ни одного письма; въ семьѣ его есть одинъ грамотный, кромѣ него самого. Но Павленковъ нѣкоторое время по окончаніи курса помогалъ учителю въ обученіи новичковъ.—На экзаменѣ, мною теперь произведенномъ, онъ безошибочно написалъ продиктованное мною число до милліоновъ, безошибочно рѣшилъ задачу на сложеніе и вычитаніе, безошибочно вычислилъ письменно, сколько вершковъ въ 25 верстахъ, а чтеніемъ поразилъ меня, такъ какъ читаетъ никакъ не хуже *хорошо* читающаго (а не всѣ таковы) гимназиста третьяго класса. Вотъ его письменная работа, которую я привожу отъ слова до слова, измѣняя лишь правописаніе. Самую работу, какъ и остальныя двѣ, приводимыя ниже, высылаю, впрочемъ, подлинникомъ въ редакцію.

«Грамота сдѣлала то добро для меня, что я научился молиться Богу и что я буду почитать своихъ родителей, во-первыхъ, отца и мать, по повелѣнію пятой заповѣди. А также научаетъ меня грамота, чтобы чужаго не брать, не обижать никого, не только чтобы у человѣка не уворовать, но и не обидѣть его грубыми словами; а еще для того полезна, какъ случится писать къ роднымъ, то не буду просить никого и платить не буду никому и, если за кого распишусь, то спасибо получу отъ человѣка. И теперь я охочусь ходить въ классъ, но только по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, потому что если буду знать больше, то это не убытокъ. Благодарю покорно васъ, Н. Ал., К., что вы пріѣхали къ намъ; теперь и я буду знать, что на бѣломъ свѣтѣ не убавляется грамота, а все идетъ выше». Эта работа написана умѣлымъ, вполнѣ удовлетворительнымъ и четкимъ почеркомъ.

Изъ письменныхъ работъ трехъ селъ Александровскаго уѣзда, мною на этотъ разъ посѣщенныхъ, я останавливаюсь, какъ на одной изъ лучшихъ, на сочиненіи 19-лѣтняго крестьянина села Ѳедоровки, М. И. Колесниченко, обучавшагося въ теченіе пяти зимъ, шесть лѣтъ тому назадъ, и по успѣхамъ, во всѣхъ отношеніяхъ, не только не отстающаго отъ Павленко, но скорѣе превосходящаго его. Но и обстановка его иначе: такъ, въ рубрикѣ о книгахъ онъ пишетъ: «молитвенникъ и другихъ много», а чернила и бумага у него въ домѣ водятся постоянно и писемъ написалъ онъ за годъ «много». Экзаменаціонную работу свою Колесниченко озаглавилъ такъ: «Грамота» и затѣмъ продолжаетъ: «Въ простонародіи и до сихъ поръ еще есть разсказы, что, молъ, за польза съ грамоты,—хлѣбомъ кормить не будетъ! Но нѣтъ, я всегда противъ этого; я уже шесть лѣтъ, какъ вышелъ изъ школы; первоначально, по выходѣ изъ школы, когда мнѣ было 13 лѣтъ, я почти не обращалъ на грамоту вниманія, а теперь, какъ мнѣ въ жизни уже пришлось сталкиваться съ счетоводствомъ, чтеніемъ и письмомъ, я благодарю отца моего, который обу-

чилъ меня, а также человѣка, который выдумалъ эту грамоту: грамота мнѣ въ хозяйствѣ приноситъ большую пользу; меня уже не обсчитаетъ ни торговецъ, и ни кто другой въ этомъ родѣ; мнѣ также приходится читать новости и другія, приносящія для меня пользу, книги»... Тутъ очевидно не стало мѣста на экзаменаціонномъ листкѣ для того, чтобы продолжать и закончить сочиненіе, разсчитанное Колесниченко по широкому плану; переписывая теперь эту работу, слогъ которой носитъ на себѣ очевидные слѣды прочитаннаго, я не измѣнилъ ни одного выраженія; но мнѣ пришлось исправить немногія лишь орѳографическія ошибки, такъ какъ и въ этомъ отношеніи работа Колесниченко гораздо выше первой изъ приведенныхъ мною работъ.

Изъ письменныхъ работъ Бердянскаго уѣзда я лишенъ возможности привести работу взрослаго крестьянина, такъ какъ бердянскія школы сравнительно еще молоды и потому большинство явившихся на испытаніе къ К. В. Ковалевскому оставили школу лишь четыре года тому назадъ. Представьте же себѣ, читатель, что *лучшая* работа по всѣмъ тремъ уѣздамъ принадлежитъ бердянскому крестьянину села Астраханки, И. И. Тимоѳееву, которому теперь только 14 лѣтъ, который уже четыре (sic!) года тому назадъ оставилъ школу, гдѣ онъ учился четыре зимы, и который, *десяти* лѣтъ отъ роду переставъ учиться, провелъ все время съ тѣхъ поръ въ пастухахъ при овцахъ и въ погоничахъ при волахъ. Но Тимоѳееевъ—изъ многочисленной семьи молоканъ, въ которой 11 грамотныхъ; онъ пишетъ письма. А прiсмотритесь къ его книгамъ: Евангеліе, сочиненія Виктора Гюго и Майнъ-Рида! Экзаменаторъ въ подписи на экзаменаціонномъ листкѣ удостовѣряетъ въ томъ, что Тимоѳееевъ помнитъ прочитанное и понялъ его; но какой толкъ вышелъ бы изъ этого даровитаго существа, еслибы направить его на чтеніе книгъ гораздо болѣе ему нужныхъ и полезныхъ, чѣмъ сочиненія Виктора Гюго, какимъ-нибудь случаемъ занесенныя въ глушь молоканскаго села, молодежь котораго, впрочемъ, развивается гораздо быстрѣе и лучше православной крестьянской молодежи, такъ какъ присутствуетъ при религіозныхъ диспутахъ взрослыхъ. Читаетъ этотъ подростающій человѣкъ, имѣвшій несчастіе покинуть школу уже въ десятилѣтнемъ возрастѣ, блистательно; очень быстро рѣшаетъ умственно довольно трудныя задачи, письменно вычисляетъ безошибочно довольно сложныя задачи на четыре дѣйствія, не говоря уже о томъ, что не ошибается, писавши числа, до милліоновъ. Прiсмотритесь же къ тому, какъ онъ пишетъ и какое развитіе, какую высоту полета обнаруживаетъ для четырнадцатилѣтняго мальчика, уже четыре года не посѣщающаго школы, его письменная работа: «Какую пользу приноситъ грамота?—Если человѣкъ грамотный, то онъ бываетъ умнѣе; онъ если постоянно читаетъ, то знаетъ все, что было въ Россіи за сто и двѣсти лѣтъ тому назадъ; онъ знаетъ тѣ времена, въ которыя жили великіе люди, которые прославились своими добрыми дѣлами и полезными для отечества;

онъ можетъ знать тѣхъ бывшихъ великихъ царей, которые сдѣлали много добра и пользы своимъ подданымъ; вспоминая же про ихъ дѣла и славу, онъ будетъ стараться быть полезнымъ, чтобъ и его имя было произнесено въ строкахъ исторіи. Если ему нужно прочесть и написать письмо, то все это онъ можетъ самъ. Да, это неоспоримо, что наука полезна!» Такъ разсуждаетъ, повторяю, четырнадцатилѣтній пастушокъ, уже съ десяти лѣтъ *переставшій* учиться; а что-бъ изъ него вышло, еслибъ онъ лѣтъ шесть еще походилъ всякую зиму, по воскресеньямъ только, часа на три въ воскресную повторительную школу, да еслибъ онъ могъ располагать библіотекой, которая самимъ выборомъ предлагаемыхъ книгъ могла бы совершить его образованіе?... Во всей этой работѣ встрѣчается всего одна орѳографическая ошибка.

Покончивъ съ письменными работами и вопросомъ о письмѣ взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ, перейдемъ къ успѣхамъ ихъ по чтенію и счету. Успѣховъ по закону Божію, который мы считаемъ однимъ изъ существеннѣйшихъ предметовъ въ программѣ народнаго училища, если курсъ этотъ воспитываетъ и развиваетъ умъ и сердце,—я не касаюсь, такъ какъ наши законы до сихъ поръ, къ сожалѣнію, понимаютъ огражденіе чистоты вѣры въ смыслѣ полнаго разобщенія религіознаго обученія общества и въ смыслѣ предоставленія лишь одному сословію духовныхъ права контроля надъ тѣмъ, какъ происходитъ въ школахъ религіозное воспитаніе нашихъ дѣтей.

Что касается чтенія, то числовыя данныя, къ нему относящіяся, гораздо благопріятнѣе письма: не говоря уже о томъ, что число машинально читающихъ гораздо менѣе значительно, по всѣмъ тремъ разсматриваемымъ уѣздамъ, числа лицъ, которыя не были въ состояніи написать во время экзамена сочиненія на тему о пользѣ грамоты,—въ вѣдомости вовсе не показано лицъ, вполнѣ разучившихся механизму чтенія. Впрочемъ, дѣло здѣсь и не въ процентѣ чтенія, а въ томъ, для многихъ ли изъ учившихся крестьянъ чтеніе утратило силу средства къ дальнѣйшему образованію. Несомнѣнно для всѣхъ, что читающихъ машинально, то-есть не понимая того, что они читаютъ, по счастію, весьма немного: только 6% всего числа читавшихъ въ четырехъ селахъ Бердянскаго уѣзда и 8% числа читавшихъ въ шести селахъ Маріупольскаго и Александровскаго уѣздовъ, гдѣ, какъ мы видѣли, обученіе продолжалось, въ свое время, одною зимою менѣе, нежели въ Бердянскомъ уѣздѣ, и гдѣ, *среднимъ счетомъ*, отъ времени оставленія школы до повѣрки познаній взрослыхъ прошло полтора года болѣе.—Для того, чтобы читатель могъ соединить какое-нибудь опредѣленное представленіе съ выраженіями вѣдомости: «удовлетворительно», «посредственно» и «весьма удовлетворительно» читающіе,—я долженъ повторить, что, въ виду неблагопріятности условій, мы избрали снисходительный масштабъ, а потому сочли «удовлетворительно» читающимъ всякаго изъ взрослыхъ грамотныхъ, который читалъ, какъ средній ученикъ

втораго класса народной школы, т. е. двѣ зимы учившійся. Лица, чтеніе которыхъ названо нами «посредственнымъ», читали хуже, т. е. менѣе плавно и быстро указанной выше нормы; а въ числѣ «весьма удовлетворительно» читавшихъ встрѣчались такіе, которые читали не только не хуже выпускныхъ учениковъ народной школы, но и нерѣдко лучше ихъ, хотя и въ этой категоріи только меньшинство читали такъ, чтобы было пріятно ихъ послушать. Всѣ три категоріи, какъ ни слабо чтеніе «посредственныхъ», читаютъ вполнѣ *сознательно* и такихъ чтецовъ оказывается въ Бердянскомъ уѣздѣ 94%, а въ Александровскомъ и Маріупольскомъ уѣздахъ 93% всѣхъ взрослыхъ грамотныхъ, явившихся къ испытанію. Но едва ли не будетъ осторожнѣе исключить изъ числа лицъ, которыя извлекутъ пользу изъ своего чтенія, крестьянъ лишь «посредственно» читающихъ,—тѣмъ большее основаніе есть отнести ихъ къ числу разучившихся, что въ числѣ ихъ не мало лицъ по двѣ и по три зимы обучавшихся, т. е. читавшихъ въ школѣ несравненно лучше, нежели на испытаніи взрослыхъ. Но и за исключеніемъ «посредственно» и «машинально» читающихъ останутся для Маріупольскаго и Александровскаго уѣздовъ, согласно успѣхамъ, отмѣченнымъ въ вѣдомости, 77% *удовлетворительно* и *весьма удовлетворительно* читающихъ взрослыхъ, для которыхъ дѣло стоитъ только за книгою для того, чтобы грамотность ихъ была могучимъ средствомъ къ дальнѣйшему образованію. Для Бердянскаго же уѣзда эта цифра оказывается еще гораздо болѣе благопріятною, такъ какъ въ числѣ его чтецовъ оказывается 92% читающихъ удовлетворительно и весьма удовлетворительно, четыре года слишкомъ, *среднимъ счетомъ*, по оставленіи школы. При этомъ необходимо напомнить читателю о томъ, что на испытаніи взрослыхъ мы имѣли дѣло отнюдь не исключительно съ такими крестьянами, которые *доучились* въ школѣ, или получили свидѣтельство объ окончаніи курса, но со всѣми, прошедшими чрезъ школу и желавшими подвергнуться испытанію, по нашему приглашенію. Успѣхи по обученію чтенію объясняются, что касается сознательности чтенія, тѣмъ, что «новая школа», затрачивая на самое обученіе механизму чтенія, по звуковому методу, не болѣе двухъ мѣсяцевъ, вмѣсто десяти мѣсяцевъ, затрачивавшихся «старою школою»,—съ самаго перваго урока пріучаетъ вдумываться въ текстъ книги и поселяетъ въ своихъ питомцахъ навыкъ бесѣдовать съ книгой посредствомъ чтенія на столько же, на сколько «старая школа» укореняла въ ученикахъ привычку машинально выпѣвать по книгѣ, что она и называла чтеніемъ. Эта неоцѣненная услуга оказана народу земствомъ,—тѣмъ самымъ земствомъ, которое въ теченіе десяти лѣтъ признавалось элементомъ вреднымъ для народной школы... Но тотъ, кто искренно любитъ дѣло и народъ,—тотъ не предается самоуслажденію и не усыпляетъ себя благопріятными результатами, но, напротивъ, старается не упустить изъ виду недостатокъ. Вотъ почему и въ данномъ случаѣ слѣдуетъ не только порадоваться тому, что 84% (принимая въ разсчетъ

всѣ три уѣзда) учившихся въ школѣ, среднимъ счетомъ, пять лѣтъ раньше испытанія читаютъ на столько хорошо, что воскресная повторительная школа можетъ съ огромною пользой восполнять ихъ знанія, но и вспомнить о томъ, что вопреки всѣмъ условіямъ оказались «машинально» и «посредственно» читающіе,—такихъ не можетъ и не должно быть, такъ какъ сознательное, удовлетворительное чтеніе представляетъ тотъ минимумъ образованія, который можетъ и долженъ на всю жизнь стать удѣломъ всякаго, прошедшаго чрезъ начальную школу. Такою она и будетъ, если только земство убѣдится въ неизбѣжной необходимости собирать зимою учившихся крестьянъ для повторенія и усовершенія пройденнаго въ школѣ и устроитъ читальни.

Что читаютъ грамотные взрослые въ настоящее время, или у нихъ вовсе нѣтъ книгъ?—Признаюсь, что до тѣхъ поръ, пока я не получилъ при испытаніи взрослыхъ точнаго отвѣта на этотъ вопросъ, занесеннаго мною въ вѣдомость, я увѣренъ былъ въ томъ, что почти ни у кого нѣтъ ни одной книги, такъ какъ изъ жизни знаю, на сколько затруднительно проникнуть книгѣ въ село. Не мало пораженъ я тѣмъ, что изъ грамотныхъ взрослыхъ Маріупольскаго и Александровскаго уѣздовъ у значительнаго большинства, а именно у 86%, оказалось хоть по одной книгѣ у каждаго; въ Бердянскомъ уѣздѣ почти то же отношеніе—83% всѣхъ, явившихся къ испытанію, имѣющихъ книги. Это несомнѣнно и неопровержимо доказываетъ, что грамотный чувствуетъ потребность въ книгѣ. Такое заключеніе покажется намъ еще болѣе незыблемымъ, если мы припомнимъ, на сколько мы ознакомились съ этимъ выше, изъ письменныхъ работъ, съ какою любовью и благородною гордостію крестьянинъ относится къ своему научному крещенію и возрожденію въ школѣ. Безспорно также и то, что грамотные пользуются своими книгами: объ этомъ я сужу не только по немногимъ отдѣльнымъ случаямъ, мнѣ извѣстнымъ, но и по тому, какъ читаютъ взрослые долгое время спустя по окончаніи школы; не будь никакого упражненія, чтеніе значительно ослабѣло бы и ни въ какомъ случаѣ не дало бы для трехъ уѣздовъ указанныхъ нами выше результатовъ. Но, для выясненія этого важнѣйшаго вопроса, я позволю себѣ ввести читателя въ нѣкоторыя характеристическія частности: въ настоящее время меня часто посѣщаютъ четыре подростка, возрастомъ отъ 13 до 16 лѣтъ, уже давно переставшіе учиться, для того, чтобы брать у меня книги для чтенія и возвращать мнѣ прочитанныя. Никогда не позволяю я себѣ выдать новую книгу, не провѣривъ того, внимательно ли прочитана прежняя, и эта молодежь читаетъ на столько усердно, по количеству прочитываемаго, какъ дай Богъ читать и членамъ достаточной и образованной семьи. «Отечествовѣдѣніе»—Семенова, «Бесѣды о природѣ»—Зобова, «Исторія Петра Великаго»—Петрушевскаго, «Робинзонъ» Крузе, вся коллекція русскихъ авторовъ, изданная подъ общимъ заглавіемъ «Русская Библіотека», и многія другія книги прочитаны мо-

ими посѣтителями за шесть мѣсяцевъ. Двое изъ нихъ посѣщаютъ меня за двѣ версты отъ своего села. 14 апрѣля текущаго года я получилъ письмо за подписью шестерыхъ крестьянъ деревни Нескучной, моего мѣста жительства, обучавшихся отъ 8 до 12 лѣтъ тому назадъ, въ которомъ они заявляютъ, что они, прослышавъ, что я предполагаю собрать грамотныхъ для испытанія, рады были бы явиться въ школу въ назначенный день, но должны будутъ отлучиться для заработковъ, а потому просятъ меня, нельзя ли собрать ихъ отдѣльно, тотчасъ же. Они пишутъ, между прочимъ: «мы нынѣ совсѣмъ позабыли то, чему при васъ были изучены (вмѣсто «научены»); но мы рады были бы, еслибы вы позаботились о насъ, объ ученіи на будущую зиму, хоть изрѣдка повторять... Мы желали бы,—пишутъ эти почтенные люди, возрастомъ отъ 20 до 26 лѣтъ, — *чтобы вы надѣлили насъ хоть какою-нибудь книгою*». Вотъ какъ относится народъ къ книгѣ!... Закончу еще однимъ случаемъ: меня посѣтила единственная грамотная крестьянка въ селѣ, 11 лѣтъ тому назадъ учившаяся всего двѣ зимы и 6 лѣтъ тому назадъ вышедшая замужъ за грамотнаго крестьянина; оказалось, что она вполнѣ сознательно пишетъ и читаетъ, а на вопросъ мой, читаетъ ли она дома, она отвѣчала: «Забьюсь въ сарайчикъ, да и читаю такъ, чтобы никто не видалъ, а то вѣдь изъ бабъ у насъ грамотныхъ совсѣмъ нѣтъ, такъ мнѣ и совѣстно читать при другихъ». Еще разъ повторяю: вотъ какъ народъ относится къ чтенію и книгѣ. Послѣ этого особенно любопытно присмотрѣться къ тому, какими книгами располагаетъ грамотная крестьянская молодежь. И на этотъ вопросъ, какъ припомнитъ читатель, мы имѣемъ отвѣтъ въ экзаменаціонныхъ листкахъ, такъ какъ каждый обозначалъ на одной изъ заготовленныхъ строкъ названія *всѣхъ* книгъ, какими онъ обладаетъ.

Уже изъ того, что на каталогъ цѣлой семейной библіотеки отводилось мною всего по одной строкѣ, слѣдуетъ, что я ни у кого не ожидалъ встрѣтить книжнаго богатства. Дѣйствительно, изъ 350 взрослыхъ грамотныхъ, которыхъ я испытывалъ самъ, только *семь* человѣкъ затруднились перечислить на одной строкѣ крупнаго письма всѣ названія своихъ книгъ и написали: «много». У остальныхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, по одной, по двѣ книги; у очень многихъ нѣтъ никакой книги, кромѣ молитвенника, и почти у всѣхъ книги духовнаго содержанія, каковы: «Священная исторія», «Святцы», «Псалтырь», «Патерикъ», «Требникъ», «Акафистъ», «Страсти Христовы», «Часословъ», «Житіе Святыхъ», «Катехизисъ». Въ селеніи Ѳедоровкѣ, напримѣръ, на 114 грамотныхъ у 106 оказались книги, но изъ 106 только у 12 книги не духовнаго содержанія. Въ русскихъ селахъ нерѣдко встрѣчается Евангеліе, а въ молоканскомъ селеніи Астраханкѣ, Бердянскаго уѣзда, изъ 48 явившихся къ испытанію у всѣхъ безъ изъятія оказались книги и въ числѣ ихъ 10 экземпляровъ «Библіи», между тѣмъ какъ это названіе вовсе неизвѣстно

православному крестьянину. Въ числѣ книгъ не духовнаго содержанія попадаются, вопреки несомнѣнному и письменными работами, какъ мы видѣли, доказанному воспитательному значенію народной школы, и слѣдующія: «Сказочникъ», «Бова Королевичъ», «Еруслань Лазаревичъ», «Оракулъ», «Сонникъ», «Тайны наукъ», продажа которыхъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе распространена, нежели продажа дѣльныхъ книгъ. Крайне трудно, даже невозможно, опредѣлить, какія изъ недуховныхъ дѣльныхъ книгъ преобладаютъ въ средѣ грамотныхъ, но одно достовѣрно, что духовныхъ и дѣльныхъ недуховныхъ книгъ *несравненно* больше, нежели «Сонниковъ» и тому подобной дребедени, которая во всѣхъ трехъ уѣздахъ встрѣчается лишь въ видѣ исключенія, потому ли, что ея въ дѣйствительности мало, или потому, что экзаменовавшіеся не рѣшились называть въ числѣ книгъ такую дрянь,—не берусь рѣшить до дальнѣйшихъ указаній опыта. Въ числѣ дѣльныхъ книгъ недуховнаго содержанія встрѣчаются учебники, «Календари», «Народное чтеніе», «Исторія Петра», «Свѣтъ Божій», «Тарасъ Бульба», «Исторія Россіи»; даже «Отечественныя Записки» оказались у одного крестьянина Бердянскаго уѣзда, но не знаю, сколько ихъ и за какой годъ. Читатель припомнитъ, что тамъ же встрѣтились у четырнадцатилѣтняго пастушка сочиненія Виктора Гюго. Вотъ въ какомъ положеніи дѣло, благодаря отсутствію читаленъ, книжныхъ складовъ, каталоговъ для народа и всякой заботы о томъ, чтобы облегчить грамотному населенію пріобрѣтеніе книги: или грамотный разучивается, не обладая ни одною книгою, или же онъ читаетъ лишь такія книги, которыя не упражняютъ его мышленія, или же такія, которыя облегчаютъ рецидивизмъ въ невѣжество, или же такія, которыхъ онъ понять не въ силахъ, и рѣдко, рѣдко попадется прозрѣвшему человѣку такая книга, которая укрѣпила бы его духовное зрѣніе. Для того ли въ самомъ дѣлѣ мы научили народъ, чтобъ ему нечего было читать? Или потому, что ножомъ можно зарѣзать, мы воспретимъ имѣніе ножей въ домахъ и, уподобляясь дикимъ, станемъ раздирать пищу ногтями? Или потому, что дѣти могутъ падать на лѣстницѣ и очень больно ушибаться, разумно воспретить сооруженіе лѣстницъ? Или потому, наконецъ, что книжный складъ *можетъ* сдѣлаться поприщемъ и орудіемъ растлѣвающей народъ пропаганды, мы будемъ убѣждены въ томъ, что *всякій* книжный складъ *долженъ* стать такимъ вертепомъ, и будемъ продолжать облегчать открытіе кабаковъ и затруднять открытіе книжныхъ складовъ и читаленъ? Но если масса народа во младенчествѣ и ее нужно охранять отъ непризванныхъ друзей, то сами-то мы перестанемъ быть дѣтьми и научимся различать между бѣлымъ и чернымъ, и не только допустимъ, но всячески *поощримъ* такія читальни, которыя ничего не принесутъ, кромѣ огромной пользы народу, а слѣдовательно и государству. Отчасти можетъ пролить свѣтъ на вопросъ о числѣ собственно книгъ для чтенія, распространенныхъ въ народѣ, статистическое изслѣдованіе села Александровки

(Александровскаго уѣзда), произведенное, по совѣщанію со мною и по моей просьбѣ, магистрантомъ Московскаго университета, Н. А. Карышевымъ, къ которому я еще возвращусь ниже. Изъ этого изслѣдованія сообщу теперь, что въ Александровкѣ, гдѣ школа существуетъ уже двадцать лѣтъ и гдѣ почти ежегодно землевладѣлецъ, устраивая ёлку для крестьянскихъ дѣтей, дарилъ имъ книги, оказывается въ настоящее время у 95 грамотныхъ 30 книгъ не духовнаго содержанія, причемъ у лицъ въ возрастѣ свыше 30 лѣтъ (такихъ 16) всего одна книга, или книгъ почти нѣтъ; въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ книгъ всего больше, пропорціонально числу грамотныхъ; въ возрастѣ отъ 17 до 30 лѣтъ значительно меньше книгъ, а въ возрастѣ учебномъ, отъ 10 до 13 лѣтъ, всего меньше изъ трехъ послѣднихъ возрастныхъ категорій. Все это подтверждается особою таблицею, которую и прилагаю къ статьѣ. Изъ 95 грамотныхъ села только у 11% есть книги недуховнаго содержанія; изъ числа же грамотныхъ возрастомъ отъ 10 до 30 лѣтъ только у 23% этой категоріи грамотныхъ есть хотя по одной книгѣ для чтенія, а у 77%, или значительнаго большинства такого села, которое, какъ мы увидимъ ниже, достигло въ высшей степени замѣчательныхъ результатовъ, что касается распространенія грамотности,—или вовсе нѣтъ книгъ, или есть только молитвенники, или такія книги духовнаго содержанія, въ которыхъ они не могутъ искать развлеченія и при помощи которыхъ не расширяется ихъ научный кругозоръ.

Отъ успѣховъ грамотной взрослой крестьянской молодежи въ письмѣ и чтеніи перейдемъ къ ихъ познаніямъ лѣтъ шесть послѣ обученія въ ариѳметикѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ остальныхъ, дѣло можетъ быть освѣщено съ двухъ сторонъ и каждая изъ двухъ противуположныхъ другъ другу точекъ зрѣнія будетъ правильна: если сказать, что изъ 328 крестьянъ (по вѣдомости рубрика № 1—№ 23), рѣшавшихъ задачи въ шести селахъ Маріупольскаго и Александровскаго уѣздовъ, не рѣшили задачи на первыя два дѣйствія ариѳметики только 11%, въ Бердянскомъ же уѣздѣ—27%, въ трехъ уѣздахъ, среднимъ счетомъ, слѣдовательно 19%, а остальные 81% были въ состояніи сдѣлать такое сложеніе и такое вычитаніе, въ которыхъ пришлось работать съ нулями,—то нельзя не порадоваться такому результату. Еще отраднѣе, принявъ во вниманіе непродолжительность школьнаго обученія и продолжительность промежутка отъ школы до экзамена, результаты для жизни по обученію нумераціи: такъ, въ Бердянскомъ уѣздѣ на 142 грамотныхъ ошиблись, писавши числа до тысячи, только 10%, въ Маріупольскомъ же и Александровскомъ уѣздахъ ошиблись на 33% лицъ (рубрика № 1—№ 19) еще того меньше, всего 14 душъ, или 4%, т. е. во всѣхъ трехъ уѣздахъ, среднимъ счетомъ, ошиблись 7% экзаменовавшихся, а 93% написали безошибочно число 8.080; почти столько же написали безошибочно и число 5.050.000. Тотъ, кому памятно, какихъ чудовищныхъ результатовъ достигала въ

этомъ отношеніи «старая школа», не можетъ не порадоваться такому пріобрѣтенію для народа. Но и въ этомъ дѣлѣ, какъ мы говорили, есть и обратная сторона,—и на это дѣло возможна и необходима и другая точка зрѣнія: такъ, напримѣръ, въ школахъ обучали всѣхъ, три зимы посѣщавшихъ школы, не двумъ, а четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики; взглянемъ же теперь, сколько изъ этого забыто, благодаря отсутствію воскресныхъ повторительныхъ школъ послѣ окончанія курса. Намъ поможетъ въ этомъ отношеніи вѣдомость К. В. Ковалевскаго, на которую мы уже ссылались, какъ на распредѣляющую всѣхъ экзаменовавшихся на группы по продолжительности обученія; по даннымъ этой вѣдомости я вычисляю, что изъ лицъ, три зимы обучавшихся и потому уже долженствовавшихъ рѣшить задачу на четыре дѣйствія ариѳметики, рѣшили ее только 5%, а 95% остались слѣдовательно за флагомъ. Но всмотритесь, на сколько тутъ краснорѣчиво выражается благодѣтельность болѣе продолжительнаго періода обученія: для лицъ обучавшихся четыре зимы дѣло становится сразу уже въ семь разъ лучше, такъ какъ оказывается уже 35% знакомыхъ съ четырьмя дѣйствіями ариѳметики; еще лучше, наконецъ, стоитъ дѣло въ третьей категоріи лицъ учившихся въ теченіе пяти зимъ: изъ этихъ крестьянъ приблизительно половина не разучились четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики, которыя преподавались въ школѣ.—Въ Маріупольскомъ и Александровскомъ уѣздахъ я не задавалъ задачи на четыре дѣйствія ариѳметики, но не ошибусь, сказавши, что александровскіе крестьяне обучавшіеся три зимы разучились не менѣе бердянскихъ крестьянъ, обучавшихся четыре зимы, такъ какъ въ шести селахъ двухъ первыхъ уѣздовъ (сравни въ вѣдомости № 109 съ № 1—№ 23) только 33% всего числа рѣшавшихъ задачи вычислили письменно, сколько вершковъ въ 25 верстахъ. Слѣдовательно наши изслѣдованія приводятъ и по отношенію къ успѣхахъ въ ариѳметикѣ къ тому неотразимому выводу, что какъ ни отрадно убѣдиться въ производительности народной школы,—если даже принимать въ разсчетъ, сколько улетучивается познаній послѣ школы,—но невозможно скрывать болѣе отъ себя того, что многое забывается питомцами школы, окунающимися въ невѣжественную среду и оставляемыми безъ всякой поддержки какъ со стороны повторительныхъ воскресныхъ школъ, такъ и со стороны книжныхъ складовъ.

Для того, чтобъ еще рельефнѣе выставить всю государственную выгоду отъ того, чтобъ устройствомъ библіотекъ и повторительныхъ зимнихъ воскресныхъ школъ поддержать работу начальной школы, мнѣ остается хотя сколько-нибудь выяснить два вопроса: много ли у насъ грамотныхъ и—чего ожидать отъ грамотныхъ тамъ, гдѣ ихъ много. Не имѣя возможности, при малочисленности сдѣланныхъ до сихъ поръ наблюденій, высказаться объ этихъ вопросахъ, *на основаніи русскаго опыта*, категорически, я тѣмъ не менѣе могу привести нѣсколько весьма наставительныхъ примѣровъ изъ *русской* жизни, которые выясняютъ эти вопросы такъ, что

нашъ опытъ оказывается тождественнымъ съ опытомъ другихъ народовъ; это послѣднее, впрочемъ, апріористически предполагаетъ всякій русскій человѣкъ, не желающій незаслуженно унижать свое дорогое отечество.

Много ли у насъ грамотныхъ на Руси?... До сихъ поръ этотъ вопросъ считался на столько второстепеннымъ, что не было и одной попытки отвѣчать на него. Мы знаемъ только, что даже по сравненію съ Японіей у насъ чрезвычайно мало, сообразно населенію, учащихся въ школахъ, а потому и въ правѣ утверждать, какъ мы сказали въ началѣ статьи, что наше грамотное населеніе представляетъ одну каплю въ цѣломъ морѣ невѣжества крестьянъ, которыхъ до сихъ поръ не обучали грамотѣ. Но такое сужденіе о числѣ грамотныхъ будетъ вѣрнымъ только по отношенію ко всему населенію цѣлой Россіи, къ общему числу жителей; если же принять въ разсчетъ, что въ нашихъ селахъ еще почти вовсе, къ несчастію, не обучаютъ дѣвушекъ,—что, слѣдоват., общее число учащихся въ школахъ слѣдуетъ сравнивать только съ населеніемъ мужскаго пола,—то пропорція сразу улучшится вдвое въ пользу грамотныхъ. Но справедливость требуетъ еще дальнѣйшихъ ограниченій: младенцы входятъ въ составъ населенія, но не могутъ входить въ составъ грамотныхъ и при наибольшемъ распространеніи грамотности; невозможно у насъ принимать въ разсчетъ даже крестьянъ старше тридцати лѣтъ, такъ какъ всѣ лица старше этого возраста не могли пройти чрезъ земскую народную школу, — на столько послѣдняя недавно существуетъ. Слѣдовательно для того, чтобы провѣрить число грамотныхъ, созданныхъ народными школами, оставалось бы провѣрить грамотность лицъ мужскаго пола въ возрастѣ отъ 10, когда въ селѣ начинается обученіе, и до 30 лѣтъ. Задаваясь этою задачей для цѣлой Россіи, было бы необходимо прежде всего не упустить изъ виду необъятности пространства ея и неисчислимаго разнообразія ея физическихъ, этнографическихъ и культурныхъ условій, вслѣдствіе чего *средніе* выводы для цѣлой Россіи могутъ оказаться весьма часто крайне-далекими отъ дѣйствительности для отдѣльныхъ мѣстностей. Для того, чтобъ убѣдить въ томъ читателя, я остановлюсь на грамотности села Александровки, Александровскаго уѣзда, расположеннаго не вблизи города, не на почтовой или желѣзной дорогѣ, но въ самомъ центрѣ безлюднаго степнаго уѣзда, впрочемъ такого, въ которомъ впервые создалась на Руси земская народная школа въ 1867 году и откуда она распространилась по всей остальной Россіи. Изслѣдованіе о грамотности села Александровки, въ которомъ всего 173 наличныя души мужскаго пола, а школа существуетъ лѣтъ двадцать, сдѣлано, какъ я уже упоминалъ о томъ, по совѣщанію со мной, жителемъ этого села, Н. А. Карышевымъ; слѣдовательно можно ручаться за величайшую точность приводимыхъ мною данныхъ.

Въ Александровкѣ на 76 человѣкъ, *старше* 30 лѣтъ, всего 16 грамотныхъ, или 21,1%; это процентъ весьма значительный, объясняющійся тѣмъ, что бывшій владѣлецъ этого села, Д. Т. Гнѣдинъ, уже издавна

заботился о распространеніи грамотности въ селѣ; но въ этой возрастной категоріи мы еще не имѣемъ дѣла съ питомцами «новой» земской школы. Напротивъ, значительное большинство крестьянъ, возрастомъ отъ 18 до 30 лѣтъ, уже могли пройти чрезъ земскую школу, и что же оказывается?—Въ этой возрастной группѣ число грамотныхъ составляетъ уже 73,5%! Какъ далеко отъ такого отношенія грамотнаго къ неграмотному населенію до вывода о всеобщей безграмотности, вѣрнаго по отношенію къ цѣлой Россіи. Но каково будетъ ваше удивленіе, читатель, когда вы узнаете, что на 28 крестьянъ селенія Александровки, возрастомъ отъ 14 до 17 лѣтъ, всего 2 неграмотныхъ, или 98% грамотныхъ; не въ Саксонію ли мы заѣхали?... Нѣтъ, мы въ степной глуши, въ которой въ теченіе десяти лѣтъ всячески тѣснили школу. Присмотримся наконецъ спеціально къ мальчикамъ, состоящимъ въ учебномъ возрастѣ, то-есть въ возрастѣ отъ 10 до 13 лѣтъ; такихъ мальчиковъ оказывается въ Александровкѣ всѣхъ 20, изъ которыхъ 17, или 85%, грамотны. Примѣните къ этому селу, въ которомъ только три мальчика изъ состоящихъ въ учебномъ возрастѣ не посѣщаютъ школу, обязательность обученія и она пригодится здѣсь не для того, чтобы дѣти не оставались безъ ученія, но для того лишь, чтобы по винѣ родителей они не допускали неисправности въ посѣщеніи училища и тѣмъ не вредили своимъ успѣхамъ. Но, обращаясь къ г. Карышеву, какъ компетентному лицу и мѣстному жителю, съ просьбою посчитать грамотныхъ своего села, сообразно задуманному мною плану, я зналъ, что Александровка—явленіе исключительное по распространенности грамотности и мнѣ хотѣлось лишь облечь въ точныя цифры то, что до сихъ поръ было лишь предположеніемъ съ моей стороны, на основаніи знакомства со школою этого села. Принимая однако во вниманіе продолжительность существованія школы въ Александровкѣ и незначительность населенія его, я не ограничусь изслѣдованіемъ грамотности этого села и отъ него перейду къ деревнѣ Нескучной того же уѣзда, гдѣ ни крестьяне, ни землевладѣлецъ не имѣли средствъ устроить особую школу и населеніе которой посѣщаетъ земскую школу при волости, за двѣ версты отъ своего мѣста жительства, къ тому же разобщеннаго съ селеніемъ Времевкой, въ которомъ существуетъ школа съ 1867 года, такою невылазною грязью, что на извѣстное время и верхомъ проѣхать въ школу невозможно. Трудно себѣ представить болѣе неблагопріятную обстановку, чѣмъ обстановка деревни Нескучной; но здѣсь заботились о распространеніи грамотности и вотъ что вышло: за 14 лѣтъ школа сдѣлала 27% всего мужскаго населенія грамотными, а такъ какъ всѣ грамотные моложе 30 лѣтъ, а лица возрастомъ отъ 10 до 30 лѣтъ составляютъ примѣрно половину всего населенія, то въ деревнѣ Нескучной оказывается грамотныхъ *больше половины* той возрастной группы, которой грамота могла коснуться по времени существованія земской школы при Времевской волости. Еще гораздо благопріятнѣе результатъ въ самомъ селеніи Времевкѣ, въ которомъ

школа помѣщается: здѣсь грамотные составляютъ 38% всего мужскаго населенія, то-есть болѣе двухъ третей тѣхъ лицъ, возрастомъ отъ 10 до 30 лѣтъ, которыя могли пройти чрезъ школу, дѣйствительно въ ней побывали.

Но не слѣдуетъ забывать того, что грамотность имѣетъ значеніе не только для самого обученнаго, но и для всей его семьи, для его неграмотныхъ друзей и знакомыхъ. Грамотность ведетъ къ грамотности, такъ какъ питомцы народной школы нерѣдко обучаютъ неграмотныхъ и такъ какъ семья, въ которой уже есть грамотный, охотнѣе посылаетъ и остальныхъ неграмотныхъ членовъ своихъ въ школу. Весьма интересное указаніе на это свойство грамотности читатель встрѣтитъ въ моей вѣдомости, изъ которой видно, что изъ числа грамотныхъ, явившихся на испытаніе въ Маріупольскомъ и Александровскомъ уѣздахъ, у 70 человѣкъ на 100 есть грамотные въ семействѣ, кромѣ нихъ самихъ, въ Бердянскомъ же уѣздѣ у 73%. Эти же цифры служатъ въ свою очередь косвеннымъ указаніемъ на относительную распространенность грамотности во всѣхъ трехъ уѣздахъ. Но этотъ отрадный результатъ выясняется еще лучше, если посчитать въ селеніяхъ Нескучной и Времевкѣ не число грамотныхъ, но число такихъ семействъ, въ которыхъ есть хоть по одному грамотному, въ которыя слѣдовательно уже пробился первый лучъ свѣта, озаряющій и неграмотныхъ, и прокладывающій путь къ дальнѣйшему распространенію грамотности. По моимъ вычисленіямъ выходитъ, что въ деревнѣ Нескучной, расположенной за двѣ версты отъ школы, на 81 семейство въ 38 семьяхъ есть грамотные, или въ 46% всего числа домохозяевъ, при чемъ въ 13 семействахъ болѣе одного грамотнаго, а максимумъ грамотныхъ одной семьи доходитъ до 4. Въ селеніи Времевкѣ, въ которомъ, какъ я уже говорилъ, помѣщается школа, посѣщаемая и нескученцами, на 139 семействъ или домохозяевъ въ 92 семействахъ есть хоть по одному грамотному, или въ 66% всего числа семей, при чемъ въ 34 семьяхъ изъ 92 есть болѣе одного грамотнаго, а максимумъ числа грамотныхъ въ одномъ семействѣ составляетъ 4.

Не оспаривая того, что дѣло народнаго образованія велось долгое время энергично въ Александровскомъ и Маріупольскомъ уѣздахъ и ведется энергично и понынѣ въ Бердянскомъ уѣздѣ, равно какъ и того, что школы въ этихъ трехъ уѣздахъ своими успѣхами обученія на столько привлекли населеніе, что въ очень многихъ мѣстностяхъ этихъ уѣздовъ крестьяне уже дорожатъ школою,—я глубоко убѣжденъ, на основаніи того, что я видѣлъ и читалъ, что названные три уѣзда не представляютъ исключительнаго явленія въ настоящее время, каковы бы ни были ихъ историческія заслуги. Еслибы нашлись изслѣдователи этого вопроса на Руси, то вскорѣ оказалось бы, несомнѣнно, что въ большинствѣ крестьянскихъ семействъ весьма многихъ мѣстностей нашего отечества есть хоть по одному грамотному, по одному проводнику свѣта, по одному союзнику земства, по одному приверженцу не розги, а порядка. Припомнимъ еще разъ то, что

излагаетъ въ своей письменной работѣ крестьянинъ-самоучка, попечитель Ѳедоровской школы, 37-ми лѣтній крестьянинъ Т. И. Терещенко: «*гдѣ больше грамотныхъ, тамъ и порядокъ*».

Освѣтивъ по мѣрѣ силъ вопросъ о томъ, много ли у насъ грамотныхъ, намъ остается подтвердить мысль г. Терещенко о томъ, что «гдѣ больше грамотныхъ, тамъ и порядокъ». Подтвердить эту мысль намъ не трудно, такъ какъ г. Терещенко писалъ основываясь на своемъ недавнемъ опытѣ и посвятилъ насъ въ свою тайну. Дѣло въ томъ, что въ маѣ текущаго года и въ Александровскомъ уѣздѣ, вопреки всѣмъ хлопотамъ земства о школахъ, проявилась та нравственная чума, которую у насъ прозвали «еврейскимъ погромомъ»; но къ чести уѣзда должно сказать, что весьма многія села устояли противъ соблазна—во имя ложныхъ слуховъ о «царскомъ приказѣ» ограбить евреевъ. Въ числѣ другихъ селъ устояло и селеніе Ѳедоровка, въ которой на 1.600 душъ населенія мужскаго пола 718 грамотныхъ, въ которой уже въ теченіе многихъ лѣтъ по 160 учащихся въ школѣ.—Г. Терещенко, стоявшій во главѣ агитаціи противъ буйства, говорилъ мнѣ въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, что село обязано спасеніемъ отъ позора грабежа только количеству грамотныхъ, которые не повѣрили нелѣпому слуху о «царской бумагѣ», и это село не только не запятнало себя безобразіями, но сотнями высылало своихъ людей защищать сосѣднія еврейскія колоніи, которымъ угрожали грабительскіе наѣзды изъ окрестныхъ русскихъ селъ. Мало того, ѳедоровцы, въ голодный годъ, пекли хлѣбъ и цѣлыми фургонами возили его въ тѣ изъ еврейскихъ колоній, которыя не успѣли отстоять и жители которыхъ были пущены по міру добрымъ и честнымъ народомъ, надъ невѣжествомъ котораго такъ незаслуженно и злобно подсмѣялись. Таково шла грамотность тамъ, гдѣ грамотныхъ много и гдѣ есть кому руководить ими.

Послѣ всего сказаннаго, что выгоднѣе для земства и государства: оставить ли грамотныхъ на произволъ судьбы, дать имъ разучиваться грамотѣ, или позаботиться объ устройствѣ читаленъ и воскресныхъ, зимнихъ, повторительныхъ школъ,—едва ли возможны два отвѣта на этотъ вопросъ, съ какой бы точки зрѣнія ни относиться къ народному образованію, съ точки ли зрѣнія педагога, гражданина и человѣка, или съ точки зрѣнія полицейскаго сыщика. Въ данномъ случаѣ возможно представить себѣ лишь одно воззрѣніе: откуда взять средствъ на воскресныя повторительныя школы, когда и на начальныя едва стаетъ денегъ? Но такой вопросъ не можетъ быть предложенъ человѣкомъ знающимъ жизнь. Земскій человѣкъ знаетъ, что во многихъ школахъ не по одному учителю, но по учителю съ помощникомъ, или даже по два учителя; онъ знаетъ, что даже въ такихъ школахъ, въ которыхъ по одному учителю, этому труженику предстоитъ работа только на 5 мѣсяцевъ въ году, а потому и представить себѣ трудно такого учителя, который отказался бы въ зимнее время удѣлить всякое воскресенье только 3 часа тому, чтобъ увидѣться съ

своими же бывшими питомцами и увѣковѣчить свой же собственный трудъ, — по крайней мѣрѣ мнѣ еще не пришлось встрѣтить ни одного такого учителя, который возражалъ бы противъ благодѣтельности и осуществимости воскресной повторительной школы. Допустивъ, что земство сочтетъ своею обязанностію вознаградить воскресный трудъ учителя, много ли придется издержать земству? Если земство уплатитъ учителю по два рубля за три часа воскресныхъ занятій зимою, то школа обойдется около 40 рублей; а что значитъ такой расходъ по сравненію со всѣмъ расходомъ на начальную школу, если онъ представляетъ собою сооруженіе крыши, безъ которой разваливаются стѣны, воздвигаемыя земствомъ? Предполагая высказаться объ учебной программѣ повторительной школы въ спеціальномъ изданіи, я не могу, обращаясь теперь къ обществу, а не только къ спеціалистамъ, не упомянуть о томъ, что у насъ существуютъ оффиціально одобренныя книги, которыя можно читать съ огромною пользой въ повторительныхъ школахъ, расширяя посредствомъ чтенія кругозоръ крестьянъ, обученныхъ въ начальной школѣ. Посвятивъ часъ чтенію, посѣтители повторительной школы посвятятъ полчаса — счету, часъ — письму и полчаса—объясненію воскреснаго евангелія законоучителемъ, если наконецъ Россія доживетъ до законоучителей въ селахъ, которые сочтутъ за прямой долгъ и наслажденіе получасовую бесѣду съ подростающимъ поколѣніемъ.

Люди не знающіе жизни и довѣряющіе тѣмъ, которые клевещутъ на народъ, могутъ, пожалуй, усомниться въ томъ, пожелаютъ ли учившіеся крестьяне посѣщать зимою воскресную повторительную школу. На это я могу отвѣчать, что въ шести селахъ предположеніе мое о повторительныхъ школахъ было встрѣчено *восторженно*, а изъ Бердянскаго уѣзда пишетъ мнѣ К. В. Ковалевскій, которому я считаю долгомъ выразить глубочайшую признательность именемъ всѣхъ, кому дорого святое дѣло народнаго образованія: «на вопросъ мой, желательно ли населенію имѣть воскресныя школы для повторительнаго курса, вездѣ получался отвѣтъ, что не только желательно, но *общества просятъ* объ этомъ..., такъ какъ *что изъ того, что хлопцы ихъ ходили въ школу малольтками*».

Будемъ же надѣяться на то, что народъ не обманется въ своихъ ожиданіяхъ и что не ошибался крестьянинъ Павленко, письменную работу котораго я привелъ выше, что не ошибался онъ, писавши: «теперь и я буду знать, что на бѣломъ свѣтѣ не убавляется грамота, а все идетъ выше». Да услышится молитва крестьянина Кононенко, отрывокъ изъ письменной работы котораго я уже приводилъ: «благодарю нашего Императора Александра Николаевича за то, что Онъ намъ далъ хоть малую часть науки, а теперь вѣчная память нашему Императору Александру Николаевичу». Пусть же увѣковѣчится память Основателя русской народной школы въ видѣ повторительныхъ школъ и библіотекъ, которыя спасутъ отъ разрушенія то, что Имъ создано.

Названія селъ.	Грамотные крестьяне, оставившіе школу не менѣе двухъ лѣтъ тому назадъ.									Успѣш			
	Число учившихся, явившихся къ испытанію.	Средній возрастъ.	Возрастъ старшаго изъ явившихся.	Возрастъ младшаго изъ явившихся.	Среднее число лѣтъ со времени прекращенія обученія.	Среднее число зимъ, проведенныхъ въ школѣ.	Есть грамотные въ семьѣ въ N.N. случаяхъ.	Число экзаменовавшихся, не имѣющихъ дома ни одной книги.	Число не написавшихъ ни одного письма за 12 мѣсяцевъ.	Чтеніе. Читаютъ машинально.	Изъ сознательно читающихъ. Посредственно.	Удовлетворительно.	Весьма удовлетво-
	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.
Екатеринославская губернія.													
I. Маріупольскій уѣздъ:													
1. Большой Енисаль ...	42	19	23	13	4,4	3,7	36	15	28	7	2	10	2
2. Майорское	33	19	25	13	6,2	3	21	5	24	3	9	9	1
3. Времевка	46	19,5	26	13	7,8	2,9	31	9	27	8	8	9	2
II. Александровскій уѣздъ.													
4. Гуляй-Поле	80	17,7	26	13	5,8	3	48	6	56	5	9	17	4
5. Ѳедоровка	114	17,2	37	13	4,4	3,7	87	8	74	2	20	36	3
6. Александровка	36	17,1	26	12	5,1	3,7	26	3	28	5	5	3	2
Итого	351	18,2	37	12	5,6	3,3	249	46	237	30	53	84	18
Таврическая губернія.													
III. Бердянскій уѣздъ.													
7. Покровка	18	13	21	13	4	3,5	15	1	11	2	—	2	1
8. Вознесенка	44	16	22	13	4	3,2	14	10	38	2	—	—	
9. Астраханка	48	17,5	23	14	4,5	3,5	48	—	21	2	—	2	
10. Андреевка	32	16,5	21	14	4	3,5	27	13	15	7	—	7	1
	142	15,7	23	13	4,1	3,4	104	24	85	11	—	11	1
Всего по тремъ уѣздамъ и среднее изъ двухъ итоговъ	493	16,9	37	12	4,8	3,3	353	70	322	41	53	95	1

обученія, обнаруженные весною 1881 года.

Письмо.					Счетъ.				
Не въ состояніи подписаться и написать годъ, мѣсяцъ и число.	Не съумѣли написать сочиненія во время испытанія.	Изъ написавшихъ сочиненіе во время испытанія.			Пишутъ числа только до десятковъ.	Ошиблись писавши до тысячъ.	Не рѣшили задачи на 2 первыя дѣйствія.	Изъ рѣшавшихъ сознательно.	
		Посредственно.	Удовлетворительно.	Весьма удовлетворительно.				Ошибочно вычислили.	Рѣшили болѣе трудную задачу.
14.	15.	16.	17.	18.	19.	20.	21.	22.	23.
3	4	15	14	9	3	2	4	7	24
2	7	16	6	4	3	1	3	9	5
2	7	11	11	17	3	1	4	2	8
5	10	29	27	14	4	2	14	7	20
1	3	47	43	21	7	2	4	18	45
4	5	16	9	6	3	6	7	6	7
17	36	134	110	71	23	14	36	49	109
—	5	5	2	6	—	2	2	1	8
7	7	26	9	2	—	2	21	1	6
1	10	20	7	11	—	2	9	5	31
10	15	9	4	4	—	9	7	4	19
18	37	60	22	23	—	15	39	11	64
35	73	194	132	94	23	29	75	60	173

ПРИМѢЧАНІЕ

къ таблицѣ, выражающей образовательный уровень учившихся крестьянъ нѣсколько лѣтъ по оставленіи ими школы.

Село № 1 греческіе поселенцы; село № 9 молокане; села №№ 2, 3 и 6—бывшіе помѣщичьи крестьяне; остальныя села — бывшіе государственные крестьяне.

Рубрики №№ 10+11+12+13 — № 1.
Рубрики №№ 15+16+17+18 — № 1.
Рубрики №№ 16+17+18 — № 1—№ 15.

Число лицъ пишущихъ числа до тысячи получается вычитаніемъ рубрики № 19 изъ рубрики № 1.

Число не забывшихъ два первыя дѣйствія ариѳметики получается вычитаніемъ рубрики № 36 изъ рубрики № 1.

Число сознательно читающихъ №№ 11+12+13.

Число лицъ написавшихъ во время испытанія сочиненіе на заданную тему о пользѣ грамоты=рубрикамъ №№ 16+17+18 или рубрикѣ № 1 безъ рубрики № 15.

Число лицъ способныхъ подписаться и правильно написать годъ, мѣсяцъ и число получается вычитаніемъ рубрики № 14 изъ рубрики № 1.

Грамотность села Александровки Алексан

Возрастъ отъ 10 до 13 лѣтъ.							Возрастъ отъ 14 до 17 лѣтъ.						
ГРАМОТНЫЕ.				НЕГРАМОТНЫЕ.			ГРАМОТНЫЕ.				НЕГРАМОТНЫЕ.		
№№		Возрастъ.	Имѣютъ ли книги для чтенія.	№№		Возрастъ.	№№		Возрастъ.	Имѣютъ ли книги для чтенія.	№№		Возрастъ.
		сред.				сред.			сред.				сред.
17	Итого..	11,4		3	Итого..	10,0	26	Итого..	15,1		2	Итого..	17
	Всего книгъ		4					Всего книгъ		14			

Всего 20 человѣкъ.

Грамотныхъ 85%
Имѣющихъ книги . . . . . 3 чел.
что составляетъ 15% всего населенія этого возраста и 18% грамотныхъ этого же возраста.

Всего 28 человѣкъ.

Грамотныхъ 93%
Имѣющихъ книги . . . . . 9 чел.
что составляетъ 32,1% всего населенія этого возраста и 34,6% грамотныхъ этого же возраста.

Всего мужчинъ 173. Изъ нихъ грамотныхъ 95 человѣкъ, что составляетъ 55% мужскаго населенія и 20% грамотныхъ.

Всего мужчинъ отъ 10 до 30 лѣтъ 97 человѣкъ. Изъ нихъ грамотныхъ 79 человѣкъ, 18% всѣхъ (97) и 23% грамотныхъ (79).

Всего женщинъ отъ 10 до 30 лѣтъ 79. Въ селѣ нѣтъ ни одной грамотной женщины.
свыше 30 „ 59.
Всего... 138.

Общее населеніе: отъ 10 до 30 л. 176.
свыше 30 „ 135.
Итого... 311.

ровскаго уѣзда, Екатеринославской губ.

Возрастъ отъ 18 до 30 лѣтъ.							Возрастъ свыше 30 лѣтъ.						
ГРАМОТНЫЕ.				НЕГРАМОТНЫЕ.			ГРАМОТНЫЕ.				НЕГРАМОТНЫЕ.		
№№		Возрастъ.	Имѣютъ ли книги для чтенія.	№№		Возрастъ.	№№		Возрастъ.	Имѣютъ ли книги для чтенія.	№№		Возрастъ.
		сред.				сред.			сред.				сред.
36	Итого..	22,3		13	Итого..	24	16	Итого..	39		60	Итого..	50,3
	Всего книгъ		11					Всего книгъ		1			

Всего 49 человѣкъ.

Грамотныхъ 73,6%
Имѣющихъ книги . . . . . 6 чел.
что составляетъ 12,2% всего населенія этого возраста и 16,7% грамотныхъ этого же возраста.

Всего 76 человѣкъ.

Грамотныхъ 21,1%
Имѣющихъ книги . . . . . 1 чел.
что составляетъ 1/76 всего населенія этого возраста и 1/16 грамотныхъ этого же возраста.

ѣхъ книгъ 30. Всего имѣющихъ книги 19 человѣкъ, что составляетъ 11% всего
о составляетъ 81,5%. Изъ нихъ имѣющихъ 29 книгъ 18 человѣкъ, что составляетъ

Бар. Н. Корфъ.

Польскія письма.

ПИСЬМО ПЯТОЕ *).

Въ своихъ статьяхъ по польскому вопросу мнѣ два раза пришлось упомянуть о русскомъ университетѣ въ Варшавѣ. «Мы думаемъ,—писалъ я,—что русскій университъ въ Варшавѣ могъ бы сослужить великую службу въ дѣлѣ сближенія поляковъ съ нами, еслибы рѣшительнѣе вносилъ въ польскую среду обновляющую струю обновленной русской науки, и только одну эту струю». Это было сказано въ замѣткѣ моей по поводу постановки русско-польскаго вопроса въ нашей журналистикѣ. Читатель можетъ видѣть, что я не рѣшаю этимъ принципіально вопроса о томъ, какой долженъ быть университетъ въ Варшавѣ—русскій или польскій. Я исходилъ изъ самаго факта существованія русскаго университета и, ничего не говоря объ его судьбѣ въ будущемъ, указалъ на то, что учрежденіе это могло бы сослужить службу въ дѣлѣ духовнаго сближенія двухъ народовъ, еслибы въ немъ не было ультранаціональнаго направленія со стороны профессоровъ обѣихъ народностей, еслибы русскіе профессора не ставили себѣ цѣлью навязыванія обучающейся молодежи извѣстныхъ воззрѣній, считающихся почему-то спицифически-русскими, и этимъ не вводили бы ее въ заблужденіе относительно общаго характера нашей общественной мысли, еслибы рѣшительнѣе вносили въ польскую среду обновляющую струю обновленной русской науки, и только эту струю. Выставлены были мною и мотивы: польскіе ученые отличаются вообще консерватизмомъ; польскій консерватизмъ тѣсно соединенъ съ традиціоннымъ нерасположеніемъ къ намъ и игнорированіемъ нашихъ успѣховъ въ цивилизаціи; разъ мы играемъ извѣстную роль въ судьбахъ Польши,—и въ выгодахъ ея населенія, и въ видахъ бо́льшаго сближенія тамошней интеллигенціи съ нами было бы полезно противодѣйствовать этому консерватизму, противопоставивъ ему болѣе прогрессивное направленіе нашей науки; съ польскимъ консерватизмомъ, имѣющимъ за себя все-таки національ-

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

ный характеръ и историческую основу, русскій консерватизмъ, чужой и безпочвенный въ Польшѣ, выдержать конкурренціи не можетъ, и русская наука въ Варшавѣ не сыграетъ своей роли, если не будетъ проводить тѣхъ принциповъ, которые способны обновлять жизнь въ любой европейской странѣ, т. е. не сбросить съ себя узконаціональной одежи, чтобъ облечься въ костюмъ, такъ сказать, общечеловѣческій. Исходя изъ этой мысли, я даже пришелъ къ заключенію, что русскій университетъ въ Варшавѣ можно считать *временно* полезнымъ для самой Польши, хотя и признаю, что обученіе на чужомъ языкѣ тормозитъ національное развитіе. Объ этой пользѣ временнаго существованія русскаго преподаванія въ Варшавскомъ университетѣ я упомянулъ вскользь въ первомъ своемъ письмѣ, не имѣя въ немъ возможности развить и ту мысль, что для національнаго развитія высшее преподаваніе на чужомъ языкѣ не такъ вредно, какъ денаціонализированіе низшей школы: въ противномъ случаѣ я не сталъ бы говорить и о временной пользѣ, которая, по моему мнѣнію, можетъ съ избыткомъ вознаградить временный вредъ.

Поставленный здѣсь вопросъ въ моихъ планахъ было подробно разсмотрѣть, посвятивъ особую статью вообще школьному языку въ Царствѣ Польскомъ; но многіе, читавшіе мои статьи о польскомъ вопросѣ, указывали мнѣ въ разговорахъ на противорѣчіе моего взгляда на Варшавскій университетъ съ общимъ духомъ моихъ статей. Появилась даже печатная замѣтка по этому поводу. Въ іюньской книжкѣ *Русской Мысли* мы прочитали письмо въ редакцію г. І. Л., поляка, который, сочувственно относясь къ тому, что вообще было напечатано по польскому вопросу въ мартовской книгѣ журнала, выставилъ на видъ это противорѣчіе и вызвалъ редакцію на объясненіе. Такъ какъ слова, вызвавшія возраженія почтеннаго г. І. Л., принадлежатъ не редакціи *Русской Мысли*, то послѣдняя, заявивъ, что она стоитъ за право поляковъ имѣть польскій университетъ, предоставила мнѣ лично отвѣтить за себя. Вотъ почему въ этомъ, пятомъ, письмѣ о польскихъ дѣлахъ мы отдѣляемъ вопросъ о Варшавскомъ университетѣ отъ вопроса о вообще школьномъ языкѣ въ русской Польшѣ и отвѣчаемъ на всѣ устныя и печатныя возраженія, сдѣланныя намъ по этому поводу.

Въ своемъ объясненіи съ г. І. Л. редакція *Русской Мысли* совершенно вѣрно замѣтила, что авторъ настоящихъ писемъ «глубоко-искренне сочувствуетъ дѣлу нашего примиренія съ польскимъ народомъ и сохраненію польской народности, и что слова его не имѣютъ того значенія и смысла, какія придаетъ имъ вопрошатель». Первый вопросъ, который предлагаетъ намъ почтенный г. І. Л., слѣдующій: «Какъ понимать васъ: о прошедшей или о будущей дѣятельности русскаго университета въ Варшавѣ вы говорите?» Понятное дѣло, что о будущей, отвѣтимъ мы, ибо мы сами сказали, что учрежденіе, о коемъ идетъ рѣчь, *могло бы* принести ту пользу, которой мы отъ него ожидаемъ,—и тѣмъ самымъ, т. е. этимъ

могло бы, мы заявляемъ, что до сихъ поръ оно не сдѣлало того, что могло бы сдѣлать. Но авторъ письма въ редакцію предвидѣлъ такой отвѣтъ и задалъ новый вопросъ: «Если о прошедшей, то какимъ образомъ отъ русскаго учрежденія въ Варшавѣ, основаннаго,—этого скрыть нельзя,—единственно съ цѣлію обрусенія польскаго края, вы могли ожидать дѣятельности, направленной къ сближенію съ поляками?» Вопросъ этотъ авторъ оставляетъ открытымъ, но отвѣтъ на него былъ у насъ въ тѣхъ самыхъ словахъ, которыя вызвали его возраженіе. Не разсуждая о томъ, для чего былъ основанъ русскій университетъ въ Варшавѣ, мы поставимъ на видъ, что дѣятельность его можетъ быть двоякая: одни могутъ смотрѣть на него какъ на одно изъ орудій обрусенія края, другіе могутъ видѣть въ немъ одно изъ средствъ для сближенія, и мы выразили сами сожалѣніе, что въ средѣ его профессоровъ преобладаетъ первый взглядъ. Еслибъ университетъ оставилъ идею руссификаціи, то отъ него именно можно было бы ожидать, что онъ сдѣлается могучимъ орудіемъ сближенія. Мы указали и на программу—вносить въ польскую среду обновляющую струю обновленой русской науки, т. е. такой, которая не имѣетъ узконаціональной тенденціи. У насъ есть ученые, способные дѣйствовать по такой программѣ, оставаясь сами русскими и не желая передѣлывать поляковъ въ русскихъ; а судьба поляковъ сложилась такъ, что у нихъ такихъ ученыхъ, которые отрѣшились бы отъ узконаціональныхъ тенденцій, оставаясь поляками, но вмѣстѣ съ тѣмъ не относясь непріязненно къ намъ, что-то очень мало. Вотъ мы и думали, что русскіе профессора были бы годнѣе для роли примирителей, не говоря уже о томъ, что менѣе исключительное направленіе нашей науки было бы полезнѣе и для самой польской молодежи, нежели польская наука, которая слишкомъ ревниво оберегаетъ свои традиціи, отступленіе отъ которыхъ иногда считается измѣной національному дѣлу. Это—черта весьма характерная для польскихъ ученыхъ, и сами поляки признавались мнѣ, что имъ очень вредитъ желаніе имѣть свою, какую-то особую, польскую науку. Опасаясь за самое существованіе польской національности, они хотятъ до-нельзя національизировать самую науку, а отсюда, съ одной стороны, чрезмѣрное преклоненіе предъ старыми польскими авторитетами, съ другой—желаніе видѣть въ современной польской наукѣ болѣе, нежели она, дѣйствительно, значитъ: вѣдь смѣются же сами поляки надъ обществомъ взаимной адораціи (towarzystwo wzajemnej adoracyi), которое образуютъ изъ себя ихъ ученые и писатели. Русскій университетъ могъ бы вывести польскую молодежь на болѣе широкую дорогу. Мы тѣмъ-то и отличаемся, что очень чутко относимся ко всѣмъ передовымъ движеніямъ западно-европейской мысли: одна наша переводная литература свидѣтельствуетъ объ этомъ. Если русскій университетъ въ Варшавѣ представляетъ нашу науку не съ этой стороны и въ борьбѣ съ польскимъ національизмомъ впадаетъ въ національизмъ русскій, въ квасной патріотизмъ въ наукѣ, то это большая

ошибка, и такая дѣятельность нашихъ ученыхъ въ Варшавѣ, конечно, пользы ни для кого не принесетъ, не говоря уже о могущемъ отъ этого быть вредѣ. Почтенный г. І. Л. заключаетъ свои вопросы рядомъ другихъ, которые сводятся въ сущности къ одному: «для чего, съ цѣлью поддержать неприкосновенную польскую національность, необходимъ въ Польшѣ *непольскій* университетъ?» Но мы вѣдь и не говорили, что русскій университетъ необходимъ *для* поддержки польской національности: еслибъ *это* мы сказали, то здѣсь было бы «поражающее противорѣчіе». Мы не думаемъ даже, что польскій университетъ поддержалъ бы польскую національность: наука и образованіе (именно высшее) имѣютъ и другіе органы помимо университета. Польскій университетъ былъ бы нуженъ для національности не *для того*, чтобъ ее поддерживать, а *потому*, что всякій народъ имѣетъ право учиться на своемъ языкѣ. Русскому университету мы приписываемъ иную роль—содѣйствовать нашему взаимному сближенію, а потому только говоримъ о временномъ существованіи такого университета. Впрочемъ, почтенный г. І. Л., когда писалъ свое письмо, не читалъ еще того, что сказано было нами объ этомъ въ майской книгѣ *Русской Мысли*: иначе онъ не приписалъ бы намъ желанія замѣнить чужимъ языкомъ высшее преподаваніе въ Польшѣ и на будущее время, т. е. навсегда. Поляки, думалось намъ при этомъ, имѣютъ уже два своихъ университета (въ Краковѣ и во Львовѣ), ими могутъ соперничать съ русскимъ учрежденіемъ въ Варшавѣ и развивать свою науку, а для насъ нуженъ органъ для сближенія, который въ то же самое время былъ бы полезенъ и полякамъ, выводя ихъ изъ того заколдованнаго круга, о коемъ я писалъ въ первомъ письмѣ: или денаціонализація, или культурная смерть. Денаціонализировать мы не денаціонализируемъ, а все-таки можемъ дать полякамъ что-нибудь поинтереснѣе того, что проповѣдуютъ консерваторы и клерикалы Ягеллонскаго университета. И для общественнаго развитія поляковъ, и для сближенія ихъ съ нами полезнѣе, чтобы не было въ Варшавѣ краковскаго клерикализма. Можетъ-быть мы и ошибаемся и слишкомъ теоретически смотримъ на дѣло (практика-то и не отъ насъ кстати зависитъ), но только эти мотивы существовали у насъ, когда мы говорили о русскомъ университетѣ въ Варшавѣ. Задней, затаенной, невысказанной мысли здѣсь не было. Вѣрьте мнѣ, мой почтенный оппонентъ, и не думайте «сомнѣваться въ искренности выраженныхъ въ статьѣ моей симпатій къ вашему народу». Ошибка, по нашей поговоркѣ, въ фальшь не ставится, а я не думаю, что ошибаюсь если не въ подробностяхъ, то въ сущности дѣла. Я только весьма сожалѣю, что обстоятельства не позволили мнѣ дать желательное для васъ «немедленное разъясненіе», но я думаю, что для васъ достаточно было категорическаго заявленія почтенной редакціи *Русской Мысли*, что слова мои не имѣютъ того смысла и значенія, которыя вы придаете въ своихъ вопросахъ. Во всякомъ случаѣ это—личное мое мнѣніе, которое я высказываю съ пол-

ной откровенностью и которое не должно мѣшать вашимъ соплеменникамъ вѣрить въ искренность редакціи *Русской Мысли*, тѣмъ болѣе, что на письмо ваше данъ вамъ самый категорическій отвѣтъ именно въ томъ смыслѣ, который для васъ желателенъ. Я даже былъ бы очень радъ, еслибы когда-нибудь подвергли вопросъ разсмотрѣнію съ той точки зрѣнія, на которой я становлюсь; а что касается до вопроса о консерватизмѣ польской науки, то фактъ этотъ я постараюсь доказать впослѣдствіи, напередъ заявляя, что иного отношенія къ нему съ моей стороны быть не можетъ. Я думаю вмѣстѣ съ публицистомъ Prawdy, статьей «Błędne Koła» котораго я воспользовался для перваго своего письма, что во многихъ случаяхъ полякамъ приходится выбирать между прогрессомъ и денаціонализаціей, съ одной стороны, и сохраненіемъ національности и застоемъ, съ другой. Мы видѣли, что для русской Польши не существуетъ этой альтернативы. Полякамъ можетъ грозить опасность лишь со стороны русскихъ и нѣмцевъ, только роли сосѣдей поляковъ вышли различныя: у насъ болѣе всего объ обрусеніи толкуетъ консервативная партія, съ которой польская консервативная партія имѣетъ слишкомъ много пунктовъ разногласія, чтобъ имъ когда-либо сойтись на общей программѣ, тогда какъ либерализмъ идетъ у насъ рука объ руку съ уваженіемъ чужой національности; у нѣмцевъ наоборотъ: поляки соединились тамъ съ клерикалами и феодалами, тогда какъ національ-либералы во многихъ отношеніяхъ болѣе оправдываютъ первую половину своего прозвища, чѣмъ вторую, и не прочь поживиться на счетъ польской землицы. Полякамъ нужны союзники внѣ ихъ національности, но союзники не платоническіе, какими оказались французы, и не задерживающіе общественнаго развитія, каковыми являются нѣмецкіе клерикалы, а такихъ они найдутъ только у насъ: русскій университетъ въ Варшавѣ могъ бы быть посредствующимъ звеномъ соединенія. Право, существованіе его не столько затормозитъ развитіе польской націи, сколько поддержка, оказанная польскими депутатами въ австрійскомъ рейхсратѣ тамошнимъ ретроградамъ въ дѣлѣ уменьшенія количества учебныхъ лѣтъ въ народныхъ школахъ ради полученія для Галиціи новой желѣзной дороги. Русскій университетъ въ Варшавѣ существуетъ,—не отъ насъ зависитъ, чтобъ онъ существовалъ или не существовалъ, но отъ насъ зависитъ, чтобъ онъ служилъ дѣлу вражды или примиренія. Въ сущности я утверждаю только, что желательно, чтобы дѣятельность существующаго уже университета приняла иной характеръ, и каждый полякъ долженъ желать того же: разъ существуетъ то, что ему принципіально не по вкусу, онъ долженъ желать, чтобъ отъ неудобства было больше пользы, чѣмъ вреда. Мы сойдемся, далѣе, и въ томъ, что передѣлка университета зависитъ не отъ насъ и можетъ совершиться только въ связи съ общимъ измѣненіемъ системы управленія Царствомъ Польскимъ. Въ чемъ же можетъ быть разногласіе?— Развѣ только въ томъ, что одни видятъ въ существованіи русскаго уни-

верситета въ Варшавѣ меньшій вредъ и бо́льшую пользу, чѣмъ другіе; но какъ бы мы ни расходились во взглядахъ на этотъ предметъ, для всѣхъ русскихъ и поляковъ, искренне желающихъ сближенія одного народа съ другимъ и добра обоимъ, необходимо желать, чтобы русскій университетъ въ Варшавѣ, разъ онъ существуетъ, дѣйствовалъ именно въ этомъ направленіи. Со мною могутъ не согласиться, что мы *способны* явиться въ Польшѣ представителями прогресса (а я въ этомъ убѣжденъ), но въ моемъ увлеченіи тою ролью, которую должны, по моему мнѣнію, играть наши ученые въ Польшѣ, пусть скорѣе видятъ какое угодно національное самомнѣніе, только не заднюю мысль. Ея, повторяю, нѣтъ. Пусть еще примутъ въ разсчетъ вотъ что: при недовѣріи высшихъ сферъ къ полякамъ, вызванномъ примѣрами печальнаго прошлаго, польскій университетъ въ Варшавѣ не могъ бы пользоваться той относительною свободой преподаванія, какою пользуется русскій. Что дѣлать, но въ польской исторіи XIX вѣка приходится вѣчно говорить o błędnych kołach (заколдованныхъ кругахъ), и въ данномъ случаѣ полякамъ пришлось бы выбирать между большею свободой преподаванія и національнымъ языкомъ. Если и теперь Варшавскій университетъ, состоящій на половину изъ русскихъ профессоровъ, не пользуется той автономіей, которая уставомъ 1863 г. предоставлена другимъ нашимъ университетамъ, то что было бы, еслибъ онъ оставался польскимъ? Это тоже нужно принимать въ разсчетъ при обсужденіи вопроса о необходимости временнаго существованія русскаго университета въ Польшѣ: лучше какая ни-на-есть свобода *высшаго* преподаванія на чужомъ языкѣ, чѣмъ преподаваніе на національномъ языкѣ съ полнымъ отсутствіемъ свободы. Я такого мнѣнія и думаю, что не лишнимъ будетъ слѣдующее маленькое разсужденіе о значеніи роднаго языка въ высшемъ преподаваніи.

Прочтемъ прежде сказанное объ этомъ въ іюньской книжкѣ *Русской Мысли*. Мой оппонентъ говоритъ: «Поляки, стремящіеся съ своей стороны къ примиренію съ русскими, легко могутъ усомниться въ искренности выраженныхъ симпатій къ ихъ народу, если то, *что для нихъ всего священнѣе, въ чемъ они видятъ главный оплотъ ихъ національной неприкосновенности — народный языкъ въ главномъ храмѣ народнаго просвѣщенія* — вы признаете полезнымъ замѣнить и на будущее время чужимъ». Редакція *Русской Мысли*, говоря о правѣ поляковъ имѣть польскій университетъ, прибавляетъ: «Мы стоимъ за это право во имя самой науки, которой свободная область должна быть чужда всѣхъ внѣшнихъ, утилитарныхъ, политическихъ и другихъ цѣлей и разсчетовъ, безъ чего она перестаетъ быть въ истинномъ смыслѣ наукою. Мы стоимъ за это право потому, что почитаемъ посягательство, съ цѣлью насильственнаго уничтоженія, на широкое, во всѣхъ направленіяхъ человѣческаго творчества, развитіе языка какого-нибудь особенно сознавшаго себя и развитаго народа, а слѣдовательно и польскаго,—дѣломъ безплоднымъ,

безумнымъ и преступнымъ». О свободѣ науки мы сказали: принципіально наука не вполнѣ свободна, если языкъ, какъ органъ науки, стѣсненъ; но на практикѣ выходитъ часто, что свобода языка не есть гарантія свободы самой науки, и я убѣжденъ, что *при данныхъ обстоятельствахъ* русское преподаваніе въ Варшавѣ пользуется большею свободой, нежели дана была бы польскому. Русскій языкъ въ Варшавскомъ университетѣ съ этой точки зрѣнія потеряетъ одинъ изъ своихъ raisons d'être, когда высшія сферы найдутъ возможнымъ совершить полное объединеніе Царства съ Имперіей въ смыслѣ одинаковой системы управленія и равноправности русскихъ и поляковъ: до того времени русскій языкъ будетъ нѣкоторымъ образомъ служить гарантіей большей свободы преподаванія. Далѣе, мы хотимъ развить ту мысль, что особенно нужно бояться посягательства на національный языкъ въ низшей и средней школѣ болѣе, нежели въ высшей. Народный языкъ не въ главномъ храмѣ народнаго просвѣщенія, а именно въ народной школѣ и среднеучебномъ заведеніи есть главный оплотъ національной неприкосновенности. Мы утверждаемъ это не потому, чтобы были несогласны съ приведенными тезисами редакціи *Русской Мысли* (напротивъ, и мы подъ ними бы подписались), а потому, что въ высшемъ преподаваніи на чужомъ языкѣ видимъ вредъ меньшій, чѣмъ въ низшемъ. Прежде всего оно не заставляетъ забывать родной языкъ или знать его крайне плохо, что констатировано по отношенію къ ученикамъ гимназій и реальныхъ училищъ Царства Польскаго, которые часто совсѣмъ не умѣютъ грамотно писать по-польски. Далѣе, въ высшемъ учебномъ заведеніи главная роль принадлежитъ не устному преподаванію съ каѳедры, а самостоятельному изученію науки студентами: если профессоръ читаетъ предметъ по-русски, студенты могутъ читать книги, относящіяся къ предмету, по-польски. Съ другой стороны, мы всѣ, учившіеся въ русскихъ университетахъ, пріобрѣтали большею частью свои знанія изъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ книгъ, нисколько не опасаясь за судьбу своего національнаго существованія; мало того, многіе изъ насъ даже и учились въ заграничныхъ университетахъ. Кромѣ того, наука двигается впередъ не одними университетами, и высшее преподаваніе на чужомъ языкѣ не до такой степени тормозитъ развитіе національной науки, какъ господство чужаго языка въ средней школѣ, обучающей читать и писать на родномъ языкѣ. Одинъ національный университетъ безъ широкаго развитія грамотности въ народѣ не можетъ служить оплотомъ національности. Словомъ, здѣсь такой бѣды еще нѣтъ, какъ въ попыткахъ денаціонализировать низшую школу. Студенты, вступая въ университетъ, притомъ уже взрослые люди, а не дѣти, проникнуты національнымъ чувствомъ, способнѣе учиться на чужомъ языкѣ, имъ уже извѣстномъ, чѣмъ ребята, которымъ объясняютъ непонятныя вещи на непонятномъ языкѣ, и степень усвоенія ими науки отъ этого не такъ страдаетъ. Знаніе чужаго языка для образованнаго человѣка—не

лишнее бремя, а положительная необходимость. Словомъ, здѣсь совсѣмъ не то, что въ низшей школѣ, и мы думаемъ, что если найдутъ нужнымъ передѣлывать въ польскихъ школахъ то, что сдѣлано было въ шестидесятыхъ годахъ, то именно нужно начать съ сельскаго училища, а университетомъ кончить. Къ тому времени Варшавшій университетъ могъ бы приготовить для себя и профессоровъ изъ своихъ бывшихъ слушателей, успѣвшихъ достаточно познакомиться съ духовною жизнью русскаго общества и получившихъ стремленіе къ духовному общенію съ нами. Редакція *Русской Мысли* стоитъ въ принципѣ за «преподаваніе поляками и на польскомъ языкѣ всѣхъ наукъ въ томъ направленіи (только не въ *политически-тенденціозно*-враждебномъ народу русскому, разумѣется), въ какомъ поведетъ ихъ творчество польскаго ума». Выставленнаго здѣсь ограниченія мало, по моему мнѣнію: о томъ, чтобы не было политически-тенденціозно-враждебнаго направленія, и безъ насъ позаботятся, а тутъ можетъ быть другая вещь—просто игнорированіе насъ, отсутствіе всякой духовной связи съ нами. Но это такъ только къ слову, а дѣло не въ томъ. Мы думаемъ такимъ образомъ, что польская національность можетъ считать себя обезпеченной и при русскомъ университетѣ. Примѣръ чеховъ не идетъ къ дѣлу, ибо, во-первыхъ, у поляковъ есть два своихъ университета, чего у чеховъ нѣтъ, а во-вторыхъ—положеніе русскаго элемента въ Варшавѣ совсѣмъ иное, нежели нѣмецкаго въ Прагѣ: тамъ исключительно нѣмецкій университетъ играетъ роль подспорья при германизаціи чеховъ, живущихъ въ перемѣшку съ нѣмцами, тогда какъ въ русской Польшѣ Варшавскій университетъ не имѣетъ такого значенія, стоя совершенно особнякомъ среди чисто польскаго общества. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, русскій университетъ въ Варшавѣ не можетъ считаться учрежденіемъ опаснымъ для польской національности, и было бы желательно только, разъ онъ существуетъ, чтобъ онъ содѣйствовалъ дѣлу сближенія нашего съ поляками. Подъ этимъ только условіемъ мы и признаемъ его временную пользу, принципіально становясь на точку зрѣнія г. І. Л. и редакціи *Русской Мысли*. Притомъ мы и не думаемъ, чтобы могъ быть въ Варшавѣ польскій университетъ при теперешнемъ общемъ положеніи края, какъ, съ другой стороны, конечно, было бы аномаліей существованіе русскаго университета въ краѣ, гдѣ польскій языкъ получилъ бы право на существованіе въ администраціи, самоуправленіи, школѣ и судѣ. Тѣмъ я и окончу свой отвѣтъ г-ну І. Л. и другимъ лицамъ, которыя говорили мнѣ то же самое, что и онъ.

В. Р. К.

Положеніе дѣлъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Въ концѣ моей прошлой статьи, отосланной наканунѣ избранія президента, я писалъ, что наступаетъ время, когда республиканская и демократическая партіи должны переформироваться и вмѣсто старыхъ, избитыхъ тэмъ о централизаціи противъ самоуправленія Штатовъ, о протекціонизмѣ противъ свободной торговли—поднять другіе вопросы, которые назрѣваютъ въ сознаніи народа и требуютъ безотлагательнаго рѣшенія. Тогда же было упомянуто, что республиканская партія съ частію демократовъ становится на защиту денежной аристократіи, тогда какъ гринбакеры, слившись съ другою частію демократовъ, выражаютъ собою интересы производительныхъ классовъ народа. Событія послѣднихъ мѣсяцевъ какъ нельзя лучше подтверждаютъ этотъ выводъ. То, что трудно было подмѣтить во время ожесточенной борьбы за президентство, становится теперь, во время сравнительнаго затишья, ясною и рѣзкою характеристикою времени.

Борьба за президентство была замѣчательна по той равномѣрности, съ которою раздѣлились народныя симпатіи между двумя главными политическими партіями. Исходъ борьбы былъ до послѣдней минуты въ высшей степени сомнителенъ; самые рьяные защитники партій, самые опытные бойцы не осмѣливались идти дальше неопредѣленныхъ догадокъ. Когда прошелъ день избранія (3 ноября) и передовыя газеты страны начали получать телеграфическія депеши изъ всѣхъ мѣстъ Союза о результатахъ избранія, то, несмотря на ихъ желаніе опередить другъ друга, онѣ только черезъ два дня могли прійти къ опредѣленному выводу,—такъ поровну раздѣлились голоса между двумя соперничествующими кандидатами. Наконецъ, процессіи съ музыкой, пушечные выстрѣлы и флаги надъ республиканскими редакціями газетъ показали народу, что его избранникомъ оказался генералъ Гарфильдъ.

Оффиціальные отчеты о народной подачѣ голосовъ, напечатанные только черезъ мѣсяцъ послѣ дня избранія, показали, что четыре кандидата на президентство получили въ свою пользу:

Гарфильдъ (кандидатъ республиканской партіи) .	4.439.885	голосовъ.
Ганкокъ (кандидатъ демократической партіи) . .	4.436.014	»
Виверъ (кандидатъ гринбакеровъ)	349.478	»
Дау (кандидатъ temperance party, т. е. партіи, требующей повсемѣстнаго запрещенія фабрикаціи и продажи спиртныхъ напитковъ *)	9.644	»

Перевѣсъ Гарфильда надъ Ганкокомъ оказался съ небольшимъ въ три тысячи голосовъ. Такой незначительный перевѣсъ еще ни разу не встрѣчался въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ.

Невольно напрашиваются вопросы: во имя какихъ идей четыре съ половиною милліона гражданъ стали противу такого же числа своихъ собратій и нѣтъ ли возможности думать, что при такомъ слабомъ перевѣсѣ легальное подчиненіе одной половины народа другой можетъ вызвать со стороны неудовлетворенныхъ серьезные протесты? Это могло бы случиться, еслибы вопросы, раздѣлившіе народъ, сильно затрогивали его интересы. Къ счастію, этого нельзя сказать въ настоящее время. Различіе между республиканскою и демократическою партіями (послѣ того, какъ послѣдняя признала законность совершившихся фактовъ) такъ незначительно, что народу рѣшительно все равно, которая изъ нихъ выиграетъ. Правда, каждая партія выставляла себя представительницею народныхъ интересовъ и нещадно критиковала противную партію. Обѣ онѣ боролись упорно; но упорство вытекало не изъ убѣжденій ихъ, а изъ желанія захватить въ свои руки всѣ доходныя и вліятельныя должности въ правительственной машинѣ. Народъ, добрый, довѣрчивый народъ, помощь котораго была нужна имъ для захвата мѣстъ, былъ забытъ ими на другой день послѣ побѣды.

Въ виду рѣзкаго приговора, могущаго показаться неправдоподобнымъ въ глазахъ русскаго читателя, я долженъ нѣсколько подробнѣе развить свои мысли и подтвердить ихъ фактами.

На самомъ дѣлѣ стоитъ только разсмотрѣть тѣ аргументы, съ помощью которыхъ республиканская партія переманила на свою сторону большинство народовъ, чтобъ увидать, какъ призрачно ея отличіе отъ демократической. Республиканскіе ораторы, разъѣзжая по городамъ и селамъ Америки, старались убѣдить народъ, что ихъ партія стоитъ за обезпеченіе свободы въ подачѣ голосовъ; что разъ демократы возьмутъ верхъ, у народа будетъ отнята эта свобода. Они ссылались на факты, доказывающіе существованіе поддѣлокъ, обмана и насилія, къ которымъ прибѣгаютъ демократы южныхъ штатовъ, чтобъ обезпечить за собой большинство на выборахъ. Щедро разсыпая цвѣты краснорѣчія, они доказывали народу, что

*) Въ концѣ статьи будетъ помѣщено нѣсколько пояснительныхъ словъ о значеніи этой партіи въ американской жизни и ея ростѣ за послѣднее время.

онъ долженъ прекратить подобное наруганіе надъ свободой, показать демократамъ свою мощь и вотировать противъ нихъ. Народъ, достаточно знакомый съ положеніемъ дѣлъ на Югѣ, чтобы не сомнѣваться въ справедливости большей части приводимыхъ фактовъ, заявляетъ свое негодованіе противъ демократовъ, вотируя за Гарфильда и упуская изъ вида, что тѣ же самыя насилія, только въ болѣе пристойной, іезуитской, формѣ, постоянно практикуются республиканскою партіей.

Возмутительно сознавать, что есть мѣста въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ люди съ револьверами въ рукахъ открыто грозятъ застрѣлить всякаго, кто подастъ республиканскій билетъ; но это происходитъ въ грубомъ, невѣжественномъ населеніи бывшихъ рабовладѣльцевъ, между людьми незнающими лучшихъ аргументовъ кромѣ плети да револьвера. Посмотримъ же теперь, какъ поступаютъ образованные и богатые фабриканты Массачусетса—штата, по праву гордящагося своимъ умственнымъ превосходствомъ надъ другими. Населеніе этого штата почти поровну раздѣлено между двумя партіями, и такъ какъ рабочіе изъ ирландцевъ тяготѣютъ къ демократической партіи, то республиканскіе фабриканты употребляютъ слѣдующій маневръ, чтобъ обезпечить за своею партіей большинство голосовъ. Рабочіе, не получая увольненія отъ работы, должны и въ день выборовъ явиться въ урочное время на фабрику. Во время работы надсмотрщики раздаютъ имъ республиканскіе билеты, которые нарочно печатаются на бумагѣ особеннаго цвѣта и формата, чтобы сдѣлать невозможнымъ подмѣнъ ихъ на демократическіе билеты. Затѣмъ, подъ предлогомъ неотложной работы, не отпускаются въ-одиночку къ мѣсту подачи голосовъ, а идутъ туда вмѣстѣ съ надсмотрщиками, образуютъ «хвостъ», и каждый изъ нихъ, чувствуя на себѣ инквизиторскій взглядъ надсмотрщиковъ, стоящихъ у мѣста подачи голосовъ, обязанъ подать судьямъ избранія цвѣтной билетъ, зная, что за подачу другого билета онъ можетъ лишиться мѣста. Въ чемъ же разница между насиліемъ Юга и Сѣвера? Тамъ дикая сила стоитъ съ оружіемъ въ рукахъ и грозитъ смертію своему противнику; тутъ человѣкъ цивилизаціи лицемѣрно говоритъ: «ты свободенъ подать голосъ за кого хочешь, но знай, мой милый, что и я свободенъ отнять у тебя работу и наказать твою семью нищетою и голодомъ». Пусть юристы пререкаются изъ-за того, какой способъ насилія лучше. Во мнѣніи людей неиспорченныхъ умственною софистикою оба способа одинаково возмутительны и насиліе, прикрывающееся видомъ невинности, гораздо опаснѣе для страны, чѣмъ буйное, открытое нарушеніе законовъ дикими сынами природы. Противъ однихъ можно послать солдатъ, тогда какъ другіе, «живя согласно съ строгою моралью», не могутъ быть караемы закономъ. Народъ, разумѣется, смотритъ на дѣло нѣсколько иначе: подобно большинству людей, онъ не умѣетъ разоблачать скрытую подлость; онъ возмущается противъ открытаго нарушенія законовъ и вотируетъ за волковъ въ овечьей шкурѣ.

Есть еще другая слабая струнка у народа, на которой республиканцы успѣшно наигрываютъ въ теченіе 20 лѣтъ. Они постоянно доказываютъ, что южане презираютъ негровъ, не признаютъ ихъ политическихъ правъ, стрѣляютъ въ нихъ какъ въ собакъ. Множество несомнѣнныхъ фактовъ подтверждаютъ справедливость этого обвиненія и народъ, не желая терять того, что было пріобрѣтено тяжелою и кровавою войною, вотируетъ за республиканцевъ, выдающихъ себя защитниками угнетенной расы.

И здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, открытое угнетеніе негровъ въ южныхъ штатахъ рѣзче кидается въ глаза среднему человѣку, чѣмъ тонкое, неуловимое и вездѣсущее презрѣніе къ негру, проявляющееся въ общественной жизни сѣверянъ. Несмотря на равноправность передъ закономъ, ни одинъ негръ не осмѣливается сѣсть въ общественный омнибусъ или войти въ отель, а недавній скандалъ въ Вестъ-Пойнтской военной школѣ прибавилъ еще одинъ крупный фактъ ко множеству другихъ, доказывающихъ брюзгливое отношеніе американецъ къ цвѣтной расѣ.

Дѣло въ томъ, что въ Вестъ-Пойнтскую школу, гдѣ воспитываются на счетъ правительства юноши не моложе 16 лѣтъ, съ спеціальною цѣлью приготовленія офицеровъ для регулярной арміи, поступилъ недавно кварторонъ Виттакеръ. Его африканское происхожденіе, хотя обнаруживающееся только большою смуглостью лица, было достаточною причиной, чтобы подвергнуть его остракизму, тяжелому вездѣ и невыносимому въ школѣ. Несмотря на примѣрное поведеніе и хорошіе успѣхи въ занятіяхъ, всѣ его сношенія съ товарищами ограничивались только служебною необходимостію. Нѣкоторымъ изъ его товарищей и это показалось недостаточнымъ: желая, вѣроятно, отбить охоту у другихъ квартероновъ на поступленіе въ школу, они напали на Виттакера ночью, заткнули ему ротъ, связали его и отрѣзали уши, распространяя затѣмъ слухъ, будто Виттакеръ самъ отрѣзалъ свои уши, чтобъ отомстить товарищамъ за остракизмъ... Начальство школы не умѣло или не хотѣло открыть виновныхъ и, во избѣжаніе скандала, сочло за лучшее исключить Виттакера изъ школы. Къ счастію, нѣсколько вліятельныхъ лицъ энергически заступились за Виттакера и выхлопотали у Гэса приказъ о передачѣ этого дѣла на разсмотрѣніе военно-судной комиссіи. Засѣданія военнаго суда еще не окончены. Оправдаетъ ли онъ Виттакера или обвинитъ его, во всякомъ случаѣ уже одна возможность подобнаго скандала доказываетъ, какъ сильны еще предубѣжденія американцевъ противъ африканской расы и какъ лицемѣрны республиканцы, выступая защитниками презираемыхъ ими людей.

Такимъ образомъ, выключая избитыя и мало понятныя народу разсужденія о вредѣ и пользѣ централизаціи, да отбрасывая небольшія различія по финансовымъ вопросамъ, о которыхъ они вовсе не упоминали передъ народомъ, боясь стать лицомъ къ лицу съ ненавистными имъ гринбакерами,—оказывается, что старыя партіи ничѣмъ не отличались другъ отъ друга. Тамъ, гдѣ нѣтъ убѣжденій, исходъ борьбы всегда зависитъ отъ

матеріальныхъ средствъ соперниковъ. И вотъ одна изъ причинъ, почему деньги играли такую громадную роль на выборахъ прошлаго года. Что милліоны, пожертвованные банкирами, обезпечили успѣхъ республиканцамъ—фактъ слишкомъ хорошо извѣстный всякому, знакомому съ закулисною исторіей партій. Онъ даже соскальзываетъ съ языка предводителей республиканцевъ, какъ случилось недавно на банкетѣ, данномъ въ честь сенатора Дорсея, бывшаго секретаремъ исполнительнаго комитета партіи, въ ознаменованіе его заслугъ во время президентской кампаніи. На банкетѣ этомъ въ числѣ многихъ знаменитостей партіи присутствовалъ генералъ Артуръ, избранный вице-президентомъ Союза. Ему предоставлена была честь сказать поздравительную рѣчь Дорсею; и вотъ, говоря между прочимъ объ успѣхѣ республиканцевъ въ Индіанѣ въ прошломъ октябрѣ, которымъ была обезпечена побѣда 3-го ноября, онъ говоритъ: «Успѣхъ этотъ могъ быть осуществленъ посредствомъ переходной организаціи боевыхъ силъ партіи и при помощи огромнаго количества...» Тутъ онъ спохватился и, чтобы замять излишнюю откровенность, прибавилъ, посреди всеобщаго смѣха присутствовавшихъ: «Я вижу здѣсь репортеровъ, а потому ограничусь только замѣчаніемъ, что всѣ члены исполнительнаго комитета, въ особенности нашъ почтенный секретарь, оказали неоцѣненныя услуги распространеніемъ въ народѣ памфлетовъ и документовъ, разъясняющихъ наше положеніе относительно демократической партіи».

Вотъ картина достойная пера сатирика! Вице-президентъ Союза, выбранный изъ среды партіи, такъ много говорящей о безусловной свободѣ голосованія, публично заявляетъ, что успѣхъ партіи былъ обезпеченъ огромнымъ количествомъ денегъ. O tempora! O mores!... Позоръ его циническій выходки не можетъ быть прикрытъ вліяніемъ вкусныхъ винъ банкета, такъ какъ то, что едва не сорвалось съ языка вице-президента, говорится открыто и повсемѣстно самыми трезвыми газетами страны.

Для тѣхъ, которые сомнѣваются, что борьба между партіями шла только изъ-за должностей, достаточно изложить въ сжатой формѣ, чѣмъ занималась побѣдоносная партія послѣ 3-го ноября, чѣмъ были наполнены ея органы и чѣмъ руководились политическіе вожди и члены законодательныхъ собраній. Факты будутъ убѣдительнѣе словъ.

Какъ только обнаружилось, что Гарфильдъ имѣетъ за собой большинство электоральной коллегіи, его ежедневная почта начала измѣняться не числомъ писемъ, а десятками фунтовъ и пудами; съ тѣхъ поръ онъ отданъ былъ на истязаніе политическимъ интриганамъ, желающимъ воспользоваться его избраніемъ для своихъ личныхъ цѣлей. Крупные интриганы, изъ числа политическихъ вождей и товарищей Гарфильда по конгрессу, торопились войти въ болѣе интимныя отношенія съ нимъ и тѣмъ отстранить вліяніе своихъ противниковъ. Политики второстепенной важности являлись къ нему вооруженные вѣсскими рекомендаціями отъ авторитетныхъ людей, въ удостовѣреніе своихъ заслугъ для партіи, и старались

заручиться у него мѣстомъ въ будущей администраціи. Иногда же, собираясь вмѣстѣ и составляя такъ-называемыя делегаціи, положительно требовали отъ Гарфильда, чтобы въ составъ будущаго министерства вошла извѣстная личность *).

Вся эта масса противорѣчивыхъ совѣтовъ, просьбъ и требованій, сыпавшихся на Гарфильда со всѣхъ сторонъ, опиралась на тотъ аргументъ, что президентъ, обязанный этимъ людямъ своимъ избраніемъ, долженъ наградить ихъ заслуги, удовлетворяя ихъ просьбамъ.

Желая оградить себя хотя сколько-нибудь отъ наплыва назойливыхъ друзей, Гарфильдъ выѣхалъ изъ Вашингтона, этого средоточія политическихъ интригъ, и заперся на своей фермѣ въ Огайо. Но и тамъ ему не было покоя ни днемъ, ни ночью. Радушный и гостепріимный, онъ не могъ отказывать людямъ отъ крова и угощенія, и его тихое, мирное жилище обратилось въ шумную и людную гостиницу, постоянно набитую искателями должностей. Замученный, потерявшій голову, Гарфильдъ однажды вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ делегатамъ: «Господа! знайте разъ навсегда, что я—банкротъ, не могущій выполнить и сотой доли своихъ обязательствъ. Я много обязанъ гражданамъ моего избирательнаго округа, выбиравшимъ меня въ продолженіе 16 лѣтъ въ палату представителей. Я обязанъ законодательному собранію штата за выборъ меня въ сенаторы. Я обязанъ конвенту республиканской партіи, избравшему меня своимъ кандидатомъ. Я обязанъ всѣмъ фракціямъ партіи за ихъ единодушное содѣйствіе во время президентской кампаніи. Я обязанъ всякому гражданину, вотировавшему за меня 3-го ноября... Но поймите, господа, я не могу удовлетворить личнымъ желаніямъ каждаго изъ обязавшихъ меня,— это свыше человѣческихъ силъ. Я объявляю полнѣйшую невозможность выплатить свои обязательства. Я—несомнѣнный банкротъ».

Но и этотъ протестъ оказался безсильнымъ. Гарфильдъ долженъ былъ до конца испить свою чашу. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ (отъ начала ноября до начала марта) онъ, говорятъ, потерялъ около двадцати фунтовъ въ вѣсѣ, а его жена едва не умерла отъ изнурительнаго тифа, полученнаго вслѣдствіе безпокойствъ и хлопотъ, сопряженныхъ съ содержаніемъ импровизированной гостиницы.

Горячечная погоня за мѣстами отразилась на политической прессѣ страны. Всѣ политическія газеты, а въ особенности тѣ, которыя представляютъ собою интересы извѣстныхъ лицъ и фракцій, были наполнены разсужденіями и полемикой о томъ, кто долженъ быть министромъ. Вообще это четырехмѣсячное междуцарствіе, когда старая администрація, готовясь передать власть въ другія руки, была парализована въ своей

*) Надо замѣтить, что министры назначаются президентомъ, а сенатъ только утверждаетъ его выборъ. Личность разъ назначенная министромъ получаетъ этимъ право назначать людей на второстепенныя должности своего министерства, и отсюда такіе хлопоты о томъ, кто будетъ назначенъ министромъ.

дѣятельности, а новая администрація еще не вступила въ должность,— можетъ быть интереснымъ временемъ для политическихъ интригановъ, для обыкновеннаго же смертнаго оно въ высшей степени скучно и монотонно. Тѣмъ большій эффектъ произведенъ былъ на публику появленіемъ открытаго письма къ Гарфильду отъ редактора газеты *Капитолій*, въ которомъ съ безпощадною откровенностью говорится объ оборотной сторонѣ политической жизни въ Америкѣ. Письмо это очень интересно; жаль, что, вслѣдствіе его длины, я долженъ ограничиться только небольшими выписками. Оно начинается такъ:

«Мой дорогой генералъ! Теперь, когда безсмысленная политическая борьба пришла къ концу и вы становитесь будущимъ президентомъ, я рѣшился обратиться къ вамъ прежде, чѣмъ вы будете похоронены въ Бѣломъ Домѣ, черезъ толстыя стѣны котораго и зеркальныя окна не проходитъ голосъ правды. Я обращаюсь къ вамъ съ тѣми же дружескими чувствами, которыя связывали насъ, когда мы оба жили въ дешевой гостиницѣ: я—работая въ качествѣ газетнаго корреспондента, а вы—поддерживая семью скуднымъ въ то время содержаніемъ народнаго представителя. Я мысленно возвращаюсь къ тому времени, когда вы съ радостію принимали мою помощь и симпатію въ вашихъ треволненіяхъ и мои поздравленія въ вашихъ торжествахъ. Теперь, когда вы, мой другъ, находитесь на вершинѣ почета, я болѣе безпокоюсь о васъ, чѣмъ въ самыя темныя минуты вашей карьеры, когда самая жизнь казалась для васъ невыносимымъ бременемъ. Тогда вы были вмѣстѣ съ друзьями, теперь же вы переходите на попеченіе своихъ враговъ».

Далѣе, говоря, что Гарфильдъ не можетъ разсчитывать на поддержку вождей партіи, что онъ ненавидимъ ими и что выбранъ только вслѣдствіе самой постыдной интриги, которая когда-либо осуществлялась въ Америкѣ, редакторъ *Капитолія* прибавляетъ:

«Между ними есть люди, рѣшившіеся во что бы то ни стало измѣнить форму правительства. Они хотятъ установить пожизненное президентство и сильное правительство, чтобъ отнять власть у народа. Вы знаете, кто предназначается ими для измѣннической продѣлки, на чьей репутаціи и предполагаемой популярности они основываютъ свою игру?»

Предостерегая Гарфильда противъ этихъ людей, онъ между прочимъ говоритъ:

«Помните, что вы были предсѣдателемъ комитета, назначеннаго изслѣдовать причины страшной финансовой паники, извѣстной подъ названіемъ «черной пятницы», когда Фискъ, Гудъ и Грантъ при помощи государственнаго казначейства обогатили себя на счетъ тысячъ честныхъ и бѣдныхъ людей. Я не хочу выставлять детали этого позорнаго дѣла, главный преступникъ котораго былъ прослѣженъ до порога Бѣлаго Дома. Вашъ комитетъ провелъ резолюцію, что президентъ долженъ явиться въ засѣданія комитета и очистить себя отъ падающихъ на него обвиненій. Вече-

ромъ того же дня вы пошли къ президенту и только послѣ полуночи вернулись домой, измученный, озадаченный громадностію задачи, лежавшей на вашихъ плечахъ. Вы настояли на отмѣнѣ вызова президента. Нужно ли говорить, что и вы, и я отлично знаемъ, почему комитетъ согласился съ вами? Даже демократическіе члены комитета—и тѣ отшатнулись отъ разоблаченія грязной и позорной исторіи».

Въ концѣ письма онъ говоритъ, какая личность могла бы въ настоящее время твердо и неукоснительно править въ интересахъ народа, и заключаетъ письмо слѣдующими знаменательными словами:

«Вы не принадлежите къ числу великихъ людей. Вы способны восторгаться героическими подвигами прошлаго времени, вы горячо сочувствуете поэтическимъ красотамъ, вы полны хорошихъ мыслей и импульсовъ, но въ концѣ концовъ вы будете поддерживать людей, которыхъ вы презираете въ душѣ,—вы будете дѣйствовать въ интересахъ партіи, съ которою не имѣете ничего общаго».

Предсказаніе это оправдалось. Блестящій въ роли парламентскаго бойца, Гарфильдъ былъ слишкомъ мало знакомъ съ закулисною механикой партіи и съ системою торговъ на должности. Подавленный массою требованій, шедшихъ къ нему со всѣхъ сторонъ, онъ остановился на томъ, чтобы въ составъ его министерства вошли представители всѣхъ фракцій республиканской партіи, включая и ту, которую онъ ненавидѣлъ въ душѣ и которая подъ предводительствомъ сенаторовъ Конклина, Камерона и Логана такъ усердно хлопотала о выборѣ Гранта въ президенты. Чувствуя необходимость опереться на личность болѣе его опытную въ политическихъ интригахъ и болѣе его твердую въ столкновеніи съ нахальными людьми, онъ обратился къ сенатору Блэну съ просьбой принять званіе государственнаго секретаря—не для того, чтобы выполнять рутинныя детали администраціи подъ руководствомъ президента, а чтобы сдѣлаться его совѣтникомъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ.

Читатель, слѣдившій за политическою борьбой въ Америкѣ, знаетъ, что Блэнъ есть глава и душа сильной республиканской фракціи, постоянно выдвигающей его въ кандидаты на президентство. Онъ не теряетъ надежды стать президентомъ въ недалекомъ будущемъ. Самолюбивый, ищущій сильной дѣятельности и страстной борьбы, онъ рѣшился бросить скучный сенатъ и сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ перваго министра Англіи (хотя по американской конституціи министры суть простые чиновники, отвѣтственные только передъ президентомъ и обязанные работать подъ его руководствомъ). При помощи Блэна Гарфильдъ составилъ наконецъ свой кабинетъ и отправился въ Вашингтонъ, чтобы вступить въ свою должность.

4-го марта, среди многочисленнаго собранія народа и войска, въ присутствіи конгресса, верховнаго суда и дипломатическаго корпуса, Гарфильдъ принесъ присягу въ вѣрности конституціи и затѣмъ произнесъ длинную

рѣчь, излагая программу своей будущей дѣятельности. Программа эта отличалась отъ программы республиканской партіи только тѣмъ, что Гарфильдъ придалъ еще большее значеніе необходимости преслѣдовать многоженство.

4-го же марта окончились засѣданія стараго конгресса. Вновь избранный конгрессъ, въ силу конституціи, долженъ собираться только къ 1-му декабря каждаго года (если не будетъ созванъ ранѣе прокламаціей президента). Тѣмъ не менѣе, въ виду смѣны президента, новый сенатъ открылъ такъ-называемыя административныя засѣданія для утвержденія должностныхъ лицъ, назначаемыхъ президентомъ, такъ какъ, въ силу конституціи, всѣ договоры съ иностранными государствами, объявленіе войны и назначеніе на должности производятся президентомъ не иначе, какъ съ согласія сената.

5-го марта Гарфильдъ послалъ на утвержденіе сената свой списокъ министровъ, который до того дня обыкновенно сохраняется въ глубочайшемъ секретѣ. Съ этого же дня облегчается положеніе президента, такъ какъ большинство искателей должностей оставляютъ его въ покоѣ и начинаютъ осаждать его министровъ. Кабинетъ Гарфильда, утвержденный сенатомъ, состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: Блэнъ—государственный секретарь и министръ иностранныхъ дѣлъ, Кирквудъ—министръ внутреннихъ дѣлъ, Виндомъ—министръ финансовъ, Джемсъ—министръ почтъ, Робертъ Линкольнъ—военный министръ, Гунтъ—морской министръ и Віа—государственный прокуроръ и юрисконсультъ.

Назначеніе Джемса, креатуры Конклина, было сдѣлано для удовлетворенія грантистовъ. Робертъ Линкольнъ, сынъ убитаго президента, былъ назначенъ ради популярности своего имени, а Гунтъ—для удовлетворенія требованій республиканцевъ южныхъ штатовъ. Вообще составъ кабинета, несмотря на свою разнокалиберность (а можетъ-быть въ силу этого), произвелъ пріятное впечатлѣніе на республиканцевъ всевозможныхъ оттѣнковъ. Всѣ фракціи были награждены президентомъ; всѣ онѣ имѣли своихъ представителей въ кабинетѣ. Президентъ ясно высказалъ свое намѣреніе не быть въ ссорѣ ни съ одною изъ нихъ. Удовольствіе политическихъ интригановъ усилилось еще болѣе, когда Гарфильдъ объявилъ свое намѣреніе, въ противоположность Гэсу, выбирать должностныхъ лицъ по предварительному соглашенію съ представителями и сенаторами штата, въ которомъ открывается вакансія. Правда, Гарфильдъ сохранитъ за собой право назначенія, если онъ будетъ считать себя компетентнымъ судьею въ выборѣ лица, но даже и съ этою оговоркой онъ сразу подкосилъ все, что съ такимъ трудомъ созидалось Гэсомъ, и одна изъ существенныхъ прерогативъ президентской власти снова перешла подъ контроль конгресса. Члены конгресса будутъ, разумѣется, пользоваться этимъ для награжденія людей, усердно работавшихъ для ихъ избранія, и должности снова будутъ раздаваться не тѣмъ, которые способны честно и добросовѣстно служить народу, а тѣмъ, которые поискуснѣе другихъ въ политическихъ интригахъ.

Административныя засѣданія сената обыкновенно продолжаются недѣли двѣ, и если сенатъ мирно расположенъ къ президенту и не перечитъ его назначеніямъ, то эти засѣданія бываютъ крайне безцвѣтны. Но на этотъ разъ между сенаторами вспыхнула борьба, вполнѣ обнаружившая всю грязь и эгоизмъ старыхъ политическихъ партій.

Какъ уже было сказано, выборы 3 ноября показали, что симпатіи народа поровну раздѣлились между двумя соперничествующими партіями. Естественнымъ результатомъ этого было почти равное раздѣленіе голосовъ въ конгрессѣ. Въ новой палатѣ представителей считаютъ 145 республиканцевъ, 138 демократовъ и 10 гринбакеровъ. Въ сенатѣ, изъ котораго каждые два года выбываетъ только одна треть состава, раздѣленіе партій еще ровнѣе. Изъ 76 сенаторовъ (по два отъ каждаго изъ 38 штатовъ Союза) 37 были выбраны республиканскою партіей, а 39—демократическою. Послѣдніе, разумѣется, были увѣрены, что за ними останется контроль въ организаціи сената, такъ какъ большинствомъ голосовъ выбираются если не предсѣдатель *), то секретари сената и совѣщательныхъ комитетовъ, капелланъ, сенатскій приставъ и цѣлая армія зависящихъ отъ него сторожей, привратниковъ и прислужниковъ. Каково же было ихъ изумленіе, когда одинъ изъ демократическихъ сенаторовъ отъ Восточной Виргиніи, Магонъ, перешелъ на сторону республиканцевъ! Голоса стали дѣлиться поровну и, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, голосъ Артура рѣшалъ всѣ спорные вопросы въ пользу республиканцевъ. Негодованію и ярости демократовъ не было предѣловъ. Къ Магону обращались съ рѣчами, нарушавшими основныя правила приличія. «Ренегатъ, лжецъ, обманщикъ!»—сыпалось со всѣхъ сторонъ. Но дѣло этимъ не ограничилось. Когда республиканцы, гордясь своимъ большинствомъ, захотѣли смѣнить сенатскаго пристава (изъ демократовъ) и поставить на его мѣсто своего фаворита, демократы рѣшились воспользоваться однимъ изъ правилъ сенатскихъ преній, по которому предсѣдатель не имѣетъ голоса при выборѣ исполнителя его приказаній, и упорно противопоставили свои 37 голосовъ противъ 37 республиканцевъ. Республиканцы, разумѣется, не захотѣли уступать имъ, и вотъ изо дня въ день шли жаркія пренія о томъ, какая партія права, безпрерывно возобновлялись баллотировки по поводу смѣны пристава и всякій разъ голоса раздѣлялись поровну.

Несмотря на то, что болѣе двухсотъ крупныхъ должностныхъ лицъ ожидали своего утвержденія отъ сената, несмотря на то, что сенату предстояло ратификовать весьма важный коммерческій трактатъ съ Китаемъ,—почти два мѣсяца прошло въ флибустьерской войнѣ изъ-за пристава, къ позору и негодованію всѣхъ порядочныхъ людей и доказывая во-очію, что не благо страны, а желаніе патронизировать своимъ друзьямъ и клевре-

*) Въ силу конституціи, предсѣдателемъ сената долженъ быть вице-президентъ сената, т. е. генералъ Артуръ.

тамъ стоитъ выше всего для сенатора Америки. Негодованіе народа не могло не выразиться чрезъ посредство газетъ. Многіе открыто заявляли о необходимости уничтожить сенатъ, другіе употребляли болѣе дѣйствительное оружіе—сарказмъ и насмѣшки.

Очень можетъ быть, что подъ давленіемъ насмѣшекъ и народнаго негодованія сенатъ скорѣе бы прекратилъ свое препирательство изъ-за пристава; но, на бѣду, нѣкоторые сенаторы старались продлить междоусобіе, чтобы по возможности замедлить утвержденіе лицъ, назначенныхъ Гарфильдомъ безъ ихъ вѣдома и спроса. Такимъ образомъ, подъ покровомъ шутовской борьбы изъ-за пристава, завязывалась другая борьба, тоже изъза должностей, но съ болѣе серьезнымъ значеніемъ, такъ какъ ею рѣшался вопросъ, сохранитъ ли Гарфильдъ за собою право выбирать хотького-нибудь на должность, не спрашивая согласія сенаторовъ, или же долженъ разъ навсегда и безусловно передать свое право выбора подъ контроль законодательной власти.

Для русскаго читателя, мало знакомаго съ персоналомъ американскихъ политическихъ вождей и съ методомъ ихъ дѣйствій, слѣдуетъ ввести нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Нью-йоркскій сенаторъ Конклинъ, будучи любимцемъ Гранта, получилъ отъ него carte blanche на назначеніе всѣхъ должностныхъ лицъ Нью-Йоркскаго штата. Грантъ только подписывалъ его назначенія. Результатомъ этого было то, что въ теченіе осьмилѣтняго правленія Гранта Конклинъ успѣлъ наполнить всѣ мѣста Нью-Йоркскаго штата своими приверженцами. А такъ какъ на съѣздахъ партій могутъ участвовать только люди со средствами и имѣющіе досугъ, то понятно, что всѣ рѣшенія и выборы на съѣздахъ нью-йоркскихъ реснубликанцевъ, состоящихъ на $^9/_{10}$ изъ должностныхъ лицъ штата, дѣлались подъ диктовку Конклина, который черезъ это пріобрѣлъ громадную силу и значеніе въ республиканской партіи. Гэсъ, вступивши въ должность президента, заявилъ свое намѣреніе прекратить позорную раздачу должностей за заслуги партіи, и отсюда упорная четырехлѣтняя война между Конклиномъ и Гэсомъ,—война, въ которой Конклинъ постоянно и сильно вредилъ Гэсу, тогда какъ Гэсъ, вѣрный своему правилу не руководиться политическими убѣжденіями при назначеніи должностей, не смѣнять нью-йоркскихъ чиновниковъ, пока они добросовѣстно исполняли свои обязанности,—разумѣется, не могъ существенно ослабить значеніе Конклина.

Понятно, что Конклинъ сталъ во главѣ партіи, желающей выбрать Гранта въ третій разъ президентомъ Союза. Онъ разсчитывалъ, что съ помощью делегатовъ Нью-Йоркскаго штата, до сихъ поръ безусловно повиновавшихся ему, онъ съумѣетъ собрать на національномъ конвентѣ требуемое большинство голосовъ въ пользу Гранта. Но онъ ошибся въ разсчетѣ. Оппозиція его диктатурѣ уже росла въ средѣ нью-йоркскихъ республиканцевъ и судья Робертсонъ, равный Конклину по умѣнью интриговать и превосходящій его по личнымъ качествамъ, сталъ во главѣ ма-

лочисленныхъ, но энергическихъ диссидентовъ, противящихся избранію Гранта. И вотъ, когда на національномъ конвентѣ въ Чикаго большинство нью-йоркскихъ делегатовъ, подъ предводительствомъ Конклина, упорно вотировали за кандидатуру Гранта, меньшинство, подъ предводительствомъ Робертсона, съ такимъ же упорствомъ вотировали за кандидатуру Блэна. Мы знаемъ, что борьба между приверженцами Гранта и Блэна окончилась избраніемъ Гарфильда. А принявъ въ разсчетъ, какъ мало голосовъ недоставало Конклину для достиженія его цѣлей, понятно станетъ, что мстительный сенаторъ не могъ простить человѣку, осмѣлившемуся разстроить его разсчеты. Я уже говорилъ, что Гарфильдъ, вступивъ въ должность президента, въ видахъ примиренія съ грантистами, ввелъ въ составъ своего кабинета одну изъ креатуръ Конклина—Джемса, что вмѣстѣ съ Артуромъ (вице-президентомъ) давало этой фракціи сильное представительство въ администраціи. Мало того, Гарфильдъ имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ Конклиномъ относительно замѣщенія вакансій въ Нью-Йоркскомъ штатѣ и, въ угоду его желаніямъ, назначилъ къ крупнымъ должностямъ пять или шесть его фаворитовъ. Конклинъ возликовалъ: ему казалось, что Гарфильдъ, подобно Гранту, даетъ ему контроль надъ Нью-Йоркомъ; онъ готовъ былъ позабыть, что за Гарфильдомъ стоитъ его политическій соперникъ—Блэнъ. Тѣмъ тяжелѣе было его разочарованіе, когда на одномъ изъ засѣданій сената, препиравшагося тогда изъ-за пристава, прочитано было сообщеніе президента, чтобы сенатъ утвердилъ его назначеніе Робертсона начальникомъ нью-йоркской таможни.

Не мѣшаетъ замѣтить, что начальникъ нью-йоркской таможни имѣетъ въ своемъ распоряженіи 955 должностныхъ мѣстъ съ ежегоднымъ жалованьемъ въ 1.400.000 долларовъ. Хотя самъ начальникъ получаетъ только 17.000 долларовъ жалованья, тѣмъ не менѣе эта должность въ рукахъ политическаго интригана имѣетъ громадное значеніе. Начальникъ таможни можетъ замѣстить должности своими фаворитами, выплачивать имъ ежегодно 1.400.000 долларовъ и черезъ нихъ упрочивать свое вліяніе на дѣла партіи.

Конклинъ, разумѣется, былъ возмущенъ при мысли, что такое мѣсто получаетъ его заклятый врагъ, и вотъ между нимъ и президентомъ завязалась борьба, которая на цѣлый мѣсяцъ приковала къ себѣ вниманіе всего народа. Уже не толковали о позорѣ,—фаворитизмъ въ раздачѣ должностей становился уже признаннымъ фактомъ. Всѣ газеты, всѣ частные люди толковали только о томъ, кто выйдетъ побѣдителемъ. Прежде всего Конклинъ старался протянуть междоусобицу въ сенатѣ какъ можно дольше, чтобы, пользуясь этимъ временемъ, побудить Гарфильда отмѣнить назначеніе Робертсона. Съ этою цѣлью были пущены въ ходъ всѣ методы давленія, обыкновенно употребляемые въ подобныхъ случаяхъ. Стали присылаться громадныя петиціи, являлись депутаціи изъ различныхъ мѣстъ Союза, сыпались совѣты отъ политическихъ друзей—и все это съ цѣлью убѣдить

Гарфильда, что его упорство поведетъ къ расколу въ средѣ республиканцевъ и дастъ возможность демократамъ взять верхъ на выборахъ въ палату представителей (въ 1882 году). Мало того, два сенатора отъ Нью-Йоркскаго штата (Конклинъ и Платтъ) вмѣстѣ съ вице-президентомъ Соединенныхъ Штатовъ (Артуромъ) и министромъ почтъ (Джемсомъ) написали коллективный протестъ противъ назначенія Робертсона, — протестъ, торжественно врученный президенту депутаціей грантистовъ. Гарфильдъ не сдавался. Онъ заявилъ, что онъ не хочетъ патронизировать одной фракціи въ ущербъ другой,—что фракція, предводительствуемая Робертсономъ, имѣетъ такое же право на представительство въ администраціи, какъ и фракція, предводительствуемая Конклиномъ, и что, назначая друзей Конклина на важныя государственныя мѣста, онъ считаетъ себя въ правѣ назначить Робертсона начальникомъ таможни.

Тогда грантисты пошли на торгъ и предложили президенту дать Робертсону какое угодно мѣсто, кромѣ нью-йоркской таможни, которая должна была остаться въ ихъ рукахъ. Президентъ, тяготясь перспективою долгой и тяжелой войны, началъ было колебаться и готовъ даже былъ согласиться на эту сдѣлку, и только угроза Блэна выйти изъ кабинета, при малѣйшей уступкѣ Конклину, побудила Гарфильда довести свое дѣло до конца.

Въ виду затруднительности положенія, республиканскіе сенаторы собрались на секретное совѣщаніе, чтобы лучше выяснить свой образъ дѣйствій. Мстительный, ехидный и знающій слабыя стороны и секретныя провинности всѣхъ сенаторовъ, Конклинъ былъ опаснѣе имъ, чѣмъ добрый Гарфильдъ и великодушный Блэнъ. Они боялись быть выведены на чистую воду и рѣшились на такой компромиссъ, чтобъ утвердить всѣ должностныя лица, назначенныя Гарфильдомъ, кромѣ Робертсона, утвержденіе котораго отложить до декабря мѣсяца. Но Гарфильдъ настаивалъ на немедленной баллотировкѣ Робертсона и, чтобъ отнять у сенаторовъ возможность воспользоваться какими-нибудь легальными крючками и отложить утвержденіе Робертсона до слѣдующей зимы, онъ на время взялъ назадъ изъ сената всѣ свои назначенія, кромѣ одного, такъ что волею-неволею сенатъ долженъ былъ начать свои административныя засѣданія вотированіемъ за или противъ Робертсона. А такъ какъ во всѣхъ публичныхъ и секретныхъ совѣщаніяхъ никто не высказывался о его недобросовѣстности или неспособности и все дѣло сводилось только на партіальные разсчеты, то Гарфильдъ, въ отвѣтъ на трусливое и двусмысленное положеніе сенаторовъ, прямо объявилъ, что всякій сенаторъ, подавая голосъ противъ утвержденія Робертсона, поступитъ такъ изъ-за личныхъ разсчетовъ или изъ-за личной вражды къ президенту и тѣмъ закроетъ для себя входъ въ Бѣлый Домъ. «Такіе сенаторы,— прибавилъ Гарфильдъ,— если пожелаютъ видѣть меня, должны будутъ имѣть при себѣ рекомендательныя письма».

Несчастные сенаторы, поставленные между двухъ огней, и рады бы были продолжать споръ о приставѣ до скончанія вѣковъ, лишь бы только избавиться отъ щекотливой необходимости высказаться за или противъ Робертсона, но народное негодованіе противъ сената было слишкомъ сильно; они должны были прекратить свой споръ (демократы удержали-таки прежняго пристава) и начать административныя засѣданія. Конклинъ, сообразивъ въ послѣдній моментъ свои шансы на успѣхъ, убѣдился, что онъ не въ состояніи удержать за собой всѣхъ республиканскихъ сенаторовъ и что Робертсонъ, имѣя за собой часть республиканскихъ сенаторовъ и всѣхъ демократовъ, будетъ несомнѣнно утвержденъ въ своей должности. Въ безумной ярости на неудачный исходъ, онъ, вмѣстѣ съ Платтомъ, отказался отъ сенаторскаго мѣста; онъ думалъ, что его отказъ возбудитъ въ публикѣ взрывъ симпатій и что онъ, снова избранный вѣрнымъ ему законодательнымъ собраніемъ Нью-Йоркскаго штата, опять займетъ свое сенаторское мѣсто, какъ бы освященный вторичнымъ избраніемъ на безпощадную войну съ администраціей. Каково же было его разочарованіе, когда вмѣсто плача и воплей разразился дружный смѣхъ всей независимой прессы надъ небывалою до сихъ поръ и чисто-дѣтскою выходкой великаго сенатора. Многіе, находясь подъ его вліяніемъ, когда онъ былъ въ силѣ, теперь разорвали всѣ связи съ нимъ и рѣзче другихъ стали насмѣхаться надъ нимъ; даже законодательное собраніе Нью-Йоркскаго штата не торопится выбрать его въ сенаторы. Креатуры Конклина видятъ, что онъ теряетъ значеніе, и мало-по-малу отворачиваются отъ него, чтобы прислужиться Робертсону, который, съ нью-йоркскою таможней въ карманѣ, становится восходящею звѣздой на политическомъ горизонтѣ.

Немедленно, по выходѣ Конклина, назначеніе Робертсона было утверждено сенатомъ почти единогласно и противники Конклина, особенно многочисленные теперь, ознаменовали свою радость по этому поводу салютомъ изъ 100 пушечныхъ выстрѣловъ во всѣхъ большихъ городахъ Нью-Йоркскаго штата. Но война еще не кончилась. Конклинъ уже прошипѣлъ, что онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ данныя, по которымъ президентъ можетъ быть отданъ подъ судъ за незаконное пользованіе деньгами во время президентской кампаніи; любители скандаловъ потираютъ руки отъ удовольствія, ожидая новыхъ разоблаченій. Но для насъ довольно и этого. Да проститъ меня читатель и за эту скучную канитель мелкихъ сплетенъ и интригъ. Я упоминаю о нихъ, во-первыхъ, чтобы выполнить до конца грустную роль политическаго обозрѣвателя за то время, когда вся политическая дѣятельность Америки, вся дѣятельность политическихъ вождей, всѣ аргументы политическихъ органовъ направлены на разрѣшеніе громадныхъ, по своему значенію, вопросовъ: кто долженъ завѣдывать таможней или кто будетъ избранъ сенатскимъ приставомъ... Во-вторыхъ, я хочу нагляднѣе показать скептикамъ, какъ измельчали старыя политическія

партіи, и теперь, когда маски сброшены, когда красивыя фразы о свободѣ и благѣ народа, которыми дурачили простяковъ во время выборовъ, становятся ненужными,—теперь-то лучше всего показать эти партіи въ ихъ натуральной красотѣ. Народъ все яснѣе и яснѣе видитъ, что старыя партіи борятся только изъ-за легкой наживы на его счетъ, и если нью-йоркская таможня окажется костью, которая станетъ поперекъ горла республиканской партіи, народъ, разумѣется, не пожалѣетъ объ этомъ.

Грустна эта картина, тяжело описывать темныя стороны великаго и хорошаго народа, и серьезную ошибку сдѣлаетъ тотъ, кто подумаетъ, что выживающія изъ ума республиканская и демократическая партіи суть зеркало народа и что, кромѣ погони за деньгами да наживой, у американца нѣтъ другихъ стремленій. Можетъ-быть, со временемъ, я буду настолько счастливъ, что съумѣю познакомить русскаго читателя хоть съ частью тѣхъ великихъ, чистыхъ и героическихъ дѣяній, которыми съ лихвою покрываются грязные поступки политическихъ интригановъ. А теперь, отложивъ въ сторону анекдотическую часть, посмотримъ на народъ, какъ на живой организмъ, ростъ котораго не задержанъ путами и политическими усложненіями европейскихъ государствъ. Избавленный отъ необходимости нападать или защищаться отъ другихъ народовъ, не нуждаясь въ содержаніи громадныхъ армій, обладая полнѣйшею свободой рѣчи и совѣсти, способный защищать какъ положительную, такъ и отрицательную сторону всякаго вопроса,—американскій народъ чудеснымъ образомъ выказываетъ собою нормальныя условія, необходимыя для роста общественнаго организма. Многое, что при другой обстановкѣ казалось бы несовмѣстнымъ съ духомъ времени и было бы приписано искусственной поддержкѣ со стороны властей, здѣсь продолжаетъ расти и развиваться, доказывая этимъ свою жизненность, свое право на существованіе, какъ одно изъ несомнѣнныхъ условій для общественнаго развитія. Джонъ Нойзъ, въ своей «Исторіи американскаго соціализма», сравниваетъ Америку съ соціальною лабораторіей, въ которой вырабатываются, очищаются отъ ненужныхъ примѣсей и мало-по-малу примѣняются къ жизни всевозможныя соціальныя теоріи европейскихъ мыслителей. Его сравненіе имѣетъ болѣе глубокій смыслъ. Америка въ настоящее время представляетъ лабораторію не однѣхъ только соціальныхъ теорій, но и всѣхъ вообще животрепещущихъ вопросовъ дня. Вотъ съ этой точки зрѣнія американская жизнь всегда будетъ имѣть высокій поучительный интересъ для насъ, несмотря на нашу отсталость и въ умственномъ, и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Много иллюзій гибнетъ здѣсь передъ несокрушимою логикой фактовъ, за то яснѣе и трезвѣе смотритъ на жизнь вообще тотъ, кто внимательно присматривался къ жизни Америки.

Возьмемъ, напр., хоть политическія интриги, только-что описанныя мною. Какъ тяжело должны отзываться онѣ въ душѣ тѣхъ, которые лелѣютъ мечту о всеобщей подачѣ голосовъ, какъ объ универсальной па-

нацеѣ противъ всевозможныхъ золъ! Захочется ли имъ повѣрить, что американцы могутъ быть такъ легко одурачены интриганами? Допустить возможность подобнаго факта въ Америкѣ, гдѣ среднее умственное образованіе неизмѣримо выше, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ народъ тратитъ на однѣ газеты 26 милліоновъ долларовъ ежегодно (не считая тратъ на журналы и книги) — значитъ убить въ себѣ всѣ иллюзіи относительно цѣлебнаго свойства всеобщей подачи голосовъ въ другихъ странахъ, менѣе Америки подготовленныхъ къ политической жизни. «Неужели же,— могутъ спросить,— всеобщая подача голосовъ есть не болѣе какъ мечта, обольстительная издали и грустно-разочаровывающая вблизи?» Американская жизнь отвѣчаетъ на это и да, и нѣтъ: *да* — для тѣхъ сентиментальныхъ людей, которые думаютъ, что народъ, разъ обладая правомъ голоса, всегда пользуется имъ разумно; *нѣтъ*—для тѣхъ сентименталистовъ, которые, поражаясь уродливыми фактами, въ родѣ приведенныхъ выше, способны удариться въ другую крайность и отрицать всякую пользу въ suffrage universelle. Дѣло въ томъ, что народъ, подобно одиночнымъ людямъ, руководится вообще не разумомъ, а чувствами; люди, умѣющіе играть на этихъ чувствахъ, всегда будутъ вождями народа, и если они эгоисты, то они часто будутъ вести народъ не туда, куда ему лучше идти. Короче, народъ бываетъ одураченъ точно такъ же, какъ бываетъ одураченъ честный человѣкъ ловкимъ, продувнымъ мошенникомъ, прикрывающимся личиною добродѣтели. Но когда эта игра заходитъ слишкомъ далеко и народное неудовольствіе возрастаетъ все болѣе и болѣе, тогда наступаетъ наконецъ время, когда у народа открываются глаза, и онъ, вооружась своимъ правомъ голоса, возстаетъ противъ обманщиковъ. Тогда онъ прекрасенъ, непобѣдимъ. Въ ту минуту его нельзя обмануть политическими софизмами,—онъ самъ знаетъ, во имя чего онъ подаетъ свой избирательный билетъ. Все гадкое, запачканное и себялюбивое уползаетъ въ невидимыя щели. Народъ прокладываетъ новую дорогу, выбираетъ новыхъ людей; но, какъ все импульсивное на свѣтѣ, не выдерживаетъ долго этотъ характеръ. Долгое напряженное состояніе немыслимо для народа, также какъ и для индивидуума. Народъ, нуждаясь въ отдыхѣ, снова успокоивается, полагая, что вотъ теперь-то все пойдетъ лучше; но вотъ теперь-то опять выползаютъ изъ щелей всѣ паразиты, которые, примѣняясь къ новымъ обстоятельствамъ, опять начинаютъ жить на счетъ добродушнаго и довѣрчиваго гиганта, пока онъ снова не стряхнетъ ихъ.

Подобныя вспышки народной воли не повторяются часто. Жизнь общественнаго организма обнимаетъ собою неизмѣримо-бо́льшій періодъ времени, чѣмъ жизнь индивидуума, и десятки лѣтъ для народа имѣютъ меньшее значеніе для него, чѣмъ дни для отдѣльнаго человѣка. Двадцать лѣтъ тому назадъ американскій народъ выказалъ свою мощь. Въ продолженіе шести лѣтъ кровавой борьбы за существованіе онъ былъ въ экзальтированномъ состояніи; съ тѣхъ поръ онъ погрузился въ спячку, пробуждаясь

только разъ въ четыре года, чтобы выслушать споры партій, да дать уполномочіе той изъ нихъ, которая, по его мнѣнію, лучше другихъ поведетъ дѣло въ новомъ направленіи. Отсюда постоянный успѣхъ республиканской партіи. Народъ и прежде смутно чувствовалъ, что республиканцы злоупотребляютъ его довѣріемъ, теперь же начинаетъ яснѣе понимать это; но пока онъ не видѣлъ лучшаго исхода изъ своего положенія, ему поневолѣ приходилось терпѣть ихъ. Но тотъ, кто живетъ въ народѣ и прислушивается къ его пульсу, тотъ знаетъ, что спячка уже приходитъ къ концу, что скоро наступитъ время, когда народъ снова вступитъ въ свои самодержавныя права и, вооружась правомъ голоса, прочиститъ затхлую атмосферу интригъ и наживательства. Многіе предсказываютъ, что взрывъ народной воли обнаружится во время президентской борьбы 1884 г., другіе же, болѣе осторожные въ своихъ предсказаніяхъ, откладываютъ его до 1888 года; но что буря приближается, этого не отвергаютъ самые мирные, самые безпристрастные представители печати.

Не надо имѣть большой проницательности, чтобъ увидать, чѣмъ именно возбуждается народное недовольство. Для всѣхъ ясно, что въ Америкѣ, со времени войны, вмѣстѣ съ капиталами, участвующими въ производствѣ богатствъ, растутъ капиталы безъ всякаго участія въ народномъ трудѣ. Вліяніе капиталистовъ, сознающихъ свою зависимость отъ благосостоянія народа и содѣйствующихъ его умственному, нравственному и физическому развитію, затмѣвается все болѣе и болѣе вліяніемъ капиталистовъ, которые, подобно современному доктору или юристу, наживаются по преимуществу во время народныхъ бѣдствій и стараются поэтому противодѣйствовать неизбѣжному прогрессу. Противъ этихъ-то людей и противъ ихъ способовъ накопленія богатствъ начинаетъ подыматься народная буря, которую ни подъ какимъ видомъ не должно считать проявленіемъ соціально-демократическихъ теорій Европы.

Средній американецъ менѣе всего соціалистъ. Онъ уважаетъ право собственности; онъ цѣнитъ въ людяхъ способность схватить призъ въ безпощадной борьбѣ за существованіе; онъ уважаетъ человѣка нажившаго богатство своимъ трудомъ, энергіей, предпріимчивостью; онъ самъ желаетъ стать таковымъ и менѣе другихъ способенъ ограничить накопленіе богатствъ. Онъ можетъ возставать противъ злоупотребленій капитала, но никогда противъ принципа.

До войны капиталисты не отдѣлялись отъ производительныхъ классовъ народа,—они были связаны съ рабочими сознаніемъ общей выгоды и дѣлали все, что могли, для улучшенія ихъ быта. Преданія прежняго времени сохраняются и въ настоящее время многими крупными мануфактуристами и издателями, которые вводятъ у себя прогрессивную школу жалованья—пропорціонально числу отработанныхъ лѣтъ, выдаютъ пенсіи семьямъ убитыхъ и искалѣченныхъ на работѣ, устраиваютъ богадѣльни для людей постарѣвшихъ на работѣ. Хорошія, теплыя отношенія между капиталистами

и рабочими особенно рельефно обнаружились во время послѣдняго финансоваго и промышленнаго кризиса, когда часто рабочіе, сознавая тяжелое и бездоходное положеніе фабриканта, сами просили о пониженіи заработной платы. Постепенный ростъ капитала, будучи естественнымъ результатомъ органическаго развитія общества, шелъ прежде въ параллель съ развитіемъ альтруизма и лучшаго пониманія обязанностей лица къ обществу, въ которомъ оно живетъ. Такой капиталъ не могъ быть въ тягость для народа. Народъ готовится къ войнѣ не съ представителями промышленнаго капитала, а съ тѣми ловкими спекуляторами, которые воспользовались бѣдственнымъ положеніемъ народа во время войны, выторговали себѣ чрезвычайныя привилегіи и могутъ ежегодно пріобрѣтать милліоны безъ всякаго участія въ народной промышленности. Интересы этихъ спекуляторовъ все болѣе и болѣе становятся въ разрѣзъ съ интересами народа и неминуемо ведутъ къ скорой и рѣшительной борьбѣ. А такъ какъ фазисы этой борьбы могутъ быть понятны только для людей знакомыхъ съ финансовымъ законодательствомъ Америки со времени войны и съ американскою системой банковъ, то я, рискуя надоѣсть читателю цифровыми выкладками, постараюсь по возможности нагляднѣе и короче описать, какъ и почему выросла эта сила тунеядцевъ.

Когда вспыхнула война между Сѣверомъ и Югомъ, федеральное правительство было въ безпомощномъ положеніи: у него не было ни денегъ, ни людей, ни военныхъ запасовъ,—тогда какъ южане, заранѣе подготовлявшіеся къ этому, были менѣе застигнуты въ-расплохъ. Правительству приходилось начинать войну рядомъ тяжелыхъ жертвъ и пораженій. Капиталисты снабжали правительство деньгами на весьма тяжелыхъ условіяхъ. Тадеушъ Стивенсъ, во главѣ лучшихъ людей республиканской партіи, настаивалъ, чтобы правительство не дѣлало больше займовъ, а выпустило безпроцентные кредитные билеты, могущіе служить орудіемъ обмѣна въ народѣ и принимаемые правительствомъ въ уплату всѣхъ податей и пошлинъ. Но интриги капиталистовъ, не желавшихъ этого, и предразсудки общества, думавшаго, что только золото и серебро могутъ быть орудіемъ обмѣна, принудили правительство на полумѣру. Конгрессъ рѣшилъ выпускать кредитные билеты съ обѣщаніемъ принимать ихъ назадъ въ уплату только внутреннихъ податей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ заемъ, по которому бумажныя деньги могли обмѣниваться на государственныя облигаціи, приносящія 6% золотою монетой. По этому закону таможенныя пошлины по-прежнему должны были вноситься звонкою монетой, нужною правительству для уплаты процентовъ на займы; владѣльцы облигацій освободились отъ платежа податей, а нѣсколько позже получили право требовать изъ казначейства проценты за годъ впередъ, безо всякаго учета.

Говорятъ, что Тадеушъ Стивенсъ—суровый аболюціонистъ, справедливо сравниваемый по характеру съ Робеспьеромъ—горько заплакалъ,

когда конгрессъ провелъ этотъ законъ. Онъ видѣлъ впередъ всѣ вредныя послѣдствія этой полумѣры. Въ его лицѣ плакалъ американскій народъ, отданный съ тѣхъ поръ на жертву обладателямъ золота. На самомъ дѣлѣ таможенный доходъ составляетъ почти половину всѣхъ государственныхъ доходовъ,—слѣдовательно, половина всѣхъ плательщиковъ въ государственную казну принуждены были покупать золото, что при тогдашней паникѣ и неизвѣстности въ исходѣ борьбы было въ высшей степени затруднительно. Хотя кредитные билеты правительства оказались превосходнымъ орудіемъ обмѣна, необходимость покупать золото принуждала людей платить 250 и даже 280 долларовъ бумажками, чтобы получить 100 долларовъ золотомъ. Золото, совершенно изъятое изъ обращенія и, какъ оказалось на практикѣ, вовсе ненужное для обмѣна, оставалось тѣмъ не менѣе мѣриломъ цѣнности вещей. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ чѣмъ болѣе выпускалось бумажекъ, тѣмъ болѣе онѣ падали въ цѣнѣ, и правительство, выпустивши до 900 милліоновъ долларовъ бумажками, убѣдилось въ безполезности дальнѣйшихъ выпусковъ и принуждено было полагаться исключительно на займы. Посмотримъ теперь, какими привилегіями былъ обставленъ кредиторъ. Положимъ, что онъ имѣетъ до 50.000 долларовъ звонкою монетой. Въ то время, когда 100 долларовъ золотомъ покупали 200 бумажками, онъ могъ на свои деньги купить 100.000 долларовъ бумажками и промѣнять ихъ на государственныя облигаціи, приносящія ему ежегодно 6.000 золотою монетой. Мало того въ силу спеціальнаго акта конгресса, онъ могъ потребовать себѣ проценты за годъ впередъ и на полученные 6.000 золотомъ опять купить 12.000 долларовъ въ бумажкахъ и опять обмѣнять ихъ на государственныя (6%) облигаціи, и такимъ образомъ взамѣнъ имѣвшихся у него 50.000 онъ имѣетъ возможность получать ежегодно въ видѣ процентовъ 6.760 долларовъ золотою монетой, т.-е. нѣсколько болѣе 13%. Подобныя операціи совершались особенно часто, когда курсъ бумажекъ доходилъ до 250, и вычисленіемъ аналогичнымъ съ предыдущимъ легко убѣдиться, что ссуда звонкой монеты приносила въ то время болѣе 17% ежегоднаго дохода. Вотъ во что обходился правительству пресловутый 6% заемъ!.

Вскорѣ большинство конгресса обратилось въ обладателей государственныхъ облигацій и крупные кредиторы страны получили возможность контролировать законодательное собраніе. Прежде всего имъ нужно было отнять у правительства право регулировать денежное обращеніе въ странѣ, и вотъ въ 1863 году, подъ ихъ диктовку, проходитъ въ конгрессѣ билль о національныхъ банкахъ, по которому всякое лицо, или компанія лицъ—могли открыть банкъ въ любомъ городѣ Союза, внося правительству въ видѣ залога свои государственныя облигаціи въ количествѣ неменьшемъ пятидесяти тысячъ, или двухсотъ тысячъ долларовъ (смотря по населенности города) и получая отъ правительства въ обмѣнъ за это банковые билеты въ размѣрѣ не превышающемъ 90% всего залога, съ по-

мощію которыхъ они открывали банковыя операціи. По этому закону: 1) люди внесшіе свои облигаціи для обезпеченія банковыхъ операцій сохраняютъ право получать проценты на всю сумму залога; а банковые билеты, приготовляемые правительствомъ, выдаются имъ за ничтожную плату въ 1% ихъ стоимости. 2) Банки могутъ выпускать только тѣ денежные знаки, которые получались ими отъ правительства подъ обезпеченіе государственныхъ облигацій. 3) Всѣ ихъ операціи и отчетности подлежатъ контролю правительства и государственный контролеръ банковъ можетъ во всякое время закрыть банкъ, замѣченный въ злоупотребленіяхъ или въ превышеніи правъ, данныхъ ему закономъ. 4) Всякій банкъ, желая прекратить или уменьшить свои операціи, долженъ внести правительству деньги для выкупа всѣхъ или части своихъ облигацій. Деньги эти составляютъ выкупной фондъ для размѣна билетовъ этого банка по мѣрѣ того, какъ эти послѣдніе приходятъ въ руки правительства и уничтожаются имъ.

Очевидно, что въ силу этого закона уменьшались шансы на спекуляціи, становилось невозможнымъ злостное банкротство; а банковыя деньги, обезпеченныя государственными облигаціями и государственнымъ контролемъ, пользуются въ народѣ тѣмъ же довѣріемъ, какъ и государственные кредитные билеты, независимо отъ того, существуетъ ли или нѣтъ банкъ, выпустившій деньги. Все это безспорно хорошія черты американской банковой системы. Защитники національныхъ банковъ преувеличиваютъ эти достоинства и считаютъ эту систему банковъ самою лучшей въ мирѣ. Не будучи настолько свѣдущимъ въ банковыхъ дѣлахъ, чтобы соглашаться или опровергать это хвастливое положеніе, я могу только показать читателю, что подъ покровомъ повидимому приличныхъ законовъ американская система банковъ есть не что иное какъ систематическій грабежъ народа въ пользу кредиторовъ страны. Во-первыхъ, владѣльцы государственныхъ облигацій, образуя національный банкъ, получаютъ кромѣ процентовъ на свои облигаціи еще проценты на ссуды, дѣлаемыя ими подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ и приносящія имъ отъ 8% (въ восточныхъ штатахъ) до 12% (на западѣ); причемъ они даютъ въ ссуду тѣ самые денежные знаки, которые получили отъ правительства почти даромъ (т.-е. съ уплатою 1%). Такимъ образомъ система національныхъ банковъ дала возможность владѣльцамъ государственныхъ облигацій получать отъ 13 до 17% за деньги, ссуженныя правительству во время войны (т.-е. 6% за облигаціи, находящіяся въ залогѣ, да отъ 7 до 11% чистоганомъ за банковыя ссуды). Во-вторыхъ, банки могутъ посредствомъ тайнаго соглашенія между собою сразу и значительно уменьшить количество денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, пользуясь своимъ правомъ вносить правительству деньги въ обмѣнъ за свои облигаціи. Уменьшеніе денегъ естественно ведетъ къ пониженію цѣнъ и даетъ имъ возможность скупать почти за безцѣнокъ недвижимую собственность. Затѣмъ они снова могутъ внести свои облигаціи и получить въ замѣнъ ихъ новый запасъ

денежной силы, которая, расходясь по странѣ, способствуетъ повышенію цѣнъ и даетъ имъ возможность продавать закупленную собственность съ громадною выгодой для себя. Я могъ бы привести много убѣдительныхъ доказательствъ, что подобныя спекуляціи случались въ Америкѣ не въ силу законовъ спроса и предложенія, а просто по соглашенію банкировъ, которыхъ центральная организація въ Нью-Йоркѣ дирижируетъ денежнымъ рынкомъ страны. Только изъ боязни растянуть и безъ того длинную статью ограничусь лишь указаніемъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что съ учрежденіемъ національныхъ банковъ вовсе не уничтожается возможность спекуляціи, т.-е. покупки и продажи съ цѣлью барыша. Въ-третьихъ, привилегія банковъ поперемѣнно уменьшать и увеличивать свой залогъ, хотя неопасная для народа, пока банковые билеты обезпечены взносомъ денегъ или государственныхъ облигацій, даетъ возможность банкирамъ, не нарушая буквы закона, расширять свои операціи и наживаться болѣе, чѣмъ разсчитывали составители закона. Въ прошлогоднемъ отчетѣ государственнаго контролера банковъ приводится фактъ, какъ одинъ банкъ, имѣющій право выпускать билетовъ только на 450.000 долларовъ (такъ какъ его облигаціи въ залогѣ у правительства равнялись 500.000 долларамъ), въ продолженіе трехъ лѣтъ три раза уменьшалъ свой залогъ до 45.000 и немедленно увеличивалъ его опять до прежняго объема, всякій разъ получая отъ правительства новый выпускъ банковыхъ билетовъ. Старые выпуски билетовъ должны были быть уничтожены, но, разошедшись по всей странѣ, они приходили къ правительству медленно и въ небольшомъ количествѣ, такъ что банкъ этотъ имѣлъ въ одно время въ обращеніи своихъ билетовъ на сумму въ 852.550 долларовъ. Вся суть продѣлки заключается въ томъ, что банкъ, получая 6% на свои 500.000 долларовъ облигаціями, могъ съ помощію этихъ облигацій выпустить болѣе 852.500 долларовъ банковыми билетами, каждый долларъ которыхъ отдавался въ ссуду подъ обезпеченіе недвижимой собственности и приносилъ около 10 процентовъ ежегодно.

Кажется ясно, что система національныхъ банковъ давала возможность кредиторамъ страны законно и респектабельно наживаться на счетъ народа. Сначала эта система имѣла задержку въ видѣ закона, по которому количество банковыхъ билетовъ, обращающихся въ странѣ, не должно превышать 354.000.000 долларовъ; но впослѣдствіи и это было отмѣнено и съ 1875 года число банковъ и количество банковыхъ денегъ не ограничено закономъ.

Очевидно, что владѣльцамъ государственныхъ облигацій, устроившимъ себѣ такое выгодное занятіе, оставалось еще достигнуть двоякой цѣли: во-первыхъ, имъ нужно было затянуть уплату государственнаго долга на возможно долгій срокъ; во-вторыхъ, имъ нужно было уничтожить государственные кредитные билеты, которые въ количествѣ 400.000.000 долларовъ продолжали ходить въ народѣ и, подобно кошмару, нарушали

покой и довольство банкировъ. Государственныя деньги (green backs—гринбаки) отнимали у банкировъ возможность расширить обращеніе своихъ денегъ и, что хуже всего, способствовали зарожденію и развитію гринбакерской теоріи, такъ какъ народъ, видя въ безпроцентныхъ бумажкахъ удобное орудіе обмѣна, вовсе не хлопоталъ о размѣнѣ ихъ на громоздкую звонкую монету и все болѣе и болѣе отвыкалъ отъ мысли, что только золото и серебро могутъ быть орудіемъ обмѣна.

И вотъ, въ видахъ достиженія первой цѣли, кредиторы страны, посредствомъ своихъ органовъ и вліятельныхъ лицъ республиканской партіи, начали заявлять требованіе, чтобы правительство уплатило государственный долгъ не бумажками, а золотомъ и серебромъ, на томъ-де основаніи, что на каждомъ государственномъ билетѣ напечатано обѣщаніе размѣнять его на звонкую монету, и что если правительство намѣрено честно выполнять свои обѣщанія, оно не должно противиться уплатѣ звонкою монетой. Требованіе это, искусно поставленное и искусно агитируемое, стало вскорѣ вопросомъ, отъ котораго зависѣлъ исходъ президентской кампаніи 1868 года. Демократы, желая выбрать Сеймура, доказывали народу, что правительство, получивъ въ займы бумажныя деньги, да еще при низкомъ курсѣ, имѣетъ полное право уплатить свой долгъ тоже бумажными деньгами; и если курсъ ихъ въ данное время будетъ ниже al pari, кредиторы страны должны также терпѣливо выносить это временное неудобство, какъ выноситъ народъ, не позорящій правительства укорами въ безчестіи. Но, какъ и слѣдовало ожидать, республиканцы начали вопить, то демократы не хотятъ платить долга, потому что не сочувствуютъ людямъ, помогавшимъ правительству въ подавленіи возстанія. Бомбастическіе возгласы республиканцевъ, что народная честь требуетъ неукоснительнаго выполненія даннаго обѣщанія, какъ бы ни были тяжелы условія, имѣли большее вліяніе на народъ, чѣмъ здравые, основанные на ариѳметическихъ выкладкахъ, доводы демократовъ.

Имѣя, кромѣ того, за собою матеріальную поддержку со стороны капиталистовъ страны и богатѣйшихъ банкировъ Европы, они одержали блистательную побѣду надъ демократами и поставили президентомъ Гранта, который уже во вступительной рѣчи 4-го марва 1869 года категорически объявилъ, что ни одинъ защитникъ платежа бумажными деньгами не будетъ терпимъ въ администраціи. Первымъ актомъ новаго президента было созвать экстренное засѣданіе конгресса въ мартѣ этого же года. Первый актъ законодательной власти состоялъ въ резолюціи, по которой всѣ государственные долги должны быть уплачены звонкою монетой, что, принимая въ разсчетъ курсъ бумажныхъ денегъ того времени (отъ 130 до 132) и двухмилліардный долгъ Америки, равнялось подарку въ 600.000.000 долларовъ. Въ слѣдующемъ (1870) году тотъ же конгрессъ провелъ законъ, по которому лица получающія проценты по государственнымъ облигаціямъ освобождались отъ налога на эту часть своего дохода.

Разумѣется, что обладатели государственныхъ облигацій ликовали отъ этихъ привилегій. Ихъ главная цѣль была достигнута. Обѣщаніе уплатить золотомъ и серебромъ громадный долгъ было равносильно невозможности уплаты,—слѣдовательно, вело къ продолженію на неопредѣленный срокъ привилегированнаго положенія кредиторовъ. Но вотъ, какъ разъ въ то время, когда страна начала бѣдствовать отъ финансовой и промышленной паники, въ Невадѣ открываются неистощимые рудники серебра. Само Провидѣніе становилось на сторону народа и перспектива болѣе быстраго погашенія долга скользнула свѣтлымъ лучомъ въ это темное и тяжелое время. Что же дѣлаетъ конгрессъ?—Онъ немедленно проводитъ (въ 1873 году) законъ, по которому всѣ платежи государственнаго долга должны быть сведены на единственное мѣрило цѣнности, принятое у всѣхъ народовъ безъ исключенія, т.-е. на золото. Серебро оставалось хорошею монетой для бѣдныхъ людей. Государственнымъ кредиторамъ нужно было только золото, или, говоря другими словами, имъ нужно было срочный долгъ перевесть въ вѣчный. Правительство вмѣсто выкупа облигацій могло только замѣнять ихъ другими облигаціями, приносящими меньшій процентъ. И дѣйствительно, въ теченіе 12 лѣтъ, протекшихъ послѣ войны, почти весь долгъ сведенъ съ 6 на 5%.

Обезпеченные въ одномъ отношеніи, кредиторы страны тѣмъ съ большею энергіей направили свои усилія на уничтоженіе ненавистныхъ имъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Подобно тому, какъ первый актъ грантовской администраціи состоялъ въ роболѣпномъ подслуживаніи денежной олигархіи, такъ точно одной изъ ея послѣднихъ мѣръ было согласіе на законъ, проведенный конгрессомъ въ 1875 году, по которому количество государственныхъ кредитныхъ билетовъ предполагалось уменьшить до 300.000.000 долларовъ, а въ замѣнъ уничтожаемыхъ постепенно государственныхъ денегъ увеличить обращеніе банковыхъ денегъ, получившихъ съ тѣхъ поръ право неограниченнаго выпуска.

Для тѣхъ, которые сомнѣваются въ томъ, что конгрессъ, выбранный народомъ, можетъ поступать въ разрѣзъ съ интересами народа, я укажу, что конгрессъ 1875 года состоялъ изъ 189 банкировъ, 99 юристовъ, 14 купцовъ, 13 мануфактуристовъ и 1 ремесленника. А конгрессъ, составленный такимъ образомъ, неминуемо будетъ безцеремонно залѣзать въ карманъ народа.

Тѣмъ не менѣе золотое время банкировъ приходило къ концу. Восьмилѣтнее правленіе Гранта было опозорено злоупотребленіями и взяточничествомъ во всѣхъ слояхъ администраціи. Народъ невыносимо страдалъ отъ финансоваго и промышленнаго кризиса, который только усиливался мѣропріятіями конгресса. Въ отвѣтъ на первую попытку банкировъ уничтожить государственныя деньги появилась правильно организованная партія гринбакеровъ, выставившая извѣстнаго филантропа и богача Петра Купера своимъ кандидатомъ на президентство. Все предвѣщало поворотъ

въ другую сторону, и дѣйствительно президентскіе выборы 1876 года показали, что народъ положительно высказался въ пользу демократовъ, которые (искренно или неискренно—все равно) стояли болѣе за интересы народа, чѣмъ за банкировъ.

Большинствомъ 157.000 голосовъ народъ высказался въ пользу Тильдена. Во вновь избранной палатѣ представителей и въ видоизмѣненномъ сенатѣ демократы составляли большинство членовъ и только путаница и мошенничество въ счетѣ голосовъ южныхъ штатовъ дали возможность республиканской партіи оспоривать законность избранія Тильдена. Съ помощію интригъ, рискуя ввести анархію и междоусобицу въ страну, они успѣли-таки поставить Гэса президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ прошлой статьѣ я писалъ подробно объ этой интригѣ. Я тогда же говорилъ, что республиканская партія потеряла весь престижъ своего прежняго величія и борется теперь не изъ-за принципа, а изъ желанія удержать мѣста, на которыхъ, не нарушая буквы законовъ, не пачкая себя взятками, всякій можетъ легко разбогатѣть, пользуясь множествомъ лазеекъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ. Теперь читатель легче пойметъ, почему республиканцы постоянно одолѣваютъ демократовъ, несмотря на то, что послѣдніе такъ же сильно, если не сильнѣе первыхъ, желаютъ захватить власть въ свои руки; онъ видитъ теперь, что за республиканскою партіей стоитъ могучая армія кредиторовъ страны, владѣющая двумя милліардами государственнаго долга и получившая уже отъ народа одними процентами болѣе одного милліарда восьмисотъ милліоновъ долларовъ золотомъ. Вотъ эти-то люди, загребая руками республиканской партіи каштаны изъ огня, могли легко кинуть десятокъ-другой милліоновъ вездѣ, гдѣ являлась возможность прямаго подкупа или косвеннаго вліянія на умы людей посредствомъ денегъ. Ихъ матеріальная поддержка помогла республиканцамъ и на этотъ разъ удержать за собой административную власть вопреки несомнѣнному рѣшенію народа, и Гэсъ во главѣ республиканской администраціи, отъ начала и до конца своего правленія, оставался вѣрнымъ представителемъ интересовъ денежной олигархіи, постоянно тормозя законодательную дѣятельность демократическаго конгресса.

Однимъ изъ первыхъ рѣшеній новаго конгресса было отмѣнить законъ 1875 года и остановить уменьшеніе обращающихся въ народѣ государственныхъ билетовъ, которое такъ усердно исполнялось администраціей Гранта, что менѣе чѣмъ въ два года было истреблено билетовъ на 54 милліона долларовъ. Законъ 1875 года былъ особенно ненавистенъ народу, и безъ того уже сильно страдавшему отъ недостатка денегъ и отъ высокихъ процентовъ на частные займы *). Въ виду народнаго негодова-

*) Изъ отчетовъ министра финансовъ видно, что maximum средней процентной уплаты былъ въ 1869 г. и равнялся 124.000.000 долларовъ, а minimum въ 1880 году и равнялся 88.196.000 долларовъ.

нія, нападеній независимой прессы и возрастающаго значенія гринбакеровъ, Гэсъ не осмѣлился наложить свое veto на это рѣшеніе конгресса и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени государственные билеты продолжаютъ обращаться въ народѣ въ количествѣ 346.000.000 долларовъ.

Затѣмъ конгрессъ провелъ билль, по которому правительство обязывалось производить всѣ уплаты серебряною монетою. Билль этотъ отнималъ у банкировъ одну изъ ихъ важнѣйшихъ привилегій и возбудилъ сильный протестъ съ ихъ стороны. Гэсъ наложилъ на этотъ билль свое veto, и хотя билль сдѣлался закономъ страны, помимо согласія президента (для этого необходима только вторая вотировка билля и согласіе $^2/_3$ членовъ законодательнаго собранія), тѣмъ не менѣе республиканская администрація рѣшила не выполнять этотъ законъ на томъ основаніи, что банкиры не берутъ серебра. И дѣйствительно, банкиры смѣло и открыто заявили своей протестъ противъ новаго закона и, по соглашенію другъ съ другомъ, повели свои дѣла такимъ образомъ, что всякій серебряный долларъ, выпущенный правительствомъ, немедленно возвращался назадъ въ казначейство. Энергическое правительство, дѣйствующее въ интересахъ народа, легко съумѣло бы выйдти изъ этого положенія, но Гэсъ, съ своимъ министромъ финансовъ Шерманомъ, должны были подчиниться рѣшенію банкировъ. Въ складахъ государственнаго казначейства накопилось серебра въ количествѣ 50.000.000 долларовъ, и Шерманъ, какъ бы въ насмѣшку надъ законодательнымъ собраніемъ страны, нѣсколько разъ обращался къ конгрессу съ просьбой ассигновать сумму для устройства новаго и большаго склада для серебряныхъ денегъ.

«Демократы стоятъ намъ на дорогѣ,—было рѣшено денежною олигархіей.—Намъ нужно свергнуть ихъ». И вотъ съ наступленіемъ 1880 года началась упорная и ожесточенная президентская кампанія, — упорная не изъ-за тѣхъ призрачныхъ принциповъ, о которыхъ я упоминалъ въ началѣ статьи и которые употреблялись только для «отвода глазъ» простодушнаго и довѣрчиваго народа, а потому, что денежная олигархія рѣшилась во что бы то ни стало отнять у демократовъ ихъ возрастающее вліяніе на народъ и передать власть въ руки республиканцевъ. Только благодаря помощи капиталистовъ и огромному количеству денегъ, о которыхъ стыдливо умолчалъ Артуръ на банкетѣ Дорсею, республиканская партія одержала побѣду въ Индіанѣ; только съ ихъ поддержкою они успѣли склонить на свою сторону скудное большинство въ 7.000 голосовъ и поставить Гарфильда президентомъ Соединеныхъ Штатовъ.

Все количество процентовъ, выплаченныхъ съ начала войны до іюня 1880 года=1.852.452.447 долларовъ. Замѣчательно, что вся стоимость послѣдней войны (если ограничиваться круглыми цифрами въ милліонахъ)=5.347 милліоновъ долларовъ, изъ коихъ:

на уплату процентовъ за долгъ пошло, какъ я уже сказалъ	1.852	мил. дол.
» жалованье, продовольствіе и экипировку армій . .	1.767	» »
» остальныя издержки войны	1.728	» »

Правда, новый конгрессъ, какъ уже было сказано, почти поровну раздѣленъ на партіи и если гринбакеры будутъ вотировать вмѣстѣ съ демократами по всѣмъ финансовымъ вопросамъ страны, республиканская партія не будетъ въ состояніи провести новыя льготы для банкировъ. Но банкиры въ настоящее время хлопочутъ не столько о пріобрѣтеніи новыхъ льготъ, сколько о сохраненіи старыхъ, и пока администрація страны находится въ рукамъ республиканцевъ, они чувствуютъ себя совершенно обезпеченными въ этомъ отношеніи.

А между тѣмъ текущій годъ очень важенъ для нихъ. Въ 1881 году кончается срокъ государственнымъ облигаціямъ, выпущеннымъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и конгрессъ такъ или иначе долженъ рѣшить, какъ поступить правительству въ этомъ случаѣ. Старый конгрессъ, оканчивая свои занятія, провелъ въ февралѣ мѣсяцѣ этого года такъ-называемый билль погашенія, въ силу котораго правительство уполномочивалось на выпускъ новыхъ срочныхъ 3% государственныхъ облигацій въ количествѣ 600 милліоновъ долларовъ, чтобы посредствомъ ихъ выкупить старыя 5% облигаціи. По этому биллю всѣ облигаціи, находящіяся въ залогѣ у правительства, перестаютъ считаться залогомъ по мѣрѣ того, какъ имъ выходитъ срокъ, и банкиры, желающіе продолжить свои операціи, должны замѣнить ихъ новыми 3% облигаціями, такъ какъ правительство обязывалось этимъ закономъ не принимать въ залогъ облигацій, приносящихъ болѣе трехъ процентовъ. Мало того, въ видахъ прекращенія спекуляцій и возможности внезапныхъ колебаній денежнаго рынка, вновь проектируемый законъ полагалъ, что количество банковыхъ билетовъ, обращающихся въ странѣ, не должно превосходить 400 милліоновъ долларовъ и что всѣ банкиры, желающіе выкупать свой залогъ или часть его, должны предъявлять въ уплату только *свои* банковые билеты.

Та часть билля, по которому доходъ банкировъ уменьшался на два процента, еще могла быть принята людьми получающими отъ 13 до 17 процентовъ на свои деньги. Тѣмъ съ большимъ негодованіемъ они смотрѣли на другую часть проектируемаго закона. Банкъ, обязанный собирать свои банковые билеты въ то время, когда они свободно расходятся по всей странѣ и ходятъ по частнымъ рукамъ, уже не могъ, какъ прежде, сразу вносить большія суммы денегъ для выкупа своего залога. Наступалъ конецъ спекуляціямъ и вотъ отъ этого-то стѣсненія свободы (?!) банкирскихъ операцій поднялась война безпримѣрная въ исторіи Америки по наглости и открытому презрѣнію къ законодательной власти, съ которыми банкиры заявили свои требованія. Еще во время дебатовъ по этому закону посыпались угрожающіе протесты отъ всѣхъ банкировъ страны. Чувствуя свою силу и безсиліе правительства, они нагло заявили свое рѣшеніе не подчиняться новому закону; они объявили, что всякая попытка провести этотъ законъ должна окончиться народнымъ бѣдствіемъ, такъ какъ они во всякое время могутъ закрыть банки и вынуть изъ об-

ращенія 344.000.000 долларовъ (т.-е. все количество обращающихся въ народѣ банковыхъ билетовъ).

«Прекрасно!—отвѣчали имъ предводители гринбакеровъ въ конгрессѣ.—Но какъ только вы осмѣлитесь поступить такимъ образомъ, правительство, чтобы спасти страну отъ раззоренія, должно будетъ снова выпустить государственные кредитные билеты. Народъ будетъ имѣть деньги; онъ только избавится отъ необходимости платить вамъ 13—17 процентовъ. Вы одни останетесь съ носомъ».

Будь правительство твердо и единодушно, оно непремѣнно поступило бы такимъ образомъ. Но республиканскій президентъ не могъ ни сочувствовать демократическому конгрессу, ни стать въ оппозицію банкирамъ.

Правда, билль прошелъ въ палатѣ представителей и былъ утвержденъ сенатомъ, но уже въ то время многіе члены конгресса знали, что ему не суждено быть закономъ,—они вотировали за него, чтобы похвастаться передъ избирателями своимъ гражданскимъ мужествомъ и неподкупнымъ служеніемъ народнымъ интересамъ. Въ продолженіе двухъ-трехъ дней, обыкновенно протекающихъ отъ вотировки закона въ конгрессѣ до утвержденія его президентомъ, банкиры внесли въ казначейство 18.000.000 долларовъ на выкупъ своихъ облигацій. Было очевидно, что они не задумаются произвести финансовую панику, лишь бы настоять на своемъ. Слабая администрація Гэса потеряла голову. Она боялась гринбакерской ереси еще болѣе, чѣмъ стачки банкировъ. За нѣсколько дней до своего выхода изъ должности президента, Гэсъ послалъ въ законодательное собраніе объясненіе, почему онъ не можетъ утвердить законъ своею подписью. Искренные защитники закона были слишкомъ малочисленны; они не могли собрать $^2/_3$ голосовъ въ его пользу; президентское veto осталось въ полной силѣ и законъ оказался мертворожденнымъ. Народъ по-прежнему долженъ платить пять процентовъ за долгъ, а банки по-прежнему могутъ спекулировать насчетъ народа.

Когда Гарфильдъ вступилъ въ должноть президента, многіе полагали, что, въ виду необходимости выяснить свое положеніе относительно государственныхъ кредиторовъ, онъ созоветъ экстренное засѣданіе конгресса для составленія новаго закона погашенія вмѣсто закона, только-что убитаго президентскимъ veto. Но вліятельные капиталисты отклонили Гарфильда отъ этого. Они видѣли, что въ новой палатѣ представителей (состоящей изъ 145 республиканцевъ, 138 демократовъ и 10 гринбакеровъ) гринбакеры могутъ соединиться съ демократами, составить большинство и, подъ вліяніемъ народнаго негодованія, возбужденнаго стачкою банкировъ, провести новый законъ погашенія, ничѣмъ не отличающійся отъ стараго. Политика банкировъ заключается въ томъ, чтобы переждать народную бурю. Съ этою цѣлью они конфиденціально извѣстили правительство о своей готовности обмѣнять устарѣлыя облигаціи на другія, приносящія $3^1/_2$ процента; и правительство, ссылаясь на какія-то легальныя

уполномочія, данныя когда-то министру финансовъ, считаетъ возможнымъ совершить эту операцію, не испрашивая предварительнаго согласія конгресса. Министръ финансовъ Виндомъ совершаетъ эту операцію въ настоящее время съ такимъ успѣхомъ, что обмѣнъ старыхъ облигацій на новыя можетъ закончиться прежде, чѣмъ конгрессъ начнетъ свои засѣданія (съ 1-го декабря), и такимъ образомъ всякое спеціальное законодательство по этому поводу окажется ненужнымъ. Банкиры, своею готовностію потерять 1½ процента и своимъ содѣйствіемъ правительству, хотятъ загладить тяжелое впечатлѣніе, произведенное на народъ ихъ угрозою стачки; они надѣятся, что зимою конгрессъ не будетъ имѣть ни желанія, ни повода посягать на столь дорогую для нихъ свободу банкирскихъ операцій.

Что будетъ дальше, увидимъ впослѣдствіи. Теперь ясно одно: народъ очень сильно возбужденъ противъ банкировъ. Даже самые умѣренные органы независимой прессы—и тѣ осуждаютъ образъ ихъ дѣйствія и ихъ угрозу стачкою, передъ страшными послѣдствіями которой блѣднѣютъ всѣ, такъ сильно осуждаемыя, стачки рабочихъ. Пока банкиры вліяли на конгрессъ въ качествѣ просителей, льстецовъ, раздавателей подарковъ, народъ могъ пенять только на себя за выборъ недобросовѣстныхъ представителей. Теперь, когда банкиры сбросили съ себя маску и открыто предписываютъ конгрессу дѣйствовать въ ихъ интересахъ, народъ ясно видитъ, какую страшную силу имѣютъ банкиры въ своихъ рукахъ и какъ легко они могутъ настоять на своемъ, имѣя возможность, при отказѣ, внести повсемѣстно раззореніе и банкротства. Одно хорошо: явный врагъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ, всегда менѣе опасенъ, чѣмъ скрытый, прикрывающій себя личиною дружбы. Гринбакеры отлично понимаютъ это; они рѣшили воспользоваться угрозами банкировъ и не прекращать своей агитаціи (какъ обыкновенно дѣлаютъ другія партіи), а продолжать ее безпрерывно вплоть до выборовъ будущаго президента. И вотъ въ то время, какъ старыя, отживающія партіи проводятъ свое время въ препирательствахъ изъ-за пристава и таможни, «тряпичный ребенокъ» («rag baby»— такъ обыкновенно называютъ въ насмѣшку партію гринбакеровъ, за ея якобы дѣтское желаніе создать богатство съ помощію бумажныхъ тряпокъ, rag) выказываетъ необыкновенную дѣятельность. Лучшіе ораторы партіи разъѣзжаютъ по всей странѣ, собирая громадные митинги и вездѣ указывая народу, кто его дѣйствительные враги и какими средствами можно уничтожить ихъ силу. Агитація гринбакеровъ не даетъ успокоиться народному негодованію. Въ штатѣ Мичигэнъ происходили недавно (въ апрѣлѣ) мѣстные выборы и число людей, подавшихъ свои голоса за кандидатовъ гринбакерской партіи, болѣе чѣмъ удвоилось противъ числа подававшихъ свой голосъ за Вивера въ прошломъ ноябрѣ. Гринбакеры разсчитываютъ на подобное же усиленіе своей партіи и въ другихъ штатахъ.

Какъ поступитъ конгрессъ будущею зимою, какъ выскажется народъ въ ноябрѣ 1882 года при выборѣ новыхъ представителей въ конгрессъ—увидимъ въ свое время. Такъ или иначе, народъ долженъ раздѣлаться съ неразрѣшенными вопросами, гнетущими его со времени послѣдней войны.

Однимъ изъ такихъ вопросовъ является исключительное положеніе кредиторовъ страны, вовсе не гармонирующее съ общимъ характеромъ американской жизни. Во Франціи, напримѣръ, громадный долгъ государства раздѣленъ на мелкія облигаціи (въ 20 долларовъ), которыя легко могутъ пріобрѣтаться бѣднѣйшими классами народа. По новѣйшимъ статистическимъ свѣдѣніямъ оказывается, что болѣе чѣмъ половина всѣхъ семей владѣетъ облигаціями и процентъ на государственный долгъ идетъ такимъ образомъ въ массу плательщиковъ и рабочихъ. Въ аристократической Англіи, какъ и должно ожидать, государственный долгъ находится въ рукахъ немногихъ (126.330 человѣкъ, средняя обладаемость долга которыхъ превышаетъ 30.000 долларовъ). Но и тамъ владѣльцы облигацій обложены подоходнымъ налогомъ наравнѣ съ другими капиталистами. Судите теперь, насколько ненормальнымъ долженъ показаться для средняго американца тотъ фактъ, что въ его странѣ государственный долгъ находится въ рукахъ небольшаго числа людей (208.000 человѣкъ, средняя обладаемость долга которыхъ нѣсколько болѣе 10.000 долларовъ), избавленныхъ отъ податей на доходъ, получаемый ими отъ облигацій и могущихъ, посредствомъ національныхъ банковъ, почти удвоивать свой доходъ, вовсе не участвуя въ производительной промышленности страны. Не удивительно, что интересы этихъ людей должны становиться въ разрѣзъ съ интересами народа, что они, въ виду сохраненія своихъ привилегій, захватываютъ контроль надъ законодательною и административною властью правительства и что изъ среды ихъ уже теперь поднимаются требованія о необходимости сильной власти и сильнаго войска.

Средній американецъ, какъ я уже говорилъ прежде, почти вовсе не зараженъ соціальными теоріями. Онъ уважаетъ людей, которые прокладываютъ себѣ дорогу и пріобрѣтаютъ богатства, опираясь на свою личную энергію и умѣнье вести дѣло. Онъ дорожитъ людьми, которыхъ фабрики и заводы даютъ занятія тысячамъ рабочихъ и которые несутъ свою долю государственныхъ податей. Интересы такихъ людей до сихъ поръ держатъ ихъ на сторонѣ народа. И народъ протестуетъ не противъ капиталистовъ вообще, а противъ паразитовъ, поглотившихъ одними процентами почти полную стоимость долга и, не ударивши палецъ объ палецъ, наживающихся на счетъ производительныхъ работниковъ.

Война породила чрезвычайныя привилегіи кредиторовъ и дала первый толчокъ на образованіе денежной аристократіи въ странѣ. Но этимъ однимъ далеко не вполнѣ исчерпываются всѣ причины накопленія колоссальныхъ богатствъ въ рукахъ немногихъ, такъ-называемыхъ, счастливцевъ. Другія причины должны способствовать рѣзкой перемѣнѣ въ амери-

канскомъ обществѣ,—перемѣнѣ, происшедшей только въ послѣднія 10—12 лѣтъ.

Прежде всѣ милліонеры страны были на счету, теперь же народъ не можетъ знать ихъ,—ихъ слишкомъ много. Народу извѣстны только люди обладающіе многими десятками милліоновъ; на дѣйствія этихъ людей онъ смотритъ съ смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и негодованія, спрашивая себя, откуда и какимъ образомъ могли появиться такія колоссальныя богатства.

Съ этой точки зрѣнія Америка представляетъ собою замѣчательную картину. Вандербильдъ, напримѣръ, стоящій во главѣ здѣшнихъ милліонеровъ, можетъ считаться богатѣйшимъ человѣкомъ нашего вѣка, если принять въ разсчетъ, что богатства фирмы Ротшильдовъ раздѣляются между нѣсколькими братьями, тогда какъ Вандербильдъ владѣетъ своими богатствами единолично нераздѣльно. Его богатства не могутъ быть оцѣнены въ точности, такъ какъ большая часть ихъ переведена въ государственныя облигаціи, а потому свободна отъ налоговъ и не подлежитъ контролю оцѣнщиковъ. Отбросивъ всѣ преувеличенія и полагаясь на мнѣніе такого авторитетнаго лица, какъ государственный контролеръ банковъ, можно сказать, что Вандербильдъ имѣетъ однѣми государственными облигаціями около 67 милліоновъ долларовъ, которыхъ стоимость по биржевой оцѣнкѣ доходитъ до 76 милліоновъ и которыя приносятъ ему, какъ участнику въ многихъ національныхъ банкахъ, по крайней мѣрѣ 5 милліоновъ одними процентами. Если же къ этому прибавить его акціи въ желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и телеграфныхъ предпріятіяхъ и его недвижимую собственность, то все его богатство доходитъ до крупной суммы въ 110—120 милліоновъ долларовъ, приносящей ему не менѣе 7—8 милліоновъ ежегоднаго дохода.

Такимъ образомъ одинъ Вандербильдъ легко можетъ купить весь штатъ Канзазъ, котораго недвижимая собственность оцѣнена въ 92.125.000 долларовъ; а его доходъ составляетъ $^1/_{33}$ часть народнаго дохода (по цифрамъ послѣдняго ценза ежегодный приростъ народнаго богатства равняется 280 милліонамъ долларовъ). Это значитъ, что $^1/_{33}$ часть Американской республики должна работать изъ года въ годъ безъ всякой надежды на улучшеніе своего матеріальнаго состоянія, такъ какъ все количество дохода, приходящееся на ея долю, поглощается однимъ Вандербильдомъ.

Другая личность, непосредственно слѣдующая за нимъ, хотя и уступаетъ ему въ богатствѣ, гораздо сильнѣе импозируетъ народъ грандіозностію своихъ предпріятій. Эта личность есть нѣкій Джэ Гудъ. Оцѣнить его богатства еще труднѣе, такъ какъ онъ дѣйствуетъ разомъ по всѣмъ направленіямъ и посредствомъ довѣренныхъ лицъ и агентовъ. Надо полагать, что онъ имѣетъ до 80 милліоновъ, но они всѣ пріобрѣтены имъ лично, тогда какъ Вандербильдъ наслѣдовалъ отъ отца болѣе 80 милліо-

новъ. Правда, Вандербильдъ не подходитъ подъ то общее правило, что дѣти богачей способны только мотать: одаренный рѣдкими административными талантами, онъ не только не расточаетъ унаслѣдованнаго, а напротивъ увеличиваетъ его, тѣмъ не менѣе знатоки биржеваго міра утверждаютъ, что Гудъ вскорѣ перегонитъ его.

Слѣдующій за Гудомъ разрядъ богачей состоитъ изъ обладателей 40—30 милліоновъ; но, къ счастію, намъ не зачѣмъ приводить здѣсь перечень всѣхъ милліонеровъ. Задача эта почти не выполнима въ настоящее время. Вотъ что говорилось недавно въ New-York News: «Тотъ, кто захотѣлъ бы составить списокъ милліонеровъ въ Нью-Йоркѣ за 1881 годъ, задался бы тяжелымъ, неблагодарнымъ трудомъ. Ихъ имя—легіонъ. О многихъ мы узнаемъ только послѣ смерти, когда видимъ въ ихъ завѣщаніи цифры на седьмомъ мѣстѣ. Во время своей жизни они обыкновенно помѣщаютъ свое богатство такимъ образомъ, чтобъ избѣжать налоговъ и оцѣнщиковъ. Вообще слово милліонеръ теряетъ свое прежнее магическое значеніе. Недавняя смерть Давида Джонса, пивовара, оставившаго послѣ себя 10 милліоновъ, произвела бы сильное впечатлѣніе на общество 12—15 лѣтъ тому назадъ, а теперь едва заслужила короткую замѣтку въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ утреннихъ газетъ». Другая газета New-York Times, предпринявши недавно работу въ перечисленіи милліонеровъ, пришла къ заключенію, что число ихъ въ одномъ Нью-Йоркѣ доходитъ до пятисотъ. Прибавьте къ этому, что и въ другихъ большихъ городахъ союза: Чикаго, Санъ-Франциско, Бостонѣ, Филадельфіи, Цинцинати—отношеніе между числомъ милліонеровъ и населеніемъ мало уступаетъ Нью-Йорку. Милліонеры повсемѣстно растутъ какъ грибы и объяснить этотъ фактъ однимъ приростомъ народнаго богатства—невозможно. Народное богатство увеличивается далеко не въ такой степени, въ какой увеличиваются милліоны въ рукахъ богачей,—слѣдовательно, богатства однихъ должны порождать бѣдность другихъ. Выводъ этотъ подтверждается еще тѣмъ, что большая часть милліонеровъ состоитъ или изъ банкировъ и владѣльцевъ государственныхъ облигацій, или же изъ акціонеровъ желѣзнодорожныхъ компаній, а мы уже знаемъ, почему американскіе банкиры могутъ легко наживаться на счетъ народа. Остается только уяснить, почему владѣльцы желѣзнодорожныхъ акцій могутъ богатѣть и скорѣе, и легче, чѣмъ владѣльцы акцій какого-нибудь плавильнаго завода или прядильной фабрики. Развѣ такіе великіе ученые, какъ Адамъ Смитъ, Рикардо и Милль, не говорятъ намъ, что доходъ капиталистовъ долженъ быть одинаковъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, иначе капиталисты будутъ бросать менѣе выгодныя занятія и переходить къ болѣе выгоднымъ? Развѣ они не говорятъ, что цѣны продуктовъ, несмотря на свои временныя колебанія, постоянно приходятъ къ одному и тому уровню и опредѣляются лишь стоимостію производства—minimum капиталистическаго дохода, опредѣляемаго конкурренціей капиталистовъ? Все это совер-

шенно вѣрно, пока есть возможность конкурренціи. Но пусть читатель представитъ себѣ такое положеніе, что капиталъ, все болѣе и болѣе сосредочиваясь въ немногихъ рукахъ, даетъ возможность вести предпріятія въ такихъ громадныхъ размѣрахъ и съ такими усовершенствованіями, которыя невозможно выполнить при ограниченномъ капиталѣ. Тогда мелкіе капиталисты должны поневолѣ уступить болѣе крупнымъ, а тѣ, или поѣдая другъ друга, или входя во взаимныя соглашенія другъ съ другомъ, рано или поздно достигаютъ того, что конкурренція противъ нихъ становится невозможною: они захватываютъ въ свои руки цѣлыя отрасли промышленности, они становятся монополистами: величайшими благодѣтелями народа, если дѣйствуютъ въ его интересахъ, или страшнѣйшими врагами его, когда руководятся эгоистическими разсчетами.

Подобныя перемѣны совершаются теперь по преимуществу въ примѣненіи къ желѣзнодорожному дѣлу. Въ продолженіе послѣднихъ 10—12 лѣтъ экономическая борьба между множествомъ желѣзнодорожныхъ компаній оканчивается постепеннымъ уничтоженіемъ мелкихъ компаній. Взамѣнъ ихъ мы видимъ теперь небольшое число могущественныхъ компаній, которыя представляютъ собою громадные капиталы, завѣдываютъ всѣми желѣзными дорогами извѣстнаго района и обладаютъ всѣми средствами для уничтоженія конкурренціи. Владѣльцы желѣзнодородныхъ акцій постепенно становятся монополистами, а ихъ директора и управляющіе, назначая тарифъ, руководятся не теоріей стоимости, какъ во время оно, а просто берутъ съ народа все, что можно взять. Разумѣется, благоразуміе требуетъ не злоупотреблять своею силой, не переступать тѣ границы, которыя зависятъ отъ умственнаго и нравственнаго развитія народовъ,—могутъ быть очень узки въ одномъ народѣ и очень широки въ другомъ, — но которыя ни одинъ народъ въ мірѣ не позволитъ переступить безнаказанно. Но обыкновенно люди падкіе до наживы не умѣютъ остановиться вовремя и гнѣвъ народа рано или поздно караетъ ихъ.

Американцы давно уже заявляютъ свое недовольство противъ тисковъ желѣзнодорожныхъ монополистовъ. Еще въ 1874 году сенатъ Соединенныхъ Штатовъ, въ отвѣтъ на протесты народа противъ злоупотребленій и произвола желѣзнодорожныхъ компаній, назначилъ коммиссію изъ способнѣйшихъ сенаторовъ для изслѣдованія, насколько справедливы эти жалобы. Вотъ одинъ отрывокъ изъ оффиціальнаго отчета слѣдственной коммиссіи: «Въ настоящее время комбинаціи четырехъ человѣкъ, представляющихъ собою четыре главныя желѣзныя дороги между Чикаго и Нью-Іоркомъ, обладаютъ и нерѣдко пользуются громадною силою взиманія денегъ, которая намного превышаетъ силу конгресса Соединенныхъ Штатовъ. Во всякое время, безъ всякаго объясненія причинъ, они могутъ однимъ почеркомъ пера уменьшить цѣнность народнаго богатства на сотни милліоновъ долларовъ. Небольшая прибавка въ 5 центовъ за перевозку

одного бушеля *) равняется налогу въ 45 милліоновъ долларовъ на жатву 1873 года. Ни одинъ конгрессъ не осмѣлился бы провести подобную мѣру, не имѣя оправданія въ неотложной и гнетущей необходимости, а между тѣмъ эти господа часто пользуются своею властью, руководясь лишь личными разсчетами и желаніями, не считая нужнымъ объяснять или оправдывать свой образъ дѣйствія. Быстрая и неизбѣжная, по своей сущности, консолидація желѣзнодорожныхъ компаній, сильныхъ уже въ настоящее время, дѣлаетъ ихъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и самоуправнѣе. Не далекъ тотъ день, когда государственные люди Америки займутся рѣшеніемъ вопроса, что лучше: отдать ли народную промышленность въ жертву немногимъ личностямъ, отвѣтственнымъ только передъ акціонерами и побуждаемымъ желаніемъ личнаго обогащенія,—или же поручить правительству управленіе желѣзными дорогами страны, хотя бы съ рискомъ еще болѣе усилить значеніе и прерогативы федеративной власти».

Желая выгородить себя изъ-подъ правительственной опеки, желѣзнодорожныя компаніи постоянно стараются наполнить законодательныя собранія людьми, которыхъ интересы и симпатіи были бы на сторонѣ компаній. Съ этою цѣлью онѣ пускаютъ въ ходъ всѣ способы прямого и косвеннаго подкупа какъ народныхъ избирателей, такъ и членовъ законодательнаго собранія (въ особенности когда послѣдніе избираютъ сенаторовъ). Страна не разъ была скандализирована открытыми заявленіями того или другаго лица о предлагаемой ему взяткѣ; много грязныхъ дѣлъ было открываемо слѣдственными коммиссіями. Впрочемъ, сами тузы желѣзнодорожнаго дѣла не скрываютъ своего образа дѣйствій,—они прямо говорятъ, что имъ «выгоднѣе тратить деньги для выбора своихъ друзей, чтобы съ помощію ихъ обезпечить благопріятное имъ большинство въ законодательныхъ собраніяхъ. Иначе, удерживаясь отъ вліянія на выборы, намъ пришлось бы тратить слишкомъ много денегъ, чтобы склонять на свою сторону большинство законодальныхъ собраній всякій разъ, когда тамъ обсуждается билль, затрогивающій наши интересы» **).

Компанія, завѣдывающая желѣзною дорогою Ири (одною изъ четырехъ дорогъ, связывающихъ Чикаго съ Нью-Йоркомъ), на выборахъ 1868 года потратила болѣе милліона долларовъ. Когда Джэ Гудъ, бывшій тогда главнымъ директоромъ этой дороги, былъ спрошенъ слѣдственною коммиссіей, какой партіи онъ наиболѣе способствовалъ, онъ цинически отвѣтилъ: «Мы заинтересованы въ выборахъ четырехъ штатовъ и примѣняемъ свою политику къ настроенію большинства въ избирательныхъ округахъ. Въ республиканскихъ округахъ нашъ кандидатъ—республиканецъ, въ демократическихъ—онъ демократъ, въ сомнительныхъ округахъ онъ можетъ

---

*) Бушель равняется 1,38 четверика.

**) Подлинныя слова одного изъ желѣзнодородныхъ тузовъ на допросѣ слѣдственной коммиссіи.

быть независимъ въ политическихъ мнѣніяхъ, но вездѣ и всегда онъ долженъ стоять за интересы Ири».

Когда ему были представлены положительныя доказательства подкуповъ и требовали отъ него разъясненія деталей, онъ уклонился отъ прямаго отвѣта, говоря, что мелкія издержки ускользаютъ изъ его памяти и онъ помнитъ только крупныя операціи. «Я могу сказать только, что деньги разсылались въ разныя мѣста для покрытія издержекъ избранія и въ общей сложности онѣ вѣроятно составляли не малую сумму; но припомнить, кому онѣ посылались и въ какомъ количествѣ, для меня такъ же трудно, какъ припомнить всѣ товарные поѣзды, двигающіеся по линіямъ нашей дороги».

Надо замѣтить, что имя Джэ Гуда нераздѣльно связано съ процессомъ консолидаціи желѣзныхъ дорогъ, и для полной характеристики громадныхъ операцій, совершающихся въ настоящее время, не мѣшаетъ нѣсколько дольше остановиться на личности геніальнаго консолидатора. Дѣятельный, проницательный, скрытный, Гудъ постоянно дѣйствуетъ во всѣхъ направленіяхъ чрезъ многочисленныхъ агентовъ и довѣренныхъ лицъ, которыя продаютъ и скупаютъ для него акціи на биржѣ, какъ бы отъ своего имени. Мистицизмъ, которымъ онъ окружаетъ свои дѣйствія, и постоянный блестящій успѣхъ всѣхъ его предпріятій дѣлаютъ его теперь какимъ-то полубогомъ въ глазахъ биржеваго міра. «Молчаливый человѣкъ Wall-street» *) не напрасно сравнивается съ Наполеономъ за свое умѣнье выходить побѣдителемъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и извлекать пользу тамъ, гдѣ недоумѣваютъ самые ловкіе и самые предпріимчивые спекуляторы Америки. Онъ много разъ составлялъ себѣ громадныя богатства, скупая акціи желѣзныхъ дорогъ, когда онѣ были на 50—60% ниже своей номинальной цѣны, и, приводя дороги въ блестящее состояніе, поднималъ ихъ акціи на 20—25% выше ихъ номинальной цѣны. Но, какъ я уже говорилъ, главная характеристическая черта его состоитъ въ умѣньи подчинять своему контролю мелкія желѣзнодорожныя компаніи и соединять такимъ образомъ множество желѣзныхъ дорогъ подъ одну администрацію. Обыкновенно онъ начинаетъ вторженіе въ извѣстную мѣстность тѣмъ, что скупаетъ большинство акцій одной изъ тамошнихъ дорогъ, затѣмъ, представляя въ своемъ лицѣ большинство голосовъ компаніи и никѣмъ не стѣсняемый, онъ начинаетъ войну съ другими линіями, изъ которой онъ всегда выходитъ побѣдителемъ, заставляя другія компаніи просить мира, консолидируясь съ его компаніей и отдавая свои дороги подъ его управленіе. Сначала дѣйствія Гуда были разбросаны по всей Америкѣ и, повидимому, не были связаны общимъ планомъ. Капиталистическій міръ смотрѣлъ на него просто какъ

*) На Wall-street сосредоточиваются всѣ биржевыя и банковыя операціи Нью-Йорка, т. е. почти всей страны.

на эксцентрика, страстно любящаго процессъ финансовой борьбы и наживы, но неспособнаго къ выполненію широкихъ операцій. Но Гудъ скрывалъ свои планы только до тѣхъ поръ, пока опасался противодѣйствія со стороны другихъ соперниковъ. Только два года тому назадъ онъ выказалъ въ полномъ блескѣ свои геніальные таланты: два-три биржевыхъ удара, двѣ-три одновременныхъ скупки акцій дорогъ, раздѣляющихъ его участки—и онъ становится во главѣ громадной и непрерывной линіи, идущей отъ Чикаго и Сентъ-Луиса далеко въ глубь страны въ юго-западномъ направленіи. Онъ открылъ свои намѣренія, когда ему не была уже страшна конкурренція. Онъ теперь все легче и легче одерживаетъ успѣхи и сосредоточиваетъ подъ своимъ управленіемъ всѣ дороги района, лежащаго къ юго-западу отъ Сентъ-Луиса.

Теперь подъ непосредственнымъ его контролемъ находится болѣе 11.000 миль желѣзныхъ дорогъ (болѣе 16.000 верстъ). И это только первая ступень его громадныхъ замысловъ.

Разсчитывая, что, благодаря системѣ инженера Бида, устья Миссисипи будутъ удобопроходимы для большихъ морскихъ пароходовъ и что, слѣдовательно, всѣ продукты юго-западной Америки будутъ вывозиться въ Европу чрезъ Нью-Орлеанъ, онъ уже теперь заводитъ цѣлую флотилію рѣчныхъ пароходовъ на Миссисипи, чтобъ отстранить могущую возникнуть впослѣдствіи войну между желѣзнодорожными и водяными сообщеніями. Тѣмъ не менѣе онъ не намѣренъ лишать себя въ настоящее время вѣрнаго и надежнаго сбыта къ Атлантическому океану и вотъ въ прибавку къ четыремъ дорогамъ, соединяющимъ Чикаго съ Нью-Іоркомъ, онъ хочетъ построить пятую, которая, благодаря новѣйшимъ усовершенствованіямъ строительной техники, пройдетъ черезъ горы и рѣки почти по прямой линіи къ Нью-Іорку и, будучи значительно короче другихъ, представитъ этимъ не маловажное преимущество въ нашъ вѣкъ бѣшеной гоньбы изъ-за денежной наживы. Въ то же самое время Гудъ энергически подвигаетъ свои линіи все далѣе и далѣе въ глубь страны, желая провести другую дорогу поперекъ континента, которая, войдя въ сѣверныя провинціи Мексиканской республики, окончится у Санта-Барбары на Тихомъ океанѣ.

Не довольствуясь вторженіемъ въ Мексику посредствомъ одной линіи, онъ проектируетъ цѣлую сѣть желѣзныхъ дорогъ, которыя черезъ нѣсколько лѣтъ соединятъ Штаты Америки со столицею Мексиканской республики и со всѣми источниками ея разнообразныхъ и неистощимыхъ богатствъ. Грантъ, его любимецъ и фаворитъ, съ которымъ онъ такъ сходенъ по характеру и умственнымъ качествамъ, уже назначенъ имъ директоромъ Мексиканскихъ дорогъ. Новый директоръ, получивши отъ капиталистовъ подарокъ въ 250.000 долларовъ *), какъ бы въ вознагражденіе

*) Въ числѣ вкладчиковъ для этого подарка, Вандербильдъ, Гудъ и Макензи внесли каждый по 25.000 долларовъ.

за потерю президентства, прожилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Мексико, заключая концессіи съ мексиканскимъ правительствомъ и хлопоча о субсидіяхъ на предполагаемыя постройки. На дняхъ (въ началѣ іюня) онъ вернулся оттуда, вполнѣ удовлетворенный успѣхомъ своей миссіи, и уже приступаютъ къ постройкѣ нѣсколькихъ вѣтвей, которыя, перейдя пограничную рѣку Ріо-Гранде, вступятъ на территорію Мексики.

«Джэ Гудъ завоевываетъ Мексику»,—говорятъ здѣшнія газеты, и замѣчаніе это, кажущееся шуточнымъ на первый взглядъ, имѣетъ серьезное значеніе, если поглубже вдуматься въ него. Дѣйствительно, Гудъ, движимый эгоистическими разсчетами, совершаетъ въ настоящее время одну изъ величайшихъ задачъ цивилизаціи. Его дороги внесутъ въ среду лѣнивыхъ и импульсивныхъ мексиканцевъ дѣятельность и упорство англо-саксонской расы; онѣ разбудятъ промышленность и торговлю страны, самой благословенной въ мірѣ по разнообразію и обилію натуральныхъ богатствъ; онѣ спаяютъ ее съ цивилизованнымъ міромъ тѣсными и неразрывными узами взаимнаго обмѣна труда и мыслей. Для Гуда же останется широкое, безпредѣльное поприще для наживанія милліоновъ. Какъ разъ въ то время, когда американцы энергически возстаютъ противъ субсидій желѣзнодорожнымъ компаніямъ и готовятся къ рѣшительной борьбѣ съ желѣзнодорожными монополистами, Гудъ переноситъ свою дѣятельность въ дѣвственную страну, гдѣ земля лежитъ пустыремъ, гдѣ онъ можетъ пріобрѣтать цѣлыя области «за одну лишь пѣсенку», какъ говорятъ американцы, гдѣ народъ, невѣжественный и мало развитый политически, еще долго будетъ смотрѣть на него какъ на благодѣтеля, гдѣ серьезная оппозиція его монополіи немыслима въ продолженіе долгаго и долгаго времени.

Но современный Кортезъ, болѣе увѣренный въ успѣхѣ, не считаетъ нужнымъ сжигать свои корабли. Блестящая перспектива успѣха въ Мексикѣ не мѣшаетъ ему продолжать свои побѣды въ Соединенныхъ Штатахъ. Вѣрный своему правилу бить во всѣ стороны, онъ рѣшился консолидировать телеграфныя линіи, подобно тому, какъ онъ консолидировалъ желѣзныя дороги. До послѣдняго времени въ Америкѣ, за исключеніемъ мелкихъ, было три большихъ телеграфныхъ компаніи. Одна и самая богатая была уже подъ контролемъ Вандербильда, другія же двѣ, конкуррируя между собой, оставались какъ бы въ подчиненномъ положеніи относительно первой. Въ прошломъ году Гудъ, дѣйствуя чрезъ своихъ агентовъ, пріобрѣлъ контроль надъ этими двумя компаніями. Съ рѣдкимъ умѣньемъ во всемъ и всегда предупреждать своего соперника онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ Вандербильдомъ, который, не имѣя ни желанія, ни умѣнья вести войну съ Гудомъ, согласился на консолидацію всѣхъ трехъ компаній въ одну. Теперь одна корпорація, или вѣрнѣе 3 или 4 человѣка, стоящіе во главѣ этой корпораціи, управляютъ почти всѣми телеграфными линіями страны. Число служащихъ на этихъ линіяхъ превышаетъ

600.000 человѣкъ, а дѣйствительная стоимость линій равняется 55 милліонамъ, хотя «разбавленная водою» доходитъ до 80 милліоновъ *).

Обезпечивъ консолидацію телеграфныхъ линій внутри страны, Гудъ желаетъ теперь имѣть свои собственныя линіи черезъ Атлантическій океанъ. Не довольствуясь тѣми, которыя теперь въ ходу, онъ объявилъ подписку на акціи для устройства и проведенія новыхъ двухъ телеграфныхъ канатовъ, и довѣріе къ его счастію такъ велико, что въ первые 48 часовъ была подписана сумма въ 4 милліона долларовъ, однимъ милліономъ болѣе чѣмъ нужно.

Тотъ же широкій полетъ мысли, тѣ же грандіозные замыслы Гудъ обнаруживаетъ относительно политической прессы страны. Онъ знаетъ, какую страшную силу представляютъ собою большія газеты Америки, и намѣревается подчинить ихъ своему вліянію. Онъ уже скупилъ большинство акцій двухъ вліятельнѣйшихъ газетъ Америки: New-York Tribune и New-York World. Одна изъ этихъ газетъ, основанная Горасомъ Грили, была при его жизни лучшимъ органомъ независимой прессы, а послѣ его смерти стала работать въ интересахъ республиканцевъ; другая же газета— безспорно лучшій представитель демократической партіи. Очевидно, что Гудъ намѣревается скупать газеты независимо отъ ихъ политическихъ мнѣній. Вѣрный принципу, высказанному имъ на допросѣ 1874 года, онъ будетъ рекомендовать народу черезъ свои газеты двухъ кандидатовъ на президентское званіе. Ему все равно, будетъ ли избранъ его кандидатъ-республиканецъ, или кандидатъ-демократъ. Оба они, несмотря на различіе политическихъ мнѣній, будутъ одинаково преданы интересамъ желѣзнодорожныхъ монополистовъ.

Оставимъ Гуда пока въ сторонѣ. Его личность была нужна намъ для лучшей обрисовки того, что дѣлается теперь въ Америкѣ. Вмѣстѣ съ нимъ и въ томъ же направленіи работаютъ другіе люди и въ настоящее время почти всѣ желѣзныя дороги страны сгруппированы подъ управленіе 8—10 крупныхъ компаній. Остающіяся еще въ небольшомъ числѣ мелкія компаніи пощажены процессомъ консолидаціи, такъ точно какъ средневѣковое Монако пощажено современною группировкою по народностямъ. Крупныя компаніи, подобно потентатамъ Европы, входятъ въ формальныя соглашенія между собою относительно тарифа и народъ волею-неволею

*) Когда компанія желѣзной дороги или телеграфной линіи начинаетъ получать громадный доходъ, она обыкновенно вотируетъ выпускъ новыхъ акцій, гарантируя по-прежнему извѣстный дивидендъ на всѣ акціи. Небольшая часть суммы, реализованной отъ продажи новыхъ акцій, употребляется больше для вида, на какія-нибудь усовершенствованія и подѣлки, все же остальное дѣлится между владѣльцами прежнихъ акцій. Такой процессъ называется въ Америкѣ „разбавленіемъ водою“. Консолидація трехъ телеграфныхъ компаній отпразднована выпускомъ новыхъ акцій на 15 милліоновъ долларовъ, большая часть которыхъ пойдетъ въ карманы прежнихъ акціонеровъ.

долженъ платить все, что берется съ него. Разумѣется, пока не всѣ дороги соединены подъ одно управленіе, соперничество между ними не можетъ быть вполнѣ уничтожено. Иногда компаніи сталкиваются на вопросахъ, которые не могутъ быть разрѣшены полюбовнымъ соглашеніемъ, и между ними вспыхиваетъ война. Въ это время начинаетъ постепенно понижаться тарифъ по всѣмъ линіямъ, которыя могутъ переманить къ себѣ людей и товары въ ущербъ противнику, и переѣздъ по соперничествующимъ линіямъ становится иногда баснословно дешевъ. Прошлою осенью человѣкъ могъ проѣхать изъ Канзасъ-сити въ Чикаго за 50 центовъ, хотя нормальная плата за подобный переѣздъ не бываетъ менѣе 15 долларовъ. Впрочемъ, войны эти не продолжаются долго. Воюющія стороны торопятся разрѣшить свои несогласія какимъ-нибудь компромиссомъ и заключается мирный договоръ, по которому они снова обязываются поднять свой тарифъ и не спускать его въ ущербъ другъ другу. И снова наступаютъ благословенныя времена мира, когда компаніи съ лихвою наверстываютъ убытки, понесенные ими во время войны.

Самодержавный пятидесяти-милліонный американскій народъ, незамѣтно опутываемый искусно сотканною сѣтью, видитъ себя во власти желѣзнодорожныхъ потентатовъ. Чувствуя свое безсиліе въ легальной борьбѣ съ ними, онъ тѣмъ не менѣе начинаетъ биться въ сѣтяхъ и, пожалуй, можетъ разорвать ихъ; и вотъ люди, въ чьихъ рукахъ сходятся концы сѣти, начинаютъ гладить добродушнаго великана по головѣ и говорить въ видахъ успокоенія: «Правда, ты въ нашей власти, но мы не будемъ злоупотреблять нашимъ правомъ, мы не возвысимъ тарифа». И дѣйствительно, сравнивая теперешнія цѣны за провозъ съ прежними, пожалуй, можно придти къ заключенію, что уничтоженіе конкурренціи вовсе не ведетъ къ увеличенію тарифа, а между тѣмъ крупные владѣльцы желѣзнодорожныхъ акцій загребаютъ милліоны. Разгадка заключается въ томъ, что желѣзныя дороги въ Америкѣ выкупаютъ себя въ 10—12 лѣтъ. Будь онѣ подъ контролемъ правительства, стоимость перевозки людей и товаровъ по окупившимся уже дорогамъ опредѣлялась бы стоимостью ремонта и величиною текущихъ издержекъ, а теперь торговля и промышленность страны, продолжая изъ года въ годъ платить прежнія цѣны, платятъ въ сущности ежегодную дань богачамъ, захватившимъ въ свои руки монополію желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ линій.

Итакъ, рядомъ съ паразитизмомъ и ростомъ богатствъ, безъ соотвѣтствующаго труда, которые мы видѣли между людьми, захватившими монополію денежнаго рынка страны, мы видимъ теперь ростъ другаго паразитизма и формированіе колоссальныхъ богатствъ, далеко превышающихъ вознагражденіе за трудъ людей, захватившихъ въ свои руки монополію путей сообщенія и телеграфныхъ линій. Самое страшное и вопіющее зло состоитъ не въ наживѣ этихъ людей, а въ томъ, что, желая сохранить свои привилегіи, они пріобрѣтаютъ все большее вліяніе на управленіе

страною. Обладая милліонами и вліяніемъ, они попросту назначаютъ, кому быть кандидатомъ въ народные представители или на президентское званіе. Народъ вотируетъ за рекомендуемыхъ людей, которые повидимому имѣютъ хорошую репутацію,—онъ не знаетъ и одной сотой доли закулисныхъ интригъ денежной олигархіи, которыя обыкновенно предшествуютъ выборамъ. Дѣлая краткій обзоръ финансоваго законодательства страны, я показалъ, какъ раболѣпно повинуются велѣніямъ банкировъ законодательная и административная вѣтви правительства. А тутъ желѣзнодорожные монополисты начинаютъ подчинять своему вліянію и третью вѣтвь правительства—его судебную власть, которая до сихъ поръ стояла въ сторонѣ отъ подкуповъ и грязныхъ вліяній и пользуется высокимъ уваженіемъ въ глазахъ американцевъ. Надо помнить, что верховные суды Америки обладаютъ правомъ, могущимъ показаться страннымъ въ глазахъ европейца, они могутъ рѣшать иски не по закону, издаваемому конгрессомъ, а по буквѣ и духу конституціи, и если, по мнѣнію верховнаго суда, законъ не соотвѣтствуетъ конституціи, тяжба рѣшается вопреки закону и вслѣдствіе этого законъ обращается въ мертвую букву. Верховные суды (по одному въ каждомъ штатѣ и одинъ для всего Союза) становятся такимъ образомъ высшими и безъапелляціонными хранителями народныхъ привилегій, насколько онѣ выражены въ федеральной конституціи или въ конституціяхъ каждаго штата. Но члены этихъ судовъ не выбираются народомъ, а назначаются пожизненно или президентомъ (въ верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ), или правителями штатовъ (въ верховный судъ своего штата). Къ чести назначающихъ надо сказать, что въ верховные судьи всегда назначаются лучшіе юристы страны. И репутація верховныхъ судовъ, какъ ученыхъ комментаторовъ и объяснителей закона, еще никѣмъ не оспаривается въ Америкѣ. Бѣда только вотъ въ чемъ: всѣ безъ исключенія лучшіе юристы состоятъ на службѣ у желѣзнодорожныхъ корпорацій, въ качествѣ ихъ постоянныхъ адвокатовъ. Компаніи съ удовольствіемъ платятъ хорошему юристу по 100—150 тысячъ долларовъ ежегодно, лишь бы во всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ частными лицами обезпечить за собой его услуги и отстоять право корпорацій. Разумѣется, назначаемые въ верховные судьи, юристы эти перестаютъ быть наемниками желѣзнодорожныхъ компаній, но, вслѣдствіе долгой и блистательной защиты корпораціонныхъ правъ, они настолько проникаются сознаніемъ ихъ неприкосновенности, что рѣшенія верховныхъ судей очень мало отличаются отъ мнѣнія адвокатовъ желѣзнодорожныхъ корпорацій. Въ прибавку къ этой, такъ сказать неизбѣжной и невольной, порчѣ верховнаго суда присоединяется теперь прямое вмѣшательство денежной олигархіи. Она старается наполнить верховный судъ людьми, которыхъ убѣжденія не могутъ быть опасны для нея при наступающей борьбѣ съ народомъ. Въ прошломъ маѣ открылась вакансія въ верховномъ судѣ Соединенныхъ Штатовъ и Гарфильдъ послалъ на утвержденіе сената свое на-

значеніе Матьюса въ члены верховнаго суда. Независимая пресса страны энергически протестовала противъ этого назначенія, такъ какъ Матьюсъ, бывшій на службѣ желѣзнодорожныхъ компаній, замѣчателенъ особенно блистательными защитами корпораціонныхъ правъ вездѣ, гдѣ они сталкивались съ правомъ частныхъ лицъ. Сенатъ, растерявшійся въ спорѣ между Гарфильдомъ и Конклиномъ, волнуемый личными разсчетами, не соглашался на утвержденіе Матьюса и при окончательной баллотировкѣ высказался противъ него большинствомъ одного голоса. И что-жь?—Прежде чѣмъ былъ объявленъ результатъ баллотировки, къ одному изъ сенаторовъ пришла телеграмма отъ Джэ Гуда съ просьбою перемѣнить свой голосъ и подать его за Матьюса. Раболѣпный сенаторъ не осмѣлился противорѣчить желанію Гуда, и такъ какъ въ законодательныхъ собраніяхъ Америки часто практикуется право переноса голоса, пока предсѣдатель собранія не объявилъ еще о результатахъ баллотировки, то сенаторъ перенесъ свой голосъ и Матьюсъ былъ утвержденъ членомъ верховнаго суда большинствомъ одного голоса.

Сила корпорацій и вліяніе ихъ на законодательную, исполнительную и судебную власть правительства такъ велика, что даже умѣренный органъ и вѣчный защитникъ республиканской партіи, Harper's Weekly, счелъ нужнымъ заняться этимъ вопросомъ и четко и открыто поставить его передъ народомъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ этой популярной и чрезвычайно распространенной недѣльной газеты (число подписчиковъ доходитъ до 300.000) разбирается подробно все зло, могущее произойти отъ колоссальныхъ корпорацій, пренебрегающихъ интересами народа и стремящихся только къ наживѣ во что бы то ни стало. Вотъ отрывки изъ статьи:

«Желѣзно-дорожныя, телеграфныя и другія компаніи получили привилегіи въ предположеніи, что онѣ будутъ служить въ интересахъ народа. Послѣдствія не оправдали этого предположенія, а между тѣмъ компаніи пріобрѣли такую силу, что народъ врядъ ли можетъ отнять или даже ограничить эти привилегіи посредствомъ легальнаго вмѣшательства со стороны правительственной власти».

Далѣе статья разбираетъ, почему народъ не можетъ полагаться теперь на правительство, всѣ функціи котораго находятся подъ непосредственнымъ контролемъ монополистовъ, и заканчиваетъ свои разсужденія слѣдующими знаменательными словами: «Граждане Америки должны помнить, что не народъ подчиненъ законодателямъ, а законодатели обязаны служить народу въ предѣлахъ конституціи, и что только народъ имѣетъ право измѣнить, уничтожить или передѣлать конституцію. Власть народа измѣнять конституцію въ тысячу разъ важнѣе власти представителей, обязанныхъ дѣйствовать въ предѣлахъ конституціи. Народъ каждаго штата есть высшій, безусловный и безапелляціонный рѣшитель того, въ чемъ должны состоять его права, пока онъ остается въ союзѣ съ другими штатами. *Когда его*

законодатели обращаются въ защитниковъ неприкосновенности корпорацiонныхъ правъ, когда становится невозможнымъ провести и выполнить законы, контролирующiе монополистовъ, народъ имѣетъ за собой и право, и возможность ввести, съ помощью всеобщей подачи голосовъ, конституцiонныя поправки и свернуть все, что при помощи законодательной власти питается теперь на счетъ народа. Народъ всесиленъ въ пользованiи этою прерогативою. Никто не имѣетъ ни права, ни возможности воспрепятствовать ему въ этомъ» (Harper's Weekly, 2-я недѣля мая мѣсяца, отъ 8 до 15 числа).

Всякiй, кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ американскою прессой, знаетъ, что Scribner's Monthly и Harper's Weekly принадлежатъ къ числу самыхъ умѣренныхъ органовъ страны. Ужь если они начинаютъ бить въ набатъ и призывать народъ къ избирательнымъ билетамъ, значитъ дѣйствительно нѣтъ другаго исхода. Мало того, цитируя мнѣнiя умѣренныхъ и богатыхъ людей Америки (Харперъ, собственникъ Harper's Weekly, самый богатый книгопродавецъ и издатель въ странѣ, занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто въ спискѣ милліонеровъ Нью-Йорка), я полнѣе и лучше подтверждаю высказанное мною мнѣнiе, что народная буря, долженствующая разразиться въ скоромъ времени, будетъ направлена не на капиталистовъ вообще, а только противъ монополистовъ денежнаго рынка и торговыхъ сообщенiй.

Война между сѣверными и южными штатами открыла пути для быстраго обогащенiя посредствомъ спекуляцiй и тѣмъ нарушила нормальный, здоровый ростъ капитала. Прежнее равновѣсiе между капиталистомъ и рабочимъ—потеряно. Народъ чувствуетъ, что есть что-то невыразимо-фальшивое въ обществѣ, если милліоны растутъ какъ грибы въ рукахъ богачей, тогда какъ положенiе народа или вовсе не улучшается, или улучшается весьма медленно. Въ ростѣ гринбакеровъ и анти-монополистическихъ лигъ мы должны видѣть проявленiе этого чувства.

Борьба противъ системы нацiональныхъ банковъ, выразителемъ которой по преимуществу служитъ партiя гринбакеровъ, опирается на ясно и опредѣленно выраженную легальную основу, такъ какъ въ силу конституцiи «конгрессъ имѣетъ право чеканить монету и регулировать денежнымъ рынкомъ страны». За то рабочiй народъ, имѣя мало соприкосновенiй съ банками и смутно понимая отвлеченные финансовые вопросы, весьма медленно отвѣчаетъ на призывъ гринбакеровъ и легко сбивается увѣренiями ихъ противниковъ, что всякая перемѣна въ финансовой системѣ повлечетъ гибельное послѣдствiе. Недоумѣвая поэтому, которая изъ двухъ сторонъ права, народъ охотно вотируетъ за гринбакеровъ во время безденежья, неурожая и промышленнаго застоя, когда ему нечего терять отъ перемѣны финансовыхъ системъ. За то въ годы сравнительнаго благосостоянiя, каковы были три послѣдніе года, народъ оставляетъ гринбакеровъ въ кадровомъ составѣ, боясь потерять и тѣ немногiя крохи, которыя перепадаютъ

къ нему со стола богачей. Совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ стоитъ народъ къ желѣзнодорожнымъ монополистамъ,—онъ постоянно сталкивается съ ними. Не нужно имѣть большихъ способностей къ обобщенію, чтобъ увидѣть, на чей счетъ богатѣютъ Гуды. Кромѣ того желѣзнодорожныя компаніи возмущаютъ народную совѣсть безцеремонною жестокостью, съ которою онѣ третируютъ милліоны людей, находящихся въ ихъ услуженіи. Въ то время, какъ одиночный предприниматель, или фирма, дорожитъ своимъ именемъ и общественнымъ мнѣніемъ и болѣе или менѣе гуманно обходится со своими рабочими, желѣзнодорожныя компаніи, представляя какой-то неопредѣленный коллективъ, составъ котораго ежедневно мѣняется съ куплею и продажею акцій, вовсе не имѣютъ такихъ побужденій. Зная, что взамѣнъ одного убитаго или искалѣченнаго появляются десятки, желающіе работать на его мѣстѣ, зная, что какъ бы ни понижалась плата, всегда будутъ люди принужденные работать за уменьшенное жалованье,—управленія желѣзныхъ дорогъ смотрятъ на рабочаго какъ на мускульную силу. Въ отвѣтъ на всѣ упреки не только постороннихъ людей, но и своей совѣсти, служащій на желѣзной дорогѣ говоритъ: «Будь я одинъ, я не поступилъ бы такъ; но какъ лицо подневольное я долженъ дѣйствовать согласно съ постановленіемъ акціонеровъ, чтобы не лишиться мѣста».

Американскій народъ не потерялъ еще сознанія своего достоинства,—онъ глубоко возмущается подобнымъ образомъ дѣйствія. Вотъ почему его первая, незаконная вспышка негодованія обнаружилась въ разграбленіи и сожженіи Питсбургскаго депо. Казалось бы, что при легкой возможности вліять на народныя страсти и при неограниченной свободѣ агитаціи народъ легко можетъ поступить такимъ же точно образомъ и съ другими компаніями, но средній американецъ—существо въ высшей степени консервативное. Несмотря на приливъ буйныхъ и невѣжественныхъ эмигрантовъ, въ народѣ все еще преобладаетъ та любовь къ порядку, законности и умѣренности, которая такъ характеризуетъ англо-саксонскую расу. Вотъ почему во главѣ движенія противъ желѣзнодорожной монополіи стоятъ не революціонеры и соціалисты, а анти-монополистическая лига, составленная изъ богатѣйшихъ фабрикантовъ и купцовъ Америки *). Вотъ что говоритъ секретарь этой лиги въ статьѣ, помѣщенной въ Scribner's Monthly:

«Большая часть американцевъ соглашается, что вредъ, происходящій отъ монополіи желѣзныхъ дорогъ, не можетъ быть оставленъ безъ вниманія; но они такъ консервативны въ своихъ требованіяхъ отъ другихъ, такъ уважаютъ право собственности, такъ увѣрены въ своей силѣ и способности исправить зло, когда наступитъ время для этого, что терпимость американцевъ относительно злоупотребленій можетъ показаться нелѣпою въ

*) Лига эта образовалась въ январѣ этого года. Въ настоящее время она имѣетъ вѣтви въ четырнадцати штатахъ.

глазахъ иностранцевъ. Лучшимъ поясненіемъ народнаго характера могутъ служить результаты, вызванные однимъ и тѣмъ же закономъ, проведеннымъ въ Бразиліи и Соединенныхъ Штатахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ цѣлью покрыть экстренныя издержки, была наложена такса на желѣзноконныя дороги Ріо-Жанейро въ размѣрѣ одного полуцента на каждаго пассажира. Компанія, разумѣется, переложила эту таксу на народъ, прибавивши полцента къ прежней платѣ за проѣздъ. Народъ возненодовалъ за наглый переводъ пошлины изъ своего кармана въ карманы публики. Начались безпорядки, рельсы были вынуты, дилижансы поломаны и компанія, испуганная этимъ, поторопилась взять назадъ надбавку за проѣздъ и оставить прежнюю цѣну. Въ продолженіе послѣдней войны такой же налогъ въ полцента былъ наложенъ на всѣ наши желѣзноконныя дороги. Компаніи, принужденныя платить налогъ, набавили цѣлый центъ къ прежней цѣнѣ за проѣздъ и американцы безъ ропота подчинились этому повышенію цѣны».

Американецъ чувствуетъ гнетъ отъ желѣзнодорожной монополіи, но онъ глубоко уважаетъ право собственника распоряжаться своею собственностію какъ ему угодно, безъ вмѣшательства со стороны правительства. А въ виду злоупотребленій и фаворитизма правительства онъ боится передать ему управленіе желѣзными дорогами страны, чтобы не усилить и безъ того уже сильное значеніе административной власти.

Въ началѣ статьи было упомянуто о temperance party, выставившей Дау своимъ кандидатомъ на президентское званіе. Партія эта могла собрать только 9.644 голоса въ пользу своего кандидата. Четыре года тому назадъ (въ 1876 г.) число голосовъ за кандидата temperance party было почти такое же (9.522). Очевидно, что партія не растетъ въ числѣ и слѣдовательно не можетъ имѣть будущаго. Вопросъ о воздержаніи отъ спиртныхъ напитковъ, несмотря на свою важность относительно матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія страны, не въ состояніи собрать людей и держать ихъ подъ однимъ знаменемъ. И дѣйствительно, милліоны людей могутъ согласиться относительно воздержанія отъ спирныхъ напитковъ и въ то же время такъ рѣзко отличаться другъ отъ друга по всѣмъ другимъ вопросамъ, политическимъ и экономическимъ, что теряется всякая возможность для соглашенія и единодушнаго дѣйствія людей, а безъ этого немыслима организація партіи.

Но если люди воздержанія не имѣютъ серьезнаго значенія въ политической жизни Америки, какъ партія, то они имѣютъ громадное вліяніе на жизнь народа, какъ общества. Ихъ безпрерывная и повсемѣстная пропаганда, подобно водѣ постоянно падающей на камень, способна разбивать самую крѣпкую, закоренѣлую наклонность къ пьянству; она становится особенно успѣшною въ то время, когда улегается политическая борьба и всякій, отложивъ въ сторону свои политическія мнѣнія, болѣе способенъ выслушать и усвоить то, что можетъ улучшить его жизнь. Число про-

повѣдывающихъ безусловное воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ громадно. Почти всѣ проповѣдники и духовные учителя народа постоянно говорятъ ему, что лучшее и вѣрнѣйшее средство не впадать въ излишество—это вовсе не дотрогиваться до спиртныхъ напитковъ. Temperance men не ограничиваются только одиночными усиліями,—они отлично понимаютъ силу коллективнаго дѣйствія. У нихъ есть свои общества, обладающія громадными средствами *), которыя распространяютъ въ народѣ безплатныя газеты и брошюры. У нихъ есть своя литература (и очень хорошая), и свои школы, гдѣ дѣти съ самаго ранняго возраста, почти безсознательно для себя, усвоиваютъ отвращеніе къ спиртнымъ напиткамъ. Въ самомъ маленькомъ поселкѣ Америки можно найти людей принадлежащихъ къ обществу воздержанія, имѣющихъ свои еженедѣльныя сходки. Пѣніе, музыка, оживленныя лекціи, чтеніе поэтическихъ отрывковъ, разсказы, почерпнутыя изъ личной жизни каждаго—дѣлаютъ эти собранія интересными и для людей непринадлежащихъ къ обществу; и многіе, начиная посѣщать собранія изъ любопытства или изъ бездѣлья, кончаютъ тѣмъ, что становятся ревностными сторонниками воздержанія.

Результатомъ этихъ, повидимому ничтожныхъ, вліяній является тотъ крупный и знаменательный фактъ, что потребленіе спиртныхъ напитковъ въ Америкѣ уменьшается изъ года въ годъ, несмотря на приростъ народонаселенія и богатства, несмотря на наплывъ ирландцевъ и нѣмцевъ.

Понятно, что воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ по преимуществу процвѣтаетъ въ среднихъ (то-есть самыхъ здоровыхъ) классахъ народа. Нижній слой его, состоящій изъ грубыхъ и невѣжественныхъ эмигрантовъ, и верхній — изъ утонченныхъ эпикурейцевъ и бездѣльниковъ — сходятся другъ съ другомъ по усердію въ возліяніяхъ Бахусу. Тѣмъ не менѣе пропаганда воздержанія не ограничивается только средними классами, — отъ времени до времени появляются миссіонеры, которыхъ сильное, магнетическое слово вліяетъ на самыя черствыя сердца. Три-четыре года тому назадъ однимъ изъ такихъ апостоловъ былъ Морфи, бывшій содержателемъ трактира, самъ едва не погибшій отъ пьянства и спасенный только своевременнымъ вмѣшательствомъ и помощію отъ общества воздержанія. Въ его страстныхъ рѣчахъ неподдѣльно слышались позоръ, пережитый имъ, слезы и нищета его семьи, страданіе и гибель людей, погубленныхъ имъ, посѣщавшихъ его заведеніе. Чтеніе его рѣчей не дастъ никакого понятія о силѣ, которою онъ вліялъ на сердца людей. Десятки тысячъ народа стекались слушать его и тысячи людей, обливаясь слезами, тутъ же, на мѣстѣ, вносили свои имена въ списки общества съ клятвеннымъ обѣщаніемъ не дотрогиваться до спиртныхъ напитковъ. Не всѣ, разумѣется, были сильны настолько, чтобы не впасть снова въ порокъ, но чудесное вліяніе его на массы простыхъ людей остается замѣтнымъ до сихъ поръ.

*) Получаемыми по завѣщанію отъ богатыхъ людей.

Ученіе о воздержаніи находитъ своихъ адептовъ даже въ высшихъ классахъ. Президентъ Гэсъ, не пьющій вина и не ставящій его во время оффиціальныхъ обѣдовъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ, что и тамъ есть люди сочувствующіе этой реформѣ.

Лѣтъ 15 тому назадъ въ Мэнѣ, находящемся въ суровомъ климатѣ и покрытомъ дремучими лѣсами, проведенъ былъ впервые законъ, запрещающій продажу спиртныхъ напитковъ въ предѣлахъ штата. Многіе самоувѣренно предсказывали, что законъ этотъ въ теченіе одного года обратится въ мертвую букву. Оказалось, что съ годами граждане штата начинаютъ все болѣе и болѣе дорожить имъ. Долгій опытъ и точные статистическіе выводы убѣдили самыхъ заклятыхъ противниковъ правительственнаго вмѣшательства въ томъ, что число преступленій, неизбѣжно связанныхъ съ пьянствомъ, значительно уменьшается, и хотя водка продается тамъ контрабандою, общественная нравственность поднялась значительно выше средняго уровня. Становится яснымъ, что водка, подобно табаку, не имѣетъ привлекательности сама по себѣ для тѣхъ, кто не привыкъ къ ней. Въ большинствѣ случаевъ привыкаютъ къ ней или изъ желенія выказать себя молодцомъ, взрослымъ (если субъектъ молодъ), или же потому, что въ трактирахъ и увеселительныхъ заведеніяхъ всякаго рода питье спиртныхъ напитковъ поощряется роскошью обстановки, музыкой и праздничнымъ настроеніемъ многолюднаго собранія. Закройте эти заведенія, и водка, хотя бы легко добываемая контрабандою, потеряетъ свое, такъ сказать, соціальное значеніе. Человѣкъ принужденный пить въ своемъ углу, на глазахъ своей жены и дѣтей, не поставленный въ необходимость угощать другихъ и угощаться ими — не можетъ пріобрѣсть привычекъ къ пьянству.

Тѣмъ не менѣе закрытіе распивочныхъ заведеній, особенно въ мѣстахъ наполненныхъ ирландцами и нѣмцами, становится почти невозможнымъ дѣломъ, такъ какъ подобная мѣра требуетъ измѣненія конституціи и слѣдовательно можетъ рѣшиться только поголовною подачей голосовъ. Законодательныя собранія Штатовъ, представляя собою настроеніе среднихъ классовъ, могутъ только стѣснять продажу спиртныхъ напитковъ, налагая высокія пошлины на торговлю и ставя ее въ весьма неблагопріятныя условія. Такъ, напримѣръ, въ Иллинойсѣ и во многихъ другихъ штатахъ проведенъ законъ, по которому за всякую драку или ссору, сдѣланную человѣкомъ въ пьяномъ видѣ, отвѣчаетъ содержатель заведенія, въ которомъ тотъ напился пьянымъ. Въ штатѣ Іова запрещена, подъ страхомъ тяжелой пени, практика взаимнаго угощенія въ кабакахъ,—практика, вслѣдствіе которой податливый человѣкъ способенъ выпить въ десять разъ больше того, сколько онъ выпилъ бы не угощаемый другими и не обязанный взамѣнъ этого угощать другихъ. Но, повторяю, до самаго послѣдняго времени ни одинъ штатъ не слѣдовалъ примѣру Мэна. Первая попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана въ Канзасѣ въ прошломъ году, когда

законодательное собраніе штата предложило народу поправить конституцію штата въ смыслѣ запрещенія продажи спиртныхъ напитковъ. Борьба, завязавшаяся тамъ по этому поводу, была чрезвычайно интересна. Общества воздержанія наводнили Канзасъ своими трактатами, миссіонерами и ораторами, которые, вмѣстѣ съ тамошнимъ протестантскимъ духовенствомъ, убѣждали народъ вотировать за поправку. Общества водочныхъ торговцевъ и содержателей кабаковъ послали туда же не меньшее число и не менѣе даровитыхъ ораторовъ, которые старались отклонить народъ отъ этой пагубной, по ихъ мнѣнію, поправки. Лекціи и дебаты кипѣли по всему штату. Народъ съ интересомъ прислушивался къ аргументаціи обѣихъ сторонъ, наконецъ наступилъ день народнаго приговора и Канзасъ — это духовное дитя Джона Брауна *), штатъ, населившійся, въ силу историческихъ обстоятельствъ, лучшими людьми Америки и до сихъ поръ по праву гордящійся высокимъ нравственнымъ развитіемъ своихъ гражданъ— рѣшилъ огромнымъ большинствомъ голосовъ безусловное запрещеніе продажи всѣхъ спиртныхъ напитковъ безъ исключенія. Запрещеніе это, недавно вступившее въ силу, приводится въ исполненіе тамошнимъ правительствомъ (страстнымъ сторонникомъ воздержанія) такъ усердно, что не допускается даже продажа такъ-называемыхъ патентованныхъ лѣкарствъ, которыя служатъ лѣчебнымъ средствомъ якобы отъ всѣхъ болѣзней и, благодаря искуснымъ рекламамъ, пользуются громаднымъ довѣріемъ народа, хотя въ сущности они ни болѣе, ни менѣе какъ наши россійскія настойки на травахъ.

Государство, разумѣется, потеряло часть доходовъ. Тѣмъ не менѣе президентъ Союза, узнавъ о результатахъ народнаго голосованія, немедленно послалъ, чрезъ правителя Канзасскаго штата, свое горячее поздравленіе канзасцамъ съ пожеланіями, чтобъ и другіе штаты послѣдовали ихъ примѣру. Правительство Соединенныхъ Штатовъ знаетъ, что на каждый милліонъ потери оно наверстаетъ въ концѣ концовъ въ десять разъ больше, такъ какъ всѣ средства, идущія теперь на поддержаніе и развитіе водочной промышленности, пойдутъ впослѣдствіи на поддержаніе и развитіе другихъ отраслей промышленности, болѣе способствующихъ физическому и нравственному улучшенію человѣчества.

Говоря о людяхъ, хлопочущихъ о запрещеніи продажи спиртныхъ напитковъ, я упомянулъ, что нѣмцы и ирландцы суть природные и заклятые враги этихъ людей. Эмиграція тормозитъ американскій народъ не только въ этомъ движеніи, но и во многихъ другихъ. Сюда пріѣзжаютъ люди съ самыми ограниченными взглядами, кои не способны понять ни путей, которыми развивалась американская цивилизація, ни тѣхъ высокихъ истинъ, которыя вырабатываются здѣсь въ обще-человѣческое достояніе. Притомъ они, въ особенности же нѣмцы, вовсе не ассимилируются съ англо-сак-

*) Повѣшеннаго незадолго до войны за свою попытку освободить негровъ.

скою расою и живутъ совершенно отдѣльными интересами. Съ приливомъ эмигрантовъ по-неволѣ приходится вводить въ Америкѣ европейскіе порядки,—начинаютъ недовѣрять слову человѣка и взамѣнъ его требуютъ выполненія различныхъ формальностей, принуждены усилить даже составъ полиціи. Политическіе интриганы угощаютъ свѣже-испеченныхъ гражданъ Америки водкою да пошлыми демагогическими фразами, щекотящими самодовольствіе тупыхъ нѣмцевъ, съ ихъ помощью легко обезпечиваютъ за собою большинство голосовъ и становятся растлѣвающею силой въ народѣ.

Все это усиливается еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что сюда присылаются пролетаріи и даже преступники другихъ странъ, правительство которыхъ съ готовностію платитъ путевыя издержки, лишь бы избавиться отъ нихъ дома. Не далѣе какъ въ прошломъ мѣсяцѣ Блэнъ формально потребовалъ, чтобы компанія, привезшая на пароходѣ десятка два швейцарскихъ пролетаріевъ, отвезла ихъ обратно въ Европу на счетъ швейцарскаго правительства.

Можно безошибочно сказать, что, вслѣдствіе прилива эмиграціи, умъ и нравственность средняго американца значительно понижаются; за то въ матеріальномъ отношеніи эмиграція безспорно составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ богатства. Огромное большинство эмигрантовъ состоитъ изъ молодыхъ, крѣпкихъ людей. Убѣгая или отъ голода, подобно ирландцамъ, или отъ военной службы, какъ дѣлаютъ патріоты-нѣмцы, они, при умѣньи и желаніи работать, легко могутъ заработать вдвое, даже втрое больше, чѣмъ на своей родинѣ, въ особенности если эмигрантъ въ то же время и хорошій ремесленникъ. Населяя степи и пустыри Америки, они служатъ могучимъ пособіемъ къ разработкѣ непочатыхъ богатствъ страны. Въ прошломъ году число эмигрантовъ было очень значительно (нѣсколько болѣе 300.000 человѣкъ) и превосходило собою число прибывавшихъ иностранцевъ въ предшествовавшіе годы. Въ нынѣшнемъ году число это баснословно велико: въ апрѣлѣ ихъ прибыло 61.000, да въ маѣ—75.000, то-есть въ одинъ мѣсяцъ прибыло болѣе чѣмъ за весь 1877 годъ. Случается, что въ одинъ день высаживаются въ Нью-Йоркѣ по четыре тысячи эмигрантовъ. Пароходныя компаніи участили свои рейсы, такъ что ни одинъ пароходъ не имѣетъ ни малѣйшаго отдыха, и все-таки онѣ не въ состояніи удовлетворить запросу на переѣздъ. Начальникъ эмигрантскаго бюро утверждаетъ, что, судя по цифрамъ перваго полугодія, можно съ большою вѣроятностію сказать, что число эмигрантовъ на 1881 годъ будетъ заключаться между 500 и 600-ю тысячъ человѣкъ. Большая часть эмигрантовъ состоитъ изъ нѣмцевъ и, что замѣчательнѣе всего, изъ людей съ большимъ запасомъ денегъ, которые не осѣдаютъ въ городахъ, а немедленно уѣзжаютъ на Западъ, чтобъ обзавестись фермою.

Какъ бы въ насмѣшку надъ республиканскою партіей и Гарфильдомъ, мормоны оказываютъ необыкновенное усердіе въ миссіонерской работѣ и отряды вновь обращенныхъ мормоновъ безпрерывно высаживаются въ

Нью-Йоркѣ и, посѣтивши тамъ разъ или два свою церковь, направляются въ территорію Юту, по преимуществу населенную мормонами.

Вмѣстѣ съ чрезвычайнымъ приливомъ эмигрантовъ, къ странѣ приливаетъ громадное количество золота. Три года замѣчательнаго и повсемѣстнаго урожая, вмѣстѣ съ увеличеніемъ запроса со стороны Европы, служатъ главною причиной прилива золота, покрывающаго избытокъ вывоза надъ привозомъ. Обиліе золота облегчило правительству возвратъ къ пресловутой уплатѣ звонкою монетой, облегчило торговый обмѣнъ продуктовъ, понизило проценты на займы и, вслѣдствіе этого, замѣтно отразилось на усиленномъ развитіи промышленности. Бѣда въ томъ, что тѣ же законы торговаго баланса, по которымъ золото льется теперь въ эту страну, могутъ въ недалекомъ будущемъ вывозить золото въ другія страны и въ обезденеженной Америкѣ наступитъ тогда чередъ для явленій совершенно противоположнаго характера. По послѣднимъ свѣдѣніямъ оказывается, что урожай въ Европѣ будетъ значительно выше средняго, поэтому вывозъ американскаго хлѣба значительно уменьшится, а приливъ золота можетъ перейдти въ отливъ его. Ничто не обнаруживаетъ такъ рельефно безобразія общепринятой денежной системы, какъ тотъ фактъ, что благосостояніе однѣхъ странъ должно отразиться бѣдствіемъ на другой; а между тѣмъ пока золото считается единственнымъ орудіемъ обмѣна, это явленіе должно неизбѣжно повторяться при переливахъ его изъ одной страны въ другую. Отливъ золота изъ Америки неизбѣжно поведетъ за собой банкротства, закрытіе фабрикъ и заводовъ, народное бѣдствіе. Вся масса эмигрантовъ, которая осѣла въ городахъ и теперь у дѣла, тогда будетъ безъ дѣла и вмѣсто выгоды странѣ будетъ только ея бременемъ. Такой проницательный и дѣловой человѣкъ, какъ Джэ Гудъ, уже предсказываетъ скорое наступленіе кризиса и совѣтуетъ поудержаться нѣсколько отъ спекуляцій, бѣшено охватившихъ страну, только-что оправившуюся отъ недавняго погрома. Разумѣется, при наступленіи кризиса гринбакеры опять воспользуются имъ, чтобы доказать народу необходимость имѣть такое орудіе обмѣна, которое не могло бы переливаться изъ страны въ страну и тѣмъ колебать промышленную дѣятельность народа. Очень можетъ быть, что сила гринбакеровъ возрастетъ во время кризисовъ, но народъ пойдетъ за ними не потому, чтобъ онъ понялъ ихъ теорію, а просто потому, что ему будетъ жутко.

Между тѣмъ, въ ожиданіи будущаго засѣданія конгресса, администрація Гарфильда весьма энергически принялась за дѣло управленія страною. Долгія и серьезныя несогласія между Англіей и Америкой по поводу рыбной ловли на пограничныхъ озерахъ и рѣкахъ улажены на конференціи между Блэномъ и Торнтономъ (англійскимъ посланникомъ въ Вашингтонѣ). Англія признала себя виновною и черезъ своего посланника внесла крупный кушъ денегъ въ вознагражденіе за убытокъ американскихъ рыболововъ. Министръ финансовъ Виндомъ, съ содѣйствія банкировъ, энергически за-

нимается обмѣномъ старыхъ облигацій на новыя 3½ процентныя облигаціи и уже этимъ однимъ уменьшилъ уплату ежегодныхъ процентовъ на 15.000.000 долларовъ. Министръ почтъ, Джемсъ, оказывается замѣчательнымъ знатокомъ своего дѣла *). Онъ хочетъ сдѣлать свое министерство самоокупающимся учрежденіемъ и есть большая вѣроятность, что онъ достигнетъ своей цѣли. До сихъ поръ отчеты почтоваго вѣдомства обнаруживали постоянный дефицитъ въ 2—3 милліона долларовъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ своего управленія Джемсъ, усердно искореняя вкравшіяся злоупотребленія, уменьшилъ этотъ дефицитъ на 1.000.000 дол. и, по всей вѣроятности, не далеко то время, когда плата за пересылку писемъ и газетъ, незначительная въ настоящее время (3 цента за письмо въ ½ лота и 1 центъ за каждый фунтъ газетъ, разсылаемыхъ изъ редакцій), уменьшится еще болѣе. Хотя Джемсъ, какъ креатура Конклина, и участвовалъ въ знаменитомъ протестѣ противъ назначенія Робертсона, Гарфильдъ не смѣняетъ его. Это дѣлаетъ большую честь президенту, съумѣвшему подчинить свои личныя чувства сознанію общественной пользы.

Одна изъ крупныхъ статей въ расходахъ почтоваго вѣдомства состоитъ въ заключеніи контрактовъ съ подрядчиками, обязывающимися держать правильныя почтовыя сообщенія между городами далекаго Запада. Разбирая эти контракты, Джемсъ нашелъ, что огромное число ихъ заключено на такія дороги, которыя совершенно безполезны для народа и служатъ только для обогащенія подрядчиковъ. Дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла показало, что при заключеніи этихъ контрактовъ употреблялись незаконныя вліянія и фаворитизмъ со стороны крупныхъ чиновниковъ администраціи и сенаторовъ Соединенныхъ Штатовъ. Говорятъ, что сенаторъ Дорсей (главный двигатель въ республиканской машинѣ, въ честь котораго былъ данъ банкетъ республиканскою партіей послѣ избранія Гарфильда и при поздравленіи котораго такъ грубо проболтался вице-президентъ Артуръ) серьезно замѣшанъ въ эти грязныя дѣла подрядчиковъ. Вообще дѣятели этихъ дѣлъ держатся пока въ секретѣ, хотя президентъ уже приказалъ двумъ товарищамъ министровъ (оставшихся отъ прежней администраціи) подать въ отставку. Государственный прокуроръ сильно занятъ теперь разслѣдованіемъ злоупотребленій, вкравшихся въ администрацію, и въ скоромъ времени страна будетъ имѣть новый сюжетъ для обсужденія и новый скандалъ.

Для насъ пока довольно старыхъ скандаловъ. Ихъ и безъ того уже не мало въ этой странѣ. Я предчувствую, что многіе проницательные читатели, прочтя это, скажутъ: «Вотъ вамъ и хваленая Американская республика! Да вѣдь въ ней еще больше грязи, чѣмъ въ другихъ монархіяхъ».

Да, въ Америкѣ, этой странѣ широкихъ размаховъ, есть много грязи, но есть много хорошаго и великаго. Въ качествѣ политическаго обозрѣ-

*) Во время администраціи Гэса онъ былъ начальникомъ нью-йоркскаго почтамта и тамъ познакомился со всею подноготною почтоваго дѣла.

вателя въ настоящее время я долженъ раскапывать грязь. Я дѣлаю это съ болью въ сердцѣ, съ отвращеніемъ. Меня поддерживаетъ въ этой работѣ та надежда, что обыкновенный читатель, изучая жизнь Америки, поймётъ, что совершенство людскихъ отношеній далеко не обусловливается совершенствомъ политическихъ учрежденій, что корень зла лежитъ гдѣ-то поглубже... Ну, а для проницательнаго читателя я приберегу свое послѣднее слово. Тотъ еще не безнадежно боленъ, кто, желая узнать причины своей болѣзни, беззастѣнчиво обнажаетъ свои язвы,—онъ можетъ найти со временемъ вѣрное лѣкарство. Гибнетъ тотъ, жаль того, кто, будучи зараженъ тою же болѣзнію, скрываетъ ее не только отъ другихъ, но и отъ самого себя. Увѣренный въ силѣ своего организма, онъ не хочетъ слышать совѣтовъ друзей, утверждающихъ противное... Онъ можетъ добиться молчанія относительно себя и считать молчаніе какъ бы подтвержденіемъ своей idée fixe, но такое молчаніе будетъ ли для него полезно?

Потрясающее событіе 2-го іюля заставляетъ меня написать немного дополнительныхъ словъ къ статьѣ, характеризующей состояніе политическихъ партій въ Америкѣ за первое полугодіе 1881 года и отосланной въ Россію за нѣсколько дней до покушенія на жизнь Гарфильда.

Въ первыхъ статьяхъ я старался представить въ наиболѣе рельефномъ видѣ, какимъ образомъ право президента назначать должностное лицо перешло въ одно изъ вопіющихъ золъ Америки, и какъ должности раздаются не по пригодности лица, а въ награду за его политическія мнѣнія и степень усердія и вліянія, оказанныя имъ во время президентскихъ выборовъ. Я говорилъ, что вслѣдствіе этого борьба между республиканскою и демократическою партіями есть въ сущности борьба не изъ-за принциповъ, а изъ-за должностей. Для подтвержденія этого я подробно описывалъ позорную борьбу въ сенатѣ изъ-за пристава и борьбу между президентомъ и конклинистами изъ-за нью-йоркской таможни.

Я знаю, что многіе, по прочтеніи моей статьи, вынесутъ самое тяжелое впечатлѣніе объ Америкѣ и невыгодное мнѣніе обо мнѣ.—«Неужели,—скажутъ они,—человѣкъ живущій въ Америкѣ и хорошо знакомый съ тамошнею политическою жизнію не можетъ написать ничего лучшаго кромѣ грязныхъ и неинтересныхъ для насъ сплетенъ и ссоръ изъ-за должностей?» Многіе быть-можетъ упрекнутъ меня въ пессимизмѣ, въ желаніи представить только черныя стороны американской жизни. Можетъ-быть, съ своей точки зрѣнія, они были бы правы. Незнакомые со страшною язвой искательства должностей въ Америкѣ, они могли бы легко видѣть преувеличенія въ моемъ правдивомъ разсказѣ и мнѣ трудно бы было разубѣдить ихъ и доказать, что эти грязныя и, повидимому, неинтересныя сплетни могутъ привести къ важнымъ послѣдствіямъ; тѣмъ болѣе, что я самъ только инстинктивно чувствовалъ всю глубину разврата и былъ бы поставленъ въ

затруднительное положеніе, еслибъ отъ меня потребовалась точная аргументація въ защиту моего положенія. Выстрѣлъ 2-го іюля снимаетъ съ меня обвиненіе въ пессимизмѣ. Что вымогательство должностей можетъ привести къ покушенію на жизнь президента, не приходило въ голову самому мрачному пессимисту, и моя статья, показывающая темныя стороны этого вымогательства и казавшаяся преувеличенною прежде, теперь можетъ показаться лишь слабымъ прологомъ къ разразившейся трагедіи.

Русскому читателю, вѣроятно, извѣстны всѣ детали грустнаго событія. Мнѣ остается только осмыслить этотъ фактъ и показать его послѣдствія и вліяніе на политическія событія страны. Трудно описать то тяжелое впечатлѣніе, которое произведено было на всѣхъ гражданъ Америки, когда страшная вѣсть о покушеніи на жизнь президента разошлась по странѣ (всѣ мѣста, связанныя телеграфною проволокой, знали о немъ черезъ полчаса послѣ событія). Я думаю, что убійственные удары грома во время прекрасной погоды и при безоблачномъ небѣ не произвели бы такого гнетущаго, ошеломляющаго впечатлѣнія на массы, какъ выстрѣлъ Гито. Въ большихъ, кипящихъ дѣятельностью, городахъ вѣсть эта не могла замѣтно видоизмѣнить физіономію города, и многіе живущіе въ Нью-Іоркѣ не знали о событіи до выхода газетъ слѣдующаго дня. За то въ небольшихъ городкахъ и деревняхъ, расположенныхъ по телеграфнымъ линіямъ, встревоженныя кучки людей немедленно высыпали на улицы, чтобъ обмѣняться своими впечатлѣніями, и толпились у телеграфной станціи, чтобы слѣдить за дальнѣйшими извѣстіями. Внѣшняя наружность городковъ въ высшей степени напоминала собою муравейникъ, повидимому не населенный и бездѣятельный въ обыкновенное время, но изъ котораго немедленно высыпаютъ всѣ члены общины, чтобъ исправить вредъ, нанесенный неожиданнымъ поврежденіемъ. Въ первыя минуты, зная только иностранное имя убійцы, въ толпѣ господствовало мнѣніе, что покушеніе на жизнь Гарфильда есть дѣло интернаціональныхъ нигилистовъ, рѣшившихся истребить всѣхъ правителей. Слѣдующія депеши, доказывая, что Гито—уроженецъ Америки, бросаютъ толпу въ другую крайность, которую упорно отстаивали даже вліятельныя газеты въ теченіе первыхъ дней. «Если убійца—природный американецъ,—говорили они,—то онъ долженъ быть сумасшедшимъ». Приходятъ новыя депеши и слова Гито: «Я—грантистъ изъ грантистовъ; я убилъ Гарфильда, чтобы сдѣлать Артура президентомъ»,—навѣяли новый ужасъ на добродушныхъ гражданъ. Никто изъ вотировавшихъ въ прошломъ ноябрѣ мѣсяцѣ за Гарфильда и Артура не ожидалъ, чтобъ Артуръ могъ когда-либо сдѣлаться президентомъ Соединенныхъ Штатовъ; а его позорное поведеніе во время спора между Конклиномъ и Гарфильдомъ, когда онъ ѣздилъ въ Олбани (мѣсто засѣданій нью-іоркскаго законодательнаго собранія) и интриговалъ всѣми зависящими отъ него средствами противъ Гарфильда въ пользу вторичнаго избранія Конклина,— ложилось тяжелымъ сомнѣніемъ на душу каждаго.

«Неужели,—говорилось многими,—этотъ юристъ, не защищавшій ни одного дѣла въ судѣ, этотъ генералъ, не слыхавшій свиста пуль *), креатура и раболѣпный слуга Конклина, человѣкъ безъ обаянія, безъ имени—можетъ сдѣлаться президентомъ Соединенныхъ Штатовъ»?

«Что-жь,—говорили между собой встревоженные муравьи,—вѣдь это значитъ, что Конклинъ будетъ фактически правителемъ страны и что грантисты, поддержанные богатыми людьми, не остановятся ни передъ чѣмъ, даже передъ войной, лишь бы снова выдвинуть Гранта на первый планъ и выбрать его въ президенты въ 1884 году. Придется платить своими шкурами за то, что вотировали за Артура. Но кто бы могъ подумать, что сильный, здоровый, во цвѣтѣ лѣтъ и мужества, Гарфильдъ будетъ скошенъ пулей убійцы!»

Таковы были толки людей и газетъ, не симпатизирующихъ Гранту. Въ умѣ многихъ мелькала мысль, что убійца дѣйствовалъ по наущенію грантистовъ, несмотря на то, что грантисты, можетъ-быть и чувствуя тайную радость при видѣ неожиданной перемѣны въ администраціи, старались превозмочь всѣхъ яростными нападками на убійцу и выраженіями глубокаго сожалѣнія раненому президенту.

Разумѣется, что Гито, посаженный въ тюрьму и защищенный военною стражей отъ разъяреннаго народа, былъ порученъ государственному прокурору для разслѣдованія дѣла и для поимки по горячимъ слѣдамъ сообщниковъ, еслибы таковые имѣлись у него. Замѣчательно, что прокуроръ, въ теченіе первыхъ двухъ дней не арестовавъ ни одного человѣка и не прибѣгая вовсе къ сложной системѣ дознанія и очныхъ ставокъ, имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ самомалѣйшія подробности относительно Гито. Каждый его шагъ, каждое его слово, почему-либо сохранившееся въ памяти частнаго лица, были немедленно телеграфированы прокурору. Всѣ его знакомые и родственники (друзей онъ врядъ ли имѣлъ) наперерывъ торопились помочь прокурору въ разъясненіи всего, что могло бы пролить свѣтъ на событіе 2 іюля. Громадная масса добровольныхъ свидѣтельствъ, подкрѣпленная свѣдѣніями, собранными сыщиками Вашингтона и собственными признаніями Гито, выяснили внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что Гито не имѣлъ сообщниковъ и только прикрывалъ политическими мнѣніями свое личное неудовольствіе противъ Гарфильда, отказавшаго ему въ должности. Не много времени и не долгихъ усилій требовалось, чтобы низвести Гито съ пьедестала римскаго Брута и увидать въ немъ мелкаго, гаденькаго и безсовѣстнаго искателя должностей, которыми кишитъ современная Америка.

---

*) Артуръ получилъ юридическое образованіе и имѣлъ право быть адвокатомъ, хотя никогда не пользовался имъ. Будучи во время войны начальникомъ милиціи Нью-Йоркскаго штата, онъ носитъ съ тѣхъ поръ титулъ генерала, хотя никогда не былъ на войнѣ и незнакомъ съ боевою службой.

Да позволено мнѣ будетъ сдѣлать маленькое отступленіе. Есть у американцевъ цѣлый классъ людей, для которыхъ политика становится ремесломъ, занятіемъ всей ихъ жизни, которые добываютъ средства къ существованію при помощи политики, такъ точно какъ столяръ или кузнецъ при помощи своего ремесла. Подобный классъ людей возможенъ только въ странѣ, гдѣ обсужденіе политическихъ вопросовъ перестаетъ быть привилегіей небольшаго числа людей, а становится достояніемъ всего народа. Въ силу неотразимаго закона «неравенства» людей, одни предпочитаютъ заниматься частными дѣлами и пользуются политическими правами только разъ въ годъ, въ день выборовъ (да и то не всегда); другіе же, при извѣстномъ складѣ ума и характера, начинаютъ спеціально заниматься политикою. Такіе люди называются въ Америкѣ politician (политишенъ). У насъ, въ Россіи, нѣтъ, да и не можетъ быть, подходящаго слова для обозначенія подобныхъ людей. Они по преимуществу участвуютъ на конвентахъ партій; они пишутъ въ газетахъ, говорятъ публичныя рѣчи, волнуются по поводу избранія того или другаго лица, защищаютъ тотъ или другой исходъ въ политикѣ и усердно хлопочутъ въ интересахъ своей партіи, пользуясь подъ-часъ іезуитскимъ правиломъ: «цѣль оправдываетъ средства». Сходясь по своей практикѣ съ агентами торговыхъ домовъ и ихъ странствующими продавцами и съ нашими евреями-факторами, всѣ политишены должны быть до нѣкоторой степени «мѣдными лбами», никогда не обезкураживаться первыми неудачами и постоянно трубить въ уши народу все, что можетъ обезпечить побѣду ихъ партіи, зная, какъ мало людей способно устоять противъ повторительныхъ просьбъ и доводовъ. Болѣе или менѣе успѣшная дѣятельность этихъ людей влечетъ за собою побѣду или пораженіе партіи, и чѣмъ болѣе политишенъ соединяетъ въ себѣ желаемыя качества, чѣмъ сильнѣе его вліяніе на индифферентную массу народа, чѣмъ больше голосовъ пріобрѣтаетъ онъ въ пользу своей партіи, тѣмъ дороже цѣнится онъ партіей и тѣмъ лучшее вознагражденіе получаетъ онъ за свои труды въ случаѣ побѣды. Мелкотравчатые политишены легко добываютъ себѣ мѣста чиновниковъ въ административныхъ учрежденіяхъ, полисменовъ, разнощиковъ писемъ и т. п. Крупные политишены становятся сенаторами, министрами, посланниками, президентами.

Гито—тоже политишенъ. Вся ошибка его состояла въ томъ, что онъ оцѣнивалъ себя слишкомъ высоко. Полный тщеславія и чудовищнаго самообольщенія, онъ хотѣлъ быть посланникомъ, когда по-настоящему онъ могъ быть только сторожемъ въ публичномъ паркѣ или надсмотрщикомъ при таможнѣ. Какъ только Гарфильдъ былъ выбранъ въ президенты, однимъ изъ первыхъ писемъ, полученныхъ имъ, было письмо Гито слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь! Я желаю получить мѣсто посланника въ Австріи. Собираясь жениться на богатой особѣ въ Нью-Йоркѣ, я увѣренъ,

что мы съумѣемъ съ достоинствомъ и граціей поддерживать достоинство Соединенныхъ Штатовъ при иностранномъ дворѣ. Разсчитывая, что первый проситель будетъ удовлетворенъ первымъ, я остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугой. Карлъ Гито».

Какую наглую самоувѣренность надо имѣть въ себѣ, чтобы писать подобныя письма и требовать мѣсто, на которое назначаются люди играющіе самую видную роль въ партіи. Говорятъ, что Гарфильдъ, не обращая никакого вниманія на фамилію писавшаго, часто цитировалъ это письмо, когда находился въ хорошемъ расположеніи духа и желалъ посмѣяться надъ искателями должностей. Письмо это, выкопанное изъ архивовъ Гарфильдовской корреспонденціи послѣ покушенія 2-го іюля, показало также, что Гито могъ съ наглостію соединять и ложь. Слѣдствіемъ было дознано, что никакихъ соглашеній на женитьбу не было и что Гито, живя въ Вашингтонѣ, долженъ былъ перебиваться кое-какъ, занимая деньги у однихъ, не выплачивая за столъ и квартиру другимъ, въ ожиданіи скораго и неминуемаго назначенія посланникомъ въ Вѣну. Когда Гито убѣдился, что мѣсто ему—не по плечу, онъ, по вступленіи Гарфильда въ должность, написалъ другое письмо, на этотъ разъ Блэну, съ фамильярною развязностью равнаго и даже высшаго лица. «Мой дорогой Блэнъ,—писалъ онъ,—Гарфильдъ передалъ это дѣло (назначеніе на должность) вполнѣ въ ваше распоряженіе. Онъ вполнѣ довѣряетъ вамъ. Если Кассонъ (посланникъ въ Австріи) не хочетъ оставить Вѣны, я не буду настаивать на своей просьбѣ и буду удовлетворенъ должностью генеральнаго консула въ Парижѣ».

Сильно хлопоталъ онъ, чтобъ обезпечить себѣ ходатайства сильныхъ міра сего и въ этихъ хлопотахъ выказалъ ту же беззастѣнчивую наглость, тотъ же мѣдный лобъ. Грантъ разсказываетъ, что въ первый разъ карточка Гито была принесена ему лакеемъ отеля, въ которомъ онъ остановился, проѣзжая чрезъ Нью-Йоркъ.—«Кто такой этотъ Гито?»—спросилъ Грантъ своего сына. Сынъ отвѣтилъ, что слышалъ о Гито какъ о посредственномъ адвокатѣ, третьестепенномъ политикѣ и усердномъ искателѣ должностей, и совѣтовалъ отцу не принимать его вовсе. Грантъ отказался видѣться съ нимъ, но отказъ не уменьшилъ усердія Гито. Во все время пребыванія Гранта въ Нью-Йоркѣ Гито постоянно толкался въ корридорахъ гостиницы, занимаемой Грантомъ, постоянно кланялся и старался заговорить съ нимъ, когда онъ проходилъ по корридорамъ гостиницы, такъ что Грантъ поневолѣ началъ узнавать его въ толпѣ политиковъ. И вотъ однажды, когда Грантъ сидѣлъ въ своихъ комнатахъ, онъ услышалъ стукъ въ дверь. Предполагая, что лакей желаетъ видѣть его, онъ сказалъ: «войдите»; но, къ его изумленію, вмѣсто лакея вошелъ Гито. Рѣзкій вопросъ Гранта, на какомъ основаніи онъ осмѣливается приходить къ нему безъ доклада, не смутилъ Гито, который, не взирая на гнѣвъ Гранта, сталъ просить его подписать свое имя въ числѣ

людей, рекомендующихъ его администраціи Гарфильда. Грантъ, разумѣется, на-отрѣзъ отказался поступить такъ, говоря, что онъ рекомендуетъ только хорошо извѣстныхъ ему людей.

Обезкураженный неудачею, Гито спускаетъ свои требованія еще ниже и хлопочетъ уже о назначеніи его консуломъ въ Марсели. Переѣхавши въ концѣ февраля въ Вашингтонъ, онъ чуть ли не каждый день являлся въ Бѣлый Домъ, стараясь представить изъ себя одного изъ вліятельнѣйшихъ людей республиканской партіи въ Иллинойсѣ. Письма, которыми онъ бомбардировалъ президента, уже давно бросались въ сорный ящикъ, а назойливость и наглость, обнаруженныя имъ при посѣщеніи Бѣлаго Дома, были таковы, что однажды онъ былъ просто выгнанъ оттуда. Вотъ съ этихъ-то поръ промелькнула въ душѣ этого человѣка мысль застрѣлить Гарфильда. Постоянныя неудачи въ хлопотахъ изъ-за должности и запутанность въ денежныхъ дѣлахъ подтолкнули его на дѣло, которое, вполнѣ удовлетворяя его желанію покрасоваться передъ народомъ въ качествѣ героя и мученика убѣжденій, не подвергало его особенной опасности. Онъ былъ увѣренъ, что, въ случаѣ убійства Гарфильда, грантисты, которымъ онъ проложитъ дорогу къ власти, не будутъ черезчуръ строги къ нему и постараются по возможности облегчить ему тюремное заключеніе.

Многіе, читая письма Гито, приходятъ къ заключенію, что онъ—сумасшедшій, но ничто остальное не подтверждаетъ этого. Обо всемъ и даже о политикѣ, столь близкой его сердцу, онъ говоритъ съ большимъ здравымъ смысломъ. Все дѣло заключается въ громадномъ самообольщеніи, въ увѣренности, что онъ—крупный представитель республиканской партіи и что всякое пренебреженіе къ нему есть пренебреженіе къ странѣ. Но въ этомъ онъ ничуть не уступаетъ Конклину, который постоянно движется сознаніемъ, что l'état c'est moi. Разница лишь въ томъ, что у Конклина, съ его несомнѣнными талантами оратора, организатора партіи и замѣчательнаго юриста Америки, эта самоувѣренность не кажется такою смѣшною, какъ у Гито.

Американская пресса почти единодушно высказывается, что Гито нельзя назвать сумасшедшимъ. Самая лучшая психическая оцѣнка этой личности была сдѣлана однимъ изъ врачей лондонскаго дома умалишенныхъ. Согласно его мнѣнію, люди часто бываютъ совершенно лишены интеллектуальныхъ способностей и ихъ называютъ идіотами, хотя бы они оставались нравственными людьми. Правильнѣе было бы назвать ихъ умственными идіотами, такъ какъ еще чаще можно встрѣтить людей, одаренныхъ очень хорошими умственными способностями, но вполнѣ лишенныхъ нравственнаго чувства. Такіе люди должны называться нравственными идіотами. Гито принадлежитъ къ числу послѣднихъ. Его умственныя способности превышаютъ умъ средняго американца; онъ одаренъ честолюбіемъ, тщеславнымъ желаніемъ порисоваться передъ другими, сдѣлаться знаменитостію, и это въ соединеніи съ полнѣйшимъ отсутствіемъ нравствен-

наго элемента повело его къ преступленію. «Я не знаю Гито лично,—заключилъ докторъ,—не помню ничего относящагося къ описанію его наружности, но впередъ могу сказать, что онъ не можетъ быть большаго вѣса. Изъ моей практики я вынесъ убѣжденіе, что всѣ нравственные идіоты—люди мелкой породы и Гито не можетъ вѣсить болѣе 150 фунтовъ» *). На возраженіе репортера, что нравственные идіоты находятся въ состояніи невмѣняемости, докторъ отвѣтилъ, что, разумѣется, Гито не долженъ и не можетъ быть наказанъ, такъ какъ наказаніе не можетъ подѣйствовать на него.—«Что же вы сдѣлали бы съ нимъ»?—спросилъ репортеръ.—«Люди, подобные Гито, должны быть убиты,—отвѣтилъ докторъ,—такъ, какъ мы убиваемъ бѣшеныхъ собакъ и вообще все, что можетъ повредить намъ. Подобные люди, будучи на свободѣ, могутъ совершить много зла. Они должны быть истреблены, чтобы не оставить за собою потомства».

Не вдаваясь въ критическую оцѣнку послѣдняго замѣчанія психіатра-доктора, не мѣшаетъ нѣсколько дольше остановиться на фактахъ, характеризующихъ личность преступника. Когда онъ былъ арестованъ въ вокзалѣ желѣзной дороги, въ его карманѣ нашли письмо слѣдующаго содержанія: «Въ Бѣлый Домъ. Трагическая смерть президента есть печальная необходимость, но она соединитъ республиканскую партію и спасетъ страну. Жизнь есть эфемерная мечта и смерть индивидуума не представляетъ собою особенной важности: во время войны тысячи храбрыхъ погибали, никѣмъ не оплакиваемые. Я полагаю, что президентъ—хорошій христіанинъ и что ему будетъ лучше въ раю, чѣмъ здѣсь. А для бѣдной г-жи Гарфильдъ разлука съ мужемъ теперь не будетъ тяжелѣе разлуки при естественной смерти, которая можетъ случиться во всякое время. Я не имѣю личной злобы противъ президента. Его смерть есть политическая необходимость. Я—юристъ, богословъ и политишенъ. Я—грантистъ изъ грантистовъ. Нѣкоторыя бумаги, предназначенныя для опубликованія, я оставилъ у Байрона Андрьюса, въ № 1.420 Нью-Йоркскаго проспекта, куда приглашаются всѣ репортеры газетъ».

Въ другомъ письмѣ, брошенномъ имъ на полъ вокзала, за подписью «Карлъ Гито», и адресованномъ къ главнокомандующему арміей (Шерману), онъ проситъ немедленно распорядиться о защитѣ тюрьмы вооруженною силой. Очевидно, что герой не хотѣлъ быть повѣшенъ толпою. Когда его везли въ тюрьму, онъ обнаруживалъ сильные симптомы страха; за то, разъ обезпеченный отъ народной ярости толстыми стѣнами тюрьмы и штыками солдатъ, онъ снова принялъ на себя нахальный видъ, сталъ требовать хорошаго помѣщенія, жаловался на плохую пищу, желалъ узнать, когда будутъ опубликованы его бумаги, грозился, что Артуръ отомститъ за дурное обращеніе съ нимъ; но ни однимъ намекомъ, ни однимъ

*) Дѣйствительный вѣсъ Гито—130 фунтовъ.

мускуломъ въ лицѣ не обнаружилъ волненія по поводу совершеннаго убійства. Прокуроръ рѣшилъ дѣйствовать какъ разъ на его больную струну и лишилъ его возможности фигурировать передъ другими въ роли великаго человѣка. Къ нему не допускаются посѣтители, сторожамъ строго запрещено отвѣчать на его вопросы или улучшать его пищу; его почта и газеты были задержаны и долгое время Гито не зналъ о судьбѣ президента. Только когда Гарфильду стало хуже (три недѣли тому назадъ) и въ толпахъ стали раздаваться угрожающіе крики, требующіе немедленной расправы съ убійцею,—Гито, по усиленной стражѣ вокругъ тюрьмы, догадался, что президентъ еще не умеръ, но находится въ опасномъ положеніи. Стѣснительныя мѣры прокурора относительно преступника, какъ и всякія мѣры, предпринимаемыя въ свободной странѣ, были сильно восхваляемы одними и такъ же сильно порицаемы другими: одни видѣли въ нихъ государственную необходимость, другіе—проявленіе мстительности, унижающей сильное правительство. Въ концѣ концовъ прокуроръ долженъ былъ уступить нѣсколько общественному мнѣнію: хотя Гито содержался попрежнему въ одиночномъ заключеніи, тѣмъ не менѣе ему разрѣшено было получать письма. Разумѣется, онъ мало найдетъ утѣшительнаго въ своей корреспонденціи, если судить по письмамъ, которыми завалены административныя и судебныя вѣдомства страны и въ которыхъ требуютъ скораго и безпощаднаго наказанія убійцы, грозясь въ противномъ случаѣ расправиться съ нимъ по закону Линча.

Кстати о наказаніяхъ. По законамъ Вашингтонскаго округа, покушеніе на убійство наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ одного до восьми лѣтъ. Малозначительность наказанія выступаетъ особенно рельефно теперь, такъ какъ уголовный кодексъ не дѣлаетъ различія между президентомъ и частнымъ лицомъ. Вліятельныя газеты страны серьезно опасаются, что, при легкости наказанія и сильно развитомъ желаніи американцевъ выдаться хоть чѣмъ-нибудь изъ ряда обыкновенныхъ людей, очень многіе послѣдуютъ примѣру Гито и въ Америкѣ, по примѣру мексиканцевъ и южно-американцевъ, президенты будутъ смѣняться не народнымъ приговоромъ, а революціонерами. Привычка имѣть при себѣ оружіе и легкость, съ которою смотрятъ здѣсь на жизнь человѣка, все болѣе и болѣе влечетъ людей къ убійству, и часто влеченіе это передается по наслѣдству къ дѣтямъ. На дняхъ, напримѣръ (случай взятъ изъ New-York Sun, августа 17), одинъ мальчикъ въ Нью-Йоркѣ, 11 лѣтъ отъ роду, сознательно и въ спокойномъ состояніи духа застрѣлилъ своего брата, груднаго ребенка, за то, что онъ своимъ крикомъ сильно безпокоилъ его. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такая среда можетъ легко породить людей, подобныхъ Гито, у которыхъ не дрогнетъ рука убить президента изъ-за малѣйшихъ пустяковъ. Въ виду этихъ соображеній, нѣкоторые органы настоятельно требуютъ, чтобы въ Вашингтонскомъ округѣ возобновилось не отмѣненное еще, но давно не практиковавшееся, наказаніе плетьми съ

тѣмъ, чтобы наказывать ими всякаго покусителя на жизнь президента. Другіе органы, не желая возобновленія варварскаго закона, тѣмъ не менѣе требуютъ, чтобы всякое покушеніе на жизнь президента наказывалось въ гораздо сильнѣйшей степени, такъ какъ событіе 2 іюля, распространившее тревогу и панику по всей странѣ, наглядно доказало, что выстрѣлъ въ президента есть выстрѣлъ въ весь народъ, избравшій его, и поруганіе единственной гарантіи, существующей для избирательнаго правительства, т. е. довѣрія, которое должно взаимно существовать между народомъ и избранною имъ властію.

Чтобы дать время выясниться этимъ вопросамъ и, главное, чтобы не судить Гито въ то время, когда исходъ его преступленія еще не извѣстенъ *), прокуроръ просилъ судъ отложить разсмотрѣніе его дѣла до сентября мѣсяца. А между тѣмъ, какъ бы въ подтвержденіе опасеній, высказываемыхъ газетами, недавно одинъ господинъ вошелъ въ военное министерство и, дружески потрепавъ по плечу одного изъ товарищей военнаго министра, заявилъ ему, что непреодолимая сила влечетъ его къ убійству Артура, который не долженъ ни подъ какимъ видомъ сдѣлаться президентомъ. Разумѣется, господинъ этотъ былъ немедленно арестованъ и оказался сумасшедшимъ; но не всѣ маніаки-убійцы будутъ выдавать себя, и докторъ Гаммондъ, опираясь на извѣстное всѣмъ предрасположеніе американцевъ къ сумасшествію, указывая на фактъ, что событіе 2 іюля сильно потрясло народное чувство и послужило непосредственнымъ поводомъ къ помѣшательству многихъ людей,—смѣло предсказываетъ, что въ Америкѣ скоро разовьется манія на убійство президентовъ, точно такъ же, какъ въ одно время въ Лондонѣ существовала манія бросаться съ вершины монумента герцога Іоркскаго,—манія, остановленная только тѣмъ, что на верху монумента устроена теперь рѣшетка.

Вообще, при легкости доступа частныхъ лицъ въ Бѣлый Домъ, президенты часто посѣщаются сумасшедшими людьми и иногда подвергались серьезной опасности. Попытка убить президента Джаксона въ январѣ 1835 года была совершена Ричардомъ Лоренсомъ, возмечтавшимъ, что онъ, какъ король Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, долженъ убивать узурпаторовъ. Только необыкновенная случайность спасла стараго вояку отъ смерти: Лоренсъ, стрѣлявшій въ упоръ, пытался стрѣлять изъ двухъ пистолетовъ, но оба пистолета дали осѣчку.

Назадъ тому семь или восемь лѣтъ (въ правленіе Гранта) въ Бѣлый Домъ явился ирландецъ громаднаго роста, съ тупымъ, но въ высшей степени добродушнымъ лицомъ, и настоятельно упрашивалъ быть допущеннымъ къ президенту. Когда онъ былъ введенъ въ кабинетъ, Грантъ, послѣ обычнаго пожатія руки, спросилъ, чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ для него.

*) По американскимъ законамъ, убійство человѣка наказывается гораздо сильнѣе, чѣмъ покушеніе на убійство. Если Гарфильдъ умретъ, Гито будетъ обвиненъ въ убійствѣ, если же выздоровѣетъ—только въ покушеніи на убійство.

— Господинъ президентъ,—сказалъ гигантъ, съ мрачнымъ блескомъ въ глазахъ и положивши свою руку за пазуху своего сюртука, — если вы еще разъ зайдете въ мой домъ и будете заглядывать сквозь замочную скважину въ спальню моей жены, я убью васъ на-повалъ.

— И прекрасно сдѣлаете,—отвѣтилъ Грантъ, не показавъ ни однимъ мускуломъ своего лица страхъ или безпокойство за свою жизнь.—Я самъ поступилъ бы точно такъ же съ такимъ негодяемъ. Будьте увѣрены, что я не приду къ вамъ въ домъ.

Господинъ этотъ былъ арестованъ и, послѣ докторскаго освидѣтельствованія, отправленъ въ домъ умалишенныхъ. За пазухой его сюртука былъ найденъ заряженный револьверъ, и еслибы Грантъ потерялъ присутствіе духа и поднялъ бы шумъ, онъ былъ бы застрѣленъ гигантомъ прежде, чѣмъ пришла бы помощь.

Впрочемъ, за исключеніемъ этихъ случаевъ, сумасшедшіе, посѣщавшіе президентовъ—вообще тихій и незлобивый народъ. Но если предсказаніе Гаммонда сбудется и мысли сумасшедшихъ будутъ направлены на убійство президента, если они, подобно Гито, возмечтаютъ быть посланниками или, подобно Конклину, отождествятъ себя со страною и, въ припадкѣ оскорбленнаго самолюбія, захотятъ быть непрошенными спасителями народа,—положеніе президентовъ станетъ не очень завиднымъ.

Пожалуй, опасность, угрожающая президентамъ, можетъ быть уменьшена угрозою тяжелаго наказанія за покушеніе на жизнь президента; но, какъ говоритъ американская пословица, «одинъ унцій предупрежденія лучше цѣлаго фунта лѣченія», и гораздо больше смысла имѣютъ за собою тѣ газеты, которыя настаиваютъ на совершенномъ отстраненіи всякихъ столкновеній между президентомъ и просителями должностей, на уничтоженіи произвола и фаворитизма, неизбѣжныхъ въ настоящее время, на выработкѣ строго опредѣленной и, по возможности, безпристрастной системы раздачи должностей, по которой умѣлые и добросовѣстные люди должны имѣть преимущество предъ пройдохами и мѣдными лбами. До сихъ поръ назначеніе должностей считается одной изъ прерогативъ президентской власти. Перемѣна президента можетъ повлечь за собой смѣну 90.000 должностныхъ лицъ, а это несомнѣнно влечетъ за собою такой взрывъ честолюбія, пролазничества, сплетенъ, оскорбленнаго самолюбія и разочарованія, который невозможно выдержать одному человѣку. Обыкновенно президенты передаютъ право назначенія на мелкія должности своимъ министрамъ, но это влечетъ другое громадное неудобство: большая часть времени министровъ идетъ на пріемы и удовлетворенія просьбъ искателей должностей и этимъ значительно ослабляется ихъ надзоръ за ходомъ министерскихъ работъ.

Необходимость реформы въ раздачѣ должностей была одною изъ idée fixe Гэса, который хотѣлъ раздавать должности помимо рекомендацій народныхъ представителей и сенаторовъ и руководиться не политическими

мнѣніями должностнаго лица, а его годностію къ службѣ: Шурцъ, его министръ внутреннихъ дѣлъ, былъ рьянымъ проводникомъ системы, существующей въ Китаѣ, по которой должность переходила къ лицу, оказавшемуся болѣе другихъ удовлетворительнымъ на экзаменѣ. Другіе, справедливо возражая, что умственная годность лица еще не служитъ доказательствомъ его нравственной годности, требуютъ примѣненія къ гражданскимъ должностямъ системы, осуществленной въ арміи и флотѣ, т. е. чтобы низшія должности замѣщались людьми независимо отъ ихъ политическихъ мнѣній и по экзамену, а высшія должности замѣщались бы людьми оказавшимися наиболѣе годными при отправленіи низшихъ обязанностей. Система эта, какъ увѣряютъ ея сторонники, имѣетъ всѣ выгоды бюрократіи безъ ея неудобствъ, такъ какъ періодическая смѣна президентовъ и министровъ не позволитъ укорениться злоупотребленіямъ и фаворитизму.

Но ни та, ни другая система не могли вполнѣ осуществиться во время правленія Гэса. Политишены, составляющіе огромное большинство конгресса, единодушно возстали противъ реформы, долженствующей подкопать ихъ вліяніе. Всѣ четыре года администраціи Гэса прошли въ борьбѣ съ конгрессомъ изъ-за этой реформы и Гарфильдъ, вступая въ должность, счелъ своимъ первымъ долгомъ успокоить конгрессъ увѣреніемъ, что, въ *большинствѣ случаевъ*, при назначеніи должностей, онъ будетъ по-прежнему руководиться мнѣніемъ народныхъ представителей и сенаторовъ. Гарфильдъ могъ помириться съ конгрессомъ, но не могъ удовлетворить всѣхъ желающихъ получить должности, и выстрѣлъ въ него снова раскрылъ всю необходимость немедленной и коренной реформы въ системѣ раздачи должностей. Разумѣется, если президентъ умретъ, то грантисты поторопятся воспользоваться своимъ положеніемъ и назначеніе на должности снова будетъ дѣломъ предварительнаго торга или награды своимъ единомышленникамъ. Если же Гарфильдъ выздоровѣетъ, онъ, вѣроятно, убѣдится, что политика Гэса имѣетъ болѣе важное значеніе для страны, чѣмъ онъ думалъ прежде, и что въ разумномъ рѣшеніи этого вопроса лежитъ единственное средство противъ предупрежденія зла, такъ вѣрно предсказаннаго лордомъ Маколеемъ въ письмѣ къ Генри С. Рандалъ, — письмѣ до того характернымъ, такъ мѣтко бьющемъ въ самую больную струну американской жизни, что я не могу не привести его цѣликомъ.

«Ваша конституція,—писалъ Маколей,—лишь парусъ, но въ ней нѣтъ якоря. Или какой-нибудь цезарь или Наполеонъ захватитъ бразды правленія въ сильныя руки, или же ваша республика будетъ жестоко разворена и разграблена варварами 20-го столѣтія, подобно тому, какъ Римская имперія была разграблена въ пятомъ столѣтіи, съ тою только разницей, что гунны и вандалы, погубившіе Римскую имперію, пришли извнѣ, а ваши гунны и вандалы будутъ порождены въ вашей собственной странѣ, при помощи вашихъ собственныхъ политическихъ учрежденій».

Вопли негодованія, раздавшіеся въ то время противъ Маколея, утихаютъ теперь мало-по-малу. Народъ все болѣе и болѣе понимаетъ, что раздача должностей политическимъ друзьямъ служитъ главною причиной какъ усилившагося разврата и взяточничества въ средѣ представителей, такъ и необыкновеннаго роста денежной олигархіи, подчинившей своему контролю законодательную, исполнительную и судебную функціи правительства. Если ростъ вандаловъ и гунновъ 20-го столѣтія не будетъ остановленъ во-время, страна должна будетъ испытать страшныя потрясенія.

Выстрѣлъ Гито выдвинулъ также на первый планъ вопросъ о вице-президентствѣ. Составители американской конституціи думали, что въ вице-президенты будутъ выбирать лицо, получившее наибольшее число голосовъ послѣ президента и, слѣдовательно, по праву могущее заступить президента въ случаѣ его смерти, смѣны съ должности или неспособности исполнять свои обязанности. Такъ поступали во время первыхъ президентскихъ выборовъ, но вскорѣ политишены измѣнили эту практику и вотъ почему: каждая партія обыкновенно раздѣляется на фракціи, часто враждующія другъ съ другомъ, и вотъ, чтобъ отстранить расколъ между ними, могущій вредно отразиться во время президентской кампаніи и навлечь пораженіе для всей партіи, политишены стали выбирать въ вице-президенты одного изъ видныхъ представителей той фракціи, которая враждебно относится къ фракціи президента, но союзъ съ которою необходимъ для успѣха на выборахъ.

Такое распредѣленіе должностей по фракціямъ могло временно согласить ихъ между собою и обезпечить побѣду на выборахъ, за то между президентомъ и вице-президентомъ, представляющими часто самые противоположные оттѣнки партіи, не могло быть единодушія и вице-президентъ мало-по-малу устранялся отъ всякаго участія въ административныхъ дѣлахъ. Занимая, въ силу конституціи, почетную должность предсѣдателя сената, вице-президентъ Союза переставалъ участвовать на совѣщаніяхъ министровъ, не былъ посвященъ въ дѣла и намѣренія администраціи и, въ случаѣ смерти президента, вступалъ въ должность съ совершенно противоположнымъ направленіемъ въ политикѣ и съ полнымъ незнаніемъ какъ техническихъ затрудненій администраціи, такъ и съ состояніемъ дѣлъ въ моментъ смерти своего предшественника. Смерть президента поэтому всегда вноситъ крутой поворотъ въ политику страны и вице-президентъ, заступающій его мѣсто, почти всегда вноситъ анархію и раздоръ. Такъ было послѣ смерти Тайлора, такъ было послѣ убійства Линкольна, когда Джонсонъ, заступившій его мѣсто, былъ преданъ суду. Еще болѣе печальныхъ послѣдствій надо ожидать въ случаѣ смерти Гарфильда.

Какъ я уже писалъ въ предыдущей статьѣ, Артуръ былъ выбранъ только для удовлетворенія сильной фракціи грантистовъ и личность эта не можетъ похвалиться чистою репутаціей въ прошломъ. Вотъ что писалъ ему Гэсъ въ январѣ 1879 года, смѣняя его съ должности началь-

ника нью-йоркской таможни: «Вы сдѣлали таможню центромъ политическихъ интригъ и я, глубоко сознавая свою обязанность охранять конституцію, принужденъ смѣнить васъ, чтобы нью-йоркская таможня могла быть честно управляема». Въ дополненіе къ письму президента, его министръ финансовъ, Шерманъ, приготовилъ докладную записку, подробнѣе выставляющую на видъ причины смѣны. Вотъ два отрывка изъ записки: «Громадныя злоупотребленія въ администраціи таможни не только не прекратились, но усиливаются во время вашего номинальнаго управленія таможней... Многія лица считаются на службѣ таможни и получаютъ большое жалованье, не принося никакой пользы правительству. Расходы таможни усиливаются, а доходы ея значительно уменьшаются. Взятки или подарки, дѣлаемые съ цѣлью подкупа, получаются вашими подчиненными въ различныхъ департаментахъ таможни и вы, ни въ одномъ случаѣ, не заявили своего желанія исправить эти вопіющія злоупотребленія».

Я уже говорилъ, какъ этотъ самый Артуръ цинически хвастался на банкетѣ, что только деньгамъ обязаны республиканцы своею побѣдой надъ демократами. Прибавьте къ этому, что онъ, второе лицо въ правительствѣ, вмѣстѣ съ Конклиномъ интриговалъ противъ Гарфильда въ продолженіе знаменитаго спора изъ-за нью-йоркской таможни—и вы будете имѣть представленіе о человѣкѣ, теперь предсѣдательствующемъ въ сенатѣ и, въ случаѣ смерти Гарфильда, долженствующемъ стать президентомъ Соединенныхъ Штатовъ! Позоръ, наглядно показывающій всѣ неудобства современной системы выборовъ вице-президента.

Многіе вліятельные органы страны, безотчетно повинуясь настроенію общества, серьезно призадумались надъ этимъ вопросомъ. Вице-президентомъ,—говорятъ они,—долженъ быть тотъ изъ кандидатовъ, который послѣ президента получилъ наибольшее число голосовъ на конвентѣ партіи *). Онъ долженъ принимать участіе въ управленіи страной и быть активнымъ членомъ кабинета. Въ противномъ случаѣ лучше вовсе не выбирать его заранѣе, не дѣлать изъ него третьестепенную личность, неспособную замѣнить президента, а лишь для удовлетворенія соперничествующихъ политишеновъ. Въ случаѣ смерти президента или отрѣшенія его отъ должности, конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ легко можетъ выбрать ему намѣстника.

Опасность предварительнаго выбора вице-президента видна уже въ фактѣ, что Гито прикрываетъ свои дурные инстинкты личиною политическихъ убѣжденій и желаетъ сдѣлать Артура президентомъ Америки. Опасность эта еще болѣе обнаружилась во время правленія Буханана, избраннаго изъ умѣренной фракціи демократовъ, но къ которому былъ приданъ вице-президентомъ одинъ изъ крайнихъ защитниковъ рабовладѣльчества. Немногимъ, внѣ Америки, извѣстно, что была попытка отра-

*) Согласно этому вице-президентомъ долженъ бы быть Блэнъ.

вить Буханана. Бухананъ, по счастливой случайности, отдѣлался только болѣзнію. Попытка была искусно ведена; виновные не были открыты, но общественное мнѣніе страны, вмѣстѣ съ мнѣніемъ Буханана, одинаково склоняется къ тому, что она была сдѣлана съ цѣлью замѣнить слабаго и нерѣшительнаго представителя рабовладѣльческихъ интересовъ болѣе энергическимъ Брикенриджемъ.

Если люди, предполагающіе убійствами измѣнять ходъ исторіи, не будутъ знать, кто замѣнитъ убитаго президента, покушеніе на жизнь президента изъ-за политическихъ разсчетовъ потеряетъ всякій смыслъ.

Возраженіе, что вице-президентъ необходимъ для замѣны президента во время отлучекъ и болѣзни, не имѣетъ никакой силы. Политическія разногласія, существующія между ними, естественно привели къ установленію обычая, по которому, какъ бы долго ни былъ боленъ президентъ, какъ бы продолжительна ни была его отлучка, онъ никогда не передаетъ своихъ обязанностей вице-президенту. Только смерть или отрѣшеніе отъ должности даетъ право вице-президенту вступить въ отправленіе президентскихъ обязанностей. Въ настоящее время, напримѣръ, Гарфильдъ страдаетъ слишкомъ пятьдесятъ дней, раза два онъ былъ при смерти, въ настоящую минуту его жизнь находится на волоскѣ, его неспособность къ отправленію обязанностей—неоспоримый фактъ и многія газеты (грантистскаго пошиба) требуютъ, чтобъ Артуръ заступилъ мѣсто президента во время его болѣзни; но ихъ требованія безсильны противъ установившагося обычая.

Разумѣется, что администрація страны находится въ летаргическомъ состояніи. Министры продолжаютъ заниматься рутинными дѣлами, которыхъ ходъ установился долговременною практикой. Всѣ же мѣропріятія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ и рѣшаемыя президентомъ въ совѣтѣ министровъ, теперь поневолѣ откладываются въ сторону, въ ожиданіи скораго кризиса въ ту или другую сторону. Только въ почтовомъ министерствѣ по-прежнему дѣятельно искореняются злоупотребленія и министръ почтъ, Джемсъ, пересматривая контракты съ подрядчиками и уничтожая контракты на содержаніе безполезныхъ дорогъ, уже сберегъ болѣе двухъ милліоновъ долларовъ и почтовое министерство, въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ, способно содержать себя на счетъ своихъ доходовъ.

Къ чести страны надо сказать, что газеты, даже враждебно настроенныя противъ администраціи Гарфильда, проникнуты глубокою симпатіей къ страдальцу-президенту. Говорить о всѣхъ проявленіяхъ этого чувства—значитъ наполнить цѣлый томъ фактами, глубоко волнующими душу человѣка, не извѣрившагося въ возможность чистой и неподдѣльной симпатіи въ нашъ вѣкъ эгоизма и сухости. Я остановлюсь только на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Извѣстный милліонеръ Нью-Іорка, Фильдъ, предпринялъ національную подписку въ пользу жены и дѣтей Гарфильда. Наиболѣе вліятельныя газеты страны противодѣйствуютъ этой подпискѣ,

говоря, что она преждевременна, что если Гарфильдъ выздоровѣетъ, подписка не будетъ имѣть смысла; если же онъ умретъ, то народъ можетъ легко реализировать не только четверть милліона, какъ предполагается Фильдомъ, но и цѣлый милліонъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на оппозицію, въ настоящее время уже собрано около 200.000 долларовъ; но имена людей, жертвующихъ тысячи въ этотъ фондъ, блѣднѣютъ передъ именемъ ремесленнаго ученика, шестнадцатилѣтняго юноши, который написалъ недавно трогательное письмо Фильду, говоря, что, обязанный ежедневно работать по 10 часовъ въ день и безъ жалованья, онъ не можетъ внести своей лепты и проситъ содѣйствія вліятельныхъ людей въ доставленіи ему экстренной работы или рано утромъ (отъ 5 до 7 часовъ), или поздно вечеромъ (отъ 6 до 8 час.) съ тѣмъ, чтобы весь заработокъ, полученный отъ этой работы, шелъ семейству Гарфильда.

Глубокое потрясеніе народа вслѣдствіе покушенія на жизнь президента лучше всего отразилось въ празднованіи 4-го іюля, дня независимости Америки, которое сопровождается самыми шумными и разнообразными проявленіями народной радости. Празднество это устраивается по мѣстной иниціативѣ городовъ и деревушекъ и приготовленія къ нему начинаются обыкновенно задолго до 4-го іюля. Уже публиковались программы дня, съ обѣщаніемъ фейерверковъ, процессій, музыки, увеселительныхъ зрѣлищъ, гонки и т. под. Событіе 2-го іюля измѣнило характеръ празднества. Народъ собрался, по обыкновенію, на мѣсто празднества. По обычаю, освященному временемъ, была прочитана декларація о независимости Америки (подписанная представителями колоній 4-го іюля 1776 года). Говорились рѣчи, пѣлись національные гимны, изрѣдка прерываемые объявленіями предсѣдателя о состояніи здоровья призидента... Тихо и торжественно прошелъ этотъ день въ странѣ,—всѣ увеселенія были отложены до выздоровленія Гарфильда—не по распоряженію «высшаго начальства», а въ силу импульсивнаго, никѣмъ не высказаннаго, но всѣми чувствуемаго желанія народа. Еще болѣе замѣчательно, что въ этотъ же день, когда, по обычаю, всѣ мальчишки Америки пользуются безграничною привилегіей жечь шутихи, стрѣлять изъ игрушечныхъ пистолетовъ и громкими хлопушками пугать нервныхъ людей,—Вашингтонъ оставался погруженнымъ въ невозмутимую тишину,—«чтобы не безпокоить президента», говорили маленькія дѣти. Насколько мнѣ извѣстно, фактъ этотъ уступаетъ по своей характерности только тому, что въ продолженіе первыхъ двухъ недѣль послѣ событія 2-го іюля ни одинъ министръ не былъ обезпокоенъ просителями должностей. Даже и они были парализованы чувствомъ, охватившимъ всю страну, познали хоть на короткое время стыдъ безпокоить людей, удрученныхъ горемъ.

Не могу не упомянуть еще объ одномъ фактѣ, не важномъ по своей сущности, но послужившемъ поводомъ къ весьма характерному столкновенію между правителемъ и гражданами Техсаса... Уже давно соверша-

ются молитвы о выздоровленіи Гарфильда во время церковныхъ богослуженій всевозможныхъ религіозныхъ сектъ. Въ прибавку къ нимъ правители штатовъ, по иниціативѣ правителя Огайо, согласились между собою выбрать и объявить прокламаціями (каждый въ своемъ штатѣ) одинъ и тотъ же день для народной молитвы за президента. День этотъ, подобно *благодарственному дню* *), не имѣетъ обязательной силы для гражданъ; правда, присутственныя мѣста закрываются въ день народной молитвы, чтобы дать возможность чиновникамъ помолиться Богу, но каждый гражданинъ совершенно свободенъ слѣдовать или не слѣдовать указаніямъ президента или правителя штатовъ. Повторяю, назначеніе дня молитвы за Гарфильда не имѣетъ серьезнаго значенія: кто можетъ молиться Богу, давно уже молится за него; кто не можетъ, тотъ, разумѣется, не пойдетъ въ церковь, хотя бы правитель штата и желалъ этого. Но какъ отъ копѣечной свѣчки Москва загорѣлась, такъ и здѣсь этотъ фактъ послужилъ къ серьезному пререкательству между правителемъ и гражданами Техсаса. Робертсъ, правитель Техсаса, всегда былъ рьянымъ поборникомъ полнѣйшаго отдѣленія церкви отъ государства. Въ отвѣтъ на депешу правителя Огайо, приглашавшую его наравнѣ съ другими правителями войти въ соглашеніе насчетъ дня молитвы, Робертсъ отвѣтилъ слѣдующею депешей. «Не менѣе другихъ сочувствуя народному горю, я не считаю себя компетентнымъ судьею въ назначеніи дня народной молитвы, такъ какъ дѣла религіи не подлежатъ вѣдомству правителя штата». Замѣчательно, что убѣжденія Робертса извѣстны всѣмъ гражданамъ Техсаса. Выскажись онъ такимъ же образомъ по какому-нибудь другому случаю, его депеша, не представляя ничего новаго, прошла бы незамѣченною. Не то случилось теперь, когда народъ взволнованъ и потерялъ разсудокъ. Во всѣхъ городахъ Техсаса начали бить тревогу и собирать митинги. На митингахъ вотируются резолюціи, порицающія образъ дѣйствія правителя, и часто въ весьма энергическихъ выраженіяхъ. Отвсюду идутъ депеши къ правителю Огайо съ увѣреніемъ готовности техсасцевъ подчиниться рѣшенію другихъ правителей и имѣть въ Техсасѣ день молитвы одновременно съ другими штатами. Робертсъ сразу потерялъ свою популярность и уже навѣрное не будетъ выбранъ ни на одну общественную должность. Вотъ какъ наказываютъ здѣсь людей, не умѣющихъ сообразоваться съ народными влеченіями.

Говорятъ, что Гарфильдъ подписалъ бумагу, созывающую конгрессъ на экстренное засѣданіе. Мѣра эта крайне необходима: какъ только президентъ умретъ и Артуръ вступитъ въ его должность, сенатъ немедленно долженъ избрать себѣ предсѣдателя, который, въ силу конституціи, будетъ

*) *Благодарственный* день назначается президентомъ въ ноябрѣ каждаго года. Въ цвѣтистой прокламаціи президентъ приглашаетъ народъ поблагодарить Бога за всѣ блага текущаго года.

считаться вице-президентомъ Союза. Бумага эта находится у Блэна и будетъ опубликована немедленно послѣ смерти Гарфильда.

Въ политическихъ дѣлахъ страны обыкновенно существуетъ затишье во время лѣтнихъ мѣсяцевъ и теперь, вслѣдствіе болѣзни президента, повидимому весь интересъ сводится на состояніе его здоровья и на обсужденіе вопросовъ, выдвинутыхъ событіемъ 2-го іюля (о которыхъ я уже упоминалъ выше). Тѣмъ не менѣе въ сдержанномъ тонѣ газетъ сильно проглядываетъ сознаніе, что со смертью Гарфильда Америкѣ предстоятъ сильныя перемѣны.

Я говорилъ въ предыдущей статьѣ, какъ Конклинъ съ другимъ нью-йоркскимъ сенаторомъ Платтомъ отказался отъ сенаторства, полагая, что нью-ойркское законодательное собраніе, по-прежнему раболѣпно послушное его велѣніямъ, снова выберетъ его въ сенатъ. Онъ ошибся въ разсчетѣ. Два мѣсяца тянулась баллотировка въ Олбани по поводу избранія новыхъ двухъ сенаторовъ взамѣнъ отказавшихся. Несмотря на всю интригу и старанія Конклина, Артура и даже Гранта, нарочно пріѣхавшаго изъ Мексики, чтобы своимъ вліяніемъ помочь Конклину, они не смогли собрать на свою сторону требуемые $^2/_3$ голосовъ. Робертсонъ оказался соперникомъ равнымъ, если не превосходящимъ Конклина, въ искусствѣ закулисныхъ работъ. Назначенный президентомъ и утвержденный сенатомъ въ должности начальника нью-йоркской таможни, онъ оставался по-прежнему на мѣстѣ предсѣдателя нью-йоркскаго сената и искусно дирижировалъ дѣйствіями своей фракціи, пока наконецъ утомленные бойцы не остановились, въ концѣ іюля, на выборѣ Латропа и Миллера (оба республиканца изъ фракціи, дружелюбно относящейся къ администаціи Гарфильда). Вслѣдъ за окончаніемъ избирательной борьбы Робертсонъ переѣхалъ въ Нью-Йоркъ для управленія таможнею. Конклинъ переѣхалъ туда же, чтобы приняться за адвокатуру. Дѣлая видъ, будто политика не интересуетъ его, онъ не безъ замиранія сердца ожидаетъ, чтобы Гарфильдъ умеръ и далъ бы ему возможность отомстить всѣмъ отвернувшимся отъ него въ послѣднее время. Онъ часто, почти ежедневно, видится съ Артуромъ. Недавно заброшенный всѣми, потерпѣвшій пораженіе и потерявшій всѣ шансы на блистательную роль въ Америкѣ, Конклинъ, благодаря пулѣ Гито, снова собираетъ вокругъ себя толпы поклонниковъ, которые привѣтствуютъ въ немъ будущаго президента Америки, если не по имени, то по сущности...

25 августа 1881 г.
Нью-Йоркъ. **W. F.**

Какъ извѣстно, $^7/_{19}$ сентября президентъ Гарфильдъ, къ крайнему прискорбію всѣхъ честныхъ людей, скончался.

Ред.

Изъ Берлина.

Свиданіе русскаго и германскаго императоровъ въ Данцигѣ, понятно, возбудило здѣсь, въ Берлинѣ, много толковъ, и нѣтъ недостатка въ разныхъ предположеніяхъ и заключеніяхъ; но вообще на это свиданіе смотрятъ какъ на событіе, отъ котораго Германіи можно ждать хорошихъ результатовъ. И въ самомъ дѣлѣ, оно можетъ дать болѣе основательные результаты, чѣмъ союзы Германіи съ Австріей и Италіей, о которыхъ такъ много говорилось. Здѣсь не забываютъ, что Италія обязана Германской имперіи всѣмъ своимъ существованіемъ и, несмотря на это, неоднократно поступала враждебно относительно Германіи. Теперь, когда она почувствовала себя изолированной и обиженной со стороны Франціи, она вспомнила о Германіи, подававшей ей руку помощи въ 1866 и 1867 гг., и ищетъ дружескаго сближенія; но она, конечно, не можетъ ждать со стороны нѣмецкаго народа особенно горячей симпатіи. Другое дѣло—Австрія. Это государство по своему положенію и своимъ интересамъ должно бы быть естественнымъ союзникомъ Германіи. Но можетъ ли страна, подвергающаяся процессу внутренняго разложенія,—страна, какъ выразился Карлейль, лжи, застоя, неряшливости и порчи,—можетъ ли такая страна быть въ случаѣ опасности надежной опорой? Къ тому же достаточно извѣстно, что вѣнская камарилья въ глубинѣ души питаетъ старинную, традиціонную ненависть къ Пруссіи и не можетъ помириться съ фактомъ, что нѣкогда незначительный Бранденбургъ находится теперь во главѣ страны, судьбою которой такъ долго управлялъ Габсбургскій домъ. Эта партія все еще мнитъ, что Австрія оказываетъ намъ великую милость тамъ, гдѣ она должна бы быть намъ благодарна. Потребуется множество доказательствъ искренности со стороны этой державы прежде, чѣмъ наше недовѣріе вполнѣ исчезнетъ. Хотя таможенный договоръ съ Австріей и заключенъ, но заключили мы его не раньше, какъ съ Китаемъ и Румыніей. Это также характеризуетъ политику Австріи, которая въ вѣчномъ замедленіи и выжиданіи видитъ выходъ изъ затрудненій и никогда не рѣшается на быстрое и рѣшительное дѣйствіе. Однако въ настоящую минуту

не столько волнуетъ умы вопросъ о союзахъ, сколько выборы въ новый имперскій сеймъ, которые назначены на 27 октября и предварительныя совѣщанія, которыхъ напомнили собою американскіе порядки. Никогда еще борьба партій не велась болѣе страстно и ожесточенно, никогда собранія не были такъ шумны. Каждая партія находится въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи и старается всѣми силами и средствами одолѣть другихъ. Причину этого необыкновеннаго возбужденія нужно искать въ засѣданіяхъ послѣдняго имперскаго сейма. Хозяйственная политика имперскаго канцлера единогласно осуждена либеральными партіями,—отъ нея ожидаютъ много вреда и тяжелыхъ потерь, въ ней видятъ возрожденіе желѣзной эпохи реакціи. Къ тому же оказалось, что государственный мужъ, дававшій направленіе этой политикѣ, стоитъ совершенно особнякомъ, не принадлежа ни къ которой изъ политическихъ партій, такъ какъ связь съ націоналъ-либералами порвалась и никакая другая ее пока еще не замѣнила.

Такимъ образомъ правительство и имперскій сеймъ стояли другъ противъ друга въ рѣзкой противоположности, что естественнымъ образомъ повело къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ и пререканіямъ. Этого мало, не менѣе 14 фракцій вели другъ съ другомъ самую ожесточенную борьбу и этотъ законодательный періодъ ясно показалъ намъ всѣ глубокіе недостатки, которыми страдаетъ наша политическая жизнь.

Во всѣхъ совѣщательныхъ собраніяхъ преобладали ратованія за извѣстные принципы, игра политическими словами и доктринерство, мѣшавшіе согласію. При этой парламентской неурядицѣ образовалась довольно-таки сильная партія партикуляристовъ, которая побѣдоносно отражала всѣ нападки на нее государственнаго канцлера. Всѣ проекты князя Бисмарка имѣли цѣлью концентрировать власть правительства, но не одинъ изъ нихъ не удался. Таможенная реформа хотя и прошла, но она не помогла имперіи сдѣлаться независимой въ финансовомъ отношеніи. Имперія стала только назначеемъ отдѣльныхъ государствъ и не можетъ самостоятельно распоряжаться излишкомъ доходовъ. Напротивъ, законъ относительно перехода желѣзныхъ дорогъ въ руки имперскаго правительства потерпѣлъ полное фіаско, тогда какъ законъ о пріобрѣтеніи этихъ дорогъ отдѣльными штатами былъ принятъ. Вмѣсто имперскаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ была установлена лишь правительственная страховка внутри отдѣльныхъ государствъ. Союзныя правительства всѣ объявили себя противъ этихъ реформъ.

Слишкомъ поздно имперскому канцлеру приходится жалѣть о своемъ разрывѣ съ либеральною партіей, которая въ трехъ предшествовавшихъ парламентскихъ періодахъ проводила всѣ законы. Оппозиція этой партіи внутренней политикѣ князя Бисмарка послужила поводомъ къ разрыву. Одновременно съ этимъ разрывомъ произошла перемѣна внутри самой націоналъ-либеральной партіи. Люди подобные Гнейсту и Трейчке

отдѣлились отъ нея и перешли въ лагерь свободныхъ консерваторовъ; другіе—Ласкеръ, Браунъ, Форкенбекъ—отпали отъ нея и образовали новую партію, но пока имѣющую мало приверженцевъ. Потерявъ главныхъ вожаковъ, національ-либеральная партія почти распалась. Благодаря всему этому, національ-либералы не могутъ болѣе съ успѣхомъ противодѣйствовать консерваторамъ и ультрамонтанамъ, что на этотъ разъ выпало на долю почти однихъ прогрессистовъ. Предводители этой послѣдней партіи—Рихтеръ и Вирховъ—одни въ состояніи замѣнить собою многихъ; но у нихъ относительно мало приверженцевъ, благодаря тому, что они навлекли на себя неудовольствіе народа своимъ террористическимъ направленіемъ и слишкомъ рѣзкой оппозиціей, дошедшею даже до угрозы революціей. Съ нѣкоторыхъ поръ однако прогрессисты умѣрили свои требованія, формулируя ихъ такимъ образомъ: «мы хотимъ правленія Гогенцоллерновъ, а не всемогущихъ министровъ». Этими неурядицами въ лагерѣ либераловъ отлично съумѣли воспользоваться консерваторы, которые тѣмъ временемъ сблизились съ Бисмаркомъ. Въ собраніяхъ послѣдней сессіи они увѣряли, что, вслѣдствіе новой экономической реформы, мы близки къ достиженію всѣхъ благъ. Сельскому населенію они пророчатъ благоденствіе, вытекающее изъ новаго таможеннаго закона, а рабочимъ, благодаря косвеннымъ налогамъ, сулятъ обезпеченное существованіе и правительственныя пенсіи на старости лѣтъ. Эта пѣсня, конечно, очень ласкаетъ ухо, но кто же, какъ не сами рабочіе, будетъ платить этотъ налогъ на хлѣбъ, соль, табакъ и т. п.?

Въ то же время антисемитическое движеніе породило два громкихъ девиза: быть «чистымъ нѣмцемъ» и «истиннымъ христіаниномъ». Кто, по мнѣнію извѣстныхъ людей, въ чемъ бы то ни было противодѣйствуетъ политикѣ государственнаго канцлера, кто не стоитъ слѣпо за уничтоженіе гражданскаго брака и за неограниченную власть духовенства, тотъ долженъ быть нравственно испорченнымъ человѣкомъ, филосемитомъ, врагомъ короля и т. п. Эти заподозриванія, исходящія изъ лагеря консерваторовъ, съ которыми конечно за одно церковники, подобные ожесточенному врагу евреевъ, придворному проповѣднику Штеккеру, чрезвычайно гнусны и производятъ очень тяжелое впечатлѣніе. Люди, бывшіе до сихъ поръ опорою Бисмарка, но не измѣнившіе своихъ воззрѣній, забрасываются грязью безсовѣстными клеветниками. Зачинщикъ этой агитаціи—не кто иной какъ молодой сынъ имперскаго канцлера, бывшій депутатъ графъ Вильгельмъ фонъ-Бисмаркъ. На одно изъ собраній въ извѣстномъ пивномъ заведеніи однажды вечеромъ сошлась избранная публика, среди которой находились графъ Гербертъ, графъ Бисмаркъ, графъ Ранцау, зять Бисмарка, и др. Появился и графъ Вильгельмъ фонъ-Бисмаркъ и былъ принятъ съ шумными выраженіями сочувствія. Ставъ въ воинственную позу, онъ произнесъ рѣчь, въ которой выразился, между прочимъ, о либералахъ и прогрессистахъ, что они много толковали о

диктатурѣ Бисмарка, сами же постоянно стремились къ собственной диктатурѣ. Говоря далѣе о законахъ цеховомъ и страховомъ отъ несчастныхъ случаевъ и о табачной монополіи, онъ утверждалъ, что либералы согласились бы на эту послѣднюю, еслибъ они черезъ то могли достичь для нѣкоторыхъ изъ своихъ приверженцевъ министерскихъ портфелей. Изложивъ потомъ нѣсколько изъ своихъ неясныхъ воззрѣній, позволивъ себѣ разныя безтактныя нападки на достойныхъ уваженія и заслуженныхъ людей и сравнивъ законъ противъ соціалистовъ съ запрещеніемъ на собакъ, онъ заключилъ свою рѣчь словами: «долой прогрессъ!» Рѣчь часто прерывалась громкими аплодисментами. По ея окончаніи всталъ нѣкій профессоръ, желавшій повидимому подольститься, и произнесъ тостъ въ честь графа Бисмарка, такъ какъ въ немъ «самъ великій отецъ его снизошелъ къ народу». Ближайшимъ слѣдствіемъ этого собранія было то, что депутатъ Евгеній Рихтеръ созвалъ оппозиціонное собраніе и тамъ въ превосходныхъ сарказмахъ осмѣялъ нападки этого господина. Въ противуположность антисемитскому движенію консерваторовъ появилось такое же движеніе демократовъ, во главѣ котораго находится извѣстный докторъ Генрици. Его программа—ясная и опредѣленная. Онъ требуетъ реформы денежной и банковой системы, улучшенія положенія низшихъ чиновниковъ и разрѣшенія еврейскаго вопроса. «Мы не должны повсюду и во что бы то ни стало слѣдовать за правительствомъ,—говоритъ онъ,—напротивъ, мы должны сказать Бисмарку въ лицо, что продолжать дѣйствовать такимъ образомъ нельзя... Покажите мнѣ,—воскликнулъ онъ,—какого-нибудь консерватора, который рѣшился бы сдѣлать это» (шумныя одобренія).

Въ то время, какъ придворный проповѣдникъ Штеккеръ уже давно сознался, что его прежнія ожесточенныя воззванія къ борьбѣ должны были повести къ грабежамъ и убійствамъ, докторъ Генрици продолжаетъ возбуждать народъ противъ евреевъ, вслѣдствіе чего въ Помераніи и Силезіи произошли серьезныя столкновенія, которыя подавляются неохотно и съ трудомъ. При этомъ христіане—не всегда вызывающая сторона: еврейская пресса, господствовавшая надъ всѣмъ нашимъ газетнымъ міромъ, смѣло вступила въ борьбу и не пренебрегаетъ никакими средствами, чтобы отомстить противнику. Господствующій нынѣ въ нашей прессѣ тонъ не сдержанъ: площадная брань слышится съ обѣихъ сторонъ и всѣхъ превосходитъ въ этомъ отношеніи оффиціозная *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*. Несмотря на различіе мнѣній относительно хозяйственной политики князя Бисмарка, вѣроятно, что антисемиты-консерваторы и антисемиты-демократы пойдутъ на выборахъ рука объ руку, благодаря общей ненависти къ евреямъ. Озлобленіе обѣихъ партій противъ прогрессистовъ, осуждающихъ насильственныя мѣры по отношенію евреевъ, такъ велико, что они едва ли не посмотрятъ сквозь пальцы на многое, что ихъ раздѣляетъ. Либерализмъ, прогрессъ и семитизмъ для нихъ одно и то же и одинаково подлежитъ искорененію. Престранное смѣшеніе понятій! Этой

борьбѣ придало внезапно самый бѣшеный характеръ анонимное угрожающее письмо, которое было прислано имперскому канцлеру и затѣмъ напечатано въ *Съверо-Германской Всеобщей Газетѣ*. Этимъ былъ достигнутъ апогей того, что можетъ быть сдѣлано на поприщѣ безчестной политической агитаціи, такъ какъ оффиціозная газета прямо указывала на прогрессистовъ, какъ на виновниковъ пасквиля, хотя всѣ партіи считаютъ своей обязанностью такого рода письма, какими осыпаются всѣ болѣе или менѣе выдающіяся политическія лица, предавать сожженію. Политическія партіи за такія выходки сумасбродовъ не могутъ отвѣчать. Безпримѣрный поступокъ оффиціознаго органа, къ счастію, нигдѣ не встрѣтилъ сочувствія. Даже реакціонныя газеты—и тѣ не могли скрыть своего негодованія. Ультрамонтаны смотрятъ на всю эту кутерьму не безъ удовольствія, такъ какъ имъ съ пораженіемъ либераловъ достается лакомый кусочекъ,—смягченіе и отчасти отмѣна майскихъ законовъ. Если мы еще и не находимся на дорогѣ въ Каноссу, то все-таки мы уже направляемся къ Риму съ дружескими объятіями. Миръ съ церковью во что бы то ни стало—задача какъ нынѣшняго министра культовъ, фонъ-Госслера, такъ и его предшественника фонъ-Путкамера. Случилось то, чего никто не могъ ожидать: докторъ Карумъ изъ Страсбурга назначенъ епископомъ трирскимъ, на мѣсто отрѣшеннаго отъ должности доктора Мельхера, и у него не потребовали присяги конституціи. Предстоитъ замѣщеніе большаго числа вакантныхъ священническихъ мѣстъ въ Падерборнской и Мюнстерской епархіяхъ. Вслѣдствіе всего этого гнезненскій архіепископъ Ледоховскій, у котораго сильно разстроилось здоровье, рѣшился отказаться отъ своего мѣста. Ватиканъ въ интересахъ мира готовъ дѣлать уступки, если вопросъ касается не принциповъ, а лицъ. Въ *Аугсбургской Всеобщей Газетѣ* появились было статьи съ подписью ф. С., направленныя противъ доктора Карума и возбудившія всеобщее вниманіе. Нельзя описать бѣшенства *Съверо-Германской Всеобщей Газеты*. Она забыла правила приличія до того, что обозвала автора помянутыхъ статей конюхомъ. Много высказывалось предположеній о таинственномъ авторѣ ихъ; но что скажетъ названная газета, если окажется, что ихъ писалъ не кто иной какъ князь Антонъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ, бывшій прусскій либеральный министръ-президентъ?

При такомъ положеніи вещей очень возможно, что въ будущую сессію имперскій канцлеръ будетъ имѣть на своей сторонѣ консервативно-клерикальную партію и можетъ надѣяться на осуществленіе своихъ плановъ. Либералы также говорятъ о «большой либеральной партіи» на будущемъ рейхстагѣ; но они пока еще не обратились съ воззваніемъ къ избирателямъ.

Бокъ-о-бокъ съ этими партіями возвышаютъ голосъ еще и автономисты, и партіи протеста въ Эльзасѣ и Польшѣ. Поляки послали изъ Познани въ прусское государственное министерство меморандумъ, который

начинается слѣдующимъ образомъ: «Высокопочтенное министерство! Живущіе подъ прусскимъ владычествомъ поляки находятся въ національномъ и правовомъ отношеніяхъ подъ гнетомъ тяжелымъ, невыносимымъ и ничѣмъ не оправдываемымъ. Но вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать этому угнетенію польской національности путемъ революціонныхъ движеній, поляки Прусскаго государства, согласно своей политической зрѣлости, пріобрѣтенной ими въ теченіе прошлаго столѣтія, предпочитаютъ искать устраненія неправды и насилія законнымъ путемъ, выражая свои неудовольствія открыто». Далѣе указывается на тысячелѣтнюю исторію польскаго народа, насчитывающаго пятнадцать милліоновъ душъ и имѣющаго прирожденное, несомнѣнное право быть признаннымъ исторической и національной особью и пользоваться правами таковой, тѣмъ болѣе, что онъ состоитъ членомъ великой славянской семьи. Далѣе цитируются нѣсколько статей изъ прусско-русско-австрійскихъ договоровъ касательно раздѣла Польши, декларація короля Фридриха-Вильгельма III отъ 15 мая 1815 года, помѣщенная въ сводѣ законовъ того же года, рескриптъ отъ 3 мая 1815 года, а также и нѣкоторыя постановленія министровъ и оберъ-президентовъ, которыми гарантируются національныя права поляковъ. Всего болѣе поляки жалуются на устраненіе польскаго языка въ судѣ, администраціи и школѣ и на удаленіе католическаго духовенства,—конечно, только польскаго,—какъ отъ преподаванія закона Божія, такъ и отъ должности школьныхъ инспекторовъ. Въ заключеніе они просятъ какъ можно скорѣе прекратить это зло, дабы сѣмя злобы и ненависти не принесло горькихъ плодовъ.

Но самымъ страннымъ знаменіемъ времени является сильное движеніе, охватившее нашу университетскую молодежь: обвиненія, бросаемыя антисемитами въ лицо евреямъ, воспламенили и ее, и во всѣхъ университетахъ образовались кружки, имѣющіе цѣлью воспитывать и распространять «истинно германскій духъ на основаніи истинныхъ правилъ христіанской религіи». Движеніе это достигло максимума во время празднества на Кифгейзерѣ, той изобилующей сказочными преданіями горѣ, на которой императоръ Фридрихъ Барбарусса такъ долго ждалъ возрожденія Германіи.

Если сердца молодежи охладѣли къ либерализму, то причину этого нужно искать въ томъ, что либералы недостаточно строго держались въ сторонѣ отъ акціонерной и ростовщичьей эпидеміи послѣдняго десятилѣтія. Ошибка заключается въ томъ, что съ одной стороны либеральная партія уже сознала свои заблужденія и отчасти отреклась отъ нихъ, а съ другой стороны реформаторскіе планы князя Бисмарка, соціальные и политическіе, передъ лицомъ какъ практики, такъ и науки оказались несостоятельными. Но станетъ ли горячая молодежь обращать вниманіе на эти оттѣнки въ развитіи современной исторіи? Она не заставляетъ ждать своихъ заключеній и за словомъ въ карманъ не лѣзетъ. И вотъ

она посылаетъ князю Бисмарку одну телеграмму за другою съ выраженіемъ своей преданности и въ восторгѣ, когда она аккуратно получаетъ отъ канцлера благодарственные отвѣты. Либеральная партія должна на время помириться съ потерею симпатій нашей академической молодежи, къ тому же зло не особенно велико, а оживленіе, замѣчаемое среди нашихъ студентовъ, такое радостное явленіе, что нечего жалѣть, если даже они впадаютъ въ крайности. Академическая молодежь послѣдняго десятилѣтія — не по лѣтамъ серьезная, трезвая, разсудительная, но ничѣмъ не интересующаяся и не увлекающаяся — внушала многимъ профессорамъ опасеніе относительно духовной жизни нашего народа въ будущемъ. По временамъ студенты и сами сознаютъ, что они зашли ужь слишкомъ далеко, какъ, наприм., это было въ Галле. Въ этомъ городѣ придворный проповѣдникъ Штеккеръ, по приглашенію комитета городскихъ обывателей, который собственно служилъ ширмой кружку студентовъ, произнесъ политическую консервативно-религіозную рѣчь, обращенную къ народу, на тему: «Рѣшительный часъ въ нѣмецкой исторіи». Студенты устроили ему восторженную овацію и на двадцати экипажахъ проводили его съ громкими выраженіями своего сочувствія. Но они вскорѣ сознали свою безтактность, въ особенности послѣ того, какъ галльскій профессоръ богословія, Бейшлагъ, въ своей евангелическо-лютеранской газетѣ написалъ статью, въ которой онъ, обращаясь къ Штеккеру, говоритъ, что лютеранскій пасторъ и королевскій придворный проповѣдникъ не должны бы способствовать нарушенію здравой традиціи Галльскаго университета, вслѣдствіе которой студенты издревле не вмѣшивались въ политику. Онъ упрекаетъ Штеккера въ смѣшеніи религіозныхъ и политическихъ вопросовъ и прямо обвиняетъ его въ исканіи союза съ ультрамонтанскимъ духовенствомъ. Штеккеръ сильно осерчалъ,— въ отвѣтѣ его слышится болѣе гнѣва и негодованія, чѣмъ доказательствъ своей правоты. Профессоръ Бейшлагъ неудовлетворился и написалъ новую обличительную статью. Общество сильно заинтересовано, чѣмъ кончится эта любопытная полемика.

Упоминая о нѣмецкомъ студенчествѣ, я позволю себѣ обратить вниманіе читателя на явленіе, съ перваго раза не имѣющее связи съ предметомъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, но тѣмъ не менѣе тѣсно связанное съ политическими и соціальными условіями нашей жизни,—я говорю о чрезмѣрномъ накопленіи учащейся молодежи въ нѣмецкихъ университетахъ и сопряженномъ съ этимъ созданіи образованнаго пролетаріата. Не удивительно, что, вслѣдствіе большаго количества учебныхъ заведеній въ Германіи,—у насъ насчитывается 20 университетовъ, около 250 гимназій, не говоря уже о многочисленныхъ реальныхъ училищахъ, академіяхъ и техническихъ школахъ,—масса научно-образованныхъ людей въ Германіи такъ велика, что большая часть ихъ не можетъ найти примѣненія своимъ познаніямъ и должна вести жизнь полную лишеній. По време-

намъ, кѣмъ слѣдуетъ, совѣтуется молодымъ людямъ не избирать той или другой отрасли наукъ и еще недавно министромъ было объявлено, что государственныя нужды, въ отношеніи служащаго персонала, на нѣкоторое время удовлетворены и что въ Берлинѣ живутъ безъ мѣстъ болѣе 800 молодыхъ людей, обладающихъ всѣми необходимыми научными познаніями и выдержавшихъ государственныя испытанія, но не находящихъ въ настоящее время дѣла, къ которому они могли бы ихъ приложить, и тщетно ищущихъ занятій.

То же самое замѣчается и среди купечества. Сотни, тысячи молодыхъ людей живутъ въ большихъ городахъ и ищутъ работы, но безъуспѣшно. Этого рода явленія, обнимающія всѣ классы народа, находятся конечно въ тѣсной связи съ избыткомъ народонаселенія, которымъ страдаетъ Германія. Много толкуютъ объ устройствѣ колоній и воздѣлываніи земельныхъ пространствъ, теперь негодныхъ для хлѣбопашества, но пока въ этомъ направленіи еще ничего не сдѣлано.

Часть рабочаго сословія возложила свои надежды на заманчивыя обѣщанія консерваторовъ и живо заступается за хозяйственную политику имперскаго канцлера. Но остальные рабочіе, видя еще большее несчастіе для себя во введеніи закона о цехахъ, отмѣнѣ свободы промысловъ и свободы переселенія, равно какъ и въ табачной монополіи, энергично выступаютъ противъ своихъ товарищей. Сильнѣе всѣхъ, конечно, борются соціалъ-демократы, которые еще далеко не успокоились, поэтому все еще происходитъ высылка ихъ цѣлыми партіями, малое осадное положеніе въ Берлинѣ продолжено, а въ Лейпцигѣ введено.

Можно себѣ вообразить, какъ, среди всѣхъ этихъ экономическихъ неурядицъ, на насъ подѣйствовала радостная вѣсть объ открытіи въ презрѣнной Люнебургской степи, въ Ганноверѣ, чрезвычайно богатыхъ нефтяныхъ источниковъ. 21-го іюля былъ счастливый день, когда вдругъ бурая жидкость поднялась изъ земли и стала бить ключомъ. Всѣхъ охватила нефтяная горячка. Купцы и спекуляторы изъ Берлина сейчасъ же предложили открывшему этотъ источникъ, нѣкоему Мору, человѣку бѣдному, тщетно трудившемуся всю свою жизнь надъ открытіемъ нефтяныхъ источниковъ, 2½ милліона марокъ за колодезь, дававшій вначалѣ 350 бочекъ въ день, теперь же только отъ 70 до 80. Образовалась акціонерная компанія съ основнымъ капиталомъ въ 5.000.0000 марокъ, покрывшимся нѣсколько разъ, такъ какъ всякому хотѣлось участвовать въ этомъ дѣлѣ. Просверлили другія отверстія, выстроили мѣстечко, назвавъ его Эльгеймъ, и провели туда желѣзную дорогу, какъ вдругъ распространилась ужасающая вѣсть, что добыча нефти уменьшается. Акціонерное общество сейчасъ отправило изъ Берлина въ Эльгеймъ экстренный поѣздъ для того, чтобы всякій могъ самъ убѣдиться въ ложности слуховъ. Источники были осмотрѣны, но не изслѣдованы, а поэтому сомнѣнія еще не

вполнѣ исчезли, тѣмъ болѣе, что люди авторитетные въ этомъ дѣлѣ не вѣрятъ въ богатство этихъ источниковъ.

Къ счастію, хлѣба уродилось много, фрукты также въ большомъ количествѣ, и надѣются на хорошій сборъ винограда.

При такихъ сильныхъ волненіяхъ внутри страны, многіе посѣтители водъ и путешественники не нашли тѣхъ удовольствій, которыхъ ожидали. Посѣтителей на водахъ было множество; но сезонъ прошелъ тихо, такъ какъ недоставало прежней беззаботности. А въ то время, какъ всѣ, кто только могъ, уѣзжали въ деревню или въ горы, Берлинъ, какъ и всегда, занялся своимъ туалетомъ. Цѣлыя десятилѣтія упрекали Берлинъ въ недостаткѣ красоты и удобствъ. Теперь Берлинъ асфальтируетъ, каналезируетъ, уничтожаетъ цѣлыя улицы, устраиваетъ множество конножелѣзныхъ дорогъ и одну большую окружную желѣзную дорогу. Для этой послѣдней строятся громадные, великолѣпные вокзалы и желѣзные мосты черезъ улицы; 1-го января дорога должна открыться. Измѣнилось рѣшительно все. Кондитерскія, гдѣ въ доброе старое время можно было лакомиться сладкими пирожками и которыя держали себя такъ тихо, преобразились въ кафе, въ которыхъ громко говорятъ, ночь превращаютъ въ день, а у кельнеровъ бываютъ доходы равные доходамъ министровъ; тихіе пивные погребки съ почернѣвшими стѣнами превратились въ большія пивныя и концертныя помѣщенія съ великолѣпнымъ освѣщеніемъ и превосходною стѣнною живописью al fresco, а дрожки втораго класса, вознаграждавшія за медленность движенія дерзостью своихъ кучеровъ—въ желѣзно конныя кареты, гдѣ всѣмъ управляетъ вѣжливый контролеръ и люди всѣхъ сословій и всѣхъ состояній за свой билетъ въ 10 пфенниговъ пользуются равными правами. Кромѣ Тиргартена, другіе большіе общественные сады, въ родѣ садовъ театровъ Бельальянсъ, Національнаго, Кралля и Шарлоттенбургской Флоры, нѣкоторые изъ нихъ, освѣщенные 20.000 газовыхъ рожковъ, приглашаютъ къ себѣ посѣтителей на отличные концерты. Великолѣпенъ въ особенности садъ при Національномъ театрѣ съ его гротами, фонтанами, статуями, а также садъ увеселительнаго заведенія «Новый Свѣтъ» въ Газенгейдѣ, гдѣ производятся морскія сраженія и кавалеръ Блонденъ выдѣлываетъ на канатѣ невѣроятныя штуки. Въ другихъ мѣстахъ культивируется спортъ, пѣшій и конный. Къ нимъ принадлежитъ Skatingring (катокъ для бѣганья на конькахъ съ колесами). Но самое любимое удовольствіе германца—прогулка за городъ съ чадами и домочадцами, и природа постаралась окружить Берлинъ прекраснымъ лѣсомъ. Ежедневно, а особенно въ праздники, тянутся вереницы экипажей и пѣшеходовъ, лодки и вагоны конно-желѣзной дороги и поѣзда паровой, увозящіе обывателей на лоно природы, на «свободу», какъ говоритъ нѣмецъ. Здѣсь берлинецъ совершенно преобразовывается. Нужно удивляться, какъ беззаботно онъ гуляетъ по зеленой муравѣ, какъ весело танцуетъ и участвуетъ въ народныхъ играхъ подъ звуки гармоники, отдыхая такимъ образомъ отъ тру-

довъ; онъ кричитъ, гребетъ, пляшетъ, пьетъ пиво или кофе и отпускаетъ довольно тяжеловѣсныя шуточки. Наконецъ, его веселость достигаетъ такой степени, что онъ начинаетъ пѣть гейневскую пѣснь «Аферей», начинающуюся словами: «Ich weiss nicht, was soll es bedeuten, dass ich so traurig bin» (Я не знаю, почему мнѣ такъ грустно),—пѣсню, которую каждый нѣмецъ напѣваетъ, когда ему на загородной прогулкѣ очень весело. Когда берлинецъ такимъ образомъ всласть надышется лѣснымъ воздухомъ, съѣстъ съ семьей послѣдній буттербродъ и выпьетъ послѣднюю кружку пива, онъ съ запасомъ новыхъ силъ возвращается домой и болѣе легко переноситъ и большіе налоги, и грозную мысль о табачной монополіи.

Въ лѣтнихъ театрахъ давались по большой части шутки, какъ, наприм., пародія «Кольцо Нибелунговъ» Трентова въ Центральномъ театрѣ, «Der wahre Jakob» въ Національномъ театрѣ и т. д., все пьесы, отличающіяся посредственностью содержанія и древностью своихъ остротъ.

Въ наше время оказывается совершенно лишнее быть художникомъ, чтобы писать для сцены, пожалуй даже вредно. У поэта есть идеалы и онъ оказывается непрактичнымъ, когда дѣло дойдетъ до тѣхъ увертокъ и уловокъ, которыя теперь господствуютъ въ театральной литературѣ. Можно даже не имѣть собственныхъ мыслей, такъ какъ гораздо удобнѣе или купить сюжетъ за нѣсколько грошей у какого-нибудь бѣдняка, или заимствовать его въ лавкѣ торговца старыми книгами. Главныя условія для такой легко написанной пьесы—эффектное оставленіе сцены главными лицами, а для этого нужно, чтобы въ концѣ каждаго акта кто-нибудь или сломалъ стулъ, или выпилъ керасину вмѣсто шампанскаго. Остроты почерпаются изъ юмористическихъ журналовъ давно прошедшихъ годовъ. Но какъ ни легко написать такую пьесу, поставить ее на сцену довольно трудно. При этомъ отнюдь не слѣдуетъ идти обыкновеннымъ путемъ, т. е. подать куда слѣдуетъ свое сочиненіе въ наивной надеждѣ, что его прочтутъ. Напротивъ того, нужно умѣть отыскать самые задніе изъ заднихъ ходовъ, какъ-то: заинтересовать пьесой котораго-нибудь изъ главныхъ кредиторовъ директора, подружиться съ двоюроднымъ братомъ главной актрисы, вытащить режиссера изъ-подъ кареты, если онъ попадетъ подъ таковую, и т. д. Это наиболѣе вѣрные пути. Чтобы пьесу ввести въ репертуаръ, нужно познакомиться съ нѣсколькими журналистами, которые при случаѣ напечатаютъ въ своей газетѣ замѣтку таго рода: «Пьеса нашего извѣстнаго поэта пріобрѣтена театральнымъ агентомъ Х. за 25.000 марокъ». Это очень дѣйствуетъ на публику и располагаетъ ее въ пользу пьесы. Остается только еще на первомъ представленіи раздать всѣ мѣста партера добрымъ друзьямъ, и судьба пьесы обезпечена: она переживаетъ сотню представленій, автора въ газетахъ называютъ «первоклассным драматическимъ писателемъ», а въ журналахъ, въ столбцѣ извѣстій, причисляютъ къ знаменитостямъ.

Романистамъ приходится вступать на тотъ же путь, если они хотятъ имѣть успѣхъ, какъ это доказываетъ книга Іосифа Левинскаго: «Передъ кулисами». Въ этомъ сочиненіи авторъ собралъ статьи и записки всѣхъ теперь живущихъ знаменитыхъ актеровъ и актрисъ Германіи, писанныя ими самими, записки Ниманна, Вахтеля, г-жъ Вольтеръ, Гейстингеръ, Лукка и т. д. Между ними находится также статья генералъ-интенданта фонъ-Гильзена.

Болѣе значительное произведеніе—романъ «Одинокая» (Die Einsame) талантливаго и оригинальнаго писателя Ганса Гопфена. Изложеніе его далеко отъ всякой сентиментальности, чрезвычайно характеристично и завязка очень интересна. Авторъ въ этомъ романѣ избѣжалъ слишкомъ пикантныхъ подробностей, но за то и идеальнымъ стремленіямъ дано не много мѣста.

Научная литература въ истекшій сезонъ отличалась богатствомъ произведеній, но не было ничего особенно выдающагося. Лессингу въ Гамбургѣ, мѣстѣ его дѣятельности, какъ драматурга, воздвигается памятникъ. Докторъ Шлиманъ, знаменитый нашъ археологъ, нашедшій троянскія древности, изъ которыхъ онъ принесъ въ даръ городу Берлину 4.000 предметовъ, получилъ званіе почетнаго гражданина Берлина. Магистратъ мотивировалъ эту почесть слѣдующими словами: «Докторъ Генрихъ Шлиманъ, вслѣдствіе своей дѣятельности и своихъ ученыхъ связей, можетъ считать себя гражданиномъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, но онъ плоды своихъ работъ посвятилъ своему отечеству. Городъ, хранящій его коллекціи, съ удовольствіемъ приметъ въ число своихъ гражданъ человѣка, соединяющаго въ себѣ практическую дѣятельность съ идеальнымъ стремленіемъ и могущаго служить примѣромъ для всякаго нѣмца».

Ученыя экспедиціи въ Африкѣ все еще усердно продолжаются. Не только извѣстные путешественники: Рольфсъ, Швейнфуртъ и друг.—посвящаютъ этой части свѣта всю свою дѣятельность, но туда снаряжаютъ экспедиціи также и частные люди, какъ, наприм., коммерціи совѣтникъ Рибекъ изъ Галле, человѣкъ бывшій прежде простымъ надсмотрщикомъ въ рудникахъ и затѣмъ сдѣлавшійся владѣльцемъ угольныхъ копей, за которыя ему уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ предлагали 11.000.000 таллеровъ.

У насъ снова открыта выставка произведеній искусствъ, замѣчательная между прочимъ тѣмъ, что на ней отсутствуютъ имена нашихъ корифеевъ. Художники, какъ Адольфъ Менцель, Антонъ фонъ-Вернеръ, Шпангенбергъ, Кнаусъ и нѣкоторые другіе—воздержались отъ присылки своихъ произведеній. За то у книгопродавцевъ улицы «Подъ Липами» имѣется нѣсколько превосходныхъ картинъ, между прочимъ новая картина Габріэля Макса. Этотъ живописецъ, повидимому, отказывается отъ своей эксцентричности и возвращается къ болѣе здравымъ сюжетамъ. Его «Египтянка» отличается свѣжестью и выразительностью рисунка и колорита. На бал-

конѣ дома въ сумерки сидитъ дѣвушка-египтянка и задумчиво смотритъ на прилетающихъ ласточекъ, въ то время, какъ на дальнемъ горизонтѣ, надъ городомъ, восходитъ луна. Послѣдніе отблески лучей заходящаго солнца бросаютъ на фигуру дѣвушки чарующій свѣтъ. Картина Делфрегера представляетъ жителей города въ обществѣ обитателей альпійской хижины. Особенно удачны фигуры двухъ дамъ, смотрящихъ съ полуулыбкой на двухъ прекрасно-нарисованныхъ сельскихъ красавицъ.

Янъ Матейко, быстро пріобрѣтшій извѣстность польскій художникъ, выставилъ картину «Присяга пруссаковъ», и планомъ и замысломъ отличающаяся отъ всѣхъ его прежнихъ картинъ. Тенденція чисто польская, національная. Картина представляетъ тотъ моментъ, когда основатель Прусскаго государства на главной площади Кракова приноситъ присягу за себя и своихъ потомковъ королю польскому Сигизмунду. Передъ королемъ, сидящимъ на эстрадѣ, стоитъ на колѣняхъ Альбрехтъ бранденбургскій въ желѣзной бронѣ и мантіи, со знаменемъ въ рукѣ, концы котораго держатъ оба его брата. Стоящій за королемъ епископъ Томницкій читаетъ формулу присяги. Изъ другихъ фигуръ замѣчательны: королева Бона, гетманъ Тарновскій и двое другихъ полководцевъ въ богатыхъ одеждахъ. Въ произведеніи этомъ прекрасно выражена минувшая слава Польши. По картинѣ видно, что между нею и «Битвой при Груневальдѣ», съ которой она равна по размѣрамъ, художникъ побывалъ въ Италіи.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ оригинальной картинѣ, имѣющей свою исторію и вмигъ распространившейся по всей Германіи во многихъ тысячахъ экземпляровъ. Эта прекрасная, веселящая душу картина написана А. Каульбахомъ къ празднику стрѣлковъ въ Мюнхенѣ; онъ ее назвалъ «Die Schützenlieft». Картина эта, написанная на деревѣ, висѣла высоко на башнѣ, выстроенной надъ палаткой, гдѣ помѣщался ресторанъ, и была видна всей площади. Представляетъ она крестьянскую дѣвушку съ веселой улыбкой на устахъ и дюжиной кружекъ пива въ рукахъ, въ короткой юпкѣ, съ платкомъ, соблазнительно сползшимъ съ плечъ, новую Лорелею баварской спеціальности. Каждый, кончившій стрѣльбу, считалъ своимъ долгомъ воскликнуть: «ей-ей, я влюбленъ въ «Schützenlieft», а сердце одного англичанина, несмотря на холодный вѣтеръ, дувшій съ Альповъ, и мелкій дождь, моросившій во время празднества, до того воспламенилось, что онъ побѣжалъ къ художнику и къ хозяину ресторана и выразилъ желаніе сдѣлаться обладателемъ прекрасной кельнерши, которую ему и уступили за 4.000 марокъ. По окончаніи празднества, ее тщательно выпилили изъ доски, на которой она была нарисована, и перевезли въ Англію, но фотографіи съ нея все еще приводятъ въ восторгъ всю Германію. Каульбаху особенно, какъ извѣстно, удаются женскія фигуры.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ праздникѣ стрѣлковъ. По основной мысли онъ долженъ бы быть вполнѣ національнымъ. На немъ, какъ и на подобныхъ ему, устроенныхъ наканунѣ 1870 года, много толковали

о единствѣ и согласіи нѣмцевъ между собою и на этотъ разъ даже самъ принцъ Людовикъ баварскій упомянулъ объ этомъ въ своемъ привѣтствіи стрѣлкамъ. Но какъ прежде, такъ и теперь такого рода рѣчи не мѣшаютъ подставлять другъ другу ножку. На этотъ разъ холодно были приняты пруссаки, а въ ихъ лицѣ и всѣ нѣмцы сѣверной Германіи. Это недружелюбіе между сѣверными и южными германскими племенами имѣетъ глубокіе корни и основано не на однихъ только политическихъ мотивахъ. Къ счастію, достаточно уже доказано, что когда отечество находится въ опасности, забываются и племенная гордость, и вражда партій, и религіозныя ссоры, и всякій становится грудью за своихъ.

Тише и покойнѣе проходитъ другое собраніе, хотя и назначенное для самой ожесточенной борьбы. Я говорю о большомъ шахматномъ конгрессѣ, уже нѣсколько недѣль засѣдающемъ въ Берлинѣ. Сраженія идутъ съ утра до ночи. Величайшіе шахматные игроки почти всѣхъ націй собраны здѣсь и творятъ чудеса, но еще не извѣстно, кто будетъ побѣдителемъ. Можно только сожалѣть, что такъ много остроумія и труда тратится безъ пользы для общественнаго блага.

В. G*.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Общественное самосознаніе и народное образованіе.—Недостатокъ въ учебныхъ заведеніяхъ.—Коммиссія о призрѣніи нищихъ.—Нѣсколько словъ газетѣ *Русь*.—Измѣнила ли *Русская Мысль* своему первоначальному направленію?—*Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія*.—Необходимость поддержанія основныхъ началъ великихъ преобразованій прошлаго царствованія.

Хотя жизнь историческаго народа измѣряется не годами, даже не десятками лѣтъ, но въ извѣстную пору его развитія важныя измѣненія общественнаго строя происходятъ очень быстро. На глазахъ одного поколѣнія осуществляется глубокое преобразованіе, и уже непосредственно слѣдующему поколѣнію недавнее прошлое представляется дѣлами «Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма».

Съ трудомъ вѣрится еще свѣжему преданію, съ величайшимъ изумленіемъ приходится убѣждаться, что была возможна быль, едва-едва исчезнувшая изъ міра. Такую быль раскрываютъ намъ произведенія геніальнаго писателя, которому 4 сентября нынѣшняго года открытъ памятникъ въ Нѣжинѣ. Какъ живые, вызванные волшебною силой художественнаго дарованія, проходятъ передъ нами образы русскихъ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Эти люди имѣютъ близкихъ родственниковъ и въ настоящее время. Но какое поразительное измѣненіе общихъ условій общественнаго быта, какая рѣшительная перемѣна всего фона картины!

Не умеръ Чичиковъ. Его изобрѣтательности открывается теперь широкій просторъ: онъ ворочаетъ акціями, облигаціями, субсидіями, гарантіями... Живъ и Собакевичъ, не потерявшій привычки наступать на ноги своимъ собесѣдникамъ; живъ Маниловъ, мечтающій построить мостъ между двумя державами; здравствуютъ Ноздревъ, Петрушка, Коробочка... «Иной и почтенный, и государственный даже человѣкъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубилъ что себѣ въ голову, то ужь ничѣмъ его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводовъ, ясныхъ какъ день,—все отскакиваетъ отъ него, какъ резиновый мячъ отскакиваетъ

отъ стѣны». Но въ общемъ жизнь въ наши дни, въ восьмидесятые годы XIX вѣка, стала гораздо сознательнѣе, осмысленнѣе и тревожнѣе. Рухнуло, по волѣ императора Александра II, крѣпостное право, вызванъ къ жизни судъ присяжныхъ, созданы земскія учрежденія. Задачи управленія страшно усложнились и требуютъ неслыханной прежде затраты умственныхъ и нравственныхъ силъ.

Въ обществѣ растетъ и крѣпнетъ живая признательность къ своимъ духовнымъ вождямъ. Кто былъ въ Москвѣ на *пушкинскихъ дняхъ*, въ прошломъ году, тотъ на всю жизнь сохранитъ о нихъ самое свѣтлое воспоминаніе. Похороны Достоевскаго вновь доказали, что русскіе образованные люди научились благоговѣть передъ великимъ дарованіемъ и честнымъ, страстнымъ сердцемъ. *Русская Мысль* еще при жизни Ѳедора Михайловича Достоевскаго заявляла, что по нѣкоторымъ вопросамъ мы не могли раздѣлять мнѣній знаменитаго писателя. Многіе относились къ публицистической дѣятельности автора «Преступленія и наказанія» прямо съ враждою; но уважали Достоевскаго всѣ. Торжество въ честь пятидесятилѣтней плодотворной дѣятельности Н. И. Пирогова, открытіе памятника Гоголю въ Нѣжинѣ и другія, менѣе значительныя, явленія въ своей совокупности представляютъ въ высшей степени поучительное и отрадное зрѣлище. Торжество разума, конечно, предвидится лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Наша наука еще не вышла изъ пеленокъ, по крайней мѣрѣ *общественныя* науки находятся въ младенческомъ возрастѣ. Наше искусство, послѣ блистательныхъ успѣховъ при Пушкинѣ, Глинкѣ и ихъ преемникахъ, находится въ застоѣ, кромѣ живописи, быть-можетъ. Драма и комедія, если исключить «Горе отъ ума», «Ревизора» и нѣкоторыя пьесы Островскаго, рѣдко выходитъ изъ уровня посредственности. Много причинъ обусловливаютъ такое печальное состояніе и много средствъ, при помощи которыхъ можно и должно ускорить выходъ изъ этого печальнаго состоянія. Конечно, первое и главное средство заключается въ правильной постановкѣ народнаго образованія и въ его широкомъ распространеніи.

Въ послѣднее время въ печати, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ газетъ, высказывается и доказывается мысль о томъ, что среднее и высшее образованіе должно получаться исключительно тѣми, у кого достанетъ на это средствъ. Государство,—говорятъ намъ,—не должно тратить трудовыхъ крестьянскихъ денегъ на доставленіе образованія въ гимназіяхъ и университетахъ. Въ этомъ видятъ великую несправедливость по отношенію къ народу. При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, это мнѣніе не выдерживаетъ критики.

Образованные люди необходимы народу. Безъ гимназій и университетовъ великое историческое государство не можетъ существовать, — противъ этого никто не будетъ спорить, по крайней мѣрѣ, открыто. Сдѣлать обязательнымъ среднее и высшее образованіе, разумѣется, невозможно;

но нельзя совершенно предоставить полученіе такого образованія желающимъ и имѣющимъ средства платить болѣе или менѣе значительныя суммы въ казенныя ли учебныя заведенія, или въ частныя. Извѣстно, что въ Россіи достигаетъ университетскихъ дверей большею частью бѣдная молодежь. Съ большими усиліями приходится ей оканчивать курсъ въ гимназіяхъ. Нерѣдко гимназистъ уже даетъ уроки, кормитъ себя, помогаетъ семьѣ. Съ переѣздомъ изъ провинціи въ университетскій городъ положеніе молодаго человѣка ухудшается: жизнь дороже, уроковъ найти трудно, другихъ занятій также. Университетъ освобождаетъ такихъ энергичныхъ и трудящихся студентовъ отъ платы за слушаніе лекцій. Поступить иначе было бы жестокостью. Народъ ничего не теряетъ при этомъ даже въ матеріальномъ отношеніи: со студента берется обязательство прослужить извѣстное число лѣтъ тамъ, куда назначитъ правительство. Само собою разумѣется, что подобныя назначенія всегда приходятся на глухія и отдаленныя мѣстности, въ которыя рѣдко кто согласится ѣхать добровольно. Съ другой стороны, загораживая дорогу въ университетъ бѣдной молодежи (а таково большинство учащихся), люди, какъ будто оберегающіе интересы народа, какъ будто возстающіе противъ созданія на его счетъ привилегированныхъ сословій, на самомъ дѣлѣ содѣйствуютъ этому созданію, монополизируя высшее и среднее образованіе въ рукахъ богатыхъ или, по крайней мѣрѣ, достаточныхъ классовъ общества. Если принять въ соображеніе ничтожную сумму, которую тратитъ государство на содержаніе среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, то опасеніе за обремененіе народа подобнаго рода расходами становится совершенно призрачнымъ. Если принять въ соображеніе глубокое невѣжество, въ которое погружена еще бо́льшая часть русскаго народа, то необходимость государственнаго содѣйствія при полученіи средняго и высшаго образованія явится безспорною. Въ самомъ дѣлѣ, нужны же государству инженеры, технологи, а откуда ихъ взять, если мало учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ? Народныхъ учителей въ начальныя школы должны учить люди, знающіе сами побольше этихъ учителей. Наконецъ, нужно ли доказывать великое значеніе университета? Для сокращенія государственныхъ расходовъ остается широкое поле, а народное образованіе—и, конечно, прежде всего народное въ тѣсномъ смыслѣ слова, то-есть начальное, въ сельскихъ школахъ—требуетъ увеличенія издержекъ, ни въ какомъ случаѣ не уменьшенія ихъ. Мы уже говорили о томъ, что въ гимназіяхъ нашихъ недостаетъ мѣста желающимъ туда поступить, что университеты вынуждены также отказывать въ пріемѣ слушателей, число которыхъ въ шести собственно русскихъ университетахъ не превышаетъ въ нынѣшнемъ году, по всей вѣроятности, пяти съ половиною тысячъ. Чтобы сравняться съ самою отсталою страной Германіи, съ Баваріей, намъ слѣдовало бы имѣть сорокъ тысячъ студентовъ. Наши университеты далеко не богаты учебными пособіями. Даже многія каѳедры—и ка-

ѳедры чрезвычайно важныя—по нѣскольку лѣтъ остаются незамѣщенными. Въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, въ Новороссійскомъ университетѣ нѣтъ профессоровъ по слѣдующимъ предметамъ: 1) философіи—съ 1876 года, 2) римской словесности—съ 1877 года, 3) сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ—съ 1874 года, 4) *исторіи всеобщей литературы—съ 1865 года*, 5) *энциклопедіи права—съ 1872 года*, 6) *международнаго права—съ 1865 года*, 7) церковному законовѣдѣнію—съ 1875 года, 8) агрономической химіи—съ 1879 года. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ преподаются, надо думать, доцентами, а другіе преподавателями. Послѣднихъ приглашено Одесскимъ университетомъ въ нынѣшнемъ году пять лицъ. Въ прочихъ университетахъ дѣло не такъ плохо, но также не вполнѣ удовлетворительно.

Къ счастію, на встрѣчу усиліямъ правительства, земства и частныхъ лицъ распространить образованіе въ странѣ подымается сильное теченіе изъ глубины народныхъ массъ. Кіевская газета *Трудъ* сообщаетъ, напримѣръ, слѣдующій отрадный фактъ: «Недавно въ селѣ Карпиловкѣ была совершена на мѣстѣ прилуцкимъ нотаріусомъ купчая крѣпость крестьянамъ, купившимъ у г. Троцины 1.115 десятинъ земли, по 90 руб. за десятину; совершеніе купчей обошлось крестьянамъ слишкомъ въ пять тысячъ рублей серебромъ. Землю эту крестьяне купили пять лѣтъ тому назадъ съ разсрочкою на 10 лѣтъ. Заплативши половину слѣдуемой съ нихъ за землю суммы, они пожелали совершить купчую крѣпость; уплату же остальныхъ денегъ г. Троцинѣ они обезпечили закладною, выданною Троцинѣ на эту землю. Когда купчая была совершена и подписана всѣми, тогда крестьяне отправились въ церковь и отслужили благодарственный молебенъ, причемъ священникъ сказалъ приличную случаю рѣчь. Послѣ молебна былъ устроенъ всѣми покупателями общій обѣдъ, на которомъ присутствовалъ и самъ г. Троцина. Крестьяне, оцѣнивая труды и заботы по этой покупкѣ своего однообщественника, крестьянина Артема Клочка, назначили ему въ вознагражденіе 500 рублей, отъ которыхъ Клочка тутъ же отказался и предложилъ на эти деньги, съ добавленіемъ еще потребнаго количества, устроить въ селѣ, хотя въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, общественную библіотеку, съ помѣщеніемъ для воскресныхъ и праздничныхъ чтеній. Мысль эту поддержалъ и развилъ мѣстный сельскій учитель, г. Мищенко, пользующійся особеннымъ расположеніемъ крестьянъ. На устройство библіотеки въ селѣ Карпиловкѣ всѣ присутствующіе тутъ же крестьяне изъявили полную свою готовность».

Въ виду подобнаго рода утѣшительныхъ явленій, въ виду сравнительно-быстраго роста нашего общественнаго самосознанія, надежда на то, что русская школа въ непродолжительномъ времени будетъ удовлетворять основнымъ требованіямъ педагогіи и гигіены, появляется даже у людей, вообще настроенныхъ пессимистически. Невозможными сдѣлаются вскорѣ училища, подобныя городскому Камышловскому, которое такъ опи-

сываетъ корреспондентъ *Екатеринбургской Недѣли*: «Зданіе училища—каменное, построено почти съ основанія города, около ста лѣтъ тому назадъ; полы и потолки до того сгнили, что каждую минуту можно опасаться ихъ паденія, несмотря на множество подпорокъ, особенно потолки, которые отъ тяжести земли и штукатурки повисли; полъ представляетъ не ровную поверхность, а просто мостовую, разбитую ненастною погодою; воздухъ до того тяжелъ, что всѣ жалуются на головную боль происходящую отъ того, что зданіе училища первоначально служило, какъ говорятъ старожилы, виннымъ подваломъ, вслѣдствіе чего подъ полами должно быть очень сыро. На улицѣ, около зданія, видны только слѣды когда-то существовавшихъ тротуаровъ, которые слѣдовало бы возобновить въ виду того, что улица расположена на низменной мѣстности и ея мостовая разбивается постоянно идущими обозами, почему грязь тутъ—всегда по колѣно. Входныя ворота во дворъ училища приняли отъ времени наклонное положеніе и ежеминутно грозятъ паденіемъ» (№ 30). Невозможными сдѣлаются «*порядки*», подобные тѣмъ, о которыхъ разсказываетъ николаевскій корреспондентъ *Порядка* (№ 238): «Въ мѣстномъ реальномъ училищѣ изъ 6-го класса въ нынѣшнемъ году выпущено было 50 человѣкъ. Изъ этого числа въ седьмой классъ, вслѣдствіе *недостаточности помѣщенія*, принимается только 16 человѣкъ. Родители остальныхъ 36 реалистовъ обратились съ прошеніемъ въ думу, которая отпускаетъ на содержаніе училища до $8^1/_2$ тысячъ рублей ежегодно. Дума,—говоритъ корреспондентъ,—отнеслась съ большимъ вниманіемъ къ этому дѣлу, но на первыхъ же порахъ оказалось, что поправить его не такъ-то легко. Весьма страннымъ представлялось уже то обстоятельство, что училищное начальство порѣшило уволить, «по недостатку помѣщенія», 34 ученика, не сдѣлавъ никакой попытки къ устраненію встрѣтившагося затрудненія въ помѣщеніи. Оно игнорировало даже училищный уставъ, по которому «изысканіе способовъ болѣе удобнаго размѣщенія училища» всецѣло отнесено къ вѣдѣнію попечительнаго совѣта. Такимъ образомъ, встрѣтивъ недостатокъ въ помѣщеніи, училищная администрація была обязана оповѣстить объ этомъ попечительный совѣтъ или думу и затѣмъ уже принять такія рѣшительныя мѣры, какъ увольненіе двухъ-третей учениковъ, лишь въ томъ случаѣ, еслибы ни съ той, ни съ другой стороны не было оказано никакой помощи. Но исправляющій должность директора училища заявилъ думѣ, что еслибы даже и имѣлось помѣщеніе, то увольняемыхъ учениковъ все-таки нельзя было бы принять въ училище, ибо нѣкоторые изъ нихъ «весьма часто уклонялись отъ исполненія установленныхъ дисциплинарныхъ правилъ и въ концѣ учебнаго года у этихъ мальчиковъ началъ проявляться тотъ духъ неуваженія къ законнымъ требованіямъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущенъ въ учебномъ заведеніи». Однако этимъ мальчикамъ, подпавшимъ подъ вліяніе пагубнаго духа, за поведеніе были поставлены отличныя отмѣтки, какъ свидѣтельствуетъ та же

корреспонденція. Стало быть «*духъ*» не вліялъ на поведеніе учениковъ; въ чемъ же онъ «*проявлялся?*» Черезъ три дня послѣ перваго отзыва исправляющій должность директора училища далъ другой,—во всѣхъ отношеніяхъ другой. «Въ этомъ отзывѣ, посланномъ въ дополненіе перваго, о «неблагонадежности» и «вредномъ духѣ» уже не упоминалось, а подробно высчитывалось, что по недостатку помѣщенія отказывается въ пріемѣ всего 5 ученикамъ, остальные же либо сами не хотятъ поступать въ училище, либо не имѣютъ на то права по отмѣткамъ, полученнымъ ими по черченію и рисованію».

Естественно, что подобный образъ дѣйствія лицъ, поставленныхъ во главѣ учебныхъ заведеній, возбуждаетъ справедливое неудовольствіе родителей, какъ людей сильно и непосредственно заинтересованныхъ, и всего общества. Еслибы даже (чего въ настоящемъ случаѣ, на основаніи самоотреченія исправляющаго должность директора, вовсе не было) въ школѣ и дѣйствительно проявился духъ неуваженія къ законнымъ требованіямъ педагогическаго совѣта и отдѣльныхъ учителей, то *воспитатели* должны бороться съ этимъ зломъ. *Къ концу учебнаго года* началъ проявляться духъ, а потому необходимо закрыть передъ мальчиками двери учебнаго заведенія!... Но вѣдь въ появленіи *духа* отчасти виновата и сама школа; оказывать же нравственное вліяніе она можетъ и должна не репрессивными, конечно, мѣрами, не устраненіемъ себя отъ отвѣтственности за своихъ питомцевъ.

Чего именно желаетъ русское общество отъ среднихъ учебныхъ заведеній, какія преобразованія въ ихъ устройствѣ оно встрѣтило бы съ особеннымъ сочувствіемъ, объ этомъ мы уже много разъ говорили. Но, конечно, нельзя утверждать съ полною достовѣрностью, что таковы желанія несомнѣннаго большинства, едва ли не всего общества, за немногими исключеніями. Мы наблюдаемъ вокругъ себя, сопоставляемъ наши данныя съ наблюденіями другихъ, съ отзывами и свѣдѣніями повременной печати, и приходимъ къ извѣстнымъ заключеніямъ. Наиболѣе важными доказательствами справедливости этихъ заключеній служатъ постановленія губернскихъ земствъ и городскихъ думъ, въ которыхъ прямо выражаются опредѣленныя стремленія достигнуть тѣхъ или иныхъ измѣненій въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Но такихъ постановленій относительно немного. Гораздо яснѣе взглядъ общества на потребности начальной народной школы. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ длинный рядъ земскихъ ходатайствъ, докладовъ и заключеній. Лѣтомъ нынѣшняго года херсонское земское собраніе (губернское) обратилось къ правительству съ ходатайствомъ, въ которомъ заключаются основныя желанія многихъ земствъ, вслѣдствіе чего мы и приведемъ его на страницахъ *Русской Мысли*. Херсонское губернское земское собраніе проситъ:

1. О разрѣшеніи земству имѣть своихъ инспекторовъ надъ народными школами для наблюденія не только надъ матеріальною ихъ частью, но и за всѣми ихъ нуждами и потребностями.

2. О разрѣшеніи земству избирать членовъ въ уѣзные училищные совѣты въ двойномъ числѣ и не изъ однихъ гласныхъ, а вообще изъ всѣхъ мѣстныхъ жителей, съ возстановленіемъ силы Положенія 1864 г., по которому попечители земскихъ школъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могли входить въ число членовъ училищныхъ совѣтовъ.

3. Объ увеличеніи курса учительскихъ семинарій внесеніемъ въ программу преподаванія ихъ гигіены, сельско-хозяйственныхъ знаній и краткаго, но яснаго знакомства съ законоположеніями о крестьянскомъ самоуправленіи.

4. Объ измѣненіи редакціи 15 ст. Положенія о народныхъ училищахъ, замѣнивъ въ ней слова: «начальныя народныя училища» словами: «учителя сельскихъ школъ».

5. О дозволеніи земству вводить въ число предметовъ преподаванія народной школы и другіе предметы, наприм.—отчизновѣдѣніе, краткое понятіе о гигіенѣ, русской исторіи и т. д., а также о преподаваніи закона Божія учителями и учительницами тамъ, гдѣ или нѣтъ священника, или же послѣдніе затрудняются почему-либо посѣщать школу.

6. О дополненіи ст. 4 Положенія о народныхъ училищахъ примѣчаніемъ о томъ, что объясненіе уроковъ, въ особенности при наглядномъ обученіи, можетъ быть дѣлаемо и на мѣстномъ языкѣ.

7. О дозволеніи членамъ училищныхъ совѣтовъ и попечителямъ школъ пріобрѣтать непосредственно дозволенныя книги и снабжать ими школы.

8. Объ установленіи такого порядка, чтобы лица, имѣющія право на званіе учителей и учительницъ, допускаемы были на мѣста съ разрѣшенія училищнаго совѣта, членомъ котораго состоитъ инспекторъ, а разъ уже утвержденные училищнымъ совѣтомъ могли быть переводимы съ мѣста на мѣсто безъ установленныхъ нынѣ формальностей, при чемъ вмѣшательство инспектора въ дѣло назначенія и перевода ихъ должно быть устранено—и

9. О предоставленіи земскимъ преподавателямъ тѣхъ же правъ государственной службы, которыми пользуются земскіе врачи и нѣкоторыя другія служащія въ земствѣ лица.

Седьмой пунктъ этого ходатайства получаетъ удовлетвореніе, благодаря циркуляру г. министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ. Баронъ Николаи, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, призналъ возможнымъ «предоставить земскимъ учрежденіямъ право: въ школы, содержимыя на счетъ или при участіи земствъ—отсылать непосредственно отъ себя книги и учебныя пособія изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для начальныхъ училищъ, съ тѣмъ чтобы книги, учебныя руководства и пособія, предназначенныя для того или другаго училища, были доставляемы въ оное при особой бумагѣ отъ подлежащей управы на имя учителя сего училища, съ приложеніемъ требуемаго упомянутымъ циркуляромъ списка книгъ, скрѣп-

ленныхъ предсѣдателемъ или членомъ управы, по принадлежности». Остается пожелать, чтобы былъ пересмотрѣнъ и значительно пополненъ списокъ книгъ, разрѣшенныхъ для училищныхъ библіотекъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Но за стремленіемъ удовлетворить духовнымъ потребностямъ народа не слѣдуетъ, конечно, забывать его хозяйственныхъ нуждъ. Что въ этомъ послѣднемъ отношеніи правительству и земству предстоитъ чрезвычайно много дѣла, — извѣстно каждому читателю каждаго повременнаго изданія. Правительство и органы нашего самоуправленія уже принимаютъ мѣры для борьбы съ возрастающимъ зломъ. Такъ, нищенство, все болѣе и болѣе усиливающееся въ предѣлахъ Имперіи, давно обратило на себя вниманіе власти. Петербургскія газеты сообщаютъ, что недавно происходило засѣданіе коммиссіи, учрежденной нѣсколько лѣтъ тому назадъ для обсужденія вопроса о призрѣніи нищихъ въ сельскихъ и городскихъ обществахъ и способовъ призрѣнія лицъ, не приписанныхъ ни къ какимъ обществамъ. Коммиссія эта, состоящая подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Веселкина и составленная изъ представителей отъ всѣхъ министерствъ и вѣдомствъ, прежде всего сочла нужнымъ собрать свѣдѣнія по 23-мъ вопросамъ, которые тогда же были сообщены всѣмъ губернаторамъ и градоначальникамъ. Изъ 54-хъ губерній, 9-ти областей и 8-ми городовъ въ настоящее время представлены свѣдѣнія и соображенія. Амурская, Якутская, Сыръ-Дарьинская и Ферганская области и 9 губерній не доставили отвѣтовъ на предложенные имъ вопросы. Общее число нищихъ въ мѣстностяхъ, изъ которыхъ получены статистическія данныя, достигаетъ 293.445 человѣкъ обоего пола и всѣхъ сословій. Дворянъ-нищихъ считается 3.235, духовнаго званія—3.491, купеческаго сословія—20, мѣщанъ—43.434, крестьянъ—181.932, отставныхъ нижнихъ чиновъ и ихъ семействъ — 11.343 и разныхъ несословныхъ наименованій—35.039. Въ эту послѣднюю категорію, между прочимъ, включены: отставные гражданскіе чиновники, евреи въ губерніяхъ царства Польскаго, киргизы и казаки въ восточныхъ областяхъ и ссыльнопоселенцы въ Сибири. Изъ общаго числа нищихъ наибольшая цифра приходится на городъ Москву (25¾ тысячъ), губерніи: Лифляндскую (16 тысячъ), Курляндскую и Московскую (по 15 тысячъ), городъ Варшаву (14 тысячъ), губерніи Нижегородскую и Вятскую (по 10 тысячъ). По сословіямъ наибольшій контингентъ нищихъ изъ дворянъ представляетъ Москва. Изъ общаго числа нищихъ существуютъ подаяніемъ 185.232 и призрѣніемъ 102.752. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что губернія Эстляндская и гор. Севастополь призрѣваютъ всѣхъ своихъ нищихъ, такъ что просящихъ подаянія въ нихъ вовсе нѣтъ, а гор. Варшава и губерніи Лифляндская и Курляндская призрѣваютъ всѣхъ нищихъ, за небольшими исключеніями. Если предположить, что въ губерніяхъ и областяхъ, не давшихъ отвѣта на вопросъ коммиссіи, отношеніе нищихъ къ числу населенія приблизительно такое же, то общее число

нищихъ въ Имперіи, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, достигаетъ 350.000 человѣкъ. Цифра эта ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выше дѣйствительной; наоборотъ, она, по всей вѣроятности, значительно меньше ея. Четыреста тысячъ, а пожалуй и полмилліона, нищихъ тяжелымъ бременемъ ложатся на народъ. Комиссія признала неудовлетворительность существующихъ учрежденій для призрѣнія неимущихъ. Она рѣшилась привести, въ возможно-непродолжительномъ времени, свои работы къ окончанію и представить законопроектъ новаго положенія. Въ принципѣ комиссія полагаетъ, что призрѣніе бѣдныхъ должно взять въ свои руки само общество.

Если безсословная волость или мелкая земская единица, вопросомъ о которой такъ много занимались земство и печать, будетъ на самомъ дѣлѣ учреждена, то призрѣніе бѣдныхъ станетъ одною изъ прямыхъ ея обязанностей. Во всякомъ случаѣ, комиссія, до извѣстной степени выражающая взгляды нашего правительства, видимо склоняется къ системѣ призрѣнія бѣдныхъ, сходной съ англійскою. Требованія жизни въ настоящее время заставляютъ измѣнить мнѣніе о знаменитомъ законѣ королевы Елизаветы, въ которомъ многіе до сихъ поръ видятъ одну изъ главныхъ причинъ сильнаго развитія пролетаріата въ Англіи. Не одни требованія христіанской нравственности, но и благоразуміе заставляетъ государство и общество обезпечить, до извѣстной степени, заработокъ нуждающейся въ хлѣбѣ и въ трудѣ части населенія. Объ участи народа, о необходимости позаботиться, чтобъ его силы не пропадали даромъ, говоритъ вся русская печать. Нѣтъ основаній предполагать, въ большинствѣ случаевъ, неискренность, разсчетъ въ подобнаго рода заявленіяхъ. И надо имѣть слишкомъ много самомнѣнія, чтобы называть большую часть нашихъ повременныхъ изданій лже-либеральными, какъ дѣлаетъ это газета *Русь*. Пора бы бросить упражненія съ этою несчастною приставкой, которая, къ тому же, можетъ быть весьма удобно обращена противъ самой *Руси*. Вѣдь истинные христіане должны прощать и любить даже явныхъ враговъ, даже мучителей своихъ, а со страницъ *Руси* не сходятъ бранныя и оскорбительныя выраженія и издѣвательства надъ людьми, имѣющими иные взгляды на потребности русскаго общества и на средства для удовлетворенія этихъ потребностей. Редакція газеты *Русь* является, слѣдовательно, лже-христіанскою редакціей.

Досталось и *Русской Мысли* отъ этой воинственной газеты. Составитель внутренняго обозрѣнія зачисленъ въ разрядъ людей, не соглашающихся съ *Русью «по недомыслію»*. Мнѣ высокомѣрно даются совѣты подумать хорошенько, за что я стою. Журналъ *Русская Мысль* называется «страннымъ», а мнѣнія составителя этого обозрѣнія—*слишкомъ наивными*.

Наше главное преступленіе заключается въ томъ, что мы стоимъ за *интеллигенцію*, а интеллигенцію, будто бы, по затаеннымъ убѣжденіямъ или открыто заявленнымъ взглядамъ либеральной печати, составляютъ

люди школьной науки, die Literaten, *не связанные съ землей никакими имущественными узами*, и т. д. Вотъ эти-то люди, они же и лже-либералы, по выраженію *Руси*, въ сущности и хотятъ *командовать* надъ народомъ.

Можетъ-быть такихъ людей въ дѣйствительности и не мало; но только при чемъ же тутъ *Русская Мысль* и составитель ея внутренняго обозрѣнія? Конечно, газ. *Русь* не въ состояніи указать ни одного мѣста ни въ одной моей статьѣ, которое дозволяло бы зачислить меня въ разрядъ людей, желающихъ *командовать* надъ народомъ. Но мы не можемъ согласиться съ опредѣленіемъ слова *интеллигенція*, даваемымъ *Русью*. Мы не можемъ признать *интеллигенціей* всякаго человѣка *съ разумѣніемъ*, какъ дѣлаетъ это почтенная газета. По нашему мнѣнію, кромѣ ума и вообще природныхъ дарованій, интеллигентный человѣкъ долженъ быть еще образованнымъ человѣкомъ. Напрасно *Русь* навязываетъ намъ странный взглядъ на задачи интеллигенціи. Въ прошломъ году мы много разъ ясно высказывали свое мнѣніе по поводу толковъ объ интеллигенціи (напримѣръ, во внутреннемъ обозрѣніи августовской, сентябрьской и ноябрьской книжекъ *Русской Мысли* 1880 г.).

Насъ удивляетъ поэтому категорическое заявленіе г. Е. Маркова, въ *Русской Рѣчи*, не менѣе рѣшительно повторяемое и И. С. Аксаковымъ, что *Русская Мысль* перемѣнила свое первоначальное, *московское* направленіе. Признаться, мы не понимаемъ, что такое *московское* направленіе. Мы приведемъ сейчасъ нѣсколько выдержекъ изъ программы внутренняго обозрѣнія, которая была предпослана первой книжкѣ *Русской Мысли* въ первый годъ ея изданія, и попросимъ указать намъ, когда и гдѣ составитель внутренняго обозрѣнія (а вѣдь въ немъ, главнымъ образомъ, выражается *направленіе* журнала) отступалъ отъ разъ высказанныхъ основныхъ началъ.

«Первое мѣсто во внутреннемъ обозрѣніи *Русской Мысли*,—говорили мы,—отведено народу, съ его стремленіями, съ его потребностями, съ его страданіями, горькою нуждою и ужасающимъ невѣжествомъ. Стоя на народной почвѣ, мы далеки отъ мысли преклониться передъ *всѣмъ народнымъ* безъ исключенія. Съ національными недостатками русскаго человѣка нельзя примириться,—бороться съ ними лежитъ на обязанности каждаго публициста и каждаго образованнаго человѣка». Нѣсколькими строками далѣе у насъ было сказано: «Неустанною тяжелою работой русскаго мужика создано великое государство, стянуты подъ единую верховную власть сотни тысячъ квадратныхъ миль. Пора государству поработать на мужика. *А для этого власти необходимо опереться на здоровыя силы русской интеллигенціи*».

Мы говорили въ той же книжкѣ *Русской Мысли*, что между народомъ и интеллигенціей нѣтъ разрыва, а существуетъ только взаимное непониманіе. Распространеніе образованія въ народныхъ массахъ и изученіе

народнаго быта въ недалекомъ будущемъ поведутъ къ тому, думали мы тогда и думаемъ теперь, что «наша общественная наука и наша печать явятся лучшими выразительницами лучшихъ стремленій народа».

Съ первой же книжки *Русской Мысли* мы ясно высказались за необходимость дальнѣйшаго развитія нашихъ земскихъ и городскихъ учрежденій. Мы привели тогда слова Сперанскаго и съ удовольствіемъ повторяемъ ихъ: «Учрежденія безъ людей тщетны, но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ».

Мы не отступали отъ взглядовъ, которые высказывали въ январѣ 1880 года, хотя, быть-можетъ, и сдѣлали нѣсколько промаховъ и защищали свои мнѣнія съ недостаточнымъ умѣньемъ. Но отъ нѣкоторыхъ промаховъ, думается намъ, не свободенъ даже И. С. Аксаковъ. По крайней мѣрѣ догматъ его непогрѣшимости не принятъ окончательно въ русской журналистикѣ. Мы обратимъ вниманіе газеты *Русь* на слѣдующія слова второй передовой статьи въ № 42: «Для дарованія столь необходимаго намъ, для нашего развитія, простора слову, нужно бы, кажется, прежде всего отнять у печати тотъ незаконный «престижъ» или авторитетъ, какимъ она пользуется въ глазахъ народа и который ее только компрометтируетъ; возвратить печати ея настоящее значеніе—вольныхъ, частныхъ, *не* оффиціальныхъ и *не* оффиціозныхъ рѣчей,—короче, необходимо *дискредитировать* въ его понятіяхъ печать. Это всего лучше достигается, думаемъ мы, такимъ заявленіемъ правительства, что оно *отвѣчаетъ* только за такіе-то органы, а всѣ прочія періодическія изданія—любо—слушай, не любо—не слушай: есть изъ нихъ и хорошія, и дурныя, одни толкуютъ дѣло, другія брешутъ (очень остроумно); но да будетъ вѣдомо, что выражать правительственную мысль и волю они не уполномочены, говорятъ отъ себя и на свой страхъ, а мысль и волю свою правительство высказываетъ въ *своихъ* изданіяхъ». *Русь* полагаетъ, что только тогда, «когда правительство освободитъ себя въ народномъ пониманіи отъ отвѣтственности за печать,—можетъ оно даровать (повторяемъ: въ предѣлахъ существующихъ и во всѣхъ такъ-называемыхъ цивилизованныхъ государствахъ) тотъ просторъ слову, который такъ намъ желателенъ и такъ нуженъ». О какихъ именно предѣлахъ для печатнаго слова говоритъ газета? Выше въ той же статьѣ было сказано: «*мы также желали бы освободить* (sic) нашу свѣтскую печать отъ правительственной отвѣтственности за нее въ глазахъ народа,—разумѣется, до извѣстныхъ предѣловъ: свобода слова не значитъ, напримѣръ, свобода сквернословія» и т. д.

Вопросъ о «свободѣ сквернословія» мы, конечно, совершенно устраняемъ; но что означаютъ эти загадочныя: *и такъ далѣе*? Сопоставьте ихъ съ ссылкою на ограниченія печати, существующія во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ. Эта ссылка отличается, прежде всего, крайнею неопредѣленностью, ибо западно-европейскія государства сильно разнятся

своими законами о печати. Затѣмъ она свидѣтельствуетъ, что наша самобытная *свобода мнѣнія*, противопоставляемая *свободѣ власти*, должна быть такою же, какъ и у другихъ европейскихъ народовъ. При подобномъ толкованіи одной неразрывной половины мысли логичнѣе истолковывать и вторую половину такимъ же образомъ. Мы полагали, что свободу печати И. С. Аксаковъ понималъ прежде значительно шире. Еще недавно онъ говорилъ, напримѣръ: «Стѣсненія печати заграждаютъ устa только честнымъ писателямъ, но никогда не останавливали и не остановятъ лукаваго слова; напротивъ, только придаютъ ему фальшивую цѣнность запрещеннаго плода или контрабанды. Отнимите же у него эту мнимую цѣнность». Въ запискѣ К. С. Аксакова, напечатанной въ *Руси*, мы также видѣли нѣсколько иной, болѣе широкій взглядъ на свободу мнѣнія. Въ стихотвореніи К. С. Аксакова говорилось, что

«Кто слово, даръ Божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной,
Путь рабства преступный укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь,
Въ тебѣ-жь и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

Быть-можетъ, мы ошибаемся, и г. Аксаковъ съ самаго начала хотѣлъ выразить то же самое, что выражаетъ онъ въ № 42 *Руси*. Мы были бы довольны, еслибы было осуществлено желаніе почтеннаго редактора этой газеты освободить свѣтскую русскую печать въ предѣлахъ законодательства любаго изъ европейскихъ государствъ (за исключеніемъ Турціи, гдѣ *формальностей* не существуетъ). Это было бы тѣмъ болѣе легко въ настоящее время, что правительство уже имѣетъ *свое* повременное изданіе—*Сельскій Правительственный Вѣстникъ*, которому мы отъ души желаемъ удержаться на подобающей ему высотѣ и стать дѣйствительно полезною для народа газетою. Само собою разумѣется, дѣло идетъ не о безнаказанности преступленій и проступковъ, совершенныхъ путемъ печати, а объ отвѣтственности за нихъ на точномъ основаніи закона и по суду. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года составляютъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ и благодѣтельныхъ законодательныхъ памятниковъ прошлаго царствованія, и только позднѣйшія дополненія и измѣненія портятъ организацію у насъ правосудія. *Русскія Вѣдомости*, напоминая о ходатайствѣ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и лицъ судебнаго вѣдомства о наименованіи Судебныхъ Уставовъ—«Уставами Императора Александра Николаевича», говорятъ: «Затаенный мотивъ этого ходатайства не трудно угадать. Судебные Уставы, знаменующіе великій шагъ русскаго правосознанія, служили и продолжаютъ служить мишенью для нападенія враговъ русской свободы и прогресса. Соединеніемъ имени Александра II съ однимъ изъ величайшихъ актовъ его царствованія предполагалось воздать,

«съ одной стороны, достойному достойное, а съ другой—поставить дорогія для русскаго народа судебныя учрежденія подъ высокій патронатъ ихъ незабвеннаго Основателя и оградить отъ дальнѣйшей ломки».

Но не получится ли,—спрашиваетъ газета,—странная смѣсь, если механически связать Судебные Уставы съ противными ихъ духу позднѣйшими узаконеніями? Не говоря уже о требованіяхъ логики, будетъ ли достойнымъ памятникомъ Царя, насадившаго правый судъ, такое изданіе Судебныхъ Уставовъ, въ которомъ рядомъ съ законоположеніями объ учрежденіи юридически образованныхъ судей, независимыхъ судебныхъ слѣдователей, свободно избранныхъ мировыхъ судей, свободной защиты суда общественной совѣсти—встрѣчались бы послѣдующія постановленія: о пониженіи образовательнаго ценза для судей, о стѣсненіи компетенціи суда присяжныхъ, о воспрещеніи открытія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, о подчиненіи избранія судей контролю администраціи и прочія нововведенія временъ печальной памяти министерства гр. Палена?

Для разсмотрѣнія ходатайства московскихъ судей и присяжныхъ повѣренныхъ учреждена особая коммиссія, которой можно пожелать лишь быстроты въ работѣ и благопріятнаго отношенія къ упомянутому ходатайству. Впрочемъ, правительственныя коммиссіи въ послѣднее время обнаруживаютъ нѣкоторые признаки жизни, а вызовъ въ важнѣйшія изъ нихъ такъ-называемыхъ свѣдущихъ людей, земцевъ и лицъ, отличающихся спеціальными познаніями, представляетъ важную по своимъ послѣдствіямъ полумѣру. Упомянемъ еще объ одномъ правительственномъ рѣшеніи или, по крайней мѣрѣ, предположеніи. Газета *Порядокъ* сообщила, что вопросъ о передачѣ въ вѣдѣніе земства организаціи борьбы противъ распространенія заразныхъ болѣзней скота уже рѣшенъ окончательно въ медицинскомъ департаментѣ. Петербургская губернская земская управа заявила между прочимъ департаменту, что она будетъ считать себя безсильной въ борьбѣ съ эпизоотіями до тѣхъ поръ, пока завѣдываніе мѣрами противъ распространенія ихъ будетъ возложено лишь на одно земство Петербургской губерніи. Интересы въ этомъ отношеніи нѣсколькихъ губерній (Новгородской, С.-Петербургской, Псковской) такъ тѣсно связаны, что только при полной солидарности смежныхъ губерній и при общности мѣръ возможно ожидать благопріятныхъ результатовъ.

Начальникъ медицинскаго департамента, г. Мамоновъ, вполнѣ согласился съ мнѣніемъ земства. Губернская управа вслѣдствіе этого возбудила ходатайство предъ высшимъ правительствомъ о разрѣшеніи созвать съѣздъ изъ представителей земскаго самоуправленія и ветеринаріи всѣхъ сѣверныхъ губерній съ цѣлью совмѣстнаго обсужденія необходимыхъ мѣропріятій противъ распространенія эпизоотій. Съѣздъ этотъ въ принципѣ уже разрѣшенъ и состоится осенью текущаго года. Напомнимъ читателямъ, что тверское земство давно ходатайствовало о подобномъ съѣздѣ, но получило отказъ. Мы замѣчали въ августовскомъ внутреннемъ обозрѣ-

нiи, что правительство въ скоромъ времени должно убѣдиться въ цѣлесообразности съѣздовъ подобнаго рода, и наше предположеніе, повидимому, оправдывается.

Въ то время, когда мы оканчивали это внутреннее обозрѣніе, въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появился чрезвычайно важный актъ: *Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія*. Читатели *Русской Мысли*, конечно, познакомились уже изъ газетъ съ этимъ *Положеніемъ*. Оно систематизируетъ всѣ доселѣ принимавшіяся чрезвычайныя мѣры, даетъ имъ болѣе точныя опредѣленія и болѣе широкое распространеніе. Административная ссылка узаконяется *Положеніемъ*, какъ одно изъ главныхъ средствъ къ водворенію разъ нарушеннаго нормальнаго состоянія. Но для высылки какого-либо неблагонамѣреннаго, хотя и непреступнаго, человѣка подлежащая власть должна сообщать министру внутреннихъ дѣлъ. Сообщенія или представленія подобнаго рода разсматриваются особымъ совѣщаніемъ, состоящимъ изъ двухъ членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и двухъ отъ министерства юстиціи, подъ предсѣдательствомъ одного изъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ. Но предназначенное къ административной высылкѣ лицо можетъ быть подвергнуто мѣстною властью предварительному заключенію. При такъ-называемой *усиленной охранѣ* (маломъ осадномъ положеніи) администраціи разрѣшается запрещать даже частныя собранія. Въ видахъ устраненія поводовъ къ возбужденію умовъ, генералъ-губернаторы (въ неподчиненныхъ имъ губерніяхъ—министръ внутреннихъ дѣлъ) имѣютъ право требовать разсмотрѣнія при закрытыхъ дверяхъ всѣхъ судебныхъ дѣлъ. Правила *чрезвычайной охраны* (большаго осаднаго положенія) еще болѣе, конечно, усиливаютъ власть администраціи. Въ состояніи *усиленной охраны* объявлены губерніи: С.-Петербургская, Московская, Харьковская, Полтавская, Черниговская, Кіевская, Волынская, Подольская, Херсонская и Бессарабская; уѣзды: Симферопольскій, Евпаторійскій, Ялтинскій, Ѳеодосійскій, Перекопскій и городъ Бердянскъ, Таврической губерніи; кромѣ того городъ Воронежъ съ уѣздомъ, Ростовъ на Дону, Маріуполь, Одесское, Таганрогское и Керчь-Эникольское градоначальства. На всѣ прочія мѣстности Россійской имперіи распространяется дѣйствіе статей 28, 29, 30 и 31 новаго *Положенія*. Статьи эти гласятъ слѣдующее:

28) Одновременно съ объявленіемъ какой-либо мѣстности въ одномъ изъ видовъ исключительнаго положенія, могутъ быть введены, по особымъ каждый разъ указаніямъ Высочайше утвержденнаго Положенія комитета министровъ, въ нѣкоторыхъ, точно опредѣленныхъ, смежныхъ губерніяхъ и областяхъ, или даже во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ государства, слѣдующія правила: 29) Мѣстнымъ начальникамъ полиціи, а также начальникамъ жандармскихъ управленій и ихъ помощникамъ, предоставляется: подвергать лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности

къ противозаконнымъ обществамъ, предварительному аресту, на срокъ не болѣе семи дней, и производить у такихъ лицъ обыски и выемки. Примѣчаніе. О всякомъ заарестованіи и освобожденіи отъ онаго чины полиціи и жандармскаго корпуса составляютъ немедленно надлежащее постановленіе, копію съ котораго сообщаютъ лицу прокурорскаго надзора, безотлагательно донося о заарестованіи мѣстному губернатору или градоначальнику. 30) Губернаторамъ и градоначальникамъ присвоиваются права, указанныя въ ст. 20-й сего «Положенія». 31) Министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, предоставляется за преступленія государственныя, а также за вооруженное сопротивленіе властямъ, отъ правительства установленнымъ, или нападеніе на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ, при исполненіи ими обязанностей службы, или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ и увѣчій, тяжкихъ побоевъ, или поджогомъ,—предавать военному суду лицъ гражданскаго вѣдомства, для сужденія ихъ по законамъ военнаго времени и опредѣленія виновнымъ наказанія, установленнаго ст. 279-ю Воинск. Устава о наказаніяхъ, изданія 1879 года.—Статья 20, на которую сдѣлана ссылка въ ст. 30, говоритъ, что дѣйствіе ст. 511, томъ II, част. I, изданіе 1876 г., распространяется, въ предѣлахъ мѣстностей, объявленныхъ въ Положеніи усиленной охраны, на замѣщеніе всѣхъ вообще должностей по земскимъ, городскимъ и судебно-мировымъ установленіямъ, утвержденіе въ каковыхъ должностяхъ не постановлено дѣйствующимъ закономъ въ прямую зависимость отъ губернаторовъ или градоначальниковъ и министра внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ чтобы, независимо отъ сего, по требованію губернатора или градоначальника, были немедленно удаляемы отъ должностей по упомянутымъ установленіямъ всѣ тѣ лица, которыя признаны будутъ неблагонадежными въ силу ст. 494-й т. II, ч. 1-й. Правило это не распространяется, однако, на мировыхъ судей и лицъ, служащихъ въ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденіяхъ по выборамъ.

Общій характеръ новаго *Положенія* заключается въ чрезвычайномъ усиленіи власти администраціи. Но въ Высочайшемъ указѣ правительствующему сенату сказаны слѣдующія многознаменательныя слова: «Незыблемость основныхъ началъ великихъ преобразованій минувшаго царствованія, а равно правильное и спокойное дѣйствіе учрежденій, на твердомъ основаніи общихъ законовъ установленныхъ, составляютъ наиболѣе прочный залогъ благоденствія и преуспѣянія дорогаго нашего отечества».

Естественнымъ и горячимъ желаніемъ, чтобъ этотъ наиболѣе прочный залогъ нашего благоденствія и преуспѣянія упразднилъ собою всѣ чрезвычайныя мѣры, мы и заключимъ на нынѣшній разъ свое обозрѣніе.

В. Г.

II.

По поводу закона 14 августа.

10-го сентября обнародовано Высочайше утвержденное 14 августа Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, принятіе каковыхъ мѣръ объясняется «печальною необходимостью», въ виду «прискорбныхъ событій и смутъ въ государствѣ».

Говорить объ этомъ Положеніи было бы совершенно излишне, потому что о сущности обнародованныхъ нынѣ мѣръ такъ давно и такъ много было говорено въ печати и такъ часто шли толки въ обществѣ, что теперь ничего новаго сказать нельзя. Да и къ чему тутъ слова, рѣчи, толки, разсужденія, когда мы пережили всѣ эти мѣры, глубоко прочувствовали и выстрадали ихъ? Во всемъ новомъ законѣ, въ сущности, нѣтъ почти ничего новаго, ничего такого, что бы существеннымъ образомъ, въ томъ или другомъ направленіи, измѣняло настоящее наше положеніе. Онъ представляетъ собою не болѣе какъ кодексъ мѣръ, которыя, начиная съ 1878 года, принимались правительствомъ для борьбы съ крамолою. Большинство нынѣ кодифицированныхъ мѣръ были изданы въ 1878—1879 годахъ, въ видахъ противодѣйствія распространенію крамолы посредствомъ устрашающаго воздѣйствія на общество. Въ свое время онѣ произвели на общество извѣстное дѣйствіе, память о которомъ ни въ комъ не изгладилась. Значитъ, и въ настоящее время онѣ должны произвести точно такое же дѣйствіе на общество, но только въ болѣе слабой степени, потому что общество уже успѣло привыкнуть къ нимъ. Собственно говоря, новостью для общества является только одно въ Положеніи 14 августа. Нѣкоторые законы о чрезвычайныхъ мѣрахъ, изданные въ 1878 и 1879 годахъ, въ свое время не были обнародованы. Тогда правительство держало ихъ въ секретѣ отъ общества, какъ будто изъ скромности набрасывало на нихъ покрывало. Правда, это покрывало было очень прозрачное, сдѣланное изъ самой тонкой и легкой ткани, сквозь которую безъ труда проникалъ глазъ, но все-таки покрывало было. А теперь покрывало сорвано и чрезвычайные законы въ первый разъ явились передъ глазами общества во всей своей наготѣ. Но отъ этого дѣло нисколько не измѣняется. Сущность обнародованныхъ нынѣ чрезвычайныхъ мѣръ остается та же самая и весь вопросъ сводится только къ тому, какъ будутъ примѣняться эти мѣры. Мы знаемъ, что въ 1878 и 1879 годахъ онѣ примѣнялись строго, а затѣмъ въ теченіе 1880 и 1881 годовъ послѣдовало ослабленіе строгости. Ясное дѣло, что если Положеніе 14 августа будетъ примѣняться на практикѣ точно такъ же, какъ въ теченіе 1880 и 1881 годовъ исполнялись законы, вошедшіе въ составъ Положенія, то не произойдетъ ни малѣйшаго измѣненія въ теперешнемъ положеніи дѣлъ; если же новый законъ будетъ примѣняемъ съ такою же строгостью, какъ въ 1878 и 1879 годахъ, тогда мы только возвратимся къ прежнему, пере-

житому нами, положенію,—опять ничего новаго для насъ нѣтъ. Можетъ-быть скажутъ, что теперь чрезвычайныя мѣры будутъ примѣняться еще строже, чѣмъ въ 1878 и 1879 годахъ? Но мы сильно сомнѣваемся въ возможности такой строгости, не потому, чтобы не достало въ комъ слѣдуетъ желанія или энергіи быть строгимъ, а просто потому, что строгости 1878 и 1879 годовъ были крайними строгостями, дальше которыхъ идти уже некуда. Но болѣе всего вселяютъ надежду слова Государя Императора о томъ, что чрезвычайныя мѣры «вызваны печальною необходимостью» только «на время» и что обращено вниманіе на то, чтобъ онѣ «не подвергали излишнему отягощенію законные интересы вѣрнаго престолу населенія».

Вотъ почему мы отказываемся отъ мысли разсматривать Положеніе 14 августа по существу. Если мы заговорили о немъ, то только затѣмъ, чтобъ обратить вниманіе читателей, какъ отнеслась наша періодическая печать къ новому Положенію. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ одна газета, разбирая Положеніе 14 августа: «Насъ утѣшаетъ въ отношеніи столь обширныхъ полномочій мѣстной администраціи лишь то, что въ Высочайшемъ указѣ не упомянуто ни объ одной мѣстности, которая бы нынѣ объявлена была на положеніи охраны *чрезвычайной*. Итакъ, положеніе объ охранѣ чрезвычайной въ настоящее время остается непримѣненнымъ къ какимъ-либо мѣстностямъ Россіи, остается пока на бумагѣ, въ видѣ предваренія на случай могущихъ возникнуть серьезныхъ безпорядковъ. Нельзя этому не порадоваться». Намъ кажется, что если мы загадаемъ читателю загадку: изъ какой газеты мы сдѣлали приведенную выписку, — онъ навѣрное, подумавши, скажетъ, что мы привели разсужденія Ивана Аксакова изъ консервативной *Руси*.—Анъ, вотъ, вы и не угадали: это говоритъ Леонидъ Полонскій въ *Странѣ*, которая такъ недавно возбуждала чуть не ужасъ своими смѣлыми словами, такъ что боязливые и непонимающіе люди наклеили ей на лобъ ярлыкъ съ надписью *радикализмъ* (!?).

Теперь мы просимъ читателя угадать, откуда дѣлаются нами слѣдующія выписки: «Съ облегченнымъ сердцемъ беремся мы сегодня за перо. Насталъ, наконецъ, давно ожидаемый моментъ, когда Россія можетъ вздохнуть свободно. Волею Монарха сняты съ общества тѣ оковы, которыя мѣшали правильному отправленію государственной жизни и вселяли во всѣхъ неувѣренность въ настоящемъ и страхъ за будущее... Относительно административной ссылки, служившей предметомъ многочисленныхъ злоупотребленій со стороны областной администраціи, установлены теперь не только опредѣленныя правила, но и сроки, въ теченіе которыхъ то или другое лицо, за то или другое преступленіе, можетъ быть подвергнуто административной ссылкѣ. Этотъ пунктъ Положенія мы считаемъ особенно важнымъ, такъ какъ онъ вноситъ полное успокоеніе во всѣ слои русскаго общества. Административная ссылка была въ послѣднее время настоящимъ пугаломъ даже для людей, не чувствовавшихъ за собою ни ма-

лѣйшей вины, такъ какъ многочисленные примѣры указывали на возможность въ этомъ отношеніи прискорбныхъ ошибокъ и недоразумѣній. Впрочемъ, теперь не только ссылка, но заарестованіе кого-либо обусловлено весьма точными правилами и срокомъ. Предварительный арестъ можетъ продолжаться не свыше одного мѣсяца. Словомъ, во всемъ Положеніи проглядываетъ стремленіе правительства какъ можно болѣе оградить неприкосновенность частныхъ лицъ и обезпечить за ними ту свободу, которая допускается общими законами, дѣйствующими въ Имперіи, или, другими словами, чтобы тяжесть исключительныхъ мѣръ, предназначенныхъ для борьбы съ крамолою, какъ можно менѣе ложилась на мирныхъ гражданъ, всегда и во всякое время готовыхъ содѣйствовать правительству въ искорененіи народившагося зла». Не правда ли, вѣдь такъ можетъ говорить только одинъ Катковъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и, если читатель затрудняется приписать выписанныя нами разсужденія перу Каткова, то по тому только соображенію, что Катковъ все это высказалъ бы гораздо умнѣе и не сталъ бы морочить читателей шутками о томъ, что однимъ установленіемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особаго трибунала по дѣламъ объ административной ссылкѣ и назначеніемъ срока ссылки гарантируется неприкосновенность личности русскаго гражданина со стороны административнаго произвола. И дѣйствительно, это сказалъ не Катковъ, это напечатано не въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*,—честь и слава напечатанія приведенной передовой статьи принадлежитъ Нотовичу, редактору либеральной газеты *Новости*.

Приводя выписки изъ *Страны* и *Новостей*, мы отнюдь не желаемъ входить въ полемику съ этими газетами, а равно не имѣемъ намѣренія *похвалить* ихъ, по выраженію Леонида Полонскаго. Мы просто констатируемъ предъ глазами читателя фактъ весьма интереснаго сходства между Аксаковымъ и Полонскимъ, между Катковымъ и Нотовичемъ,—между людьми, признаваемыми за либераловъ и консерваторовъ. Намъ даже нѣтъ никакого дѣла до того, походятъ ли лично Полонскій на Аксакова, Нотовичъ на Каткова. Интересно лишь то, что, какъ и ранѣе замѣчали нѣкоторые представители либеральной партіи,—между нашими либералами и консерваторами разница въ сущности самая пустая. Если глубже вглядѣться въ стремленія извѣстной части нашихъ либераловъ, то въ каждомъ изъ нихъ легко откроемъ чистокровнаго консерватора, подобно тому какъ, по пословицѣ, если поскоблить россіянина, то найдешь въ немъ татарина. Въ сущности всѣ они—самые мирные, самые консервативные люди; ничего они не желаютъ, ничего не домогаются, какъ только покоя и существованія хотя бы мало-мальски похожаго на человѣческое. Желанія ихъ самыя умѣренныя, да и въ тѣхъ они готовы сдѣлать всевозможныя уступки, лишь бы только ихъ оставили въ покоѣ. Кромѣ покоя они ничего не желаютъ. Возьмемъ изъ толпы такихъ либераловъ кого-нибудь, хоть бы того же Леонида Полонскаго, который такъ недавно радикально поводилъ усами и предъ

лицомъ генераловъ держалъ правую руку въ карманѣ, причемъ въ обществѣ на ухо передавалась сплетня, будто опущенная въ карманъ рука показывала кукишъ. Вотъ что говоритъ онъ въ *Странѣ* о либеральной печати вообще и о себѣ самомъ въ частности: «Что представляетъ собою либеральная печать въ Россіи?—Независимость отъ власти и ходатайство большинства образованнаго общества, обращенное къ власти — продолжать дѣло преобразованія. Ничего опаснаго въ ней нѣтъ, существованіе же ея необходимо, *потому что если существовать она перестанетъ, то весь свѣтъ скажетъ, что русское общество свои мысли можетъ говорить только шепотомъ, что право появляться въ печати имѣютъ только вещи угодныя департаментамъ. Это было бы для русскаго общества униженіемъ, было бы безысходностью для истинно-патріотическаго русскаго чувства; это произвело бы крайне невыгодное для Россіи впечатлѣніе во всей Европѣ*... Въ помыслахъ либеральной печати нѣтъ ни малѣйшей враждебности и къ составу нынѣшней высшей администраціи. Либеральная печать отлично знаетъ, что въ Россіи можно дѣйствовать только словомъ убѣжденія, обращеннымъ къ правительству, что никакой другой фактической силы для продолженія дѣла преобразованія, кромѣ силы правительства, основанной на полномъ довѣріи къ нему народа, въ Россіи нѣтъ». Затѣмъ *Страна*, перечисляя административныя кары, наложенныя на разные органы либеральной печати, упоминаетъ, что и сама она получила два предостереженія и запрещеніе розничной продажи, причемъ, съ откровенностью старой барыни, которая «за правду въ огонь и воду пойдетъ», дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Все это—при графѣ Лорисъ-Меликовѣ, между тѣмъ какъ графъ Игнатьевъ—скажемъ это открыто—дважды не утверждалъ представленныхъ ему совѣтомъ главнаго управленія по дѣламъ печати журналовъ о наложеніи на *Страну* третьяго предостереженія». Въ заключеніе *Страна* патетически восклицаетъ: «Укажите намъ любой modus vivendi! *Даже при стѣсненіи мы можемъ существовать, какъ существовали при императорѣ Николаѣ*. Но необходимо все-таки признать,—и графъ Игнатьевъ слишкомъ просвѣщенный человѣкъ, чтобы не признать этого,—что независимое русское слово должно имѣть хоть какую-либо возможность выражаться. *Мы убѣждены, что еслибы было возобновлено ранѣе срока изданіе «Голоса» и сняты бы всѣ административныя кары, наложенныя на другія повременныя изданія, такъ какъ правительство не можетъ не усвоить себѣ сознанія необходимости, хотя бы самой сдержанной, но все-таки независимой печати,—то желательный* modus vivendi *могъ бы состояться съ обоюдною пользой и для общества, и для правительства*». Въ другой статьѣ *Страна* заявляетъ, что «*либеральная печать никогда не бывала такъ рада, какъ если ей представлялся случай отказаться отъ всякой тенденціозности и похвалить*. Вотъ и мы, сегодня, читая въ *Русскомъ Инвалидѣ* оффиціальное изложеніе видовъ

новаго военнаго министерства, испытываемъ, malgré nous, тоже наивное поползновеніе—похвалить. Мы неисправимы; мы готовы даже похвалить генерала Ванновскаго; мы по неволѣ, но намѣрены сдѣлать это... Такимъ образомъ мы неисправимо наивны въ томъ смыслѣ, что выше личныхъ отношеній у насъ всегда стоитъ дѣло. Кто бы ни ушелъ, и кто бы ни былъ назначенъ, и какъ бы враждебно онъ къ намъ ни относился,—какъ въ нашемъ случаѣ было съ генераломъ Ванновскимъ,—намъ всегда дороже наши идеи, чѣмъ наши связи, наши личныя отношенія».

Мы привели выписки изъ *Страны* безъ всякой задней мысли, безъ малѣйшаго полемическаго поползновенія. Мы намѣрены воспользоваться ими единственно для того, чтобъ яснѣе охарактеризовать для читателя задушевныя желанія заурядныхъ либераловъ, ихъ истинный образъ мыслей, и опредѣлить тѣ границы, которыя раздѣляютъ ихъ отъ консерваторовъ. Прежде всего въ нихъ бросается въ глаза умѣренность желаній,—такая умѣренность, что для опредѣленія ея даже самое слово «умѣренность» кажется слишкомъ ужь сильнымъ. «Укажите намъ любой modus vivendi,— говорятъ либералы.—Даже при стѣсненіяхъ мы можемъ существовать, какъ существовали при императорѣ Николаѣ». Чего они хотятъ для печати?—Только одной амнистіи. Какого счастья добиваются они? — Случая *похвалить* начальство. Ну, развѣ не самые мирные, спокойные и милые люди эти господа-либералы? Позвольте имъ *похвалить*—и они будутъ довольны и счастливы. Къ миру, къ покою, къ ликованіямъ и похвальнымъ одамъ стремятся они. Въ этомъ отношеніи они вполнѣ сходятся съ консерваторами. Вся разница тутъ состоитъ въ томъ, что консерваторы ликуютъ и поютъ хвалебные гимны въ настоящее время, заглушая собою голоса либераловъ, препятствуя пѣснямъ послѣднихъ доноситься до ушей начальства. Но либералы хотятъ для себя однихъ очистить сцену и воспользоваться ею для той же цѣли, какъ и консерваторы: имъ хочется насладиться звуками собственнаго голоса и аплодисментами начальства въ отвѣтъ на ихъ хвалебныя пѣсни. Чтобы достигнуть этого благополучія, они готовы на всякія уступки: «даже при стѣсненіяхъ мы можемъ существовать»,—говорятъ они.

Мы съ намѣреніемъ подобрали факты для совершенно односторонней характеристики извѣстной части либераловъ. Намъ хотѣлось, посредствомъ отвлеченія нѣкоторыхъ типическихъ чертъ, рельефнѣе выставить ихъ передъ читателями и тѣмъ самымъ оттѣнить другія совершенно противоположныя черты. Полонскій и Нотовичъ слишкомъ хорошо извѣстны обществу, чтобы кто-нибудь могъ серьезно повѣрить имъ, что у Нотовича облегчилось сердце при чтеніи Положенія 14 августа, а Леонида Полонскаго оно утѣшаетъ и радуетъ, что первый вѣритъ въ существованіе у насъ личной неприкосновенности и вполнѣ доволенъ этимъ,—и Полонскій будетъ счастливъ при стѣсненіи печати, лишь бы дали амнистію, и ничего больше просить не будетъ. Все это говорится ими только для се-

годнешняго дня,—вчера они говорили совсѣмъ другое и то же самое будутъ говорить завтра. Какъ ни искренно и глубоко желаніе ихъ успокоиться и заняться вокальными упражненіями по части хвалебныхъ гимновъ, но имъ не удастся доставить себѣ это удовольствіе до тѣхъ поръ, пока не успокоится въ нихъ самихъ тотъ ненасытный червякъ, который съ мучительною настойчивостью требуетъ для себя modus vivendi не въ силу того, что такъ Богу угодно, но въ силу своего права, основаннаго на самой натурѣ червяка. Есть такіе принципы, которые своимъ величіемъ вполнѣ увлекли самыхъ заурядныхъ либераловъ, составляютъ для нихъ святыню, служеніе которой дороже всего на свѣтѣ. Пока не будутъ проведены въ жизнь эти дѣйствительно великіе принципы, до тѣхъ поръ не можетъ успокоиться человѣкъ, увлеченный ими. Увидѣть торжество этихъ принциповъ составляетъ величайшее счастье въ жизни, для достиженія котораго человѣкъ готовъ жертвовать всѣмъ. Потребность похвалить есть именно страстное стремленіе къ достиженію того счастья, которое возможно лишь подъ условіемъ торжества великихъ принциповъ. Чтобъ испытать это наслажденіе, люди готовы на всѣ уступки, лишь бы были признаны и проведены въ жизнь принципы, которымъ они служатъ. Много, очень много будетъ сдѣлано уступокъ, чтобъ этимъ путемъ добиться того немногаго, что сдѣлалось для людей первою и насущною необходимостью. А затѣмъ, когда путемъ уступокъ будетъ достигнута завѣтная цѣль, когда люди вступятъ въ обѣтованную землю, добьются здѣсь мира и спокойствія, котораго такъ давно и съ такою жадностью искали они, тогда положеніе ихъ въ отношеніи къ окружающимъ общественнымъ группамъ должно существенно измѣниться. Допустимъ, напримѣръ, что Полонскій и Нотовичъ доживутъ до того времени, когда будутъ признаны и неприкосновенность личности, и свобода печати, и кое-что другое. Чтобы скорѣе дождаться этого счастливаго для себя времени, они готовы сдѣлать, и, безъ сомнѣнія, сдѣлаютъ, много уступокъ. Достигнувъ, такимъ образомъ, удовлетворенія части своихъ желаній и добровольно ограничивъ размѣры ихъ съ одновременнымъ отказомъ отъ другой части своихъ желаній, они перестанутъ порицать, а, напротивъ, будутъ хвалить существующій порядокъ, успокоятся, будутъ вполнѣ довольны и сдѣлаются озлобленными врагами всего того, что мѣшаетъ имъ отдаваться мирному наслажденію существованіемъ въ удовлетворяющихъ ихъ границахъ. Что они увидятъ свою обѣтованную землю, что доживутъ до того времени, когда получатъ полную возможность пѣть хвалебные гимны, въ этомъ едва ли возможно сомнѣваться, хотя бы въ виду скромности желаній ихъ, необыкновенной уступчивости и страстнаго стремленія къ успокоенію отъ пережитыхъ треволненій гражданской борьбы. Но какъ скоро они вмѣстѣ съ большинствомъ общества достигнутъ желаемой ими цѣли и успокоятся, тогда они по неволѣ должны будутъ на своемъ знамени сдѣлать новую надпись, изъ недовольныхъ они обратятся въ довольныхъ, и

тогда теперешній либеральный лагерь сдѣлается консервативною арміей. Всѣ самыя задушевныя желанія теперешнихъ заурядныхъ либераловъ сводятся именно къ тому, чтобы поскорѣе вступить на консервативный путь, чтобы *Страна* обратилась въ *Русь*, а *Новости*—въ *Московскія Вѣдомости*. Какъ только это желаніе осуществится, тогда только настанетъ у насъ реакція съ небывалою раньше силою. Люди, которые выстрадали мучительное время революціонныхъ ужасовъ и реакціоннаго террора,—эти люди, добившись спокойствія, достигнувъ исполненія своихъ завѣтныхъ желаній, будутъ строго блюсти неприкосновенность порядка, обезпечивающаго спокойствіе ихъ. Вся охранительная ярость ихъ должна неминуемо обрушиться на тѣхъ смѣлыхъ людей, которые не захотятъ подчиниться сдѣланнымъ уступкамъ, не найдутъ для себя счастья въ безпечальной области умѣренности и аккуратности—и сохранять требованія гораздо большаго свѣта и простора для жизни.

Но реакція еще далеко отъ насъ. Еще впереди то время, когда г. Полонскій безъ всякой помѣхи будетъ ежедневно имѣть наслажденіе похвалить кого-нибудь. Теперь пока еще нѣтъ реакціи, или, вѣрнѣе, она была, но уже миновала. *Новое Время* хотя и выразилось чисто по-нововременски, съ неудачнымъ задоромъ и неумѣстнымъ восторгомъ, но въ сущности было совершенно право, говоря, что нынѣ у насъ нѣтъ реакціи. «Идемъ ли мы по пути реакціи,—спрашиваетъ газета,—дѣлаемъ ли мы шаги назадъ? Эти вопросы часто рѣшаются утвердительно. Мы этого не только не думаемъ, но даже убѣждены, что этого нѣтъ, что это невозможно и что это по меньшей мѣрѣ безполезно. Мы такое молодое государство, такъ недавно стали жить, какъ народъ свободный, безъ клейма рабства, что намъ некогда, невозможно и некуда идти назадъ». Положимъ, что о «свободномъ народѣ безъ клейма рабства» можно было бы и помолчать, потому что такого народа мы что-то не видимъ,—положимъ также, что не мѣшало бы упомянуть, что реакціонныя стремленія существуютъ и съ ними ведется борьба, но за всѣмъ тѣмъ *Новое Время* совершенно право, что, въ сущности, въ цѣломъ народѣ реакціи нѣтъ, что реакція въ настоящее время невозможна, что идти назадъ намъ некуда. Самымъ лучшимъ доказательствомъ этого служитъ Положеніе 14 августа. Никто не назоветъ его либеральнымъ и никто не усомнится въ томъ, что оно проникнуто реакціоннымъ духомъ. Но въ немъ-то именно и оказалась вся невозможность реакціи въ настоящее время. Все, что могла сдѣлать реакція, она сдѣлала въ 1878 и 1879 годахъ. Дальше идти она не можетъ,—ничего новаго придумать нельзя. Но, даже оставляя въ сторонѣ эту внутреннюю невозможность реакціи, мы замѣчаемъ обезсиленіе ея и съ внѣшней стороны. Предъ нашими глазами совершается поворотъ во мнѣніяхъ лицъ, еще недавно рѣшительно склонявшихся на сторону реакціоннаго направленія, открыто сочувствовавшихъ ему. Давно ли кажется было то время, когда газета *Русь* казалась субботнимъ прибавленіемъ

къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* и г. Аксаковъ высказывалъ, повидимому, полную солидарность съ Катковымъ и желаніе заступить мѣсто его? А теперь, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, *Русь*, среди реакціоннаго сумбура, начинаетъ понемногу высказывать мнѣнія, которыя далеко не по вкусу реакціонерамъ изъ лагеря *Московскихъ Вѣдомостей*. Время отъ времени Аксаковъ уже очищаетъ свое платье отъ той грязи, которая прильнула, пока онъ шелъ подъ руку по одной дорогѣ съ Катковымъ. По нѣкоторымъ, хотя и немногимъ, существенно важнымъ вопросамъ онъ и теперь достаточно близко сходится съ людьми, которыхъ все еще продолжаютъ называть «лжелибералами». Такъ, напримѣръ, обозрѣвая современное положеніе печати, *Русь* не чувствуетъ ни малѣйшаго удовольствія и прямо высказывается противъ дорогаго реакціи административнаго произвола,—и притомъ, нужно правду сказать, высказывается съ бо́льшимъ достоинствомъ и опредѣленностью, чѣмъ Леонидъ Полонскій. «Развѣ не печально,—говоритъ эта газета,—развѣ нормально, развѣ здорово для общества, развѣ полезно для самого правительства такое положеніе, при которомъ приходится ему проявлять свою энергію прихлопываньемъ, въ теченіе одного мѣсяца, трехъ большихъ газетъ, изъ коихъ одна прекращена на четыре, а другая на цѣлые 6 мѣсяцевъ? Оно ненормально уже потому, что предоставляетъ наложеніе такой чувствительной кары, которая, въ нѣкоторомъ родѣ, есть посягательство на право имущественной собственности, административному усмотрѣнію одного лица, т. е. министра внутреннихъ дѣлъ... Только единой личной волѣ Монарха готовы мы повиноваться вполнѣ охотно, безпрекословно и безропотно, но зависимость отъ всякаго иного личнаго произвола,—зависимость особенно въ области мысли и слова и отчасти даже имущественная зависимость,—вноситъ въ общество то нездоровое чувство раздраженія, которое, въ интересѣ самого правительства, едва ли желательно возбуждать. Несклонны ли развѣ испытывать такое же чувство раздраженія и тѣ 25.000, если не болѣе, подписчиковъ недавно пріостановленныхъ газетъ, которые, заплативъ въ общей сложности слишкомъ 200.000 рублей, лишены такимъ внезапнымъ образомъ, безъ суда, и своихъ денегъ, и привычнаго чтенія?»... Въ заключеніе *Русь*, обращаясь къ верховной власти, высказываетъ увѣренность, «что и въ области печатнаго слова она съумѣетъ устранить неумѣстную административную впечатлительность, вмѣстѣ съ произволомъ административныхъ усмотрѣній, и замѣнитъ ихъ порядкомъ болѣе законнымъ, разумнымъ и достойнымъ,—короче, такимъ, который бы, чуждаясь всего, что гнететъ, угашаетъ духъ, даровалъ ему необходимую свободу борьбы для вящаго торжества истины». Въ другой статьѣ *Русь* заявляетъ, что она «никогда не отрицала пользы изданія верховною властью законовъ, устраняющихъ произволъ подчиненныхъ этой власти лицъ и ограждающихъ свободу вѣрующей совѣсти и слова и личное достоинство человѣка». Такимъ образомъ *Русь* признаетъ необходимость оградить за-

конодательнымъ путемъ личное достоинство человѣка отъ административнаго произвола; значитъ, она признаетъ, что человѣкъ, въ силу того только, что онъ человѣкъ,—имѣетъ извѣстное «личное достоинство», которое должно быть священно, неприкосновенно и прочно ограждено закономъ. А между тѣмъ это-то именно личное достоинство человѣка и попирается, когда онъ подвергается лишенію свободы безъ суда, по усмотрѣнію одного лица, или цѣлой административной коллегіи, на опредѣленный срокъ, или безсрочно. Страдаетъ личное достоинство человѣка, когда его семейный кровъ изъ непроницаемой для постороннихъ святыни становится какимъ-то заѣзжимъ домомъ, куда безнаказанно можетъ являться всякій административный агентъ въ силу одного лишь подозрѣнія, которое ему лично кажется основательнымъ. Это личное достоинство человѣка уничтожается, исчезаетъ, когда человѣкъ не можетъ безбоязненно повѣдать свои мысли другимъ людямъ путемъ устной или печатной рѣчи. Признавая за человѣкомъ такое личное достоинство и требуя огражденія его путемъ закона отъ административнаго произвола, *Русь* тѣмъ самымъ явно порываетъ прежнюю связь съ сторонниками реакціи, которые не хотятъ признавать за человѣкомъ никакого личнаго достоинства, никакихъ правъ, кромѣ обязанности терпѣливо и безропотно подчиняться всякаго рода административнымъ благоусмотрѣніямъ.

Замѣтное отклоненіе *Руси* отъ того пути, по которому она шла первоначально, рука объ руку со сторонниками реакціи, служитъ для послѣднихъ зловѣщимъ признакомъ ослабленія силы ихъ, близкаго конца теперешняго, искусственно созданнаго, благопріятнаго для нихъ положенія дѣлъ. Они сами начинаютъ чувствовать, какъ колеблется подъ ними почва, какъ все растетъ и крѣпнетъ сила противниковъ ихъ. Для нихъ сдѣлалось уже несомнѣннымъ фактомъ, что интеллигенція отвернулась отъ нихъ и заняла положеніе враждебное имъ. Теперь на интеллигенцію нельзя опереться реакціи; сторонники послѣдней признали этотъ фактъ и, махнувъ рукою на интеллигенцію, стали искать опоры въ народной массѣ, благо та лишена возможности высказать, насколько пріятны ей заигрыванья людей, скрывающихъ подъ личиною дружбы и благожелательства одни враждебныя и хищническія поползновенія. По словамъ *Страны*, теперь сдѣлалось *распространеннымъ*, *модньмъ мнѣніемъ*, «что не слѣдуетъ слушать *бредней* интеллигенціи, но нужно *дѣлать дѣло*, т. е. придти на помощь большинству населенія, крестьянству». *Порядокъ* также указываетъ на мнѣнія, «которыя полагаютъ, что свобода слова и духа составляетъ какую-то роскошь, необходимую только для интеллигенціи, искусственно же выдѣляемому народу потребенъ, якобы, только вѣрный кусокъ хлѣба». Въ такихъ сужденіяхъ, по словамъ *Московскаго Телеграфа*, скрывается такого рода задняя мысль: «Народъ проситъ немногаго, только хлѣба,—такъ дѣлайте для него что-нибудь и тогда интеллигенцію, которой нужно гораздо бо́льшаго, можно заставить молчать, потому что народъ—сила и

нужно только, чтобъ эта сила была довольна». Въ полную основательность такого рода сужденій *Новое Время* вѣритъ до такой степени, что недавно даже возвѣстило близкую кончину бредней интеллигенціи, чуть не заранѣе поспѣшило пропѣть имъ вѣчную память. «Мы, — говоритъ газета, конечно, не о себѣ, но о цѣломъ народѣ,—должны работать болѣе, чѣмъ другіе народы, должны напрягать свои усилія къ нравственному и матеріальному подъему всей массы народа, которая ждетъ не прекрасныхъ газетныхъ словъ, не краснорѣчивыхъ рѣчей, а именно дѣла, иногда скучнаго, мелочнаго, но полезнаго дѣла. И это дѣло дѣлается и мы вѣримъ, что оно будетъ дѣлаться тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ скорѣе пройдетъ та опасность, та смута, съ которыми мы встрѣчаемся въ первыхъ же строкахъ Высочайшаго указа (4 сентября, объ обнародованіи Положенія 14-го августа). Мы прибавимъ къ этому совершенно искренно, что нашей интеллигенціи, быть-можетъ, придется поумѣрить свои желанія, заставить поблѣднѣть свою фантазію. Не изъ насъ однихъ состоитъ государство. Мы должны же признать, что, вѣдь, для народа несравненно меньше сдѣлано, чѣмъ для насъ, и что чередъ, быть-можетъ, насталъ для него. Мы, по крайней мѣрѣ, видимъ именно такія начинанія. Мы бы желали, чтобъ они были смѣлы, безбоязненны, велики, чтобъ они освѣтили яркимъ свѣтомъ всю нашу жизнь и чтобы въ этомъ свѣтѣ исчезли разрушительныя силы, какъ исчезаютъ тѣни ночныя съ восходомъ солнца». Такая ужъ счастливая судьба *Новаго Времени*, что оно умѣетъ никого не удовлетворять и всѣмъ угождать, — такъ именно случилось и въ данномъ случаѣ. Ясно видимъ, что газета говоритъ что-то совсѣмъ несообразное, и въ то же время никакъ не можемъ не согласиться съ нею, что если точно существуютъ начинанія въ пользу народа, то желательно, чтобъ они были «смѣлы, безбоязненны, велики». А съ другой стороны и согласиться съ *Новымъ Временемъ* опасно, потому что не знаешь, шутитъ оно, или говоритъ серьезно. Дѣйствительный смыслъ статьи какъ будто такой, что интеллигенціи приходится отказаться отъ своихъ желаній и фантазій потому именно, что теперь дѣлается «скучное, мелочное, но полезное дѣло» для народа. Къ этому дѣлу газета относится не то одобрительно, не то неодобрительно, ибо обращается къ нему съ пожеланіемъ, чтобъ оно было «смѣло, безбоязненно, велико». Спрашивается: въ какомъ же случаѣ интеллигенціи придется «поумѣрить свои желанія, заставить поблѣднѣть свою фантазію»,—во всякомъ ли случаѣ, коль скоро явились начинанія, или когда они, по желанію *Новаго Времени*, будутъ «велики, безбоязненны, смѣлы?» Впрочемъ, мы никогда не кончили бы, еслибы стали обращаться съ вопросами о разъясненіи того, чего не понимаемъ въ передовыхъ статьяхъ *Новаго Времени*. Дѣло вовсе не въ туманности мнѣній этой газеты, но въ томъ, что и она тоже признаетъ какъ фактъ, что у интеллигенціи есть свои желанія и фантазіи, которыя, должно-быть, совсѣмъ ненужны народу, потому что стóитъ сдѣлать для народа «дѣло»—и тогда желанія

интеллигенціи умѣрятся, а фантазія поблѣднѣетъ... Да, полно, такъ ли? Не ошибаются ли сторонники этого мнѣнія потому только, что не желаютъ вполнѣ опредѣленно выяснить, что такое—желанія интеллигенціи, и дѣйствительно ли они представляютъ собою праздную игру фантазіи?

Желанія интеллигенціи очень многочисленны и разнообразны, такъ что свести ихъ въ одну цѣльную систему очень затруднительно. Съ одной стороны есть много такихъ желаній, которыя выяснялись пока еще только въ нѣкоторой части общества, а съ другой стороны иногда высказываются желанія довольно мелочныя, не имѣющія существенной важности. Къ тому же у насъ, по крайней мѣрѣ въ туземной, легальной печати, совсѣмъ не сдѣлано свода желаній либеральной части образованнаго общества, не выработано программы для либеральной партіи. Этотъ недостатокъ обусловливается отчасти стѣсненнымъ положеніемъ печати, отчасти же отсутствіемъ организаціи въ рядахъ либеральной партіи. Кромѣ того и трудно составить программу общую для всѣхъ разнообразныхъ фракцій, входящихъ въ составъ либеральной партіи. Того и гляди, при такой работѣ упустишь изъ вида что-нибудь существенно важное, или убѣжденія и желанія одной какой-нибудь фракціи ошибочно припишешь если не всей партіи, то большинству ея. Поэтому и въ вопросѣ о желаніяхъ интеллигенціи приходится быть весьма осторожнымъ и ограничиваться указаніемъ только на немногія существенно важныя желанія, которыя наиболѣе ясно опредѣлились и выразились въ формѣ доступной личному наблюденію.

Всякій, не только внимательно слѣдящій за печатью, но и просто вращающійся въ средѣ интеллигентнаго общества, знающій жизнь, прислушивающійся къ разговорамъ въ частныхъ бесѣдахъ, знакомый съ горемъ и радостями частныхъ лицъ изъ среды образованнаго общества, очень хорошо знаетъ, что въ средѣ этого общества существуютъ нѣкоторыя широко распространенныя потребности, удовлетворенія которыхъ, въ большей или меньшей степени, желаютъ почти всѣ. Эти потребности до такой степени прочно вошли въ общественное сознаніе и сдѣлались общимъ достояніемъ, что даже возраженія противъ нихъ сводятся только на одну предполагаемую несвоевременность удовлетворенія высказываемыхъ въ обществѣ желаній. Возраженій противъ самой сущности общественныхъ требованій почти не слышно, а противники говорятъ только, что нужно погодить, что все, чего желаетъ общество, будетъ дано ему современемъ, а пока нужно спокойно сидѣть у моря и ждать погоды. Всего болѣе, чаще и настойчивѣе высказывается желаніе, чтобъ у насъ была признана и ограждена отъ административнаго произвола неприкосновенность личности, домашняго очага, имущественныхъ интересовъ и т. д. Общество желаетъ уничтоженія административнаго произвола, все равно, будетъ ли онъ существовать въ силу обычая, или будетъ признанъ и освященъ закономъ. Затѣмъ свобода совѣсти требуется всѣми, за исключе-

ніемъ ничтожнаго меньшинства, лично заинтересованнаго въ поддержаніи существующихъ религіозныхъ стѣсненій. Далѣе, идутъ требованія свободы печатнаго слова, устной рѣчи, права сходокъ и т. д. Необходимость свободной самодѣятельности общества въ сферѣ интересовъ, непосредственно касающихся его, сдѣлалась общимъ достояніемъ всей либеральной партіи. Точно также почти единогласно признается необходимость установленія прочныхъ гарантій ненарушимости личныхъ и общественныхъ правъ и вольностей, причемъ разногласія существуютъ только по вопросу о томъ, въ чемъ именно должны состоять эти гарантіи.

Таковы въ общихъ существенныхъ чертахъ желанія интеллигенціи, которыя, будто бы, ей придется ноумѣрить. Сбудется ли это предсказаніе, придется ли обществу или не придется умѣрить свои желанія,—этотъ вопросъ нужно совсѣмъ устранить. Съ насъ достаточно того, что желанія эти существуютъ, и слѣдовательно есть стремленія къ осуществленію ихъ, а затѣмъ скоро ли и въ какой степени они осуществятся, да и осуществятся они или нѣтъ—это вопросъ будущаго. Мы, напримѣръ, глубоко и непоколебимо вѣримъ, что всѣ эти желанія вполнѣ и скоро осуществятся, но доказывать считаемъ невозможнымъ и излишнимъ. Это есть просто дѣло нашей личной вѣры, которую мы желали бы передать другимъ, всему обществу, всѣмъ безъ исключенія,—желали бы, чтобъ она вошла въ нравственное существо каждаго, слилась съ нимъ до нераздѣльности такъ, чтобы самое существованіе человѣка обусловливалось и находилось въ зависимости отъ существованія въ немъ этой вѣры, этого святаго огня, которымъ поддерживается жизнь. Доказывать разсудочными доводами то, что составляетъ предметъ живой непосредственной вѣры, невозможно, а потому и незачѣмъ намъ говорить о томъ, придется или не придется интеллигенціи поубавить свои желанія, заставить поблѣднѣть свою фантазію. Другое дѣло—вопросъ о томъ, не составляютъ ли, дѣйствительно, перечисленныя нами желанія образованнаго общества однѣ только праздныя фантазіи, не имѣющія корня въ дѣйствительности, которыми общество увлекается отъ нечего дѣлать, отъ скуки или болѣзненнаго нервнаго разстройства.

Однако кто же будетъ считать фантазіей желаніе, чтобы была ограждена отъ административнаго произвола неприкосновенность человѣческой личности, домашняго очага, имущественныхъ интересовъ? Гдѣ тотъ слѣпой человѣкъ, который не видитъ арестовъ, обысковъ, ссылокъ по административному благоусмотрѣнію? Можетъ-быть г. Нотовичъ намъ скажетъ, что «въ настоящее время, когда и т. д.»—даже въ административномъ благоусмотрѣніи нѣтъ болѣе произвола. Допустимъ, что г. Нотовичъ правъ, что никакого административнаго произвола у насъ нѣтъ, просто будемъ игнорировать административный произволъ,—это сдѣлать легко и сплошь да рядомъ дѣлается на газетныхъ столбцахъ; но нельзя игнорировать стоны русскихъ матерей, погруженныхъ въ мучительную думу о сыновьяхъ

и дочеряхъ, разосланныхъ по Колымъ, Чердынямъ, по юртамъ дикихъ инородцевъ въ Якутской области. Можно на все закрыть глаза, но нельзя не видѣть, какъ святыя слезы матери капаютъ въ колыбель младенца при мысли о томъ, что-то съ нимъ будетъ... Можно заткнуть уши для всего, но нельзя не услышать вздохи отцовъ и матерей, которые, при видѣ подрастающихъ дѣтей, съ безнадежнымъ отчаяніемъ говорятъ объ ожидающей ихъ участи. Помните ли вы недавнее время? Веселыя пѣсни пѣлись надъ колыбелью ребенка и фантазія родителей рисовала картины будущаго благополучія малютокъ. Родительская любовь высказывалась въ горячей увѣренности, что сынъ выростетъ умный, ни съ какими вольнодумцами и крамольниками связываться не будетъ, наживетъ себѣ золотыя горы и безъ всякихъ тревогъ будетъ вкушать счастье семейной жизни. А теперь эти фантазіи исчезли, нѣтъ болѣе увѣренности въ счастіи дѣтей, нѣтъ надежды, что сынъ не сдѣлается вольнодумцемъ и крамольникомъ, или даже безъ того не пойдетъ по дорогѣ, которая не приводитъ къ личному счастью... Допустимъ, что у насъ нѣтъ не только произвольныхъ, но совсѣмъ никакихъ обысковъ и что всѣ слухи объ обыскахъ—выдумка злонамѣренныхъ людей. Но, даже отрицая самое существованіе обысковъ, нельзя отрицать страха предъ ними. Вѣдь въ обществѣ теперь заурядъ толкуютъ одно и то же: «что подѣлаешь,—придутъ да и начнутъ тебя осматривать». Пуская въ квартиру жильца, хозяинъ думаетъ, «какъ бы къ нему не пришли съ обыскомъ». Родители говорятъ взрослымъ дѣтямъ: «смотрите, все ли у васъ въ порядкѣ, какъ бы не пришли съ обыскомъ». Соберется кружокъ знакомыхъ и въ своей квартирѣ чувствуютъ себя какъ въ осажденной крѣпости и, тревожно озираясь, слѣдятъ, не отворена ли дверь, не раскрылось ли окно, нѣтъ ли подъ окнами таинственнаго незнакомца,—и у всѣхъ въ головѣ одинъ и тотъ же неотвязчивый, мучительный вопросъ: «какъ бы, Боже храни, не было обыска!» И чего боятся эти люди, политически непорочные, дѣвственные, у которыхъ не только въ квартирахъ, но и въ помышленіяхъ нѣтъ ничего противозаконнаго?—Понятное дѣло, что вѣдь боятся не столько послѣдствій обыска, сколько нарушенія, такъ-сказать осквернения святости домашняго очага непрошенными соглядатаями. Невыносимо-мучительно сознаніе, что какъ бы я ни былъ чистъ и непороченъ, но ко мнѣ безнаказанно могутъ явиться полицейскіе агенты, осмотрятъ все, что я скрываю отъ самыхъ близкихъ людей, что составляетъ мою личную тайну, мою святыню,—осмотрятъ, понюхаютъ и прочь пойдутъ, какъ гоголевскія крысы, и нѣтъ на нихъ ни суда, ни управы, и, вмѣсто протеста, мнѣ останется только благодарить Бога, что дѣло кончилось благополучно. А какъ страдаютъ имущественные интересы отъ этой неувѣренности въ личной неприкосновенности со стороны административнаго произвола! Гдѣ бы жить полною грудью, вполнѣ и всецѣло отдаваться труду и наслажденію, заботиться о жизненномъ комфортѣ и личномъ счастьѣ,—вмѣсто всего этого приходится имѣть

дѣло съ горькими мыслями: къ чему трудъ, зачѣмъ жизненный комфортъ, возможно ли наслажденіе и счастье при такихъ условіяхъ, когда человѣкъ не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ? Заботиться о матеріальномъ благосостояніи становится почти безцѣльнымъ дѣломъ, когда всѣ твои имущественные интересы разбиваются въ прахъ, оттого что личная неприкосновенность ничѣмъ не ограждена отъ административнаго произвола. Это ли еще фантазія, а не живая, ежедневная и повсемѣстная дѣйствительность?

А человѣческая совѣсть—развѣ это фантазія? Неужели возможно отрицать права ея на свободное существованіе, согнуть ее въ бараній рогъ, насильственно заглушить ее и подчинить извнѣ установленнымъ нормамъ? Нѣтъ, она вѣчно будетъ протестовать противъ насилія, отстаивать свои права и до тѣхъ поръ не успокоится, пока не добьется признанія этихъ правъ, не достигнетъ полной свободы. Всѣ стѣсненія свободы совѣсти, насильственное закрѣпощеніе ея въ результатѣ даютъ одно только раздраженіе, недовольство противъ ограниченій свободы, противъ вторженія внѣшней, темной силы въ свѣтлую, свободную область человѣческаго духа. Въ жизни встрѣчается множество фактовъ, которые чуть не повседневно напоминаютъ намъ о насиліи надъ нашей совѣстью. Въ каждомъ изъ насъ, во всемъ образованномъ обществѣ существуетъ сознаніе ненормальности тѣхъ условій, въ которыя поставлена совѣсть. Мы всѣ закрѣпощены господствующей православной церкви и лишены всякой возможности освободиться отъ этого крѣпостнаго подчиненія. Законъ репрессивными мѣрами привязываетъ насъ къ вѣроисповѣданію, обращенному въ государственное установленіе. Принадлежность къ этому вѣроисповѣданію даетъ намъ гражданскія права и награждаетъ житейскими выгодами, а отступленіе отъ него лишаетъ правъ и подвергаетъ преслѣдованіямъ и безчисленному множеству непріятностей. Мы уже не говоримъ о томъ, какъ оскорбляется и унижается религія вторженіемъ внѣшней грубой силы въ свободную область духа. Замѣтимъ только, какъ громко и сильно протестуетъ совѣсть въ каждомъ изъ насъ противъ такого насильственнаго подчиненія ея извнѣ установленнымъ нормамъ и какая мучительная боль охватываетъ все нравственное существо человѣка, когда приходится заглушать въ себѣ голосъ совѣсти и, въ угожденіе закону, дѣлать поступки, которые совѣсть считаетъ безнравственными! Это нравственное мученіе — не фантазія, а фактъ, который мы наблюдаемъ или въ себѣ самихъ лично, или въ своихъ знакомыхъ и близкихъ намъ людяхъ. Желаніе дать просторъ движеніямъ совѣсти, освободить ее отъ насилія, вызывается не какими-нибудь холодными разсудочными соображеніями, но мучительною болью живаго сердца, которое готово разорваться отъ страданій, причиняемыхъ гнетомъ надъ совѣстью.

Еслибы желаніе свободы для печати было праздною фантазіей образованнаго общества, тогда, прежде всѣхъ, сама печать не стала бы до

биваться никакой свободы. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, что во главѣ, напримѣръ, періодическихъ изданій стоятъ люди, гоняющіеся за мечтою и, ради своей фантазіи, жертвующіе денежными выгодами. Всякому извѣстно, что, наоборотъ, эти люди—великіе практики, не способные рисковать ради несбыточныхъ фантазій, а они-то именно и добиваются свободы, терпя громадные денежные убытки, оттого что не хотятъ подчиняться требованіямъ, ограничивающимъ свободу печатнаго слова. И эти убытки терпятъ не они одни, но и читатели, и все-таки не хотятъ подчиняться стѣсненіямъ. Русское общество цѣлые милліоны уплачиваетъ ежегодно за газеты и журналы,—значитъ эти изданія составляютъ насущную потребность для него. Но при этомъ нужно замѣтить, что, въ настоящее время, у насъ читаются по преимуществу тѣ изданія, которыя говорятъ болѣе свободнымъ языкомъ и менѣе другихъ подчиняются стѣсненіямъ свободы. Еслибы свобода печати для общества была праздною фантазіей, а не насущною, живою потребностью, тогда стоило бы только насильственно зажать ротъ свободной печати и общество обратилось бы къ изданіямъ, вполнѣ подчиняющимся всѣмъ стѣсненіямъ, налагаемымъ извнѣ. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ не то. Когда, въ послѣднее время, свободная печать подверглась многочисленнымъ административнымъ карамъ, причемъ одни изданія были пріостановлены, а другимъ запрещена розничная продажа, то отъ этого нисколько не увеличилось число читателей у изданій, охотно подчиняющихся стѣсненіямъ. Въ настоящее время розничная продажа газетъ вездѣ упала, оттого что симпатичныхъ обществу органовъ независимой печати нѣтъ въ продажѣ, а другихъ газетъ оно не хочетъ читать и не покупаетъ. Слѣдовательно, въ обществѣ существуетъ потребность именно въ печати независимой, въ печати свободной. Русское общество—вовсе не гоголевскій Петрушка, которому нужно только, чтобы была книжка, а что это за книжка, до того дѣла нѣтъ... Общество нуждается въ печати, платитъ за нее большія деньги, но когда дѣлаются попытки отнять у него право свободнаго выбора періодическихъ изданій, навязать ему чтеніе съ направленіемъ угоднымъ начальству, оно совсѣмъ отказывается отъ чтенія и не хочетъ читать того, что ему навязываютъ. А легко ли отказаться отъ обычнаго чтенія? Люди, пріобрѣвшіе потребность покупать извѣстную газету съ симпатичнымъ направленіемъ, чувствуютъ лишеніе, недовольство, раздраженіе и не могутъ утѣшиться и удовлетвориться предлагаемымъ имъ, совсѣмъ несимпатичнымъ, чтеніемъ. Эта потребность общества въ печати, оказываемая имъ поддержка печати, подвергающейся административнымъ преслѣдованіямъ, и отказъ отъ чтенія изданій, пользующихся милостивымъ расположеніемъ административныхъ властей—все это не фантазія, но фактъ, а значитъ и требованіе свободы печати — тоже не фантазія, но живая, насущная потребность, отъ которой общество не можетъ отказаться.

Требованіе права сходокъ, пожалуй, можетъ показаться фантазіей въ виду того, что у насъ невозможны никакія попытки собраться многолюдному обществу для обсужденія занимающихъ его вопросовъ, безъ вѣдома и разрѣшенія начальства; а добиться этого разрѣшенія такъ трудно, что никто и не рѣшится просить его. Но обратите вниманіе на то, что говорится въ небольшихъ частныхъ кружкахъ, въ домашнихъ собраніяхъ. Какъ часто высказываются здѣсь живыя, свѣтлыя мысли, что вотъ хорошо было бы сдѣлать то или другое общими силами, подвергнуть извѣстный вопросъ обсужденію въ собраніи заинтересованныхъ лицъ, лично незнакомыхъ другъ съ другомъ и потому не имѣющихъ возможности собраться въ частной квартирѣ. Но мысль эта пропадаетъ безплодно, вызывая однѣ лишь горькія думы о невозможности сойтись вмѣстѣ для обсужденія вопроса, имѣющаго общій интересъ. Вѣдь у насъ боятся даже собираться въ частныхъ домахъ знакомые люди, если только связывающимъ ихъ общимъ интересомъ служатъ не карты и не выпивка. Въ провинціяхъ и до сихъ поръ возбуждаютъ подозрѣніе полиціи и навлекаютъ на себя множество непріятностей такіе дома, куда собираются знакомые люди потолковать объ интересахъ выше картъ и городскихъ сплетенъ. Да что говорить о провинціи,—даже въ столицахъ мы видѣмъ полную невозможность собраться людямъ одинаковыхъ профессій, образа мыслей и т. п. для обсужденія одинаково интересующихъ ихъ вопросовъ. Сплошь да рядомъ слышатся рѣчи о томъ, какъ хорошо было бы собраться всѣмъ вмѣстѣ, потолковать спокойно и свободно, чтобы придти къ какому-нибудь рѣшенію по дѣловымъ вопросамъ. Толки объ этомъ кончаются ничѣмъ, но потребность въ свободѣ сходокъ не умираетъ, а все уясняется и укрѣпляется.

Потребность общества въ свободной самодѣятельности въ сферѣ интересовъ его также не есть одна лишь праздная фантазія. Можно было бы назвать ее фантазіей, еслибы наши общіе интересы не страдали отъ отсутствія свободной самодѣятельности общества. Но мы видимъ, что обществу слишкомъ ужь дорого приходится оплачивать вынужденное отчужденіе отъ дѣлъ, входящихъ въ сферу общихъ интересовъ. Полное экономическое разстройство и внутренняя смута тяготѣютъ надъ нами, отравляютъ нашу жизнь. Вѣдь, нѣтъ ни одного человѣка, кто былъ бы доволенъ такимъ положеніемъ, кто не видѣлъ бы полный неуспѣхъ мѣропріятій для исцѣленія язвъ, разъѣдающихъ нашъ общественный организмъ, кто не сознавалъ бы потребности предоставить дѣятельности общественныхъ силъ удовлетвореніе законныхъ интересовъ общества. Если эту послѣднюю потребность считать фантазіей, то все-таки неуспѣхъ попытокъ, безъ удовлетворенія этой потребности, возстановить всѣмъ желаемый порядокъ въ отправленіяхъ общественной жизни остается фактомъ, и слѣдовательно надежда, что эти попытки, можетъ-быть, еще удадутся въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, есть точно такая же фан-

тазія, какъ и потребность свободной самодѣятельности общества въ сферѣ интересовъ его.

Что касается необходимости обставить прочными гарантіями ненарушимость личныхъ и общественныхъ правъ и вольностей, то опытъ показалъ намъ, что безъ такихъ гарантій нельзя обойтись. Намъ давались права и затѣмъ опять отнимались, у насъ существовали вольности на бумагѣ, но мы ими не пользовались, не потому, чтобы не хотѣли пользоваться, но не могли, помимо нашей воли. Поэтому возможно ли считать фантазіей мысль о необходимости гарантій для спокойнаго пользованія тѣми правами, какими мы теперь владѣемъ и какихъ добиваемся въ ближайшемъ будущемъ? Нѣтъ, это—не фантазія, а напротивъ фантазіей слѣдуетъ считать увѣренность, что наши законные интересы могутъ оставаться ненарушимыми безъ всякихъ гарантій.

Мы согласны съ тѣмъ, что въ средѣ нашего интеллигентнаго общества часто слышатся совершенно фантастическія разсужденія о возможномъ въ будущности общественномъ строѣ. Приходится встрѣчать людей, которые не на шутку считаютъ вполнѣ сбыточными свои мечты объ идеальномъ устройствѣ государства. Но можно ли винить общество въ томъ, что въ средѣ его вращаются люди, увлекающіеся совершенно неосуществимыми фантазіями? Нѣтъ, въ данномъ случаѣ наше общество напоминаетъ собою томящагося отъ голода и жажды нищаго. Среди невыносимыхъ мученій голода, находясь въ предсмертной агоніи, разстроенное воображеніе рисуетъ человѣку роскошно сервированный столъ, установленный самыми изысканными кушаньями, и умирающій бѣднякъ тѣмъ болѣе чувствуетъ страданія, чѣмъ необузданнѣе и роскошнѣе его фантазіи. Такъ точно и наше общество: оно, какъ умирающій съ голода нищій, чувствуетъ мучительную потребность въ удовлетвореніи своихъ насущныхъ нуждъ и, не находя этого удовлетворенія, часто переносится мыслью въ область фантазіи. Утолите голодъ нищаго, удовлетворите законныя насущныя потребности общества, и тогда ослабѣетъ и прекратится болѣзненно-напряженная дѣятельность фантазіи. Нужно только честно и трезво отнестись къ желаніямъ общества и не смѣшивать насущныя потребности его съ созданіями фантазіи. Мы видѣли, что насущныя, жизненныя потребности существуютъ въ русскомъ обществѣ. Они коренятся въ нравственной природѣ человѣка, а требованіе скорѣйшаго удовлетворенія ихъ вызвано дѣйствительною жизнью, которая идетъ въ разладъ съ природою, нарушаетъ самыя естественныя человѣческія права и отказываетъ въ удовлетвореніи самыхъ простѣйшихъ потребностей нравственной природы человѣка. Желанія русскаго интеллигентнаго общества въ той мѣрѣ, какъ мы очертили ихъ, составляютъ не болѣе какъ необходимыя условія для существованія, кусокъ хлѣба для поддержанія жизни умирающаго съ голода человѣка. Общество въ настоящее время переживаетъ именно тотъ моментъ, когда потребность въ удовлетвореніи нуждъ

его сдѣлалась столь настоятельною, что безъ этого самое существованіе стало бременемъ и несчастьемъ для человѣка.

Можетъ-быть указанныя нами потребности развились только въ средѣ интеллигентнаго общества и совершенно чужды и неизвѣстны народу, которому нуженъ одинъ кусокъ хлѣба и ничего болѣе. Можетъ-быть нужно путемъ экономическихъ реформъ поднять матеріальное благосостояніе народной массы и тогда въ странѣ водворится спокойствіе, интеллигенція будетъ вынуждена отказаться отъ своихъ требованій и, безъ всякихъ политическихъ реформъ, покорно подчинится и примирится съ существующимъ порядкомъ. Такъ именно и думаютъ нѣкоторые, — одни съ радостною надеждой на продолженіе теперешняго порядка, при которомъ имъ тепло живется, другіе съ печальнымъ опасеніемъ, что разобьются въ прахъ всѣ ихъ стремленія и усилія, наконецъ, третьи, самые лучшіе, честные и искренніе люди—съ готовностью жертвовать личнымъ счастіемъ, отказаться отъ удовлетворенія собственныхъ нуждъ, лишь бы сколько-нибудь улучшилось и сдѣлалось болѣе сноснымъ тяжелое положеніе народа. Но мы считаемъ совсѣмъ невѣрною самую мысль о томъ, будто народной массѣ совершенно чужды, невѣдомы потребности, высказываемыя въ средѣ интеллигентнаго общества. Эта мысль можетъ быть высказываема съ такою самоувѣренностью только потому, что народъ молчитъ, не заявляетъ своихъ потребностей. Все дѣло въ томъ, что мы совсѣмъ не знаемъ изъ устъ народа, чего онъ хочетъ, и на этомъ основаніи смѣло утверждаемъ, что народъ не хочетъ того, къ чему стремится интеллигенція и что намъ лично не нравится. Но если народъ молчитъ, то это еще не значитъ, что у него нѣтъ извѣстныхъ потребностей и нѣтъ желанія достигнуть удовлетворенія ихъ. Вѣдь этотъ же самый народъ молчитъ и о томъ, что ему нуженъ кусокъ хлѣба, нужны экономическія реформы для улучшенія матеріальнаго положенія его. А между тѣмъ за него съ увѣренностью говорятъ, что онъ нуждается въ реформахъ экономическихъ и не чувствуетъ никакой надобности въ реформахъ политическихъ. Даже въ вопросѣ объ экономическихъ реформахъ у насъ, сплошь да рядомъ, высказываются самыя противоположныя мнѣнія съ полною увѣренностью, что выражаются именно желанія и потребности мужика. Одни, напримѣръ, говорятъ, что необходимо увеличить крестьянскіе надѣлы, другіе, что мужику совсѣмъ этого не нужно,—и все это говорится съ видомъ полнаго знакомства съ мнѣніями мужика, съ полной увѣренностью, что такъ, а не иначе, можетъ высказаться мужикъ, какъ будто высказывается съ его вѣдома и отъ имени его. Да, за мужика можно все говорить, можно все валить на его голову, благо онъ не пишетъ газетныхъ статей, не умѣетъ рта раскрыть въ обществѣ нашихъ доморощенныхъ ораторовъ на земскихъ собраніяхъ, не дѣлаетъ и не можетъ дѣлать такихъ заявленій отъ себя, какія дѣлаются интеллигенціей. Онъ не имѣетъ ни малѣйшей возможности высказаться такъ, какъ высказывается образованное обще-

ство,—чинно, осторожно, законно. Безправная, забитая, невѣжественная народная масса у насъ можетъ высказываться только однимъ путемъ—бунтомъ; но храни насъ Богъ довести дѣло до того, что мужикъ такимъ путемъ будетъ заявлять намъ свои потребности.

Что экономическія реформы—и притомъ реформы широкія, а не такія мелочныя, какъ предполагаются, судя по газетнымъ извѣстіямъ—составляютъ первую и самую насущную потребность народа, съ этимъ мы вполнѣ согласны. Мы полагаемъ даже, что безъ такихъ реформъ будутъ лишены всякой прочности политическія реформы, которыя воздвигли бы только красивое зданіе на сыпучемъ пескѣ безъ всякаго фундамента: малѣйшее, ничтожное колебаніе въ поверхностномъ слоѣ народной массы разрушитъ это зданіе, не оставивъ камня на камнѣ. Но, признавая главное и первенствующее значеніе экономическихъ реформъ для удовлетворенія потребностей народной массы, мы въ то же время считаемъ совершенно невѣрнымъ мнѣніе, будто народу совершенно ненужны такія реформы, требованіе которыхъ высказывается въ средѣ интеллигентнаго общества. Мысль эта не вѣрна именно потому, что извѣстнаго рода потребности интеллигенціи совсѣмъ не чужды народу,—онѣ знакомы ему, составляютъ его собственныя потребности столько же, какъ и потребности интеллигенціи, потому что онѣ суть потребности нравственной природы человѣка, одинаковой и у мужика, и у барина, и затѣмъ еще потому, что и народъ, и интеллигенція поставлены въ одинаковыя внѣшнія условія, устраняющія всякую возможность удовлетворенія этихъ потребностей. Возьмите, напримѣръ, столь развитую въ интеллигентномъ обществѣ потребность обезпечить отъ административнаго произвола неприкосновенность личности, домашняго очага, имущественныхъ интересовъ. Мы видимъ и знаемъ изъ ежедневнаго опыта, что личность мужика гораздо болѣе беззащитна, чѣмъ личность интеллигентнаго человѣка, и что мужикъ гораздо болѣе и мучительнѣе страдаетъ отъ административнаго произвола. Грозное пугало нашихъ дней—административная ссылка—уноситъ изъ крестьянской среды гораздо болѣе жертвъ, чѣмъ изъ образованнаго общества. Давно ли нашей интеллигенціи удалось испытать на себѣ тяжесть ссылки? Съ начала нынѣшняго столѣтія до 60-хъ годовъ число административныхъ ссыльныхъ изъ среды образованнаго общества было такъ ничтожно, что общество почти не замѣчало этого ненормальнаго явленія, не тяготилось, не возмущалось имъ, не вдумывалось въ смыслъ его. А между тѣмъ тотъ самый народъ, о которомъ теперь говорятъ, что ему чужды развившіяся и опредѣлившіяся потребности интеллигенціи,—этотъ народъ издавна страдаетъ отъ административныхъ высылокъ, давно возмущается ими и прочувствовалъ потребность въ обезпеченіи неприкосновенности личности отъ административнаго произвола гораздо ранѣе, чѣмъ та же потребность развилась въ интеллигенціи. Мрачное время тяжелыхъ гоненій на расколъ въ царствованіе императора Николая было време-

немъ безпрерывныхъ административныхъ высылокъ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ за то, что они не хотѣли молиться Богу, какъ было угодно власти. Тогда ссылали сразу цѣлыми массами, десятками, сотнями. Человѣческій стонъ стоялъ въ мѣстахъ, гдѣ происходилъ дикій разгулъ административнаго произвола. Въ теченіе прошлаго царствованія гоненіе на расколъ мало-по-малу ослабѣваетъ, такъ что наконецъ административныя высылки сектантовъ почти совсѣмъ прекратились. Но за то, по мѣрѣ развитія народной жизни, являются въ народѣ совершенно новыя движенія, за которыя онъ расплачивается, по-прежнему, ссылкою, и опять цѣлыя массы рабочаго, трудоваго люда отрываются отъ семьи и обычнаго труда для безсрочнаго водворенія въ разныхъ захолустьяхъ, гдѣ онѣ и погибаютъ. Сначала идутъ административныя высылки по случаю волненій въ средѣ сельскаго населенія, вызванныхъ недоразумѣніями при опредѣленіи поземельныхъ отношеній согласно Положенію 19 февраля 1861 года; потомъ начались ссылки фабричныхъ работниковъ за стачки; далѣе стали ссылать за принадлежность къ тайнымъ рабочимъ союзамъ и т. д. Мы намѣтили въ исторической послѣдовательности только самые главные виды общественныхъ движеній въ народной средѣ, служившихъ поводами для административныхъ высылокъ. Но и кромѣ того многое множество народа подвергалось административнымъ высылкамъ по произволу чиновниковъ, которые просто изъ личныхъ видовъ считали нужнымъ заявить начальству о своей дѣятельности ходатайствомъ о ссылкѣ большаго или меньшаго числа лицъ, которымъ они давали названіе *зачинщиковъ*, *подстрекателей* и людей, *имѣющихъ вредное вліяніе въ своей средѣ*. Сверхъ того множество крестьянъ и мѣщанъ ежегодно подвергаются административнымъ высылкамъ въ Сибирь, по общественнымъ приговорамъ, за дурное поведеніе. Какъ извѣстно, при этомъ допускается множество злоупотребленій, потому что приговоры или бываютъ совсѣмъ подложны, или составляются благодаря сильному постороннему давленію на общество. Всякій, напримѣръ, у кого въ рукахъ сила,—будетъ ли то писарь или исправникъ, становой или богатый кулакъ,—легко можетъ отправить въ административную ссылку лично непріятнаго ему человѣка при помощи подложнаго или вынужденнаго приговора. Вообще, посредствомъ административной высылки издавна крестьяне исторгались изъ своихъ общинъ, но память о сосланныхъ оставалась въ народѣ и была гораздо живучѣе, волновала и раздражала мѣстное населеніе гораздо болѣе и сильнѣе, чѣмъ административныя высылки интеллигентныхъ людей. Наша интеллигенція живетъ въ-разбродъ, исключительно семейною и кружковою жизнью. Если изъ среды интеллигенціи административный произволъ вырываетъ кого-нибудь, то этимъ онъ вызываетъ отчаяніе и страшное, убивающее горе только въ семьѣ сосланнаго и въ небольшомъ кружкѣ знакомыхъ; даже сосѣди, занимающіе квартиру рядомъ съ такою, пораженною горемъ, семьей, не видятъ слезъ, которыя тамъ льются, не слышатъ рыданій, которыя

не идутъ дальше стѣнъ квартиры. Другое дѣло—деревня, гдѣ всѣ жители тѣсно сплочены между собою, гдѣ такъ сильно развита мірская, общинная жизнь. Тамъ горе семьи, сдѣлавшейся жертвою административнаго произвола, стонетъ на улицахъ, переносится изъ избы въ избу, вездѣ вызываетъ единодушное сочувствіе къ жертвамъ произвола и раздраженіе противъ виновниковъ несчастія. Да, на мужикѣ административный произволъ отражается много тяжелѣе, чѣмъ на насъ. Вторгаясь въ нашъ домъ, полиція все-таки соблюдаетъ нѣкоторую осмотрительность, вѣжливость и приличіе, а съ мужикомъ считаетъ лишнимъ церемониться. Становые и урядники считаютъ себя въ правѣ, безъ всякаго повода, забраться въ домъ мужика, привязываются ко всякимъ пустякамъ, вмѣшиваются въ самыя обыденныя, хозяйственныя дѣла семьи. Дѣло доходитъ до того, что урядники шарятъ въ печи, заглядываютъ въ горшки и составляютъ акты о неповиновеніи законнымъ требованіямъ власти, если баба откажется удовлетворить любознательность грознаго начальства о томъ, что именно варится въ горшкѣ. Мы достаточно независимы, чтобы не позволить полиціи вмѣшиваться въ нашу обыденную хозяйственную и семейную жизнь, а мужику остается одно средство для избавленія отъ административнаго произвола—откупиться, и откупъ сдѣлался среди сельскаго населенія самымъ обычнымъ явленіемъ. Мы идемъ по улицѣ если не съ полною увѣренностью, то съ весьма вѣроятною надеждою, что насъ не будутъ бить ни городовой, ни околодочный, хотя бы даже мы сдѣлали какой-нибудь проступокъ. Но у мужика этой надежды нѣтъ,—его то и дѣло безъ всякихъ достаточныхъ основаній, безъ всякаго права, произвольно, бьютъ, и эти побои сдѣлались какою-то обычною принадлежностью власти всякаго низшаго и высшаго полицейскаго агента. Если насъ безъ достаточныхъ основаній административная власть подвергаетъ арестамъ, то, по крайней мѣрѣ, мы можемъ утѣшать себя и оправдывать ее тѣмъ, что она подозрѣваетъ въ насъ важныхъ государственныхъ преступниковъ, а себя считаетъ спасителемъ отечества. Но мужика арестуютъ совсѣмъ зря, просто потому, что онъ не во-время подвернется подъ сердитую или пьяную руку какого-нибудь становаго. Тамъ, въ деревенской глуши, произвольные аресты дѣлаются сразу цѣлыми массами. Пріѣдетъ въ деревню становой приставъ «для понужденія сельскихъ и волостныхъ властей ко взиманію податей» и ограничиваетъ все это понужденіе тѣмъ, что, изругавъ всѣхъ самыми скверными словами, сажаетъ цѣлые десятки недоимщиковъ въ «холодную». Интеллигентный человѣкъ уже забылъ болевое ощущеніе отъ сѣченья розгами и считаетъ невѣроятными легендами разсказы стариковъ о томъ, какъ въ старое время сѣкли въ третьемъ отдѣленіи,—а мужика до сихъ поръ сѣкутъ. По сіе время становые при сборѣ податей сѣкутъ розгами недоимщиковъ, оформливая эту возмутительную расправу вынужденнымъ приговоромъ волостныхъ судей, которые не смѣютъ пикнуть слова предъ всемогущимъ начальствомъ. Бывшій казанскій

губернаторъ Скарятинъ еще до сихъ поръ состоитъ подъ судомъ за то, что подвергъ поголовному тѣлесному наказанію нѣсколько сотенъ крестьянъ. Въ нынѣшнемъ году въ Одессѣ, въ Смѣлѣ и въ прочихъ мѣстахъ на югѣ, гдѣ были еврейскіе безпорядки, цѣлыя сотни крестьянъ и мѣщанъ были произвольно наказаны розгами, по распоряженію административныхъ властей. Произволъ администраціи, полная необезпеченность личности мужика, постоянное нарушеніе неприкосновенности его жилища отражаются гибельнымъ образомъ на имущественныхъ интересахъ его. Одни, испытывающіе на себѣ наибольшую тяжесть административнаго произвола, совсѣмъ разоряются; другіе, склоняясь и подчиняясь гнету дикой силы, теряютъ энергію, дѣлаются слабыми, забитыми людьми, неспособными ни къ какой борьбѣ, безъ чего нельзя достигнуть матеріальнаго благосостоянія; наконецъ, всѣ безъ исключенія вынуждены откупаться отъ произвола, платить дань безчисленному начальству. Словомъ, еслибы даже мы согласились съ мнѣніемъ, что мужику ничего не нужно, кромѣ куска хлѣба, то и въ такомъ случаѣ должны признать, что онъ не можетъ даже насытиться этимъ кускомъ хлѣба до тѣхъ поръ, пока не будетъ ограждена отъ административнаго произвола неприкосновенность личности, домашняго очага и имущественныхъ интересовъ.

Въ огражденіи свободы вѣрующей совѣсти мужикъ нуждается гораздо больше, чѣмъ интеллигентный человѣкъ. Законъ своею нетерпимостью въ дѣлахъ вѣры уже умѣлъ довести большинство образованнаго общества до религіознаго индифферентизма вездѣ, гдѣ успѣхи раціонализма еще не привели къ полной утратѣ вѣры. Но въ народную массу раціонализмъ еще не проникъ, а религіозный индифферентизмъ хотя и дѣлаетъ весьма замѣтные успѣхи, но еще далеко не достигъ такой степени, какъ въ интеллигентномъ обществѣ. Народъ еще не утратилъ вѣры и потому свобода совѣсти для него является самой насущной жизненною потребностью. Въ особенности эта потребность развита въ нашемъ народѣ, благодаря тому, что онъ отличается религіознымъ свободомысліемъ. Онъ разбитъ на множество сектъ, которыя постоянно то нарождаются вновь, то умираютъ, то распространяются, то сокращаются; словомъ, въ немъ непрестанно происходятъ религіозныя движенія. А между тѣмъ у насъ нѣтъ законнаго простора для религіозныхъ движеній,—законъ не признаетъ за русскимъ гражданиномъ права на свободу вѣрующей совѣсти, правительство преслѣдуетъ религіозныя убѣжденія, не согласныя съ ученіемъ государственной церкви. Оттого, при незначительномъ числѣ явныхъ сектантовъ, у насъ существуетъ громадное множество такъ-называемыхъ тайныхъ раскольниковъ. Тайный расколъ—это такое возмутительное, такое безнравственное явленіе, которое заставляетъ насъ стыдиться своей родины. Цѣлые милліоны тайныхъ раскольниковъ воспитываются въ притворствѣ, во лжи, въ борьбѣ съ собственною совѣстью, которая требуетъ не скрывать религіозныхъ убѣжденій и противъ которой возстаетъ жи-

тейское благоразуміе, принуждающее наружно подчиняться закону, чтобы не подвергнуться непріятностямъ и преслѣдованіямъ за отступленіе въ расколъ отъ господствующей православной церкви. Поэтому милліоны крестьянъ и мѣщанъ, состоящихъ въ тайномъ и явномъ расколѣ, требуютъ признанія свободы совѣсти гораздо настоятельнѣе, чѣмъ интеллигенція; но это требованіе ихъ до сихъ поръ остается безъ удовлетворенія.

Что касается высказываемаго интеллигенціей требованія свободы печатнаго слова, то, повидимому, оно совсѣмъ не раздѣляется народомъ. Кажется, зачѣмъ ему печать, когда масса крестьянства остается неграмотною, а грамотные довольствуются плохими книжонками, на печатаніе которыхъ начальство милостиво даетъ свое согласіе? Но на самомъ дѣлѣ еслибы возможно было точно опредѣлить, гдѣ болѣе распространена запрещенная литература—въ интеллигенціи или въ народной массѣ, то мы получили бы, безъ сомнѣнія, весьма внушительное и вѣсское доказательство того, что мужику свобода печати еще нужнѣе, чѣмъ интеллигенціи. Мы говоримъ не о той запрещенной литературѣ, не о тѣхъ подпольныхъ изданіяхъ, которыя распространяются въ народѣ пропагандистами соціально-революціонныхъ идей, хотя и такія книжки, судя по политическимъ процессамъ, ходятъ въ народѣ въ очень большомъ числѣ,—нѣтъ, мы говоримъ о другаго рода запрещенной литературѣ, собственно о раскольничьихъ книгахъ. Эти книги представляютъ собою или рукописи, или старопечатныя изданія, или перепечатки со старыхъ книгъ. Онѣ хранятся у крестьянъ въ глубокой тайнѣ, въ заповѣдныхъ мѣстахъ, изъ опасенія, что полиція, во время обыска, отберетъ ихъ. Это опасеніе очень часто оправдывается, книги забираются, на основаніи закона, представляются къ духовному начальству и, по его распоряженію, частью сжигаются, частью же обращаются на пополненіе учебныхъ и общественныхъ библіотекъ. Цензура не позволяетъ печатать книги, несогласныя съ ученіемъ господствующей церкви, и не далѣе, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ, по распоряженію синода, была запрещена къ обращенію и сожжена въ Москвѣ напечатанная въ типографіи Малюкова, безъ разрѣшенія предварительной цензуры, книга: «Историческія изслѣдованія, служащія къ оправданію старообрядцевъ». При невозможности открыто, на законномъ основаніи, печатать необходимыя для раскольниковъ книги, явилась потребность завести типографіи за границей, гдѣ даже выходитъ особая газета для русскихъ старообрядцевъ. Что же касается книгъ богослужебныхъ, то онѣ получаются изъ тайныхъ типографій, которыя уже много разъ были открываемы полиціей внутри Россіи. Такимъ образомъ народъ, несомнѣнно, имѣетъ надобность въ свободѣ печати и съ этой стороны возможно только одно возраженіе, что до сихъ поръ потребность въ свободной печати явилась у однихъ раскольниковъ для удовлетворенія ихъ религіозныхъ нуждъ. Говорятъ, что если раскольники будутъ уравнены въ правахъ съ православными, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, они получатъ право свободно печатать нужныя имъ религіозныя

книги и тогда въ народѣ не останется болѣе никакой потребности въ расширеніи свободы печати вообще. Но такое мнѣніе совершенно невѣрно. Печать обнимаетъ собою всю безконечно обширную область духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ человѣка и потому свобода печати въ религіозной и даже уже въ церковно-обрядовой области не исключаетъ собою потребности точно въ такой же свободѣ въ сферѣ другихъ нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ. Если мы признаемъ, что мужику недоступны никакіе интересы, помимо религіозныхъ или даже церковно-обрядовыхъ, въ такомъ случаѣ понятно, что свобода печати ему не нужна. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ, потому что въ религіозную форму облечено все міросозерцаніе народа, религія, на той ступени развитія, на которой стоитъ нашъ мужикъ, захватываетъ въ свою область всѣ духовные и матеріальные интересы народа, такъ что стремленія къ удовлетворенію ихъ обыкновенно принимаютъ религіозную окраску. Слѣдовательно, доколѣ не произошло выдѣленіе религіи изъ сферы остальныхъ духовныхъ интересовъ народа, до тѣхъ поръ свобода печати въ области религіозныхъ вопросовъ по необходимости должна распространиться на всѣ безъ исключенія вопросы волнующіе человѣчество. Но и безъ того интересы народа не ограничиваются строго религіозною областью, что прямо признается даже сторонниками мысли о томъ, будто народъ нуждается въ кускѣ хлѣба и совершенно чуждъ желаніямъ и потребностямъ интеллигенціи. Коль скоро признается, что мужикъ нуждается въ обезпеченномъ матеріальномъ положеніи, въ кускѣ хлѣба, то тѣмъ самымъ мы должны допустить необходимость и свободы печати въ отмежеванной для мужика сферѣ матеріальныхъ интересовъ. До сихъ поръ вѣдь только толкуютъ о томъ, что нужно дать мужику кусокъ хлѣба, а пока, вмѣсто хлѣба, даютъ одни камни. Чтобъ уяснить, въ чемъ именно состоятъ матеріальныя потребности мужика, какія экономическія реформы необходимы для улучшенія и обезпеченія его быта, необходимо предоставить печати полную свободу, ибо мы знаемъ, что все, что въ послѣднее время было сдѣлано добраго для народа, все это было сдѣлано при помощи печати. Она уяснила обществу и правительству положеніе и нужды народа, она же предлагаетъ и обсуждаетъ средства для поднятія экономическаго благосостоянія народа. Мало того, мы видимъ, что голоса противъ свободы печати раздаются изъ того именно лагеря, гдѣ упорно отказываются признать бѣдственное экономическое положеніе народа и противодѣйствуютъ всякимъ широкимъ и серьезнымъ мѣрамъ для поднятія матеріальнаго благосостоянія крестьянъ. Значитъ, стѣсненіе печати нужно не мужику, а врагамъ его. Съ точки зрѣнія интересовъ народа, хотя бы мы и ограничили ихъ однимъ кускомъ насущнаго хлѣба, все-таки свобода печати является необходимою, жизненною потребностью, безъ удовлетворенія которой должны страдать интересы мужика; безъ свободной печати мужику не только не дадутъ куска хлѣба, но, того и гляди, отнимутъ и то, что у него осталось.

Толковать о томъ, что народу ненужно право сходокъ, ненужна свобода устной рѣчи, можетъ только человѣкъ совсѣмъ незнающій народа; а скорѣе всего едва ли кто и рѣшится говорить такую нелѣпость. Право сходокъ составляетъ обычное право нашего народа,—такое право, которое вошло въ жизнь его, такъ что безъ пользованія этимъ правомъ невозможно и представить себѣ нашего народа. Законъ запрещаетъ сходки, и интеллигенція, подчиняясь закону, терпѣливо переноситъ это тяжелое лишеніе. Но народъ, многомилліонная крестьянская масса, знать не хочетъ закона и жить не можетъ безъ сходокъ. Сходка составляетъ необходимое условіе самаго существованія той мірской, общинной жизни, какую ведетъ нашъ народъ. Чуть не ежедневно, какъ только у нѣсколькихъ человѣкъ въ деревнѣ или у всѣхъ жителей одного селенія является какого бы то ни было рода общій интересъ, тотчасъ же собирается сходка; занимающій всѣхъ вопросъ подвергается обсужденію и всякій, даже въ чисто домашнихъ и хозяйственныхъ дѣлахъ, безъ посторонняго принужденія, въ силу одной только, вѣками изъ поколѣнія въ поколѣніе воспитанной, привычки къ мірской жизни, поступаетъ именно такъ, какъ рѣшено міромъ, на сходкѣ. Здѣсь господствуетъ полная свобода и нѣтъ ни малѣйшаго слѣда стѣсненія устной человѣческой рѣчи. Отнять у народа это право сходокъ и эту свободу устной рѣчи невозможно, потому что они вошли, такъ сказать, въ самую нравственную природу нашего крестьянина. Никакіе урядники и становые не въ силахъ принудить крестьянина къ исполненію закона, лишающаго его права собираться на сходки и здѣсь свободно обсуждать занимающіе его вопросы. При такихъ-то условіяхъ можно ли отыскать какой-нибудь смыслъ во мнѣніи, будто народъ равнодушенъ къ требованію интеллигенціи о правѣ сходокъ, будто это право не сходится съ интересами народа и что народъ забудетъ о немъ, какъ скоро, въ большей или меньшей степени, будетъ удовлетворена его потребность въ кускѣ хлѣба.

Потребность въ свободной самодѣятельности общества наталкиваетъ интеллигенцію на борьбу съ бюрократіей, которая служитъ преградою для удовлетворенія этой потребности. Обойти эту преграду никакъ нельзя и, для достиженія завѣтнаго стремленія общества къ свободной самодѣятельности въ сферѣ интересовъ общественныхъ, необходимо, во что бы то ни стало, уничтожить препятствіе, устранивъ бюрократію, въ болѣе или мѣнѣе значительной степени, отъ вмѣшательства въ область общественныхъ интересовъ. Ту же самую вражду къ бюрократіи и то же стремленіе къ освобожденію отъ господства ея мы видимъ и въ народной массѣ. Народъ относится въ высшей степени враждебно къ бюрократіи и видитъ въ ней одну изъ самыхъ главныхъ причинъ всѣхъ своихъ бѣдъ и несчастій. Въ доказательство этого мы ссылаемся на общеизвѣстный фактъ, что почти во всѣхъ народныхъ волненіяхъ возбуждающее дѣйствіе на массу оказываетъ неизмѣнно одинъ и тотъ же слухъ, что начальство скрыло царскій указъ, дарующій льготы народу и невыгодный для враговъ его. Устная

и рукописная народная литература отражаетъ въ себѣ глубокую и непримиримую ненависть къ чиновничеству. Мы приведемъ только два замѣчательныхъ заговора: одинъ—въ видѣ молитвы Николаю Чудотворцу, а другой—въ формѣ обращенія къ нечистой, бѣсовской силѣ объ избавленіи отъ «всяческихъ чиновниковъ»: «Помолюся и поклонюся рабъ Божій Антипъ святителю Николѣ Чудотворцу. Буди мнѣ скорый помощникъ и заступникъ отъ судей судейскихъ и мірскихъ властителей, и всяческихъ чиновниковъ мужеска и женска пола. О, избави меня, раба Божьяго Антипа, отъ суда, гнѣва, ябеды, взятки и призора! И како, святитель, отче Никола, избавилъ еси трехъ дѣвицъ, откуда извелъ сына Агрипова и арацинскаго князя, тако избави мя погубленіемъ судей судейскихъ, и мірскихъ властителей, и всяческихъ чиновниковъ мужеска пола. Чудотворъ, отче Николае, молюся тебѣ, буди мнѣ помощникъ и заступникъ, и како избавилъ еси трехъ вдовъ отъ великаго плача, тако избави мя, раба Божьяго Антипа, отъ судей судейскихъ, и мірскихъ властителей. И ты, Господи, утвердивый небо и землю и всю бездну, утверди словеса и заговоры раба твоего Антипа; ты же (?) камени, кости, и булата, и сребра, и злата противъ судей судейскихъ, и мірскихъ властителей, и всяческихъ чиновниковъ, мужеска и женска пола, во вѣки вѣкомъ, аминь». Въ другомъ заговорѣ мужикъ обращается къ бѣсу съ слѣдующею мольбой: «Бѣсе рьяный, бѣсе смрадный, бѣсе огненный, бѣсе иглистый! По силѣ, по праву заговора-приговора, заворота-приворота, явитесь предо мною, какъ листъ передъ травою, и защитите, и сберегите меня отъ судей судейскихъ, и мірскихъ властителей, и всяческихъ чиновниковъ мужеска и женска пола. Бѣсе смрадный, ослѣпи и омрачи разумъ судей судейскихъ, и мірскихъ властителей, и всяческихъ чиновниковъ. Бѣсе огненный, сожги ихъ сердце и совѣсть. Аще же что злое умыслитъ на меня, раба Божьяго, то, бѣсе иглистый, исколи утробу судей судейскихъ, и мірскихъ властителей, и всяческихъ чиновниковъ мужска и женска пола. Бѣсе рьяный, стяни жилы ихъ корчами и узами нераспутными, во вѣки вѣкомъ, аминь». Подобныхъ выписокъ изъ произведеній народной литературы мы могли бы привести много, но думаемъ, что и приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы судить о силѣ, страстной ненависти къ чиновничеству. Интеллигенція еще не дошла до такого озлобленія противъ бюрократіи, до какого дошелъ народъ. А за этимъ страстнымъ озлобленіемъ скрывается стремленіе освободиться отъ подавляющаго господства бюрократіи и дать просторъ самодѣятельности общества въ сферѣ интересовъ его. Всѣмъ, имѣвшимъ случай близко наблюдать крестьянскую общинную жизнь, хорошо извѣстно, какъ ревниво крестьяне оберегаютъ свою общинную самостоятельность отъ вмѣшательствъ чиновниковъ. И дѣйствительно, имъ удалось, путемъ упорнаго пассивнаго сопротивленія, развить и сохранить общинное самоуправленіе неизмѣримо шире границъ, отведенныхъ закономъ. Но и на этомъ крестьяне не останавливаются, а идутъ дальше и стремятся еще болѣе расширить общественную самодѣятельность, совер-

шенно освободивъ ее отъ бюрократическаго гнета. Эти стремленія уже бродятъ въ народѣ и выражаются въ формѣ слуховъ, разсужденій и т. п. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, доказывающихъ существованіе въ народѣ такихъ стремленій. Изъ нихъ мы приведемъ только три наиболѣе характерныхъ и совершенно достовѣрныхъ факта. Такъ, напр., въ 40-хъ годахъ, одинъ крестьянинъ Вытегорскаго уѣзда Олонецкой губерніи былъ сосланъ за расколъ въ Сибирь, гдѣ мирно прожилъ до восьмидесятилѣтняго возраста. На старости ему запали въ голову совершенно новыя идеи, которыми онъ до такой степени увлекся, что въ 1878 году пѣшкомъ ушелъ изъ Сибири на родину и сталъ проповѣдывать окрестному сельскому населенію, что, какъ только окончится турецкая война, народу будетъ дана свобода,—не будетъ ни архіереевъ, ни поповъ, ни другихъ деревенскихъ властей, а всѣ будутъ вѣровать свободно и молиться не въ церквахъ, а въ часовняхъ; не будетъ также никакихъ чиновниковъ и другихъ гражданскихъ властей, а народъ будетъ самъ выбирать себѣ *большаковъ*, которые станутъ управлять имъ согласно народной волѣ. Въ концѣ прошлаго года, въ крестьянскомъ населеніи Московской губерніи упорно держался слухъ, что скоро выдетъ царскій указъ, запрещающій становымъ и урядникамъ въѣзжать въ деревни и вмѣшиваться въ какія бы то ни было общественныя дѣла крестьянъ. На дняхъ одно лицо, заслуживающее полнаго довѣрія, передавало намъ, что, нынѣшнимъ лѣтомъ, оно слышало въ Костромской губерніи отъ крестьянъ самые сочувственные толки о намѣреніяхъ покойнаго Государя Императора призвать народныхъ представителей къ участію въ государственныхъ дѣлахъ. Эти крестьянскіе толки отличались такою широтою политическихъ взглядовъ, что, въ силу существующихъ цензурныхъ условій, къ сожалѣнію, мы не можемъ передать ихъ. Да и вообще сообщаемымъ нами единичнымъ фактамъ мы отнюдь не придаемъ какого-либо общаго значенія и полагаемъ только, что ихъ не безполезно имѣть въ виду, такъ какъ, по нашему убѣжденію, они могутъ разъяснить истинный смыслъ народной ненависти къ чиновничеству, составляющей общій и несомнѣнный фактъ. Вражда къ бюрократіи представляетъ собою отрицательную сторону народныхъ воззрѣній, а стремленіе къ свободной самодѣятельности общества въ сферѣ интересовъ его—положительную сторону.

Мы сказали, что необходимость прочныхъ гарантій ненарушимости личныхъ и общественныхъ правъ и вольностей вполнѣ сознается интеллигентнымъ обществомъ, но тѣмъ не менѣе, до сего времени, еще не достигнуто соглашенія по вопросу о томъ, какія именно гарантіи намъ необходимы. Понятное дѣло, что народъ въ вопросѣ о гарантіяхъ не могъ уйти дальше интеллигенціи, а напротивъ значительно отсталъ отъ нея. Онъ еще не вполнѣ сознаетъ необходимость гарантій; наивная вѣра въ правду, честность и справедливость, служащія, по его понятію, единственною гарантіей, устраняетъ собою необходимость другихъ, болѣе прочныхъ и осязательныхъ, гарантій. Народная масса вездѣ очень довѣрчива

и за это ей часто приходится расплачиваться тяжелыми разочарованіями. Другое дѣло—интеллигенція: она не можетъ питать такой дѣтски-наивной вѣры въ прочность правоваго порядка, если могучая внѣшняя сила не будетъ стоять на-стражѣ для противодѣйствія всякому поползновенію нарушить и измѣнить этотъ порядокъ въ ущербъ народнымъ интересамъ. Понятное дѣло, что коль скоро извѣстный правовый порядокъ не только не противорѣчитъ интересамъ народа и не нарушаетъ ихъ, а напротивъ вполнѣ удовлетворяетъ народнымъ потребностямъ, тогда выработанныя интеллигенціей гарантіи ненарушимости этого, всѣхъ удовлетворяющаго, порядка не могутъ встрѣтить противодѣйствіе въ народной массѣ.

Такимъ образомъ нужды и желанія интеллигенціи отнюдь не противорѣчатъ потребностямъ и стремленіямъ народа, не чужды ему, и слѣдовательно мысль, будто народъ можетъ сдѣлаться союзникомъ людей, стремящихся «поумѣрить желанія и заставить поблѣднѣть фантазію» интеллигенціи, представляется именно тою вздорною фантазіей, которая ставится въ укоръ либеральной части русскаго общества. Смѣшно слушать дѣтскія мечты о возможности такого союза и въ то же время видѣть полное умалчиваніе о томъ, какіе именно интересы могутъ привлечь народъ на сторону людей, отказывающихъ въ удовлетвореніи нуждъ и желаній интеллигенціи. Либеральная часть русскаго общества уже высказалась съ достаточною опредѣленностью за широкія экономическія реформы въ пользу народа и сверхъ того внесла въ свою программу требованіе такихъ политическихъ реформъ, которыя желательны и нужны народу столько же, какъ и интеллигенціи. Тутъ союзъ представляется дѣломъ вполнѣ естественнымъ и возможнымъ. Но противники либеральной части русскаго общества только говорятъ, что нужно дать народу кусокъ хлѣба, а что это будетъ за кусокъ и можетъ ли народъ насытиться имъ, о томъ умалчиваютъ. Мы не видимъ, чтобы люди, стремящіеся «поумѣрить желанія и заставить поблѣднѣть фантазію» интеллигенціи, добивались для народа болѣе широкихъ экономическихъ реформъ, чѣмъ тѣ, за которыя высказалась либеральная часть общества. Слѣдовательно, на какомъ же основаніи они надѣются, что народъ повѣритъ имъ и за-одно съ ними будетъ противодѣйствовать тѣмъ самымъ стремленіямъ интеллигенціи, которыя не только не противорѣчатъ интересамъ народа, а напротивъ удовлетворяютъ сознанныя народомъ потребности?

Нѣтъ, народъ не можетъ служить пугаломъ и никогда не будетъ противникомъ той либеральной части русскаго общества, которая искренно желаетъ широкихъ экономическихъ и политическихъ реформъ въ интересахъ народа. Простой здравый смыслъ говоритъ, на чьей сторонѣ должны быть симпатіи народа и возможно ли возстановить этотъ народъ противъ либеральной части общества, стремящейся связать свои интересы и судьбу съ интересами и судьбой народа на почвѣ взаимнаго довѣрія и обоюдныхъ выгодъ.

С. Пр.

Хроника французской жизни.

Результаты выборовъ.—Вопросъ о составѣ министерства.—Настроеніе деревни.—Положеніе г. Гамбетты.—Открытіе въ Нейбургѣ памятника Дюпонъ-де-Лёръ.—Развитіе выборнаго начала.—Проектъ учрежденія земледѣльческихъ комитетовъ.—Вопросъ о несмѣняемости судей.—Тунисскія дѣла.—Конференція г. Поля Беръ.—Книга г. Догерти: «Природа и человѣкъ».—Журналы: Revue des deux Mondes, Nouvelle Revue и Revue Britannique.

Результаты послѣднихъ выборовъ благопріятны упроченію республики. Бонапартисты и монархисты не отважились выставить своихъ кандидатуръ, а тѣ немногіе приверженцы ихъ, которые вступили въ борьбу, потерпѣли пораженіе; за то нѣсколько радикаловъ и непримиримыхъ усилили лѣвую крайнюю. Большинство новой палаты—гамбеттисты, республиканскій центръ, и ферристы—лѣвая сторона; первые сильнѣе послѣднихъ въ противоположность старой палатѣ, гдѣ господствовали ферристы. Вотъ почему сила вещей требуетъ, чтобы во главѣ будущаго кабинета сталъ Гамбетта, а портфель министра просвѣщенія находился бы въ умѣлыхъ рукахъ г. Ферри, которому страна обязана увеличеніемъ бюджета народнаго образованія до 106 милліоновъ франковъ, тогда какъ для того же предмета во времена имперіи тратилось лишь 26 милліон. франк. Благодаря такому «гамбетто-ферристскому» большинству палаты, въ новое министерство должны войти разнородные, смѣшанные элементы, что совершенно забываютъ гамбеттисты въ своихъ властолюбивыхъ пронскахъ.—Вотъ будущая почва для борьбы партій. При перебаллотировкѣ большая часть депутатовъ прошла, при чемъ многіе изъ тѣхъ, которые принадлежали къ лѣвой республиканской, заявили своимъ избирателямъ, что они вмѣстѣ съ ними желаютъ сдѣлать шагъ впередъ и войдти въ составъ республиканскаго центра—этой посредствующей группы между умѣренной и крайнею лѣвой.

Въ Парижѣ собственно всѣ выдающіеся, извѣстные кандидаты были почти единогласно выбраны,—Флокке, Бароде, Бриссонъ, Луи Бланъ; послѣдній—съ особеннымъ энтузіазмомъ и единодушіемъ. Въ немъ, теперь больномъ старикѣ, страна привѣтствовала того, кто первый оффиціально поднялъ рабочій вопросъ. Франція не забудетъ, что этотъ славный

старецъ горячо, хотя и тщетно, отстаивалъ интересы рабочихъ въ люксамбургской комиссіи, коей онъ, вмѣстѣ съ рабочимъ Альбертомъ, былъ предсѣдателемъ и гдѣ онъ стремился практически осуществить свой проектъ организаціи труда; за эти добрыя начинанія, за его глубокую искренность французскій народъ останется ему всегда благодаренъ.

Неожиданно и любопытно окончились нѣкоторые провинціальные выборы,—напр., въ Бургоньи они дали консервативное большинство. Этотъ элементъ занесенъ сюда, конечно, республиканскою буржуазіей, которая рада-радешенька, что добилась, послѣ стольких потерь и огорченій, республиканскаго правленія и, вполнѣ удовлетворенная, теперь стремится только сохранить достигнутый порядокъ. Въ этомъ случаѣ республиканская буржуазія напоминаетъ либераловъ реставраціи, прежде составлявшихъ оппозицію правительству и совершенно успокоившихся, когда младшая вѣтвь Орлеанскаго дома въ лицѣ Луи-Филиппа взошла на престолъ съ обѣщаніемъ править согласно «народному договору» и возстановила трехцвѣтное знамя. И теперь, какъ тогда, тѣ, которые составляли оппозицію предшествующему правительству, и настоящимъ порядкомъ вещей считаютъ себя удовлетворенными, пользуются большимъ вліяніемъ надъ окружающими, въ особенности среди рабочихъ маленькихъ городковъ.

Въ деревнѣ крестьянинъ начинаетъ читать, и не безъ пользы. У него складываются опредѣленные взгляды и желанія. Къ образованію народъ питаетъ большое уваженіе, чувствуя, что оно одно открываетъ двери личнымъ достоинствамъ, и потому не жалѣетъ тратъ на него.

Къ клерикальному вопросу деревня тоже не безучастна,—она ненавидитъ монаховъ и рукоплескала изгнанію іезуитовъ,—но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что поселянинъ не религіозенъ; напротивъ, въ важные моменты жизни—бракъ, рожденіе, смерть—онъ любитъ церковные обряды, но не любитъ допускать вмѣшательство духовенства въ дѣла мэра или школьнаго учителя.

На что дѣлаетъ г. Гамбетта?—Изъ страстной избирательной борьбы въ Бельвильскомъ округѣ вождь оппортюнизма вышелъ побѣдителемъ. Друзья наиболѣе умѣренные стараются убѣдить его, что не стоитъ ломать головы ни ему, ни имъ надъ осуществленіемъ избирательной программы, ибо,—говорятъ они, — всѣ эти посулы и обѣщанія избирателямъ не что иное какъ pia desiderata; нужно извлечь изъ программы наиболѣе практичное, удобное къ выполненію, и только. Подобные услужливые совѣты возмущаютъ истинно преданныхъ друзей Гамбетты, какъ Ранкъ, Флоке и др., которые считаютъ оскорбительнымъ для президента палаты предположеніе, что онъ отвернется отъ своихъ старыхъ друзей и промѣняетъ ихъ на союзъ съ консерваторами, будь они даже республиканцы.

Гамбетта рѣзко и круто перемѣнилъ свою политическую тактику. Онъ, которому принадлежатъ слова: «Le cléricalisme c'est l'ennemie», возсталъ противъ отдѣленія церкви отъ государства, сообразивъ, должно-быть, что

духовною полиціей можно пользоваться наравнѣ съ императорской; Гамбетта, бросившій въ лицо имперіалистовъ эпитетъ «жалкихъ», теперь съ распростертыми объятіями принимаетъ г. Митчеля и герцога de-la-Fauconnerie, этихъ извѣстныхъ ренегатовъ; онъ, который отрицалъ существованіе самаго соціальнаго вопроса, теперь не прочь разрѣшить его чисто императорскими пріемами: «хлѣбомъ и зрѣлищами»; наконецъ, вождь оппортюнизма измѣняетъ своему «profession de foi», перестаетъ внимательно прислушиваться къ общественнымъ мнѣніямъ и требованіямъ, что рельефно сказалось въ его несочувствіи къ широкому развитію въ государствѣ всеобщей подачи голосовъ, котораго страна горячо желаетъ. Нынѣ путемъ всеобщей подачи голосовъ избираются только депутаты, обязанные заботиться о нуждахъ всей націи; страна желаетъ, чтобы тѣмъ же способомъ выбирались члены общинныхъ совѣтовъ, мэръ, и вотировались вопросы, касающіеся мѣстныхъ нуждъ. Гамбетта рѣшительно возсталъ противъ развитія этихъ коммунальныхъ идей и не признаетъ за общиннымъ совѣтомъ права выбора мэра,—права, даннаго ему въ 48 году и отнятаго имперіей. Въ одной изъ своихъ рѣчей президентъ палаты доказывалъ необходимость усиленія администраціи. Ему отвѣтили, что «лучше возвратиться къ конституціи VIII года, которая дѣлала чиновниковъ отвѣтственными не передъ обществомъ или націей, а передъ министерствомъ. А министерство... — нынче первый консулъ, завтра—императоръ!» Все это дало поводъ заподозрить Гамбетту въ стремленіи къ цезаризму. Вотъ гдѣ причина охлажденія къ нему.

Достопамятное 4-ое сентября не праздновалось на этотъ разъ ни въ Парижѣ, ни во Франціи. Къ сожалѣнію, день рожденія республики всегда будетъ отравляться горестнымъ воспоминаніемъ о капитуляціи 70.000 арміи. Пора бы совсѣмъ прекратить эти торжества какъ побѣдителямъ, значительно разочаровавшимся въ плодахъ своей побѣды, такъ и побѣжденнымъ, раны которыхъ не совсѣмъ еще зажили.

Въ это же знаменитое и печальное 4-ое сентября происходило открытіе памятника Дюпонъ-де-Лера въ Нейбургѣ. Dupont de l'Eure не геній, но идеально честный и прямодушный человѣкъ. Въ революцію онъ состоялъ обвинителемъ при революціонномъ трибуналѣ своего департамента и на его совѣсти не было несправедливыхъ осужденій. Въ эпоху «Ста дней» онъ былъ выбранъ членомъ палаты депутатовъ, гдѣ всегда протестовалъ противъ правительства, непризнающаго воли народа. Въ Реставрацію онъ былъ въ оппозиціи, а въ 48 г., уже 88 лѣтнимъ старцемъ, стоялъ въ оппозиціи. Дюпонъ-де-Леръ съ восторгомъ привѣтствовалъ нарождавшуюся буржуазію въ то время, какъ его другъ Лафаеттъ преклонялся предъ умирающею аристократіей. Онъ велъ скромную жизнь и умеръ бѣднякомъ. По причудливой игрѣ судьбы, рѣчь передъ воздвигнутымъ ему памятникомъ пришлось произнесть человѣку совершенно лишенному достоинствъ чествуемаго, — ее сказалъ г. Гамбетта. Странное несоотвѣтствіе бросилось въ глаза всему обществу.

Изъ Нейбурга Гамбетта отправился на открытіе бассейновъ въ Гуфлерѣ и сказалъ нѣсколько словъ. Онъ былъ встрѣченъ чисто оффиціальнымъ образомъ, но на другой день жители съ непріятнымъ удивленіемъ прочли въ преданныхъ президенту палаты газетахъ, что г. Гамбетта въ сопровожденіи министровъ былъ радостно привѣтствованъ на дебаркадерѣ, и т. д.

Несомнѣнно, что Гамбетта въ скоромъ времени очутится между молотомъ и наковальней, среди радикаловъ и умѣренныхъ; онъ недавно самъ заявилъ, что гордъ своею ролью посредника между буржуазіей и народомъ, но онъ упустилъ изъ виду, что даже изъ самыхъ высокихъ чистыхъ побужденій рискованно встать между двумя воюющими лагерями. Быть-можетъ жреца оппортюнизма спасетъ умѣнье лавировать среди благихъ намѣреній.

Пока Гамбетта молчалъ, его считали геніемъ; онъ заговорилъ—и всѣ увидѣли свою ошибку. А онъ говоритъ, говоритъ безъ конца. Всѣ эти рѣчи, часто вздорныя, начинаютъ надоѣдать, но онъ, повидимому, этого не замѣчаетъ и продолжаетъ разъѣзжать съ своими рѣчами въ такъ-называемомъ «президентскомъ поѣздѣ», изъ города въ городъ, въ сопровожденіи цѣлаго хвоста будущихъ министровъ. Будущему кабинету грозитъ опасность сдѣлаться гамбеттистскимъ, т. е. наполнится креатурами Гамбетты, новаго, умѣреннаго Гамбетты. У послѣдняго есть много общихъ чертъ съ его покровителемъ Тьеромъ, который началъ свое политическое поприще ярымъ поклонникомъ самыхъ крайнихъ вождей 1793 года, а кончилъ главою трусливой буржуазіи и умеръ милліонеромъ.

Новымъ вопросамъ нѣтъ конца. Одинъ изъ самыхъ важныхъ, не обсуждавшійся еще серьезно въ парламентѣ, но тамъ, гдѣ его поднимали, заслужившій искреннее сочувствіе,—это проектъ земледѣльческихъ комитетовъ по округамъ. Предполагается, что комитетъ будетъ состоять изъ 40 лицъ, которыя будутъ избираться тремя категоріями: земледѣльцами, обработывающими свои земли (они избираютъ 20 членовъ), земледѣльцами, отдающими землю въ аренду (избираютъ 10 членъ) и арендаторами (избираютъ 10 членовъ). Главный земледѣльческій совѣтъ будетъ избираться членами комитета, а не министромъ, какъ теперь. Очевидно, что такіе постоянные комитеты познакомятъ страну съ дѣйствительнымъ положеніемъ земледѣлія и съ истинными нуждами земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ.

Другая злоба дня — реформа нашего института судей. Реформа эта обсуждалась почти во всѣхъ избирательныхъ округахъ, что указываетъ на ея важность. Дѣло въ томъ, что существующая у насъ несмѣняемость судей повлекла за собою большую путаницу. Представьте, что извѣстный государственный строй падаетъ, отвергнутый націей, а судья, созданный отжившимъ режимомъ, тѣмъ не менѣе остается. Отъ бурбоновъ 30-й годъ унаслѣдовалъ судей легитимистовъ, надѣлавшихъ много хлопотъ іюльской монархіи; послѣдняя въ свою очередь, очистивъ судейскія мѣста

отъ легитимистовъ, посадила орлеанистовъ, которые послѣ 48 года преслѣдовали республиканцевъ штрафами и арестами, а въ наши дни мы ежечасно видимъ, что судья бонапартистъ, защищенный своею несмѣняемостью, постановляетъ лицепріятныя рѣшенія и всегда, гдѣ можно, обвиняетъ республиканцевъ, потворствуя бонапартистамъ, монархистамъ и сутанѣ. Мы слишкомъ часто читаемъ указы объ арестахъ, продиктованные политическимъ пристрастіемъ и ретроградными убѣжденіями нашего судебнаго трибунала. Было предложено нѣсколько проектовъ преобразованія: одни довольствуются уменьшеніемъ судейскихъ мѣстъ, чтобы хотя отчасти избавить страну отъ самыхъ упорныхъ противниковъ прогресса, другіе предлагаютъ назначать судей для трибуналовъ первой инстанціи,—мировыхъ судей выбирать окружными совѣтами, а судей палаты—департаментскими. Нашли, что и такая система не уменьшитъ зла, что она не только не гарантируетъ правосудія отъ политической заразы болѣе, чѣмъ назначеніе судей министромъ юстиціи, но внесетъ мѣстныя политическія страсти, мѣстные интересы въ судебныя учрежденія, что окончательно подорветъ уваженіе къ нимъ. Вопросъ крайне сложный и рѣшеніе его затруднительно.

Тунисскія дѣла сильно волнуютъ умы. Говорятъ, что на дняхъ возвратившійся г. Рустанъ подалъ министерству мнѣніе, въ которомъ прямо доказываетъ солидарность бея съ инсургентами и считаетъ его низложеніе и занятіе войсками Туниса единственнымъ средствомъ для подавленія мятежа. Трудно, конечно, провѣрять всѣ эти толки, но извѣстно, что французскіе военный и финансовый міры громко высказываются за немедленное и быстрое завоеваніе страны, что, по ихъ мнѣнію, дало бы возможность Англіи рѣшительно и энергично дѣйствовать въ Египтѣ и обезоружить его, что ее удовлетворило бы, такъ какъ она этого давно добивается. Наше правительство не пришло пока ни къ какому рѣшенію по этому вопросу; ему хотѣлось бы сохранить «statu quo» въ Египтѣ и въ то же время не нарушать добрыхъ отношеній съ Англіей. Довольно трудная дилемма.

Въ залѣ зимняго цирка происходила конференція извѣстнаго профессора физіологіи г. Поля Беръ. Сборъ былъ предназначенъ въ пользу библіотекъ училищъ 20 округа. Предметомъ конференціи служилъ вопросъ о религіозно-нравственномъ ученіи въ школахъ. Непремѣннымъ условіемъ правильнаго положенія школы почтенный лекторъ считаетъ полную независимость ея отъ священника, мѣсто котораго—въ церкви. Въ числѣ доказательствъ этого положенія Поль Беръ приводитъ образчики вопросовъ, предлагаемыхъ законоучителями на выпускныхъ экзаменахъ, даже часто въ школахъ Парижа. Они возбудили громкій смѣхъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе любопытные: «Въ какомъ положеніи воскреснутъ тѣла грѣшниковъ?»—«Существовала ли радуга до всемірнаго потопа?»—«Сынъ Божій содѣйствовалъ ли таинству своего воплощенія?» Послѣдній

вопросъ былъ предложенъ молодой дѣвушкѣ. Послѣ этого ораторъ перешелъ къ нравственному воспитанію въ коллегіяхъ и лицеяхъ. Оказывается, по даваемымъ тамъ урокамъ морали, что воровать не всегда грѣшно, что должникъ можетъ на законномъ основаніи не возвратить долга кредитору. Въ катехизисѣ монсиньера Гома дѣтей заставляютъ учить, что «Богъ, вмѣстивъ моря въ ложа, для нихъ уготованныя, сотворилъ землю». Понимай кто можетъ! Поль Беръ сравниваетъ эту картину творенія, нарисованную епископомъ, съ «bon-mot» одного шутника, который, на вопросъ объ изготовленіи пушки, отвѣтилъ: «берутъ дыру и окружаютъ ее бронзой». Далѣе почтенный профессоръ указываетъ на торговлю предметами благочестія, которая превосходитъ всякое вѣроятіе. Въ типографіи общества іезуитовъ продаются входные билеты въ рай. «Вотъ,—говоритъ Поль Беръ,—засвидѣтельствованные паспорты въ небесныя селенія и вотъ указанія путешественникамъ: въ путь могутъ отправляться, когда хотятъ и откуда хотятъ; бѣдности, покорности и цѣломудрію предназначается 1-й классъ скораго поѣзда; набожнымъ, уважающимъ таинства и исповѣдь—1 и 2 классы прямаго сообщенія. Составъ поѣздовъ слѣдующій: спальныхъ вагоновъ пять; въ поѣздѣ 2 локомотива: одинъ во главѣ — любовь, другой въ хвостѣ—страхъ; послѣдній всегда прицѣпляется, чтобы помогать первому, когда тотъ ослабѣваетъ. Не возбраняется странствовать въ омнибусахъ; здѣсь есть тоже 1-й классъ для великодушныхъ, 2-й предназначается довѣрчивымъ, а 3 й—безропотнымъ. Есть еще другія средства—переправа вплавь, въ гондолѣ, на ослѣ, на конѣ, смотря по желанію. Возвратныхъ билетовъ нѣтъ». Затѣмъ Поль Беръ перешелъ къ дешевымъ изданіямъ, сотнями тысячъ расходящимся въ низшихъ классахъ. «Передо мной брошюра,—говоритъ лекторъ,— озаглавленная такъ: «Придворный штатъ Дѣвы Маріи». Книжонка эта вышла подъ редакціей его преподобія Луи Гонзага и издана премонтранскими монахами монастыря «Непорочное Зачатіе», въ С. Мишелѣ. Этотъ отецъ-Гонзага, приговоренный въ 1861 году, за учиненную имъ кражу, къ тюремному заключенію, а нынѣ продающій восковыя свѣчи и какой-то особенный шоколатъ, повѣствуетъ слѣдующее происшествіе изъ жизни св. Іосифа. Въ одномъ городѣ скончался юноша; жизнь его была далеко не назидательна, но въ круговоротѣ многочисленныхъ заблужденій юноша питалъ глубокую преданность къ св. Іосифу. Вотъ умершій—у дверей рая; его встрѣчаетъ св. Петръ словами: «Мой юный другъ, совѣсть запрещаетъ мнѣ васъ впустить». «О,—восклицаетъ грѣшникъ,—если вы не можете открыть мнѣ путь въ небесное жилище, то позовите ко мнѣ моего покровителя св. Іосифа». Св. Іосифъ, по своей любезности, нисходитъ къ преданному сыну, выслушиваетъ его мольбы, жалобы и идетъ къ Богу. «Все, что вы услышите дальше, такъ неправдоподобно, что я желалъ бы вамъ показать текстъ, по которому читаю»,—сказалъ Поль Беръ. Разсказъ продолжается: «Безполезно просить,— восклицаетъ при

видѣ св. Іосифа Творецъ вселенной съ раздраженіемъ.—Этотъ юноша много грѣшилъ».—«Но,—возражаетъ св. Іосифъ,—умершій призывалъ меня ежедневно, и съ моей стороны справедливость...»—«А мое правосудіе,—прерываетъ Отецъ вселенной,—что вы намѣрены съ нимъ дѣлать?» Разговоръ въ подобномъ тонѣ долго тянулся, наконецъ св. Іосифъ воскликнулъ: «Значитъ вы желаете, чтобъ я обманулъ довѣріе моего слуги? Въ этомъ вопросѣ затронута моя честь, уступить я не могу, выборъ для меня невозможенъ,—я ухожу»... Что отвѣтилъ Богъ, не извѣстно, но св. Іосифъ, находя, вѣроятно, что его угрозы недостаточно внушительны, продолжалъ: «Такъ какъ Марія—моя жена, а Іисусъ—мой сынъ, я уведу ихъ съ собою». Кажется, слишкомъ достаточно и этихъ выдержекъ, чтобъ имѣть понятіе объ этомъ богохульствѣ. На экзаменахъ въ С-тъ Фэ, на р. Жиронде, инспекторъ спрашиваетъ ученика, кто изъ историческихъ личностей ему наиболѣе антипатиченъ. И какъ бы вы думали, что отвѣтилъ юноша?—«Генрихъ IV, потому что онъ издалъ Нантскій эдиктъ, обезпечившій протестантамъ свободу вѣроисповѣданія». И это было сказано безъ малѣйшей запинки, безъ колебаній. На парижской выставкѣ можно было прочесть сочиненіе, изданное орденомъ «Братьевъ христіанской вѣры», въ которомъ отъ имени цѣлаго учрежденія говорилось, что Карлъ IX и Екатерина Медичи останутся навсегда дороги и незабвенны сердцамъ истинныхъ христіанъ своею мужественною и героическою вѣрою». «Въ одну ночь,—читаемъ дальше,—мы освободились отъ 50.000 гугенотовъ». Это освобожденіе — Варѳоломеевская рѣзня!... Напрасно клерикалы видятъ причину своихъ неудачъ во Франціи въ энергіи своихъ враговъ. Нѣтъ, источникъ ненависти къ нимъ—въ нихъ самихъ. Пусть они поймутъ это и, снова воздвигнувъ на площадяхъ торжественныя «аутодафэ», побросаютъ въ пламя свои сочиненія, амулеты и разные другіе предметы ложнаго благочестія. Только послѣ этого лучъ божественнаго милосердія просвѣтитъ ихъ и, быть-можетъ, они поймутъ, что предстоитъ имъ исполнить. А если нѣтъ,—народъ будетъ бѣжать отъ нихъ и ревностно воспротивится искаженію евангельскихъ истинъ, затемненію свѣта божественнаго ученія и обращенію священническаго чина въ ремесло шарлатана.

Во Франціи за послѣднее время появилось много философскихъ сочиненій и почти всѣ принадлежатъ къ матеріалистической школѣ. Системы самыя удивительныя благосклонно принимаются, если только онѣ оспориваютъ «божественное откровеніе» или, по крайней мѣрѣ, даютъ объясненіе этому откровенію. Тѣ же, которыя силятся согласить библейскую космогонію съ открытіями современной геологіи, причисляются къ теологическимъ трактатамъ. Этому можно радоваться, этимъ можно огорчаться, но фактъ остается все-таки фактомъ.

Спиритуалистическая философія, не стоящая въ связи съ церковью, въ наши дни—явленіе довольно рѣдкое; такова книга г. Догерти, озаглав-

ленная «Природа и человѣкъ». Въ ней разбираются великіе вопросы: безсмертіе души, вѣчный круговоротъ жизни, говорится о матеріи и ненарушимости силъ и т. д. Всѣ сужденія одинаково независимы какъ отъ доктринъ католицизма, такъ и отъ научныхъ принциповъ дарвиновской теоріи, и вполнѣ отвѣчаютъ внутреннему настроенію многочисленныхъ умовъ, которыхъ не удовлетворяютъ ни объясненія клерикаловъ, ни отрицанія различныхъ философскихъ ученій. Страсть отвергать невѣдомое кажется очень странной, когда вспомнишь, что это невѣдомое—не что иное какъ явленіе, управляющій законъ котораго еще не найденъ. Никто изъ жителей долинъ не будетъ насмѣхаться надъ описаніями величественнаго зрѣлища, открывающагося съ вершинъ высочайшихъ горъ, а между тѣмъ многіе ли были тамъ? Никакія усилія, никакіе крики людей, не могущихъ или не желающихъ проникнуть далѣе легко доступнаго, не удержатъ недовольствующихся имъ отъ стремленія проникнуть въ сферу еще невѣдомаго, непонятнаго... И если едва примѣтныя нашему глазу мерцанія ночныхъ свѣтилъ дозволяютъ заключить о существованіи безконечнаго числа другихъ міровъ, о которыхъ мы вѣдаемъ только по ихъ колоссальной отъ насъ отдаленности, то почему должны мы пренебрегать свѣтомъ нашего внутренняго сознанія, нашихъ душевныхъ чувствъ, и вѣчными стремленіями человѣчества къ свѣту абсолютной истины? Вѣдь эти стремленія, вѣдь наши внутреннія чувства—тоже фактъ, или, говоря языкомъ позитивистовъ, *документы*. На свѣтѣ такъ мало научныхъ истинъ, которыя не были бы передъ тѣмъ только гипотезами. И эти гипотезы не составляютъ ли драгоцѣннаго достоянія человѣчества, залогъ и источникъ научнаго прогресса?

Г. Догерти старается доказать, что множество понятій, причисляемыхъ школой позитивистовъ къ предразсудкамъ, вышедшимъ изъ моды, имѣютъ гораздо болѣе научныхъ основаній, чѣмъ положенія этой школы. «У позитивизма,—говоритъ авторъ,—тоже есть свои гипотезы, только менѣе цѣнныя, чѣмъ тѣ старыя, оставленныя намъ отцами». Далѣе Догерти утверждаетъ, что законы, управляющіе вселенною, доступны пониманію лишь тѣхъ, кто одаренъ духовнымъ зрѣніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдаетъ полную справедливость пользѣ смѣлыхъ изысканій нашего времени; дѣйствительно, часто наиболѣе призрачныя изъ нихъ содѣйствуютъ торжеству истины, прогрессу. Но этотъ прогрессъ,— по мнѣнію Догерти,— только мѣсто отдыха по пути къ осуществленію евангельской правды. «Столкновенія новыхъ идей съ предразсудками дня,—говоритъ авторъ,—вызываютъ, конечно, на извѣстное время нѣкоторое волненіе, броженіе, но оно минуетъ. Такъ въ эпоху наибольшаго развитія греческой философіи и римскаго милитаризма человѣчество привѣтствовало Мессію, который пришелъ упразднить рабство и возвѣстить людямъ общее братство на землѣ. Немного вѣковъ прошло и Евангеліе Христа замѣнило міру Римскую имперію. Теперь, во времена повсемѣстнаго развитія политической эконо-

міи и индивидуализма, въ обществѣ почувствовалось дуновеніе Св. Духа, которое внушило соціалистамъ идеи кооперативнаго труда, долженствующаго замѣнить въ промышленныхъ центрахъ Европы обособленный трудъ работника-раба. Соціализмъ религіозный и нравственный есть въ сущности дальнѣйшее развитіе христіанскихъ доктринъ. Онъ долженъ быть чуждъ революціоннымъ насиліямъ и подобно тому, какъ потребовались цѣлые вѣка для торжества Евангелія, такъ и для осуществленія правильныхъ задачъ соціализма нуженъ рядъ столѣтій.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ очень остроумной критикѣ «фурріеризма», восхищаясь въ то же время нѣкоторыми мыслями ея основателя. Зная скептицизмъ своего времени, онъ восклицаетъ: «Теперь ни во что не вѣрятъ кромѣ золота, а между тѣмъ разсуждаютъ о высшемъ авторитетѣ природы всегда и во всемъ». Дальше, чувствуя, что его обвинятъ въ мистицизмѣ, онъ продолжаетъ: «Человѣкъ во имя религіи совершилъ много злаго, много глупаго,—отсюда большинство относится къ ней подозрительно, даже озлоблено, и кричитъ: «только ничего мистическаго!»

Труды Дарвина и Поля Бера пользуются сочувствіемъ Догерти, но тамъ, гдѣ эти ученые останавливаются, признавая роковую границу, онъ объясняетъ, что за этою границей—отвѣтъ на всѣ вопросы, неразрѣшенные наукой, и провозглашаетъ идею, многими мыслителями излюбленную, о воздѣйствіи загробнаго міра на нашу планету, и проявленіе этого воздѣйствія видитъ въ магнитизмѣ. «Всѣ живыя существа,—говоритъ г. Догерти,— подчинены вліянію какого-нибудь спеціальнаго магнитизма. Напримѣръ, птица, сидящая на яйцахъ, прикована къ своему гнѣзду и позволитъ скорѣе убить себя, чѣмъ сойдетъ съ нихъ, и это, благодаря силѣ извѣстнаго магнитизма. Поэтъ подчиняется невѣдомому голосу, который диктуетъ ему музыкальныя риѳмы его чудныхъ пѣсенъ. Никто не можетъ противиться мистическимъ голосамъ идеаловъ, никто не можетъ высвободиться изъ-подъ гнета физіологическаго и психологическаго магнитизма, который опредѣляетъ человѣческія симпатіи при всѣхъ условіяхъ жизни».

Многое въ книгѣ этой можетъ удивить, показаться страннымъ; но если полезно быть въ обществѣ, гдѣ поднимаютъ вопросы, возбуждающіе мысль, расширяющіе кругъ идей, то ради этой гимнастики ума съ большою пользой можно прочесть разсматриваемое сочиненіе. Тѣмъ болѣе, что мечтанія автора о томъ, куда мы идемъ, откуда пришли, — объ всѣхъ этихъ великихъ и вѣчныхъ вопросахъ,—обличаютъ въ немъ честнаго человѣка. Я говорю—мечтанія, потому что ихъ аргументація, въ противоположность всей книгѣ, грѣшитъ неясностью и туманностью. Ложные шаги, заблужденія можно простить автору за его искреннее желаніе быть добрымъ руководителемъ,—желаніе, которое бросается въ глаза.

Нѣсколько словъ о журналахъ.

Въ «Revue des deux Mondes» помѣщена автобіографія г. Максима Дюканъ. Мнѣ кажется, что мемуары имѣютъ, дѣйствительно, большой интересъ, когда принадлежатъ перу знаменитаго, выдающагося дѣятеля, который принималъ участіе во всѣхъ значительныхъ событіяхъ своего времени. Но коль скоро авторъ—только извѣстное имя, литературное, какъ въ данномъ случаѣ, воспоминанія его теряютъ цѣну. Сомнѣваюсь, чтобы публикѣ было важно знать, что Викторъ Гюго въ 1840 году призналъ г. Дюканъ поэтомъ, а Альфредъ де-Мюссе совѣтовалъ ему поработать. Наиболѣе любопытное въ этихъ мемуарахъ—это разсказъ о возвращеніи въ Парижъ останковъ Наполеона, а затѣмъ разговоръ съ рыцаремъ Фаберомъ, котораго Наполеонъ I, надѣясь на благопріятный для себя исходъ войны съ Россіей, думалъ послать къ императору Александру для переговоровъ о совокупномъ дѣйствіи противъ Англіи въ ея индійскихъ владѣніяхъ.

Статья г. Вальберъ «Англія и Индія» приводитъ курьезныя слова г. Чихачева по поводу Индіи и Алжира. «Отбросьте метрополію,—говоритъ онъ,—какъ паразита, высасывающаго сокъ изъ могучаго дерева, которое его терпитъ, и тогда все-таки британская Индія будетъ прозябать. Иное дѣло—Алжиръ; онъ обладаетъ всѣми данными, чтобы занять современемъ мѣсто среди государствъ, живущихъ собственною жизнью, безъ покровительства иностранныхъ державъ. Пользуясь обсужденіемъ бюджета въ послѣдней сессіи парламента, г. Кюшеваль Клариньи, очень компетентный финансистъ, напечаталъ критическую замѣтку о финансовомъ положеніи Франціи. Авторъ сожалѣетъ, что правительство отступило отъ выполненія предположенія Тьера, въ силу котораго ежегодно вносилось въ смѣту 200.000.000 франковъ для погашенія въ пятилѣтній срокъ долга, сдѣланнаго страной въ размѣрѣ 1-го милліарда французскому банку. Затѣмъ эта сумма должна была идти на уплату другихъ долговъ, которые, благодаря бѣдствіямъ Франціи, значительно возрасли. Банковый долгъ дѣйствительно уплаченъ, но въ болѣе долгій срокъ, чѣмъ того желалъ Тьеръ. Авторъ отмѣчаетъ неправильное распредѣленіе налоговъ во Франціи — уменьшеніе однихъ на счетъ другихъ. Онъ вмѣстѣ со всѣми признаетъ теперешнее богатство страны. Указывая на изобрѣтательность, съ которой ловкіе люди устраиваютъ на сушѣ и водѣ коммерческія общества, часто предлагающія публикѣ преміи, годныя для топки каминовъ, онъ констатируетъ фактъ грандіозныхъ денежныхъ операцій французскаго банка. Въ 1880 году цифра этихъ операцій простиралась до 10 милліардовъ.

Въ первой сентябрьской книгѣ Revue des deux Mondes читаемъ статью г. Шармера—«Сирія и Палестина». Авторъ, слѣдуя г. Ренану, знакомитъ насъ съ мѣстами историческихъ дѣйствій ветхаго и новаго завѣта. Вотъ три образчика его изысканія. Цитата объ евреяхъ-земледѣльцахъ: «Обработка земли производится самымъ несложнымъ способомъ; плугъ—часто первобытнаго типа: нѣсколько изогнутыхъ вѣтокъ и ничего болѣе.

Несмотря на элементарные земледѣльческіе пріемы, урожаи богаты и жатва обильна. «Syria quoque tenui sulco orat»,—говоритъ Плиній; вопреки этому Сирія изумительно плодоносна и хотя Іудея уступаетъ ей въ плодородіи, однако евреи съумѣли извлечь изъ нея значительныя богатства. Страстная энергія семитической расы встарину всецѣло обращалась на земледѣліе, а теперь она направилась на торговлю и банкъ. Коммерческій умъ нынѣшнихъ евреевъ не есть свойство, унаслѣдованное отъ отцовъ; этимъ послѣднимъ законъ прямо воспрещалъ заниматься коммерціей, не дозволяя, наприм., брать % съ согражданъ и проч., потому-то любовь ихъ къ благамъ міра примѣнялась исключительно къ культурѣ земли. Ошибаются, предполагая, что еврейская національность способна къ кореннымъ измѣненіямъ: въ данную минуту она направила свою дѣятельность на другой предметъ, но не измѣнила ея характера». Перехожу къ описанію г. Шармеромъ двухъ знаменитыхъ горъ: Благословенія и Проклятія. «Когда вы стоите у подошвы горы Гаризинъ, передъ вашими ногами разстилается долина, заключенная между названною горой и горою Гебалъ. Тамъ расположена Наплуза, древній Сихемъ. Видъ Наплузы живописенъ. Прежде всего вамъ бросается въ глаза, среди гигантскихъ маслиничныхъ деревьевъ, громадная казарма, гдѣ солдаты-турки набожно совершаютъ свои молитвы. Далѣе—поле, усѣянное бѣловатыми камнями, сверкающими подъ яркими лучами солнца: это—городское кладбище. Еще дальше Гебалъ покрытъ сверху до низу кактусами, которые на большомъ разстояніи кажутся виноградными лозами, но вблизи они гораздо пышнѣе и могучѣе ихъ. Городъ прислоненъ къ горѣ, которая поднимается скалистыми террасами, очень гармонирующими съ массивными домами города, похожими, пожалуй, на тюрьмы или цитадели. Соборы, минареты—и вершины нѣсколькихъ пальмъ, очень рѣдкихъ въ этой мѣстности, господствуютъ надъ этими тяжеловѣсными постройками. Городъ обнесенъ стѣной. Войдя въ него, вы очутитесь въ узкихъ, грязныхъ улицахъ, которыя были бы еще отвратительнѣе безъ ручьевъ и источниковъ, въ изобиліи орошающихъ городъ. Достопримѣчательнаго въ Наплузѣ только одна синагога съ знаменитымъ «Пятикнижіемъ», которое тамъ благоговѣйно хранится... Про Галилею авторъ пишетъ: «Насколько Іудея мрачна и сурова, настолько Галилея весела, привѣтлива, свѣтла. Все, что разсказывали о ней прошлые и современные путешественники,—ниже дѣйствительности. Несмотря на ужасающую бѣдность, созданную исламомъ, эта прелестная мѣстность сохранила видъ земнаго рая. Здѣсь все для грезъ о вѣчномъ счастьѣ, обѣщаніемъ котораго Іисусъ плѣнялъ своихъ учениковъ въ долгихъ бесѣдахъ о царствіи Божіемъ. Эздрелонская долина восхитительна; къ сожалѣнію, лѣса безпощадно вырублены и все-таки долина возбуждаетъ восторгъ. Нигдѣ, можетъ-быть, кромѣ Галилеи горы не имѣютъ такихъ причудливыхъ очертаній, а склоны—мягкихъ линій, тонкихъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ. По мнѣнію тѣхъ, кто незнакомъ съ этою обворожитель-

ною мѣстностью, г. Ренанъ описалъ ее слишкомъ нѣжными штрихами. Что значитъ эта нѣжность въ сравненіи съ неземною прелестью Галилеи»?

Если Revue des deux Mondes продолжаетъ все оставаться врагомъ орлеанизма, то Nouvelle Revue можетъ считаться органомъ Гамбетты, т. е. оппортюнизма, который—не что иное, если хотите, какъ видоизмѣненный орлеанизмъ. Своимъ значеніемъ этотъ журналъ обязанъ издательницѣ г-жѣ Adam, извѣстной въ литературѣ подъ именемъ Juliette Lamber. Рубрика «Внѣшняя политика» принадлежитъ ея перу и вполнѣ совпадаетъ со взглядами и желаніями многихъ. Характеръ этихъ обозрѣній несложенъ: платоническое нападеніе на Германію, покровительственный тонъ относительно Италіи, съ коварною улыбкой въ сторону Англіи Гладстона и конституціонной Австро-Венгріи. Собственно говоря, симпатіи автора, т. е. г-жи Adam, склоняются къ франко-русскому союзу и къ государственнымъ дѣятелямъ дня.

Издательница Nouv. Revue наставническимъ тономъ журитъ значительныя итальянскія газеты, Diritto, напримѣръ, за ихъ кокетливое заигрываніе съ Германіей, предостерегаетъ Турцію въ ея стремленіяхъ къ панславизму, поздравляетъ генерала Краусъ съ умѣньемъ, съ которымъ онъ уравновѣшиваетъ чешскую и нѣмецкую народности для вящей славы «австрійской націи».

Въ первой сентябрьской книжкѣ Nouvelle Revue помѣщена статья о Дидеро и его отношеніяхъ къ Екатеринѣ II. Въ ней описывается, какъ Дидеро во время свадьбы своей дочери продалъ государынѣ, при посредничествѣ Гримма, свою библіотеку за 15.000 рублей и затѣмъ получалъ ежегодно пенсію въ 1.000 р. подъ благовиднымъ предлогомъ пополненія этой библіотеки. Далѣе описывается поѣздка Дидеро въ Петербургъ, которую онъ предпринялъ съ цѣлью лично благодарить свою высокую благодѣтельницу. Упоминается о той вольности языка, которую Дидеро позволялъ себѣ въ обращеніи съ императрицей,—вольности, вызвавшей насмѣшки Фридриха II, нетерпѣвшаго Дидеро, который платилъ ему тѣмъ же. Возвратившись на родину, Дидеро составилъ записку, озаглавленную такъ: «Записка, посвящаемая императрицѣ россійской по возвращеніи изъ путешествія въ Петербургъ». Записка эта была найдена въ Парижѣ и куплена однимъ библіофиломъ вмѣстѣ съ ворохомъ старыхъ бумагъ. Въ ней Дидеро даетъ нѣкоторые совѣты императрицѣ, которая, какъ видно изъ ея переписки съ Гриммомъ, нашла ихъ вздорными.

На страницахъ Revue Britannique (іюль) помѣщенъ критическій этюдъ г. Орсэ по поводу книги маркиза Кастанья о современной соціальной неурядицѣ, «Del presente dissesto social». Авторъ этой книги считаетъ Ж. Ж. Руссо истиннымъ носителемъ идеи «народовластія» и по этому поводу приводитъ выдержку изъ Тэна; въ ней говорится о тѣхъ 20 мил. людей, которые въ 1789 году вмѣсто того, чтобъ исправить соціальный порядокъ,

разрушили его, а потомъ создали новый, придерживаясь отчасти плана стараго строя. Маркизъ Кастанья считаетъ коллективизмъ поновленною доктриной Бабёфа и цитируетъ слова Мадзини, сказанныя имъ въ 1871 году: «Я не уважаю нынѣшнее поколѣніе: оно лишено вѣры, отрицаетъ Бога, безсмертіе, любовь; все, что есть у людей прекраснаго и святаго, всѣ лучшія, высокія традиціи—отъ Прометея до Христа, отъ Сократа до Кеплера—повергнуты имъ во прахъ передъ идеями Конта и Бюхнера». Маркизъ Кастанья указываетъ далѣе на опасность, которою угрожаетъ Италіи нарождающееся аграрное движеніе, и привѣтствуетъ Францію за ея разумныя поземельныя отношенія; онъ вѣруетъ въ будущность рабочихъ союзовъ этой страны, учреждаемыхъ съ цѣлью задержать развивающееся господство капитала. Такія рабочія ассоціаціи, по его мнѣнію, обезпечатъ первенство французской промышленности, что окажетъ вліяніе и на ея политику. Разсматриваемая книга заканчивается слѣдующими словами Фихте: «Христіанство, которое до настоящаго времени вліяло только на отдѣльныя лица, явится внутреннею силой всего соціальнаго строя».

W**

Парижъ 1881 г.
2/14 сентября.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

XVII. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:

Результаты выборовъ.—Вопросъ о составѣ министерства.—Настроеніе деревни.—Положеніе г. Гамбетты.—Открытіе въ Нейбургѣ памятника Дюпонъ-де-Лёръ. — Развитіе выборнаго начала. — Проектъ учрежденія земледѣльческихъ комитетовъ.—Вопросъ о несмѣняемости судей.—Тунисскія дѣла.— Конференція г. Поля Беръ.—Книга г. Догерти: «Природа и человѣкъ».—Журналы: Revue des deux Mondes, Nouvelle Revue и Revue Britannique.— W***. 164

Въ конторѣ журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ находится складъ слѣдующихъ изданій В. М. Лаврова и В. А. Ѳедотова:

Ф. Д. Нефедова—«Очерки и разсказы». Изд. 2. Москва. 1878 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Кондратовича Людвига (В. Сырокомли) — «Избранныя стихотворенія». Т. 1. Москва. 1879 г. Цѣна 2 р.

Кромѣ того: «Мессалина». Драма Пьетро Косса. Пер. въ стихахъ Ал. Аксакова. М. 1880 г. Цѣна 1 р.

Новыя стихотворенія Л. И. Пальмина. М. 1881 г. Цѣна 50 к.

Л. И. Пальмина — «Сны на яву». Собраніе стихотвореній. Изд. 2. Москва. 1881 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Подписчики *Русской Мысли* пользуются при покупкѣ этихъ изданій уступкой 20%.

Къ сей книгѣ прилагается для всѣхъ подписчиковъ объявленіе англійскаго агентства А. Л. Штуммеръ, въ Москвѣ.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

выходящій ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 35 лист.

Открыта подписка на 1882 годъ (третій годъ изданія).

Условія подписки:

	Годъ:	6 мѣсяцевъ:	3 мѣсяца:	1 мѣсяцъ:
Безъ доставки	15 р.	8 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 р.	8 р. 50 к.	4 р. 50 к.	2 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города .	17 р.	9 р. — к.	5 р. — к.	3 р. — к.
За границу	19 р.	10 р. — к.	7 р. — к.	3 р. — к.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЮ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—**въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, д. Дрезенейеръ,** и въ отдѣленіи конторы—**на Петровкѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, № 61.**

Гг. иногородніе просятъ деньги высылать исключительно въ *контору*.

ЗА ПОДПИСКУ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ РЕДАКЦІЯ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ.

Контора открыта ежедневно отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ дня.

Подписка на 1881 годъ продолжается.

Оставшіеся экземпляры изданія прошлаго 1880 года продаются по 8 рублей, а съ пересылкой—по 10 рублей за годъ.

О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ нумеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные—недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію не иначе, какъ съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По разсмотрѣніи почтоваго изъясненія, жалобы должны быть сообщены редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ *часа* до *трехъ* пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ адресовать ихъ **исключительно** секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія расчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, не помѣщенныя въ журналѣ не возвращаются, сохраняются редакціей въ продолженіе года, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ которыхъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

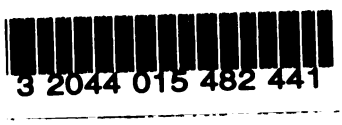
Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

По всякаго рода запросамъ редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Принимаемыя для помѣщенія въ журналѣ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

Редакторъ **С. А. Юрьевъ.**

Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**



3 2044 015 482 441

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

STALL-STUDY CHARGE

STALL-STUDY CHARGE

CANCELLED

OCT 25 1983